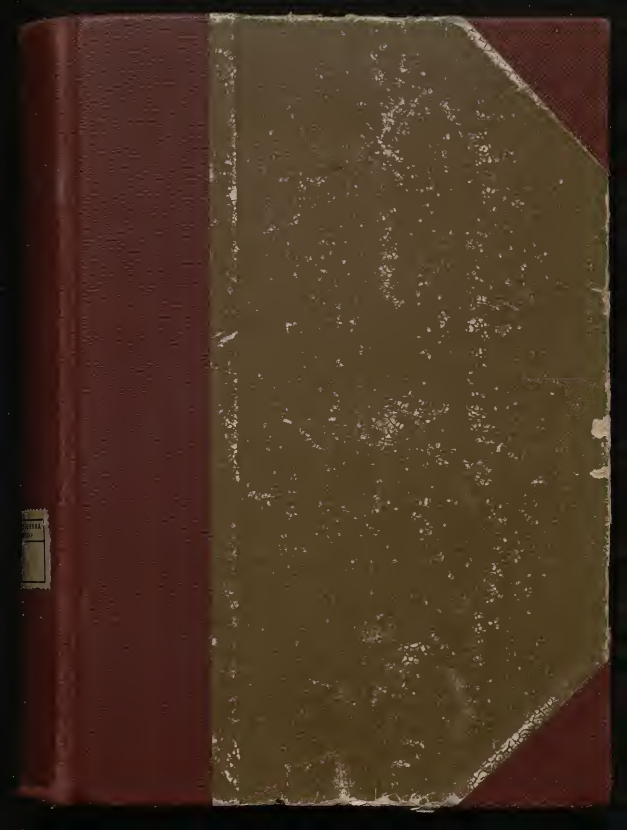


А. ШЛЯПНИКОВ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

КНИГА 4

1931

Государственное социально-экономическое издательство

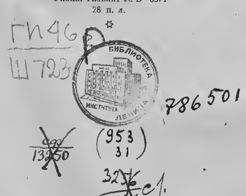
А. ШЛЯПНИКОВ

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОД

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в 8-й тип. Мосполиграф,
улица Фридриха Энгельса, д. 46
в количестве 5.000 экземпл.
Уполн. Главлит № Б—6574
28 п. л.



1

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ

Мирная политика Петроградского совета и тревога буржуазии

Февральская победа восстания рабочих и солдат, освободившая страну от царизма, вызвала переполох во всех буржуазных странах. Особенно близко к сердцу приняли падение царизма представители англо-французского капитала, лишившиеся весьма послушного соратника в империалистической войне. Английский министр Бонар-Лоу уже после отречения Николая II выражал ему симпатии и признательность господствующих классов своей страны. Такие же знаки почтения и внимания к душителю русских рабочих и крестьян выражал и представитель Франции г. Рибо. Вместе с этими приветствиями и сожалениями о падении варварского царизма представители «союзных» правительств с первых же дней революции начали выражать свои опасения по поводу «гибельного влияния» революции на ведение войны.

Начавшаяся в нашей стране открытая борьба за прекращение войны еще более усилила тревоги союзных правительств. Требования прекращения войны, шедшие со стороны рабочих и солдат, становились с каждым днем все настойчивее и энергичнее, заставляя всех сторонников войны, начиная от Временного правительства и кончая социалистами-оборонцами, объявить себя сторонниками мира. Пропаганда идеи прекращения войны снизу, т. е. путем восстания самих воюющих народов, которой занималась наша РСДРП(б), вызывала сочувствие в передовых рабочих кругах, а также и в той солдатской среде на фронте, которой она несла сохранение жизни и избавление от нечеловеческих тягот окопной борьбы. Наша с.-д. большевистская пропаганда всегда подчеркивала, что мир, столь желанный миллионам солдат и рабочих во всех странах, может притти лишь в борьбе с военной политикой буржуазных правительств, а поэтому наша партия всюду выдвигала на первый план массовое действие против войны. Мысли о братании и борьбе против войны на самом фронте, брошенные и развитые нашей партией еще в первые недели революции, были встречены командными кругами враждебно с обеих сторон проволочных заграждений.

Жажда мира однако была столь сильна, что даже социалисты-оборонцы вынуждены были стать на путь пропаганды мира, чтобы окончательно не потерять доверия «демократии». Но в своей пропаганде мира они решительным образом боролись с нами, социал-демократами большевиками. Они были против братания, они были за поддержку союзников и против «сепаратного мира» с Германией, а на деле их пропаганда являлась наглым обманом солдат и рабочих, прикрывавшим империалистические вожделения союзной и русской буржуазии.

Мирная кампания Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов нашла живой отклик во всех социалистических кругах Европы, особенно активный среди тех, которые не приняли войны и не тащились за ее колесницей. Все союзные правительства, начиная от нашего Временного правительства и кончая самым малым союзником, быстро учли угрожавшую им опасность, сговорились и направили в нашу страну своих агентов-социалистов, сторонников войны. Основной задачей поездок в Россию таких правительственных агентов являлась борьба с с.-д. большевистской пропагандой и мирной политикой Совета, вынужденного давлением масс итти в сторону окончания войны.

Конец марта и начало апреля ознаменовались целым рядом манифестаций «международной солидарности» чрезвычайно однобокого характера. В нашу революционную столицу прибывали «приветствовать» революцию различные большие и малые вожди официальных социалистических партий. Первым побывал у нас Яльмар Брантинг, вождь шведской социал-демократии. Он был сторонником стран Согласия (Антанты) и предостерегал нашу «революционную демократию» от таких шагов, которые могли бы принести ущерб «англо-французской» демократии. Вслед за Брантингом спешил в Питер датский социалист Боргбиерг, ориентировавшийся на центральные державы. Долгое время Временное правительство не пускало его в Россию и въезд был ему разрешен лишь благодаря особому ходатайству социал-патриотов.

Английское и французское правительства, по соглашению со ставкой верховного главнокомандующего русскими армиями, послали для борьбы с мирной политикой Совета и пропагандой социал-демократов большевиков особые делегации, составленные из представителей социалистических партий и профессиональных союзов.

Французское правительство снарядило для этой цели социалистов-патриотов: Муте, Ляфона, М. Кашена (см. о нем примечание на стр. 8), а также и Альберта Тома. Английское королевское правительство послало к нам Сандерса, О'Греди и Уильтона. 5 апреля вся эта кампания представлялась Временному правительству. От имени английской делегации выступил Сандерс и сказал:

«Мы, члены, английской делегации, являемся представителями не только организованных в тред-юнионы рабочих, но всех вообще рабочих армий. Мы приехали приветствовать вас от имени английских рабочих и всего демократического населения Англии. Мы рады, что английская демократия может соединиться с демократией России, уничтожить в будущем всякую возмож-

ность войны. И еще я хочу прибавить, что эту войну мы будем вести ради идей демократии и свободы. Мы хотим передать вам мнение рабочих Англии, которые думают, что настоящая ужасная война должна окончиться только одним способом: окончательным поражением тех сил, которые уже ниспровергнуты в России и которые должны быть ниспровергнуты всюду,— тех темных сил, которые порабощают Бельгию, Сербию и Румынию. Английские рабочие проливают свою кровь и отдают свои труды не для идей завоеваний и порабощения, а для идей свободы, для демократизма. Нам отрадно, что в этой борьбе демократия Англии идет рука об руку с демократией Франции, России и Америки».

За ним выступил от имени французской делегации М. Муте:

«Приветствуя Временное правительство от имени демократии Франции, мы выражаем этим мнение всего французского народа. Свободная демократическая Франция в союзе со свободной демократией России должна будет бороться до конца, до победы над милитаризмом, за свободу всех народов и уничтожение войны на земле».

От имени Временного правительства по существу выраженных делегациями тревог, пославших их хозяев всем отвечал П. Н. Милюков:

«Мы понимаем, что в момент революции, в момент коренной ломки всего старого строя внутри России у вас могла зародиться тревога—не ослабнет ли у нас, ваших союзников, сила сопротивления. Поэтому мы особенно благодарны вашему приезду и вашему заявлению, что вас не смущает тревожное время, переживаемое Россией. Я прошу вас, возвратившись к себе на родину, передать, что свободная Россия стала вдвое сильнее, что благодаря демократизации всех ее учреждений она вынесет все невзгоды, связанные с военным временем, что, несмотря на переворот, мы сохранили главную цель и смысл этой войны. Мы можем с уверенностью сказать, что Временное правительство еще с большей силой будет добиваться уничтожения германского милитаризма, ибо наш идеал в том, чтобы уничтожить на будущее время какие бы то ни было войны. Теперь наша задача—сорганизовать силы обороны, потрясенные революцией. Мы это делаем, и мы с двойной силой готовы встретить врага, уверенные, что наша победа приближается».

Но уже в те дни у Временного правительства не было единства взглядов и поэтому с дополнением Милюкову выступил и А. Ф. Керенский, приветствовавший делегатов от имени русской демократии и социалистов и заявивший:

«Вы должны знать, что русская демократия в настоящее время—хозяин русской земли. Мы решили раз навсегда прекратить в нашей стране все попытки империализма и захвата, ибо мы, русские демократы, не хотим порабощений, не хотим никаких захватов. Мы служим идее равенства и братства всех народов. Вы должны знать и верить, что тот энтузиазм, которым охвачена русская демократия, проистекает не из каких-либо частичных (идей) даже не из идеи отечества, как понимала эту идею старая Европа, а из тех идей, которые заставляют нас думать, что мечта о братстве народов всего мира претворится скоро в действительность, что близок уже миг, когда все демократии мира поймут, что между ними нет вражды и не может быть вражды.

Мы, русские демократы, до конца будем стоять на тех позициях, которые высказаны в декларации Временного правительства о целях войны и в декларации к народам всего мира Совета рабочих депутатов. Мы никогда и ни в каких условиях не допустим вернуться к старым захватным задачам войны. Мы просим вас передать о подлинных чувствах русского народа и русской демократии французским и английским рабочим и вашим правительствам. Мы просим вас верить, что интересы французской и английской демократии дороги русскому народу, и мы ждем от вас, чтобы вы оказали на остальные классы своих государств такое же решающее влияние, которое мы здесь, во внутренней России, оказали на наши буржуазные классы, заявившие ныне о своем отказе от империалистических стремлений».

На другой день обе указанные делегации пришли в Таврический дворец на заседание Исполнительного комитета. Это было уже на третий день после окончания Всероссийского совещания, на котором было выбрано еще человек 50 новых членов ИК и общее количество членов ИК превышало 90. Собрание было весьма многолюдное, но приходится сожалеть, что протокольная запись велась так неряшливо, что ход заседания расшифровать весьма трудно. Однако это заседание имело необычный характер, оно сохранилось в моей памяти настолько живо, что общую картину и ход прений восстановить можно.

Первым выступил депутат-социалист М. Кашен, заявивший о желании обеих делегаций познакомиться с резолюциями только что закончившегося Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Делегатов особенно интересовала резолюция о войне. Председательствовавший на заседании ИК Н. С. Чхеидзе попросил приехавших сообщить ИК о целях их приезда в Россию. На этот запрос за всех отвечал М. Кашен. Он заявил, что все они приехали в Россию не говорить, а выслушать, и решительно запротестовал против появившейся тогда в шведских газетах информации о целях их поездки. М. Кашен всячески защищался от обвинений со стороны шведской с.-д. (левой) печати, разоблачившей тогда правительственный характер их путешествия. Действительная задача их приезда, по словам М. Кашена, заключалась в желании видеть видоизменения, произведенные революцией. Для них интересно было наглядно видеть работу демократии на деле. Перейдя к вопросам политики и указав, что вопросы внутренней политики тесно сплетаются с внешней политикой, М. Кашен выразил пожелание, чтобы русские социалисты пошли навстречу французским социалистам, так как последние желают согласовать свои действия с русскими. При этом он указал, что было бы очень печально, если бы мы оказались в оппозиции друг к другу и наши стремления были бы взаимно парализованы. Чтобы избежать последнего, они считали крайне важным выработать вместе с русскими социалистами общую линию поведения как во внутренней, так и во внешней политике. Далее он же сообщил, что делегаты ознакомились с русскими документами и резолюциями и убедились, что по всем основным вопросам, в особенности же по вопросу о войне, они согласны и находят, что решения Совещания вполне соответствуют основным принципам французской революции.

Касаясь требований отказа от аннексий, М. Кашен заявил, что они уже добились от своего правительства отказа от захватов и рассматривают войну как защиту страны, как войну против захватов. В резолюциях нашего Совещания советов они видели лишь подтверждение принципов, высказанных ими своевременно на партийных съездах и в прессе. Принцип освобождения народов они понимают не только по отношению к тем народам, которые потеряли свои свободы под влиянием победы Германии, но и по отношению к тем, которые потеряли их прежде. По их

мнению, все союзные державы под влиянием демократии приняли эту точку зрения.

По вопросу об отношении Советов к Временному правительству М. Кашен сказал, что в резолюции о поддержке правительства они находят подтверждение их собственной тактики по отношению к своему правительству, которая включала принцип условной поддержки постольку, поскольку правительство не шло вразрез с требованиями демократии.

Для них была интересна не только резолюция о Временном правительстве, но также и то, как осуществляется воздействие Совета на Временное правительство и как мы организовали свои силы в стране. Интересовал их также и вопрос об угрозе контрреволюции. Но особенно долго остановился М. Кашен на вопросе об отношении свободной России к войне, а также и на понимании характера современной войны.

«Вы, социалисты, против войны, но как вы представляете себе условия, которые приведут к наступлению мира, если со стороны противника вы не встретите поддержки?—спрашивал М. Кашен.—Мы гораздо более скептически относимся к германским социал-демократам. В свое время мы обращались к германским социал-демократам с призывом, но благоприятного ответа не получили».

Этот опыт заставляет французских социалистов иначе относиться к утверждениям о революционном движении в Германии. Они не верили в возможность революционного движения в Германии в связи с воззванием Совета «К народам всего мира» от 14 марта.

Французов и англичан весьма смущал лозунг мира «без аннексий и контрибуций». М. Кашен особенно просил разъяснить им, как следует понимать «мир без аннексий и контрибуций». Они принимали без спора первую часть этой формулы—«мир без аннексий», но не понимали второй ее части—«без контрибуций». Если под словом контрибуция понимать возмещение военных расходов, то это приемлемо. Во Франции лишь небольшая часть реакционеров стоит за контрибуцию в таком смысле. Они также против навязывания коммерческих договоров побежденной стороне и не хотят превратить побежденные страны в колонию. Но как быть со странами, подвергшимися нашествию, разорению? Третья часть Франции, вся Бельгия и Сербия заняты немцами и разорены. Восстановление разрушенной промышленности, земледелия вызвало бы расходы от 5 до 10 млрд. франков. Согласно закону, во Франции необходимо всем лицам восстановить разрушенные немцами дома, заводы. Россия пострадала меньше (окраины), и делегаты опасались, чтобы не забыли тех, кто больше пострадал—французский пролетариат. Далее М. Кашен нарисовал картину ужасных разрушений, и заявил, что они репрессий не хотят, но находят, что расходы на восстановление разрушенных областей не должны пасть на плечи потерпевших бельгийцев, французов, сербов и др., а лечь на спину германских стран, которые в этом повинны. Русская революция создает очень выгодные условия; опираясь на ее силы, они должны будут давить на свои правительства, но они должны получить ответ на вопрос

о возмещении, и тогда им будет легче бороться. Они полагают, что демократия должна будет установить контроль внешней политики и после войны. Жорес всегда протестовал против тайной дипломатии, но тогда в Европе не было реальной силы. Только ныне они ее видят в лице русской революции, и Россия должна быть пионером в демократизации внешней политики. В этом они видят задачу завтрашнего дня.

Таково было, в основном, содержание речи М. Кашена [1]. Во время речи Кашену был поставлен ряд вопросов мною и меньшевиком Гриневичем. Ответы на них, в частности по вопросу о борьбе за прекращение войны, М. Кашен дал в своей речи. По окончании его речи поставили вопрос о том, обсуждать ли его доклад или же перенести ответ делегатам на особое «частное» совещание. Все оборонцы стремились снять с обсуждения поставленные французами вопросы и перенести спор, вернее сговор с ними, на «частное совещание». Но против этих предложений выступили все социал-демократы—большевики, меньшевики, интернационалисты, а также и эсеры-интернационалисты. Общими силами нам удалось склонить большинство на обсуждение, о чем и было принято постановление:

«Выслушать все интересующие французов вопросы, сформулировать их и дать коллективный ответ после обсуждения в ИК. Кроме того, по желанию гостей устроить и частное совещание. Ввиду выраженного товарищами желания получить разъяснение по некоторым резолюциям, откомандировать какого-нибудь товарища для разъяснений».

После М. Кашена выступил Ляфон и говорил об отсутствии правильных сведений о положении дел в России, что ставило их в трудное положение, ибо они не могли дать ответа на ряд вопросов, которые им ставили во Франции. Их интересовали вопросы о том, что сделано в смысле распространения идеи манифеста «К народам всего мира». Им известно, как идет организационное строительство русской демократии. Но особенно интересовало их, каково положение с организацией обороны. Этим они интересовались как представители народа, так как французы больше всех страдают от войны. Все буржуазные органы печати искажают положение дел в России и им приходится восстанавливать истину; только от них—социалистов—можно узнать правду. Затем Ляфон сказал, что делегатам необходимо больше узнать, что делается у нас, чем нам (русским)—у них. Подчеркивая важность организации осведомления, Ляфон отметил, что русская революция имеет много сторон, разъяснить которые можем только мы, в частности формы строительства новой демократии.

После Ляфона слово было предоставлено мне. Свою речь я начал с критики состава самой делегации, заявив, что она не может считаться представительницей революционных пролетариев-социалистов Франции, а представляет лишь часть французских прави-

---

[1] На конгрессе Французской социалистической партии в Туре в 1920 году произошел раскол между большинством и меньшинством съезда. Большинство постановило присоединиться к Коминтерну. В числе делегатов в Москву был избран М. Кашен, ставший коммунистом. *А. Ш.*

тельственных социалистов. Среди приехавших делегатов не было ни одного представителя социалистов меньшинства, борющегося против войны. В качестве довода я использовал полученное из Парижа письмо сторонников меньшинства, заявлявших о своих несогласиях с военной политикой социалистов большинства. Это письмо мне привезли приехавшие делегаты; за чьими подписями оно было—не помню. В протоколе сохранилась лишь весьма неточная запись на слух, в вольном переводе, но из этой записи видно, что социалисты из оппозиционного меньшинства имели за собой половину организованных социалистов во Франции и стояли за объединение Интернационала. Эти факты показывали, что внутри французской социалистической партии нет единства, а приехавшие, воспользовавшись привилегиями, предоставленными им правительством, не могут считаться подлинными выразителями рабочих и социалистических организаций и поэтому не заслуживают доверия.

Затем я перешел к доказательству того, что не социал-патриоты давят на свое правительство, а оно держит их в плену. Что война ведется не во имя торжества демократии и цивилизации, а ради захвата рынков. Что за время войны в самой Франции, под видом «национального единения», господствует невиданная реакция. Для иллюстрации «демократических» побед во Франции я продемонстрировал перед делегатами и членами ИК несколько номеров издававшейся в Париже газеты «Наше слово» интернационалистского направления, которые имели $^{3}/_{4}$ пустых, изъятых цензурой мест. Эта демонстрация «свободы печати» произвела на членов ИК большое впечатление и смутила присутствовавших представителей «западной цивилизации».

Третьим пунктом моего выступления было обвинение французов из социалистического большинства в том, что они являются виновниками обмана рабочих и пособниками буржуазии в войне народов. Коснулся и их целей приезда—именем социализма подогнать русские армии в наступление, что также свидетельствовало о том, что они защищают интересы не рабочих, а буржуазии.

С ответом на мою речь выступил сначала Муте, заявивший, что он привез все партийные постановления, показывающие, что единство в организациях существует полное. Единство было при голосовании кредита на войну. Раздвоение наблюдалось в 1916 г. Муте решительно возражал против ответственности Франции за войну, ссылаясь на речи Жореса и на все его попытки предотвратить войну. Он выражал надежду, что на почве решений Совета можно сойтись и сговориться. Они, французские социалисты, готовы усилить свое воздействие на правительство, но делегаты должны знать ясно и точно, чего хотят русские, и тогда успехи русской революции закрепятся и вне России.

После Муте выступил один из представителей английской делегации,—кто именно, теперь не помню. Он начал свою речь сожалением, что не говорит ни по-французски, ни по-русски. Приехал уполномоченным от английской рабочей партии и комитета тред-юнионов. Первая его задача—передать поздравления Советам рабочих и солдатских депутатов и выразить радость, что револю-

ционное движение шло так удачно. Вторая задача—привезти в Англию общее впечатление обо всех событиях, а также передать о том, как смотрит русская демократия на войну—и не только на войну, но и на последствия войны, на организацию Европы после войны. От имени комитета тред-юнионов он передал приглашение послать представителей русских организаций на конгресс тред-юнионов, который должен был состояться в первую неделю сентября в Бристоле. На конгрессе будет обсуждаться вопрос об отношении тред-юнионов к войне, и он считал, что было бы очень важно, чтобы там были высказаны мнения русских рабочих. На многих собраниях обсуждался вопрос о мире и войне, и все партии пришли к одному заключению: пока Бельгия и часть Франции находятся в руках Германии, вопрос о мире не может обсуждаться. До тех пор, пока часть Европы находится в распоряжении Германии, мира быть не может. Только после разрушения германского империализма может итти речь о мире; данных, говорящих о том, что германский народ подготовляется к революции, как Россия, нет, поэтому вопрос о мире решен быть не может. Английское королевство достаточно велико, и ему не нужны территориальные завоевания. Вопрос об аннексиях связан с вопросом о порабощении, и таких целей Англия не преследует.

После англичанина я вновь прошу слова; мне разрешили только предложить вопросы делегатам, а просьбу о предоставлении слова занесли в очередь. Вопросы я постарался использовать в целях разоблачения лжи этих делегатов и их милитаристской позиции. Я попросил дать разъяснения на следующие три вопроса:

1. Мы слышали, что обе делегации говорят от имени рабочего класса, но почему же среди них нет представителей от той части французских и английских рабочих, которые стоят в оппозиции к изложенным прибывшими представителями взглядам?

2. Как смотрят делегации на освобождение колониальных народов, эксплоатируемых капиталистами их стран? Делегаты французские и английские говорили об освобождении всех народов. Что же они думают делать с Конго, Марокко, Ирландией, Индией и другими колониями? Ведут ли они борьбу за освобождение народов этих колоний?

3. Делегаты-французы ссылались на Жореса, как на первого борца с тайной дипломатией, мы хотели бы узнать их мнение о том, будут ли они добиваться опубликования всех договоров, заключенных между французским правительством и русским царизмом?

На все вопросы, заданные мною, ответ дал Ляфон, заявив по первому, что отсутствие представителей меньшинства не является актом преднамеренным.

«Вы, русские люди, интересуетесь знакомыми по личным связям, но среди меньшинства не нашлось ни одного, желающего поехать».

Далее Ляфон признал, что полного единства среди французских социалистов конечно нет, но связь все же довольно крепка, и они желают и нам от всего сердца такого же согласия.

Посланный общий привет—лучший показатель этого согласия. У социалистов нет обычая непременно во всем быть согласными.

Прямого ответа на второй вопрос—о борьбе за освобождение колоний—Ляфон не дал и занялся словесной эквилибристикой.

«Шляпников говорил об освобождении колоний, но связан ли этот вопрос с войной и следует ли его понимать так, что не нужно освобождать Сербию и Бельгию до тех пор, пока Марокко, Конго и другие колонии не будут освобождены? Все французские социалисты против колониальной политики, но они не могут их освободить, они не хозяева положения. Они согласны с тем, что европейские державы не должны угнетать свои колонии. Но теперь дело идет о европейских государствах, которые попали в порабощение благодаря войне. Все французские социалисты действуют в определенном направлении, и Муте всегда выступает защитником угнетенных народов. Недавно он выступал в Алжире. Одним словом, мы находимся в таком плачевном положении, в каком вы, русские социалисты, очутитесь завтра, когда станете лицом к лицу с судьбой порабощенного народа».

По третьему вопросу о борьбе с тайной дипломатией.

«Этот вопрос для французов стар. К сожалению, после разгрома Франции Пруссией (1871 г.), она попала под влияние реакции. Теперь, когда русская революционная демократия может взять судьбу своего положения в свои руки, задачи французских социалистов упрощаются и облегчаются. Нам будет легче добиться уступок в смысле демократизации внешней политики. В частности, что касается до опубликования тайных договоров, они этого требовали и дальше будут требовать».

Затем Ляфон попытался объяснить гонения французской цензуры на выходившую в Париже газету социал-демократов интернационалистов «Наше слово» сообщением, что французская военная цензура не делала различий между газетами различных национальностей. Социалисты депутаты обращались по этому поводу к французскому правительству, но последнее находилось под давлением Извольского, угрожавшего, что Россия не будет воевать. Политика Извольского—шантаж. Извольский поддерживал Константина против Венизелоса. Этот шантаж продолжается. Но французское правительство поддерживало русских революционеров, многим выдавало французские паспорта.

После Ляфона выступил еще один англичанин, начавший свою речь с заявления, что английский народ не может допустить, чтобы народы управлялись чуждыми правительствами, и перешел затем к указанию на огромную важность посылки делегатов от Совета на сентябрьский конгресс тред-юнионов. На этом конгрессе будут представлены 3 млн. организованных рабочих. До войны на конгрессах принимали участие представители рабочих организаций различных стран, в частности и от Германии, но теперь во время войны немецких делегатов больше не приглашали.

Далее делегат перешел к вопросу о войне и взаимоотношениях Англии с ее доминионами: ввиду того, что Германия не считалась со святостью договоров, Канада признала необходимым вести борьбу за национальную независимость и добиться обязательного соблюдения договоров. По его мнению, победа Германии была бы большим несчастием и уничтожением всей Европы, поэтому нужно бороться до полной победы, до конца.

С ответом на поставленные мною вопросы выступил третий английский делегат, заявивший, что в Англии принято, что меньшинство подчиняется большинству. Меньшинство же имеет при-

вилегию: ему предоставляется право задавать вопросы. Всякий представитель во всяком заседании и собрании есть представитель большинства.

Англия состоит из многих наций, имеющих свои языки, религии. Наш идеал—создать федеративное государство, в котором могли бы свободно развиваться все народы. Вопрос об Индии самый сложный: в Индии сотни языков, сотни религий, обычаев. Каждая группа, племя обычно чуждаются другого. В Индии имеется несколько организаций, а во главе стоит собственное правительство, которое управляет в совете с англичанами. Управление племенами построено совершенно своеобразно, и из всех организаций только одна поддается демократизации. Англии там верят, и она много делает для воспитания свободных граждан в Индии. Англичане ввели там бесплатную обязательную грамотность, уже в 1808 г. были сделаны первые шаги к самоуправлению.

«Прошу товарищей верить, что как только Индия будет подготовлена к самоуправлению,—оно будет ей дано».

Вопрос о самоуправлении Ирландии приостановлен только на время войны. После войны Ирландии будет предоставлено полное самоуправление. В Ирландии были разногласия между Севером и Югом, но обе части пришли к соглашению, и английское правительство прилагает все усилия, чтобы это соглашение осталось и после войны. На борьбу с тайной дипломатией мы все согласны. В Англии будет образован еще во время войны комитет по иностранным делам, как и во Франции. Уничтожения тайной дипломатии требуют не только рабочие, но и средний класс Англии[1].

Посещение иностранными социалистами ИК против воли социал-демократов оборонцев закончилось совершенно нежелательной для них дискуссией. Содержание бесед с иностранными гостями опубликовано не было. Лично я должен был сделать это для нашей «Правды», но через день или два после этого был контужен и на некоторое время выбыл из строя, попав в госпиталь.

После совещания с иностранными делегатами в ИК все переговоры велись представителями социал-патриотов в «частном порядке». ИК так и остался неизвестным тот «коллективный ответ», который было постановлено дать социалистам Франции и Англии. Переговоры и сговоры происходили также и в Отделе международных сношений ИК, организованном незадолго до этого.

В те же дни (начало апреля) прибыла телеграмма Бернской комиссии (Кинтальской), предлагавшая, в ответ на воззвание Совета к народам всего мира, свою помощь в деле созыва международной конференции социалистов, противников войны.

Вскоре после приема ИК английской делегации из самой Англии были получены сообщения, разоблачавшие самозванный характер делегации, а также и ее непосредственную связь с прави-

---

[1] См. Дело «ИК Петроградскаго совета Р и СД. Протокол заседания 6/IV 1917 г.», № 23. Архив Октябрьской революции. В сборнике протоколов не опубликован.

тельством. Вопрос об этой делегации рассматривался в заседании ИК от 13 апреля. По этому случаю было вынесено решение— напечатать о том, что ИК сожалеет, что вступил в сношения с делегатами, осужденными двумя социалистическими партиями. Возмущение социал-демократов меньшевиков и социал-революционеров оборонцев было огромное, но все-таки постановление ИК напечатано не было. Закулисные сделки обязывали социал-демократов меньшевиков и социал-революционеров скрывать от русских рабочих этот факт, разоблаченный нашей газетой «Правда».

Альберт Тома и революция

На заседании ИК от 25 апреля было зачитано письмо Альберта Тома, в котором он просил о приеме. Вопрос был поставлен на голосование и большинством, 27 голосами против 12 при 4 воздержавшихся, ему был назначен прием на 29 апреля. Против приема и разговоров с А. Тома голосовали все социал-демократы большевики и некоторые интернационалисты-меньшевики.

Прием А. Тома состоялся, и речь, сказанная им, сохранилась в протоколе ИК от 29 апреля почти полностью, но без всякого постановления по заслушанному.

Встреча вылилась в «дружескую» манифестацию соглашателей, уже забывших свое недавнее негодование по поводу первого, еще при царизме, приезда А. Тома в Россию, не пожелавшего встретиться со своими «духовными» братьями по социал-предательской деятельности, руководителями «военно-промышленного» социал-патриотизма в нашей стране.

В этот раз А. Тома также приезжал с поручениями от своего правительства, но у власти была теперь не помещичья и спекулятивно-дворянская камарилья, у которой тогда он имел успех, а те самые социал-патриоты, с которыми в то время он избегал встречи, чтобы не огорчать царскую власть.

Привожу полностью ту часть протокола, которая содержит описание приема. В изданном Центрархивом собрании протоколов этого заседания нет.

«Прием Альберта Тома.

Председатель приветствует Тома и выражает надежду, что французские социалисты будут содействовать скорому окончанию войны на условиях, формулированных в воззвании Совета к народам всего мира.

Тома благодарит за приглашение; он говорит, что в полной мере в громадной роли и силе Совета он убедился только по приезде в Россию. Цель его посещения—высказаться по ряду вопросов, которые волнуют не только русских, но и социалистов всего мира. Он надеется, что ему удастся показать всю трудность положения французских социалистов и найти понимание и сочувствие в русских товарищах. Приехал он в Россию с миссией от правительства принести привет новой России и с некоторыми военными целями. Вопрос об обмене войсками, вопрос о выяснении условий, при которых война может продолжаться, входили в программу его посещения. Незадолго после начала русской революции стал поступать от французского посла ряд беспокойных телеграмм. Тревога во Франции росла, и правительство решило его послать. Результатом, в первую голову, было смещение Палеолога, но официальными рамками он не может ограничить свои задачи; как социалист он хочет присмотреться ко всему совершающемуся, в особенности к настроениям и деятельности органов революции, как Совет. Его интересует, как смотрит

Совет на обязательство и договоры, прежде заключенные между Россией и союзниками. Предварительно он хотел бы познакомить собрание с тем, что пережила Франция в течение настоящей войны. Когда началась война, французы убедились в громадной силе германского милитаризма, и все надежды возлагались на Россию. Вначале жили еще мифами. Говорили о громадной славянской силе, которая в нужную минуту придет на помощь, но постепенно убеждались, что старый режим был беспомощен оказать ее в надлежащей мере, приписывали ее слабость германофильскому влиянию Штюрмеров, императрицы, и это вызвало неоднократные визиты и посылки специальных миссий. Постепенно приходили к убеждению, что настоящая помощь может притти лишь с освобождением России, с момента свержения старого режима. Но вот пришла наконец и долгожданная русская революция, а помощь Франции, «нужно это прямо сказать», свелась к нулю. Франции приходится теперь, как никогда, нести все тяготы войны, у французов все больше и больше растет недоумение и беспокойство. Нет сомнения, что старые демократии, к которым принадлежит и французская, не понимают многих слов, которые вы произносите; в вашей формуле «мир без аннексий и контрибуций» их поражает ее, так сказать, негативный характер. Им оно представляется, как голое отрицание войны. Они не понимают, что в этой формуле вложено глубокое отрицание старого режима. С другой стороны, видя, что западные демократии не стоят на почве этих лозунгов, вы им приписываете империалистические задачи. Подобно тому как Тома ставит себе задачей разъяснить своим согражданам глубокое революционное значение тезисов Советов, он хотел бы рассеять и обвинения и упреки французских социалистов в приверженности к империализму, но нетрудно, проследив всю внешнюю политику французов за последние годы, убедиться в обратном. Еще задолго до этой войны поведение социалистов, с Жоресом во главе, было направлено на то, чтобы устранить политические промахи Франции. Социалисты давно уже открыто устанавливали ответственность Франции за всякий возможный конфликт, как было в вопросе о Марокко и в целом ряде других вопросов. Больше всего опасались, чтобы какой-нибудь ложный шаг со стороны французской дипломатии не мог пасть виной на Францию. И если начавшаяся война, объединившая всю страну в священный союз, сплотила и крепко связала всех французских социалистов, то это объясняется лишь тем, что война Франции была навязана, что никаких захватных стремлений в ней Франция не преследует. Желание, объединяющее всех французов,—прочный мир, но если Франция, французский народ, не желает ни аннексий, ни завоеваний, он добивается гарантий осуществления прочного мира. Есть еще одно желание, сплачивающее всех французов. Это вопрос об Эльзасе и Лотарингии. Французы не собирались воевать из-за Эльзаса и Лотарингии, но, когда началась война, когда было затрачено столько жертв, Франция не может отказаться от своих отторженных провинций. В этом вопросе французы единодушны, в этом вопросе ни одна партия не уступит, хотя социалисты не предрешают, как этот вопрос будет разрешен, в порядке ли плебисцита, или иным путем. Французские социалисты всецело признают принцип национального самоопределения: они всегда стремились к мирному сожительству народов. Препятствием к этому служила и может служить Германия. До тех пор, пока, в частности, Мец находится в ее руках, Франция пребывает в постоянной угрозе.

В настоящий момент весь ход войны совершенно изменился под влиянием двух главных факторов: вступления демократической Америки в войну и русской революции.

Америка, в течение двух лет войны в качестве нейтральной державы показавшая свою готовность способствовать делу мира, несомненно внесет свою примиряющую ноту, но еще большее значение имеет второй фактор—русская революция. Позиция ее выразителя—Совета—предполагает необходимость давления социалистов союзных стран на свои правительства с целью побудить их гласно заявить об отказе от аннексий и контрибуций и т. д. Французские социалисты, в частности Тома, готовы всемерно этому содействовать, но, чтобы быть правильно понятыми нацией и рассчитывать на успех, они должны приобрести уверенность, что русская революция не порвала с обязательствами перед союзниками и что русская демократия считает себя морально обязанной итти с ними рука об руку. В дальнейшем Тома

находит, что необходимо конкретизировать понятие «без аннексий и без контрибуций», следует ли первую часть этой формулы понимать как. . .[1], тогда остается неясным, как предполагается разрешить вопрос об Эльзас-Лотарингии и других национальных областях, еще до войны против воли их жителей насильственно прикрепленных к чужому государству, и что понимать под контрибуцией»: военные вознаграждения, вроде 5 млрд. уплаченных в 1871 г. Францией, или возмещение потерь, понесенных народами, пострадавшими не по своей вине. Ряд недоуменных вопросов, которые могли бы совершенно сбить с толку, если бы не положительная формула, устанавливающая право каждой нации на самоопределение. Еще в 1790 г. французская демократия выдвинула этот лозунг, но она не ограничилась платоническим его выставлением, а силой оружия добивалась его осуществления. Тома спрашивает русских товарищей: готовы ли они его отстаивать силою оружия, способна ли эта формула вдохнуть в русский народ военный интузиазм? Говорят, — продолжает Тома, — что его залог — в гласном отказе союзных стран от завоеваний: тогда, говорят, были бы руки развязаны, и русская демократия получила бы возможность со всей энергией отстаивать эти задачи. Да, конечно, нужно заставить союзную демократию стать на точку зрения русской революции, но нужно и, с другой стороны, показать, что русские не утеряли ни способности, ни желания бороться за общее дело».

Никакого обсуждения заслушанной речи А. Тома большинством допущено не было. Не было нам представлено также и возможности задать по содержанию его речи вопросы. А обсудить и выяснить, как показала его речь, нам было бы нужно многое. Однако социал-соглашатели, наученные опытом приема первой франко-английской делегации, решили перенести продолжение переговоров и сговоров за кулисы ИК. Председательствовавший на заседании ИК Н. С. Чхеидзе тотчас же, как будто по предварительному сговору, «выпустил» с ответной речью Ю. Стеклова, благодарившего А. Тома за посещение и выразившего убеждение большинства в том, что «они сделают все, чтобы согласиться с позицией А. Тома».

Отчет об этом заседании был дан мною на страницах «Правды» того времени и содержал в себе следующую политическую оценку выступления А. Тома:

«Часть субботнего заседания Исполнительного комитета была посвящена приему французского министра амуниции [2].

Уже не первый раз Альберт Тома посещает Россию. Его последний, при царском правительстве, приезд ознаменовался большим успехом у придворной знати и весьма упорным нежеланием встретиться с родственными ему по духу рабочими оборонцами из военно-промышленных комитетов. Такое отношение многих тогда обидело. Но «войдя в шкуру министра», можно ли быть требовательным к гостю царя? Понятно, Альберту Тома было неудобно вступать в сношения с людьми, бывшими на подозрении у Николая Романова. Теперь положение изменилось; демократия стала силой, демократия почти у власти. Изменил к ней свое отношение и Альберт Тома.

Министр амуниции счастливо соединяет в себе два представительства: 1) представительство французского правительства и 2) представительство официальной французской социалистической партии. Однако в его выступлениях, в его речах нельзя провести грани, где кончается министр и начинается «социалист». Временному правительству он привез приветствия, а революционной демократии Питера—опасения, сомнения.

Опасения и сомнения французского министра огромны. «Русская революция не ожидалась воюющими правительствами, и «западная демократия» очень

---

[1] Пропуск в оригинале.

[2] Статья была помещена в № 46 «Правды» от 15/V 1917 г. под заглавием «Французский министр амуниции Альберт Тома в Исполн(ительном) Комитете».

обеспокоена всем тем, что происходит в нашей стране. Наши Советы рабочих и солдатских депутатов признают формулы «мира без аннексий и контрибуций» — эти слова беспокоят хозяев западных стран. А. Тома вопрошает нас, признаем ли мы за аннексию требование Францией Эльзаса-Лотарингии? Что понимаем мы под словами «без контрибуций»? Возмещение понесенных убытков разоренным странам—есть ли это контрибуция? На эти вопросы министр просил точных ответов. В Исполнительном комитете ему еще не ответили, но это не мешает нам сказать здесь, что мы считаем всякое присоединения населенных областей, помимо воли их жителей, аннексией. Если мы признаем, что все правительства виновны в этой войне, ибо их грабительская политика привела к ней, то ясно, что «вознаграждение» является скрытой формой контрибуции.

Много страхов высказал министр от имени Франции, «всеобщего общественного мнения», но ни одного слова о рабочем классе. Неужели в рабочем классе Франции русская революция не нашла другого отклика, кроме обывательских страхов? Об этом нам скажут наверное не министры.

Франция,—говорит министр,—борется за мир, но за мир прочный и гарантированный. Франция не может быть спокойной, имея по соседству такие крепости, как Мец, и густую сеть железных дорог, по которым германский милитаризм может наводнить страну своими полчищами... Тома признает, что лучшей гарантией могла бы быть победа демократии в Германии, но пока этого нет... и он надеется получить эти гарантии путем сокрушения «прусского милитаризма».

Стремление «сокрушить немецкий милитаризм» неизбежно ведет к усилению собственного милитаризма и милитаризма соседних стран, хозяева которых не хотят «сокрушения». Люди, рассуждающие так, впадают в заколдованный круг, выход из которого—в чисто империалистической формуле «война до конца».

К русской революции А. Тома подходит тоже, как министр амуниции. Он находит, что формулы мира опасны в наши дни. Он уже знает, как прямо понимают эти слова рабочие и солдаты, и это его беспокоит. Однако министр полагает, что Советы могли бы делу помочь, если бы они встали во главе мировой борьбы за освобождение и заставили Германию признать нарушенное ею «право народов располагать собой». А. Тома как историк указал пример Великой французской революции, которая в 1792 г. вступила в борьбу с феодальным миром. «Пусть русские социалисты вдохнут энтузиазм и претворят свои формулы в действия»... Под этими мыслями министр разумеет... «сокрушение прусского милитаризма»...

Не нравится министру и то братание, которое происходит на нашем фронте. В этом он видит «германскую интригу». Многое из его речей переносило меня в Мариинский дворец в день исторического заседания Исполнительного комитета Временного правительства. Так много у А. Тома общего с А. И. Гучковым.

Очень «сердито» встретил А. Тома и решение Исполнительного комитета ехать на Стокгольмскую конференцию. Очень верно, правдиво обрисовал он немецких Шейдеманов, Зюдекумов, как изменников революционному социализму. Во время его пламенной речи против политики Шейдемана мне хотелось дать ему зеркало, в котором он увидел бы французского Шейдемана.

Я привел очень малое из $2\frac{1}{2}$-часовой беседы А. Тома, но этого уже достаточно, чтобы знать, чьи интересы представляет Тома.

Прощаясь, Тома выразил желание иметь общую с русскими социалистами линию.

Стеклов от имени Чхеидзе заявил: «Мы сделаем все возможное, чтобы согласиться»...

Надеюсь, что мы будем знать об этом соглашении».

Несмотря на публичный запрос, сделанный в «Правде», нам так и не удалось узнать, в чем заключалось это соглашение. Лишь много недель спустя мы имели возможность прочесть письмо Вандервельде, де Брукера, А. Тома и из ответа ИК узнать, что было достигнуто в тех закулисных переговорах, которые велись социал-соглашателями за спиной Совета.

Империалисты всех стран учли ту опасность их целям войны,

которую несла в себе русская революция. Капиталистические правительства Англии и Франции, в полном согласии с буржуазией нашей страны, возглавлявшей первое Временное правительство, стремились использовать революцию и вызванный ею энтузиазм для своих военных задач.

Социалисты соглашатели и оборонцы во всех этих странах, в том числе и у нас, играли роль пособников буржуазии, пытались империалистические цели войны прикрыть красным знаменем пролетариата. Но это им не удалось, так как наша РСДРП(б), группируя около своих лозунгов передовые элементы рабочего класса и наиболее обездоленные круги крестьян, разоблачала ложь обороны, вскрывала империалистическую природу войны и их служение капиталу.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА

Организация информации

Первым актом международной деятельности Петроградского совета было принятие известного воззвания «К народам всего мира», опубликованного 14 марта.[1]. От него же начинается и организационная международная деятельность Совета, вернее, его Исполнительного комитета, сначала в виде постановки информации заграницы о происходящих событиях в России, а затем уже организация связи с различными социалистическими партиями и группами других стран.

На заседании ИК от 20 марта было принято решение «образовать особый информационный отдел для сношения с другими странами», и тогда же была принята особая для него инструкция следующего содержания:

«1. Отдел международных сношений при Совете рабочих и солдатских депутатов имеет своего комиссара в Петроградском телеграфном агентстве, который передает для телеграфирования в иностранную прессу сведения о деятельности и постановлениях Совета рабочих и солдатских депутатов и более важные из других сообщений, печатающиеся в официальном органе Совета рабочих и солдатских депутатов (в «Известиях»).

2. Все телеграммы, посылаемые отделом для иностранной прессы, сообщаются предварительно представителю Временного правительства в Петроградском телеграфном агентстве депутату Гронскому. А все прочие телеграммы, отправляемые за границу через Петроградское агентство, сообщаются депутатом Гронским предварительно комиссару отдела.

3. Если депутат Гронский возражает против текста какой-либо телеграммы отдела или если комиссар отдела возражает против текста какой-либо другой телеграммы, то разногласие передается на рассмотрение совещания представителей Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов.

4. Отдел международных сношений имеет право учредить свою деловую агентуру в Стокгольме.

5. Отдел международных сношений получает без цензуры все телеграммы и письма, какие его заграничная агентура отправляет по адресу: Петроград, Таврический дворец, Совдепу. О пропуске адресованных Совдепу писем и телеграмм без цензуры Временное правительство отдает телеграфное распоряжение по министерствам: военному, иностранному и внутренних дел.

6. Отдел имеет право отправлять своей заграничной агентуре письма и телеграммы без обычной цензуры с просмотром их только комиссаром, назначенным для этого Временным правительством при Совете.

[1] См. об этом «Семнадцатый год», кн. 1-я.

7. Отдел по уполномочию Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов имеет право посылать своих курьеров за границу, о выдаче которым разрешений на выезд за границу и возвращение обратно Временное правительство делает распоряжение подлежащим властям, причем вручаемые курьеру документы просматриваются не общей цензурой, а комиссаром Временного правительства (упомянутым в п. 6).

8. Отдел международных сношений имеет право без цензуры, но с осведомлением комиссара Временного правительства сноситься по почте и телеграфу со всеми лицами, организациями и учреждениями, находящимися за границей, с какими это может ему понадобиться в интересах осведомления общественного мнения и Совета рабочих и солдатских депутатов.

9. Отдел печатает в «Известиях» сообщения на основании получаемых им из-за границы сведений и два раза в неделю делает доклад Исполнительному комитету об иностранной социалистической прессе.

10. Отдел действует под контролем и руководством Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».

Первый пункт этой инструкции был направлен на борьбу с милюковской информацией заграницы, возмущавшей своей ложью даже соглашательские элементы. Организация отдела была поручена бывшему депутату Чхенкели и члену ИК Скобелеву. Но Чхенкели скоро выбыл из Петрограда в Тифлис и в работе по международным делам участия не принимал. В скором времени (конец марта—начало апреля) отдел был усилен работниками из вернувшихся эмигрантов. Во главе отдела, уже в апреле, фактически работал В. Розанов, социал-демократ меньшевик.

Вначале усилия Отдела международных сношений были направлены на исправление деятельности министерства иностранных дел, руководимого в то время П. Н. Милюковым, вождем кадетской партии. Это «исправление» линии министерства иностранных дел мыслилось социал-соглашателями в виде установления особого «контакта» между деятельностью Совета, его Исполнительным комитетом и министерством иностранных дел, осуществляемого путем организации «постоянного совещания» при нем. По сему поводу В. Розановым были составлены тезисы, намечавшие основные положения деятельности «совещания»[1]. Одновременно с этими тезисами от социал-демократов меньшевиков им же был внесен проект постановления ИК об этом «совещании», по которому в его состав входили представители Временного правительства, Исполнительного комитета Государственной думы и делегация Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. В каком количестве должны были входить представители указанных трех организаций, постановление не говорило, но ходячим «принципом» того времени в лучшем случае было «паритетное» начало для участников во всех комиссиях, а иногда и равное представительство каждой из организаций. Но ни тот, ни другой проект не рассматривались в ИК и оставались только в делах отдела, свидетелями его неосуществленных намерений.

7 апреля на заседании ИК была заслушана телеграмма Бернской социалистической комиссии, объединявшей социалистические партии и их меньшинства, не принявшие войны и стоявшие на позиции классовой борьбы. Телеграмма Бернской международной

[1] См. эти тезисы в приложении 1.

социалистической комиссии содержала предложение Совету оказать ему содействие в деле созыва международной социалистической конференции, которое рекламировали тогда социал-соглашатели в интересах своей внутренней политики и борьбы с пропагандой и деятельностью нашей партии.

ИК перенес обсуждение вопроса о международной конференции на вторник 11 апреля. На заседании ИК в этот день рассматривались два вопроса, связанные с международными делами Совета. Первый касался организации приема и переговоров с иностранными «гостями», принимать которых на общих заседаниях ИК социал-соглашатели считали «неудобным», но отказаться от этого открыто не решались и лишь постановили признать обязательным при таких встречах приглашать представителя Отдела международных сношений. В свою очередь отдел обязан оповещать ИК обо всем, что он посылает за границу.

Предложение германских социал-демократов через Боргбиерга

В течение апреля месяца перед ИК неоднократно ставились, приехавшими из различных стран делегатами вопросы международной связи. Эти связи мыслились приезжавшими социалистами только в пределах той коалиции держав, войну которых они оправдывали и поддерживали [1].

В конце апреля в Россию был допущен г. Боргбиерг, редактор «Социал-демократа», центрального органа датской с.-д. партии, самой оппортунистической партии всей Скандинавии. История приезда этого деятеля весьма интересна. Формально он приехал от Голландско-скандинавской комиссии, организованной в противовес Циммервальдской (Бернской) международной социалистической конференции. Сам Боргбиерг был последовательный шейдемановец, сторонник всеобщей и взаимной амнистии социал-патриотов, и приехал в Россию по поручению германских социал-патриотов.

Русское Временное правительство еще до появления Боргбиерга у своих границ было осведомлено о том, что приезд его инспирирован германскими социалистами. Военный министр А. И. Гучков особым письмом 29 марта на имя Г. Е. Львова запрашивал Временное правительство, впустить ли Боргбиерга. Одновременно он сообщил имевшиеся у него разведывательные данные об этом редакторе. Письмо имело спешный и секретный характер:

«Милостивый государь, Георгий Евгеньевич!

26 марта от английских военных властей поступили в военное министерство сведения, что проживающий в Копенгагене датчанин Фредерик-Недегер-Эпессен Боргбиерг, лидер социалистической партии в Фолькетинге, являющийся одним из главных руководителей датской социал-демократии, предполагает по соглашению с германскими социалистами выехать в Россию. По мнению тех же властей, Боргбиерг является опасным деятелем для нашего союза.

Ныне от начальника контрразведывательного отделения в Торнео получена телеграмма с сообщением о прибытии упомянутого Боргбиерга в Торнео, полученных о нем сведений и запросом — представляется ли возможным ввиду приведенных в телеграмме сведений пропустить его в пределы государства.

Сообщая изложенное, с препровождением копии указанной телеграммы,

---

[1] См. об этом главу «Февральская революция и европейские социалисты».

для разрешения вопроса о возможности впуска Боргбиерга в пределы России, прошу о последующем решении не отказать меня уведомить.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и таковой же преданности».

Контрразведывательное отделение из Торнео сообщало по своей линии следующее:

«Сегодня прибыл для въезда в Россию датский поданный Фредерик-Недегер-Эпессен Боргбиерг, редактор газеты «Социал-демократен» в Копенгагене, агитирующий в пользу Германии. По достоверным сведениям высылается немцами с целью агитации в пользу мира и ознакомления с внутренним состоянием государства. Прошу срочно указаний—возможен ли его въезд».

Наконец через несколько дней Генеральный штаб препроводил Временному правительству дополнительно полученные сведения о Боргбиерге следующего содержания:

«12 апреля 1917 г. н/с. через пограничный пункт Торнео проехали английские и французские представители рабочих партий, все направляются в Петроград. На станции Торнео они имели переговоры с лидером шведских социалистов г. Брантинг, который указал им, что необходимо отстаивать перед русскими общественными деятелями обязательное продолжение войны.

Кроме того, г. Брантинг высказался по поводу лидера датских социалистов г-на Боргбиерга, которого, по его мнению, не следует впускать в Россию в данный момент.

Вышеупомянутый пограничный пункт пока еще не получил инструкции от Генерального штаба по поводу Боргбиерга, который в настоящее время находится в Гапаранде при Германском консульстве».

Эти сведения послужили основанием для отказа г. Боргбиергу в разрешении на въезд в Россию. Однако социал-соглашатели добились от Временного правительства разрешения на его въезд, и 23 апреля состоялся его прием в ИК.

Свою речь г. Боргбиерг начал сообщением о том, что он приехал не только как представитель датской социал-демократии, но и как представитель Голландско-скандинавского комитета. Задачи своего приезда Боргбиерг изложил так [1].

«Уже с начала войны скандинавские социалисты изыскивали способы ускорить прекращение войны. Еще в первый год была скандинавцами созвана конференция, которая выработала программу условий мира на трех основных принципах: право наций на самоопределение, международные третейские суды и ограничение вооружения.

Позже все три скандинавские партии выделили особый орган, который сообща с голландцами приступил к созыву международной конференции. Вопрос лишь в том, возможны ли в данный момент такие конгрессы. Можно ли допустить, чтобы из воюющих стран явились социалисты и сошлись на общей платформе? Благодаря близости Дании к Германии он и раньше был осведомлен о желании и настроении социалистов, но теперь, перед отъездом, он имел личную встречу с представителями и может уже с точностью сказать, что германские социал-демократы, в особенности из большинства, желают принять участие в конгрессе на платформе вышеуказанных трех принципов. Германское большинство выдвигает следующие конкретные условия мира. Все оккупированные местности должны быть возвращены. Польша может избрать по своему желанию связь с той или другой стороной или остаться суверенной. Что касается балканского вопроса, то они полагают, что болгарская часть Македонии должна перейти к Болгарии. Сербия должна получить выход к Адриатическому морю, поляки в Германии, датчане в Шлезвиг-Гольштинии

[1] Привожу точно по записи протокола Бюро ИК от 23 апреля.

получат полную национальную культурную автономию. Они полагают, что такую же автономию должны получить и национальные меньшинства в России. Вопрос об Эльзасе и Лотарингии сложнее. Они выражают пожелания, чтобы был найден такой модус разрешения (разграничения), при котором французская часть Лотарингии перешла бы к Франции; что же касается Эльзаса, то германское большинство считает его исконной немецкой областью. В общем они полагают, что национальные вопросы должны быть разрешены в соответствии с принципом: «Каждая нация имеет право на самоопределение». Лично он полагает, что в этих условиях есть достаточно оснований для работы по созданию международного конгресса. Он обращается к русским товарищам с просьбой: выслушав его сообщения, обсудить, могли ли бы они согласиться принять участие в такой конференции. Ему кажется, что и в интересах демократии Россия нуждается в мире. От имени немецкой социал-демократии он заявляет, что они наперекор всем слухам не хотят сепаратного мира. Они хотят мира всеобщего. Не хотят они и бороться против новой свободной России. Если русские социалисты согласятся принять участие в конгрессе и посоветуют социалистам союзных стран сделать то же самое, тогда мы сможем выставить уже общую программу мира. Это, конечно, еще не обозначает прекращения войны, но предвещает момент, когда пробьет ее последний час».

Содержание сообщения Боргбиерга указывало, что он действительно являлся гонцом германских «шейдемановцев», искавших способы наиболее выгодного выхода из того военного тупика, в который завела их собственная политика.

По окончании сообщения Боргбиергу были поставлены двенадцать различных вопросов, на большинство из коих он дал ответы [1].

Предложение Боргбиерга принять участие на съезде социалистов обсуждалось на происходившей в то время Всероссийской конференции нашей партии, подверглось всестороннему разбору и отвергнуто мотивированной резолюцией, разоблачавшей самого Боргбиерга, как представителя социалистов, перешедших на сторону «своей буржуазии» и являвшегося агентом немецкого империалистического правительства.

«Ввиду этого участие нашей партии на конференции, где участвуют Боргбиерг и Шейдеман, конференция считает принципиально недопустимым, ибо наша задача—объединять не прямых или косвенных агентов различных империалистических правительств, а рабочих всех стран, революционно борющихся уже во время войны со своими империалистическими правительствами».

Так оценила конференция предложение и деятельность Боргбиерга [2].

Инициатива ИК Совета по созыву международной социалистической конференции

В ответ на запрос Бернской международной социалистической комиссии ИК предложил своему Отделу международных сношений «взять на себя инициативу по созыву» международной конференции.

Эта попытка Бернской международной социалистической комиссии, взять на себя посредническую роль в деле созыва конфе-

[1] См. эти вопросы и ответы в приложении 2.

[2] См. отчет «Петроградская общегородская и всероссийская конференция РСДРП в апреле 1917 г.

ренции социал-соглашателей, была осуждена и решительно опротестована нашей Всероссийской (апрельской) конференцией РСДРП(б).

Через день после обсуждения предложения Боргбиерга, а именно 25 апреля, на заседании ИК снова был поставлен вопрос о международной социалистической конференции. К этому времени все социалистические партии уже выяснили свое отношение к ней, о чем и заявили на этом заседании.

Первым с заявлением по этому вопросу от имени нашей партии выступил Г. И. Федоров, огласив резолюцию, принятую Всероссийской конференцией нашей с.-д. партии большевиков, отказывающейся принять участие в этой дипломатической игре социал-соглашателей всех стран. К этому заявлению присоединились тт. Козловский—от имени петроградской группы Польской социал-демократии и Стучка—от имени Ц. К. социал-демократической партии Латвии.

Отношение других партий к созываемой конференции было иное. Представитель Петроградского Областного комитета социал-демократов меньшевиков заявил, что

«Их партия будет принимать участие в конференции, на которой будут представлены и так называемые меньшинства. Не откажется принимать участие в конференции, состоящей из одних меньшинств».

Тов. Брамсон от имени трудовой группы заявляет, что трудовая группа считает возможным участвовать в конференции при условии, что будут представлены на ней социалистические партии Франции и Англии; при отсутствии большинства социалистических партий союзных стран трудовая группа не считает для себя возможным участвовать в конференции.

От имени ЦК Бунда т. Эрлих высказывается за необходимость активного участия на конференции, где будут представлены по возможности все партии.

Почти все дальнейшие ораторы сошлись на том, что инициативу созыва конференции должен взять на себя Совет, как орган русской революции. Разногласия проявились в вопросе о составе будущей конференции. Меньшинство находило невозможным участие на конференции тех большинств, которые за время войны проявили себя как партии, слепо шедшие за своими правительствами, разорвавшие связь с Интернационалом и руководившиеся в своей деятельности в первую голову интересами своей национальности. Поскольку будущей конференции ставят задачи мира без аннексий и контрибуций, мира, продиктованного интересами не только русской революции, но и интересами международного пролетариата,—к такой конференции должны быть привлечены лишь те партии и группы, которые в своих государствах боролись против аннексионистских стремлений и империалистических замашек своих собственных правительств и их прислужников социалистов-патриотов, т. е. так называемого «меньшинства».

Большинство Исполнительного комитета, наоборот, для успеха дела мира считает необходимым привлечение по возможности более широких масс пролетариата; лишь при условии привлечения всех партий и групп, входящих в состав Интернационала, конференция будет достаточно компетентна и сильна, чтобы осуществить идеалы мира.

После прений огромным большинством принята резолюция, предложенная т. Даном» [1].

В принятой резолюции было заявлено что:

1. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов берет на себя инициативу по созыву Международной социалистической конференции.

---

[1] См. протокол «Заседания ИК (Петроградского) Совета раб. и солд. деп. 25 апреля 1917 г.

2. К участию в ней должны быть приглашены все партии и фракции пролетарского Интернационала, которые готовы стать на почву платформы воззвания Совета к народам всего мира.

3. Необходимым условием осуществления международной конференции Исполнительный комитет признает предоставление всем без исключения социалистическим партиям и фракциям фактической возможности проехать к месту созыва конференции. Исполнительный комитет обещает в этом смысле самые настойчивые представления всем правительствам и категорически требует от фракций большинства гласного, открытого и энергичного настояния перед своими правительствами о свободном пропуске делегатов меньшинства.

4. Местом созыва конференции должна быть избрана нейтральная страна.

5. Для подготовки конференции и выработки ее программы при Исполнительном комитете образовывается особая комиссия по созыву конференции из представителей Исполнительного комитета и из представителей партий, являющихся членами Интернационала и входящих в состав Исполнительного комитета.

6. Немедленно должно быть выпущено воззвание ко всем народам и специальное обращение к социалистам союзных стран по вопросу о мире и созыве конференции.

7. Должна быть послана особая делегация Исполнительного комитета в нейтральные и союзные страны для установления контакта с социалистами этих стран и делегация в Стокгольм для подготовки конференции.

Призывы к борьбе за мир и... к наступлению

(Воззвания к социалистам и к армии).

За первые полтора месяца революции классовые противоречия в стране значительно обострились. Революционная борьба из пределов города перекинулась в деревни. Не помогали призывы к единству во имя спасения страны и революции. Война становилась тормозом на пути развития революции в интересах широких народных масс. Классовая борьба в знаменитые апрельские дни едва не приняла характера внутренней борьбы с буржуазией и ее силами. Массовое недовольство солдат и рабочих проявилось с особенной силой в виде протеста против ноты Милюкова. Эти события были первым предупреждением буржуазному Временному правительству и в то же время показывали соглашательскому большинству, что рабочие и солдаты ожидают от них действительной борьбы за мир, а не обмана. Это заставляло социалистов-соглашателей ускорить разрешение вопроса о созыве международной социалистической конференции и развернуть свою соглашательскую политику уже в международном масштабе, по образу и подобию той, которую они осуществляли внутри страны.

2 мая от имени ИК Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов было опубликовано воззвание «К социалистам всех стран». Воззвание обращалось ко всем социалистам—как к тем, которые поддерживали империалистов и сидели в правительствах, так и к тем, которые за свою борьбу с войной и военной политикой империалистов сидели в тюрьме. Никакой действительно революционной программы борьбы с империализмом обращение не содержало. Пустой набор фраз, не подкрепленных действием, примером, не мог вызвать в рабочих кругах за границей подлинного революционного отклика, хотя составители его и прикрывались знаменем русской революции. Оповещая о намерениях Совета взять дело созыва международной социалистической конференции

в свои руки, воззвание имело в виду прежде всего внесение внутри страны успокоения, усыпление бдительности рабочего класса революционной России, требовавшего от Совета применения революционных методов борьбы и в области внешней политики. Насколько далеко обращение было от этой цели—видно по его содержанию.

Товарищи!

Российская революция родилась в огне мировой войны. Эта война является чудовищным преступлением империалистов всех стран, своею алчностью к захватам, своею безумною скачкою вооружений, подготовлявших и делавших неизбежным мировой пожар.

Каковы бы ни были превратности военного счастья, империалисты всех стран одинаково являются в этой войне победителями: война дала и дает им чудовищные прибыли, скапливает в их руках колоссальные капиталы, наделяет их неслыханною властью над личностью, трудом и самою жизнью трудящихся.

Но именно поэтому трудящиеся всех стран одинаково являются в этой войне побежденными. На алтарь империализма они несут бесчисленные жертвы своею жизнью, своим здоровьем, своим состоянием, своею свободою, на их плечи ложатся несказанные лишения.

Русская революция, революция трудящихся—рабочих, солдат—это восстание не только против царизма, но и против ужасов мировой бойни. Это первый крик возмущения одного из отрядов международной армии труда против преступлений международного империализма. Это не только революция национальная, это первый этап революции международной, которая положит конец позору войны и вернет человечеству мир.

Русская революция с самого момента своего рождения отчетливо сознала стоящую перед нею международную задачу. Ее полномочный орган—Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов,—в своем воззвании 14 (27) марта призвал народы всего мира объединиться для борьбы за мир.

Революционная демократия России не хочет сепаратного мира, который развязал бы руки австро-германскому союзу. Она знает, что такой мир был бы изменой делу рабочей демократии всех стран, которая очутилась бы связанной по рукам и по ногам перед миром торжествующего империализма. Она знает, что такой мир мог бы привести к военному разгрому других стран и тем на долгие годы упрочить торжество идей шовинизма и реванша в Европе, оставить ее в положении вооруженного лагеря, каким она была после франко-прусской войны 1870 г., и тем неизбежно подготовлять новую кровавую схватку в недалеком будущем.

Революционная демократия России хочет мира всеобщего на основе, приемлемой для трудящихся всех стран, которые не ищут захватов, не стремятся к ограблению, которые одинаково заинтересованы в свободном выражении воли всех народов и в сокращении мощи международного империализма. Мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов—эта формула, воспринятая без задних мыслей, пролетарским разумом и сердцем, дает платформу, на которой могут, на которой должны столковаться трудящиеся всех стран, воюющих и нейтральных, чтобы установить прочный мир и общими усилиями залечить раны, нанесенные кровавой войной.

Временное правительство революционной России усвоило эту платформу, и революционная демократия России обращается прежде всего к вам, социалистам союзных держав: вы не должны допускать, чтобы голос русского Временного правительства оставался одиноким в союзе держав Согласия. Вы должны заставить свои правительства заявить решительно и определенно, что платформа мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов есть и их платформа. Этим вы придадите надлежащий вес и силу выступлению русского правительства. Вы дадите нашей революционной армии, написавшей на своем знамени «Мир между народами», уверенность, что ее кровавые жертвы не будут употреблены во зло. Вы дадите ей возможность со всем пылом революционного энтузиазма выполнить выпадающие на ее долю боевые задачи. Вы укрепляете в ней веру в то, что, защищая завоевания революции

и нашу свободу, она в то же время борется за интересы всей международной демократии и тем содействует скорейшему наступлению желанного мира. Вы поставите правительства враждебных стран перед необходимостью или также решительно и бесповоротно отказаться от политики захвата, грабежа и насилия, или же откровенно признаться в своих преступлениях, и тем обрушить на свои головы справедливый гнев своих народов.

Революционная демократия России обращается и к вам, социалисты австро-германского союза: вы не можете допустить, чтобы войска ваших правительств стали палачами русской свообды. Вы не можете допустить, чтобы, пользуясь радостным настроением свободы и братства, охватившим революционную русскую армию, ваши правительства перебрасывали войска на западный фронт, чтобы сначала разрушить Францию, затем броситься на Россию и в конце концов задушить вас самих и весь международный пролетариат в мировых объятиях империализма.

К социалистам воюющих и нейтральных стран обращается революционная демократия России с призывом не допустить торжества империалистов. Пусть дело мира, начатое российской революцией, будет доведено до конца усилиями международного пролетариата.

Для объединения этих усилий Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов решил взять на себя инициативу созыва международной конференции всех социалистических партий и фракций всех стран. Каковы бы ни были разногласия, раздиравшие социализм в течение трех лет войны, ни одна фракция пролетариата не должна отказываться от участия в общей борьбе за мир, поставленный на очередь дня Российской революцией.

Мы уверены, товарищи, что увидим представителей всех социалистических групп на созываемой нами конференции.

Единодушное постановление пролетарского Интернационала будет первой победой трудящихся над интернационалом империалистов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Этим призывом наши социал-оборонцы протягивали руки всем соглашателям, надеясь на общий сговор и взаимную амнистию.

Одновременно с воззванием к социалистам всех стран ИК было опубликовано особое обращение «К армии», пояснявшее солдатам этот шаг ИК. Однако истинный смысл воззвания был не в этом разъяснении, а в борьбе с братанием, в постановке в порядок дня подготовки армии к наступлению, которого требовали русская и иностранная союзная буржуазия и ее «социалистические» агенты, приезжавшие приветствовать «революционную демократию», а за кулисами сговариваться с вождями советского большинства—социал-патриотами. Подлинное значение обращения ИК в той обстановке заключалось именно в подготовке наступления для оттяжки германских войск от союзнического фронта:

«Товарищи солдаты на фронте!

От лица революционной демократии России мы обращаемся к вам с горячим призывом.

Тяжелый подвиг выпал вам на долю. Дорогой ценой, кровью своей вы заплатили за преступления царя, пославшего вас воевать и оставившего вас без оружия, без снарядов, без хлеба. Ведь те лишения, которые вы сейчас несете, дело рук царя и его приспешников, до тла разоривших страну. И много еще усилий понадобится революции, чтобы справиться с разрухой, оставленной ей в наследие грабителями и палачами.

Война не нужна была трудовому народу. Не он ее начал. Затеяли ее цари и капиталисты всех стран. Для народа каждый лишний день войны—лишнее горе. Сбросив с трона царя, русский народ первой задачей своей поставил скорейшее прекращение войны.

Совет Р и СД обратился ко всем народам с воззванием о прекращении бойни. Он обратился и к французам, и к немцам, и к австрийцам.

Россия ждет ответа на это воззвание.

Но помните, товарищи солдаты, наши воззвания ничего не будут стоить, если полки Вильгельма разгромят революционную Россию раньше, чем на ее призывы откликнутся наши братья-рабочие и крестьяне других стран.

Наши воззвания обратятся в пустой лист бумаги, если за ними не будет стоять вся мощь революционного народа, если на развалинах русской свободы утвердится торжество Вильгельма Гогенцоллерна. Гибель свободной России будет громадным, непоправимым несчастьем не только для нас, но и для трудящихся всего мира. Товарищи солдаты! Защищайте же изо всех сил революционную Россию!

Рабочие и крестьяне России всею душою стремятся к миру. Но этот мир должен быть всеобщим миром для всех народов, по их общему соглашению. Что будет, если мы захотим мира, сепаратного мира только для себя? Что будет, если русская армия сегодня воткнет штыки в землю и скажет, что она больше воевать не хочет, что ей нет дела до того, чтот ворится на всем белом свете?

Будет то, что, разгромив наших союзников на западе, германский империализм всей силой своего оружия обрушится на нас. Будет то, что германский император, германские помещики и капиталисты поставят свою тяжелую пяту на нашу шею, захватят наши города, села и земли, обложат русский народ данью.

Так неужели для того свергли мы иго Николая, чтобы склониться к ногам Вильгельма?

Товарищи солдаты! Совет рабочих и солдатских депутатов ведет вас к миру другим путем. Мы ведем к миру, зовя к восстанию, к революции рабочих и крестьян Германии и Австро-Венгрии, ведем вас к миру, добиваясь от нашего правительства отказа от политики захватов и требуя такого же отказа от союзных держав.

Мы ведем вас к миру, созывая международный съезд социалистов всего мира для общего и решительного восстания против войны. Нужно время, товарищи солдаты, чтобы пробудились народы всех стран. Нужно время, чтобы они восстали и железной рукой принудили своих царей и капиталистов к миру. Нужно время, чтобы трудящиеся всех стран сплотились с нами для беспощадной борьбы с насильниками и грабителями.

Но помните, товарищи солдаты. Это время никогда не наступит, если вы не сдержите натиск врага на фронте, если ряды ваши будут смяты, и у ног Вильгельма ляжет бездыханный труп русской революции.

Помните, товарищи: на фронте, в окопах, вы стоите теперь на страже русской свободы. Вы защищаете российскую революцию, защищаете своих братьев рабочих и крестьян. Пусть же эта защита будет достойна великого дела и понесенных уже вами великих жертв! Нельзя защищать фронт, решившись во что бы то ни стало сидеть неподвижно в окопах. Бывает, что только наступлением можно отразить или предупредить наступление врага.

Иной раз ожидать нападения—значит покорно ждать смерти. Иной раз только переходя в наступление, можно спасти от истребления и гибели самих себя или своих братьев на других участках фронта.

Помните это, товарищи солдаты. Поклявшись защищать русскую свободу, не отказывайтесь от наступательных действий, которых может потребовать боевая обстановка. Свобода и счастье России в ваших руках.

Защищая эту свободу, бойтесь провокации, бойтесь ловушек. В такую ловушку легко может превратиться то братание, которое развивается на фронте. Революционные войска могут брататься, но с кем? С армией, тоже революционной, тоже решившейся умирать за мир и свободу. Но сейчас не такова еще армия Германии и Австро-Венгрии, сколько бы ни было в ней отдельных сознательных и честных людей. Там нет еще революции. Там войска еще идут за Вильгельмом и Карлом, за помещиками и капиталистами, идут на захваты чужих земель, на грабежи и насилия. Там военный штаб использует не только вашу доверчивость, но и слепую покорность своих солдат.

Вы с открытой душой идете брататься, а навстречу вам выходит из вражеских окопов переодетый в солдатский мундир офицер генерального штаба.

Вы без всякой хитрости говорите с противником, а тем временем его начальство фотографирует местность. Вы прекращаете стрельбу для братания, а за вражескими окопами передвигают в это время артиллерию, сооружают укрепления, перебрасывают войска.

Товарищи солдаты! Не братанием достигнете вы мира, не молчаливыми

договорами, которые заключаются на фронте отдельными ротами, батальонами, полками. Не в сепаратном мире и не в сепаратном перемирии спасение революции, торжество мира всего мира. К гибели вас самих, к гибели русской свободы ведут люди, уверяющие вас, что братание—путь к миру. Не верьте им.

Путь к миру другой. Его указал вам Совет рабочих и солдатских депутатов. Поддержите его. Отметайте все, что ослабляет вашу боевую мощь, что вноси в армию разложение и упадок духа. Ваша боевая мощь служит делу мира. Только полагаясь на вас, что вы не допустите военного погрома России, может Совет рабочих и солдатских депутатов творить свое революционное дело, со всею силою развернуть свою борьбу за мир.

Товарищи солдаты! С доверием и упованием смотрят на вас рабочие и крестьяне не только России, но и всего мира. Солдаты революции, вы окажетесь достойными этого доверия, зная, что делу мира служит ваша боевая работа.

Во имя счастья и свободы революционной России, во имя грядущего братства народов вы исполните свой воинский долг с непоколебимой твердостью!»

Это воззвание вскрывало истинный смысл «международного» социалистического маневра соглашателей—оно являлось подготовительным шагом к наступательным действиям русских армий, чего так добивалось военное командование союзных стран. В части, говорившей против братания, воззвание прямо натравливало русских солдат на австро-германцев. Самое значение братания на фронте изображалось как германская ловушка, как хитрость врага.

Жажда мира во всех странах была настолько сильна, что даже двусмысленное обращение соглашательского большинства Совета вызвало отклик в социалистических и пацифистских кругах Западной Европы. В ИК поступали приветствия и запросы буквально из всех стран Европы. К Совету обращались отдельные группы пацифистов и социалистов. В архиве ИК сохранилась лишь некоторая часть таких документов, как обращение шведских пацифистов к Совету рабочих и солдатских депутатов в Петрограде.

«Пацифисты Швеции с искренней симпатией и большими ожиданиями следили за освободительною борьбою русского народа. Время созрело для великих событий, и мы надеемся, что за приходом демократии в России последует торжество демократии и в остальных странах света. Мы ожидаем, что демократические силы доведут настоящую войну до конца, навеки освобождающего человечество от бича войны и милитаризма.

Народы алчут мира. Но, несмотря на это, военная борьба продолжается с неуменьшенной интенсивностью и той же силой, и мир, как тучи и туман, рассеивается перед свирепым ураганом, каждый день разоряющим тысячами драгоценные человеческие жизни. «Долго ли?»—с трепетом спрашивают народы. «До тех пор, пока кто-нибудь да победит»,—отвечают правительства. Но мир, которого тогда добивался бы, не будет, пожалуй, мир права, а все еще мир власти, тяжелый и угнетающий. Такого мира не жаждут люди. Они требуют всеобщего и постоянного мира народов, основанного не на военных средствах власти, а на взаимных интересах наций.

Мысль о сепаратном мире между Россией и центральными империями отныне уж придется считать исключенной. Если Россия добивалась мира, а другие государства продолжают бороться о победе, о власти сильного над слабым, тогда уж мы недалеко двигались вперед на пути к будущему царству человечества.

Но теперь именно России представляется возможность выступить образом, определенно разъясняющим мирные старания сражающихся правительств.

Совет рабочих и солдатских депутатов высказался за мир без захватов. Это желание мира, однако, должно оформиться в более конкретные цели мира.

Несколько нынешних вождей русского народа обещались быть сторонни-

ками тех линий мира, заявленных президентом Вильсоном в его большой речи в сенате и являющихся теми же, которые были приняты шведским и северным движением мира в 1915 г., направляющими линиями для постоянного мира, а именно:

Всемирный союз мира с правом самоопределения для наций;

международное правовое положение с обязательным третейским судом во всех спорных вопросах;

отмена национальных войск.

Если Россия теперь представила бы в центральные империи сделать державам Согласия мирное предложение по этим направляющим линиям и обязалась бы у своих союзников поддержать такое предложение о мире, то центральные империи и другие сражающиеся государства имели бы случай на деле изъявить род их желания мира.

Шведские организационные пацифисты, убедительно просим вас, русских братьев, во имя любви и человечества, влиять на русское правительство, дабы подобное предложение было бы принято им, убеждены этим служить тому миру, который должен стать миром будущности»[1].

Стокгольм 16 мая 1917 г.

За Шведское общество мира и арбитража:

Следуют 7 подписей: Н. Берг, Г. Люндгрин, Карл Линдхаген, Эмиль Ярсон, Е. Винберг и др. (две подписи не разборчивы).

Ответом на то же воззвание было усиление активности Голландско-скандинавского комитета в Стокгольме, организованного крайними правыми оппортунистами социалистических партий четырех нейтральных стран: Голландии, Дании, Швеции и Норвегии. Вдохновителями деятельности этого комитета являлись известные столпы реформизма II Интернационала—Я. Брантинг, Стаунинг, Трельстра. При этом первый из них был сторонником англо-французской коалиции, ориентировался на французскую социалистическую партию, а оба последние ориентировались на большинство германской с.-д. партии.

Вскоре в Стокгольм приехал секретарь прежнего Брюссельского международного социалистического бюро II Интернационала, бельгийский социал-патриот Камиль Гюисманс и вступил в тесную связь с Голландско-скандинавским комитетом.

Вандервельде, проезжая из Стокгольма в Россию, также связался с Голландско-скандинавским комитетом. Социал-патриоты обеих враждовавших групп стремились использовать русскую революцию в интересах своей буржуазии, в интересах своей «нации» и в этих целях учреждали свои агентуры для связи и информации. Между бюро II Интернационала, оставшегося в руках бельгийцев—Вандервельде—Гюисманса и англо-французских социал-патриотов, и возникшим Голландско-скандинавским комитетом была явная конкуренция, вызванная тем, что последний в большинстве своем состоял из людей, ориентировавшихся на Германию (Стаунин, Трельстра), и возник по инспирации германского с.-д. большинства. Эта конкуренция отражена и в том сообщении о беседе с Вандервельде, которая имела место при проезде его через Стокгольм в Петроград в конце апреля 1917 г. Содержание этой беседы было изложено в нижеследующем сообщении:

[1] Не вполне удачные выражения надо отнести за счет русского перевода.

«Голландско-скандинавский комитет принял вчера граждан Вандервельде и Демана, проездом в Стокгольме, едущих в Петроград. От имени собрания Брантинг приветствовал представителя Международного социалистического бюро, которое, несмотря на кризис войны, сохранило в глазах всех социалистов престиж великого морального авторитета. При продолжительном обмене мнений Вандервельде заявил, что, подчиняясь мандату, данному из занятой неприятелем Бельгии, он считал невозможным принять участие совместно с социалистами, поддерживавшими и поддерживающими империалистическую политику центральных держав. С другой стороны, не может быть возражений, а наоборот, может представить выгоды, чтобы представители всех социалистических течений одни за другими приезжали в Стокгольм и высказывали свои точки зрения перед Голландско-скандинавским комитетом.

До собрания граждан Вандервельде выяснял в Голландско-скандинавской делегации, при каких условиях она приехала в Стокгольм. На заявление делегации, что она всецело ответственна за инициативу этой поездки, за которую исполнительный комитет международного социалистического бюро не несет никакой ответственности, Вандервельде ответил, что это заявление устраняет всякие недоразумения и что с его стороны нет возражений против принятого делегацией образа действий.

Комитет также принял гражданина Рубановича, представителя русских социалистов-революционеров в МСБ[1], который высказал свое мнение относительно настоящего положения вещей.

Гражданин Боргбиерг на обратном пути из Петрограда подробно делился своими впечатлениями насчет переговоров с русскими товарищами, которым он передал программу о мире, предсказанную некоторыми влиятельными членами большинства германской социал-демократии.

Запрошенный Боргбиерг заявил, что он действовал исключительно от своего имени. Председатель отметил это заявление и подчеркнул согласие Боргбиерга с уже высказанной комитетом точкой зрения о том, что при нынешних условиях центр международной социалистической деятельности должен ради счастливого завершения предпринятого дела находиться при партии нейтральных стран».

Вандервельде, о поездке которого говорилось в письме, прибыл в Россию и соединился с самыми шовинистическими и воинственными кругами нашей страны. До своей поездки в Россию постарался договориться с Макдональдом о совместном действии Вандервельде. Макдональд изложил свой взгляд на задачи русской демократии в нижеследующем письме на имя Вандервельде. Это письмо Вандервельде передал ИК, но никакому обсуждению оно не подвергалось. Из его содержания видно, что Макдональд не выходил тогда за пределы пассивного, дряблень-кого буржуазного пацифизма. Всю проблему войны и русской революции он сводил к демократизации Европы. Все его предложения укладывались полностью в ту платформу мира, которую провозглашали тогда социал-патриоты как базу для созыва международной конференции. Вот содержание его письма:

26 апреля 1917 г.

«Дорогой Вандервельде!

В подтверждение нашего вчерашнего разговора сообщаю вам вкратце мое мнение о том, как должны сейчас действовать наши русские товарищи с целью использовать громадное влияние, которое русская революция имела на общее положение Европы.

Дальнейшее развитие придет само собою.

1. Я считаю необходимым, чтобы они действовали как одно целое для

[1] МСБ — Международное социалистическое бюро.

европейской демократии, а если бы они согласились кончить войну, получив гарантии исключительно для России, они возложили бы на других заботу уладить все затруднения и потрясения, которые Европа переживает в настоящее время.

2. Поэтому я думаю, что наши русские товарищи должны формулировать демократическую программу мира, выставляя условия, приемлемые для демократий всех европейских стран. Принимая во внимание большую натянутость и подозрительность, которые ныне обнаруживают воюющие народы, а также зловредные влияния, старающиеся внести разлад между ними, эта программа должна быть объявлена по совместном обсуждении и могла бы исходить от наших русских товарищей в согласии с товарищами из других наций.

3. Программная декларация должна состоять из двух главных пунктов:

А. Само решение—как-то: реставрация и полное восстановление Бельгии, средства для решения балканских национальных задач, интернационализация Дарданелл, объединение и независимость Польши и т. д. В этом пункте было бы указано на то, что некоторые из этих задач могут быть решаемы только международными комиссиями, тогда как другие никакому торгу не подлежат. К первой категории относятся балканские недоразумения, ко второй—восстановление Бельгии как независимого суверенного государства.

Б. Политические условия, при которых исключительно возможно ненарушимое строительство. Главнейшие из этих условий—это: чтобы европейские нации были демократичны, чтобы правительства, не совсем подчиненные демократическому контролю, перестали существовать и чтобы даже те правительства, которые номинально демократичны, были навсегда подчинены демократической власти по вопросам международной политики. Этот пункт должен также содержать декларацию в пользу союза народов (по вопросам о вооружении и о воинской повинности), с тем, чтобы могли быть проведены в жизнь самые широкие пожелания европейской демократии относительно постоянных условий мира и братских отношений.

4. Я повторяю, что если наши русские товарищи уразумеют, насколько велика в этом их ответственность, их политика должна быть направлена к тому, чтобы вести за собою и вдохновить всю Европу, а не только оставить Европу в безвыходном положении. Однако им будет необходимо дать совершенно ясно понять своим внешним союзникам, что демократия в России не будет больше простым оружием в руках правительств, но что она ставит себя во главе международного демократического движения, которое имеет целью использовать эту войну для установления своих собственных идеалов и своей собственной власти.

5. Когда содержание и форма манифеста будут приняты, он должен быть сообщен германскому и австрийскому народам, дабы они окончательно знали, каковы наши намерения, и могли бы, если пожелают, предпринять нужные шаги для приобщения себя к новому движению.

6. В заключение могу сказать, что некоторые из нас в палате общин, с большей симпатией и радостью наблюдавшие за ростом русской революции, только что отправили через русское посольство в Лондоне поздравительный адрес Временному правительству и Совету рабочих в Петроград.

Всегда ваш Макдональд».

Организация Комиссии по созыву международной конференции и позиция ЦК РСДРП(б)

8 мая ИК заслушал доклад Отдела международных сношений и решил образовать «комиссию по созыву международной конференции», приняв по этому случаю нижеследующее постановление:

«1. В состав комиссии входят: Президиум ИК (4), 3 члена ИК по избранию и представители от следующих партий: от партии эсеров—2, от социал-демократов большевиков—2, от социал-демократов меньшевиков—2, Бунда—1, латышских социал-демократов—2, трудовиков—1 (всего 17 человек: 7 по избранию ИК и 10 по назначению центральных партийных организаций). Кворум пленарного заседания комиссии—9 человек.

2. Комиссия выделяет из своей среды: а) делегацию к заграничным рабочим партиям и организациям и б) постоянного представителя в Стокгольме.

3. Делегация состоит из 3 лиц, одним из которых должен быть член президиума ИК, а двое других социал-демократом и эсером. В помощь делегации приглашается специальный секретарь. В задачу делегации входит посещение Англии, Франции, Италии и Швейцарии с целью привлечения всех рабочих организаций союзных стран к участию в конференции.

4. Постоянный представитель в Стокгольме имеет своей задачей быть связующим звеном между делегацией и ИК, с одной стороны, и между ИК и скандинавскими странами—с другой; на него также возлагается обязанность поддержать и развить сношения через нейтральных социалистов с рабочими организациями Германии и Австро-Венгрии. В помощь ему приглашается также специальный секретарь.

5. На посылку делегации ассигнуется кредит в 15 000 руб. (пятнадцать тысяч рублей); постоянному представителю в Стокгольме отпускается кредит в размере 2 000 руб. (две тысячи рублей) в месяц».

В конце заседания была зачитана только что прибывшая из Франции на имя Н. С. Чхеидзе телеграмма о согласии французской социалистической партии принять участие в конференции. Телеграмма была составлена в весьма дружественном тоне:

«С радостью сообщаем вам, что после нашего доклада Национальный совет социалистической партии единогласно принял переданное вами приглашение участвовать в международной конференции, созываемый русской революцией, чтобы наметить условия демократического мира на указанных вами основах. Французский социализм, которому мы имели счастье верно передать ваше поручение, заверяет вас, что он выступит с вами против империалистических войск за восстановление Интернационала и в защиту права народов на национальную свободу. Мы не сомневаемся, что вы, с своей стороны, будете готовы к двойному напряжению сил: интернационалистическому и военному, которые могут привести нас к общей цели. Кашен, Мутэ, депутаты».

Социал-соглашатели поняли друг друга и готовы были итти на международный сговор, а пока советовали русским социалистам гнать своих солдат во имя «общей цели».

10 мая ИК обсуждал предложение о выборах представителей ИК в комиссию по созыву международной социалистической конференции, согласно решению, принятому на заседании от 25 апреля. Бюро ИК предложило утвердить такими представителями Эрлиха, Стеклова и Анисимова. Собрание своим голосованием выбрало Стеклова, Суханова и Гольденберга.

Вступление социалистов во Временное правительство вынудило ИК на заседании 12 мая «признать желательным обратиться ко всем социалистическим партиям и международному пролетариату с выяснением смысла и мотивов участия Совета рабочих и солдатских депутатов через своих представителей во Временном правительстве» Л. Б. Каменев попытался внести предложение включить в текст этого обращения мотивы оппозиции, побудившие ее голосовать против участия социалистов в коалиционном правительстве. Но большинство поняло, что подобное «дополнение» разоблачит их перед международным пролетариатом, а поэтому отклонило его под предлогом, что «это ослабит значение акта, как политического действия, и внесет в воззвание совершенно излишний элемент полемики».

Вступление русских социалистов во Временное правительство вызвало большое ликование в лагере социал-предателей всех

стран. ИК поздравляли с мудрым решением по телеграфу и лично делегаты социал-патриотических партий, находившиеся в то время в России. Но в то же время среди левых социалистов и состороны центра циммервальдских групп это вступление вызвало большое смущение, за которым последовали запросы и недоумения. Да и внутри самих соглашательских партий не было единодушия по этому вопросу. В конце мая разъяснение, о котором говорилось на заседании ИК, было дано Отделом международных сношений. Как оправдывали социал-демократы меньшевики и социалисты революционеры вхождение своих представителей в состав буржуазного правительства, видно из обращения, опубликованного в № 78 «Известий», а именно:

«Ввиду различных толкований, которые вызвало вступление представителей Совета рабочих и солдатских депутатов во Временное правительство— некоторые из них стремились уподобить это вступление участию в правительственной власти при совершенно иных условиях,—Отдел международных сношений считает необходимым установить следующее:

1. Социалистические министры были посланы Советом в состав революционного Временного правительства с определенным мандатом—достигнуть всеобщего мира путем соглашения народов, а не затягивать продолжение империалистической войны во имя освобождения наций путем оружия.

2. Исходной точкой участия социалистов в революционном правительстве явилось не прекращение классовой борьбы, но, наоборот, ее продолжение при помощи орудий политической власти. Вот почему вступление социалистов в министерство для совместной работы с теми представителями буржуазных партий, которые открыто высказались за политику демократии мира, стало возможно не прежде, чем одни из врагов русского пролетариата оказались в Петропавловской крепости, а другие лишены власти движением революционных масс 20—21 апреля.

3. Участие русских социалистов в правительстве осуществилось при наличности полной свободы для пролетариата и армии. Осадное положение, политическая цензура, ограничение права стачек, собраний и слова ни в малейшей степени не сокращают этой свободы. Сверх того российский пролетариат обладает средствами полного контроля над своими избранниками.

4. Вступление представителей русского социалистического пролетариата в правительство отнюдь не означало ослабления уз, связывающих его с социалистами всех стран, ведущими борьбу против империализма, но, наоборот, знаменовало собою укрепление этих уз в совместной борьбе за всеобщий мир».

Все эти разъяснения, как уже было тогда вскрыто на страницах «Правды», Лениным, представляли собой сплошной обман рабочих. Никакого различия по существу вхождения социалистов в буржуазные правительства в Германии, Англии, Франции и в России не было. Как там, так и у нас у власти стояла буржуазия, и власть служила ее интересам. Мирная программа у социал-министров была только на словах, а на деле (а буржуазия хотела от них только дела), они подготовляли наступление, дальнейшую затяжку войны, истощение рабочих и крестьянских масс, при котором удалось бы легче надеть на них новое ярмо эксплоатации.

Второй пункт о классовой борьбе звучал прямо издевательством, ибо социалисты министры на деле, в Совете и в министерствах, сдерживали эту классовую борьбу, а кое-где и кое в чем уже в то время вели действительно классовую борьбу, но на стороне буржуазии против так называемых рабочих и крестьянских «анархических» действий. Совершенно неубедительна была ссылка на то, что социалисты вступили в правительство... после

свержения царизма и ухода Гучкова, которого они же в то время защищали. В европейских странах министры менялись чаще, а французы расправились со своим королем свыше 120 лет тому назад, но это обстоятельство не могло служить оправданием вхождения в состав буржуазного правительства.

Третий пункт явно преувеличивал наши свободы, а со времени вступление социалистов в правительство буржуазия повела наступление по всей линии, как на фабрично-заводские комитеты, на печать, так и на организации солдат в армии.

Четвертый пункт был правилен только в одном: вхождение социалистов и народников действительно связывало их тесными узами со всеми изменниками делу пролетариата, но отнюдь не помогало делу его освобождения.

Кроме устного заявления представителей нашей партии на заседании ИК от 25 апреля ЦК нашей партии на письменное приглашение прислать своего представителя в комиссию по созыву между народной конференции ответил нижеследующим письмом:

«В ответ на постановление Бюро исполнительного комитета от 13 сего мая Центральный комитет сообщает, что согласно своему отношению к созыву международной конференции он отказывается от участия в комиссии о созыве ее».

Во второй половине мая в Стокгольме созывалась конференция социалистических партий и групп, примыкавших к Циммервальду. Наша партия на Всероссийской конференции постановила принять в ней участие. Конференция организовывалась Бернской международоной социалистической комиссией, прибывшей для этой цели в Стокгольм.

Получил приглашение на эту конференцию «социалистических меньшинств», как именовалась она, также и ИК. На заседании ИК от 29 мая это предложение обсуждалось, и было принято решение участвовать на ней, послав одного делегата. Делегату же большинство дало нижеследующую директиву:

«Делегат заявляет, что он приехал на конференцию потому, что рассматривает ее как подготовительную к созыву конференции по нашей инициативе и принимает в ней участие, поскольку она не противопоставит себя нашей, в противном же случае он остается только для информации».

Делегатом на нее был избран М. И. Скобелев, но поездка его не состоялась. Не состоялась также и сама конференция.

Работа комиссии по созыву конференции

Первое совещание Комиссии по созыву международной социалистической конференции с участием представителей от социалистических партий (социал-демократов, эсеров, трудовиков и пр.) состоялось только 15 мая. В материалах ИК сохранился об этом заседании нижеследующий протокол:

«Протокол 1-го заседания комиссии по созыву интернациональной конференции. 15/V 1917 г.

Присутствовали: Чхеидзе, Гоц, Дан, Стеклов, Суханов, Гольденберг и

представители партий: от меньшевиков—П. Б. Аксельрод, Бунда—Г. М. Эрлих, трудовиков—П. Б. Шаскольский, от Отдела международных сношений—В. Н. Розанов.

Решения:

1. По вопросу об организации конференции. ИК берет на себя исключительную инициативу по созыву конференции и ее организации. Через особого делегата сообщить это решение Голландско-скандинавскому комитету и Бернской комиссии, объяснить им, почему—по соображениям тактическим—ИК берет на себя исключительную инициативу созыва и постарается обеспечить себе содействие этих организаций.

2. Место. Желательно Стокгольм. Запросить срочной телеграммой обе шведские партии о возможности конференции в Стокгольме. (Срочная телеграмма отправлена 15/V, в 8 час. вечера.)

3. Время. Промежуток от 18/VI до 2/VII ст. стиля (1—15 июля). Запросить срочно Голландско-скандинавский комитет и Бернскую комиссию о том, насколько это время удобно. (Срочная телеграмма 15/V.)

4. Платформа. Развить платформу Совета Р и СД общей борьбы против правительств с целью принудить их к признанию и проведению этой платформы. Обязательно участвовать в интернациональной акции против империалистических правительств с целью принудить их ликвидировать войну на этих основаниях. Конференция должна выработать способы борьбы. Партии, принимающие эту платформу, приглашаются на конференцию. Поручить составление письма П. Б. Аксельроду, И. П. Гольденбергу и В. Н. Розанову.

5. Состав. Партии, афилированные в старом или новом Интернационале. Центральные профессиональные организации.

6. Вотум на конференции: по нормам конгрессов.

7. Организацию делегации из России рассмотреть в следующем заседании.

В заседании комиссии 17/V.

Присутствовали: Чхеидзе, Церетелли, Гоц, Дан, Стеклов, Суханов, Гольденберг, от социал-демократов меньшевиков—П. Б. Аксельрод, от Бунда—Эрлих, трудовиков—Шаскольский, народных-социалистов—Шнитников, Отдела международных сношений—Розанов.

Был заслушан и принят проект обращения к социалистическим партиям и центральным профессиональным союзам.

Вопрос о составе конференции вызвал продолжительные дебаты.

Было решено: из партий России представительство имеют только афилированные в Интернационале и Центральное бюро профессиональных союзов.

Большинством против 1 (Дан) решено:

1. Совет депутатов входит на конференцию с решающим голосом, причем Совету должна принадлежать значительная часть голосов, падающих на Россию.

2. Вступить с имеющими право представительства партиями в переговоры об уступке их голосов Совету.

3. Запросить социал-демократов большевиков о том, будут ли они участвовать в конференции».

Через три дня после этого бюро ИК внесло на пленарное заседание ИК предложение ввести в Отдел международных сношений Мартова, Аксельрода, Рубановича, Розанова. Предложение большинством было принято, и избранные члены отдела были «введены» в ИК с совещательным голосом.

На этом же заседании был заслушан составленный комиссией по созыву международной социалистической конференции проект обращения ко всем социалистическим партиям и профессиональным союзам, а также соображения об условиях созыва и составе конференции, вытекавшие из приведенного выше протокола комиссии. По существу все пункты протокола получили одобрение большинства ИК. По вопросу об участии на конференции трудовиков, народных социалистов и «новожизненцев», не примыкавших ни к одному из интернациональных объединений, комиссия высказывалась за перенос решения этого вопроса на бюро самой

конференции. Но если бы бюро этой конференции запросило мнение ИК, то комиссия предложила бы высказаться за предоставление этим партиям совещательного голоса. Комиссия предлагала принять постановление, что представители Совета должны составлять не менее половины всей делегации, а остальную половину распределить между партиями. Таким путем социал-оборонцы стремились заранее гарантировать себе большинство голосов от России. Но прения по этому вопросу 18 мая закончиться не могли, и обсуждение было перенесено на 20 мая. На заседании ИК при обсуждении этого вопроса присутствовал Р. Гримм.

Заседание 20 мая было посвящено исключительно обсуждению международных дел, связанных с созывом конференции. В результате обсуждения было принято следующее обращение, внесенное комиссией по созыву международной конференции:

«28 (15) марта Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов обратился с воззванием «К народам всего мира», в котором он призывал «народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира».

Совет рабочих и солдатских депутатов, а с ним и вся демократия написали на своем знамени: «Мир без аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределение».

Российская демократия заставила первое Временное правительство признать эту платформу и, как показали события (20 и 21 апреля) 3 и 4 мая, не позволила первому Временному правительству отклониться от нее. Второе Российское Временное правительство, по настоянию Совета рабочих и солдатских депутатов, поставило эту платформу первым пунктом своей декларации. 9 мая (26 апреля) Исп. комитет Совета Р и СД постановил взять на себя инициативу созыва международной социалистической конференции, и 2 (15) мая Совет обратился с воззванием «К социалистам всех стран», призывая их к общей борьбе за мир.

Совет Р. и СД полагает, что скорейшего прекращения войны и водворения мира на условиях, требуемых общими интересами трудящихся масс и всего человечества, социалистическая демократия может добиться только интернационально объединенными усилиями рабочих партий и профессиональных организаций воюющих и нейтральных стран для энергичной и упорной борьбы против всемирной бойни. Первым же необходимым и решительным шагом в деле организации такого международного движения является созыв Интернациональной конференции. Главнейшей задачей ее должно быть соглашение между представителями социалистического пролетариата как относительно ликвидации политики «национального единения» с империалистическими правительствами и классами, исключающей возможность борьбы за мир, так и относительно путей и средств этой борьбы.

Международное соглашение в целях ликвидации этой политики является вообще необходимой предпосылкой для организации борьбы на интернациональном базисе и в широком масштабе. Этот путь предуказан пролетариату всеми его международными договорами.

Созыв конференции также властно диктуется общими жизненными интересами пролетариата и всех народов.

Партии и организации трудящихся классов, разделяющие эти взгляды и готовые объединить свои усилия для проведения их в жизнь, приглашаются Советом принять участие в созываемой им конференции.

Совет выражает при этом уверенность в том, что все принимающие это предложение партии и организации возьмут на себя обязательство неуклонно проводить в жизнь все постановления, которые будут приняты конференцией.

Местом конференции Совет избирает Стокгольм. Время созыва конференции—28 июня—8 июля 1917 г.».

Французские и бельгийские социалисты о конференции

В течение всего мая месяца в Отделе международных сношений ИК, а также и в бюро его происходили частные совещания и встречи русских социал-патриотов с различными представителями социалистических партий,—вернее, их патриотического большинства союзных стран. Эти встречи и переговоры держались в тайне, но содержание их было отчасти известно по отдельным спорам и заметкам, проникавшим в печать. За кулисами ИК Совета происходил сговор социал-соглашателей нашей страны со своими братьями союзниками. Опубликование приглашения социалистическим партиям принять участие в Стокгольмской конференции означало, что в основном сговор состоялся, и разногласия оставались ничтожными. Самой серьезной угрозой Стокгольмской конференции было открыто враждебное отношение представителей официальных социалистических партий воевавших стран друг к другу, нежелание встречи и какого-либо совместного обсуждения или действия. Во взаимных оценках и отношениях такие социалисты ничем не уступали самым вульгарным националистам.

Наиболее непримиримыми в этой позиции были бельгийские социалисты из большинства. Оправданием такой вражды для них служила оккупация германцами Бельгии и те насилия над бельгийскими жителями, которые совершались германскими войсками и оправдывались германскими социалистами из большинства. Среди французских социалистов также было враждебное отношение ко встрече с немецкими социалистами, поддерживавшими, по их терминологии, «наступавший империализм». Среди английских социалистов «непримиримыми» такого сорта было большинство из британской социалистической партии, группа Хайдмана (так называемая «марксистская» группа).

Эта взаимная, националистическая вражда двух групп социалистов, поддержавших свои империалистические правительства, не считалась тогда даже в лагере их сторонников столь глубоко принципиальной, чтобы исключить самую мысль о примирении. Наоборот, даже социалисты «нейтральных» стран в этом тождестве позиций справедливо усматривали «интернационализм» и им обосновывали «право», «обязанность» и «долг» каждого социалиста «интернационалиста» защищать свое отечество, не рассуждая, право оно или нет, в момент военной опасности.

Последовательную и непримиримую борьбу с шовинизмом и военной политикой Временного правительства и поддерживавшими его социал-патриотами вела только наша РСДРП(б). По всей стране, в тылу и на фронте, велась наша антивоенная пропаганда, опиравшаяся на жизненные интересы рабочих и крестьянских масс. Эта пропаганда имела значительный успех среди рабочих масс, но крестьяне, одетые в серые шинели, поддавались еще влиянию различных лозунгов лжереволюционного оборончества. Но и эти массы под влиянием нашей пропаганды признавали уже только «оборонительную» войну, отказывались итти в наступление и подобными актами проявляли свои колебания. Соотношение

сил в стране не позволяло буржуазии задавить в «зародыше», как того хотели опытные в борьбе с революционным движением реакционеры, антивоенное движение. Попытки натравить на нашу партию малосознательных солдат не удались, и буржуазным политикам пришлось вести борьбу путем организации контрпропаганды. Тыл и фронт засыпались воззваниями. Туда же направлялись и различные агитаторы за войну. Все эти мероприятия будили солдатскую мысль, но классовое чутье все же подсказывало им, на чьей стороне правда. Войска «большевизировались».

Наша с.-д. большевистская партия в России, интернационалистические социалистические меньшинства в различных странах (К. Либкнехта в Германии, Маклина в Англии, Лорио—во Франции и др.), отрицая принцип обороны в этой империалистической войне, считали, что все большинства социалистических партий, поддерживавших «свои» правительства в этой войне, одинаково изменили делу пролетариата и вели с этими большинствами борьбу, отмежевывались от них политически, разоблачали их перед рабочими, платясь за это преследованиями по законам военного времени. Подготовку к Стокгольмской конференции наша партия и все интернационалистические меньшинства левых рассматривали как попытку добиться взаимного соглашения между всеми социал-патриотами в целях нового обмана рабочих уже на вопросе о «борьбе за мир».

Отрицательная позиция нашей партии по отношению к Стокгольмской стряпне разделялась значительной частью социалистических партий и групп циммервальдской левой. В ответ на конференцию социал-соглашателей всех стран наша партия внесла предложение о созыве конференции только таких партий и групп, которые вели последовательную борьбу против войны. Для подготовки этой конференции и организации связи ЦК РСДРП(б) были посланы за границу уполномоченные.

Русская революция окрылила многих «честных маклеров» из оппортунистического лагеря социалистов нейтральных стран. На гребне русской революции они задумали подняться и «примирить» враждующих братьев, социал-шовинистов всех стран, и в этих целях пытались использовать поднятую Петроградским советом кампанию в пользу мира. На сцену выдвинули Голландско-скандинавский комитет, инспирированный германскими шейдемановцами через Трельстра, крайне правого голландского социалиста. Но для борьбы с возможными «германскими интригами» в комитет вошли представители большинства шведской с.-д. партии, ориентировавшиеся на бельгийских и французских социалистов, а также представитель от норвежской правой части партии Виднес, сторонник той же англо-французской ориентации. Позднее к этому же комитету примкнул и К. Гюисманс, секретарь Международного социалистического бюро II Интернационала, действовавший несомненно по соглашению с французской и бельгийской с.-д. партиями.

Русские соглашатели пытались быть «независимыми» от всех интриг в Стокгольме, вызванных международной деятельностью

Совета, и подчеркивали исключительную свою инициативу в этом деле. Однако эта инициатива встретила на деле ряд существенных возражений со стороны тех, с кем представители советского большинства договаривались, кого они приглашали на эту конференцию.

Первый протест против созыва такой международной социалистической конференции был сообщен в письменной форме Э. Вандервельде и Л. де-Брукером 14 мая, но остался известен только участникам бюро Исполнительного комитета и деятелям Отдела международных сношений. В этом письме оба представителя бельгийской партии излагали свое понимание советского лозунга «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций» и высказывались против проектируемой Советом общей конференции социалистов, считая ее бесполезной и опасной, но письменного ответа на нее не получили.

После появления призыва на конференцию, появившегося в печати 21 мая, те же лица, с присоединившимся к ним А. Тома, прислали на другой же день свой мотивированный протест и удивление по случаю созыва конференции. В этом письме были изложены существенные положения письма от 14 мая и ряд тех условий, при осуществлении коих они считали возможным участвовать в общей социалистической конференции. Письмо было адресовано «гражданину председателю Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, но начиналось с коллективного обращения «Товарищи!» и содержало следующее:

«Мы были очень удивлены созывом международной конференции, сообщение о которой мы нашли в Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов от 21/V (3/VI) 1917 г. В течение последнего месяца английская, бельгийская и французская делегации имели совещания с Советом по поводу предлагаемого созыва международной социалистической конференции. Переговоры начатые так и не были доведены до конца. Вы особенно просили бельгийскую делегацию представить вам письменно свои соображения, которые вам были переданы 14/27 мая, на которые еще не было дано ответа. Равно вы пригласили английские организации (меньшинство и большинство) приехать для обсуждения с нами условий, на которых будет совершено приглашение. Делегация, о будущем отъезде которой есть сообщение, не могла еще достигнуть Петрограда. Следовательно мы не могли ожидать, что вы созовете конференцию в условиях, когда предшествовавшие переговоры не позволяли этого предвидеть.

Во время этих переговоров мы отметили наше согласие с вами на советской формуле мира при обязательном условии, чтобы эта формула мира была ясно определена и уточнена таким образом, чтобы не были исключены ни освобождение территорий согласно воле жителей, ни возмещение за потери, причиненные стране фактом нашествия.

С другой стороны, мы формально заявили вам, что нам будет совершенно невозможно присоединиться к общей конференции, прежде чем будут выработаны по общему соглашению единство условий, достаточно точных, чтобы удалить всякую двусмысленность, чтобы обезвредить какой бы то ни было дипломатический маневр наших противников и устранить те номинально социалистические фракции, которые не решаются сотрудничать в антиимпериалистическом деле, к которому вы призываете Интернационал.

Более чем когда-либо мы убеждены, что такое общее собрание, на которое будут допущены те, которые поддерживают нынешнюю политику социалистов большинства центральных империй, было бы бесполезно и опасно, потому что соединение противоположных усилий не может привести ни к чему, кроме опасного действия, потому что оно поддерживает двусмысленность и создает в рабочих и крестьянских массах иллюзию, что спра-

ведливый и длительный мир возможен раньше, чем нападающий империализм будет разрушен.

До тех пор, пока социалисты всех заинтересованных наций не объявят публично в их стране, не скрывая и без оговорок, под ответственностью их собственного пролетариата и не откажутся от военного сотрудничества с нападающим империализмом, мы считаем международную социалистическую конференцию морально невозможной.

Сделав такую декларацию, мы согласовывали с ней и наши действия. Мы готовы ее снова повторить с еще большей силой, которую нам дает поддержка русской революции. Когда немецкие социалисты совершат ее в свой черед, также объявят о своем разрыве с кайзером, тогда—и только тогда—мы можем рассмотреть возможность общего действия.

Заканчивая, мы обращаем ваше внимание на следующее место вашей декларации. «Первым же необходимым и решительным шагом в деле организации международного движения является созыв интернациональной конференции. Главнейшей задачей ее должно быть соглашение между представителями социалистического пролетариата как относительно ликвидации политики «национального единения» с империалистическими правительствами и классами, исключающей возможность борьбы за мир, так и относительно путей и средств этой борьбы».

Мы вполне согласны с Советом, чтобы подтвердить необходимость разрыва между социализмом и правительствами или классами, цели войны которых запятнаны империализмом, но мы считали и продолжаем считать, что национальное единение против нападающего империализма есть долг, налагаемый на все классы и от которого социалистический пролетариат не может избавиться без отречения и без того, чтобы не скомпрометировать жизненные интересы демократии и самого социализма.

Мы не можем сомневаться тем более, что русские социалисты, которые в этот самый момент поручили своим советским делегатам внутри Временного правительства защищать русскую революцию против германского империализма, не разделяли бы наши взгляды по этому случаю.

Наши прежние собеседования позволяли нам весьма часто рассеивать все недоразумения между нами и разъяснять возможные сомнения, поэтому мы желаем еще и ныне объясниться с вами.

Мы будем счастливы, будучи вами приглашены на заседание Исполнительного комитета, чтобы объясниться совершенно по-братски. Те из нас, которые находятся в Петрограде, явятся по вашему вызову.

Братски с вами: Эмиль Вандервельде.
Альберт Тома.
Л. де-Брукер.

Ответ на это письмо был выработан в Отделе международных сношений и опубликован в № 81 «Известий» от 2 июня, в котором большинство Совета шло на уступки в части, касавшейся Эльзаса-Лотарингии, а также и в вопросе о вознаграждении стран, разоренных войной. Кроме того соглашатели отказывались и от предварительного условия для участия на конференции—требования разрыва «национального единения», практиковавшегося социалистами патриотами во всех странах [1]. Так оно и было понято теми, кому предназначалось.

Через неделю после ответа И. К. Вандервальде и другим было получено заявление административной комиссии французской социалистической партии, содержавшей ряд аналогичных условий, изложенных в письме «тройки» от 22 мая, с дополнением о том, что их правительство требовало снятия вопроса о Стокгольмской конференции [2].

[1] См. этот ответ ИК в приложении 3.

[2] См. это заявление в приложении 4.

В начале июня н. ст. Отдел международных сношений получил письмо от К. Гюисманса, как секретаря Голландско-скандинавского комитета, в котором он ставил ИК в известность о проделанной комитетом работе, а также изложил свои взгляды на предложенный Советом созыв международной социалистической конференции. Он сообщал, что Голландско-скандинавский комитет, в том числе и он, полагают, что работу по созыву конференции следует возложить на какую-либо партию нейтральной страны. Этим ходом намеревались выбить инициативу и организацию этого дела из рук советского большинства и передать ее в более надежные и верные руки скандинавских правых оппортунистов. Кроме того в дело организации К. Гюисманс предлагал включить и Международное социалистическое бюро обанкротившегося II Интернационала, предоставив ему право решать вопрос о том, кто может быть участником конференции и распределить самому голоса между всеми участниками съезда[1].

Между прочим в соглашательских рядах не было еще установлено единства на вопрос о том, созывать ли съезд или конференцию. Русские социал-соглашатели предлагали конференцию, но организовывали ее по нормам международных социалистических съездов, решения которых являлись обязательными для всех участников, в то время как конференция обычно считалась органом совещательным. Голландско-скандинавский комитет, по соглашению с Международным социалистическим бюро II Интернационала предлагал устраивать совещания (т. е. конференции) отдельно с каждой страной и, на основе данных этих совещаний, созвать общую конференцию или съезд. С точки зрения «полноты» сговора» этот проект отличался продуманностью и большей гибкостью, чем призывы Совета, и фактически он был молчаливо принят соглашателями из Совета.

Появление ответа ИК на письмо Вандервельде привело в восхищение своим содержанием всех скандинавских правых. Эту радостную весть передал находившийся в Стокгольме редактор-издатель предполагавшегося там к выпуску особого бюллетеня Отдела международных совещаний. Присланная им телеграмма гласила:

«Гюисманс от имени комиссии просил сообщить: комиссия с восторгом узнала ответ Совета Вандервельде, полностью акцептовала основы и под флагом Совета, после совместного установления организационных правил, выполнение и подготовку взять на себя. Две конференции параллельно было бы роковым. Безусловно необходимо, чтобы официальные представители Совета без дальнейшего промедления приехали сюда. Подробности письмом.

Вайнберг».

Эта телеграмма вызвала неудовольствие Отдела международных сношений, и Вайнбергу было указано, чтобы он не брал на себя роли представителей ИКК, как об этом ему была дана инструкция.

---

[1] См. это письмо в приложении 5.

Германские социалисты и конференция.

В начале того же июня откликнулись на призыв Совета и германские социал-демократы шейдемановцы, прислав нижеследующее письмо, подписанное девятью вождями германских социал-шовинистов.

Уважаемые товарищи!

Делегаты социал-демократической партии и профессиональных союзов Германии, приехавшие на Интернациональную конференцию в Стокгольме, обсудили опубликованное на-днях воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов, призывающее социал-демократические партии всего мира принять участие в Интернациональной конференции, долженствующей быть созванной между 28 июня и 8 июля в Стокгольме. Дословно текст этого воззвания нам неизвестен. Судя по находящемуся в нашем распоряжении тексту, всем партиям и организациям рабочего класса предлагается сообщить Совету рабочих и солдатских депутатов, желают ли они участвовать в этой конференции. Мы охотно готовы принять в ней участие, как мы вообще в течение всей войны были готовы возобновить интернациональные сношения со всеми социалистическими партиями.

Социал-демократия Германии определяла свою политику во время войны независимо и самостоятельно. Решающим для нее были при этом интересы трудящегося народа. Из приложенных документов видно, что немецкая социал-демократия непрестанно и энергично высказывалась за соглашение между рабочими всех стран, чтобы общими силами достигнуть мира. Мы решительно боролись против всех империалистических завоевательных планов. Такое отношение дало нам возможность горячо приветствовать русскую революцию и стать, согласно резолюции нашего партийного правления, целиком на почве требований Совета рабочих и солдатских депутатов, призывающего все народы к общим выступлениям в пользу мира. Провозглашенная Советом рабочих и солдатских депутатов и русской демократией цель: «мир без аннексий и контрибуций» является также и нашей целью. Текст резолюции нашего правления, который мы также энергично отстаивали в рейхстаге, мы приводим ниже [1].

Сознательный пролетариат в Германии, который всегда относился к русскому освободительному движению с величайшим восторгом и поддерживал его, желает российской демократии после победы революции прочного укрепления. В собственных интересах немецкого пролетариата, в интересах освободительного развития в Германии, является весьма желательным соседство с победной демократической Россией. Основывающиеся на свободе и дружеских сношениях добрососедские отношения являются вернейшей гарантией для прочного мира в Европе.

Копию этого письма мы направили тт. Чхеидзе, Церетелли, Скобелеву, а также в редакции партийных газет: «Рабочая газета» и «Новая жизнь».

По вашему поручению Голландско-скандинавский комитет просил нас оказать содействие для выдачи паспортов тт. Фриму и Христеско в Бухаресте, Лаптневичу и Казлеровичу в Белграде.

Мы сделаем все от нас зависящее в желательном нам направлении.

Стокгольм, 7 июня 1917 г.

С социалистическим приветом делегация германской социал-демократии и профессиональных союзов в Стокгольме.

Следуют подписи: Ф. Эберт, Шейдеман, Г. Мюллер, Э. Давид, Р. Фишер, Г. Мекленбург, И. Бауэр, С. Легин, И. Засенбах».

К письму была приложена резолюция, принятая партийными инстанциями шейдемановцев.

Как и следовало ожидать, германские социал-шовинисты выразили готовность участвовать в конференции и даже хвастали

---

[1] См. ее в приложении 6.

своей постоянной «готовностью» возобновить интернациональные связи. Идеи мира «без аннексий и контрибуций» шейдемановцы считали также своей целью. Идейный контакт «предателей всех стран» становился фактом и готовился закрепиться организационно в интернациональном масштабе.

На письмо германских социал-патриотов ИК ответил 9 июня выражением своего удовольствия по поводу предстоящей встречи с немецкими социал-империалистами, в таком духе:

«Уважаемые товарищи!

Мы получили ваше письмо от 7 июня. Чтобы выяснить вам нашу позицию, мы препровождаем вам подлинный текст нашего воззвания. Приветствуя ваше согласие участвовать в конференции, мы еще раз обращаем ваше внимание на то, что созываемая нами конференция основана на предположении, что все ее участники изъявят согласие совместно обсуждать и решать необходимые шаги к тому, чтобы возбудить пролетарские массы к борьбе против империалистических правительств—с целью принудить их к отказу от их целей войны, и возьмут на себя обязательство осуществить решения конференции.

Таким образом будет открыт путь всеобщему демократическому миру, который может—и должен—быть достигнут только на основе права наций на самоопределение и отказа каждой страны от аннексий и контрибуций».

Этот ответ служил ярким доказательством, подтверждением правильности отношения нашего ЦК к Стокгольмской конференции, на которой соглашатели всех стран предполагали амнистировать друг друга.

Вся переписка по вопросам, касавшимся созыва конференции, проходила через Стокгольм, где находились в то время представители различных международных центров. Наша партия учредила там также свое представительство и поставила информационную работу, а также дело связи со всеми левыми пролетарскими с.-д. элементами.

Вскоре после опубликования обращения к социалистическим партиям обострились внутренние трения в лагере самих соглашателей. Некоторые партии «союзников» отказывались принимать участие в такой конференции, где будут «немцы». Началось откладывание созыва конференции. В один день, 8 июня, было отправлено в Стокгольм три телеграммы, откладывающие срок созыва конференции и посылку делегации для её организации.

Первая телеграмма была адресована на имя Брантинга и сообщала, что

«посылка делегации несколько замедлена по причине съезда советов рабочих и солдатских депутатов. Вопрос этот поставлен в порядок для съезда, как один из наиболее важных».

Вторая—сообщала Гюисмансу, что

«чрезвычайное множество неотложных дел, встающих перед нами каждую минуту, мешает до сих пор образовать делегацию, снабженную инструкциями для подготовки конференции. Все наше время будет занято в течение текущей недели съездом всех советов рабочих и солдатских депутатов. Были бы рады, если бы вы могли посетить Петроград через 10 дней, для того чтобы обсудить вопрос вместе с нами здесь».

Третья—предлагала сообщить Гюисмансу и напечатать в «Бюллетене», что

«вследствие просьбы французских товарищей, не имеющих возможности прибыть к сроку, конференция откладывается. Новый срок будет назначен по соглашению с ними и другими партиями».

Наконец, четвертая телеграмма была послана в Париж, в газету французской социалистической партии «Юманитэ», и извещение, что

«согласно вашему желанию мы откладываем созыв конференции. Новый срок назначим по соглашению с вами и другими партиями. Рады приезду в Петроград ваших делегатов Реноделя и Лонге. Просим телеграфировать время их прибытия».

Советская делегация за границей

В первых числах июня начал свою работу I съезд советов, в порядок дня которого был включен и вопрос о созыве конференции. Доклад был сделан В. Розановым по нижеследующим тезисам, утвержденным ИК:

«Международная конференция, созываемая по инициативе Исполнительного комитета, имеет своей целью достигнуть объединения трудящихся классов всех стран в смысле совместной борьбы за справедливый мир.

Почву для такого объединения дает повсеместное желание трудящихся достигнуть возможно скорее мира без каких-либо угнетений и несправедливостей над отдельными народами. Эти условия мира в общем виде выражены известной формулой «без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение». Для достижения такого мира необходимо, чтобы солидарная в своих целях демократия вела борьбу, каждая в своей стране, против империалистических классов, и все демократии вместе—против господства империализма в мировой политике. Только преодолев империалистическую политику буржуазии, мы можем достигнуть демократического мира.

Поэтому в платформе, на основе которой созывается конференция, центральное место занимает призыв к партиям решиться на объединенные совместные действия против империалистической политики буржуазии.

Мы должны стремиться к тому, чтобы достигнуть объединения всех трудящихся масс всех стран. Чем шире будет объединение, тем оно будет плодотворнее. Поэтому Исполнительный комитет в приглашении на конференцию не делает различия между партиями и направлениями, но призывает всех желающих объединиться на указанных выше основаниях. Созываемая Исполнительным комитетом конференция имеет целью восстановить доверие демократии различных стран друг к другу объединением их на одной платформе мира и обязательством поддерживать друг друга общей борьбой против империализма».

Вся беспринципность меньшевиков отразилась в тезисах полностью. Доклад Розанова также отличался ограниченностью, прикрывавшейся стремлением всеобщего объединения социалистов всех направлений.

Съезд советов одобрил решение о созыве международной конференции и во второй половине июня были намечены и утверждены шесть делегатов Совета для поездки за границу с целью подготовки конференции. 16 июня были выданы мандаты для поездки в Стокгольм на имя Розанова, Гольденберга, Эрлиха. Кроме того через несколько дней туда же выехали Русанов и Смирнов.

Первое отчетное письмо делегации из Стокгольма, написан-

ное Розановым, помеченное 27 июня, содержало следующее сообщение о положении дел [1].

«Дорогие товарищи!

Наша делегация ожидалась в Стокгольме с нетерпением целым рядом других делегаций. Сейчас же после нашего приезда начались совещания, которые—в политической части—закончились до приезда Русанова и Эрлиха; именно до их приезда мы переговорили с немецким большинством и меньшинством, с В. Адлером и представителем венгерской партии Вельтнером. Результаты этих переговоров вам известны из телеграмм. Более подробные протоколы высылаются нами вам со следующим курьером. Недоговоренным остается организационный вопрос с Голландско-скандинавским комитетом и Бернской комиссией. Этот вопрос мы отложили, потому что немецкие делегации спешили с отъездом, и, так как они ожидали нас более недели, мы должны были заняться с ними в первую очередь.

Переговоры с Голландско-скандинавским комитетом касаются не платформы нашей, а техники и формы созыва конференции. Я надеюсь, это дело в одном завтрашнем заседании уладится. Что касается Бернской комиссии, то с нею дело обстоит приблизительно так, как это случалось с нашими комитетами лет 15 тому назад, а именно, в комиссии осталась одна Балабанова, которая кооптировала после провала Гримма четырех шведов в комиссию. Организация фактическая, совершенно не представляющая собою «меньшинств». Что с ними делать, я еще не знаю, но во всяком случае это не серьезный вопрос.

Наша делегация, за исключением меня, выезжает при первой возможности переезда в Англию. Я же остаюсь тут в качестве посредствующего центра. На этом позвольте сейчас остановиться, так как тут возникает масса практических вопросов и задач, которые нужно разрешить немедленно.

Прежде всего позвольте обратить ваше внимание на самую главную проблему. Наша миссия за границей может быть успешно выполнена только при заботливой поддержке с вашей стороны. Между тем уже из сообщения Г. М. Эрлиха я узнал, что Отдел Международных сношений начинает быстро разваливаться. И в самом деле: из-за беспорядков в Отделе Эрлих не мог взять с собой обычной курьерской посылки со свежими номерами «Известий» и социалистических газет. За время первых 4 дней нашего пребывания в Стокгольме ни мы, ни «Бюллетень» не получили ни одной телеграммы от Отдела международных сношений, несмотря на то, что событий у вас было за это время более чем достаточно, и притом таких, по которым для нас в высшей степени важно знать вашу официальную позицию. Наш авторитет, наше влияние всецело зависят от двух вещей: 1) от значения общей организации советов в России и 2) от нашей связи с вами. Чем больше будет фактов в наших руках, свидетельствующих о том, что мы являемся представителями не мимолетной и не ослабевающей силы, тем большего мы достигнем. И мы обратимся в совершенно никем не принимаемых всерьез метеоров, если мы не будем иметь возможности демонстрировать тесную связь с вами.

Отсюда вытекают следующие практические меры.

1. Отдел международных сношений должен после нашего отъезда не только не сокращать своей деятельности, но расширять ее во всех направлениях. Нужно больше телеграфировать для «Бюллетеня» и для нас, нужно чаще отсылать с курьерами газеты и другие материалы. Нужно позаботиться и о том, чтобы доставленные нами сообщения не оставались лежать в архиве Отдела. Для этого всего необходимо нужно, чтобы кто-нибудь, В. С. Войтинский или Ю. О. Мартов, или еще кто-нибудь из вас, занялся делом основательно и не ограничивался тем, чтобы заходить в Отдел и спрашивать, нет ли чего нового; заведующего Отделом необходимо освободить от всех других работ. Это тем более необходимо, что не следует откладывать до кануна самой конференции и таких вопросов, которые будут стоять в порядке дня ее. Нужно, чтобы Отдел международных сношений мог представить Исполнительному комитету доклады к конференции, а дело здесь идет о вопросах,

---

[1] Архив Октябрьской революции, ф. XXX, д/II.

над которыми необходимо, чтобы кто-нибудь работал. От имени всей делегации я убедительно прошу вас о немедленном назначении заведующего Отделом международных сношений, временно до моего возвращения.

2. Выяснилось, что с «Бюллетенем» дело обстоит довольно неблагополучно вследствие того, что т. Вайнберг—человек не вполне подходящий. «Бюллетень» выходит в отвратительных переводах, так как Вайнберг не владеет языками вполне, а хороших переводчиков достать трудно. По своей излишней доверчивости, не приняв во внимание, что Стокгольм—место собрания всякой интернациональной дряни, он не умел подобрать достаточно надежного штата. Это испортило отношение к нему и местной коллегии и другой иностранной партийной публики, так что едва делегация приехала, как со всех сторон посыпались неприятного свойства заявления о неумении, непригодности Ю. С. Вайнберга и т. п. Все остальные члены делегации приняли было решение о необходимости заменить Вайнберга другим лицом. Но потом несколько успокоились. Мое мнение таково, что он, конечно, во многих отношениях не был вначале пригодным и много сделал ошибок, но так как он на редкость преданный и трудолюбивый товарищ и в смысле интеллигентности достаточно во всяком случае удовлетворяющий запросам и так как, с другой стороны, людей вообще мало, то нужно сохранить его для «Бюллетеня». Однако нужно все дело во всей постановке пересмотреть и реорганизовать. Это потребует и того, чтобы я или другой этим занялся, пока оно будет налажено или, по крайней мере, устранены самые вопиющие недостатки.

Основная вина находится в Отделе международных сношений, который не дает материала и денег. Вайнберг получил 2 000 руб. и израсходовал их на оборудование. Необходимо дать на «Бюллетень» 2 000 крон в месяц, первый месяц даже 3 000 крон. Потом можно и вовсе прекратить его. Но в период нашей борьбы за мир нечего жалеть 3 000 руб. для такого важного дела для нашей миссии, как «Бюллетень». Представители всех заграничных партий в один голос заявляют, что для влияния русской революции в высшей степени важно иметь хороший бюллетень с хорошей фактической телеграфной информацией. Телеграммы необходимо посылать через министерство иностранных дел и здешнее посольство, иначе они приходят на 2 дня позже телеграмм ПТА и посольства. Наладьте это немедленно.

3. По созыву конференции здесь мы предполагаем создать организационный центр из нашего (их) представителя (ей), Бернской комиссии и Голландско-скандинавского комитета. С организацией конференции в смысле рассмотрения отдельных претензий и прочего еще будет достаточно много возни. Нужно подготовить доклады и, главное, нужно укрепить завязанные теперь сношения с партиями и развивать их и подготовлять практическую плодотворность конференции. Это дает тут работы более чем для одного человека. Но так как я считаю безусловно необходимым приехать в Петроград для доклада по вопросам конференции и по некоторым общеполитическим вопросам, то я настоятельнейшим образом предлагаю вместо неприехавшего Дюбуа доизбрать одного делегата или представителя Исполнительного комитета и прислать его сюда. Это самонужнейшее дело. Это дало бы мне возможность приехать в Петроград, чтобы лучше с вами наладить нашу внешнюю политику. Или делать, так не малейших усилий [1], или не делать вовсе. Из состава делегации, кроме меня, никого больше выделить для Стокгольма нельзя, так как А. Н. Смирнов, по полному незнанию языков и весьма небольшому знакомству с внешнеполитическими делами и западно-европейскими отношениями, вообще силой не является, а для Г. М. Эрлиха, кроме Н. С. Русанова, необходим безусловно и другой еще секундант, тем более, что Эрлих не говорит достаточно ни по-французски, ни по-английски [2]».

Далее следует приписка, обращенная к Н. С. Чхеидзе, весьма характерная для того времени, свидетельствовавшая, как мало интересовали соглашателей вопросы международной политики рабочего класса и русской революции.

[1] Так в подлиннике.
[2] Конца письма в деле нет.

«Дорогой Николай Семенович.

Убедительно прошу вас письмо, прилагаемое при сем и написанное потом и кровью, передать в бюро Центрального всероссийского исполнительного комитета (кажется так он называется?) и не только передать, но и заставить товарищей прочитать или выслушать его.

Мы могли бы сделать решительное в деле прекращения войны, если бы мы не манкировали всеми внешнеполитическими обязанностями. Я убежден в этом, и это убеждение, в связи с тревогой за то, что мы будем продолжать упускать ситуацию, меня неотступно преследует. Я готов делать все возможное сверх сил, но мои личные силы очень ограничены. Я убедительно прошу внимания к моим предложениям.

Авторитет Совета еще огромен. Достаточно было одной газете написать, что я—ваша правая рука в международной политике (я не претендую на это), как ко мне все стали обращаться: «Кончайте войну—это в вашей власти».

Мы много упустили, затянув дело конференции с апреля до сих пор и дольше. Но еще не упущено время окончательно. Конечно решают в конце концов обстоятельства, но возможно сделать большое дело. Ради всех богов, Николай Семенович, не будьте и не позволяйте быть другим невнимательными к внешней политике нашей, как я ни понимаю, что раскаленные внутренние вопросы еще более жгут ваш ум и сердце.

Ваш Влад. Розанов».

Второе отчетное письмо о деятельности советской делегации в Стокгольме было передано по телеграфу и содержало описание различных переговоров, которые вела делегация в первые дни своего приезда с различными социалистическими группами С Голландско-скандинавским комитетом правых социал-демократов у советской делегации быстро наладился полный контакт,—их разделяли лишь мелкие не принципиальные, а организационные детали. Установить контакт с Бернской социалистической комиссией оказалось значительно труднее. Все попытки Розанова и других «обработать» левых социал-демократов не привели к положительным результатам. Сообщение Розанова об участии в предполагавшейся конференции циммервальдцев касалось по преимуществу правого крыла Циммервальдского объединения, в том числе имело в виду и русскую группу Ю. Мартова. Вот полный текст этого сообщения, отправленного из Стокгольма числа 10—11 июля 1917 г.

Sovdep. Petrograde.

«Отчет переговоров с центральными организациями. В первый день приезда, 3 июля, делегация в составе Гольденберга, Розанова, Смирнова была приглашена на совещание циммервальдистов, где присутствовали Бернская комиссия, немецкое меньшинство, большевики. В порядке собрания стояли вопросы подготовки Циммервальдской конференции. Делегация была запрошена и ответила, что в подготовке Циммервальдской конференции она не участвует. Ее миссия—подготовка общей конференции. На собрании циммервальдцев делегация участвует с целью информации и объяснений целей общей конференции, созываемой Советом, и с целью привлечь Бернскую комиссию к сотрудничеству. По предложению Радека был поставлен на обсуждение вопрос о конференции, созываемой по инициативе Исполнительного комитета Совета депутатов. Первое слово было дано Радеку, который полемизировал против платформы воззвания Исполнительного комитета и ответного письма Исполнительного комитета Вандервельде, Тома, де-Брукеру. Радек находил, что политика Совета неясна и непоследовательна. Розанов и Гольденберг в ответе изложили, что конкретные шаги для разрыва union sacrée [1] не требуются как предварительное условие допущения на

[1] Священное единение.

конференцию, но требуется подчинение решениям конференции. Согласие на подчинение требуется как предварительное условие. В дальнейших речах Радек, Ганецкий, Кирков, болгарский тесняк, указывали, что в платформе Совета недостаточно оттенена классовая борьба. Совместное участие с большинствами неприемлемо. Радек, Ганецкий упрекали Совет в том, что он замедляет революционное движение Западной Европы. После неоднократных ответов и разъяснений делегации немецкое меньшинство заявило, что оно решило участвовать в конференции Совета. Радек заявляет: мы ни в коем случае не идем на конференцию. Член Бернской комиссии Балабанова также критиковала платформу Совета, другие члены Бернской комиссии не высказались. Окончательного ответа на вопрос, примет ли Бернская комиссия участие в созыве конференции, делегация не получила. Совещания с Голландско-скандинавским комитетом начались несколькими днями позже после переговоров с отдельными партиями Германии, Австрии, Венгрии. В Голландско-скандинавском комитете также встретились значительные затруднения. Переговоры тянулись несколько заседаний в присутствии всей делегации. Комитет поднял вопрос о конкретизации формулы мира. Делегации удалось убедить, что более конкретная формула в приглашении была бы неуместна как предвосхищение решений конференции. Обязательность решений казалась Голландско-скандинавскому комитету неприемлемой. Брантинг, Флиген, Гюисманс заявляли, что это условие создаёт чрезвычайные затруднения в Англии и Франции. Трульстра, занимающий примирительную позицию, высказывал мнение, что обязательность неосуществима, если она не соответствует интересам массы членов партии. Партия может обязаться проводить только то решение, за которое она сама голосует. Делегация ответила, что она считает себя обязанной проводить директиву воззвания Исполнительного комитета 14 мая и что она это делала и будет делать в переговорах с отдельными партиями. Равным образом это безусловно необходимо указать в общем приглашении, если таковое будет достигнуто. В вопросе о порядке дня Брантинг, Флиген настаивали включить вопрос о происхождении войны. Делегация находила этот вопрос отвлекающим конференцию от практических задач и мешающим ясной постановке проблемы в классовой борьбе. Делегация настояла на исключении этого вопроса. Более всего споров вызвал вопрос об участии Бернской комиссии. Голландско-скандинавский комитет имел тенденцию не привлекать Бернскую комиссию, хотя и соглашался на необходимость представительства меньшинств. Несмотря на то, что от Бернской комиссии делегация не получила ответа, делегация считала долгом отстаивать участие Бернской комиссии и, ссылаясь на свои инструкции, добилась согласия Голландско-скандинавского комитета в этом отношении. По вопросу об организационной комиссии Голландско-скандинавский комитет предлагал делегации войти в его состав, что делегация считала неприемлемым и отклонила. По ее предложению должна быть организована комиссия из трех частей: делегации, Голландско-скандинавского комитета, Бернской комиссии, если последняя согласится. Так как такого ответа не поступило, по инициативе делегации была созвана Бернская комиссия 9 июля. Присутствовали Балабанова, Хеглунд, Карлсон. Двое последних — кооптированные члены. Делегация была представлена Русановым, Розановым, Эрлихом. Делегация вновь выяснила позицию Совета и давала ответы на многочисленные вопросы принципиального свойства. Видя отрицательное, предубежденное отношение Бернской комиссии, делегация позволила себе указать на то, что большинство организаций, объединяемых Бернской комиссией, уже высказали желание участвовать в созываемой Советом конференции. Балабанова ответила, что такие решения до Циммервальдской конференции есть грубое нарушение дисциплины. Окончательного ответа делегация и в этот вечер не получила. Ей было сказано, что Бернская комиссия постановит решение, которое должно быть передано делегации на другой день. Так как ответа не поступило и так как задержка ответа ставила делегацию в затруднительное положение, то делегация предпринимала шаги, чтобы склонить Бернскую комиссию согласиться на участие в подготовительной работе. Делегации удалось только узнать, что ответ Бернской комиссии предполагается отрицательный.

Делегация пыталась устроить еще раз совещание с Бернской комиссией, что не удалось вследствие отъезда из Стокгольма двух ее членов. С Голландско-скандинавским комитетом было достигнуто тем временем соглашение на указанных выше основаниях. Ответ задержан уже Б(ернской) к(омиссией).

Делегация решила в случае окончательного отказа Бернской комиссии, одновременно с опубликованием формального приглашения от имени делегации и Голландско-скандинавского комитета, опубликовать декларацию с указанием, что делегация попрежнему ставит своей задачей обеспечение на конференции полного представительства всех групп меньшинства и выражает сожаление, что вследствие отказа Бернской комиссии партии меньшинств не могли быть привлечены к организационной подготовке конференции. На Циммервальдскую конференцию, имеющую состояться за пять дней до общей, делегация явится с предложением принять участие в общей конференции. Делегация считает обеспеченным согласие меньшинств, кроме части русских циммервальдцев, еще немецкой независимой социал-демократической партии, группы «Спартака», а также английского, французского меньшинства и итальянской партии. Голландско-скандинавский комитет, куда входят официальные представители северных нейтральных стран, дает весь необходимый для созыва конференции организационный аппарат. Сроком созыва конференции назначается 15 августа нового стиля. Порядок дня: 1) Мировая война и Интернационал. 2) Условия мира Интернационала. 3) Средства осуществления этих условий и скорейшего прекращения войны.

Розанов».

Из нижеприведенной протокольной записи переговоров русской делегации с представителями новой «независимой с.-д. партии Германии», отколовшейся от перешедших на сторону империалистической буржуазии правых шейдемановцев, видно, что внутри независимой с.-д. партии также были глубокие расхождения. Эти расхождения сквозили в оценках, даваемых создавшемуся тогда положению Ледебуром и Гаазе. Ледебур был у левых, Гаазе тяготел направо. Из группы «Спартака» (Либкнехт, Р. Люксембург, Меринг) никого не было, иначе эти расхождения были бы подчеркнуты глубже. Советские делегаты тотчас же признали «независимцев» за своих сторонников и уже авансировали, что с ними у них расхождений не будет. Однако разногласия эти уже были записаны у них же в протоколе и заключались в оценке с.-д. большинства. Даже Гаазе не считал возможным участвовать в том «ноевом» ковчеге, который был задуман русскими соглашателями. Он прямо заявил, что участие большинства в этой конференции он считает невозможным, но от ответа на такой вопрос русская делегация увильнула.

Содержание переговоров делегатов Совета с представителями германской с.-д. партии сохранилось в виде краткой протокольной записи, сделанной русской делегацией, без подписи участников совещания.

Протокол заседания русской делегации с меньшинством германской социал-демократии от 3/VII 1917 г.

Присутствовали: Вл. Розанов, И. Гольденберг, А. Смирнов, К. Каутский, Г. Гаазе, д-р Герцфельд, д-р О. Кон, Луиза Циц, Гефер, Г. Ледебур.

Председатель Гаазе.

Заседание открывается приветственной речью Гаазе.

Гаазе. Я имею честь приветствовать делегацию Совета РиСД от имени независимой социал-демократической партии. Мы с величайшим интересом и восторгом следили за отдельными фазами революции. Мы не берем на себя смелость высказать свое мнение о ней, но в одном отношении у нас есть определенная и твердая уверенность: русская демократия не позволит вырвать из своих рук блестящие завоевания революции. Мы совершим преступление против Интернационала, против нашей собственной партии, если

мы обрисуем вам условия в нашей стране в более розовом свете, чем в действительности. Германия является теперь наиболее реакционной страной в Европе, а профессиональные союзы являются тормозом для всякого движения вперед. Но мы живем в твердой уверенности, что освободительная волна пронесется и по нашей стране, а теперь примите наши уверения, что мы всеми силами будем поддерживать вас.

Розанов благодарит за приветствие, выражает полную уверенность в том, что с независимой партией у делегации не будет никаких разногласий, что, как ни тяжел был моральный удар, нанесенный социалистам всех стран, в частности русским социалистам, со стороны немецких социал-демократов голосованием 4 августа, немецкие социалисты до некоторой степени примирили нас с ними, что из их рядов вышла принципиальная оппозиция против войны, что мы следили за каждым шагом развития оппозиции и с удовольствием отмечали ее быстрый рост. Развитие этой оппозиции возвращает нас к тем временам, когда мы считали себя с вами товарищами одной партии. Мы относимся к вам с полным доверием, между нами не может быть никакого дипломатизирования.

Гаазе от имени всей немецкой делегации просит кратко информировать о положении России, говоря, что русская революция является для них светлым лучом и все дальнейшие успехи демократического и социалистического развития они ставят в зависимость от того, удержится ли русская революция, как она будет развиваться и явится ли революционная Россия страной достаточно сильной, чтобы повлиять на Западную Европу.

Русские делегаты дали ряд сведений о внутреннем положении России, характеризуя его в общем смысле таким образом, что опасности контрреволюции сейчас не имеется, что революция консолидируется, и в лице Совета РиСД, образовавшегося теперь всероссийского центра их, имеется огромная сила, гарантирующая революцию от того, что она не сойдет с своего пути. Опасности и внутренние потрясения, которые постоянно возникают, как например обострение национального вопроса, аграрные беспорядки, забастовки, анархические выступления являются неизбежными спутниками всякой революции. Важно то, что эти опасности успешно преодолеваются. Многочисленность таких опасностей показывает, что революция есть процесс глубокого преобразования России, а не только смена старого режима, как это представляли первоначально кадеты.

Русская делегация задает вопрос об отношении меньшинства к участию русских социалистов в министерстве.

Гаазе. Мы совершенно не согласны с Гюисмансом, который высказал мнение, что русские социалисты пошли по пути большинства западно-европейских социалистов. Параллели между вашим участием и французским и английским не существует. Все страны нельзя судить по одной схеме. Параллель с Англией неверна, ибо Гендерсон не социалист; параллель с Францией также неверна, потому что во Франции господствует империалистическая буржуазия.

Ледебур. Русское правительство через Керенского объявило об общем наступлении. Это несовместимо с мирной политикой. Нам неясно, какие основания и какие цели преследует сейчас русское правительство. У нас создалось впечатление, что больше всех определяет политику Керенский. Он все более и более склоняется на сторону войны. И именно он, как мне кажется, более всех определяет внешнюю политику. Я понимаю построенную вами теорию, что наступление необходимо для поднятия духа. Но вы не взвесили последствий наступления на настроение солдат, и особенно на настроение во Франции (о Германии скажу после). В Великой французской революции удачное наступление привело к диктатуре Наполеона. Имеется возможность, что военный успех может способствовать настроению в пользу затягивания войны. Для Германии такое наступление было бы в высшей степени желательным для правительства, чтобы пробудить снова дух шовинизма. Если состоится наступление, то все наши аргументы против наступления в Германии будут разбиты. Наша оппозиция значительно укрепилась благодаря русской революции, не только в стране, но и в войсках. Я считаю лишним добавить, что я, конечно, являюсь решительным противником сепаратного мира.

Гаазе. Я не согласен с Ледебуром. Я думаю, что Ледебур рисует слишком мрачными красками. Верно, что Шейдеман будет аргументировать голосование за кредиты наступлением, но он и раньше голосовал за кредиты,

когда наступления не было. Технически-стратегический вопрос имеет для политики второстепенную роль. Я очень рад, что Ледебур здесь высказался, потому что русские товарищи будут знать, что если он выскажется в том же духе в рейхстаге, то русские товарищи будут знать, что это его личное мнение.

Ледебур. Нападение на Стоходе заставило нас сказать, что это было тяжкой ошибкой, ибо вызвало в России возмущение. Чтобы выйти на путь к всеобщему миру, необходимо прекращение военных действий. Я совершенно убежден, что русское наступление плохо отразится на наших попытках в пользу революционного движения в Германии. (Ввиду спешного отъезда Ледебура в Берлин на заседание рейхстага, дальнейшего обсуждения с ним по этому вопросу не происходило, и заседание переходит ко второму пункту порядка дня—к вопросу об отношении к созываемой Советом РиСД конференции).

Розанов излагает краткую историю возникновения в ИК идеи созыва конференции, платформы ее и сношений с другими партиями и указывает, что переговоры конференции не должны носить характера дипломатии между партиями.

Гаазе. Мы с вами совершенно согласны, что дипломатизирование о целях войны ни к чему не приводит. Также мы согласны с вами относительно платформы конференции. Что касается немецкого большинства, то мы не считаем возможным его участие в конференции, если оно не изменит своей точки зрения. Вернее всего, что оно в ближайшие дни будет голосовать за новый 15-миллиардный кредит. Нужны не несколько примирительных фраз, а серьезная борьба против империализма, что ожидается от конференции.

Ледебур заявляет, что он очень рад, что заслушанный им доклад устраняет некоторые неясности относительно конференции.

Делегация ставит вопрос относительно отношения меньшинства к Спартакус-группе.

Гаазе. Спартакус-группа есть часть независимой социал-демократической партии на основании объединения, происшедшего в Готе. Совещания о конференции велись совместно с нами. На переговоры в Стокгольм были выбраны Меринг, Люксембург, Дюнкер. Мы не делаем никакого различия между спартаковцами и нами. Для нас в высшей степени важно, чтобы на конференции были представлены все меньшинства, иначе мы считаем, что конференция не должна вовсе состояться. Такое условие до известной степени гарантирует нам получение паспортов, так как нам, в противном случае, вряд ли выдадут паспорта. Чтобы получить паспорт, я пошел к канцлеру и сказал ему: «Я еду в Стокгольм, чтобы информироваться о русских делах и говорить с русскими друзьями. Я не желаю никаких информаций от вас, не требую дипломатического паспорта, я желаю получить паспорт на общих основаниях с другими гражданами». До 8 мая было у нас общее заседание наших фракций рейхстага и ландтага, и решено было, что мы не будем принимать участие в Стокгольмской конференции, если русские товарищи не будут на ней присутствовать. Если же русские товарищи решат итти на Стокгольмскую конференцию, то и мы пойдем, чтобы вместе с ними отстаивать свою точку зрения. Наша делегация ни при каких условиях не будет голосовать за туманную резолюцию, которая даст возможность национал-социалистам продолжать свою прежнюю политику.

В тот же период русская делегация имела свидание с представителем австрийской социал-демократии (правой), с ее главой Виктором Адлером. Содержание беседы с ним, изложенное в письме Розанова в Исполнительный комитет, давало картину весьма тяжелого положения Австрии, готовой итти на различные уступки. В. Адлер, по примеру прочих социалистов-патриотов, отрицал империалистический характер политики своего правительства, но под давлением обстоятельств готов был «поднять крик против войны» с кем угодно и без всякой платформы. Вот содержание этого письма:

«Адлер с трудом, вследствие тяжелой болезни, говорил. Общее чувство таково, что война должна скоро окончиться. Он ужасается при мысли, что

она может затянуться еще на одну зиму. В Австрии стремление к миру необычайно сильно. Мы сражались больше, чем это было в наших силах. Наше правительство хочет мира. Слова Чернина, что заключение мира—прерогатива короны, взяты им обратно. Для правительства безразлично, кто будет заключать мир: я или оно. Оно хочет мира искренно, без всяких завоеваний. Совсем другое в Англии и Франции. Там, опираясь на новый приток сил, хотят войны. На Францию и Англию вы должны оказать воздействие. История поставила вас в исключительное положение.

Необходимо прекратить дальнейшее истребление. Социалисты должны дать толчок прекращению войны. Подробности организации конференции не важны, не нужно никаких программ и меморандумов. Все это годится как материал для будущих библиографических работ Рязанова—и только. Сейчас нужно, чтобы социалисты всех стран сбежались в одно место и подняли крик против войны. Различия между партиями большинства и меньшинства несущественны. Дело мира важнее этих разногласий. Всякая платформа для конференции хороша, и можно обойтись без всякой платформы.

Розанов указывает в ответ, что платформа необходима уже для того, чтобы преодолеть взаимное недоверие и дать уверенность участникам конференции, что они едут не для обмена мнений, а с практическими целями и с надеждой заложить фундамент борьбы за мир. Розанов констатирует, что Адлер не возражает против платформы воззвания и принимает инициативу Совета. Адлер отвечает, что в Австрии нет теперь случая бороться с империализмом, Австрия готова была и до войны уступить Италии Трентино. Что касается Триеста, то он необходим Австрии как единственный выход к морю и не нужен Италии, в чем соглашались раньше и многие итальянцы. Австрия не имеет никаких аспираций насчет Сербии и готова дать ей выход к Адриатическому морю. Внутри страны австрийская социал-демократия борется за культурно-национальную автономию. Территориальная автономия в Австрии невозможна, так как народы перемешаны между собою. Об австрийском империализме говорить теперь более не приходится. Австрийская социал-демократия не имела случая голосовать за кредиты. Если бы пришлось, он голосовал бы по соображениям защиты: как ни нравятся мне некоторые русские социалисты, я не хотел бы, чтобы вся русская масса марширована до Вены. Влияние на германское большинство австрийская партия оказать не может, ибо мы—карлики по сравнению с ними. На вопрос Розанова, может ли он констатировать, что австрийская партия после конференции будет голосовать против военного бюджета и откажется от всякой поддержки правительства на основе общих решений конференции, Адлер отвечает, что раз будут такие решения обязательны и для других, то тем самым будет создана совершенно новая ситуация. Если будет решен парламентский саботаж войны, то и они обязуются проводить его. Об австрийском меньшинстве Адлер сообщил, что меньшинство представлено главным образом его сыном. Правительство австрийское не будет чинить препятствий в паспортах не только меньшенству, но даже сербам. Он, Адлер, никогда не позволил бы ставить себе таких условий, как это было по отношению к Ренoделю, Лонгэ и Макдональду.

Представителей меньшинства австрийского в Стокгольме нет. Из докладной записки меньшинства вытекает, что австрийское большинство под влиянием хода событий развивается обратно от империалистических увлечений в сторону честного демократизма. Немецкое меньшинство подтверждает это, прибавляя, что социал-демократическая организация в Австрии теперь значительно ослабела. Розанов».

Докладной записки австрийского меньшинства в деле не оказалось, а поэтому мы лишены возможности судить об их отношении к проектировавшейся Советом международной конференции соглашателей.

Циммервальдцы о конференции

Одиннадцатого июня Бернская социалистическая комиссия послала русской делегации Совета официальное уведомление за подписью А. Балабановой о своем отношении к созывавшейся Со-

ветом Стокгольмской конференции, в котором она сообщала, что вопрос об участии в созываемой конференции примыкающие партии должны будут решить на особой конференции, которая должна состояться 10 августа. На заданный русской делегацией вопрос об участии Бернской комиссии в подготовке Стокгольмской конференции ответ был дан отрицательный. Отказ мотивировался несогласием с принципами, на которых строилась вся работа по созыву Стокгольмской конференции и изложенных, в частности, в ответе ИК Вандервельде на его письмо от 22 мая.

Наша партия в то время послала в Стокгольм своих представителей для связи со всеми левыми противовоенными социалистическими меньшинствами, уполномочив для этой цели А. М. Коллонтай, К. Радека и Ганецкого. Меньшевики-интернационалисты послали туда же Ерманского и Мартынова.

Нашей делегации удалось создать в Стокгольме центр, объединивший действия бывшей «циммервальдской левой». Были сделаны попытки организовать в Стокгольме совещание всех социалистических меньшинств, стоявших на почве классовой борьбы и борьбы против войны, но оно удалось только частично. Совещание состоялось, но по условиям военного времени представители меньшинств целого ряда стран не могли получить паспортов. Монополию на это имели только социалисты сторонники внутреннего мира и политики войны. Все же в совещаниях левых принимали участие, кроме представителей нашей РСДРП(б), еще шведские левые—Хёглунд и Стрем, датские левые—Иоргенсон, швейцарские левые—Р. Гримм, высланный Временным правительством из России, а также от немецкой левой—Каутский. Италия была представлена Балабановой. К сожалению, подробных отчетов об этой работе у нас пока нет. Материалы же ИК содержат лишь косвенные указания о деятельности «левых», когда говорят о деятельности Бернской комиссии.

Отношение итальянских левых к конференции того времени видно из следующего письма Моргари к Хёглунду:

«Дорогой товарищ Хёглунд!

Я только что получил вашу телеграмму от 22 текущего месяца, которой вы меня приглашаете в Стокгольм 28.

Я подробно объяснил т. Гримму, почему я был принужден отказаться от поездки в Петроград и Стокгольм.

Из Голландии, где я нахожусь сейчас, я смог бы избрать три пути: путь через Англию (отказано), путь через Германию (по которому я не хочу следовать по соображениям политического свойства и морального, вполне понятным) и путь через «свободный канал», доступный для путешественников «воинствующих». Всевозможные шаги, предпринятые мной и другими лицами, чтобы иметь возможность воспользоваться этим путем, оказались бесполезными. После полутора месяца тщетных усилий я отказался от моих намерений и сегодня отправляюсь в Англию, Францию и Италию.

Я надеюсь, что т. Гримм получил мое письмо, в котором я излагаю подробности.

На конференцию в Стокгольме итальянская социалистическая партия избрала делегатов, но, это почти наверное, никто из них не получит «визы», и вы их не увидите.

Все это очень печально!

Тов. Балабанова вполне может представительствовать от Италии в Стокгольме, будучи членом дирекции нашей партии и делегаткой от Италии в

Международном социалистическом бюро в Брюсселе. К тому же итальянские товарищи ее очень любят; они будут удовлетворены ее представительством и не послав ее нарочито (или делегируя телеграммой, перехваченной цензурой).

Я очень прошу делегатов Совета извинить меня за то, что я не имел возможности исполнить мою миссию, возложенную на меня партией,—войти в сношение с Советом в Петрограде.

Увы, французские и английские представители меньшинств также не получили возможности побывать в Петрограде.

Таким образом Совет слышал только таких итальянских «социалистов», как Лабриола, Рэймондо, Лерда; все они трое «жюск-а-бутинисты»[1] и все вне партии с 1914 г

26/VI 1917 г. Преданный вам Моргари».

Второе приглашение на конференцию.

Переговоры с различными представителями социалистических (официальных) партий дали возможность русской делегации и Голландско-скандинавскому комитету установить порядок дня предполагавшейся конференции, а также и определить время ее созыва на середину августа. Это соглашение нашло свое выражение в особом приглашении, обращенном ко всем социалистическим партиям, с предложением принять участие в Стокгольмской конференции, с указанием предполагавшегося порядка дня и с изложением некоторых организационных принципов, положенных в основу ее созыва. Обращение было подписано, кроме русской делегации, еще представителями голландской, шведской, датской и норвежской социалистических партий и секретарем старого «Международного социалистического бюро» (II Интернационала) К. Гюисмансом следующего содержания:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Приглашение на международную социалистическую конференцию в Стокгольме

(15 августа и следующие дни 1917 г.)

Война длится уже три года, и еще не видно выхода из конфликта. Подготовка этого необходимого решения побудила Совет рабочих и солдатских депутатов Петрограда взять на себя инициативу по созыву, под знаменем русской революции, международной конференции социалистов. Это предложение, которому, между прочим, предшествовали аналогичные пожелания многих социалистических партий, было подтверждено Всероссийским съездом советов. Оно имеет целью объединить все силы международного пролетариата для достижения мира без аннексий и контрибуций, базирующегося на праве народов свободно располагать собой.

Чтобы довести дело до желанного конца, русская делегация Советов обеспечила себе сотрудничество Голландско-скандинавского комитета, который влил свои проекты в русскую инициативу и который уже уточнил многие вопросы путем отдельных совещаний с большинством социалистических партий.

Для подготовки общей конференции было создано Организационное бюро, составленное из делегатов Всероссийского съезда советов и Голландско-скандинавского комитета. Это бюро постановило, во избежание всяких споров, возможно строже соблюдать процедуру, сопровождающую обычные съезды Интернационала, одинаково как для принятия, так и распределения голосов.

Делегация Всероссийского съезда и Голландско-скандинавский комитет приглашают на общую конференцию все партии, примыкающие к Международному социалистическому бюро, а равно и те, которые во время войны

[1] Сторонники войны «до конца».

присоединились к Бернской комиссии как большинства, так равно и меньшинства, а также и оппозиции, которые в течение последних событий возникли в различных партиях. Они приглашают также профессиональные организации, входящие в Интернационал профессиональных союзов.

Конференция будет иметь место в Стокгольме 15 августа и следующие за ним дни 1917 г. Временная программа конференции формулирована следующим (порядком дня):

1. Всемирная война и Интернационал.
2. Программа мира Интернационала.
3. Пути и средства проведения программы и скорейшего окончания войны.

Организаторы общей конференции внутренне убеждены, что, для того чтобы содействовать окончанию мировой войны, Интернационал должен побудить все социалистические партии и все профессиональные организации отказаться от всякого сотрудничества с их правительствами, которые откажутся объявить свои цели войны или объявят открыто или замаскированно империалистические цели и не захотят от них отказаться.

Убежденные, что ваша организация также присоединится к этим взглядам и что она готова признать обязательное проведение в жизнь, без колебаний и отклонений, решения общей конференции, в согласии с этими принципами,—делегация Всероссийского съезда и Голландско-скандинавский комитет приглашают вас принять активное участие в международной социалистической конференции и послать на нее своих представителей.

В случае, если ваша организация пожелала бы внести в порядок дня вопрос, который не стоит в программе конференции, сообщение об этом предложении, дополненное докладом, должно быть направлено в Организационное бюро международной конференции (Уплаидсгатан 14, Стокгольм) и прибыть в секретариат до 5 августа.

Братский социалистический привет.

За делегацию Всероссийского съезда советов Р и С депутатов: Г. Эрлих, И. Гольденберг, В. Розанов, Н. Русанов, А. Смирнов.

За Голландско-скандинавский комитет: П. И. Трёльстра, Х. Х. Ван-Коль, И. В. Альбарда (кандидаты В. Х. Флиген, Ф. М. Вибаут), Я. Брантинг, Е. Зёдерберг, Г. Мёллер, Ф. Боргбиерг (кандидат Нина Банг), Я. Виднес.

Секретариат: Камиль Гюисманс,

Артур Энгберг.

Стокгольм 11 июля 1917 г.»

К этому обращению была приложена также «особая декларация» русской делегации, посвященная взаимоотношениям с Бернской международной социалистической комиссией, а также и ее отношению к созывавшейся соглашателями конференции. Она содержала нижеследующее:

«Дополнительная декларация русской делегации.

Делегация Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов констатирует с сожалением, что она не могла получить сотрудничества Бернской международной социалистической комиссии для подготовительных работ общей конференции. Делегация считала своим долгом обеспечиться помощью означенной комиссии не только потому, что таково было императивное содержание ее поручения, но также потому, что все социалистические партии в России состояли в Циммервальдском объединении. С другой стороны, участие Бернской комиссии в подготовительных работах конференции казалось делегации тем более необходимым, что значительное число крупнейших партий в России и за границей, связанных с Бернской комиссией, уже выразило их желание принять участие в конференции, предложенной Советом рабочих и солдатских депутатов.

Как бы то ни было, Международная социалистическая комиссия, состоящая в данное время из четырех членов, находящихся в Стокгольме, отказалась принимать участие в подготовительных работах, в то же время не отказалась временно оказывать техническое содействие делегации. Циммервальдская кон-

ференция, на которой будет обсуждаться вопрос об участии в общей конференции, будет иметь место за пять дней до собрания последней. Г. Эрлих, И. Гольденберг, В. Розанов, Н. Русанов, А. Смирнов».

Оба эти документа являлись политической платформой того соглашательского поединка, который готовился в Стокгольме. Они должны были стать основой для переговоров и суждений советских делегатов с английскими и французскими социалистами во время их поездки в эти страны, как официальные документы, под которыми имелись подписи социалистов различных стран. Вся сущность переговоров Гольденберга, Русанова и др., ездивших тогда в Англию и во Францию, сводилась к «уговариванию» социал-патриотов этих стран принять в основу предложения советской делегации и Голландско-скандинавского комитета, изложенные в приглашении, а также признать обязательность решений конференции и отказ от сотрудничества с правительствами, которые «не откажутся от захватных целей войны». Эти формулировки не были опасны социал-соглашателям, и русские делегаты были уверены в успехе своей миссии.

Однако «разочарование» у них началось буквально на другой день после подписания ими вышеприведенных документов. Камиль Гюисманс не даром был «секретарем» Организационного бюро— он постарался вытравить из обращения все, что противоречило их социал-оппортунистическим задачам, все, что было связано с именем левых социалистов, боровшихся против войны и разоблачавших предательскую роль социал-патриотов «своего» отечества. В частности подписанное русской делегацией заявление не было даже опубликовано в газетах. Описание этого случая мы находим в письме Г. Эрлиха Розанову:

«Дорогой Владимир Николаевич!

Прочитал сегодня наше воззвание в «Vorwärts'е» и норвежском «Social-Demokraten'е». Меня поразило то, что в обеих газетах воззвание напечатано без нашего дополнительного заявления о Бернской комиссии. Невольно приходит в голову, что это не случайно. Не распорядился ли хитроумный Гюисманс, чтобы корреспонденты передали по телеграфу только ту часть воззвания, которая снабжена обеими подписями? Желательно было бы это проверить у Гюисманса. Николай Сергеевич обращает, сверх того, внимание на то, что в воззвании тщательно обойдено имя Бернской комиссии. Вы помните, в воззвании была такая приблизительно фраза: «Мы приглашаем все партии, афилированные к Международному социалистическому бюро, равно как и связанные с Бернской комиссией большинства, так и меньшинства, и т. д.». Вот тут-то и пропущены слова: «равно как и связанные с Бернской комиссией». Если Гюисманс действительно при помощи простой ловкости рук исключил эту фразу (я почти убежден, что это так, но это нужно еще проверить), то по этому поводу необходимо учинить грандиозный скандал и заставить комитет совместно с нами напечатать «поправку».

Неизвестно, какими судьбами о нашем прибытии в Христианию проведал Виднес[1] и нанес нам в 12 часов ночи визит. Норвежцы будут участвовать в конференции. Мы обещали остановиться на обратном пути. Сегодня прибыл сюда Гендерсон. Проследовал ли он дальше, пока не знаем. Зато здесь пребывает А. М. Коллонтай.

Виднес сообщил нам конфиденциально, что Вильсон намерен потребовать

[1] Виднес был редактором норвежского «Social-Demokraten» — центрального органа с.-д. рабочей партии Норвегии.

от скандинавских государств полного разрыва торговых сношений с Германией. В Берлине говорят, что подчинение этому требованию равносильно войне. Вот вам «конец войны»!

Жму руку. Г. Эрлих».

Период наступлений русских армий против австро-германцев, сопровождавшийся внутри страны переходом контрреволюции в наступление против рабочих и солдат, разоблачил всю лживость дипломатической игры социал-соглашателей и уменьшил их шансы в международных интригах. Обо всем этом бундовец Эрлих горько жаловался Розанову в письме от 21 июля 1917 г.

«Дорогой Владимир Николаевич!

Телеграмма о питерских событиях приводит нас в состояние глубочайшего уныния. Что можем мы в этих условиях сделать в Европе? Вконец убивает нас состояние вынужденного бездействия здесь, которому конца краю не видать. Сегодня утром нам уже в третий раз предложили наведаться через 24 часа. С ужасом думаю о том, что мы можем завтра услышать то же.

Мы отправили вам сегодня срочную телеграмму с просьбой сообщить нам телеграфно о том, нет ли у вас чего нового—из России или в связи с нашей миссией (от германского большинства, напр.).

В связи с письмом, которое я отправил вам из Христиании, должен сообщить, что вчера наше обращение к партиям появилось и в бернской с.-д. газете—«Arbeiter». В нем имеется фраза о Бернской комиссии, которой не было ни в «Vorwärts'е», ни в норвежском «Social-Demokraten'е» (последний перепечатал воззвание из датского «S.-D.»), но нашего дополнительного заявления и на этот раз нет.

Жму руку. Г. Эрлих.

Будьте добры, Владимир Николаевич, отправить при случае прилагаемое письмо в Россию.

P. S. Не везет мне с визитными карточками: Иосиф Петрович[1] оставил их в Стокгольме.

Мы отправили отсюда телеграмму Терещенке с копиями Церетели, Чернову и Чхеидзе и обратили их внимание на то, что английские власти, повидимому, совершенно о нашей поездке не уведомлены. Здесь нас хотели усадить в 3 класс. Насилу удалось добиться «хорошего обращения».

Советская делегация в Лондоне и Париже.

В конце июля часть делегации перебралась в Лондон. Розанов же остался для связи в Стокгольме. О своей деятельности выехавшая в Лондон часть делегации сообщила Розанову телеграфно от 25 июля следующее:

«Во вторник имели совещание с парламентской группой независимых. Они заявили, что если мы не идем на конференцию (социалистов стран Согласия), они тоже не идут, но если мы идем только с совещательным голосом, то ставим их в тяжелое положение, ибо в голосованиях они окажутся в меньшинстве. Из дальнейшего увидите, что опасения неосновательны, насколько пока выяснилось—с независимыми полное согласие.

Среда утром—совещание с Исполнительным комитетом рабочей партии. Обсуждали три вопроса: 1) срок общей конференции, 2) конференция Согласия, 3) участие рабочей партии. Общей Стокгольмской конференции, по их мнению, должны предшествовать конференция Согласия и британская национальная. Мы указали, что считали крайним сроком 22 августа нового стиля. Обещали обсудить. Наше мнение—придется отсрочить на неделю. Подготовьте Гюисманса, Брантинга. Продолжение завтра, Гольденберг».

---

[1] Гольденберг.

Из Лондона та же группа делегатов Совета переехала в Париж, и уже 25 июля ст. стиля, через дипломатического представителя Временного правительства в Париже, за подписью Севастопуло, прислала следующую телеграмму:

«Эрлих, Гольденберг, Русанов и Смирнов просят передать Керенскому, Церетели, Терещенко, Чхеидзе: созываемая нами именем Совета социалистическая конференция может разбиться о паспортный вопрос. Макдональд сообщает, что правительство первоначально изъявило готовность выдать ему паспорт без каких-либо условий. После речи Рибо Сесиль пригласил Макдональда и заявил, что паспорт будет выдан под условием не вступать в какие-либо политические разговоры с социалистами враждующих стран. На последней конференции союзных правительств Соннино предложил не выдавать социалистам паспортов. Французское большинство, опасаясь отказа в выдаче паспортов и не считая возможным в этом вопросе разорвать с правительством, настаивало на отсрочке конференции, с целью подготовить общественное мнение Франции; меньшинство не надеется на влиятельность большинства и заявляет, что вне интервенции русского правительства невозможно ожидать благоприятного решения. Мы указали на затруднительность (положения) русского правительства в настоящий момент. Сказали, что не можем рекомендовать вам обратиться к союзным правительствам при наличности серьезных оснований ожидать отказа. Члены французского меньшинства и Макдональд указали в ответ на исключительную популярность Керенского в союзных странах. Французы выразили уверенность, что обращение Керенского не встретит отказа. Макдональд заметил, что, признавая в значительной степени правильность наших сомнений, он вполне уверен, что отношение к России Америки, также отказавшей в выдаче паспортов, не изменилось к худшему. Интересно отметить замечание Макдональда об отношении английского правительства к вопросу о мире. Оно не желает начинать разговора о мире, но ничего не имеет, чтобы говорили другие, в частности социалисты. На одном из заседаний Тома показал нам телеграмму Нуланса, в которой сообщается о встрече Терещенко с Нулансом. Он сказал, что союзная конференция для пересмотра договоров откладывается на неопределенное время, ибо Временное правительство считает нежелательным волновать вопросом о мире общественное мнение России, которое должно быть сосредоточено всецело на войне. Эта телеграмма, обозначающая, в случае соответствия действительности, отказ от общей политики, намеченной съездом при деятельном участии Церетели, вызвала недоумение и смущение в руководящих социалистических кругах Франции, и в частности Тома. Во время собеседования с социалистической Францией нам были сделаны важные сообщения о шагах, предпринятых французскими социалистами с целью добиться согласия правительства на пересмотр договоров, и достигнутых значительных результатах. Французское большинство уверено, что правительство согласится на пересмотр. Общее убеждение, что почва для предложения русского правительства вполне подготовлена. Выступление Михаэлиса делает еще более необходимым окончательный пересмотр договоров союзниками. Телеграмма Нуланса вызвала недоумение наконец и у Гендерсона и у Макдональда. Мы уезжаем завтра в Италию, дорогой посетим наши войска, будем в Риме 6 августа. Останемся до 8-го. Убедительно просим сообщить нам по адресу русского посольства, может ли Временное правительство оказать (пред) союзникам (содействие) в получении социалистами союзников (паспортов). В Лондоне и Париже могли констатировать, на основании заслушанных сообщений, что почва для конференции несомненно вполне подготовлена. О результате нашей работы можем сообщить следующее. Вы знаете, что нас сопровождали сюда Гендерсон, председатель рабочей партии Уордль и Макдональд. В Лондоне достигнуто полное соглашение британской социалистической и независимой партии. Исполнительный комитет рабочей партии ограничился разговором о сроке конференции, причем быстро достигнуто было соглашение. Неожиданно в Париже Гендерсон самым решительным образом выступил против обязательности решений конференции. Был момент, когда Гендерсон сложил бумаги и заявил, что рабочая партия в конференции не участвует. В конце концов он сдался. Идя навстречу пожеланиям французов, решили перенести конференцию на 1 сентября. Оказалось, однако, что 2-го откры-

вается съезд трэд-юнионов в Англии. Пришлось отложить до 9 сентября. Возможно, что этот срок будет неприемлем для шведов, у которых в это время будут происходить выборы риксдага. В таком случае попросим Розанова сделать попытку перенести конференцию в Христианию. С французским большинством, вопреки ожиданиям, сговорились сравнительно легко. Но они требуют от нас настойчивого разъяснения нашей формулы мира. Придется продолжать разговоры с ними на обратном пути. Убедительно просим Чхеидзе сообщить нам телеграфно в Рим или Париж, что думает Исполнительный комитет о нашей работе.

Обращаем внимание на совершенно невыносимое положение, создаваемое полною оторванностью от Петрограда. С момента отъезда из Стокгольма не имели о России никаких известий, кроме газетных. При этих условиях задача политики Исполнительного комитета становится почти невыполнимою. Между тем вокруг русской революции мобилизуется такая масса лжи и злостной клеветы, что правильное осведомление является задачей первостепенной важности. В заключение считаем долгом сообщить, что меры предупредительности и внимания, оказанные нам при переезде Гендерсоном и Тома, превзошли все пожелания.

Севастопуло».

Мы видим из этих документов, что в то время как группа социал-соглашателей призывала рабочих и солдат к ожиданию мира от международной конференции, а другая призывала тех же солдат и рабочих к продолжению войны,—то же самое «разделение труда» было и в международной политике. В то время как социал-демократы-меньшевики и эсеры, сидевшие в Совете и в партийных организациях, разоблачали буржуазные правительства, не дававшие паспортов делегатам на Стокгольмскую конференцию, и призывали демократию произвести давление на правительства, другая часть социалистов-соглашателей, сидевших во Временном правительстве: Керенский, Чернов, Пешехонов, Церетели, Скобелев, Авксентьев, сговаривалась с правительствами Антанты против Стокгольмской конференции. Такое двурушничество правительствами Англии и Франции было встречено с восторгом, как об этом сообщал Набоков, поверенный Временного правительства в Лондоне, секретной телеграммой от 29 июля ст. ст.

«Лично.

Я имел сегодня рано утром интимную и весьма продолжительную беседу с Ллойд-Джорджем, по его инициативе, и содержание этой беседы настолько важно, что я считаю долгом отдать об оной возможно полный отчет. Вам известен из английских газет результат вчерашнего голосования рабочих партий по поводу Стокгольмской конференции. Ллойд-Джордж сказал мне следующее: «Ваше сообщение о том, что русское правительство считает конференцию делом партийным и что, так как ваше правительство теперь выражает стремления всей России, оно не относится к конференции с «интересом» и не «страстно ее желает», как писала здешняя пресса,—явилось для нас документом чрезвычайной важности. Мы решили, как другие союзники, не допускать на конференцию наших рабочих представителей. Я сообщил немедленно вашу ноту Гендерсону и потребовал, чтобы он ознакомил с нею вчерашнюю конференцию рабочих партий. Гендерсон этого не сделал и тем самым не оказал на конференцию должного влияния, нарушил свой долг по отношению к стране и союзнику и потому должен немедленно выйти из состава правительства. Я рисковал многим, став на его защиту перед страной по поводу поездки в Париж, и вот чем он мне отплатил». Ллойд-Джордж намерен во всеуслышание заявить об этом и сказать, что благодаря тому, что Гендерсон принес интересы страны в жертву узкопартийному делу, он тем самым поставил правительство в затруднение. [Ллойд-Джордж] заявит в палате в понедельник, что паспорта ни в каком случае не будут выданы. Он

рассчитывает, что, когда истинное положение вещей станет известным рабочим организациям, агитация в пользу поездки в Стокгольм сама собой падет. Затем Ллойд-Джордж перешел к вопросу, затронутому им на только что имевшей место междусоюзнической конференции, и сказал мне: «Англия, Франция и Италия держат западный фронт, Россия—восточный. Для достижения победы необходима полная и постоянная координация. Скажу вам прямо, что пока русское верховное командование будет сноситься с нами телеграммами, пока оно будет представлено Жилинским и Палициным или молодыми генералами, знающими менее нашего о положении русского фронта и планах, намерениях и возможностях русского военного кабинета и верховного командования, до тех пор координации этой не будет. Ни разу ни на одной конференции по военным вопросам мы не слыхали осведомленного и вполне авторитетного слова от русского генерала». Ллойд-Джордж настоятельно просил меня о том, чтобы на предстоящей около 15 сентября «самой важной за всю войну» военной конференции был авторитетный и вполне уполномоченный генерал из России и чтобы он по возможности прибыл в Лондон заранее. Далее Ллойд-Джордж сказал мне, что он горячо желает иметь интимные, откровенные и постоянные сношения с Керенским, что он, питая ко мне полное доверие и считая, что я в той же мере облечен доверием Керенского и ближайших его сотрудников, просит, чтобы этот непосредственный контакт был установлен через меня. Он сказал мне, что я могу видеть его всегда, когда сочту это нужным, и в самой интимной обстановке. Он также просил меня установить более непосредственные сношения с Бонар-Лоу и всеми теми министрами, которые в каждую данную минуту должны быть вполне посвящены в вопросы, затрагивающие интересы России. Я ответил ему, что дипломатическая традиция не позволяет мне сношений с министрами помимо министра иностранных дел, но что я уже имел и буду впредь иметь такие сношения с ведома Бальфура. По поводу посылки сюда генерала я еще до разговора с Ллойд-Джорджем намеревался самым настоятельным образом просить вас прислать Алексеева. Я знаю, что приезд его сюда оказал бы огромное влияние не только по существу, но и благодаря тому престижу, которым он пользуется. Далее, совершенно необходимо, чтобы я был вами осведомлен еще более полно. Только при таких условиях могу я служить постоянным истолкователем России перед английским правительством и использовать те личные отношения, которые дают мне возможность выполнять мою задачу. Прошу срочного ответа, прошу решения о приезде Алексеева или Рузского. При частной моей беседе с Ллойд-Джорджем присутствовал издатель газеты «Манчестер Гардиан», личный и доверенный друг Ллойд-Джорджа, который от него и от меня принял должную директиву для своего самого влиятельного из радикальных органов.

Набоков».

На съезде советов Дан и другие социалисты-оборонцы много говорили об удалении из состава Временного правительства «волею демократии» кадетских министров, в частности П. Н. Милюкова с поста министра иностранных дел. Министры-кадеты ушли, а кадетская политика осталась и даже проводилась ставленниками кадетской партии, состоявшими послами Временного правительства при союзных правительствах. Телеграмма Набокова вскрывала то разделение труда, которое установилось в то время между болтунами министрами-социалистами и дельцами министрами-капиталистами. Одни призывали «мировую» демократию и ее социалистов на совещание и конгресс, посвященный вопросу о мире, другие объявляли это дело партийным и ни к чему их не обязывающим. Одновременно та же телеграмма давала объяснение уходу Гендерсона из состава английского министерства Ллойд-Джорджа.

Такая же двойственная, лживая и лицемерная политика Керенских—Церетели и К° проводилась ими и внутри страны. Обманывая рабочих и солдат призраками близкого мира, идущего через

Стокгольмскую социалистическую конференцию и наступление, они не упускали случая покричать о том, что «левые», т. е. социал-демократы большевики срывают дело мира.

Посланная за границу делегация добилась от социалистических партий разных стран словесного согласия на участие в созывавшейся Советом конференции, в то же время продолжали практиковать классовое перемирие и поддерживать империалистов своих стран. Советский проект участия в конференции социалистов всех направлений, как сторонников войны и обороны, так и противников того и другого, быстро оттолкнул те группы сторонников международного действия против войны, которые вначале потянулись было на красный огонек русской революции.

Отношение европейских социалистических партий к Стокгольмской конференции в середине июля было таково, что внушало серьезные опасения за ее возможность. Отчет Отдела международных сношений, представленный тогда уже ВЦИКу, давал следующую картину:

«По последним сведениям, полученным от нашей делегации, и по газетным данным дело созыва международной конференции обстоит следующим образом:

Безусловное согласие на участие в конференции, созываемой на платформе Совета, дали следующие организации:

1. Германская с.-д. партия («большинство»).
2. Независимая с.-д. рабочая партия Германии («меньшинство»).
3. Австро-немецкая с.-д. партия.
4. Венгерская с.-д. партия.
5. Скандинавские с.-д. партии (Дания, Норвегия, Швеция).
6. Голландская с.-д. партия (направление Трёльстра, Ван-Коль и пр.).

Делегация считает также обеспеченным согласие итальянской с.-д. партии на участие в конференции, также французского меньшинства, независимой рабочей партии, британской социалистической партии.

Дело созыва конференции тормозится двумя обстоятельствами:

1. Отношением правительств союзных держав к конференции, отказывающих в выдаче паспортов делегатам.
2. Отношением английской трудовой партии и французского большинства.

Мергейм, от имени комитета для возобновления международных сношений, указав также на затруднения, которые встречает со стороны французского правительства дело осведомления французского общественного мнения о том, что происходит в России, жалуется на фальсификацию информации со стороны французской буржуазной прессы. Он настаивает на учреждении постоянной агентуры Совета РиСД, в целях взаимного осведомления.

Французская административная комиссия приняла постановление, в силу которого к участию в Стокгольмской конференции привлекаются только партии, приписанные к Международному социалистическому бюро к 1 августа 1914 г. (см. «Речь» от 14/VII).

(См. письма Розанова и Трёльстра.)

От участия в конференции отказались: ЦК РСДРП(б), президиум РСДРП Польши и Литвы, болгарская с.-д. партия (тесняки) и шведская партия левых социал-демократов (см. «Речь» от 15/VII).

Положение создалось чрезвычайно серьезное для созыва конференции для борьбы за мир и возобновление международных связей; пролетариату грозит самая серьезная опасность.

А это значит, что грозит опасность и делу русской революции.

Совет РиСД должен принять немедленно энергичные шаги, для того чтобы конференция состоялась или по крайней мере ответственность за неудачу пала на тех, кто тайно или явно противодействовал делу созыва ее. Необходимо оказать организованное давление на правительства союзных держав и соответствующие элементы социалистических партий.

Совет РиСД должен взять на себя инициативу в этом направлении, открыто выступить с соответствующим заявлением и послать за границу делегата, который был бы достаточно авторитетен как в России, так и в Европе, снабдив его самыми широкими полномочиями».

Но все подобные напоминания о «грозном» положении никого из соглашателей не беспокоили. Делегата наметили, однако причины срыва их же собственного дела понять и осмыслить не хотели. Дело конечно было не в делегате, а в той политике, которую осуществляли в стране сами соглашатели. Эта политика служения империализму Антанты не могла способствовать объединению революционных сил в борьбе против войны. Международное начинание социал-демократов провалилось.

Отчеты о поездке делегации и о международной деятельности Исполкома

Часть русской делегации, выехавшей после I Съезда советов в конце июня за границу для подготовки Стокгольмской конференции, вела переговоры с социалистами Англии, Франции и Италии. Переговоры происходили в Париже, куда приехали представители английской рабочей и независимой социалистической партии, Гендерсон и Макдональд. От французской социалистической партии участвовали в этом сговоре А. Тома и Ренодель. Спорным пунктом русского предложения был вопрос о признании всеми участниками будущей конференции обязательности для них принятых конференцией решений. Французские представители настаивали на включении в порядок дня Стокгольмской конференции вопроса об ответственности за войну. После разъяснений советского делегата, что первый пункт порядка дня дает возможность включить и эту проблему, порядок дня был принят всеми следующий: 1) всемирная война и Интернационал; 2) программа мира Интернационала; 3) пути и средства проведения программы и скорейшего окончания войны.

Официальные приемы русской делегации, которые имели место в Париже и Лондоне, сопровождались патриотическими манифестациями и взаимными уверениями в общности интересов демократии. Гендерсон, будучи сторонником созыва Стокгольмской конференции, не упускал ни одного случая, ни одной возможности, чтобы не высказать своих явно шовинистических взглядов на войну, солидаризировался со всеми союзными империалистами. На парламентском приеме во Франции Гендерсон заявил, что «Англия восстала против попрания права», что она «никогда не заговорит о мире с правительством, которое еще не выразило ни малейшего раскаяния в совершенных им преступлениях» и т. п., угрожая, что «никогда воля Англии не ослабеет, какова бы ни была продолжительность войны».

Социалисты стран Согласия постановили устроить предварительно «свою» союзническую конференцию, на которой решили обсудить свое участие в Стокгольмской конференции и договориться об общей линии поведения там. Подобный же социал-патриотический сговор происходил и между социалистами централь-

ных держав. В этом лагере также совещались и договаривались об общей линии. Дипломатия всех стран также плела свои интриги около Стокгольма, взаимно пробуя через социалистическую агентуру слабые места друг друга.

В середине июля вернулся из Стокгольма один из делегатов Совета В. Розанов и 20 июля на соединенном заседании ВЦИК и ИК Совета крестьянских депутатов сделал доклад о заграничной работе делегации. О работе делегации он рассказал примерно то, что мы привели по документам выше, а в части информации о внутреннем положении воюющих стран ограничился только странами, воевавшими против России. Внутреннего положения в союзных странах он совершенно не касался, как и следовало доброму союзному патриоту и соглашателю.

Из его сообщений следовало, что Германия тогда переживала предреволюционный период, подобный нашему перед 1905 г. Там существовали нелегальные организации, велась подпольная работа по всем свойственным ей правилам. Но когда он перешел к изложению взглядов на положение дела в Германии тех, кто вел и руководил подпольной работой, то выходило, что они питали весьма мало надежд на революцию в Германии. Причины этого они видели в крайнем истощении страны, в отсутствии мужского населения, в общей подавленности; выходило, что они мыслили революцию только как «продукт» тыла, оставляя в стороне от нее многомиллионную армию.

Отметил В. Розанов и деятельность большинства социал-демократии, той самой, с представителями которой он вел переговоры об участии в Стокгольмской конференции. Из его бледного рассказа было все же понятно, что социал-демократия там превратилась в силу, подавлявшую всякое проявление пролетарского возмущения войной и ее результатами, стала орудием германского империализма. Никакой борьбы со своим империалистическим правительством она не вела.

Последствия авантюрного июньского наступления, давшего германским командным кругам легкую победу на русском (галицийском) фронте, сказались там особенно реакционно, или, по выражению В. Розанова, «успехи Германии вредно отозвались на внутреннем положении, затрудняя работу демократии и укрепляя режим». Розанов, как и все социал-патриоты, был «пораженцем» для противников своей буржуазии; он обходил наши предсказания, что наступление выгодно только империалистам, в том числе и германским, что оно оправдывало их политику внутреннего подавления, помогая им использовать «русскую опасность» в шовинистических целях.

На конференцию делегация Совета приглашала и меньшинство германских социал-демократов и их большинство, и обе части, по рассказам Розанова, встретили это приглашение «сочувственно». Но из приведенных выше протоколов видно, что это сочувствие совсем не такое, как он его рисовал. Иначе отнеслась Бернская международная социалистическая комиссия. На нее Розанов жаловался, что все их убеждения и переговоры окончились неудачей. Эта часть циммервальдской левой разделяла политику социал-

демократов большевиков и на соглашательские интриги и дипломатию не шла.

После доклада Розанова была внесена резолюция социал-демократов меньшевиков. Прения открыты не были, и все протесты интернационалистов оказались впустую, большинством была принята следующая резолюция:

«Выслушав сообщение члена заграничной делегации Всероссийского съезда советов раб. и солд. депутатов тов. Розанова о международном положении, Центральный исполнительный комитет Совета раб. и солд. депутатов и Центральный исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов констатируют, что единственным серьезным средством ликвидировать войну в кратчайший срок и при наиболее выгодных для демократии условиях является расширение и усиление согласованной борьбы за мир без аннексий и контрибуций на основе свободного самоопределения народов, которую ведет авангард пролетариата и трудовой демократии во всех воюющих и нейтральных странах.

Ввиду этого ЦИК СРиСД и ИК ВСКД поручает Соединенному бюро:

1. Принять самые энергичные меры к тому, чтобы созываемая в Стокгольме международная социалистическая конференция собралась в назначенный срок и чтобы устранены были все препятствия, которые правительства воюющих государств ставят для поездки делегатов социалистических партий (большинств и меньшинств).

2. Обратиться с новым воззванием к народам всего мира о том трагическом положении, в которое дальнейшее продолжение войны ставит народы Европы и особенно русскую революцию, так как поражение последней означало бы крушение всей народной демократии, крушение надежд на всеобщий справедливый мир. В этом воззвании должно быть определенно указано на необходимость для народов всех воюющих стран добиваться от своих правительств принятия провозглашенной Временн. прав. формулы мира и готовности вступить в переговоры о всеобщем мире».

Отдел международных сношений в то время вел усиленную работу по подготовке к Стокгольмской конференции[1]. По возвращении Розанова из-за границы было устроено заседание отдела и комиссии по созыву Стокгольмской конференции, на котором были распределены доклады и даже намечены некоторые основные положения докладов. Об этом заседании в делах ИК сохранилась краткая, но достаточно красноречиво характеризующая готовившиеся выступления запись:

«Протокол заседания Отдела международных сношений при Центральном исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшегося 26 июля 1917 г. при участии ответственной коллегии Отдела и товарищей: Абрамовича, Аксельрода и Панина.

Председательствует Либер.
Секретарь Биск.

Порядок дня:

1. Подготовка докладов для Стокгольмской конференции.
2. Организация делегации от Центрального исполнительного комитета и партий.
3. Воздействие на английское, французское и итальянское правительства относительно выдачи паспортов делегатам.
4. Делегация в Америку.

1. Подготовка докладов для Стокгольмской конференции.

а) По вопросу о войне и Интернационале. Единогласно постановлено поручить доклад по этому вопросу П. Б. Аксельроду.

---

[1] См. Обзор деятельности Отдела международных сношений в приложении 7.

Предполагается, что комиссия по созыву конференции поручит представителю Совета быть официальным докладчиком по этому пункту порядка дня.

Ввиду важности вопроса П. Б. Аксельроду предлагается сообщить из Стокгольма по телеграфу тезисы своего доклада, чтобы Совет мог утвердить их.

Желательно, чтобы было достигнуто соглашение с представителями от партий так, чтобы доклад представлял собой мнение всей русской делегации.

б) Условия мира и Интернационал. Доклад по этому вопросу будет, очевидно, представлен Голландско-скандинавским комитетом. Так как можно ожидать, что центр тяжести этого доклада будет заключаться в детальном проекте исправления карты Европы, то необходимо наметить докладчика, который мог бы направить прения в сторону политического обсуждения вопроса. В основу решения вопроса должно быть положено право наций на самоопределение и невозможность продолжения войны из-за справедливого разрешения того или иного отдельного вопроса, как бы важен он не был.

Мартов, Аксельрод, Семковский, Розанов полагают, что, настаивая со всей энергией на праве наций на самоопределение, социалисты должны быть готовы к заключению мира на основе «status quo». Неудовлетворительное решение вопросов об Эльзас-Лотарингии, Ирландии и Польше— и то не должно служить причиной продолжения войны. Формула «status quo» не равносильна лозунгу «мир во что бы то ни стало», ибо она исключает новые аннексии.

Либер находит, что эта формула противоречит принципу права наций на самоопределение. Он тоже находит невозможным затягивать войну из-за разрешения эльзас-лотарингского вопроса. Разногласия по этому пункту могут возникнуть лишь в области тактики. Решено поручить комиссии в составе из Дана, Мартова и Розанова представить бюро Центрального исполнительного комитета доклад по этому вопросу.

в) Средства достижения мира и борьба за него. Решено предложить составление доклада по этому вопросу Церетели.

К 22 августа резолюция и доклад должны быть переведены и отпечатаны.

Бюро Центрального исполнительного комитета должно заслушать доклад не позже 5 августа.

2. Организация делегации

По регламенту съезда число делегатов от партий должно равняться числу голосов, которыми они располагают. Для России сделано исключение: она может послать 30 делегатов с 20 голосами.

Предполагалось, что из этих голосов половина будет предоставлена Совету РиСД, а половина—партиям и профессиональным союзам.

Мартов предлагает предоставить Совету РиСД 8 мест, профсоюзам—2 места, партиям—10 мест. За это предложение голосуют 3 человека, 3—против. Таким образом остается в силе первоначально принятый способ распределения голосов, т. е. Совет РиСД получил 10 голосов, профсоюзы тоже 10 голосов.

Абрамович—предлагает 2 места, на которые имеют право большевики, отказавшиеся от участия в конференции, не распределять между остальными партиями. Русская делегация будет располагать, таким образом, не 20 голосами, а соответственно ослаблению ее вследствие отсутствия большевиков лишь 18, точно так же как английская делегация должна будет располагать лишь половиною голосов, если (меньшинство) не примет участия в работах конференции.

Предложение это отвергается.

Семковский предлагает распределить 8 голосов, предоставленных партиям, не между организациями (ОК, Бунд, эсеры), а между большинством и меньшинством.

Мартов присоединяется к этому предложению и предлагает произвести распределение голосов на общем собрании делегатов в России так, чтобы, считаясь с представительством большинства и меньшинства, можно было принять во внимание и требование различных организаций (националистов, плехановцев и т. д.).

Биск полагает, что окончательное распределение мандатов может

произойти лишь в Стокгольме, так как некоторые делегации (латыши из оккупированных местностей), может быть, предъявят свои права не в России, а на месте, в конференции.

Либер и Панин возражают против принципа распределения мандатов между большинством и меньшинством, так как делегаты назначаются Советом не по этому признаку, напр. Аксельрод, Русанов, Панин, делегированные Советом, принадлежат к меньшинству. Если дать меньшинству, кроме того, специальное представительство, оно будет представлено не пропорционально. 6 голосами против 2 принимается предложение распределить мандаты в России между большинством и меньшинством, по соглашению партий, с тем чтобы окончательное распределение мест произошло на конференции в случае, если обнаружатся новые обстоятельства.

Каждая организация имеет право пригласить на 2 делегатов с решающим голосом 1 лицо с совещательным голосом.

3. Воздействия на союзные правительства.

а) Мартов предлагает обратиться от имени Совета РиСД к министрам-президентам Англии, Франции и Италии с предложением не чинить препятствий делу созыва конференции.

Панин высказывается против этого.

Предложение Мартова принимается 5 голосами против 3.

б) Принимается к сведению сообщение Либера, что бюро Центрального исполнительного комитета постановило обратиться с воззванием к пролетариату всего мира с призывом содействовать делу созыва конференции и оказать соответствующее давление на свои правительства.

4. Делегация в Америку.

В принципе таковая признается желательной, но собрание констатирует, что в настоящее время нет необходимых сил, чтобы организовать ее».

Этот протокол—свидетельство беспомощности и беспринципности. Соглашатели ничего не могли дать международной борьбе пролетариата, кроме воззваний и обращений к правительствам. Во всей этой комедии принимал участие и «интернационалист» Ю. Мартов.

Новая «отсрочка» конференции

В конце июля стали поступать сведения о том, что время, назначенное для созыва Стокгольмской конференции, оказалось «неудачным». Французская и английская партии назначили на те же примерно сроки «свою» конференцию социалистов и прибыть не могли, просили о некоторой отсрочке.

Эта отсрочка была сделана, и эсеро-меньшевистские партии вместо 15 августа по новому стилю держали «твердо» курс на созыв конференции в конце августа н. ст. От Совета и русских партий (вместе с национальными партиями) предполагалось послать 30 делегатов. Все социал-соглашательские партии России приняли предложение об участии в Стокгольмской конференции. Наша РСДРП(б) оставалась верной интернациональной революционной солидарности пролетариата и решительно отвергла свое участие в этом сговоре социал-империалистов.

Но и этот срок приходилось вновь пересматривать. В конце июля из Парижа было получено телеграфное сообщение, заключавшее ряд предложений, выработанных совещанием представителей французской и английской социалистических партий, принятых и русской делегацией. Все предложения поэтому вносились «единогласно» и содержали нижеследующую резолюцию:

«Настоящая конференция выражает свою солидарность с проявленной Советом рабочих депутатов инициативой, поддержанной Голландско-скандинавской делегацией, в результате которой обеими организациями сообща было предложено созвать пролетариат всех народов на международную социалистическую рабочую конференцию.

Сношения с национальными секциями по вопросам, связанным с созывом конференции, возложены исключительно на Организационное бюро в составе русской делегации и голландско-скандинавского комитета, при содействии, в отношении технических вопросов, секретариата Международного социалистического бюро.

Все организации, участвующие в Интернационале, приглашаются к участию в конференции. Так как со времени начала войны организации разделились, то на конференцию должны быть приглашены представители меньшинства, равно как и представители большинства, если меньшинство сорганизовалось в особую партию.

Синдикалистские организации, не приписанные к международному социалистическому бюро, равным образом должны быть приглашены, если только они не представлены уже другими организациями, приписанными к Международному социалистическому бюро.

Приглашение каждой фракции национальных секций должны быть направлены организационным бюро через посредство подлежащих национальных секций Интернационала.

Всякие протесты против решения этих секций будут заявляться бюро, выбранному каждой из национальных секций, представленных на конференции, в составе 2 человек от секции, представляющих как большинство, так и меньшинство.

Так как результаты деятельности Интернационала зависят от лойяльного выполнения вынесенных постановлений, то национальные секции, которые будут участвовать в конференции, обязываются после того, как общие постановления будут формулированы, торжественно заявить перед собранием Интернационала о том, как они полагают осуществить эти постановления.

Настоящее собрание предлагает организаторам конференции созвать таковую в Стокгольме между 9 и 16 сентября. Если бы к этому встретились какие-либо практические затруднения, то конференцию надлежит созвать в указанный срок в Христиании или где-либо в другом месте».

Одновременно было внесено постановление об организации перед Стокгольмской конференцией совещания социалистов «союзных стран». В принятии подобного решения принимала участие и русская делегация социал-соглашательского совета.

Из всех социал-патриотических партий одна бельгийская относилась решительно отрицательно к Стокгольмской конференции. В начале августа Отдел международных сношений получил «официальное заявление бельгийской рабочей партии», выражавшее взгляды бельгийских социалистов, находившихся в оккупированной немцами Бельгии. Насилие, совершенное над бельгийцами, лежало в основании всего поведения социалистов Бельгии и их отношения к задачам пролетариата в этой войне[1]. Как ни гнусно было насилие над бельгийцами, совершенное полчищами германского милитаризма и оправданное шейдемановцами, его все же нельзя было класть в основание своего принципиального отношения к империалистической войне и тем самым делать из него прикрытие для империалистов другой стороны, кичившихся «освободительными» целями «своей» войны. Но именно этот путь и был избран вождями бельгийских социалистов, и это делало их пособниками империализма Антанты.

В начале августа происходило распределение голосов россий-

[1] См. приложение 8.

ской делегации. Согласно условиям по созыву прежних международных съездов и конференций, России полагалось 20 решающих голосов, кроме того—еще 10 голосов совещательных. Центральный исполнительный комитет имел из всего количества 10 решающих и 5 совещательных голосов. Два решающих голоса из них было уступлено Совету крестьянских депутатов. На партийные организации было дано 8 голосов решающих и 4 совещательных. Профессиональным союзам было дано 2 решающих и 1 совещательный голос. На этом и был закончен первый период международных организационных комбинаций соглашателей нашей страны.

ВЦИК о «Стокгольме» и ошибочная позиция Л. Б. Каменева

6 августа состоялось заседание ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов, посвященное вопросу о созыве Стокгольмской конференции. Докладчиком выступил Розанов, сообщивший собранию о работе по созыву конференции и об отношении к ней различных социалистических партий. Он отметил, что отрицательное отношение большинства английской (независимой) и французской социалистических партий «под влиянием обстоятельств» изменилось и обе партии выразили согласие на участие в конференции. Бельгийская социалистическая партия ответа не дала, но Вандервельде заявил, что они не пойдут на общую конференцию до тех пор, пока Бельгия занята немцами. Не соглашалась на участие и британская социалистическая партия (группа Хайндмана). Хотя большинство партий воюющих стран и выразило свое желание участвовать в конференции, но «не все партии идут с одинаковыми задачами». Многие из будущих участников международной конференции не соглашались признать ее решения обязательными для себя. Конец его речи был посвящен оправданию действий Временного правительства, сделавшего якобы все для успеха этой конференции. Им же была внесена следующая резолюция:

«С чувством полного удовлетворения приветствуя открытое вступление рабочих Англии и Франции на путь международной борьбы за всеобщий мир, убежденный, что эта борьба будет развиваться и углубляться, содействуя делу приближения демократического мира, ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов шлет свой братский привет социалистам союзных с нами стран и выражает уверенность, что совместно с нами ими будут преодолены все препятствия, стоящие на пути к осуществлению конференции, и что она состоится в назначенный срок при участии представителей воюющих и нейтральных стран.

Своим упорным сопротивлением осуществлению международной социалистической конференции и восстановлению пролетарского Интернационала империалисты всех стран, способные одним только насилием решать спорные вопросы международной политики, подтверждают, каким могучим орудием для прекращения войны на началах, провозглашенных русской революцией, является международное сплочение рабочего класса.

ЦИК Совета РиСД считает необходимым призвать все советы рабочих и солдатских депутатов, все партийные организации революционной демократии в форме постановлений и резолюций поддержать рабочий класс союзных с нами стран, присоединяющихся к нам в борьбе за мир. Пусть рабочие Европы почувствуют в русской революции свою надежду и опору.

Напрягая все свои силы к активной защите родины от нависшей над ней опасности военного разгрома, российская революционная демократия

в то же время не прекращает ни на один момент своих усилий к сплочению международной демократии во имя борьбы за принципы, провозглашенные русской революцией».

После доклада было принято решение ограничить прения выступлениями фракционных ораторов. Первое слово было предоставлено представителю с.-д. большевистской фракции Л. Б. Каменеву. Выступление Каменева, заявившего о пересмотре партийного решения по вопросу об отношении к Стокгольмской конференции, было принято соглашателями как отказ большевиков от непримиримо-отрицательной позиции к сговору социал-патриотов и весьма поразило нашу собственную фракцию ВЦИК. Свою ревизионистскую позицию Л. Б. Каменев мотивировал тем, будто «Стокгольм перестал быть только орудием политической интриги. Теперь этот период прошел. В настоящий момент Стокгольм есть некоторое знамя пролетариата». Правда, он считал это знамя «обманчивым и ошибочным» и предлагал Совету сказать, что «Стокгольм без всемирной революции мира не даст». Поднявшаяся в то время кампания буржуазной русской и иностранной печати против Стокгольмской конференции, а также и препоны, которые чинились на ее пути правительствами, дала повод Л. Б. Каменеву стать на защиту этой соглашательской затеи. По его определению русская революция была сбита с первых позиций, и поэтому он полагал, что, «когда мы отошли на вторые позиции, мы должны остановиться и отстаивать окопы Стокгольма, на которые нападают империалистические правительства».

Заняв такую позицию по отношению к социал-патриотической интриге, он провозглашал необходимость «агитировать за Стокгольмскую конференцию», идя против прямых и не допускавших кривотолков постановлений ЦК и конференции.

Это выступление Каменева отражало тогдашние колебания в большевистской среде, сказавшиеся особенно резко после июльского погрома. Его выступление было «согласовано» тогда с частью членов ВЦИК того времени, но решительно расходилось с линией ЦК, а поэтому через несколько дней его заявление было категорически дезавуировано по поручению ЦК И. В. Сталиным, написавшим по этому поводу статью «Еще о Стокгольме» [1], в которой он решительно разоблачил эсеро-меньшевистскую болтовню о Стокгольме, заявив, что «путь к миру идет мимо Стокгольма через революционную борьбу рабочих против империализма».

Против выступления Каменева за Стокгольмскую конференцию решительнее всех выступил В. И. Ленин. Его статья, бичующая Каменева, появилась в третьем номере «Пролетария» за 16 августа. В этой статье В. И. резко осуждал Каменева за его нарушение постановления ЦК, обвиняя его в прямом срыве воли партии, в сокрытии факта участия в Стокгольмской конференции социал-империалистов. Все доводы Каменева он подверг уничтожающей критике, опровергая его голословные утверждения, будто Стокгольм перестал быть орудием империалистических интриг. Вопиющей неправдой считал Ленин заявление Каменева, будто Сток-

---

[1] См. «Рабочий и солдат» от 9/VIII, № 15.

гольм стал знаменем пролетариата, указывая, что это знамя — знамя сделок, соглашений, а не революции. «Мы решили строить III Интернационал. Мы должны осуществить это вопреки всем трудностям. Ни шагу назад к сделкам между социал-империалистами и перебежчиками социализма», — так закончил он статью.

После Л. Б. Каменева, речь которого вызвала большое удовольствие в рядах соглашателей, от социал-демократов меньшевиков-интернационалистов выступил Лапинский, подчеркнувший недопустимость проявленного в официальном порядке Временным правительством отношения к мирной политике Совета, и предложил выступить с особым воззванием к международному пролетариату, в котором подчеркнуть, что, как бы наше правительство ни относилось к вопросу о мире, «мы сохраняем за собой безусловную независимость и не поступимся ничем в борьбе за мир».

Выступивший затем социал-демократ меньшевик-оборонец Богданов воспользовался выступлением Каменева для заявления о том, что большевики отказываются от своих позиций и т. д.

Богданов признал, что Временное правительство колебалось в этом вопросе, но относил эти колебания не за счет изменения взглядов Временного правительства, а за счет изменения международного положения России после поражения.

В защиту резолюции, внесенной Розановым, выступил Брамсон, заявив от имени трудовиков о своей солидарности с докладчиком, и сообщил, что фракция будет голосовать за резолюцию.

Несмотря на соглашательский уклон Каменева, сбивший некоторых товарищей по фракции на путь «изменения» партийного отношения к Стокгольмской конференции, все же от имени фракции против конференции выступил Кураев и заявил о том, что фракция будет голосовать против резолюции.

По мотивам голосования выступал Мартов тоже против резолюции Розанова и выразил свое неудовольствие по поводу заявлений Терещенко и Керенского. Последний при проводах генерала Карнилова в Ставку заявил, что, каковы бы ни были постановления Стокгольмской конференции, Временное правительство остается верным договорам, заключенным с союзниками.

Крах соглашательских надежд на «Стокгольм»

Во второй половине августа начали поступать сообщения о происходившей конференции социалистов союзных с Россией стран. Делегация Совета находилась в это время за границей. Еще перед выездом делегации из Петрограда состоялось специальное постановление ИК, которым делегации предоставлялось право участия в созываемой «союзными» социалистами конференции лишь постольку, «поскольку эта конференция находится в соответствии с той, которую созывает он в Стокгольме». Если же у делегатов будут сомнения в этом, то им давались указания на право участия в ней только с информационной целью.

Делегация сама подробно сообщала ИК (тогда уже ВЦИК) о своей работе и деятельности конференции. Приняв в этой конференции участие, прикрываясь своими «победами» над большин-

ством, советская делегация по сути шла на поводу у социалистов Антанты и вместо «Стокгольмского центра» едва не попала в «Лондонский центр», организованный только социалистами Согласия [1].

В середине сентября конференция в Стокгольме также не могла состояться, на этот раз уже по причине невыдачи делегатам союзных стран паспортов. Но и это обстоятельство не вызвало особых протестов участников, так как они «понимали», что дело мира—дело трудное, и начали снова трудиться... над составлением нового воззвания.

В «Известиях» от 5 сентября было напечатано пространное сообщение из Стокгольма, передававшее принятый Организационным бюро по созыву Стокгольмской конференции особый манифест [2]. В этом манифесте правые социал-демократы Скандинавских стран и представители социал-патриотов из России еще раз повторили, что они не оставляют мысли о созыве конференции, не состоявшейся 27 августа из-за невыдачи правительствами паспортов для делегаций, ехавших на нее. Одно это указывало, что без революционной деятельности внутри каждой из воевавших стран даже такое собрание пацифистов, к которому по сути дела сводилась вся программа предполагавшейся деятельности Стокгольмской конференции, не могло состояться. Наша РСДРП(б) и поддерживавшие ее левые с.-д. группы в различных странах, правильно оценивали создавшееся в Европе положение, выход из военного состояния которой мыслили не иначе, как в результате революционной борьбы пролетариата против империализма. Но «манифест», порожденный скандинавскими деятелями, был далек от такой постановки и сеял вредные надежды в рабочем классе, будто судьба войны зависит не от действий, а от свиданий предавших его интересы «социалистов». В нем писалось и о борьбе с империализмом и даже о том, что рабочий класс хочет, чтобы эта война была последней. И все эти надежды и чаяния пролетариата они связывали со Стокгольмской конференцией, явно обманывая прислушивавшихся к их голосу рабочих. Победить империалистов, покончить с войной можно было только революционной борьбой пролетариата против капитализма, а прекратить войны навсегда можно только путем пролетарской революции, осуществляющей социализм на обломках капитализма. Но вся политика социалистов, объединившихся около Стокгольма, была далека от таких революционных постановок, а поэтому и являлась дипломатической игрой, орудием в руках империалистических правительств, менявших свое отношение к конференции в зависимости от политического и стратегического положения, в котором они находились.

Полугодовое топтание социал-соглашателей около Стокгольма как началось, так и закончилось разговорами, резолюциями и манифестом. Так закончился первый этап международной деятельности соглашательского большинства Совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда. К моменту выпуска стокгольмского манифеста

---

[1] См. это сообщение в приложении 9.

[2] См. этот манифест в приложении 10.

рабочий класс уже решительно рвал с социал-соглашателями, становясь под боевые знамена нашей партии. То же стремление обнаруживали и революционные элементы в войсках, в тылу и на фронте. Петроградский совет стал уже в своем большинстве на сторону нашей с.-д. большевистской политики, а соглашатели, опираясь на вчерашний день революции, метали свои молнии против революционных рабочих и нашей партии с различных правительственных и общественных высот «революционной демократии». Выбивать их оттуда готовился тот самый Совет, на плечах которого они поднялись к дележке власти с буржуазией и превратились в его врагов.

III

АВСТРО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА МИРА

Немецкие прокламации до революции

Империалистическая буржуазия и ее агенты из социалистического и профессионального рабочего движения весьма охотно спекулировали на развитии революционного движения, каждая в стане своего противника и конкурента. Французская и английская буржуазия спекулировали на свержении Вильгельма II и установлении демократического режима в Германии, и даже русский царизм, душивший народы своей страны, не прочь был прикрыться «освободительной» целью, ведя войну за независимость продаваемых им оптом и в розницу «братьев-славян». Не отставали от них и германские империалисты, используя в этих же целях услуги и опыт социал-демократии. Германский империализм тоже не прочь был нарядиться в тогу освободителя и готов был «помочь» противнику в деле организации в его тылу различных осложнений. В этих целях обе стороны вели оригинальную пропаганду на фронтах, распространяя листовки, объясняющие солдатам цели войны их страны. Листовки бросались с аэропланов, а иногда и при помощи особых снарядов или ракет.

Каждое событие военного или политического характера находило свое отражение в этих листовках. Нам удалось собрать некоторое количество прокламаций, распространявшихся австро-германскими войсками на фронте русских армий в 1917 г., характеризующих с достаточной полнотой военную пропаганду «мира».

Из штаба XI армии разведывательное отделение доносило штабу юго-западного фронта 9 января 1917 г. о том, что противником были сброшены прокламации на Манаювском участке. Прокламация была напечатана на русском языке и начиналась обращением:

«Русские солдаты!

Из одного из последних приказов вашего главнокомандующего вы узнали, что предложение мира Центральных держав Россией и ее союзниками отклонено, что, напротив того, от вас требуют биться до завоевания Царьграда и до соединения и независимости Польши во всех ее трех частях!

Если б от вас не скрывали неудачи последних битв, вы бы знали, что русские войска, которые мечтали о торжественном шествии от Бессарабии до Царьграда, теперь же бегут обратно по направлению в Могилев и Одессу! Войска Центральных держав следуют по пятам русским войскам и остаткам румынских войск. Вся Валахия, Добруджа и большая часть

Молдавии в руках Центральных держав! Вот каковы успехи держав Согласия, уверяющие вашего царя, что он скоро достигнет своей цели: овладения Царьградом!

Что касается восстановления Польши русским правительством, вы сами лучше всего знаете, сколько притворства и коварства скрывается под личиною этой благой цели войны! Русское правительство, которое долее столетия угнетает и насильствует Польшу,—русское правительство, которое 140 лет тому назад предложило другим державам приступить к разделению Польши, теперь, во время отечественной войны, откуда ни возьмись, соболезнует участи Польши и заставляет истекать кровью свой собственный народ, потому только, чтоб восстановить независимость Польши!

Теперь же вы, русские солдаты, должны продолжать бороться для достижения этих двух целей войны! Время, когда вы сможете достичь этой цели, вам не трудно узнать, если вы обдумаете, что теперь Центральные державы обладают всем Балканским полусстровом и всей Польшей и Литвой—не говоря о других завоеванных ими странах—и что они крепко держат то, что раз забрали!

Мы не хотим больше терять слова о сказках о голоде и недостатке в людях Центральных держав! Народы голодающие, народы без солдат не смогут наносить повсюду своим врагам удар за ударом и завоевывать бесчисленные русские губернии, одну пятую часть Франции, всю Бельгию, Сербию, Черногорию и Румынию!

Центральные державы, которые, напротив ложному уверению вашего государя, не хотели войны, теперь же после кровопролития, продолжающегося уже 29 месяцев и имеющего целью порабощение всего мира Англией и Японией, три раза пробовали образумить Россию и Францию, страдающих больше всех. Но каждый раз дьявольская Англия и ваши новые приятели, японцы, думая, что Россия еще недостаточно ослаблена, чтоб они ее навсегда могли выключить из Азии, объясняли торжественно, что надо продолжать войну до окончательной победы и до овладения Царьградом Россией!

Так и быть! Центральные державы продолжают бороться! Но вы, русские солдаты, размышляйте об этих двух «благородных» целях войны вашего государя и спросите себя, требует ли действительно счастие русского народа, русских крестьян, их жен и детей этой неслыханной, бесконечной и бесполезной жертвы вашей крови?» [1].

Судя по содержанию, она была напечатана в декабре месяце и иронизирует над осенними военными неудачами союзников. Как действовали эти прокламации на солдат—разведывательное отделение не сообщало. Об этом кое-что можно будет узнать из другого источника—цензурного отчета о письмах солдат с фронта.

На другой день, 10 января, разведка того же штаба доносила юго-западному фронту о найденной разведчиками прокламации у проволочных заграждений противника в районе дер. Баткув.

Прокламация также обращается к «русским солдатам» и посвящена вступлению Румынии в войну, нападает на англичан за их попытки принудить Германию к сдаче, сначала голодом, а теперь «выдумали новую затею», уверяют, что «нет более людей в Германии и Австро-Венгрии... И маленькая Румыния поверила этой приманке», соблазнилась легкой добычей, мечтая «о торжественном шествии в Венгрию до Будапешта и даже до Вены». Ну конечно и была наказана за это германскими империалистами, как торжественно заявляет об этом прокламация:

[1] Все прокламации печатаются с сохранением орфографии подлинника. *А. Ш.*

«Случилось иначе, нежели англичане мечтали! Союзные войска германцев, австрийцев, венгерцев, болгар и турок напали на румынского хищника! В течение менее двух месяцев вся Добруджа и большая часть Валахии заняты Центральными державами, войска которых переправились через Дунай и теперь же стоят в Бухаресте, столице Румынии! Бедная Румыния умоляет своих могущественных союзников о помощи, но не более найдется спасения для нее, чем для Сербии, Черногории и Бельгии! Румыния невозвратно пропала, и Центральные державы приобретают страну, называемую «хлебным магазином Европы».

Далее опровергалось сообщение о недостатке в людях и заканчивалась прокламация предложением: «размышляйте об этом, русские солдаты, и спросите ваших офицеров и старших, как они думают обо всем этом!»

23 января та же разведка XI армии вновь сообщает штабу юго-западного фронта о переброшенных противником, при помощи ракеты, прокламациях на Манаювском участке.

Прокламация посвящена вопросу о целях войны, ответам, которые были даны обеими воюющими группами держав на известный запрос президента САСШ Вильсона.

«В то время как Центральные державы, получив это приглашение, сейчас же ответили, что они принимают его с удовольствием, так как оно имеет целью восстановление всем желанного мира, Россия и ее союзники долго советовались, а потом отказали Вильсону в его приглашении, говоря, что они считают нужным продолжать войну до тех пор, пока Франция захватит у германцев Эльзас и Лотарингию, Италия у австрийцев—Тироль, Истрию и Триест, Сербия у австрийцев и венгерцев—Боснию, Герцоговину, Кроацию, Славонию и Далмацию, Россия у турок—Царьград и Дарданеллы.

Вот каковы цели войны держав Согласия, хотящих убедить весь мир и даже свои собственные народы, что они принуждены к войне и что они воюют только для обороны!»

В конце прокламации сообщалось:

«В Петрограде несколько дней тому назад монах Распутин убит князем Юсуповым: этот простой, неграмотный сибирский крестьянин желая остановить пожертвование русских крестьян в пользу Англии и пользовался своим влиянием при императорском дворе с намерением примирить Россию с Центральными державами. Но тут вмешался английский посланник в Петрограде сэр Бьюканан, и в его салонах решено было устранить «вредное» влияние Распутина!

Из этого вы можете лучше всего заметить, кто теперь господствует над Россией и кто виноват в том, что надежда на мир рушилась! При богатом пире и при французских винах сэр Бьюканан и его русские товарищи решили продолжать войну, а тебе, бедному солдату, хочешь—не хочешь, надо покориться их решениям!»

Этот конец свидетельствовал о великолепной осведомленности германской разведки, ибо факт убийства и обстановка скрывались царской цензурой. Но германские империалисты не прочь были погреть руки и около распутного царского монаха.

Пытались германские пропагандисты спекулировать и на вспыхнувшей в Петербурге революции, а одновременно и на «богоданном царе», разбрасывая прокламацию, полную ненависти к «англичанке»[1].

---

[1] См. эту прокламацию, «Семнадцатый год», кн. 2-я, стр. 292.

Пропагандистская работа австро-германцев после революции

После Февральской революции характер германской пропаганды изменился. Из прокламаций исчез монархический дух, наоборот, германцы всячески стремились доказать, что они были всегда и вместе с Вильгельмом II друзьями освободительного движения России.

В конце марта и в начале апреля на многих участках русского фронта распространялся печатный перевод речи германского канцлера в рейхстаге, посвященной событиям в России. В этой речи канцлер отдал «дань уважения традиционной дружбе Пруссии и России, окончившейся со смертью Александра II», выставлял Николая II сторонником «политики держав Согласия», который «был увлечен пан-славизмом и встал наконец в такую зависимость от военной партии, господствовавшей в стране с самодержавным строем, что в роковые дни 1914 г. он не внял императору Вилгельму, ссылавшемуся на долголетнюю дружбу». Далее он опровергал «излюбленную басню наших врагов», будто «германское правительство всегда поддерживало реакционный самодержавный строй в России против всякого освободительного движения».

Пытался опровергнуть канцлер и знаменитую услугу Вильгельма II, оказанную Николаю II в тяжелые для него дни 1905 г., указанием на «настоятельный совет царю Николаю II не противиться дальше своему народу». Этим он одновременно «опровергал» широко известные факты дружества, существовавшие между царской реакцией и реакцией помещичьей Германии, стремясь объявиться «другом» нового строя.

В той же речи он заявил:

«Наше же отношение к свершившемуся уже предначертано: мы и впредь будем держаться принципа невмешательства во внутренние дела иностранных государств. Из злонамеренных источников распространяется всеми средствами по всему миру, что Германия желает уничтожить только что приобретенную русским народом свободу и что император Вильгельм желает вновь водворить господство царя над порабощенными подданными. Эти распускаемые слухи есть сущая ложь и клевета, я хочу особенно настоятельно подчеркнуть это. Каким устройство России будет—это исключительно дело самого русского народа, и в него мы не вмешиваемся.

Единственно, чего мы желаем—это то, чтобы в России был водворен такой порядок вещей, который превратил бы страну в твердый и надежный оплот мира. Если новый порядок вещей посодействует тому, чтобы облегчить восстановление добрососедских отношений, которые находятся в интересах обеих наций, то мы с радостью приветствуем этот новый порядок».

Речь заканчивалась прямым предложением «русскому народу» мира и выражением пожелания «возможно скорейшего возвращения к жизни с русским народом в мире, который покоился бы на почетных для всех стран основаниях».

Вслед за этой речью изменился и характер тех листовок, которые выпускались и выбрасывались в русской полосе западного фронта. Особенно настойчиво опровергали немцы приписанное им желание восстановить в нашей стране царскую монархию.

Старший адъютант штаба Сибирского армейского корпуса доносил разведывательному отделению штаба VII армии от 4 апреля,

что «разведчиками 50 Сибирского стрелкового полка подобраны прокламации», из коих «обращает на себя внимание приглашающая депутатов от наших солдат в германские окопы на совещание о мире».

Прокламация обращается к солдатам, называя их уже «товарищами». Таким образом они переняли совершенное русской революцией изменение в чинах и обращениях. Прокламация напоминала свое декабрьское предложение мира, еще раз заявляла о том, что «у нас никто, положительно никто и не думает вмешиваться в ваши внутренние дела» и полагала, что «для свободного русского народа, взявшего в собственные руки решение судьбы своей, не может быть препятствий заключить с нами честный мир». Сама же «Германия готова заключить мир, хотя она в нем и не нуждается», предпочитая «спокойно ждать, согласится ли свободная, обновленная Россия вступить с нами в мирные переговоры в дни светлого праздника воскресения христова».

В пасхальные дни в предшествовавшем 1916 г. кое-где на фронте, даже франко-англо-немецком, были временные прекращения боевых действий и даже попытки «братаний», конечно задушенных в самом зародыше. Пасха же 1917 г. в условиях развивавшегося революционного движения, усталости от войны и жажды ее прекращения, становилась предлогом хотя бы для временного прекращения военных действий. Это положение старались использовать и германские «пропагандисты мира», распространяя призывы к солдатам о необходимости заключения мира. Прокламация, о которой говорится в донесении, приглашала уже наших членов солдатских комитетов. Вот ее текст:

«Русские солдаты, братцы!

Поздравляем вас с светлым праздником. Христос воскресе! Поздравляем вас со свободой. Вы достигли свободы, низвергли царя, топтавшего ногами все права человечества, права свободных граждан.

Граждане, опомнитесь!

Не пора ли прекратить бесполезное кровопролитие, не пора ли подумать о мире? Свободные граждане, вы учредили солдатские комитеты, вам дана возможность свободно высказывать свое мнение. Пришлите к нам ваших депутатов, и мы поговорим о мире. Мы рады вашей свободе, рады изгнанию царя, так как он был виновником этой страшной войны, он и его министры. Дайте нам знать, когда придут члены комитета, чтобы и мы могли во-время послать на то место наших депутатов, говорящих по-русски.

Явитесь к нам с белым флагом, мы обещаем вам, что все депутаты вернутся к вам невредимыми.

Друзья мира».

Донесения командного состава из районов северного фронта указывали на большую пропагандистскую активность германских солдат и офицеров. Сводки этих донесений давали нижеследующую картину:

«XII армия. 14 марта против острова, что восточнее Вевер высунулся немец с белым флагом и начал что-то кричать, но после обстрела нашим огнем скрылся.

27 марта западнее Икскюльского предмостного укрепления противник подбросил прокламации с выдержками из речи канцлера, произнесенной 16 марта, и пробовал заговорить с нами, но по нем был открыт огонь.

28 марта, на участке 2 Сибирского корпуса, близ р. Веккау, немцы вышли с белыми флагами, а на участке 21 корпуса в Икскюльском предмостном укреплении подбросили прокламации, в которых приглашали солдатских депутатов войти с ними в непосредственное сношение и пытались заговорить с нашими солдатами, но в обоих случаях были разогнаны нашим огнем.

29 марта, на Приморском участке, немцы пытались отдельными людьми вступить в переговоры, но нашими солдатами были приняты меры к прекращению этой попытки огнем. На фронте 21 корпуса, у Икскюльского предмостного укрепления, немцы пытались вызвать наших солдат на разговоры, но после обстрела их окопов прекратили свои попытки.

30 марта немцы пытались вступить в разговоры с нашими войсками на всем фронте XII армии, для чего выходили группами из окопов с белыми флагами, но нашим огнем загонялись обратно в свои окопы.

31 марта, на фронте 43 корпуса, на Приморском участке, появилась партия немцев с белым флагом. На фронте 2 Сибирского корпуса попытки противника войти в сношение с нашими войсками прекращались нашим огнем.

1 апреля, на фронте 43 корпуса, близ берега моря, к нашим окопам подошли два немца с целью вступить в переговоры; оба немца были захвачены. Во 2 Сибирском корпусе немцы выходили с белыми флагами, желая вступить в переговоры, но нашим огнем были загнаны обратно в свои окопы.

25 апреля, на участке 21 корпуса, 3 наших солдата 129 полка сели в лодку с тем, чтобы поехать в гости к немцам, но после уговоров и угроз своих товарищей вернулись обратно.

V армия. 15 марта, в районе южнее Митаво-крейцбургской ж. д., противник подбрасывал нашим войскам прокламации о происходящих в России событиях и с призывом к миру.

19 марта, на участке 3 Особой дивизии, наблюдались выходящие из окопов немцы с красными и белыми флагами.

26 марта, на участке 14 корпуса, наши батареи вели огонь по группе немцев, вышедших западнее Северо-западной ж. д. и затеявших разговор с нашими солдатами.

28 марта, на фронте 19 корпуса, неоднократные попытки немцев в районе Поневежской ж. д. вступить в переговоры с нами и просьбы «не стрелять, так как скоро будет мир», прекращались нашим огнем. На участке 28 корпуса немцы выходили из своих окопов и размахивали флагами и фуражками, но, будучи обстреляны, скрылись в окопы.

30 марта, на участке 28 корпуса, северо-западнее Якобштадта, 5 немецких офицеров с белыми и красными флагами пытались выйти из своих окопов, по нашим огнем были загнаны обратно. На участке 14 корпуса немцы также делали попытки выходить из своих окопов с флагами и криками «Русь, иди к нам, дадим водки и папирос!», но каждый раз нашим огнем отгонялись обратно. На участке 19 корпуса, южнее деревни Шишково (северо-западнее Двинска), из окопов вышла рота немцев с офицером без винтовок, с плакатами: «Долой войну!», но с нашей стороны никто не вышел, и немцы повернули обратно. В районе Иллукста, на фронте 68 Бородинского полка задержано 2 немца 447 полка, вышедшие из окопов с белыми плакатами.

1 апреля на фронте 28 корпуса, на некоторых участках, в немецких окопах были выставлены белые флаги, и немцы пытались приблизиться к нашим окопам для переговоров, но огнем загонялись обратно. В 19 корпусе, в районе ф. Танненфельд, немцы дважды выходили из своих окопов, размахивая белыми плакатами, но обстрелянные, скрывались в свои окопы. Левофланговая рота 68 Бородинского полка, заметив братание между солдатами смежного 732 полка и немцами, вышедшими из окопов, открыла по ним залповый огонь, после чего переговоры прекратились. В районе Горбуновки к нашим окопам вышли два немца 23 полка, посланные офицером для передачи польских газет в наши окопы.

В 14 корпусе, на участках западнее Северо-западной ж. д. и севернее оз. Дрисвяты, немцы группами по 5—8 человек выходили из своих окопов и махали белыми флагами.

4 и 5 апреля, на участке 28 корпуса, противник пытался вступить в переговоры, но всякий раз отгонялся обратно.

5 и 9 апреля, в 13 корпусе, южнее ф. Бергоф, была обстреляна партия немцев, выходившая из окопов с целью завести переговоры. 15 апреля,

в 19 корпусе, в районе ф. Танненфельд, немцы выкинули красный флаг и что-то кричали.

15 апреля, в 14 корпусе, севернее д. Секлы, немцы выставили красный флаг с надписью: «Депутатам вход открыт».

16 апреля, в 14 корпусе, восточнее м. Видзы, немцы, выйдя из окопов, кричали: «Русь, иди сюда» и пытались подойти к нашему расположению, но были обстреляны и скрылись.

18 апреля, на участках 19 и 14 корпусов, попытки немцев выходить из своих окопов для разговоров встречались нашим огнем.

19 апреля, на участке 19 корпуса, западнее оз. Свентен вышел немецкий солдат и стал звать наших солдат к себе; когда наши солдаты отказались, немец бросил с бомбой пачку прокламаций и быстро скрылся в своих окопах.

Там же 22 апреля в наш передовой окоп пришли два немецких офицера-парламентера с горнистом, которым наш офицер предварительно завязал глаза; но, по получении приказания не принимать парламентеров, их немедленно отправили обратно в свои окопы.

22 апреля, в 28 корпусе, юго-западнее Якобштадта, немцы в своих окопах выставили белый флаг и стали звать наших солдат, но, обстрелянные нашей артиллерией, немцы скрылись.

25 апреля, в 3 Особой дивизии, немцы кричали: «Война капут!» и вызывали наших солдат, выскакивая из окопов, но нашим огнем загонялись обратно.

В 19 корпусе, северо-западнее Свентен, из окопов выходила партия немцев, прося хлеба, но огнем была загнана обратно.

I армия. 11 марта, в 37 корпусе, на участке 479 полка, восточнее местечка Тверечь, немцы выскакивали на бруствер и кричали: «Русь, войне конец!»

30 марта, на участке 136 дивизии, севернее Видзы, немцы выставили плакаты с надписью: «Русь, не бойся, наступать не будем, долой Вильгельма!»

31 марта, на участке 136 дивизии, близ Дексня, немцы дважды пытались выходить из своих окопов, повидимому с целью переговоров, но, обстрелянные нашей артиллерией, прятались назад.

1 апреля, во многих местах, немцы пытались входить в сношение с нашими солдатами, приглашая их в гости, но прогонялись нашим огнем.

6 апреля, у озера Загач, группа рабочих противника, около 100 человек, пыталась вступать в переговоры с нашими солдатами, но нашим огнем разогнана.

10 апреля, на фронте 15 корпуса, у д. Можейки, огнем нашей артиллерии загнаны обратно в свои окопы немцы, махавшие белыми флагами и фуражками.

11 апреля, на участке 136 дивизии, в районе д. Подковишки, захвачены 2 ефрейтора 428 германского пехотного полка, перешедшие с целью переговоров.

X армия. 25 марта, на участке Колодино-Стаховцы (к югу от оз. Нарочь, район 67 дивизии, ныне входящий в III армию) партия немцев дважды выходила из своих окопов с белыми флагами и манила наших солдат к себе руками и шапками; оба раза немцы загонялись в свои окопы нашим ружейным и пулеметным огнем.

2 апреля, на участке у д. Ушивцы (12 верст к северо-востоку от Сморгони, участок 29 дивизии 20 корпуса) немцы обменялись с нашими солдатами хлебом и колбасой, а на участке 16 Мингрельского полка (1 Кав. грен. див. 2 Кав. кор. у Сморгони) немцы успели вручить нашим двум солдатам прокламации. Все сходившиеся сейчас же разгонялись нашим артиллерийским огнем.

27 апреля, около 15 часов, на участке 81 дивизии, на р. Березине близ д. Фурсы, из окопов противника вышли два немца и махали белыми флагами. Огнем нашей артиллерии таковые были загнаны обратно в свои окопы.

29 апреля. На участке Шалудьки-Кунава (2 Кав. грен. див. 2 Кав. кор.) наши и немецкие солдаты пытались выйти друг другу навстречу, но огнем нашей легкой батареи и те и другие были разогнаны.

30 апреля. В районе Сутково (участок 2 Кавказской гренадерской дивизии, к югу от Сморгони) наши солдаты и немцы пытались, выйдя из окопов, сблизиться, но были разогнаны несколькими выстрелами нашей легкой батареи.

30 апреля. В районе Шалудьки-Кунава (участок 2 Кав. грен. див.) на-

шей батареей несколько раз разгонялись немецкие и наши солдаты, пытавшиеся выходить из окопов.

II армия. 6 апреля. На участке Гренадерского корпуса в районе Скробова в окопах противника были выкинуты белые флаги, после чего эти окопы были обстреляны своей же артиллерией.

7 апреля. В 9 корпусе противник пытался вступить с нашей заставой южнее д. Лабузы (на р. Щаре к юго-востоку от Барановичи) в переговоры; попытка была прекращена огнем нашей артиллерии.

8 апреля. В ночь на 8 апреля в 9 корпусе противник снова пытался завести переговоры с нашей заставой южнее Лабузы, но был отогнан ружейным огнем.

10 апреля. На участке Гренадерского корпуса 5 наших гренадер 5 апреля отправились в окопы противника и вернулись обратно к 10 числу.

15 апреля. На участке Гренадерского корпуса наша артиллерия разогнала партию немцев, вышедшую с белыми флагами из своих окопов, в районе южнее оз. Колдычево.

16 апреля. На участке Гренадерского корпуса в районе Михалова (к югу от оз. Колдычево) немцы, вызывавшие белыми флагами из окопов наших солдат, были разогнаны нашим огнем.

18 апреля. На фронте Гренадерского корпуса немцы в течение всего дня неоднократно пытались выходить из окопов, махали белыми плакатами и шапками, но были разогнаны нашим огнем.

III армия. 22 апреля. В районе д. Антоны (на Свенцянском направлении, участок 137 дивизии) партия немцев, пытавшаяся вступить с нашими солдатами в разговоры, была разогнана огнем.

Бывший участок III армии. 8 апреля. Наша артиллерия обстреляла группу немцев, появившихся с белыми флагами у Вульки Любешовской (на Стоходе, участок 27 дивизии)».

Командование и армейские комитеты боролись с братаньем всеми средствами, как видно из донесений вплоть до артиллерийских обстрелов, и на этой почве возникла вражда между пехотными и артиллерийскими частями, доходившая до угроз расправы над артиллеристами.

Немецкое командование относилось к братанью также враждебно и со своей стороны подвергало собравшихся обстрелу. Имели место попытки использовать братание для распространения прокламаций штабного характера, но были и другие, происходившие под лозунгами «Долой войну!», «Долой Вильгельма!», «Да здравствует революция!», о происхождении которых сомневаться не приходилось. Но все они одинаково встречались артиллерийским или пулеметным огнем. Характер пропаганды листовками мы подробно узнаем из донесения Ставки (управления генерал-квартирмейстера) военному министру Гучкову от 6 апреля, в котором ген. Деникин писал:

«Из штабов армий получены нижеследующие сведения относительно распространяемых немцами среди наших войск прокламаций.

1. Наиболее распространяемая немцами прокламация оповещает о происшедшей в Петрограде революции, под давлением будто бы англичан, преследующих свои корыстные цели. Характерные выражения этой прокламации следующие: «от продолжения войны может быть польза только для англичан, славный русский мужик проливает кровь для Англии, дороговизна, голод, нужда от Англии и кулаков-торговцев, русский народ, проснись, ваш враг Англия».

В этой же прокламации есть выражение: «англичане заставили вашего богом вам данного царя отказаться от престола».

2. Вторая прокламация содержит выдержки из речи канцлера в рейхстаге 16 марта, наиболее характерные выражения, набранные жирным шрифтом, следующие: «несмотря на старую традиционную связь и что между обоими

государствами не имеется никакой разницы интересов, император Николай II перешел в зависимость Англии, апелляция на старую дружбу нашего императора не была принята в 1914 г. во внимание, мы не имеем иного желания, как увидеть Россию надежной опорой мира; мы желаем только одного— возможно скорее заключить с Россией почетный мир, почетный для России и почетный для нас».

Третья прокламация старается оправдать германское отступление во Франции, оканчивается тем же лейтмотивом, что во всем виноваты англичане.

Четвертая призывает перебегать и обещает полное гостеприимство.

Помимо приведенных прокламаций за последние дни немцы по всему фронту стараются войти в переговоры с нашими солдатами, выходят из окопов с белыми флагами и плакатами: «Долой войну!», «Долой Вильгельма!», «Да здравствует революция!», но нашим огнем загоняются в свои окопы.

Пятая: «Русские солдаты, мы узнали, что ваши депутаты желают переговорить с нами, как может восстановлять мир между Россией и Германией; так нам известно, были уже у других частей нашего фронта депутаты ваших войск для объяснения этого вопроса и возвращались очень довольными об этом, мы были бы очень рады, если и от вас и также от других полков пришли бы депутаты к нам, из прилагаемой, которые мы просим распределять между вами, вы можете усматривать, что германский народ и свое правительство имеет единственное желание жить в мире с русским народом, после переговоров депутаты могут возвращаться в русские позиции».

Шестая: «Товарищи русские солдаты, из ваших газет дошло до наших сведение, что вы теперь пользуетесь правом избирать солдатских депутатов, посылать их в ваши комитеты и таким образом защищать у нового правительства ваши права и требования, теперь находится в ваших руках возможность прекратить эту ужасную войну и воюющим державам принести давно ожидаемый мир, это, конечно, и вам в пользу, ибо вы можете мирной работой окончательно укрепить и выработать ваше новое отечественное благоустройство. Вашему новому правительству как будто бы подсунуто мнение, что мы стараемся возобновить деятельность вашего прежнего старого правительства. Это лживые и нелепые предположения, которым вы не верьте; какое нам дело защищать старое правительство, которое так долго вело с нами кровопролитную войну, мы радуемся вместе с вами про вашу тяжело достигнутую свободу и благо вашей будущности; ради того чтобы вам познакомиться с нашими взглядами пришлите нам одного или нескольких ваших уполномоченных, с которыми мы будем советоваться; им ничего не случится, и мы их здоровыми возвратно пошлем, что обещаем на нашу солдатскую честь; приходите, русские товарищи, мы охотно если бы к вам пришли, но нас, говорящих по-русски, здесь немного, и нас послать не хотят, послать вам наших, непонимающих по-русски, не имеет смысла, так как мы с русскими солдатами толковать хотим, а не с кем-либо другим; товарищи, дайте нам ответ, из которого мы узнаем, можем когда и где мы вас ожидать, можем, германские солдаты».

Седьмая: «Товарищи, в декабре 1916 г. германский император добровольно предложил вам мир, никто его не принуждал, он заговорил о мире, искренно желая сократить страдания несчастных народов, истерзанных войной; теперь вы избрали себе новое правительство—можно ли допустить мысль о том, чтобы наш император, желая снова возвести на престол вашего бывшего царя. Ведь это было бы нелепо в высшей степени, у нас никто положительно и не думает вмешиваться в ваши внутренние дела, нет никакой надобности защищать от нас ваш новый государственный строй и вашу свободу; Германия всенародно и торжественно провозгласила, что не будет посягать на свободу обновленной России для свободного русского народа, взявшего в собственные руки решение судьбы своей, не может быть препятствий заключить с нами честный мир, как бы сильна ни была Германия, она никогда не воспользуется вашей внутренней борьбой для того, чтобы перейти в наступление на восточном фронте, Германия готова заключить мир, хотя она в нем не нуждается, спокойной будет ждать, согласится ли свободная, обновленная Россия вступить с нами в мирные переговоры в дни светлого праздника воскресения христова».

Все такие факты немецкой пропаганды раздувались печатью и преподносились испуганному обывателю как результат большевист-

ских деяний. Перед пасхой был издан специальный приказ, в котором всем главнокомандующим предлагалось обратить

«внимание, что противник на многих участках позиции делает попытки вступить в переговоры с нашими солдатами с явной целью разведки, провокации и захвата наших окопов. Единственный ответ на попытки противника вступить в переговоры является огонь. Прочее будет считаться изменой. Особая осторожность в дни Пасхи. 30 марта 1917 г. НР 2512— Деникин».

Разведывательный отдел штаба особой армии сообщал Штабу Юго-западного фронта от 4 апреля о нахождении прокламаций и газеты на участках их фронта.

В одной из этих прокламаций был перепечатан ответ австро-венгерского правительства на заявления Временного правительства о целях войны[1] от 28 марта 1917 г. Ответ отвечал, что

«Цель Временного русского правительства сходится с целью Австро-Венгрии, высказанною ее министром внешних дел 18 марта сего года. Другими словами: австро-венгерское и Временное русское правительство имеют одинаковое стремление к заключению почетного для обеих сторон мира, т. е. мира, как он уже был предложен Австро-Венгрией и ее союзниками в декабре прошлого года, обеспечивающего всем воюющим странам существование, честь и все возможности развития. Высказанное тогда убеждение союзников, что их справедливые требования соглашаются с правами и требованиями других народов.

Одним словом: России нет более надобности вести войну для защиты и свободы своих народов, и что ввиду совершенного сходства целей союзников и русского правительства не может быть трудно найти путь к обоюдному соглашению, тем более, что австро-венгерский монарх вместе со своими союзниками питает желание жить в мирном согласии и в дружбе с свободным русским народом, обеспеченным всеми условиями существования для внутренней и внешней жизни».

Вторая прокламация к «бравым солдатам» старалась убедить в том, что русские «солдаты воюют не за себя, а за Англию, которая не хочет допустить, чтобы ваши начальники с нами помирились». Далее эта маленькая мысль, отрицавшая по сути все империалистические намерения своей и нашей буржуазии, пересказывалась в различных вариантах, вплоть до наивных сообщений о том, что «Англия забирает от вас ваше добро, а вас хочет выгнать в дебри; нам здесь хорошо, а вашим братьям у нас также хорошо». И, наконец, солдаты приглашались притти «к нам мириться, так как за Англию вы больше не хотите воевать; как только за Англию Вы воевать не захотите, то сразу будет мир. И Вы сейчас же можете итти к своим родным». Такого рода галиматья не могла особенно смутить даже мало искушенных крестьян-армейцев и подобные прокламации использовались командным и комиссарским составом для легких побед над «коварными замыслами кайзера».

14 апреля из штаба VII армии сообщили штабу Юго-западного фронта о прокламациях, разбросанных на участке их армии. Прокламация под названием «Притязания Японии» сообщала следующее:

«На-днях мы сообщили вам телеграмму агенства Рейтера о наглых притязаниях вашего английского союзника на русские земли.

Теперь и Япония жаждет добычи!

---

[1] См. об этом «Семнадцатый год», кн. III.

По сообщениям из Стокгольма Япония угрожает вашему правительству, склонному, согласно народной воле, итти на мир, в случае заключения такового занять Владивосток и закрыть России доступ к Тихому океану.

Англия и Япония, ваши друзья и союзники, ищут наживы на счет России, стремятся захватить русские земли. Такова благодарность союзников за то, что в этой войне пострадали миллионы русских людей в угоду же Англии.

Мы же—ваши враги—предлагаем вам мир!

Австрия и Германия питают желание жить в мирном согласии с освобожденной Россией».

Были и такие прокламации, которые прямо писались от имени «германских солдат» и в некоторой доле применялись к этому названию.

Обвинение немцев в желании воостановить старый монархический строй в России опровергалось как ложное, причем заявлялось, что они радуются «вместе с вами про вашу тяжело достигнутую свободу и благо вашей будущности». Почти каждая прокламация, выпущенная после февральской революции, заканчивалась приглашениями вроде нижеследующего: «Ради того, чтобы вам познакомиться с нашими взглядами, пришлите нам одного или нескольких ваших уполномоченных».

Пасхальное перемирие

Пасхальные празники прошли почти по всему фронту при полной остановке военных действий. Кое-где имели место различные попытки братаний, причем германское командование всюду старалось держать инициативу в своих руках. Русское же командование, наоборот, вело решительную борьбу с пропагандой мира и всякими попытками солдат «вступать в сношения с неприятелем», чем ставило себя в крайне невыгодное положение на фронте, ибо не могло, не обладало физической силой и возможностью действительно препятствовать сходкам солдат на позициях.

Насколько организованно это дело проходило в австро-германских войсках, видно из приказа командующего восточным фронтом, переложенного затем в виде воззвания к солдатам на русский язык.

Солдаты!

«Союзным германским и австро-венгерским войскам было предложено начальством в дни светлого праздника показать готовность Германии и Австро-Венгрии к окончанию войны, и они это исполнили. Теперь дело России, захочет ли она протянуть руку для заключения мира или нет.

Пока у нас еще война. Поэтому свободное движение между вашими и нашими окопами, бывшее во время праздников, дальше продолжаться не может, тем более, что в некоторых местах фронта случались злоупотребления возможностью свободного движения в ущерб интересам австро-венгерских и германских войск. С 10/23 числа снова придется стрелять, и опасность будет грозить всякому выходящему из окопов. Только представители русского войска, переходящие к нам днем с белым парламентерским знаком, после переговоров будут отпущены к своим. Против всех других будут приняты меры борьбы, к которым принуждает нас неокончившаяся еще война, а чтобы война кончилась как можно скорее, требуйте от ваших депутатов, чтобы они твердо стояли за мир, перед вашим начальством и в Петрограде, который вас выведет из окопов».

Иногда германские прокламации носили характер писем из России и в таком качестве преподносились русским солдатам. Однако

подлинного автора видно по той ненависти к Англии, которая сквозила в каждой строчке воззвания, причем эта ненависть, как и ненависть к «варварам» немцам, на которой спекулировала русская буржуазия, неспособна была заразить собой солдатские массы на фронте. Вот образчик такого воззвания:

Солдаты!

Вот что пишут ваши товарищи из Петрограда и Москвы. Сообщаем вам дословно содержание письма, доходившего до русских солдат в австрийском плену:

Товарищи!

«Начиная настоящую войну, слишком доверчивое, недалекое правительство наше заключило с союзниками договор, по которому Россия без согласия союзников не могла заключить мир.

Это условие поставило нас, русских, в такое положение, последствия которого больно сказывались в течение всей войны, а еще больнее сказываются теперь, когда все чувствуют необходимость мира—ждут его!

Франция, Англия защищают себя. Есть ли хоть один их солдат на наших фронтах? Нет!

А мы? Мы воюем на своих фронтах, и в то же время войска наши есть и в Англии, есть и во Франции.

Мы помогаем и им—воюем и за них!

И многие тысячи и десятки тысяч русских положили свою жизнь защищая чужих. Не странно ли, что воюя и за себя и за других родина наша поставлена в полную зависимость от этих других?

И вот, когда в декабре прошлого года наши противники возбудили вопрос о мире, первой высказалась Англия.

Ей было невыгодно заключить сейчас мир, и она отвергла его, а вслед за ней должны были отказаться от мира и другие государства. Справедливо ли это? Мы, благодаря ошибке правительства, оказываемся уже не хозяевами в своей стране.

Мы зависим от Англии!

А будет ли она заботиться о нашей пользе? Едва ли! Неужели же и сейчас, когда мы имеем возможность открыто высказывать свои чувства, мы не исправим этой ошибки?

Неужели же и сейчас, когда господствует народ, когда судьбами России вершает народное представительство, мы будем поддерживать коварную хищную Англию. Пусть она воюет за себя:

И да наступит в России мир и спокойствие!
Довольно кровопролития!
Довольно злосчастной войны!»

Особенно интенсивно развивали свою военно-агитационную деятельность немцы от пасхи до 1 мая. В различных районах Юго-западного фронта разбрасывались прокламации, основной темой которых было доказательство ненужности войны, при этом почти все они заканчивались, порой на ломаном русском языке, настойчивым приглашением солдат приходить к ним в окопы для переговоров о мире. Иногда прокламации такого содержания адресовались «офицерам и солдатам вольной России».

Об этом периоде пропагандистской деятельности германских военных властей на фронте сообщал в Ставку от 6 апреля 1917 г. ген. Духонин следующее:

«Прокламации, разбрасываемые последнее время противником, большею частью однотипные и заключают в себе наряду с правдивым описанием бывших событий явно провокационную тенденцию убедить наших солдат, что русский народ голодает, требует от правительства немедленного заключения мира и продолжения войны для одной Англии. Прокламации заключают

в себе: призыв к недоверию новому правительству, указание на необходимость для крестьян немедленного возвращения домой для дележа земли, принадлежащей царю и императорской фамилии, так как земля достанется только тем, кто остался дома, призыв к непослушанию начальству и сдаче в плен. В большом количестве перебрасывается в наши окопы газета «Русский вестник» на русском языке, издающаяся в Берлине; газета заполнена статьями о событиях в России с ярким оттенком желания поселить вражду между русскими и англичанами. Образцы прокламаций высылаются фельдъегерем. Номер 12232. Духонин».

Переписка с солдатами

В первую половину апреля месяца бои на русско-австро-германском фронте почти повсеместно затихли. Весенняя распутица мешала крупным действиям, а разливы рек кое-где ставили русские войска в тяжелое положение, которое использовалось противником совершенно независимо от его «мирной пропаганды».

Пехотные части несли на фронте все виды службы, но отказывались от всякого активного действия и наступательных операций. В целях развития или побуждения пехоты к активным операциям, командование действовало через артиллерию, возлагая на нее открытие военных действий и срыв фактического перемирия, установившегося на многих участках фронта. Эти действия артиллерии воспринимались пехотой как провокация и служили основанием неприязни, а порой и угрожающей вражды пехотинцев к артиллеристам.

Нарушение установившегося перемирия неоднократно вызывало нарекания немцев, и в своих прокламациях они писали об этом, угрожая усиленным огнем. Так особым воззванием от 1 мая (18 апреля) германцы, на плохом русском языке писали:

«Современное положение перемирия с нашей стороны пока все еще продолжается. С тех пор, когда мы вам на вашу просьбу в пасхальные праздники обещали не стрелять, нами не отдавался на вас ни один ружейный выстрел. Мы позволяли вам выходить из ваших глухих окопов и свободно двигаться. Мы допускали вам перед вашими преградами собирать дрова. Стало быть для нас было очень легким многих из ваших убить или ранить во всякое время днем, мы однако не отдали ни одного выстрела, зная свое обещание не стрелять.

Но то же самое и вы обещали:

И мы удивляемся, что вы помимо этого иногда днем, ночью же, часто без всякого повода, на нашу позицию стреляете. Вы извиняетесь, что это ваши офицеры, которые на нас стреляют. Мы не можем верить, чтобы ваши офицеры раз данного обещания так плохо держались».

Далее в прокламациях предлагали принять меры к прекращению стрельбы по германским окопам, в противном случае грозили, что

«наши орудия будут, как вчера, огонь, отдаваемый на наши позиции вашей или французской артиллерией, находящейся позади вас, всякий раз в трех раза увеличенном количестве отвечать».

Одновременно извещали, что их батальонный начальник дважды писал русскому батальонному командиру, но не получал ответа.

Подобные же нарекания на нарушения фактического перемирия имели место на участках румынского фронта и горных участках Юго-западного фронта. Всюду отмечались действия артиллерии и летчиков, при относительном спокойствии пехоты.

Переписка, обмен газетами и воззваниями в этот период времени на фронте носили довольно оживленный характер. Наши русские солдаты, полковые комитеты тоже вели пропаганду, направленную преимущественно против монархического строя в Германии, или, как говорили в то время, против «кайзеризма».

Следы политической переписки по вопросам войны между позициями можно найти в ряде документов, немецких ответов на русские запросы. Так в делах Ставки мы находим ряд переводов с немецких ответов на русские запросы и прокламации, упоминающие на письменную постановку солдатам некоторых вопросов о внутренней политике, о войне и мире и т. п.

В одном австрийском письме от 15 апреля прямо указывается на получение письма от русских, датированного 31 марта по старому стилю. Из этого письма видно, что русскими солдатами были поставлены немцам следующие вопросы: 1) о вмешательстве их во внутренние дела России; 2) об окончании войны; 3) о подготовке немецкого наступления на русские фронты; 4) о кайзере, свержение которого считали условием, облегчающим дело мира.

В данном ответе на немецком языке по всем этим вопросам австрийцы писали трафаретно, заверяя о своем невмешательстве во внутренние дела России. По вопросу об окончании войны они также отвечали ссылкой на их мирные предложения и уверениями в том, что они ведут только оборонительную войну, а союзники, особенно Англия, ведут войну ради захватов, задуманных много лет тому назад. Подготовку наступления на русском фронте австрийцы отрицали за себя и за немцев и писали, что это Временное правительство, связанное обязательствами с Англией, распространяет ложное известие об их подготовке к наступлению, чтобы этим путем удержать солдат на фронте.

По вопросу о кайзере они отвечали, что и русские не должны вмешиваться в их внутренние дела, заявляли при этом, что они все монархисты, что их король и император любимы «народностями» и что они правят ими «по совести и по крайнему разумению», и т. п. монархическую чепуху.

Но в тексте, как правильно отмечалось в русских донесениях из Ставки, ловко вставлялись явно провокаторские намерения, как например указание на раздел земли, причем будто «только тот получит свою часть, который сам о том позаботится». В этом несомненно скрывалось стремление вызвать массовый уход солдат в тыл для дележки земель.

В прокламациях, распространявшихся во второй половине апреля и в начале мая, уделялось очень много внимания той кампании за наступление, которая в то время начинала усиленно развертываться всеми буржуазными организациями и органами печати, вплоть до органов «революционной демократии». Во всей этой кампании германские листки видели интриги Англии и обвиняли англичан и их золото. «Прогоняйте всех англичан и английских элементов из ваших рядов»,—писалось в одной из них.

Буржуазная печать о германской пропаганде

Германской «пропаганде мира» была посвящена статья в «Речи» от 5 апреля, газете министра иностранных дел того времени, П. Н. Милюкова под названием «Нашим врагам». Статья подвергала разбору отношения австро-германской коалиции к известному заявлению Временного правительства 28 марта о целях войны и давала следующий ответ:

«Официозы Берлина и Вены спешат сделать отсюда (т. е. из заявления Временного правительства.—*А. Ш.*) вывод, что Россия созрела для сепаратного мира. Оба официоза констатируют полное тождество стремлений, преследуемых воюющими друг против друга государствами, клянутся не мешать установлению нового русского строя и очень настойчиво заявляют, что собственно теперь только одни союзники настаивают на том, чтобы русский народ продолжал лить свою кровь «для осуществления их собственных планов о завоеваниях и аннексиях».

Далее в статье указывалось на распространение по фронту листовок и иронически отмечалось, что официальные статьи составлены лучше, чем прокламации, но

«ни эти прокламации, ни попытки обмануть бдительность наших войск красными и белыми флагами не удались нашему врагу».

Во всех этих ходах министерская газета видела лишь попытки

«рассорить нас с нашими союзниками, свалив на них ответственность за русскую кровь и даже за русский голод», находила их «слишком прозрачными, чтобы ввести кого-либо в заблуждение».

находила их

«слишком прозрачными, чтобы ввести кого-либо в заблуждение».

Однако аргументация кадетской газеты против «сепаратного» мира была крайне жалка и сводилась к высокопарной лжи, рассчитанной на полное непонимание создавшегося положения, вроде ссылок на то, что

«все помнят, что нападение Германии в первую голову обрушилось на Россию и что наши союзники вступили в войну, верные союзам и высоким задачам освобождения мира от германских империалистических стремлений».

Так изображалось дело войны и роль в ней отдельных стран. И выходило, что царизм «оборонялся», а остальные союзники благородно помогали ему. Такое изображение дела нужно было кадетской буржуазии, чтобы обмануть крестьян и рабочих. Временное правительство, вынужденное давлением масс отказаться формально от захватнических целей, поддерживало их по существу через союз с Францией и Англией и в этих целях прикрашивало и облагораживало их роль. Бессильная оправдать дальнейшее ведение войны Россией, «Речь» прикрывалась «честью и достоинством» нашей страны и... интересами малых народов, находя, что

«уход России из этого братства обороны был бы непоправимым ударом ее чести и достоинству. Уйти из войны, не восстановив вверившиеся нам и пострадавшие за союз с нами малые народы, значило бы действительно глубоко уронить международный вес и значение России».

Даже социал-соглашательская позиция по вопросу о войне не

удовлетворяла кадетскую партию. В статье «О сепаратном мире»[1] 9 апреля писалось, что в таком

«положении вещей кроется трагическая опасность для дела русской свободы. Ничто не может так скомпрометировать революционную демократию, как создаваемое неловкими шагами ее вождей впечатление, будто она работает «pour le roi de Prusse»[2]

Чьи интересы диктовали партии Милюкова такую позицию— догадаться не трудно: это интересы империалистической, отечественной и союзной буржуазии. Перед ними он «опасался» скомпрометировать «свободу», добытую русскими рабочими и солдатами.

Германская игра в «мир» и ее цели

После многочисленных мелких прощупываний настроений русских солдат, учтя их горячее стремление к миру и усталость от бессмысленной войны, германское командование затеяло весьма крупную игру, делая ловкий ход «миром», прислав в район V армии своих парламентеров для переговоров с командованием. Об этом маневре Ставка сообщала председателю Временного правительства следующее:

«Командующий V армией телеграфирует: «23 апреля с германской стороны прибыл с соблюдением международных формальностей в районе 151 Пятигорского полка парламентер в чине полковника, и выразил желание быть препровожденным в штаб армии. На запрос командира корпуса, можно ли принять этого парламентера, я ответил категорическим отказом. После этого немецкий парламентер был возвращен в свои окопы и высказал сопровождавшему его офицеру сожаление, что командующий армией его не принял, что они хотели переговорить с командиром корпуса и с командующим армией, согласны были даже ехать в Петроград и якобы имели при себе бумаги из своего штаба армии, и уходя сказали, что будут ожидать, когда мы их вызовем. На этой почве, и в особенности на создавшемся у солдат впечатлении, что парламентер приходил с целью мирных переговоров, в Пятигорском полку началось сильное брожение, которое грозит перебросится на остальные полки 38-й дивизии, имеющее основанием, что все высшее начальство, начиная с меня, не желает считаться с господствующим настроением войсковых и народных масс, стремящихся к возможно скорому заключению мира, и требует продолжения войны во что бы то ни стало, даже вопреки желанию немцев заключить с нами мир». По этому поводу мною отдан следующий приказ: «Главнокомандующим приказываю объявить всем частям следующий мой приказ: 23 апреля в распоряжение 151 пехотного Пятигорского полка 38 дивизии явился немецкий полковник переговорщик, выразивший желание, чтобы его отправили в штаб армии. Когда ему в этом было отказано, немец высказал сопровождавшему его офицеру сожаление, что его не приняли, так как он хотел поговорить с командиром корпуса и командующим армией, согласен был бы ехать в Петроград. О чем хотел говорить немецкий полковник, он ничего не сказал, между тем среди солдат Пятигорского полка возникло недовольство, что старшие начальники не допускают переговорщиков сговориться о мире, который невыгоден начальникам и желателен солдатам. Печальный случай, о котором тяжело и совестно говорить: солдаты, каждый из нас должен исполнять закон, и никто не имеет права своевольничать. Закон запрещает даже верховному главнокомандующему принимать переговорщиков, являющихся будто бы предлагать мир. Кто из начальников нарушит этот закон, тот будет изменником своему отечеству. Только Временное правительство может начать переговоры о мире, только оно знает, в согласии со всем русским народом, когда и как нужно окончить войну,

[1] «Речь» от 9 апреля, № 82.

[2] Для прусского короля. — *А. Ш.*

Переговоры об этом будут вестись не на позициях, не через переговорщиков, а через особых уполномоченных дипломатов. Немец хорошо знает это, но он шлет своих переговорщиков, чтобы высмотреть наше расположение, чтобы провокаторски посеять рознь между вами, возбудить подозрение к начальникам. Солдаты, обращаюсь к вашему уму, к вашему здоровому русскому сердцу, пробудитесь от дремоты, навеянной на вас хитрым врагом и его провокаторами-агентами. Если бы враг действительно хотел мира, он знал бы, как и через кого нужно начать переговоры с нашим правительством, но он к правительству не обращается, он не ищет мира, а ищет только способа разрушить порядок в наших полках, подорвать веру в начальников, усыпить вас еще больше мечтами о скором мире. Проснитесь, мир можно добыть только одною победою над врагом. Отечество ждет, что мы все дадим ему эту победу. Верьте же своим начальникам, как старшим товарищам, любящим солдата и живущим одною с вами боевою жизнью. Пятигорскому полку напоминаю его славную прежнюю службу. Неужели погибли все славные пятигорцы богатыри и остались только дряблые и малодушные, для которых мир, хотя бы позорный и пагубный навеки для родины, дороже и слаще всего? Неужели теперешний состав Пятигорского полка забыл свой долг перед отечеством и на радость своему врагу омрачит беспорядками свой славный полк? Вспомните все в армии, что кроме собственного блага есть благо родины, есть долг, есть обязанность. Храбрые, доблестные и честные русские офицеры и солдаты, граждане, заклеймите позором тех малодушных, которые умеют думать только о себе и спасении своей драгоценной жизни. 3292. Алексеев. 28 апреля 1917 г.». Сообщая вам изложенное, настоятельно прошу спешно обнародовать акт, в котором определенно сказать, что 1) говорить о перемирии или мире с противником имеет право только Временное правительство; 2) военные начальники не имеют права вступать в какие-либо переговоры о перемирии или мире, ибо для этого у противника есть другие пути; дело генералов, офицеров и солдат—свято исполнять волю Временного правительства и вести борьбу с неприятелем; 3) начальники, виновные в нарушении этих требований Временного правительства, будут отвечать по закону. 28 апреля 1917 г. 3294. Алексеев».

Немецкое командование великолепно учло, что «мир» может быть, при «умелой» его постановке, великолепным средством дезорганизации противника и одновременно может способствовать оборонительному обману своих солдат, так как недальновидные и неискушенные политически солдаты и рабочие своей собственной страны под влиянием социал-патриотов, принимали подобную «мирную» интригу, стратегический ход, за действительное стремление господствующих классов осуществить на деле желанный ими мир.

Командный состав русской армии, выросший и воспитанный царским самодержавием, не мог приспособиться к новым условиям, созданным революцией, и оказался совершенно неспособным противопоставить немецкой националистической и монархической по сути пропаганде свою пропаганду революционного мира и солдатского самоуправления в войсках. Я не говорю уже о революционной пропаганде идеи мира путем братания и социалистической агитации. Такая постановка пропаганды совершенно не соответствовала характеру той войны, организатором и руководителем которой являлся командный состав армий того времени. Однако русская революция давала козыри для агитации даже старому командному составу нашей армии, а его пренебрежение к агитации как средству борьбы ставило его в крайне невыгодное положение в глазах солдат, что видно из только-что приведенного нами телеграфного сообщения ген. Алексеева.

Чувствуя превосходство противника в таких приемах борьбы,

русский командный состав, вернее его верхи, не находили иного средства борьбы с такими «мирными» ходами противника, кроме обращения к чувству долга солдат и заклинаниями приказного порядка. Все эти недостатки очень хорошо и быстро поняли и учитывали влившиеся в армию социал-оборонческие политики: комиссары частей, члены различных войсковых комитетов и представители социал-соглашательских партий (социал-демократов, меньшевиков, социалистов-революционеров и т. п.). Они прежде всего повели контрпропаганду среди солдат своего фронта, стремясь организовать недоверие к этим «мирным» предложениям немцев. Однако сами практически ничего не могли противопоставить немецким ходам, кроме призыва к наступлению и борьбе за мир путем наступления и победы.

Использовать фактическое перемирие для борьбы агитационными средствами они не могли, так как сами стояли на почве «войны до победы».

Вокруг этих лозунгов, брошенных соглашателями и развертывалась по всему фронту борьба наших сторонников, социал-демократов, большевиков, противопоставлявших им лозунги разрыва с империализмом союзников и братания солдат с солдатами, через головы командного состава, в целях организованного и обоюдного воздействия солдатских масс на свои правительства.

Ставка все же решила повести некоторую борьбу с германской пропагандой и выйти из того невыгодного положения, в которое попадал наш командный состав, отказываясь принимать парламентеров. Эта борьба мыслилась ограниченно, в виде, так сказать, всенародного разоблачения германской хитрости. Такой случай вскоре представился в той же V армии, и о нем мы находим нижеследующее донесение Ставки:

«Министру председателю дополнение 3294 и 3297 приказываю объявить частям следующий мой приказ: 28 апреля около 18 часов на один из участков V армии вновь прибыли немецкие парламентеры—подполковник Притфринк 53 пех. полка, временно командующий 37 пех. бригадой, командир 1 баталиона 3 резервного полка, капитан резерва Геннеке, причисленные к штабу армии 259 резервного полка, лейтенант Кеннерлинг в сопровождении горниста. Дабы прекратить разные слухи и предположения, волновавшие войска, и гласно разоблачить намерения немцев, я по донесению командующего армией генерала Драгомирова разрешил на сей раз допросить парламентеров, обставив допрос так, чтобы он не остался секретным; пока допрос велся на русском языке при содействии двух переводчиков штаба армии и немецкого, прибывшего с парламентерами, в присутствии представителей от армейского комитета и комитетов дивизии и полкового того участка, на котором были приняты парламентеры. Немецкие офицеры сообщили, что утром 28 числа их штаб после переговоров с немецким высшим штабом решил их командировать в штаб V армии, но для чего именно они прибыли—немцы не могли дать никаких определенных указаний; несколько раз в крайне сбивчивых, расплывчатых выражениях упомянули, что имеют назначение—путем переговоров с представителями нашей армии подготовить почву для мирных переговоров между правительствами и т. п., для облегчения переговоров предлагали установить нейтральную зону между окопами, где сходиться для переговоров; когда командарм предложил парламентерам дать ясно формулированные определенные указания по поводу их миссии, немцы, посоветовавшись между собой несколько минут в отдельной комнате, вновь начали повторять то же самое. На вопрос—ведутся ли подобные переговоры с нашими союзниками, с которыми мы связаны общностью интересов, парламентеры ответили, что на фронте наших союзников это невозможно по

местным условиям, так как там идет наступление. В 2 часа ночи немцы были отправлены через штабы корпуса и дивизии обратно к себе, с надлежащими мерами предосторожности. Таким образом совершенно определенно выяснилось, что немецкие офицеры решительно никаких полномочий от своего высшего начальства, а тем более от своего правительства не имели, да и не могли иметь, потому что переговоры ведутся правительствами, а не добровольцами. Они настолько не надеялись на возможность незаконного их пропуска и принятия, что даже не придумали хоть сколько-нибудь серьезного основания своему прибытию, а лгали при опросе наивно[1]. Единственная цель повторяющихся на фронте появлений лжепарламентеров—это разведка нашего расположения и настроения и лживым показом своего миролюбия склонять наши войска к бездействию, спасительному для немцев и гибельному для России и ее свободы. О всем вышеизложенном я донес Временному правительству и вновь подтверждаю свой приказ НР 3292, которым всякие недозволенные переговоры с противником назвал изменой. Предписываю парламентеров не принимать. Призываю всех честных солдат вдуматься в этот случай, понять, с какой целью являются к нам такие парламентеры, знать, что о нас заботится наше правительство. Наше дело—война, вести нещадную борьбу с неприятелем, который кроме честного боя борется с нами и провокационными приемами. 29 апреля 1917 г. НР 3305. Алексеев».

Разоблачение игры германских офицеров в «мир» быстро разнеслось по V армии, а самый приказ стал известен и германскому командованию, вынудив его на ответ. Между фронтами начался «спор» по радио и листовками. Ответ германского командования был передан на участке той же V армии и вручен ген. Драгомирову.

В особом донесении ген. Драгомирова, главнокомандующего армиями северного фронта, верховному главнокомандующему ген. Алексееву это дело изложено таким образом:

«1 мая в районе западнее оз. Свентен на участке позиции, занимаемом 731 пех. Комаровским полком, германские офицеры вручили нашим солдатам два пакета, адресованные на мое имя. Пакеты эти были доставлены в Псков и 5 сего мая представлены мне четырьмя солдатами с офицером 731 пех. полка.

В присутствии начальника штаба и нескольких офицеров привезенные пакеты были лично мною вскрыты, и содержание обращения принца Леопольда Баварского было мною же прочитано находившимся тут же делегатам 731 пех. полка. Смысл и цель обращения ко мне германского главнокомандующего я разъяснил делегатам, равно как указал на недопустимость братания и каких бы то ни было письменных или устных сношений с противником, объявив в заключение, что ответа германскому главнокомандующему от меня не последует.

Подлинное обращение ко мне принца Леопольда Баварского и дополнительную бумагу, подписанную графом Кирбахом, при сем представляю; копии обоих этих документов в переводе мною будут объявлены в приказе по фронту с соответствующими пояснениями по поводу попытки противника завязать с нами сношения».

Письмо принца Леопольда Баварского было написано по-немецки и адресовано «его превосходительству главнокомандующему северным фронтом генерал: от кавалерии Абраму Михайловичу Драгомирову».

Судя по тону и содержанию письма, «разоблачение» парламентеров произвело весьма неблагоприятное впечатление среди солдат

---

[1] См. запись переговоров офицеров Геннеке и Кеммерлинга (сделанная ими) с ген. Драгомировым в приложении 11.

на фронте, особенно на тех, для кого инсценировалось мирное предложение, и высшее германское командование старалось поправиться и разъяснить этот случай. Вот перевод этого письма:

«Имею честь сообщить вашему высокопревосходительству нижеследующее: Мне было доложено, что ваше высокопревосходительство приняли в Двинске депутацию из трех германских офицеров, которая последовала переданному на фронте приглашению. Ваше высокопревосходительство будто бы дали понять этим офицерам, что вы ожидаете от них передачи предложений, каким путем можно было бы приблизить окончание войны.

Германские офицеры, отправившиеся к вам в тот же день, в который им было передано приглашение, уже по краткости срока не могли явиться в качестве лиц, уполномоченных для передачи предложений, а наоборот, ожидали получить предложения с русской стороны.

Если, однако, ваше высокопревосходительство желаете узнать и передать далее наш взгляд и наши условия касательно возможности хотя бы предварительного прекращения неприязненных действий, то я готов пойти навстречу этому желанию и послать к вам облеченного доверием и полномочиями высшего германского командования офицера с ассистентом.

Этому офицеру было бы предоставлено право сообщить вашему высокопревосходительству или уполномоченному представителю русского высшего командования наши условия перемирия, а также вести переговоры о возможности заключения перемирия.

Вследствие высказанной вами мысли о невозможности заключения сепаратного мира я, во избежание недоразумений, позволяю себе подчеркнуть, что теперь речь может быть лишь о предварительном прекращении неприязненных действий, а отнюдь не о предложениях сепаратного мира. Другими словами, речь идет об исполнении желания, которое в последнее время не раз во многих местах передавалось нам из рядов русской армии и которое разделяется германским народом и его союзниками.

В соответствии с изложенным я просил бы ваше высокопревосходительство обеспечить уполномоченному офицеру с его ассистентами свободный пропуск выдачей открытого листа. Офицер этот в таком случае в определенное время явился бы к определенному пункту, условиться относительно коих уполномочивается податель сего письма».

Подписано: принц Леопольд Баварский
Главнокомандующий восточным фронтом.

Письмо же графа Кирбаха, о котором упоминается в донесении ген. Драгомирова в Ставку, содержало просьбу о выдаче пропуска для двух «уполномоченных высшим командованием офицеров» и сопровождающих их двух или трех офицеров переводчиков, секретарей и т. п. в общем на пять лиц.

Подобные попытки заключить перемирие в то же время имели место на протяжении почти всего фронта. Из IX армии сообщалось:

«4 мая, солдаты 78 дивизии, с которыми противник и ранее неоднократно стремился войти в сношения по вопросу о перемирии, снова получили письмо, в котором австрийцы предлагают выслать своих офицеров для переговоров, при условии, чтобы к нейтральной зоне вышли бы два наши офицера, которые там бы и остались до окончания переговоров.

6 мая, на фронте 2 и 24 корпусов вышли парламентеры офицеры с трубачами, настойчиво требуя принятия их, несмотря на наши протесты.

С разрешения Поглавкорума парламентеры были приняты (на фронте 2 корпуса два офицера, десять солдат, на фронте 24 корпуса—генерального штаба майор фон-Гемпель и капитан князь Виндишгерец).

У парламентеров, вышедших на фронте 2 корпуса, отобраны воззвания на имя полковых комитетов, в коих просят похлопотать о заключении сначала перемирия, а затем и мира.

Парламентеры, принятые на фронте 24 корпуса, имели с собой письмо на имя командующего IX армией от командующего I австрийской армией генерала Рора, с предложением вступить в переговоры о мире.

6 мая, на фронте 5 конного корпуса, из австрийских окопов пытались выйти парламентеры, но нашим огнем были загнаны обратно в окопы.

6 мая, на фронте 26 корпуса, вышедшие переговорщики направлены в штаб армии, причем у них оказались воззвания к полковым комитетам с просьбой похлопотать о заключении перемирия, а затем и мира.

6 мая, на фронте 36 корпуса, вышедшие для переговоров 6 офицеров и 9 солдат австрийцев взяты в плен.

На фронте 40 корпуса вышедшие на участок 2 дивизии австрийские солдаты взяты в плен».

В большинстве случаев парламентерами были исключительно офицеры, солдат в это дело,—очевидно умышленно,—не вводили. Лишь у австрийских частей выходили в качестве парламентеров вместе с офицерами и солдаты. Но и в таких случаях инициатива и активная роль принадлежала офицерам. Австро-германское командование не выпускало «дело мира» из своих рук, всячески предотвращая непосредственное и без своего ведома общение своих солдат с русскими.

Русское главное командование оказалось так же неспособным использовать противоречия и известную вражду, существовавшие между соединенными силами центральных держав. Русская революция несомненно вызвала большие симпатии среди славянских народностей Австро-Венгрии, но и эти симпатии командный состав русских войск использовать не мог. О существовании трений между австрийскими и германскими войсками, участвовавшими против России, говорили тогда очень много. Некоторые факты подтверждали наличие расхождений, отмечались отдельные моменты этих расхождений и в донесениях с фронта, в связи с агитационной кампанией в пользу мира. Так штаб юго-западного фронта от 10 мая доносил в Ставку:

«...25 арм. корпусе, на участке 9 гренадерского Сибирского полка (северная часть Шельвовского леса), 8 мая противник дважды пытался добиться приема его парламентеров. Из его окопов утром высовывался офицер и два солдата, которые кричали, что они члены какого-то комитета солдатских и рабочих партий и имеют полномочия и документы от своего начальства для переговоров с нашими комитетами; они просили принять их как депутатов, а не как пленников и изъявили согласие остаться у нас, если мы допустим их участие в комитетах гг. Киева и Петрограда. В случае нашего согласия удостоверение об этом допуске за подписью нашего начальства просили перебросить в их окопы. Такая же попытка имела место в 14 часов на участке соседней роты того же полка, причем в числе желавших перейти к нам для переговоров был якобы командир полка, стоящего против. По их словам, причина такого поведения—в том, что Германия скрывает их желание стать друзьями русских и заключить с Россией мир; если мы поспешим заключить с Австрией мир, то разбитая на западе Германия не в силах сопротивляться. Австрийцы заявляли, что готовы оставить свои окопы и обратить даже свое оружие против Германии, если бы та стала еще сопротивляться,—таков общий смысл заявлений из австрийских окопов. Переговорщики приняты не были, и после нескольких выстрелов с нашей стороны попытки противников высовываться из окопов прекратились».

К такого рода сообщениям русское командование относилось огульно как к провокации, не пытаясь даже проверить и использовать эти факты через солдатские комитеты или в ином порядке для воздействия на солдатские массы противника. И подобные методы воздействия, видимо, даже осуждались ими как «нечестные» приемы борьбы.

Но такое отношение русского командного состава к постановке немцами вопроса о мире вызвало недоверие солдат, и это несомненно становилось известно германскому и австрийскому командованию и поощряло их. Последние настойчиво домогались «переговоров», рекламировали себя по всему фронту сторонниками скорейшего заключения мира, а командование русской армией играло в этом деле пассивную роль разъяснителей.

Вокруг переговоров между ген. Драгомировым и немецкими офицерами поднялась целая кампания в печати и листовках. В ответ на изданные русским главным командованием сообщения об этих переговорах в приказе немецкое командование выступило со своим разъяснением, широко распространяло его по радио «всем», а также в газетах и особыми листовками по фронту[1].

Обвинение в «лжепарламентерстве» оспаривалось немецкой стороной тем, что будто их представители (три германских офицера) прибыли по приглашению русских офицеров. В этом же опровержении содержалось повторное предложение «заключить мир, честный для обеих сторон».

Кроме приведенных выше образцов листовок на русский фронт перебрасывались газеты, издававшиеся немцами на русском языке. Таких газет было несколько: «Неделя», «Русский вестник», «Последние известия». Эти газеты, помимо общего инофрмационного материала и военных сводок, заполнялись примерно такими же статьями, как и прокламации о войне. Однако вся эта литература, отравленная германским шовинизмом, не встречала доверия в солдатской среде, и влияние ее было совершенно ничтожно, но шуму по поводу ее было много. И шум этот был понятен: буржуазия и социал-патриотическая печать использовали германскую пропаганду «мира» против мирной пропаганды интернационалистов.

Все эти «мирные» ходы германских империалистов имели двоякую цель: во-первых, показать своим солдатам на фронте и рабочим в тылу, что германское правительство хочет заключить мир и, во-вторых, внести дезорганизацию в ряды противника, в данном случае в русские войска, играя на солдатском желании мира.

Вся русская буржуазия и социал-патриотическая печать стремились тоже использовать эту немецкую пропаганду в интересах прежде всего своей внутренней политики. Русской буржуазии и поддерживавшим ее мелкобуржуазным элементам народничества и меньшевизма было выгодно поддерживать ходячее мнение о всемогуществе германского шпионажа и пропаганды против войны. Этим путем всей военной коалиции (буржуа—соглашатели всех марок) было желательно причислить и с.-д. большевистскую пропаганду против войны и буржуазии к «немецкому происхождению», чтобы легче расправиться с ее носителями. Кроме того такая постановка позволяла им отвести внимание рабочих и солдат от действительных причин дезорганизации армии и хозяйства в сторону борьбы с «происками врагов». Немецкую «военную» пропаганду мира» они использовали для того, чтобы вести борьбу вну-

---

[1] Это обращение было «использовано» Керенским против Ленина на I съезде советов, по вопросу о войне.

три России со всеми, кто хоть в какой-либо мере агитировал против войны, стремясь дискредитировать агитацию за мир вообще, считая ее маневром «врага». В этих целях буржуазная печать раздувала влияние германских листовок на русских солдат, которое было весьма ничтожно, ибо недоверие к окопам противника и всему тому, что происходило оттуда, было огромное. Солдат дезорганизовала не германская «литература», а бессмысленность продолжения войны, порождавшей всеобщую разруху, признаваемой ненужной, но якобы необходимой и неизбежной в силу междусоюзного соглашения. В то же время эти соглашения даже Временное правительство считало нужным «пересмотреть» и отказывалось от захватнических, грабительских условий их содержания. Все это лишь подтверждало общее—солдат и рабочих—отрицательное отношение к войне. Разрубить же узел войны по-революционному, как это предлагали социал-демократы большевики и интернационалисты, социал-патриоты не хотели, не могли, потому что были связаны со своей и союзнической буржуазией. Вот эти обстоятельства дезорганизовали армию, а не листовки и еще менее те или иные провокационные действия германского командного состава.

IV

ВОЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИИ В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ

Военная комиссия Государственной думы

Первая военно-революционная организация возникла в процессе борьбы восставших рабочих и солдат Петрограда вечером 27 февраля. Эта военно-революционная организация была создана Временным комитетом Государственной думы и называлась «Военная комиссия при Временном комитете Гос. думы». Ее первым председателем был г. Энгельгард, а в состав ее входили члены Гос. думы, военные одиночки и представители возникшего в тот же вечер Совета рабочих депутатов, в лице членов его Исполнительного комитета.

В первые дни революции деятельность Военной комиссии была крайне многообразна. В первую ночь восстания она, от имени Врем. комитета Гос. думы, вела переговоры о присоединении к революции гарнизона Петропавловской крепости, а также и прочих частей войск, колебавшихся или задерживаемых командным составом от присоединения к восставшим.

Военная комиссия вносила некоторый порядок и в дело той массовой партизанской борьбы рабочих и солдат с отдельными полицейскими и воинскими частями, остававшимися верными царскому строю первые два дня уличной борьбы в Петрограде, 27 и 28 февраля.

Военная комиссия, по поручению Врем. комитета Гос. думы и ИК, выполняла различные поручения по ликвидации остатков старого режима, арестовывала и производила обыски, выемки оружия у представителей и сторонников старой власти.

Огромную работу проделала Военная комиссия в первые дни революции, по сплочению воинских частей и улаживанию конфликтов между командным составом и воинскими частями Петрограда. Военная комиссия в Таврическом дворце присваивала себе громкое название «штаба революции» и, если понимать этот штаб исключительно в его прямом, военно-исполнительном значении, при политическом руководстве ИК, тогда это название соответствовало действительности—и то только в первые дни ее деятельности, до организации солдат петроградского гарнизона в Совете, до создания ими своей исполнительной комиссии, куда были перенесены почти все военные и бытовые вопросы фронта и тыла.

В начале марта уже после организации Временного правительства Военная комиссия продолжала существовать, определив по соглашению с комитетом Гос. думы свои цели следующим образом:

1. Поддержка Временного правительства, как единственной власти в России.

2. Поддержание духа армии в целях организации противодействия врагу в его покушениях на целость страны и на завоеванную народом свободу.

3. В целях спасения России восстановление и поддержание воинской дисциплины на основах взаимного доверия и уважения начальствующих и подчиненных и беспрекословного повиновения во время исполнения служебных обязанностей.

4. Наблюдение за введением нового строя в войсках в согласии с возвещенными Временным правительством лозунгами свободы, справедливости и права, а также осуществление и защита личных гражданских и политических прав всех воинских частей страны.

5. Организация и поддержание связи между существующими и нарождающимися политическими и общественными союзами, обществами и пр., поставившими себе цели, соответствующие целям настоящей программы, и армией как находящейся в тылу, так и на фронте.

6. В целях охранения установившегося строя до Учредительного собрания энергичное противодействие всем контрреволюционным попыткам и покушениям на существующий демократический строй, откуда бы они ни исходили.

Во второй половине марта была попытка организовать при Военной комиссии своеобразную «Чрезвычайную комиссию» по борьбе с контрреволюцией, о чем остались сведения не только в моей памяти, как участника работы ИК, но и некоторые документы, переданные Военной комиссией в ИК, содержавшие нижеследующее заявление и программу работы, а также и смету расходов.

В Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов

«Исполнительной организации по борьбе с контрреволюцией».

Докладная записка.

По просьбе товарища военного министра, председателя Военной комиссии при Временном комитете Гос. думы, группой студентов, успевших уже зарекомендовать себя, организуется «Исполнительная организация для борьбы с контрреволюцией». В виду того, что организация эта должна интересовать Совет раб. и солд. деп., надеемся на поддержку как нравственную, так и материальную. С этой целью просим вас командировать лицо для присутствия в заседаниях Совета организации, а также указать из каких сумм мы можем получить необходимые нам средства.

Подписи: (следует три подписи).

При сем прилагаем: 1. Программу работы.
2. Смету ежемес. расходов.
3. Устав.

Петроград, марта 21-го дня 1917 г.

Программа деятельности этой «Исполнительной организации» была изложена в нижеследующих шести пунктах:

Программа работы

Исполнительной организации Военной комиссии при Временном комитете Государственной думы.

1. Подготовка населения к Учредительному собранию—пропаганда правильного понимания совершившихся и предстоящих событий; с этой целью:

а) командировки в провинцию для организации крупных и мелких филиальных отделений с аналогичной программой работы, б) распространение соответствующей литературы.

2. Контроль всех агитаторов.

3. Изобличение провокаторов.

4. Разведка и выслеживание деятелей контрреволюции; собирание доказательств для их уличения и арест их в случае необходимости.

5. Исполнение соответствующих распоряжений по всем вышеуказанным функциям.

6. Противодействие всяческим эксцессам на почве анархизма.

Программа сия утверждается Военной комиссией

Подписи:

Председатель Военной комиссии:
Управляющий делами:
Начальник общей канцелярии:

Из предложенной вниманию ИК сметы видна и организационная схема «Исполнительной организации».

Смета ежемесячных расходов Исполиительиой организации комиссии при Врем. комитете Гос. Думы

Исходя из того соображеиия, что организация преследует чисто идейные цели, смета сия охватывает лишь самые важные расходы, необходимые для удовлетворения самых насущных потребностей ее членов.

1. Трем комиссарам по 200 руб.	600 руб.
2. » секретарям » 150 »	4 0 »
3. » руководителям-десятским по 175 руб.	525 »
4. Тридцати членам отряда » 150 »	4 500 »
Итого жалования в месяц	6 075 »
Канцелярских и по содержанию служащего и др.	125 »
Члеиам, отправляющимся в командировки, по 5 руб. суточных. Исходя из соображения, что в командировках постоянно будет не менее 10 человек	1 500 »
Экстренных расходов	300 »
Всего	8 000 »

Обо всех истраченных суммах комиссариат представляет подробный отчет.

На заседаниях ИК это предложение, как и многие подобные ему, не обсуждалось и осталось без ответа. Военная комиссия пыталась использовать инициативы отдельных групп, но как использовано было это предложение—никаких данных не сохранилось.

Организация солдатской секции Совета

В первые недели марта выросла и вполне оформилась солдатская секция Петроградского совета, состоявшая тысяч из двух представителей от воинских частей всех родов оружия, входивших в состав гарнизона. Представительство в Совет в первые недели революции не было строго регламентировано, а контроль почти отсутствовал, и каждая часть, иногда даже меньше роты, стремилась связаться с Советом и посылала в него своего представителя. В первые дни революции это было весьма полезно, ибо только таким путем достигалась тесная связь Совета с массами.

Но по мере перехода Совета от агитации к «органической» деятельности выяснились неудобства. Громоздкость солдатского представительства в секции вынудила его выделить из общей солдатской части Совета ограниченный по количеству «Малый совет», который по существу и был солдатской секцией Петроградского совета. Солдаты, члены ИК составляли ядро Исполнительной комиссии солдатской секции и Малого совета.

На этом Малом совете обсуждались и решались все вопросы жизни и деятельности петроградского гарнизона, а затем основные выводы из этого опыта в виде особых положений передавались на фронт и в другие гарнизонные города.

Солдатская же общая и многолюдная секция Совета собиралась редко, большей частью в таких случаях, когда в порядке дня ставился какой-либо крупнейший политический вопрос. В этих случаях Совет превращался в митинговое собрание, и вся основная работа сосредоточивалась в Исполнительной комиссии солдатской секции и даже в ее бюро.

Деятельность солдатской секции и ее органов (Малого совета, Исполнительной комиссии и т. п.) в первые недели революции сосредоточивалась преимущественно на устройстве солдатского быта в казарме и вне ее, а также и на правовых вопросах и взаимоотношениях солдат с офицерами.

После мартовского Всероссийского совещания советов солдатская секция Петроградского совета выполнила огромную работу по объединению солдат в Совете. Социал-демократы, меньшевики и эсеры (правые) бросили на работу среди солдат крупные организаторские и пропагандистские силы. Всех наших сторонников, работавших до Всероссийского совещания среди солдат (А. Н. Подэрина, Борисова и др.), блок соглашателей вытеснил с советской арены. Но это вытеснение наших сторонников могло произойти только в верхушке, на низах же шел обратный процесс.

Эти организационные усилия быстро дали свои результаты: все солдатские части были подтянуты к Совету, штаб округа мог командовать солдатами лишь постольку, поскольку это не противоречило видам Совета и, как показали дни 20—21 апреля, командующий округом ген. Корнилов, пожелавший направить на демонстрации протеста против политики Милюкова и К° по старой привычке «инфантерию, кавалерию, артиллерию», оказался на мели, без всяких родов оружия и вынужден был уйти с этого поста.

Одновременно с работой по организационному охвату солдат секция вела и политическую их обработку. В этих целях была поставлена газета «Голос солдата», устраивались митинги, читались доклады и лекции на различные политико-просветительные цели. При Исполнительном комитете был организован Военный отдел, в котором работали 13 различных комиссий и морская секция, охватывавшие все вопросы военной деятельности и солдатского быта.

В моменты борьбы Временного правительства и социал-соглашательских партий против нашей с.-д. партии большевиков аппарат Военного отдела оказывал им огромную услугу своей рабо-

7*

той по «разложению» солдат и информации о движении и настроении солдатских масс, как это имело место 9—10 июня и 3—7 июля 1917 г. [1].

Все вопросы солдатской жизни, взаимоотношения солдат с командным составом, деятельность солдатских организаций и их взаимная связь регулировались на заседаниях секции или одной из комиссий Военного отдела. Лишь вопросы общего характера, как вопрос об отношениях к власти, к войне, к братанию и т. п., выносились как общеполитические вопросы на пленум Совета Р и СД. Все же вопросы специально военного характера подвергались разбору, обсуждению и обработке там.

Основные приказы по военному ведомству, подписанные военным министром А. И. Гучковым и касавшиеся различных реформ солдатского быта, были отданы по согласованию с солдатской секцией или Исполнительной комиссией. Однако не все они издавались в таком духе, в каком настаивала секция, но эти «маленькие» недочеты в соглашательской практике Исполнительной комиссией секции практиковались во имя единения «революционной демократии».

В процессе борьбы за улучшение солдатского быта и уравнения солдат в правах со всеми гражданами России, солдатская секция подошла в плотную к вопросу о радикальном преобразовании армии. Это преобразование армии, как действовавшей на фронте, так и находившейся в резерве в тыловых и внутренних районах России, мыслилось деятелями солдатской секции подобно тому, как преобразовывалась вся страна, а именно на началах демократического самоуправления. Самоуправляющаяся революционная армия, объединяющая солдат системой различных комитетов, начиная от роты и кончая комитетом при Ставке,—вот каков был солдатский идеал новой армии. Каждый из этих комитетов должен был обладать известной суммой государственной власти, издавать в пределах своего ведения приказы, имеющие обязательную силу для всех как солдат, так и офицеров.

Логическим следствием построенной солдатской секцией системы войскового самоуправления являлось установление выборности командного и вообще должностного состава армии. Питерские солдаты подошли к этому вплотную и на пленумах солдатской части Совета и на ее Исполнительной комиссии неоднократно обсуждался вопрос о введении выборного порядка замещения командных должностей. Однако против этой меры восстало все командование, запротестовал военный министр А. И. Гучков и все Временное правительство. Исполнительный комитет Петроградского совета, предоставивший по сути деятельности солдатской секции плыть по собственному течению, совокупностью давления Временного правительства и командного состава был вынужден вмешаться в работу секции и выступить против выборности командного состава в войсках.

Лозунг выборности офицеров и всех должностных лиц в армии быстро распространился не только в тылу, но и на фронте,

[1] См. «Положение о солдатской секции» в приложении 12.

внеся величайшее и двоякое беспокойство в командном составе. Большинство понимало введение выборного начала как удар по офицерскому корпусу, дворянству и его привилегиям. Меньшинство же, особенно молодое, некадровое низшее офицерство, приняло лозунги выборности командного состава как применение принципов демократизации в армии и поддерживали в этом направлении солдатские настроения. Но и в той и в другой части офицерства было немало таких представителей, которые быстро поняли, какое значение может иметь выборность командного состава для боеспособности армии.

Высший и средние слои командного состава фронта единодушно выступили против введения выборного начала для должностного и командного состава в армии, мотивируя свой протест неизбежностью, при выборности начальства, потери дисциплины, утраты власти командира, что должно закончиться гибелью армии. Характерным документом по этому вопросу был приказ особой армии от 16 марта № 271/41, отвергавший выборность [1].

Однако солдатское давление снизу под влиянием «Приказа № 1» Петроградского совета [2] было столь велико, что командный состав вынужден был пойти на уступки, соглашаясь на организацию солдат, даже на введение солдатского контроля в войсковом хозяйстве, но решительно борясь со всякими попытками, даже организованного «вмешательства» в оперативную деятельность.

Войсковые организации на фронте

Под влиянием роста рабочих организаций и под давлением солдат организации на фронте стали возникать значительно раньше, чем были изданы о них приказы Ставкой и выработаны положения военным министерством. Армейское командование должно было санкционировать солдатскую самодеятельность, направляя ее по линии общественной и военно-бытовой. Показателем, примером такого рода военной организации в действующей армии, возникшей до приказа Ставки, можно взять «Устав и наказ Совету армейских выборных особой армии» [1]. Согласно уставу Совета особой армии в него обязательно вводились офицеры пропорционально количеству выборных солдат. Права и объем деятельности этих организаций были формулированы крайне смутно, расплывчато, но тем не менее эти организации сразу же вносили успокоение в сгущенную атмосферу фронта.

Некоторые командиры шли несколько иным путем, но в том же направлении содействия шедшим снизу, от солдатских масс, стремлениям организоваться. Так командование X армии особой директивой начальникам корпусов от 17 марта приказывало образовать комитеты из солдат и офицеров. Никакого положения, ни наказа при этом оно не предлагало, а давало лишь схему построения таких комитетов и их связь между собою.

---

[1] См. этот приказ в приложении 18.
[2] См. этот приказ, «Семнадцатый год», кн. I-я, стр. 174 (изд. 2).
[3] См. этот устав и наказ в приложении 14.

В качестве положения для руководства деятельностью штаб X армии выдвинул следующие четыре пункта: «1) признание единой власти в руках Временного правительства до созыва Учредительного собрания; 2) доведение войны до победоносного конца; 3) сохранение дисциплины и боеспособности армии и 4) тесная внутренняя связь между офицером и солдатом».

В целях осуществления последнего пункта директивы, организационная схема построения организации вводила во все звенья организации, за исключением ротного комитета, офицеров [1].

Эти примеры были характерны для той части высшего командного состава, которая «приняла» революцию и не сопротивлялась вводимым ею новшествам. Однако были случаи весьма отрицательного отношения как к советам, возникавшим в тылу, так и к воинским организациям на фронте и в тылу [2]. Ненависть контрреволюционных и монархических элементов офицерства, их бессильная злоба против рабочих и солдат выливались тогда в злостных выходках против советов, против комитетов и т. п. организаций. Советы рабочих и солдатских депутатов в своей среде они именовали «советами рачьих и собачьих депутатов» и т. п. Солдаты знали таких офицеров и изгоняли их из своей среды. Но изгнанные из строя, они устраивались в штабах, вызывая солдатское недоверие и к этим штабам.

После длительных и горячих споров на общих собраниях секции и в ее Исполнительной комиссии соглашатели добились компромисса и «единодушного» решения солдатской секции, по которому выборность как система была отвергнута, но все до того выбранные солдатами командиры оставались на своих местах. По новому положению, выдвинутому ИК, за солдатами и их организациями оставалось право отвода и контроля за назначением офицеров на командные должности.

До конца марта вся сумма солдатских идей о правах и самоуправлении переваривалась организациями петроградского гарнизона, а на совещании советов (28 марта—3 апреля) все эти вопросы были вынесены на всероссийскую трибуну, там обсуждались, были единогласно приняты в виде тезисов о правах солдат и положения о солдатских организациях [3]. Принятые совещанием тезисы и положение о солдатских организациях были положены в основу работы комиссии при военном министерстве, в которую входили представители Совета.

Через две недели после окончания работы Всероссийского совещания появились приказы по военному ведомству, в которых были опубликованы основные положения о воинских организациях. Первый из них за № 213 от 16 апреля 1917 г. носил следующий декларативный характер, узаконивавший войсковые комитеты, придававший им единую форму и суживавший тот объем прав, который к тому времени «самочинно» был осуществлен ими.

---

[1] См. это директивное письмо в приложении 15.

[2] См. об этом «Семнадцатый год», кн. II.

[3] См. тезисы доклада о правах солдат и положение о солдатских организациях, «Семнадцатый год», кн. III, стр. 370—373.

ПРИКАЗ

По военному ведомству

№ 213.

Петроград, апреля 16-го дня, 1917 г.

Переустройство Народной армии и флота требует установления новых начал как в самой организации войск, так и во внутреннем быте и взаимоотношениях начальников и подчиненных.

Сознавая всю трудность и неотложность этой задачи, выполняемой в условиях непосредственной близости к врагу, я обращаюсь ко всем офицерам, солдатам и матросам с требованием приложить все свои силы к скорейшему проведению в жизнь нового порядка, с полным спокойствием и не нарушая ни на одно мгновение боевой мощи вооруженных сил страны.

Оставляя незыблемыми основы боевой подготовки и боевой деятельности войск, требующих точного и беспрекословного исполнения приказаний начальников, новое устройство вооруженных сил вводит систему выборных войсковых организаций, обеспечивающих каждому воину осуществление его гражданских и политических прав.

Таковыми организациями являются:

1. Комитеты: ротные, полковые и армейские.
2. Дисциплинарные суды.

Задачи комитетов:

1. Сплочение всей русской армии в единую организацию.
2. Наблюдение за поддержанием дисциплины и порядка в своих частях.
3. Контроль за хозяйственной деятельностью своей части.
4. Принятие законных мер против злоупотреблений и превышений власти со стороны должностных лиц своей части.
5. Решение вопросов, касающихся внутреннего быта части.
6. Улаживание недоразумений между солдатами и офицерами.
7. Содействие просвещению и развитию спорта среди солдат и матросов своей части.
8. Подготовка к выборам в Учредительное собрание.

Задачи дисциплинарных судов:

1. Поддержание дисциплины в частях.
2. Разрешение ссор и недоразумений, возникающих в солдатской и матросской среде.

Все эти организации—выборные, на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Права и обязанности их точно определены положениями, при сем объявляемыми.

Незаконные действия этих организаций и отдельных их чинов ведаются в общем военно-судном порядке.

Общие собрания войсковых частей не должны мешать боевой и учебной работе, а также специальным работам части.

Объявляемые положения ввести в действия немедленно по получении этого приказа. В тех частях, где комитеты уже избраны, общим собраниям предоставляется право продолжить их полномочия до истечения трехмесячного срока со дня их выборов с тем, чтобы в деятельности своей они руководствовались исключительно настоящими положениями.

Применение основных положений настоящего приказа к особенностям быта и службы плавающего флота и береговых морских команд возлагается на особую комиссию при участии матросских делегатов от всего флота.

Положения о войсковых комитетах и дисциплинарных судах приняты особой комиссией с участием представителей действующей армии и флота и делегатов от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского совещания советов рабочих и солдатских депутатов.

Приложение: Положения о ротных, полковых и армейских комитетах[1] и о дисциплинарных судах (состав и устройство полковых судов объявляется особо).

(По Главному управлению генерального штаба.)

Подписал: Военный министр А. Гучков.

---

[1] **См. «Семнадцатый год», кн. III, гл. V «Правительственные реформы в армии и во флоте».**

При этом приказе военного министра были опубликованы положения только о ротных, полковых и армейских комитетах. Это обстоятельство вызвало большое недовольство в некоторых кругах армии, так как упущение из системы воинской организации лишало возможности легальной организации дивизионного и корпусного звена. Этот пробел был пополнен уже новым военным министром Керенским, отдавшим дополнительно к приказу № 213 приказ № 271, в котором и были опубликованы положения о дивизионных и корпусных комитетах. Оба эти приказа подверглись суровой критике как со стороны некоторой части солдат, ожидавших увидеть в них осуществление идеи самоуправления, так и со стороны командного состава, принявшего приказы за поход против себя.

Опубликование этих положений приказом по армиям положило конец тому организационному разнообразию, которое существовало в деле организации войск как в тылу, так и на фронте. Однако объем прав и полномочий, предоставленных комитетам, не удовлетворял солдат, и на этой почве происходили постоянные конфликты и столкновения с командирами и штабами, особенно в высших звеньях армейских организаций.

По существу почти все конфликты между командным составом и солдатскими комитетами того времени возникали на почве недоверия солдат к офицерам и особенно к высшему командному составу, непонимания солдатами «новых» целей войны и желания скорейшего окончания бессмысленной бойни.

Чтобы устранить это в известной степени классовое недоверие солдатской массы к «барскому» командному составу, в соглашательских кругах ИК возникли мысли еще в середине марта[1] о посылке в войска особых уполномоченных Совета, комиссаров, которых впоследствии, по соглашению с Временным правительством, превратили в комиссаров Временного правительства и ввели в систему организации и управления армией.

Введенные приказом дисциплинарные суды лишили командный состав права наложения на солдат в обычное время дисциплинарных взысканий, подтвердив официально конец многовековому офицерскому произволу в войсках, положенный рабоче-солдатской революцией.

Но «в боевой обстановке» тот же приказ (п. 2) давал начальнику части неограниченную власть: ему предоставлялось право «под своей личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против неисполняющих его приказаний подчиненных». Этот пункт вызвал большое недовольство в солдатских кругах и обсуждался на многих солдатских съездах действующей армии. Многие съезды выносили постановления с требованием отмены этого пункта. В этом была основная причина того, что приказ долгое время оставался без исполнения и суды

---

[1] См. по этому вопросу «Протоколы заседаний Петр. ИК» от 16/III 1917 г. изд. Центрархива, а также главу «Введение института военных комиссаров армии».

организованы не были, так как солдаты отказывались выбирать в них своих представителей.

Состав дисциплинарных судов, организовавшихся по приказу в каждой роте, эскадроне, сотне, батарее и т. п. частях, в большинстве был солдатский: из троих судей один был офицер, а двое—солдаты, все по выбору солдат и офицеров своей части. Высшей инстанцией для этих судов был полковой суд, составленный из выборных офицеров и солдат уже поровну. Солдаты высказывались и против таких судов и предлагали заменить их товарищескими судами, с заменой старых методов наказаний другими, как выговор, бойкот и т. п.

Новое военно-судебное устройство было введено в действие приказом № 233 от 21 апреля и касалось реорганизации полковых судов. Все судьи выбирались особыми выборщиками, избираемыми солдатами по-двое на роту или равную ей команду. Офицеры и чиновники полка выбирали также своих выборщиков в количестве, равном половине выборщиков от солдат. Общее количество членов суда было определено в 6 человек и 4 запасных, при этом половина из них—солдаты, а другая половина—офицеры. Лишались права быть выборщиками неграмотные солдаты, а равно и те солдаты, которые состояли на службе менее трех месяцев во время войны и менее года в мирное время. Приказ обязывал выбирать председателя и его заместителя из офицеров.

Солдатские съезды на северном фронте

Время весенней распутицы на фронте было использовано солдатами для развития и укрепления своих организаций. После Всероссийского совещания советов, состоявшегося в Петрограде 28 марта—3 апреля, происходили различные войсковые съезды, как-то: дивизионные, корпусные, армейские и фронтовые.

Быстрее других фронтов организовался северный. Близость к Петрограду имела в этом отношении большое значение. 16 апреля в Пскове открылся съезд солдатских, рабочих и крестьянских депутатов тылового района северного фронта.

На съезд прибыло около 100 представителей от уездных, губернских советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов тыловых учреждений фронта и армейских организаций. От ИК Петроградского совета присутствовали на нем Махарадзе и Зурабов. В порядок дня входили следующие вопросы: 1) организация советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 2) выборы организационной комиссии; 3) о войне; 4) отношение советов РиСД к правительству; 5) Учредительное собрание и демократическая республика; 6) земельный вопрос; 7) рабочий вопрос; 8) доклад организационной комиссии.

После приветствий съезда от имени Петроградского совета, I и V армии и Псковского совета РиСД, которыми открылся съезд, его приветствовал ген. Данилов от имени главнокомандующего фронта ген. Рузского, призывавшего к совместной работе «для преодоления врага».

В связи с вопросом об отношении к Временному правительству

на съезде выявилось большое недоверие к нему и недовольство его политикой. Несмотря на все старания социал-демократов меньшевиков и правых эсеров, съезд выразил это недовольство и недоверие и в резолюции. Принимая «в общем и целом» резолюцию о Временном правительстве, принятую Всероссийским совещанием советов, съезд дополнительно констатировал, что

«присоединяясь в общем и целом к резолюции о Временном правительстве, вынесенной Всероссийским совещанием советов РиСД в Петрограде, тыловой съезд констатирует, что отдельные члены кабинета своими выступлениями и действиями вызывают тревогу в русской демократии за будущность русской революции. Так, например, министр иностранных дел, вопреки декларации Временного правительства об отказе от захватных стремлений и контрибуции, в Москве дал разъяснения, совершенно аннулирующие смысл декларации. Военный министр произносит на фронте речи о разгроме Германии и Австрии, оставляет на постах в высшем командном составе агентов старой власти (Толмачева, Казакевича и др.), издает приказы, явно противоречащие соглашению Временного правительства с Петроградским советом Р и СД.

Констатируя все это, тыловой съезд северного фронта предлагает всем Советам СР и Кр. депутатов—и в первую очередь Петроградскому—энергично настаивать, чтобы Временное правительство действовало в полном контакте с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, чтобы оно настойчиво и последовательно очищало всю русскую жизнь, включая фронт, от контрреволюционных элементов.

Вместе с тем съезд считает необходимым заклеймить все контрреволюционные попытки дискредитировать политику Петроградского совета Р и С депутатов и выражает ему готовность оказывать полную поддержку в его дальнейшей деятельности в интересах революционной демократии».

По вопросу о войне съезд также присоединялся к решению совещания, но дополнительно принял еще заявление, содержащее много общих мест и туманных фраз:

«1. Империалистический характер войны, являющейся делом «империалистических» классов и их правительств, враждебный характер ее для всей «мировой демократии».

2. Поставленный русской революцией вопрос о прекращении войны и заключении мира без аннексий, контрибуций и на основе самоопределения наций империалисты всех стран стремятся сорвать.

3. Это обязывает мировую демократию сомкнуться и повести организованную борьбу с империалистами, а для этого она должна воссоздать Интернационал, созвать международный социалистический конгресс социалистических партий воюющих и нейтральных стран.

4. Пока же продолжается война, съезд признавал, что «крушение армии, ослабление ее устойчивости, крепости, было бы величайшим ударом для дела свободы».

5. Поэтому съезд призывал мобилизовать все «живые силы страны» для укрепления фронта и тыла в целях «энергичной защиты революционной России от всяких посягательств на нее извне».

6. В то же время съезд полагал, что «демократия должна добиваться от Временного правительства, чтобы оно, не прикрываясь общими расплывчатыми лозунгами, особой декларацией немедленно объявило конкретные условия мира».

7. Временное правительство в свою очередь «должно повлиять на союзные правительства, чтобы и они выступили с такой же декларацией».

Типичная для того времени постановка вопроса, состоявшая из набора пустых, малосодержательных фраз об интернационализме, на деле служила продолжению войны, во имя защиты уже революции, а не страны. Такой игрой слов соглашатели запутывали

суть дела, обманывали солдат, отвлекали рабочих от борьбы со своими собственными империалистами, сидевшими у власти.

Реформы военного министра А. И. Гучкова и Ставки не удовлетворили съезд. Солдаты требовали проведения полностью постановлений Совета Р и С депутатов о реорганизации армии. В частности был подвергнут особой критике приказ № 51 ген. Алексеева (Ставки) и признан «не отвечающим духу свободной российской армии». Съезд высказался и против работы комиссии ген. Поливанова по преобразованию армии, отвергая предложенный комиссией тип организации, считая, что она должна сообразоваться с требованием местных условий. По вопросу о белобилетниках, отпущенных на полевые работы, съезд вынес постановление о немедленном возвращении их в армию после окончания весенних работ. Кроме того съезд требовал уничтожения деления на ратников и предлагал пополнять армию всеми лицами моложе 40 лет, независимо от их семейного положения, а также направления кадровых солдат и офицеров из тыла на фронт. Не обошел съезд и вопроса о солдатском жаловании и пайке семьям призванных на службу солдат. По первому было вынесено пожелание повысить его до нормы, «допускаемой финансовым состоянием отечества». По второму—пожелание, чтобы выдача пайка и определение его размера производились на местах, в самоуправлениях.

Особо разбирался на съезде вопрос о средствах полковых и ротных комитетов, по которому было принято следующее решение:

«О средствах полковых и ротных комитетов

I. Средства ротных комитетов составляются из:

а) ежемесячных взносов с каждого солдата, устанавливаемых полковым советом;

б) отчислений из ротных артельных сумм;

в) пожертвований;

г) прибылей от платных спектаклей, концертов и прочих мероприятий, устраиваемых ими;

II. Средства полкового совета составляются из:

а) прибылей от платных лекций, спектаклей, концертов и прочих мероприятий, организуемых им;

б) прибылей от полковых лавок и чайных;

в) отчислений из полковых экономических сумм, поскольку это будет возможно по юридическим и техническим условиям».

По земельному вопросу съезд присоединился к решениям Всероссийского совещания, но с дополнением, что

«съезд признает необходимым поддерживать самым решительным образом в Учредительном собрании бесплатное отчуждение всех частновладельческих земель и объявление всей земли общенародным достоянием, с изъятием ее из товарного оборота. Земля как общенародное достояние передается в бесплатное пользование лиц, обрабатывающих ее своим трудом, в пределах трудовой и потребительной норм».

По вопросу об организации деревни съезд вынес постановление о введении самого широкого самоуправления и наметил систему административной власти, ее взаимоотношений в различных ступенях крестьянской жизни (деревня, село, волость, уезд, губерния).

В качестве политической организации съезд принял постановление об организации «Крестьянского союза», в который должны

были входить крестьяне-собственники, общинники и даже безземельные и «все граждане, проживающие в данном сельском обществе, для защиты своих политических интересов». Исполнительным органом союза на селе является по этому решению сельский совет крестьянских депутатов. Объединение этих союзов, начиная с волости, через уезд и губернию, завершалось Всероссийским объединением, при этом съезд считал Всероссийский совет единым центром для рабочих, солдат и крестьян.

22 апреля открылся съезд представителей армейских и тыловых организаций всего северного фронта. На этом съезде был принят ряд резолюций об отношении к Временному правительству, о войне, братании, а также особое «Положение о комитете объединенных организаций северного фронта», сокращенно именовавшегося «Коморсев». Цели, обязанности и состав комитета определялись нижеследующими четырьмя параграфами:

«§ 1. В целях объединения деятельности исполнительных комитетов действующих армий и организованного тыла северного фронта учреждается «Комитет объединенных организаций северного фронта» (сокр. «Коморсев»).

§ 2. В круг деятельности Коморсева входит:

а) контроль по отношению ко всем учреждениям и управлениям, обслуживающим северный фронт;

б) взаимное осведомление армий и тыла;

в) поддержание связи между объединившимися организациями;

г) представительство перед Главкосевом нужд как всего фронта, так и отдельных армий по их уполномочию;

д) издание бюллетеней осведомительного характера.

§ 3. Не являясь высшей инстанцией для отдельных объединившихся организаций в отношении права утверждения и отмены каких бы то ни было их постановлений, Коморсев имеет право выступления от имени фронта по вопросам общеполитического характера и политического представительства, не иначе как с особого в каждом отдельном случае уполномочия от всех объединившихся организаций.

§ 4. В состав Коморсева входят с решающим голосом по три представителя от каждой из действующих армий северного фронта и областного исполнительного комитета и три представителя того же комитета с совещательным голосом».

Кроме того положение предусматривало созыв совещаний «для усиления связи между Коморсевом и организациями на местах» не реже одного раза в два месяца, а также и съезды для «координации деятельности армий фронта и организованного тыла», но лишь «в особых случаях», а каких—это подлежало еще определению на одном из ближайших совещаний.

В политическом отношении фронтовой съезд ничем не отличался от тылового. Даже события 20—21 апреля в Петрограде, в связи с нотой Милюкова, происшедшие в то время, ничему не научили собравшихся.

Но что особенно взволновало представителей соглашательского лагеря (Кучина, Ромма)—это стихийная тяга солдат к миру «во что бы то ни стало» и происходившие на фронте братания. По вопросу о борьбе со стихийной тягой к миру решили бороться пропагандой и различными просветительными мероприятиями. О братании была принята резолюция, осуждающая его и предупреждающая солдат, что братание происходит по указке германского генерального штаба.

Ликвидация Военной комиссии Гос. думы

По мере укрепления солдатских организаций и расширения их сферы влияния, Исполнительная комиссия солдатской секции Совета потребовала реорганизации существовавшей в Таврическом же дворце под крылом комитета Государственной думы Военной комиссии. ИК с первых дней возникновения этой организации по различным поводам касался ее работы. Еще на заседании ИК 6 марта было признано «необходимым постепенно изменить состав ИК путем введения в нее офицеров-республиканцев и солдат из солдатской комиссии Совета». На заседании ИК 11 марта также обсуждалось предложение о реорганизации Военной комиссии, внесенное группой офицеров-республиканцев, сводившееся к назначению группы лиц в качестве основного ядра Военной комиссии, предоставление каждому члену ИК права быть членом Военной комиссии и присутствие на каждом ее заседании не менее трех членов от Совета, трех от союза офицеров-республиканцев; этому же составу Военной комиссии предоставить право кооптации. Но эти предложения не удовлетворили ИК, который считал нужным иначе организовать Военную комиссию и все предложения отклонил.

В недрах самой Военной комиссии при поддержке некоторых членов комитета Государственной думы бродили мысли, превращавшиеся в проекты организации, по сути дела дублировавшие деятельность Петроградского военного округа и самого военного министерства, с придачей ей даже контрольных функций над последним.

Один из таких проектов, заключавшийся в нижеследующем положении, рассматривался на заседании ИК 8 апреля.

Военная комиссия

Цель.

Военная комиссия есть орган при Временном комитете Государственной думы, составленный из представителей Временного комитета Государственной думы. Представителей военного ведомства, Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, Совета офицерских депутатов, а также и представителей активных работников нынешней Военной комиссии, с предоставлением права кооптации специалистов при рассмотрении отдельных вопросов.

Цель этого органа:

Согласительная.

а) Устраиять все недоразумения и согласовать работу органов военного ведомства и Совета рабочих и солдатских депутатов, а также устранять трения, возникающие между солдатами и рабочими массами, и командным и распорядительным составом.

Наблюдательно-предупредительная.

б) Наблюдать за деятельностью центральных учреждений Военного ведомства, дабы деятельность их протекала в демократически-деловом направлении согласно новому строю свободной России.

Осуществление.

1) Цель согласительная достигается самым внимательным разбором (третейским судом) всех недоразумений, возникающих между офицерами, солдатами, частями войск и учреждениями, и урегулирование дел, касающихся обороны государства.

2) Для цели предупредительной формируется бюро агитации с участием представителей Совета рабочих и солдатских депутатов и устанавливается связь между частями и учреждениями Петрограда, действующей армии и тыла.

3) Для цели наблюдательной в центральные органы Военного министерства командируются от Военной комиссии представители, имеющие полномочия наблюдения и обязанные отчетом своего наблюдения перед Военной комиссией.

ИК отверг этот проект и уполномочил двух своих членов, М. Ю. Козловского и М. М. Добраницкого, вести с комитетом Гос. думы переговоры о реорганизации Военной комиссии. Одновременно были кратко намечены и функции этой комиссии, сводившиеся к «согласованию деятельности между военным ведомством и Советом Р и СД по: а) охране Петрограда, б) урегулированию взаимоотношений между офицерами и солдатами».

О составе комиссии комитету Гос. думы было написано следующее письмо:

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Исполнительный комитет. Таврический дворец.

В Временный комитет Государственной думы

№ 1700. Петроград, апреля 13-го дня 1917 г.

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов сообщает, что в заседании Исполнительного комитета от 9 апреля с. г. принят следующий проект реорганизации Военной комиссии:

1. Число членов Военной комиссии устанавливается в 20 человек, из которых 10 делегируются Временным комитетом и военным министерством, 10 — Исполнительным комитетом.

2. Председатель Военной комиссии назначается Временным комитетом из числа членов Военной комиссии по соглашению с Исполнительным комитетом.

3. В бюро Военной комиссии входят в равном числе члены Временного комитета и военного министерства, с одной стороны, и Исполнительного комитета, с другой стороны.

Председатель Исполнительного комитета Н. Чхеидзе.
Секретарь Н. Капелинский.

Военный министр А. И. Гучков особым письмом на имя М. В. Родзянко настаивал на передаче военной охраны Петрограда штабу округа, так как в этом деле царил большой беспорядок. Сама Военная комиссия, почувствовав шаткость своего положения, также потребовала скорейшего решения вопроса о своей дальнейшей работе, и в конце апреля соглашение было достигнуто, о чем ИК был поставлен в известность письмом председателя Временного комитета следующего содержания, определявшего состав и деятельность Военной комиссии.

Председателю Совета рабочих и солдатских депутатов, члену Государственной думы

Н. С. Чхеидзе.

№ 1556. Апреля 27.

Временный комитет Государственной думы, обсудив совместно с представителями Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и президиума союза офицеров-республиканцев вопрос о реорганизации Воен-

ной комиссии, постановил преобразовать названную комиссию на следующих основаниях:

1. Военная комиссия состоит из 20 членов, из коих 10 — по выбору Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, и 10 членов — по выбору Временного комитета, причем в число последних входит хотя бы один представитель военного ведомства с правом решающего голоса.

2. Председатель комиссии назначается Временным комитетом Государственной думы из числа избираемых им членов.

3. К предметам ведения комиссии относятся:

а) предварительное рассмотрение законоположений, касающихся реорганизации военного и морского ведомств и воссоздания военного быта на новых началах; означенные законопроекты вырабатываются по инициативе комиссии или вносятся в комиссию военным или морским ведомством, или Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов;

б) аттестация (преимущественно отрицательного характера) военному ведомству воинских чинов, рассмотрение заявляемых претензий;

в) временное, до передачи комиссией в новом составе штабу Петроградского военного округа, заведывание делами по назначению нарядов караула в столице, по управлению радиотелеграфом и пр.

4. Со времени реорганизации Военной комиссии все служащие канцелярии комиссии, по передаче ими дел всем приглашенным лицам, освобождаются от своих обязанностей.

Об изложенном имею честь вас уведомить.

Председатель Временного комитета М. Родзянко.

Письмом от 1 мая ИК был уведомлен, что

«членами Военной комиссии от Временного комитета Гос. думы избраны следующие лица: Н. В. Савич, А. Н. Аносов, Л. А. Велихов, Д. Н. Сверчков, Б. А. Энгельгард и Н. О. Янушкевич, а также полковники генштаба Якубовский и кн. Туманов».

На это письмо ИК ничего не ответил, а кризис власти внес изменения в состав Временного правительства: вместо А. И. Гучкова военным министром стал А. Ф. Керенский, и вопрос о Военной комиссии больше не поднимался. Видя такое отношение, Врем. комитет Гос. думы на заседании 13 мая постановил «закрыть военную комиссию», и в конце того же мая ее работа была окончательно ликвидирована.

Организация оперативного контроля

Приказы по военному ведомству о войсковых организациях носили столь общий характер, что на местах они вызывали потребность в разъяснениях и уточнениях. В некоторых армиях, особенно близко стоявших к Петрограду, на северном фронте, такие приказы дополнялись особыми положениями инструкционного характера, определявшие более точно цели, права и обязанности солдатских организаций. Особенно подробно были разработаны эти положения в XII армии, занимавшей огромный участок северного фронта. Так на одной из весенних сессий (IV) Совета солдатских депутатов XII армии было рассмотрено и утверждено особое положение об организации солдат этой армии. Положение определяло цели организации выполнением «стоящих на очереди военных и политических задач», заключавшихся в «приобщении солдат к организованной демократии всей России, в «защите родины и свободы от внешнего врага» и «защите завоеваний революции», вплоть до

защиты «интересов солдат и улучшения быта» и «контроля над снабжением армии».

Это же положение устанавливало состав организации, порядок избрания ее органов, объем их прав и обязанностей, в общем не выходившие за пределы тех приказов, которые вырабатывались в то время в различных комиссиях и «согласовывались» в солдатской секции Петроградского совета или в ее Исполнительной комиссии. Разница все же была в том отношении, что организованные по положению XII армии комитеты завершались вверху Советом солдатских депутатов армии, тогда как приказы 213 и 271 строили комитеты высших воинских инстанций вне советской системы, существовавшей тогда в армии. Причем эти приказы предусматривали обязательное избрание офицеров, тогда как «положение», применявшееся в XII армии, не давало никаких привилегий офицерам, и в этом было его огромное преимущество[1].

Помимо общественно-политической деятельности войсковые комитеты уже в мае месяце ставили и осуществляли контроль над оперативными действиями командиров и штабов, вопреки категорическим запретам военного министра и Ставки. Особенно детально был разработан порядок и организация оперативного контроля во II армии. 30 мая ИК II армии принял следующий «наказ комиссии оперативного контроля ИК», содержащий девятнадцать пунктов.

А. Общие задачи комиссии.

1. Поднятие боеспособности революционной армии.
2. Укрепление веры солдат в демократических военачальников.
3. Достижение гарантий в разумном расходовании человеческих жизней.

Б. Состав комиссии.

4. Комиссия оперативного контроля Исполнительного комитета II армии состоит из президиума в лице председателя, товарища его и секретаря и 3 членов для поручений.

5. Оперативно-контрольная комиссия избирается общим собранием, большинством двух третей присутствующих, при условии, что на заседании присутствовало не менее двух третей общего числа членов комитета.

В. Обязанности.

6. Комиссия оперативного контроля обнимает деятельность строевой части, инспектора артиллерии армии и отделов штаба армии: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала и инженера армии.

7. Контролирует боевой и численный состав армии (людей, штыков, шашек, пулеметов, минометов, бомбометов, орудий, снарядов и т. д.).

8. Контролирует состояние передовых и тыловых позиций и имеет право участия в комиссиях по приемке их.

9. Осведомляет командующего армией об истинном состоянии частей, их боевого снабжения, позиций и т. д.

10. Периодически составляет сводки сведений, получаемых от корпусных оперативных комиссий, о состоянии частей и т. д. и представляет их по утверждении общего собрания Исполнительного комитета в Контактно-контрольную комиссию фронтового комитета.

11. Непрерывно освещает ход операций фронтовой комиссии во время боя и немедленно совершенно секретно извещает ее о всех явных злоупотреблениях в составе частей.

12. Участвуя в обсуждении и разработке всех операций с правом сове-

[1] См. положение об организации солдат XII армии в приложении 16.

щательного голоса, непрерывно получает ознакомление с ними путем рассмотрения всех без исключения дел и текущей переписки и устного ознакомления со стороны командующего армией.

13. Производит разбор законченных операций с правом совещательного голоса.

14. Делает отзывы о всех начальниках, представляемых командным составом к наградам и представляет к награждению достойных по собственной инициативе.

15. Абсолютно соблюдает военные тайны.

16. Представляет доклады закрытому пленарному заседанию Исполнительного комитета о всех законченных и разобранных комиссией боевых операциях по пунктам, утратившим характер военной тайны.

17. Оперативно-контрольная комиссия во всех своих действиях автономна и имеет право непосредственного сношения с подобными же комиссиями наравне с командным составом (военные депеши, пакеты с нарочными и т. д.).

18. Президиум комиссии имеет право личного доклада командующему армией, совместно с одним из членов общего президиума.

19. На тех же основаниях Оперативно-контрольная комиссия организует подобные ей комиссии, в составе трех членов, в корпусных, дивизионных, полковых и ротных комитетах»[1].

На почве осуществления оперативного контроля возникали острые конфликты между войсковыми комитетами и командирами, которые считали этот контроль за «незаконное» вмешательство в их командные права. Но были среди начальников и такие офицеры, которые прекрасно понимали мотивы, побуждавшие солдат на оперативный контроль, мирились с ним и таким путем избегали конфликтов.

Приказ о правах солдат

Много конфликтов в войсках тыла и фронта происходило на почве неурегулирования вопроса о правах солдата. Декларация-тезисы, принятые по этому делу Всероссийским совещанием Советов не претворялись в закон, и солдаты революционной России продолжали пребывать в бесправном положении вплоть до министерского кризиса и смены военного министра. Приказ о правах солдат путешествовал в течение многих недель от военного министерства в солдатскую секцию Совета и обратно и окончательно был согласован с последней в мае месяце, с приходом Керенского на смену Гучкова. Только 11 мая был издан «Приказ армии и флоту» № 8 о правах военнослужащих следующего содержания:

Приказывая ввести в жизнь армии и флота следующие, согласованные с п. 2 декларации Временного правительства от 7 марта с. г., Положения об об основных правах военнослужащих:

1. Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан. Но при этом каждый военнослужащий обязан строго согласовать свое поведение с требованиями военной службы и воинской дисциплины.

2. Каждый военнослужащий имеет право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза.

3. Каждый военнослужащий во внеслужебное время имеет право свободно и открыто высказывать и исповедовать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

4. Все военнослужащие пользуются свободой совести, а потому никто не

[1] См. Положение об оперативном контроле со стороны войсковых масс в приложении 17.

может быть преследуем за исповедуемое им верование и принуждаем к присутствию при богослужениях и совершении религиозных обрядов какого-либо вероисповедания. Участие в общей молитве необязательно.

5. Все военнослужащие в отношении своей переписки подчиняются правилам, общим для всех граждан.

6. Все без исключения печатные издания (периодические и непериодические) должны беспрепятственно передаваться адресатам.

7. Всем военнослужащим предоставляется право ношения гражданского платья вне службы; но военная форма остается обязательною во всякое время для всех военнослужащих, находящихся в действующей армии и в военных округах, расположенных на театре военных действий.

Право разрешать ношение гражданского платья военнослужащим в некоторых крупных городах, находящихся на театре военных действий, предоставляется главнокомандующим армиями фронтов или командующим флотами. Смешанная форма ни в каком случае не допускается.

8. Взаимоотношения военнослужащих должны основываться при строгом соблюдении воинской дисциплины на чувстве достоинства граждан свободной России и на взаимном доверии, уважении и вежливости.

9. Особые выражения, употребляющиеся как обязательные для ответов одиночных людей и команд вне строя и в строю, как например: «так точно», «никак нет», «не могу знать», «рады стараться», «здравия желаем», «покорно благодарю» и т. п., заменяются общеупотребительными: «да», «нет», «не знаю», «постараемся», «здравствуйте» и т. п.

10. Назначение солдат в денщики отменяется.

Как исключение, в действующих армии и флоте, в крепостных районах, в лагерях, на кораблях и на маневрах, а также на окраинах, в тех местностях, в которых нет возможности нанять прислугу (в последнем случае невозможность этого определяется полковым комитетом),—офицерам, военным врачам, военным чиновникам и духовенству разрешается иметь вестового для личных услуг, назначаемого по обоюдному соглашению вестового и лица, к которому он назначается, с платой, также по соглашению, но не более одного вестового на каждого из помянутых чинов.

Вестовые для ухода за собственными офицерскими лошадьми, положенными по должности, сохраняются как в действующей армии, так и во внутренних округах и назначаются на тех же основаниях, как и вестовые для личных услуг.

11. Вестовые для личных услуг не освобождаются от боевой службы.

12. Обязательное отдание чести как отдельными лицами, так и командами отменяется.

Для всех военнослужащих, взамен обязательного отдания воинской чести, устанавливается добровольное взаимное приветствие.

Примечание: 1) отдание воинских почестей командами и частями при церемониях, похоронах и т. п. случаях отменяется.

2) команда «смирно» остается во всех случаях, предусмотренных строевыми уставами.

13. В военных округах, не находящихся на театре военных действий, все военнослужащие в свободное от занятий, службы и нарядов время имеют право отлучаться из казармы и с кораблей в гавани, но лишь осведомив об этом соответствующее начальство и получив надлежащее удостоверение личности.

В каждой части должна оставаться дежурная рота или вахта (или соответствующая ей часть), и кроме того в каждой роте, сотне, батарее и т. п. должна оставаться еще и ее дежурная часть.

С кораблей, находящихся на рейдах, увольняется такая часть команды, какая не лишает корабля возможности, в случаях крайней необходимости, немедленно сняться с якоря и выйти в море.

14. Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой обстановке начальник имеет право под своею личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против неисполняющих его приказание подчиненных. Эти меры не почитаются дисциплинарными взысканиями.

15. Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего, а также мучительные и явно вредные для здоровья не допускаются.

Примечание: Из наказаний, упомянутых в уставе дисциплинарном, постановка под ружье отменяется.

16. Применение наказаний, не упомянутых в уставе дисциплинарном, является преступным деянием, и виновные в нем должны предаваться суду. Точно так же должен быть предан суду всякий начальник, ударивший подчиненного в строю или вне строя.

17. Никто из военнослужащих не может быть подвергнут телесному наказанию, не исключая и отбывающих наказания в военно-тюремных учреждениях.

18. Право назначения на должности, и, в указанном законе случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутреннего самоуправления, наложения наказаний и контроля в точно определенных случаях (приказы по военному ведомству 16 апреля с. г., № 213 и 8 мая с. г., № 271) принадлежит выборным войсковым организациям—комитетам и судам.

Объявляя настоящие общие положения, предписываю принять их (как и правила, установленные приказом по военному ведомству с. г., № 114) в основание при пересмотре уставов и законоположений, определяющих внутренний быт и служебную деятельность военнослужащих, а равно дисциплинарную и уголовную их ответственность.

Подписал: военный и морской министр А. Керенский.

Этот приказ Керенского встретил жестокую критику со стороны солдат, часто называвших его приказом о бесправии солдат. Многие пункты приказа о правах, например п. 3, прямо ограничивали гражданские права солдат даже высказывать свои мысли «в служебное время». Почему солдатская служба требовала такой урезки права, никто объяснить не мог, а сами солдаты правильно доказывали, что пользование этим общегражданским правом приносит пользу и на службе.

Пункт 10 отменял денщиков, этот позорнейший пережиток крепостничества в армии, но «как исключение» давал право их вводить «в тех местностях, где нет возможности нанять прислугу», под другим названием, в качестве уже «вестового», но для личных услуг, т. е. восстанавливали по существу того же денщика.

Но еще большее нарушение общегражданских прав было в п. 14, первая часть которого уничтожала бессудное право расправы с солдатом, а вторая часть, под прикрытием «боевой обстановки», давала начальнику право единолично применять высшую меру наказания—употребления против солдат вооруженной силы. А следующий п. 15 был прямым издевательством над солдатской личностью и находился в кричащем противоречии с общегражданским правом, ибо скрывал, что кроме «мучительных и оскорбительных» наказаний все прочие виды могут применяться к солдатам без всякого суда. Пункт 18 был формулирован столь двусмысленно, что давало подов к конфликтам на почве проведения в жизнь принципов армейского самоуправления.

Нападки на этот приказ вызвали Керенского на заявление, что редакция его принадлежала... солдатской секции Петроградского совета. Правый эсер Завадье, бывший председателем секции, подтвердил это, но дело от того не менялось. Солдаты готовились протестовать на Съезде советов.

Солдатские вопросы на Съезде советов

Вопросы солдатской жизни, деятельности военных организаций и солдатских прав обсуждались на Съезде советов в военной секции, в ряде заседаний, о которых почти не сохранилось материалов. Первое заседание секции состоялось 13 июня, открылось спором о составе президиума. Сошлись на выборе президиума от фракций: двоих от социал-демократов меньшевиков, двоих от эсеров и одного от социал-демократов большевиков. С отчетным докладом выступил представитель солдатской секции Петроградского совета И. К. Венгеров, начавший свой доклад перечислением проделанной ими работы—с «острого вопроса» о правах солдат, изданных в приведенном нами выше приказе, отметивший основные вопросы, стоявшие перед солдатской секцией, решенные ею или предложенные на решение Съезда. К первой группе вопросов он относил создание однородной организации в армии, начиная от ротного комитета и доходящей до Всероссийского съезда советов, а также вопросы о смене, отводе и выборности командного состава. В спорах по вопросу о выборности командного состава обнаружилось важное и решавшее многое обстоятельство: выбирать было некого и не из чего. Командного состава, особенно низшего, нехватало, и выбирать порой было некого.

Много внимания уделяла секция и вопросам поднятия боеспособности армии, в духе, уже решенном Съездом, включая вопросы о дезертирстве и борьбе с ним, о пополнении, о снабжении и т. п.

К числу вопросов, ожидавших очередного решения, относился, во-первых, вопрос о создании военного совета при военном министерстве, и во-вторых, вопрос об организации самоуправления в армии. Некоторые экономические вопросы, как например вопрос о солдатском жалованьи, был решен, а вопрос о пайке семьям ожидал своего решения. То же и об инвалидах. Среди стоявших на очереди были вопросы: об Учредительном собрании и об отпуске 40-летних.

Особенно подробно остановился докладчик на знаменитом приказе Керенского № 8 о правах военнослужащих. Венгеров признал, что некоторые пункты этого приказа требуют пересмотра, с чем будто бы был согласен и военный министр. Декларация о правах солдат, выработанная мартовским совещанием советов, не была проведена в некоторой части в жизнь якобы потому, что составители приказа взяли в основу его проект, выработанный Петроградским советом. Особенно «неудовлетворительно» формулированными он считал пп. 3, 10 и 18.

Для рассмотрения поправок и «исправления» приказа № 8 была выбрана комиссия из 10 лиц (4 от фронта, 4 от тыла и 2 от Совета).

Следующее заседание (14 июня) было посвящено обсуждению «принципов организации армии». Докладчиками по этому вопросу выступали двое: Бинасик от Исполнительного комитета и Якубович, помощник военного министра. В основу новой организации армии докладчики выдвинули следующие положения:

1. Основной задачей момента является создание единой революционной армии.

2. Демократизация армии является необходимым условием доведения демократической революции до конца.

3. Демократизация армии—единственное условие поднятия ее боеспособности.

4. Жизнь и деятельность армии подлежит изменению в трех направлениях: а) как боевая единица, вооруженная сила народа—со стороны ее управления; б) армия, как сумма граждан—с точки зрения внутреннего устройства быта на началах самоуправления; в) армия, как политическая организация.

5. Руководство армией должно быть единым, покоиться на строгой дисциплине, подчинении командиру, назначенному революционной властью сверху.

6. Влияние армии (солдат) на подбор командного состава должно итти по линии организации комитетов, путем аттестации на общих собраниях, предоставления организациям права отвода командира.

7. Признание за комитетом права оперативного контроля над действиями командира и штаба, участие в выработке оперативных планов.

8. Признание постановлений комитетов обязательными, наравне с приказами.

9. Урегулирование вопроса об общих полковых собраниях; при большом числе солдат (12—20 тыс.) в западных полках—устраивать делегатские собрания (1 на 25) и т. д.

10. Общее политическое руководство сосредоточивается в Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

11. Во всех областях организации и самоуправления вводится принцип выборности на началах прямого, равного и тайного избирательного права.

12. Все военнослужащие имеют равные избирательные права.

По этому вопросу развернулись горячие споры, в которых подверглись жестокой критике все распоряжения военного министерства (приказы 114, 213, 271, 8 и др.). Их недемократичность, противоречивость, недоговоренность порождали трения и конфликты в войсках и затрудняли работу по демократизации армии.

Весьма настойчиво требовали солдаты предоставления права контроля за оперативной деятельностью командного состава и отстаивали право выбора командного состава.

Представителю военного министерства Якубовичу было весьма трудно защищать свои позиции и в вопросах о приказах он сослался на особую позицию б. военного министра А. И. Гучкова, а также и на соучастие в этой работе самой солдатской секции Петроградского совета. Выборность же отводили, как противоречившую понятию дисциплины, а некоторые противники выборности приводили в качестве довода отсутствие подготовленных для командования людей, которых можно было бы выбирать. На Съезде советов, в докладе по тому же вопросу, от имени военной секции Якубович мотивировал отклонение выборного начала гораздо обстоятельнее.

Вопрос о коренной реорганизации вооруженных сил страны, согласно общей всем социалистам программе-минимум, требовавшей замены постоянной армии всеобщим вооружением народа, на

секции поставлен не был. Отдельные попытки представителей фракции социал-демократов большевиков, принимавших участие в работах военной секции, перевести обсуждение вопроса о реорганизации и демократизации армии в плоскость замены ее народной милицией, не встретил поддержки среди военных делегатов Съезда, а самая постановка вопроса отводилась под тем предлогом, что на деле армия уже представляла собой такой именно вооруженный народ, о котором шла речь в программе-минимум.

От постановки вопроса о коренной ломке, по-революционному, всей организационной системы постоянной армии секция уклонялась и ограничивалась «исправлением» отдельных приказов, против которых особенно сильно было солдатское возмущение. Не ставили этого основного вопроса даже в порядке обсуждения, в качестве подготовки военной программы для Учредительного собрания. Повседневная работа поглощала все внимание руководителей секции и в угоду сегодняшней потребности составлялись все ее решения.

В результате многодневных заседаний военной секции были приняты «поправки» к приказу Керенского № 8 «о правах и обязанностях солдат», Положения об организации армии, ее управлении и об органах солдатского самоуправления. Политическая организация армии строилась на «советских» началах, т. е. советы признавались выразителями солдатской воли, и роль советов в армии выполнялась армейскими съездами и армейскими комитетами. Эта система политической организации завершалась общим для всех рабочих и солдат Съездом советов и ЦИК.

Особая резолюция была принята по докладу о поднятии боеспособности армии, требовавшая от запасных частей особого внимания к фронту, посылки туда пополнений. Эта же резолюция лишала петроградский и московский гарнизоны привилегий при отправке на фронт солдат из запасных частей, которыми они пользовались со времени революции, уравняв их со всеми прочими запасными частями. Та же резолюция предлагала целый ряд технических мероприятий по усилению армии, комплектованию офицерами и по сокращению личного состава штабов и нестроевых частей. Особо отмечалась необходимость борьбы с дезертирством и уклонением от воинской повинности, а резолюция о жандармах и полицейских требовала их разжалования в рядовые и воспрещала им занимать какие-либо командные должности.

Материальному обеспечению солдатских семей был посвящен особый доклад и вынесена была специальная резолюция, требовавшая проведения в жизнь нового Положения о помощи семьям военнослужащих, причем был установлен минимум продуктов для каждого лица, подлежавшего обеспечению.

Во всей работе секции преобладала забота об организации основной солдатской массы. Интересы флота, мотросов и солдат морских крепостей, а также их организации на секции не ставились, хотя всем были известны особенности службы и судовой жизни военного флота. Деятельность флота проходила мимо секции. Все постановления Совета, Съезда и военного ведомства, касавшиеся военнослужащих, применялись, приспособлялись к судовой или

береговой деятельности самими моряками, замкнуто, вне широкой общественности, что порождало некоторый разрыв между пехотой и матросами. Отчасти это происходило еще и потому, что основные кадры военного флота находились вне Петрограда, в Кронштадте, в Гельсингфорсе, в Севастополе и т. д. При этом всех поражало то обстоятельство, что военные моряки организованы были образцово, что солидарность там буквально господствовала над всеми, дезертирство было минимальное, но в то же время эта отдаленность от политического центра не позволяла морякам оказывать свое повседневное и организующее влияние на солдатские массы столичного гарнизона.

В то же самое время у военных моряков была самая тесная связь с рабочими Петрограда (у кронштадцев, гельсингфорсцев), с рабочими Севастопольского порта у черноморцев. Это происходило главным образом через машинную и минную команды каждого судна, которые различными потребностями судовой работы были связаны с заводами и портовыми мастерскими. Кроме того значительная часть таких команд комплектовалась из заводских рабочих (механиков, слесарей, токарей, электриков, кочегаров и т. д.) и, естественно, связывалась с ними всюду, где только было возможно. Этой близостью моряков к рабочим, особенно петроградским, объясняется та глубокая солидарность, отзывчивость одних на политические действия других и та характерная общность политических настроений как у моряков, так и рабочих, проявлявшаяся многократно на протяжении борьбы лета и осени 1917 г.

Воинские организации моряков во флотских экипажах мало отличались от подобных же организаций в полках. Судовые же команды объединялись единым судовым комитетом. В советах моряки участвовали по месту своих стоянок, образуя в них секции флотских депутатов, а сами советы именовались Советами рабочих, солдатских и флотских (или матросских) депутатов (Гельсингфорс, Кронштадт, Севастополь и др.).

Вопросы о самоуправлении во флоте были решены в первые же дни революции, после свержения царизма и его ставленников военно-морского управления. Там моряки действовали без всяких «приказов» и не формально, а по существу провели в жизнь и выборность командного состава и контроль над всей совокупностью жизни и деятельности флота. Они заставили весь офицерский корпус морского ведомства как на судах, так и в командах и штабах, с ними соприкасавшихся, снять погоны и заменить их значками на рукавах. Эти действия военных моряков вооружили против них всех врагов революции, боровшихся с ней под флагом борьбы с «самочинными действиями», с «анархией» и т. п. и распространявших о Кронштадте и Гельсингфорсе разные ужасы и небылицы.

Под давлением этой контрреволюционной атаки кронштадтские моряки стали на путь организованной защиты и уже в мае завязали связи с моряками Белого, а затем и Черного морей. Наконец они использовали все легальные возможности по «демократизации флота» и добились организации Общефлотского комитета,

в который входили представители от четырех военных морских флотов (Балтийского, Черноморского, Беломорского, Тихоокеанского) и от Амурской речной флотилии, всего 40 человек. Положение о таком Общефлостком комитете было выработано во время Съезда советов. Являясь центральной организацией и высшей инстанцией для всех флотских комитетов, Общефлотский комитет становился во главе работы по организации военно-морских сил на началах демократизации. До Общефлотского съезда он составлялся из моряков, участников I Съезда советов, имевших на нем решающий голос, а также делегатов от морей, имевших мандаты в морскую секцию Петроградского совета [1].

Организация солдатской секции и Военного отдела ВЦИК

После окончания Съезда организовалась солдатская секция ВЦИК.

В начале июля происходила выработка положения об организации солдатской секции ВЦИК и 8 июля на общем собрании военных членов ВЦИК положение было утверждено. Согласно этому положению солдатская секция ВЦИК являлась высшим органом солдатского самоуправления, разрешала все профессионально-военные вопросы, в пределах директив съезда или данных ВЦИКом [2].

Из Военного отдела ИК Петроградского совета выделилась та часть работы, которая относилась к руководству деятельностью воинских частей вне Петроградского военного округа, а также вся фронтовая часть деятельности перешла также туда.

В части организационной, согласно положению, создавался Военный отдел ВЦИКа с солидным аппаратом для работы, разделенным на подотделы комиссионного характера, руководимый бюро из 15 человек, избираемых секцией и утверждаемых ЦИКом.

Эти организационные мероприятия сразу же уменьшили степень влияния революционных солдатских полков на работу Военного отдела ВЦИК. Деятельность солдатской секции Петроградского совета перестала определять направление военной работы в войсках как тыла, так и фронта. Социал-соглашатели наконец получили возможность вести «органическую» работу, к которой они стремились давно, а революционный Петроград отвлекал их от нее своими политическими выступлениями. С отделением от Петроградского совета всероссийского руководства можно было уже меньше считаться и с рабочими и с солдатами революционной столицы, а при нужде и опереться на провинцию против Красного Питера. Такие настроения прорывались уже во время Съезда советов, а после него они стали господствующими в соглашательской верхушке, недовольной успехами с.-д. большевистской пропаганды в войсках и рабочих районах города и падением своего влияния на массы. Утрату этого влияния в Питере они надеялись возместить в провинции и там повели усиленную работу, противопо-

[1] См. это положение в приложении 18.
[2] См. это положение в приложении 19.

ставляя шагнувшему вперед питерскому пролетариату умеренность и отсталость провинции.

Работа военного отдела ВЦИК за июль, август и сентябрь носила преимущественно комиссионный характер и состояла главным образом в разработке мероприятий по проведению в жизнь постановления Съезда советов. Исключением из этого являлось участие Военного отдела в подавлении рабочих и солдатских выступлений 3—5 июля. В эти дни весь аппарат Военного отдела был приспособлен к обслуживанию нужд командования Петроградским военным округом и действовал по общественной линии в полном контакте со штабом того же округа.

Увлекшись борьбой с большевизмом и «анархией» слева, Военный отдел и его руководители оказались совершенно неподготовленными к раскрытию и предупреждению заговорщических действий высшего командования. Имея связь с воинскими комитетами, военными комиссарами и с аппаратом военного и морского ведомств в целом, Военный отдел не сумел вскрыть военной подготовки движения на Петроград и стал лицом к лицу с заговором лишь тогда, когда он принял форму открытого мятежа Ставки против своего Временного правительства. Эти события также «отвлекли» внимание Военного отдела от намеченного им плана «органической» работы и вынудили принимать участие в их ликвидации.

За первые месяцы существования ВЦИК, отдел организовал восемь комиссий, выполнявших поручения бюро Военного отдела и самого ВЦИК. Вопросы реогранизации армии были сосредоточены в «законодательной комиссии». Там происходила выработка положения о солдатском самоуправлении и велось наблюдение за его проведением в жизнь. Одним из первых, прошедших через Законодательную комиссию, был проект организации политического управления военного министерства. Комиссия внесла в него ряд поправок, заключавшихся в признании этим положением солдатских организаций органами самоуправления, в отмене многостепенных и «куриальных» систем выборов и в расширении прав этих организаций, в решении вопросов внутренней жизни как хозяйственных, так и строевых. По предложению той же комиссии в проект положения были включены пункты об организации при частях комиссий «боевого сотрудничества» и солдатские организации привлекались к рассмотрению назначений и смещений начальников. Однако все эти работы Законодательной комиссии, в большей части, оставались в канцелярии военного министерства, умножая его «входящие».

Отношение военного министерства к сотрудничеству с Военным отделом ярко выразилось в приказе Савинкова от 30 августа [1], игнорировавшем все указания Военного отдела и вынудившем его к протесту и требованию передать приказ на новое рассмотрение.

Существовавшая при ИК Петроградского совета «комиссия обороны» была преобразована в «Комиссию по укомплектованию и снабжению армии». В нее передавались все вопросы, связанные с пополнением армии людьми, конским составом, а также снабже-

[1] См. этот приказ в приложении 30.

ние вооружением, продовольствием, амуницией. Та же комиссия ведала некоторыми вопросами, связанными с поднятием боеспособности армии, как-то: поднятие дисциплины, проверка состоявших на учете (по отсрочкам), а также и борьба с дезертирством. Через эту же комиссию была установлена непосредственная связь с различными организациями снабжения армии. Она же разработала положение о введении комиссаров в органах снабжения, но оформление проведения его в жизнь было передано в военное министерство.

Текущая же работа комиссии была посвящена участию в различных комитетах и комиссиях Временного правительства, а также приему многочисленных делегаций, приезжавших с фронта по вопросам пополнения и снабжения.

«Фронтовая комиссия» вела переписку с фронтом, давая ответы, разъяснения и советы на массу личных запросов и обращений организаций. В ней же сосредоточивался прием делегатов с фронта по всем вопросам общеполитического характера. Через ту же комиссию проходили все дела, связанные с организацией института военных комиссаров, определение их штата, а также и их назначение. На этой же комиссии лежала обязанность информации воинских организаций и комиссаров обо всех важнейших решениях ВЦИК.

В обязанности той же фронтовой комиссии входило и снабжение фронта литературой, хотя в отделе существовала особая культурно-просветительная комиссия. Ежедневно в армию отправлялось по 15 тыс. экз. «Известий», столько же номеров «Голоса солдата», 5 050 экз. «Дела народа» и столько же «Рабочей газеты». Кроме того туда же направлялись различные брошюры в сотнях тысяч экземпляров. Но «Правда» и другие газеты и брошюры с.-д. большевистского направления не принадлежали к числу годных для культурно-просветительной деятельности в армии.

«Культурно-просветительная комиссия» ставила своей задачей организацию политического просвещения в армии, путем создания особых курсов пропагандистов по общественно-политическим вопросам, устройства школ политической грамотности, содействие в постановке армейской печати и разработку мероприятий по введению в армии внешкольного образования.

Во второй половине июля была организована особая «следственно-юридическая комиссия», члены которой принимали участие в различных правительственных и общественных органах, связанных с расследованиями или разработкой законопроектов. Представители ее участвовали и в следственных делах о событиях 3—5 июля, в расследовании корниловского мятежа, вплоть до работы в контрразведке генерального штаба.

Комиссия помощи военнопленным объединяла работу различных обществ, ставивших целью ту же помощь и кроме того занималась вопросом о реорганизации Центрального комитета по делам о военнопленных при Красном кресте.

В начале сентября была организована «военная и иногородняя комиссия», в задачи которой входило осуществление связи с солдатскими секциями местных советов, а также и с военно-окружными

комитетами. На нее была возложена разработка всех мероприятий, упорядочивавших солдатскую жизнь и деятельность в тылу, постановка осведомления солдатских секций советов обо всех мероприятиях Военного отдела ЦИК, а также посылка комиссаров в округа и разработка положения о тыловом комиссариате.

Этот комиссионный аппарат Военного отдела имел общую канцелярию и секретариат, обслуживавший комиссии и бюро отдела, а также выполнял и некоторую самостоятельную работу по выдаче всевозможных справок по вопросам военно-бытового характера.

В средине октября Военный отдел намечал созывы съезда делегатов от солдатских секций, на котором предполагалось обсудить целый ряд организационных задач, а также и вопросов о снабжении и пополнении армии. Для подготовки этого совещания на места были направлены особые инструктора и «агитаторы», под которыми понимали тогда всякого умевшего связно говорить. Им поручены были доклады о работе Военного отдела ВЦИК, а также руководством собранием сведений о деятельности солдатских секций и организаций. В качестве «тезисов» для доклада отделом была выработана особая «схема доклада», содержавшая сжатый конспект вопросов, стоявших перед Военным отделом за время с июля по сентябрь включительно [1].

Создание крестьянских организаций в войсках

ИК Совета крестьянских депутатов вел в армии самостоятельную работу, создавая из солдат особые крестьянские организации. В августе месяце ИК Совета крестьянских депутатов договорился с военным министерством о создании в армии специально крестьянских организаций. В результате этой договоренности 22 августа был издан «приказ по военному ведомству» за № 535, подписанный управляющим военным министерством Б. В. Савинковым, следующего содержания:

Признавая серьезное значение организации крестьян в армии, составляющих безусловно огромное большинство всего ее состава, для разрешения культурно-просветительных, бытовых вопросов, приказываю:

1. Признать желательным существование в армии специально крестьянских организаций, в виде культурно-просветительных ячеек (секций), входящих в состав соответствующих комиссий при полковых, дивизионных, корпусных и армейских комитетах.

2. Членами крестьянских ячеек (секций) могут быть: а) избранные от частей члены комитета из крестьян, б) самостоятельно избранные представители, причем все члены крестьянских ячеек (секций) освобождаются от несения служебных обязанностей на равных с остальными членами комитетов основаниях (при армейском комитете освобождается не более пяти лиц).

3. Деятельность означенных в пункте 1 сего приказа крестьянских ячеек (секций), как и деятельность культурно-просветительных комиссий при комитетах, оставаясь по характеру и содержанию своей работы самостоятельной, должна быть однако в полном единении с деятельностью комитета своей части, под контролем которого вся общественно-бытовая жизнь.

Все денежные средства крестьянских ячеек (секций), откуда бы они ни поступили, должны расходоваться под контролем комитета части.

---

[1] См. схему в приложении 2.

Одновременно с этим ИК Совета крестьянских депутатов внес в Политическое управление военного министерства разработанное совместно с их представителями «Положение об организации солдат-крестьян армии и флота». Цели этого объединения и выделения крестьян из общесолдатских организаций были формулированы в 8 пунктах, под весьма странным лозунгом «Нет страны без революции и нет революции без страны». Можно подумать, что под этим лозунгом в ИК Совета крестьянских депутатов скрывались сторонники «перманентной революции», но следовавшие за ним пункты вскрывали либеральное содержание в виде «выяснения» политико-экономических задач трудового крестьянства, сплочения, «развития в массах понятия о правах гражданина солдата и о его нравственных обязанностях по отношению к свободной России», активная защита революции, поддержка всех видов советов и самого Временного правительства, и т. д.[1].

Организационное построение, согласно положению, покоилось на крестьянских советах в каждой роте, избиравших руководителей в числе 1—2 уполномоченных. Эти уполномоченные составляли полковой совет, этот совет избирает свой полковой руководящий центр «крестьянскую секцию» из 6 лиц. Полковые секции составляют крестьянский совет дивизии, который в свою очередь выбирает руководителей в составе 4—6 чел. и т. д. до армейского центра. Однако это положение не было проведено приказом, так как запротестовал фронт против обилия организаций, перекрещивавшихся одна с другой, а кроме того вызывавших отвлечение от военной службы огромного количества людей и средств и этим подрывавших боеспособность армии.

Численность армии и войсковых комитетов

Произведенная согласно приказам военного ведомства демократизация армии втянула в организационную, хозяйственную и управленческую деятельность огромную массу солдатского люда, по преимуществу наиболее развитых, и отвлекла большое количество от непосредственного военно-боевого дела. Это обстоятельство также служило одной из причин борьбы командного состава с «комитетчиной», особенно ярко проявившаяся в период пребывания ген. Корнилова на посту верховного руководителя Ставки.

По данным Мобилизационного отдела генерального штаба на 1 июля (ст. ст), по сведениям штабов фронтов, в армиях состояло 5 млн. чел., а по данным полевого интендантства в действующей армии, с ее тыловыми учреждениями, на 1 июня было 9 млн. чел. Кроме того во внутренних округах (к концу сентября 1917 г.) состояло 1 278 573 чел.[2]. Вся эта огромная масса мужского населения, размещавшаяся по землянкам, окопам на фронте и в казармах в тылу, была охвачена системой различных организаций, сдерживавших ее в том положении, в каком она была застигнута революцией.

---

[1] См. это положение в приложении 21.

[2] Убитых на то же время насчитывалось (с умершими от ран) 1 290 тыс. чел. Раненых и больных—350 тыс. В плену находилось 2 900 тыс. чел.

Противники «комитетчины» того времени, преимущественно классовые, политические враги рабочей и крестьянской демократии, потерявшие свои привилегии, ослепленные ненавистью к революции, не понимали, что у буржуазного Временного правительства, и у социалистов, оборонцев «своего» отечества, иных средств удержать эти миллионы в окопах и в казармах, кроме комитетов, не было. Этого не понимали и те «демократы», которые следили и даже руководили комитетами, «ужасаясь» количеством той массы, которая была втянута прямо и косвенно в это дело. Особенно были велики эти цифры тогда, когда их демонстрировали изолированно от того количества людей, для «обслуживания» и удержания в повиновении которых они были предназначены.

Все те миллионы, указанные мною выше, концентрировались в 14 армиях фронта, не считая 42 корпуса, находившегося почти на армейском положении. Во всех этих 14 армиях, разделенных на 5 самостоятельных фронтов, состояло 65 пехотных и 9 кавалерийских, а всего 74 корпуса. В эти корпуса входили 223 пехотных и 44 кавалерийских дивизии, а всего 267 дивизий. Во всех этих звеньях существовали соответствующие комитеты, но самые существенные из них были в низах. Для того чтобы иметь полное представление о них, следует иметь в виду, что в каждой дивизии полагалось 5 полков, а в полку было 22 роты (в том числе и команды), имевшие право на организацию комитетов.

Произведенный в то время подсчет выборных по одной только армии (в 5 корпусов) при соблюдении только минимальных норм по приказам № 213 и 271, давал следующее количество: в полку 110 чел., в дивизии—560, в корпусе—2 200, во всей армии—7 400 чел. Но к этим цифрам нужно прибавить еще количество выборных в ротные, полковые и прочие дисциплинарные суды, а также в санитарные комитеты. Кроме того комитеты привлекали к своей работе других солдат, офицеров и военнослужащих, не состоявших членами их, и этим значительно увеличивали тот контингент, который в той или иной степени был втянут в общественную работу на фронте и отвлечен от своей прямой военной деятельности. Учитывая эти обстоятельства, следует, минимум, удвоить ту общую цифру участников комитетской работы, которая указана выше; следовательно нужно брать по 15 тыс. чел. на армию, а для 14 действовавших тогда армий, не считая тыловых запасных частей, находившихся в разных округах, это число составит 210 тыс. чел. Цифра огромная, и—я помню те времена—она производила огромный эффект, когда ее приводили как доказательство громоздкости и вредности комитетчины; однако, если взять в процентном отношении ко всему людскому составу фронта, то не получим и 4%.

Таким образом при всей своей общей величине демократизация армии отнимала на общественно-организационную работу в пределах до 5% от общей массы солдат, состоявших тогда в армиях фронта. Содержание этих комитетов обходилось сравнительно недорого—в среднем ротный комитет стоил в месяц 15 руб., полковой—50 руб., а содержание всех комитетов армии равнялось (приблизительно, так как армии не были одинаковы) 60—70 тыс. руб.

в месяц. Для всех армий это составляло около 1 млн. руб., не считая расхода тыловых частей.

Критики деятельности комитетов пытались использовать и такую «дороговизну» демократизации армии, но в то же время считали, что без комитетов обойтись было нельзя, и стремились ограничить их деятельность вопросами хозяйственного порядка. Оценка деятельности войсковых комитетов того времени была дана в ряде официальных документов; некоторые из них представляют большой интерес[1]. В них весьма откровенно выражена вражда командного состава к «комитетчине», но наряду с этим есть и близкие к истине отдельные замечания и наблюдения, особенно в той части, когда они пытались характеризовать деятельность комитетов и упадок их влияния в конце лета 1917 г. Лишь классовая ограниченность политического кругозора мешала даже тем командным кругам, которые прияли «демократизацию» армии, понять, что только комитетами можно было подгонять на чужую для рабочих и крестьян войну и поддерживать тот обруч военной дисциплины, жестокая палочная система которой была разбита вместе с царизмом.

В начале осени 1917 г. было отмечено, что солдаты «потеряли» интерес к выборам в комитеты и к их работе. Это утверждение, исходившее по преимуществу из социал-соглашательских источников, содержало лишь часть правды. Солдаты действительно несколько «разочаровались» в том, что организационным порядком, через комитеты, они не смогли добиться разрешения основного вопроса—о конце войны, как они полагали раньше, возлагая на них свои надежды. В то же время солдаты всюду стали проявлять больше интереса к политической стороне выборов, голосуя и проводя в комитеты сторонников или сочувствовавших нашей с.-д. рабочей партии большевиков. Последнее обстоятельство соглашатели изображали порой не как упадок своего влияния в массах, а как падение интереса масс, и т. п.

Совершенно особо от этих солдатских организаций развивалась деятельность различных партийных военных организаций. Эти военные организации имелись в качестве отделов по организации, пропаганде и агитации среди солдат при центральных и местных комитетах всех без исключения политических партий того времени. Партии, участвовавшие в тот год во власти, вплоть до кадетов, пользовались для своей пропаганды государственными учреждениями и их средствами.

Вооружение рабочих и организация рабочей гвардии

Совершенно особенное место в истории военных организаций революции 1917 г. занимает рабочая, или Красная, гвардия, начало которой было положено постановлением ИК Петроградского совета 28 февраля о вооружении 10% всех рабочих революционной столицы. Этим постановлением воспользовались многие заводы и фаб-

---

[1] См. один из них — «Обзор выборных организаций западного фронта» в приложении 22.

рники, в первую очередь для охраны предприятий и своих районов от возможных грабежей и насилий. Эта охрана носила тогда (март, апрель) название «рабочей милиции» и состояла на содержании предприятий. На почве оплаты рабочих-милиционеров за проведенное ими на дежурстве время возникали в то время многочисленные конфликты, так как некоторые предприниматели и директора заводов и фабрик отказывались их оплачивать. Вопрос был урегулирован учреждением городской милиции, а рабочая милиция, за некоторыми исключениями, была упразднена.

Решение вопросов, связанных с вооружением рабочих, согласно постановлению ИК от 28 февраля, в первые недели марта было поручено мне, и в целях получения оружия я вошел в контакт с представителем штаба округа, работавшим в Отделе вооружения военной комиссии Гос. думы. Отдел вооружений отпускал по моим указаниям оружие, но это продолжалось недолго. Вскоре в ИК взгляды на вооружение рабочих круто изменились: соглашательское большинство ИК боялось той жажды вооружения, которой был охвачен рабочий Петроград и, под предлогом недостатка вооружения для армии, воспретило выдачу его рабочим. Примером того, как составлялись тогда заявки на оружие и сводки требований, может служить подрайон Выборгской стороны, документ которого сохранился у меня.

Комиссариат 1-го Выборгского подрайона Городской милиции
6 апреля 1917 г.

№ 97.

В Совет рабочих и солдатских депутатов

Согласно поступившим просьбам от коллективов нижепоименованных заводов, Комиссариат 1-го Выборгского подрайона просит настоятельным образом приобрести немедленно оружие для нашей милиции, несущей постоянную службу, а также и резервы нашей милиции, для охраны нашей безопасности мирных граждан, а также и охраны нашей завоеванной свободы и по охране заводов, вырабатывающих взрывчатые вещества.

	Количество рабочих	Потребуется	
		винтовок	револьверов
Арматурный	1 200	100	80
Металлический	9 000	700	200
Феникс	2 500	150	100
Розенкранц	3 600	300	100
Арсенал	5 000	300	200
Промет	3 480	200	150
Патронный	10 000	700	300
Итого	34 780	2 450	1 230

Прилагаем при сем требования заводов[1].

Председатель (подпись неразборчива).
Члены: П. Михайлов, С. Быстров, М. Смирнов, А. Попов, М. Красавин, Н. Кирпичников, Быстров, С. Астахов, П. Бычков, П. Лукьянов.
Секретарь (подпись неразборчива).
Печать: «Комиссар 1-го подрайона Выборгской стороны».

[1] При этом были приложены требования на оружие, подписанные заводскими комитетами тех же предприятий.

Отказ ИК в выдаче оружия не помешал рабочим вести работы по организации своих вооруженных сил, в виде дружин и целых отрядов. В то время у рабочих было достаточное количество винтовок добытых ими во время уличных боев 27—28 февраля у солдат и отбитых у полицейских. Рабочие организовали тогда отряды добровольцев для всякого рода общественной службы—охраны собраний, манифестаций и на случай борьбы с контрреволюцией. По сговору с рабочими, членами РСДРП(б) вопрос о вооружении рабочих и организации отрядов был перенесен в районы. На многих заводских собраниях наши партийные единомышленники ставили на обсуждение вопрос об организации особой рабочей гвардии, «народной» гвардии. Выносили этот вопрос и на обсуждение в секционные собрания Совета, но там он был враждебно встречен солдатами, усмотревшими в самой постановке вопроса недоверие к ним и сомнение в их преданности революции. Против идеи организации рабочей (Красной) и «народной» гвардии выступили меньшевики и народники через ИК и затем через «Известия». Стремление рабочих организовать свои вооруженные силы было объявлено большевистской затеей. Эти обстоятельства обязывали рабочих действовать осторожно, чтобы не дать повода для какой-либо провокации.

В середине марта мне пришлось весьма близко сомкнуться с партийными единомышленниками Выборгского района, партийный комитет которого, а также и ИК районного совета стояли на почве всемерного и возможно полного осуществления постановления ИК Петроградского совета о вооружении 10% всех рабочих. Обсуждению вопросов о том, какими путями нужно итти к этой цели, чтобы преодолеть все препятствия и не вызвать обострения во взаимоотношениях с солдатами, происходило много раз, в самой разнообразной обстановке, но в большинстве случаев на заводах, в частности в столовой Металлического завода, в Выборгском районном совете, в Союзе металлистов и во дворце Кшесинской, на заседаниях ПК или его «военки».

В середине апреля ПК нашей партии, под влиянием буржуазно-соглашательской травли нашей партии и контрреволюционных угроз, поставил вопрос о создании особых партийных дружин для ограждения свободы партийной деятельности. Тогда же был выработан проект организации таких дружин, следующего содержания:

Проект.

1. Для гарантии открытой партийной работы против контрреволюционных посягательств, как Временного правительства, так и контрреволюционных буржуазных партий, ПК создает свою с.-д. рабочую Красную гвардию (милицию), составленную из районных дружин.

Красная гвардия состоит из сознательных, вооруженных, строго дисциплинированных стрелковых дружин и особых инженерно-технических отрядов специального назначения.

Круг деятельности Красной гвардии в мирное время—охрана собраний, митингов, манифестаций, демонстраций и пр.; в военное время—партизанская борьба с противником.

2. Для этой цели в каждом районе (деление на районы, разумеется, существующее) организуются районные дружины:

а) районные дружины делятся на подрайонные отряды,

б) количество отрядов в каждой дружине произвольно, в зависимости от географической и организационной величины района, но не менее 3 отрядов в каждой дружине,
в) отряды делятся на сотни,
г) в отряде три сотни,
д) сотни на десятки.
3. Десяток, сотня, отряд, дружина, гвардия—имеют своих выборных начальников. Выбор начальников происходит следующим образом:
Десяток выбирает начальника десятка. Начальники десятков из своей среды выбирают сотника. Сотники—начальника отряда. Начальники отряда—командира дружины. Командиры дружины командующего Красной гвардией.
Места начальников замещаются в порядке последовательности.
4. При командующем Красной гвардией, командирах дружин и отрядов выборные советы с правом решающего голоса.
5. При возникновении военных действий вся власть переходит к начальнику, и распоряжения происходят исключительно от него.

На заседании ПК, при обсуждении проекта организации партийных дружин, я высказал свои соображения о политических неудобствах создания дружин по партийному признаку, предложил связать это дело с нашей борьбой за общее вооружение рабочих, хотя бы в пределах решения ИК о вооружении 10% всех питерских пролетариев, от чего открыто не смели тогда отказаться социал-патриоты, но всячески тормозили осуществление такого решения. Второе мое возражение против проекта ПК заключалось в указании на то, что он игнорировал в деле организации вооруженных сил советы и беспартийных, но сочувствовавших нам рабочих, а этого делать не следовало. В противовес ему я выдвинул предложение начать подготовку к вооружению рабочих через районные советы и в первую очередь через те из них, в которых мы уже тогда имели достаточно силы и влияния.

ПК с моими доводами согласился полностью, передал мне свой проект и предложил составить новый, который затем обсудить и внести на рассмотрение в Выборгский районный совет. Во исполнение решения ПК мною был составлен проект устава рабочей гвардии и предложен на его утверждение. Проект был одобрен и принят в следующей редакции:

Проект основ устава рабочей гвардии

Цели

I. Рабочая гвардия ставит своей задачей:
а) отстаивание с оружием в руках всех завоеваний рабочего класса;
б) охранение жизни, безопасности и имущества всех граждан без различия пола, возраста и национальности.

Состав

II. Членом рабочей гвардии может быть всякий рабочий и работница, состоящий членом социалистической партии или профессионального союза, по рекомендации или выбору общего собрания завода или мастерской.

План организации

III. а) Все члены рабочей гвардии объединяются по «десяткам» и имеют во главе выборного «десятского»;
б) десятки составляют «сотни», во главе которых стоят «сотские»;
в) десять «сотен» составляют «баталион рабочей гвардии», с выборным начальником и двумя помощниками во главе;
г) сотские каждого баталиона вместе с помощниками начальника баталиона и под председательством начальника образуют «баталионный совет»;

д) батальонный совет получает все инструкции и приказы от «совета рабочей гвардии», выбираемого районным советом рабочих и солдатских депутатов в количестве пяти лиц: 1) одного председателя, 2) двух товарищей председателя и 3) двух членов.

е) В служебное время члены рабочей партии поддерживают строгую сознательную и товарищескую дисциплину.

Вооружение

IV. Вооружение рабочей гвардии, обязательно за счет военного министерства, винтовками, револьверами и прочим снаряжением.

Средства

V. Средства рабочей гвардии составляются из:

а) специальных сборов, пожертвований и предприятий;

б) поступлений из средств Городского управления, отпускаемых на полицейские (миллионные) нужды района.

В то время я работал в Союзе металлистов и был крайне загружен руководством борьбой рабочих металлистов, выработкой тарифа и организационными делами, а поэтому не мог уделять делу вооружения рабочих того времени и внимания, какого оно требовало. Но несмотря на всю перегрузку работой, поручение ПК и Выборгского районного комитета я выполнил полностью. На одном из заседаний пленума Выборгского районного совета я сделал доклад об организации рабочей гвардии. По докладу были оживленные прения. Вся трудность положения докладчика заключалась в том, чтобы классовой постановкой вопроса о вооружении только рабочих не вызвать против себя солдат-крестьян, которых было много в расположенных на Выборгской стороне запасных полках, имевших своих представителей в совете. Однако обойти это затруднение удалось сравнительно удачно выдвижением на первый план борьбы с остатками царизма и черной сотни. Никто из солдат не отрицал необходимости вооруженной борьбы с проявлявшейся во многих местах контрреволюцией. Были возражения и указания на то, что оружия мало и для фронта, поэтому нельзя его выдавать в тылу даже рабочим, а с контрреволюцией справятся и одни вооруженные солдаты. Такие доводы легко удавалось отвести. Таа как солдаты сами признавали, что при первой же возможности (перемирие, мир и т. п.) они поедут в деревню довершать революционное дело там и покинут города, мы ставили перед ними вопрос уже иначе. Мы соглашались, что наличие революционных солдат в Питере достаточно для сокрушения контрреволюции, но если эти войска будут выведены на фронт или демобилизованы, тогда революционная столица окажется беззащитной.

Со стороны членов Совета эсеров и социал-демократов меньшевиков были несущественные возражения, а так как они были по преимуществу рабочие, то тоже голосовали за наше предложение об организации рабочей гвардии. Таким образом районный совет Выборгской стороны почти единогласно утвердил ее устав и поручил президиуму и мне выработку подробной инструкции. Кроме того, тогда же было принято постановление о том, что

«районный совет рабочих и солдатских депутатов Выборгской стороны, основываясь на постановлении Петроградского Совета РиСД от 28 февраля 1917 г. об организации районной милиции, решил преобразовать милицию в «рабочую гвардию».

В дальнейшем мне приходилось обслуживать товарищей рабочих заводов Выборгской стороны, взявших на себя организационное бремя по сплочению и подбору рабочей—или Красной—гвардии, лишь советами и помощью в печати, в ИК и в Союзе металлистов. Рабочие, по преимуществу металлисты, взялись за дело организации боевых отрядов дружно и уже в ряде случаев имели возможность демонстрировать свою выдержку, дисциплину и стойкость. Так было в апрельские дни кризиса власти, когда буржуазные элементы пытались провоцировать рабочих красногвардейцев, вышедших на уличные демонстрации с оружием в руках.

Организация рабочей (Красной) гвардии встретила серьезное сопротивление в рядах так называемой «революционной демократии». Против вооружения рабочих высказывались все народнические верхи (народные социалисты, эсеры и т. п.), а также руководящие центры социал-демократов меньшевиков. Свое отрицательное отношение они выразили в виде запрещения выдачи оружия рабочей милиции, дружинам и отвели меня как члена ИК от этой работы.

Кроме того те же элементы попытались опорочить и самую идею организации вооруженных сил по классовому признаку, натравливали и настраивали против Красной, или рабочей, гвардии солдат столичного гарнизона. Эти настроения солдат впоследствии были использованы министрами-социалистами (Керенский—Церетелли—Скобелев) для разоружения рабочих в июльские дни.

В рядах социал-демократов большевиков также не было правильного и единого понимания обстановки, задач и целей организовавшейся рабочей гвардии. Многие из наших товарищей мыслили вооружение рабочих и их организацию по типу боевых дружин былого времени и для ограниченных целей—охраны собраний и т. п. Но особенно опасным было то, что некоторые круги, близкие к рабочим (в том числе анархисты), пытались создавать вооруженные отряды, независимые от каких-либо общественно-политических или профессиональных организаций пролетариата столицы и помимо—а иногда и против—воли районных Советов. Эти случаи были быстро подхвачены противниками вооружения рабочих и использованы на собраниях и в прессе против деятелей и организаторов рабочей гвардии.

Со всеми подобного рода отклонениями и противниками самого вооружения рабочих пришлось вести устную и печатную борьбу. В ответ на выступление «Рабочей газеты»[1] и «Известия»[2] против Красной гвардии, мне пришлось выступить в «Правде»[3] и отстаивать дело организации рабочей гвардии только по советской линии, по примеру организации ее в Выборгском районе. Рабочая гвардия мыслилась тогда нами, первыми ее организаторами,

[1] «Рабочая газета» № 43 за 1917 г.
[2] См. «Известия» № 52 за 1917 г.
[3] См. «Правда» № 49.

как вооруженная сила советов. Так же она понималась и наиболее дальновидными противниками идеи власти советов, стремившихся натравить на рабочую гвардию малосознательную часть солдат, а после поражения июльского выступления—обезоружить рабочих и тем самым лишить их возможности организоваться в вооруженную силу.

Корниловское восстание легализовало вооружение рабочих и дало возможность петербургским рабочим организоваться как рабочей Красной гвардии и принять участие в подавлении корниловщины.

Введение института военных комиссаров в армии

После свержения самодержавия 27 февраля, замена агентов царской власти происходила в Петрограде путем делегирования создавшимся в тот день Врем. комитетом Гос. думы и ИК Совета рабочих депутатов—своих комиссаров в различные учреждения. При этом тогда же установилось неписаное соглашение, в силу которого Врем. комитет посылал своих уполномоченных (комиссаров, эмиссаров) во все центральные правительственные учреждения, а ИК Совета делегировал своих комиссаров для связи с районами, рабочими организациями и воинскими частями.

Революционное недоверие рабочих и солдат к назначенным Временным правительством представителям гражданской и военной власти вынудило ИК расширить практику посылки своих представителей для контроля над действиями прежде всего военных начальников. Уже на заседании ИК от 6 марта было «признано желательным иметь своих комиссаров при всех воинских частях и при военных властях».

Известия о политическом неблагополучии на фронте, доходившие до ИК через сотни делегаций, заставило его поставить в порядок дня вопрос о посылке своих уполномоченных по всей командной линии. Деятельность высшего командного состава, его отрицательное отношение к совершившимся, в связи с революцией, переменам в организации и управлении войсками вызывали беспокойство и недовольство даже у весьма патриотически, а поэтому и примиренчески, настроенных членов ИК.

Находилось немало честных революционеров и среди офицеров, которые разоблачали в ИК контрреволюционные происки и намерения штабных групп командования в армиях, на фронте и в Ставке. В связи с докладом одной из таких групп офицеров, называвшихся активистами, ИК в заседании от 16 марта постановил послать

«комиссаров к военному министру, в Ставку и к командующим фронтами, которые будут руководить комиссарами и агитаторами, посылаемыми на фронт».

В марте и начале апреля было несколько назначений на фронт уполномоченных ИК в качестве агитаторов, комиссаров и т. п. представителей. Врем. комитет Гос. думы также посылал туда своих представителей. Пока эти представители ездили на фронт в качестве простых «вестников свободы», не вмешивались в сол-

датскую жизнь, а содействовали командирам налаживать ее почти на старый лад, все было хорошо, но как только начались попытки изменить взаимоотношения и порядки в войсках, так понеслись протесты, и Исполнительному комитету пришлось позаботиться о правах комиссаров.

На заседании Исполнительного комитета 19 марта была внесена, обсуждена и принята инструкция для назначаемых в армию и военные учреждения комиссаров, состоявшая из шести пунктов:

«1. В целях установления прочной и постоянной связи между войсками и их органами и Советами Р и СД для быстрого и планомерного разрешения возникающих в области внутренней и политической жизни армии вопросов и незамедлительной передачи директив, равно как и в целях предупреждения каких-либо ошибочных шагов со стороны руководящих ныне жизнью армии органов—Исполнительный комитет назначает по соглашению с Временным правительством комиссаров: а) при военном министерстве, б) при Ставке, в) при командующих отдельными фронтами, г) при флотах (Гельсингфорсском, Кронштадтском, Ревельском), д) при командующих отдельными флотами.

2. Комиссары действуют на основании наказа, утвержденного Советом Р и СД. Военное министерство, со своей стороны, выдает означенным комиссарам открытые листы об оказании им военными властями содействия при исполнении ими возложенных на них обязанностей.

3. В вопросах внутренней и политической жизни армии и местного населения в пределах вверенного их ведению района никакие распоряжения, приказы, воззвания и т. п. не могут быть отданы без согласия с ними комиссара и Совета Р и СД.

4. Комиссары принимают участие в разборе всех заявлений, требований, жалоб и т. п., касающихся внутренней жизни войсковых частей, их продовольствия и расквартирования, равно как отношений между войсками и местным населением.

5. Коммиссары принимают все зависящие от них меры по устранению трений между офицерским и солдатским составом, разъяснению войсковым частям происходящих событий и быстрому удовлетворению войсковых нужд, поскольку в этом могут оказать помощь Совет Р и СД и связанные с ним организации.

6. Перечисленные выше задачи комиссары осуществляют при помощи лиц, командируемых в их распоряжение Советом Р и СД, и лиц, привлекаемых ими по соглашению с местными Советами Р и СД. Все означенные лица действуют на основании общего наказа и директив, данных Советом Р и СД. Распределение работы между ними и частные, практического характера, указания поручаются комиссарам».

Однако это положение о комиссарах вызвало недовольство в кругах Временного правительства и командного состава. Высший командный состав не мог мириться с дублированием его власти представителями от Совета. В связи с этим 11 апреля было постановлено пересмотреть «наказ» комиссарам. В конце этого же месяца наказ был пересмотрен, однако его пересмотр состоялся вне Исполнительного комитета.

Одновременно с этим пересмотром Временным правительством была запрошена Ставка; ген. Алексеев, как фактический верховный главнокомандующий. На этот запрос он ответил, что в интересах армии считает нежелательным коренную ломку установившегося в течение трех лет порядка на фронте, но не встречал препятствий к назначению при главнокомандующих фронтами командующих армиями

«особых представителей гражданской власти в качестве их помощников с точно определенными обязанностями и характером отношений к законным

и необходимым требованиям армии, если учреждение таких должностей с точки зрения Временного правительства является необходимым».

27 апреля представитель Временного правительства кн. Львов послал по телеграфу в Ставку нижеследующий проект наказа, прося ген. Алексеева дать о нем свое заключение:

«1. Комиссары при армиях фронта являются представителями Временного правительства.

2. Комиссары должны входить в обсуждение всех вопросов, возникающих как у командного состава армии, так и у тех военных и общественных организаций по поводу распоряжений Временного правительства.

3. Комиссары при армиях фронта объединяют и руководят деятельностью комиссаров при отдельных армиях на фронте и губернских комиссаров—той части их деятельности, которая касается взаимоотношений военных и гражданских властей.

4. Все разногласия губернских комиссаров, а равно и комиссаров при отдельных армиях военными властями препровождаются на заключение комиссаров при армиях фронта, для направления затем подлежащему главнокомандующему фронтом.

5. На комиссаров при армиях фронта возлагается высшее руководство деятельностью общественных и ведомственных организаций, работающих на данном фронте; вследствие чего к ним переходят все права и обязанности начальников снабжения армий фронта в части, касающейся вышеназванных организаций.

6. Все действия комиссаров при армиях фронта подлежат обжалованию: в административном порядке—Временному правительству, а в судебном—правительственному сенату».

Этот проект наказа ген. Алексеев в свою очередь переслал на заключение главнокомандующим фронтами, прося их

«дать заключение как по идее самой посылки комиссаров, так и тех полномочий, каковые предположено им дать. Я считаю необходимым указать на обязательное невмешательство комиссаров в сферы оперативного характера»,

добавлял он.

На запрос Временного правительства дать отзыв о проекте наказа ген. Алексеев ответил особой телеграммой, в которой подверг каждый пункт особому разбору указав, что:

«1. Состояние комиссаров при фронтах и армиях нахожу возможным лишь при условии полного их подчинения подлежащим главнокомандующим и командующим армиями, так как вне этой зависимости нельзя требовать от представителей гражданской власти никаких исполнительных действий, что по условиям военного времени недопустимо.

2. Рассматривая первое положение как основное и исходя из него, необходимо точно определить компетенцию названных комиссаров, установив круг вопросов, передаваемых военными властями на заключение гражданских органов, так как в противном случае, указывая на возможность комиссарам входить в рассмотрение всех вопросов, возникающих по поводу распоряжений Временного правительства, тем самым можем поставить военный командный состав в зависимое от них положение, что в корне нарушает организацию армии и порядок подчинения.

3. Учреждением должности комиссаров и предоставлением им прав непосредственного руководства действиями губернских комиссаров отпадают права главнокоров, как генерал-губернаторов, присвоенные им правилами о местностях, объявляемых на военном положении; мера эта допустима, но проведение ее нуждается в особой осторожности, причем необходимо точно разграничить территорию войсковую от тыловой по признакам, подчинения ее различным фронтовым военным властям (командующие армиями и главные начальники снабжения); если комиссары при фронтах и армиях будут подчинены военным

властям, организация управления в военном отношении фронтовыми губерниями не будет нарушена, порядок будет сохранен.

4. Сношения по вопросам, касающимся взаимоотношений и разногласий комиссаров с военными властями, должны производиться последними с представлением их по начальству, так как представители гражданской власти не могут входить в рассмотрение правильности действий военных начальников, ответственных за них только перед законом и своим начальством.

Переходя к главному п. 5, нахожу, что военные власти не могут утратить прав по распоряжению общественными и ведомственными организациями, составляющими, главным образом в санитарном отношении, $^{2}/_{3}$ имеющихся сейчас у нас средств.

Главные начальники снабжения, в чьих руках ныне сосредоточено все управление тылом, принимают решения в зависимости от оперативных планов, стратегических соображений, которые, как усматривается в заключительной части вашей телеграммы, не должны быть известны комиссарам. Для планомерного и организованного удовлетворения нужд армии власть должна быть сосредоточена в одних руках, как ранее, на чем безусловно в военных интересах настаиваю. Редакция 6 пункта находится в зависимости от решения основного положения, изложенного п. 1».

На требование Временного правительства, командного состава и буржуазных организаций о приведении армии в боевое состояние социалисты-соглашатели выдвигали контртребование—демократизацию армии, очищение ее командного состава от явно монархических и контрреволюционных элементов. Уход А. И. Гучкова с поста военного министра, а равно и последовавший затем кризис Временного правительства помогли социал-патриотам провести ряд мероприятий по так называемой «демократизации» армии, под которой понимали и введение в армии института военных комиссаров при командующих армиями и фронтами.

Превращение комиссаров в агентов Временного правительства

С переходом А. Ф. Керенского на пост военного министра снова был поднят вопрос о правах и полномочиях комиссаров. Первый проект Временного правительства не удовлетворил ИК,—вернее, его бюро, так как на пленуме обсуждения наказа не было. Было выработано новое положение о комиссарах и в срочном порядке предложено Ставке провести его в жизнь. Новый наказ удовлетворял ИК тем, что расширял круг деятельности комиссаров и признавал за Советом право, хотя и оговоренное соглашением с военным министром, назначать их. Вот текст этой телеграммы:

«Наштаверх

Передаваемое ниже положение об армейских комиссарах утверждено военным министром. Министр просит незамедлительно доложить положение Главковерху и по телеграфу приказом Главковерха передать его во все армии для широкого оповещения всех солдат.

Положение об армейских комиссарах.

В развитие, применение и дополнение положения, принятого Исполнительным комитетом, устанавливается:

1. Для содействия реорганизации армии на демократических началах и в революционном духе, в соответствии с платформой Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, и укрепления боеспособности ее в каждую армию посылается по одному ответственному комиссару, назначенному Испол-

нительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по соглашению с военным министром.

2. На комиссаров возлагается борьба со всякими контрреволюционными попытками.

3. Содействие установлению в армии революционной дисциплины, разъяснение с этой целью недоразумений, возникающих в военной среде, урегулирование взаимоотношений между солдатами и командным составом.

4. Вступление в тесную связь с местными солдатскими (армейскими, дивизионными, полковыми и прочими) [1], для согласования их деятельности между собою, и с центральными организациями рабочих и солдатских депутатов.

5. Комиссары армий одного фронта объединяются в коллегию.

6. Комиссары в качестве своих помощников имеют ответственных лиц, избираемых комиссарами за их ответственностью и утверждаемых Исполнительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, а также ответственных агитаторов, назначаемых тем же порядком.

7. Число помощников комиссаров не устанавливается, желательно наличие некоторого числа их в каждой армии, из числа лиц, близко соприкасающихся с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов.

8. Комиссару предоставляется право временно устранять каждого из своих помощников; устраненный может апеллировать к Исполнительному комитету Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

9. Как комиссары, так и каждый из его помощников может быть отозван Исполнительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

10. Для осведомления армии о назначении комиссаров объявляется в приказах по армии фронта, о назначении помощников комиссаров объявляется в приказах по соответственной армии.

11. Не вмешиваясь в оперативные распоряжения командного состава, комиссар должен быть осведомлен о подготовке и ходе операций; комиссары, их помощники и ответственные агитаторы должны быть во всякое время готовы развивать свою деятельность в условиях боевой обстановки, принимая, в случае необходимости, личное участие в боевых действиях в решающие моменты.

12. Комиссары и их помощники имеют право пользования всеми средствами связи и передвижения вообще, а в частности для сношения с военным министром и Исполнительным комитетом. Комиссар, в случае экстренной необходимости принятия решительных мер и для получения полномочий, пользуется прямым проводом.

13. Комиссар представляет еженедельный бюллетень с отчетом о своей деятельности и характеристики состояния армии Исполнительному комитету и военному министру.

14. Для объединения и содействия деятельности комиссаров при иногородием отделе ИК учреждается особая комиссия, при участии представителя от военного министерства. Комиссары во время своего пребывания в Петрограде являются полноправными членами этой комиссии, помощники комиссаров участвуют с правом совещательного голоса.

15. Все сношения комиссаров с ИК ведутся через комиссию, упомянутую в пункте 14; в частности, на комиссию возлагается обслуживание комиссаров соответствующей литературой, систематическая и точная информация их по всем важным вопросам политической и военной жизни, намечение в кандидаты комиссаров и помощников их и высылка в необходимых случаях отдельных агитаторов на фронт, в распоряжение комиссаров».

Первыми комиссарами на фронт были направлены, как мне помнится, в апреле офицер Кексгольмского полка, штабс-капитан Э. П. Тизенгаузен, Н. Д. Соколов и Б. В. Савинков. Э. П. Тизенгаузен еще до революции был мне известен как сочувствующий эсерам, а после переворота стал жертвою шовинизма: в полку ему дали великолепную аттестацию, признавали его заслуги в

[1] Пропущено слово «комитетами».

первые дни революции, но за «немецкую» фамилию некоторые лица поставили вопрос о его пребывании в полку. Это обстоятельство так оскорбило его, что он покинул полк и явился в распоряжение ИК, который послал его комиссаром на румынский фронт. В качестве полномочий ему было дано следующее «удостоверение» за № 2304:

Удостоверение.

Штабс-капитан Эмануил Павлович Тизенгаузен командируется Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов в качестве комиссара при армиях румынского фронта в целях осуществления демократического контроля хозяйственной и политической жизни фронта, не вмешиваясь в сферу военных операций.

Все места и учреждения, общественные и политические организации, в особенности штабы и исполнительные комитеты, просим оказывать нашему комиссару полное и необходимое содействие.

Председатель Исполнительного комитета Чхеидзе.
Председатель Иногороднего отдела Богданов.
Секретарь (подпись не разборчивая).

Н. Д. Соколов делегировался на съезд X армии и комиссаром в Бессарабию. Ш. З. Элиава был послан временным комиссаром в Вологодскую, Олонецкую и Архангельскую губ.

Б. В. Савинков по рекомендации представителей эсеров был направлен комиссаром VII армии в начале мая. Ему было дано такое же удостоверение, как и Э. П. Тизенгаузену от 2 мая за № 2768, но затем переписано по новой форме, несколько расширявшей и уточнявшей его деятельность:

Удостоверение.

Борис Викторович Савинков командируется Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов с согласия военного министра в качестве комиссара при VII армии для осуществления и упрочения связи армии по профессионально-общественным и политическим вопросам с Временным правительством и для содействия переустройству армий на демократических началах, отнюдь не вмешиваясь в распоряжения по вопросам подготовки и выполнения военных операций.

Все места и учреждения, общественные и политические организации, в особенности штабы и исполнительные комитеты, просим оказывать нашему комиссару полное и необходимое содействие.

Председатель Исполнительного комитета Чхеидзе.
Председатель Иногороднего отдела Богданов.
За секретаря Семенов.

Со времени вступления социалистов в состав Временного правительства деятельность военных организаций несколько усилилась. При Петроградском совете еще в мае организовался подотдел по фронтовым делам, занимавшийся организацией связи с воинскими частями и учреждениями фронта, посылкой лекторов, агитаторов и литературы. В связи с организацией института комиссаров этот подотдел Иногороднего отдела Исполнительного комитета был усилен людьми и средствами, а потом преобразован в особый Фронтовой комиссариат, руководивший деятельностью военных комиссаров.

В чем заключалось это соглашательское руководство—видно из некоторых материалов, и прежде всего—из информационных

писем. За июнь месяц было послано комиссарам два информационных письма. В первом из них Иногородний отдел ИК ставил их в известность относительно посылки через военное министерство положения о фронтовых комиссарах[1], выработанного при участии «товарища военного министра кн. Туманова». В том же письме сообщалось, что:

«При фронтовом подотделе Иногороднего отдела образован Фронтовой комиссариат, в составе следующих товарищей: Липеровский, Семенов, Енукидзе, Людвин, Венгеров, Бинасик, Борисов 2-й, Вербо и представитель военного министерства Фонвизин. Этот комиссариат будет иметь непосредственные сношения с вами.

Согласно постановлению бюро иногороднего отдела, комиссариат просит вас присылать нам еженедельно краткий отчет о своей деятельности и сообщать нам телеграфно о всех крупных событиях. Со своей стороны комиссариат также будет вам сообщать важнейшие решения Исполнительного комитета Совета Р и СД и Временного правительства, в частности военного министерства.

Кроме того комиссариат будет высылать вам по 3 экз. следующих изданий: «Известия ПСР и СД», «Голос солдата», «Рабочую газету», «Правду», «Солдатскую правду», «Новую жизнь», «Речь», «Русский инвалид», «Вестник Временного правительства», «Известия Совета крест. депутатов».

Далее Фронтовой комиссариат давал свой особый адрес для телеграфных сношений и извещал, что содержание комиссарам и их помощникам устанавливалось в 750 руб., агитаторам—в 450 руб. и секретарям комиссаров—300 руб. В том же письме комиссары информировались о деятельности самого Фронтового комиссариата, передвижениях по службе и тому подобных делах.

«9 июня состоялось заседание Комиссарма. Обсуждались 2 доклада комиссара при VII армии т. Савинкова. Решено вызвать его для объяснения.

Комиссарм рассматривал деятельность и доклад т. Минца, прикомандированного помощником к комиссару в XII армии т. Дюбуа. Комиссарм постановил отозвать т. Минца и вызвать его для объяснений.

Затем были рассмотрены различные кандидатуры на фронт

В XI армию комиссаром был выбран т. Гродский.

В IV армию—комиссаром т. Венгеров, помощником его и временно исполняющим обязанности—т. Вербо. Ответственным агитатором—т. Балашов и секретарем—т. Павловский.

На румынский фронт (VI и IX армии) командированы помощниками к комиссару т. Тизенгаузену тт. Виккер и Диесперов.

В Особую армию к комиссару Моисеенко прикомандирован в качест... ответственного агитатора т. Фомулевич.

Тов. Михельсон назначен в распоряжение комиссаров.

Сообщаем вам также предыдущие назначения:

В XII армию—комиссаром т. Дюбуа, помощником его—т. Минц.

На румынский фронт—комиссаром т. Тизенгаузен.

В VIII армию—т. Филоненко, помощниками—тт. Анардович и Ципкович, ответственным агитатором—т. Шкловский, секретарем—т. Вольский.

В XI армию—т. Кириенко, помощниками—тт. Щекотило, Бровский.

В Особую армию—т. Моисеенко, помощником—т. Линде.

В VII армию—т. Савинков, помощниками—тт. Григорьев и Гобечиа.

В распоряжение комиссара—тт. Серебряков и Смирнов».

Второе письмо содержало следующую информацию:

«16 июня состоялось очередное собрание комиссии о комиссарах. Пришлось пересмотреть командировки, принятые на прошлом заседании, ввиду того, что

[1] См. это положение в приложении 23.

некоторые из намеченных лиц не могли по разным причинам отправиться на места своего назначения.

Целиком отменены все назначения в IV армии (комиссар Венгеров, помощник Вербо, отв. агитатор Балашов, секретарь Павловский). Тов. Фомулевич, помеченный ответственным агитатором при комиссаре Особой армии, не мог еще уехать.

В VI армию назначен комиссаром Липеровский, помощниками—тт. Людвин и Вербо.

Виккер, назначенный помощником комиссара Тизенгаузена на румынском фронте, и Вербо временно командируются в X армию.

Тов. Б. Ф. Эйсурович, едущий в район юго-западного фронта, ставится в распоряжение комиссаров.

Рассматривалось еще несколько кандидатур, но окончательного решения не вынесено.

Читались сообщения и доклады комиссаров. Сообщения комиссара на румынском фронте Тизенгаузена напечатаны в «Известиях Совета Р и СД». В последней телеграмме, в ответ на просьбу расследовать дело об убийстве румынского социалиста Векслера, Тизенгаузен сообщает: «Был у министра Братиану. Факт об убийстве Векслера установлен; как сообщают власти—убит конвойным при попытке бегства. На высказанное мною сомнение министр дал обещание передать в мои руки копию всего следственного материала и настоять на строжайшем наказании виновных. Материал перешлю вам. Раздражение в армии улеглось.

Комиссар VII армии сообщает, (что) привлек к себе на помощь в агитаторы двух местных людей, а присланных Исполнительным комитетом в его распоряжение Серебрякова и Смирнова он рекомендовал в местный армейский комитет.

Комиссар VIII армии Филоненко жалуется на неполучение газет и информаций. Сообщает, что совещание делегатов VIII армии прошло под настроением, объединенном на платформе Совета. Командующий армией производит по ходатайству частей, поддержанному комиссаром, перемены в командном личном составе.

В некоторых частях замечены колебания при исполнении боевых распоряжений. Пока меры нравственного воздействия оказывают влияние.

Комиссия обсудила вопросы некоторых комиссаров об утверждении штатов для специальной канцелярии и решила напомнить, что комиссары могут приглашать к себе секретаря с содержанием 10 руб. в сутки или 300 руб. в месяц. Громоздкие канцелярии из нескольких писарей комиссия считает лишними, так как работа комиссаров должна быть главным образом политической, а не бюрократической. Комиссары должны находиться в тесном единении с армейскими организациями, и в случае нужды у них всегда можно переписать какую-нибудь бумагу. Расходы по канцелярии Совет оплатит и просит заранее выяснить сумму.

Для упорядочения ведения отчетности все штаты будут сведены к 1 числу каждого месяца.

Мы просим всех комиссаров дать нам определенные указания, по какому адресу им писать, а также телеграфно переводить деньги, считаясь с тем, что в штабы действующей армии телеграф не принимает переводов.

Как общие директивы комиссия о комиссарах считает необходимым напомнить всем тт. комиссарам и их помощникам, что они являются представителями Исполнительного комитета Петроградского Совета Р и СД (через несколько дней Всероссийский центр заменит в этой деятельности Петроградский Совет), а не представителями Временного правительства. Комиссары должны отдавать себе в этом ясный отчет, чтобы в их деятельности это обстоятельство не могло возбуждать сомнений у солдат и не усиливало бы затруднений, с которыми связана работа комиссаров.

В связи с этим обстоятельством, само собой разумеющимся, что комиссары посылают доклады о своей деятельности комиссару, а не в военное министерство, куда могут быть направлены копии, вообще желательно возможно более тесное общение комиссаров с нами.

Относительно репрессивных мер, к которым приходится прибегать командующим армиями и для санкционирования которых они обращаются к комиссарам, мы не можем дать точных директив, но, как общее руководство,—мы считаем расформирование частей и все меры, которые вместо укрепления

единства в армии могут вызвать междуусобицу, крайне опасными и относимся к применению их отрицательно.

Комиссариатом были получены доклады комиссаров Моисеенко, Кириенко, Савинкова и помощника Минца».

Военный министр Керенский, объезжая фронт, находил состояние его таким, что телеграфировал Временному правительству на утверждение свои пожелания о назначении комиссаров не только при армиях, как практиковалось до этого, но и при главнокомандующих фронтами. Эти его пожелания исполнили, и, как мы видим выше, его помощник принимал участие в выработке положения, о котором говорилось в информационном письме Фронтового комиссариата.

Между Фронтовым комиссариатом и военным министром были существенные разногласия по существу работы комиссаров и порядку их подчинения. Из только что цитированного нами письма видно, что комиссариат рассматривал комиссаров представителями Совета, в то время как военный министр настаивал на изъятии комиссаров из ведения Совета и передаче их Временному правительству. В телеграмме от 23 июня Керенский обращался к Временному правительству, прося его назначить комиссаров с правами непосредственного сношения с Временным правительством, военным министром и Ставкой. Для руководства их деятельностью Керенский принял предложение Савинкова, составившего докладную записку, в которой рекомендовал организовать при военном министерстве особый Военно-политический отдел, т. е. перенести фактическое руководство комиссарами из недр Совета в свое ведомство [1].

Вмешательство Совета в военные дела, стремление обособить и отделить свое представительство от Временного правительства, внушало опасения даже соглашательским министрам-социалистам, и в середине июля, под шум июльских расправ, А. Ф. Керенский издал постановление об утверждении должности военных комиссаров при главнокомандующих фронтами [2], аннулировавшее фактически все прежние положения о комиссарах, окончательно ликвидировавшее назначение комиссаров Советом. Вместо прежнего порядка назначения комиссаров ИК Совета по соглашению с Временным правительством, новое постановление изъяло эти назначения из Совета. Временное правительство «взяло на себя» назначение комиссаров и отвело Советам ничтожную роль—производить эти назначения с ведома ВЦИК, Всероссийского совета крестьянских депутатов и верховного главнокомандующего. Таким образом верховный орган «революционной демократии» был приравнен в своих правах... к Ставке.

Это же постановление Временного правительства учредило Военно-политический отдел при главнокомандующих фронтами. Впоследствии такой же отдел был организован при военном министерстве, и комиссары стали составной частью военного ведомства, утратили былую связь с советами.

---

[1] См. докладную записку о комиссарах в приложении 24.

[2] См. постановление Вр. правительства об утверждении должности военных комиссаров в приложении 25.

Фактическим первым, по времени назначения, военным комиссаром фронта был Э. П. Тизенгаузен, а следующими, уже после издания Временным правительством положения о фронтовом комиссаре, по предложению А. Ф. Керенского были назначены: подпоручик Станкевич—комиссаром при главнокомандующем северным фронтом и Б. В. Савинков, комиссар VII армии—комиссаром при главнокомандующем Юго-западного фронта.

Комиссарский состав и войсковые организации

С момента введения в систему армейских организаций комиссаров фронта началась активная работа по реорганизации армии и приведению ее в боевое состояние. Эта реорганизаторская деятельность комиссаров происходила во время начавшегося обостряться процесса развала армии, в связи с предпринятым Временным правительством наступлением. Самая система реорганизации армии и «демократизации» ее командного состава явилась в значительной мере в результате превращения «победоносного» наступления в поражение. Различными организационными мероприятиями Временное правительство, особенно его социал-соглашательская часть, стремилось поднять боевой «дух» армии и вызвать в сознании солдат поворот по отношению к войне.

Как мыслили военные работники реорганизацию армии, чистку ее командного состава,—мы имеем возможность судить по коллективному мнению коллегий комиссаров и отдельным их заявлениям по этим вопросам.

Б. В. Савинков, вступив в исполнение обязанностей комиссара Юго-западного фронта, организовал при нем коллегию, согласно п. 7 положения, и эта коллегия выработала и довела до сведения военного министерства «схему» своей работы [1]. В этих схемах комиссары Юго-западного фронта и армий выдвигали на первый план право смещения чинов командного состава и порядок осуществления этого смещения. Порядок смещения был подробно указан в особой инструкции, изданной ими же [2]. На долю войсковых организаций, по предложению той же группы комиссаров, приходилось собирание материалов о деятельности командного состава и сотрудничество с комиссарами при подборе и смене командиров. Участие войсковых организаций в этом деле регулировалось на Юго-западном фронте особым положением, выработанным теми же комиссарами [3].

Новый порядок назначения потребовал и нового руководства комиссарами. Прежний центр комиссаров, военный подотдел ИК, был устранен от руководства работой комиссаров, и взамен его комиссары выдвигали проект организации особого Военно-политического отдела при кабинете военного министра, с отделениями такого же названия при штабах фронта [4]. Этот проект был принят

[1] См. эту схему в приложении 26.
[2] См. инструкцию в приложении 27.
[3] См. положение в приложении 28.
[4] См. этот проект в приложении 29.

и в июле месяце проведен в жизнь. При кабинете военного министра был организован Политический отдел. В то же время Б. В. Савинков был «поднят» Керенским в свои помощники по военному ведомству.

На 1 августа 1917 г. ИК Петроградского совета насчитывал 47 уполномоченных из постоянных работников в армии (комиссаров, помощников, агитаторов, секретарей комиссаров). С момента образования Политического отдела все руководство ими перешло к военному министру. Вот список этих работников по каждой армии с указанием даты назначения (см. табл. на стр. 143).

В августе месяце Временное правительство назначило комиссаром в Ставку М. Филоненко, бывшего комиссаром VIII армии, ставленника Савинкова. При «комиссарверхе» были назначены два помощника—Г. С. Фонвизин и Тур и кроме того два уполномоченных комиссаров—офицеры А. П. Языков и А. Л. Иванов. Аппарат комиссара Ставки, кроме вышеуказанных лиц, состоял из 20 сотрудников.

В тот же месяц последовали и другие перемещения и назначения на комиссарские посты фронта и армий. Указом Временного правительства от 7/VIII военным комиссаром при главнокомандующем Западного фронта был назначен В. А. Жданов, а при главнокомандующем Юго-западного фронта—Н. И. Иорданский. Указом от 18/VIII был назначен генеральным комиссаром Черноморского флота И. И. Бунаков-Фундаминский, на правах комиссара фронта. Комиссарский состав армий тоже подвергся перемещению и изменению.

Политический отдел кабинета военного министра с 3 августа также преобразовался и стал уже политическим управлением военного министерства. Управлять военным министерством стал Савинков.

Организовавшийся после съезда советов Всероссийский Центральный исполнительный комитет перенял на себя всю фронтовую и тыловую внепетроградскую работу Исполнительного комитета Петроградского совета. Из представителей армии, входивших во ВЦИК, были образована Солдатская секция и Военный отдел ВЦИКК, как ее рабочий орган.

На заседаниях этой секции, а также и Военного отдела ВЦИК не раз ставился и обсуждался вопрос о военных комиссарах и об увязке их работы с войсковыми комитетами. Над этим вопросом работали различные комиссии, как в самом военном министерстве, так и вне его, в Военном отделе ВЦИК, Солдатской секции и т. п. организациях.

Корниловский заговор окончательно обманул надежды социал-соглашателей на возможность обойтись в армии без солдатских комитетов и даже без комиссаров, против которых протестовали командные верхи. Ликвидация корниловщины на фронте совершилась быстро и безболезненно именно потому, что там в каждой части были войсковые организации, организовавшие борьбу со сторонниками ген. Корнилова. Комиссары в этой ликвидации играли ничтожную роль, а в Ставке «главный» комиссар Филоненко даже принимал участие в происходившей там подготовке

Армии	Фамилии комиссаров и их помощников	Утвержден	Выдано жалования, на канцелярские и путевые расходы				
			апрель	май	июнь	июль	август
	Якубович комиссар . . .	19/VII	—	—	—	—	—
I	Вульфсон пом. комиссара	19/VII	—	—	—	—	—
	Свешников секретарь .	26/VII	—	—	—	—	—
	Гродский комиссар . . .	10/VI	—	—	750	500	—
II	Лупарев в распоряжении	25/VII	—	—	—	50	300
	Коротков » »	—	—	—	—	50	300
	Тизенгаузен комиссар . .	IV	750	—	750	325	—
IV—IX	Семенов пом. комиссара	26/VI	—	—	750	100	—
	Виккер » »	17/VI	—	—	750	325	300
	Меерович » »	19/VII	—	—	—	500	—
	Ходоров комиссар . . .	24/VI	—	—	750	150	500
V	Концевич	26/VII	—	—	—	325	—
	Долгополов	26/VII	—	—	—	325	—
	Верлюк	26/VII	—	—	—	325	—
	Липеровский комиссар .	23/VI	—	—	750	175	—
VI	Людвин пом. комиссара .	24/VI	—	—	750	175	—
	Розенблат секретарь . .	—	—	—	300	—	—
	Савинков комиссар . . .	7/V	—	750	750	575	—
VII	Гобечия пом. комиссара	12/V	—	750	750	450	—
	Григорьев » »	12/V	—	750	750	50	500
	Филонеико комиссар . .	29/V	—	750	750	250	—
	Цинкевич пом. комиссара	30/V	—	750	—	750	—
VIII	Анардович » »	3/VI	—	—	750	675	—
	Шкловский отв. агитатор	3/VI	—	—	450	405	200
	Вомский секретарь . . .	3/VI	—	—	300	270	—
	Веигеров комиссар . . .	26/VI	—	—	600	80	—
	Вербо пом. комиссара .	26/VI	—	—	600	80	—
	Копейкин пом. комиссара	26/VI	—	—	600	80	—
X	Крыжановский пом. комиссара	26/VI	—	—	600	80	—
	Павловский отв. агитатор	26/VI	—	—	600	80	—
	Кириенко комиссар . . .	25/V	—	750	—	875	300—85
	Чекотило пом. комиссара	30/V	—	750	—	750	—
XI	Юровский » »	31/V	—	750	—	750	—
	Цветков-Куликов пом. комиссара	19/VII	—	—	—	325	—
	Дюбуа комиссар	12/IV	—	—	1000	500	100
	Миц пом. комиссара .	17/V	—	750	750	475	—
XII	Кучин » » .	17/VI	—	—	750	—	—
	Фарбштейн пом. комиссара	21/VII	—	—	—	—	—
	Накаряков отв. агитатор	—	—	—	—	—	—
	Моисеенко комиссар . .	2/V	—	750	750	725	500—225
Особая	Линде пом. комиссара .	13/V	—	750	750	425	—
	Вербель секретарь . . .	6/VII	—	—	—	240	60
	Борисов комиссар . . .	6/VII	—	—	—	750	—
Черноморский флот	Диесперов пом. комиссара	—	—	—	—	—	500
	Ватении	—	—	—	—	220	—
28 особый корпус	Сороко комиссар	19/VII	—	—	—	325	—
I Кавказская	Клейн »	21/VII	—	—	—	—	—

к военному перевороту. Весьма близко к этой «работе» ген. Корнилова стоял и Б. В. Савинков, бывший в те дни «управляющим военным министерством».

Недоверие к командному составу со стороны солдатских организаций, а после корниловщины и самого Временного правительства вынудило последнее отстаивать институт комиссаров. Савинков же ставил этот институт в центре всей своей политической деятельности на фронте, стремясь сделать комиссаров руководителями войсковых комитетов и всей общественной и гражданской деятельностью в районах военного действия.

После корниловского восстания Савинков был заменен ген. Верховским, но перед своим уходом он отдал «Приказ по военному ведомству» от 30 августа, в котором объявил «основные положения» прав и обязанностей комиссаров, а также их взаимоотношений с выборными войсковыми организациями и командным составом. Весь приказ проникнут стремлением к введению единоличной власти комиссара, как по отношению к командному составу (вплоть до приостановления распоряжений, однако не боевого и строевого характера), так и особенно—в отношении выборных войсковых организаций. Комиссарам предоставлялось право роспуска войсковых организаций и подчинения их соответствующему военному комиссару, цензуры над печатью, агитацией и запрещения собраний. Деятельность войсковых организаций суживалась и «вводилась в законные рамки», т. е. на деле они ставились под надзор комиссаров, и без их утверждения ни одно постановление комитета не могло проводиться в жизнь [1].

Этот приказ предлагал комиссарам временно принять основные его положения к руководству в своей деятельности, а Политическому управлению приказывал представить, на основании сего, окончательную и постатейную редакцию положения о комиссарах и войсковых организациях на подпись военного министра.

Савинковский приказ вызвал большое недовольство со стороны войсковых организаций и солдатских секций советов и в значительной доле не проводился в жизнь самими комиссарами. Все возмущались отсутствием какого-либо контроля над самими комиссарами, особенно в случаях их конфликтов с войсковыми организациями.

Командный состав крайне тяготился той системой «войскового самоуправления», начало которой было положено приказом Петроградского совета № 1, а впоследствии смягчено приказами военного министра А. И. Гучкова. Командный состав обращался во Временное правительство с настоятельными требованиями упразднить комитетчину; особенно заострил это требование ген. Корнилов. Однако при всем своем отрицательном отношении к новому порядку в армии А. И. Гучков и Временное правительство не могли удовлетворить домогательства командного состава. Эта задача была выполнена министром социалистом. Постепенное сведение на-нет роли комитетов началось тотчас же по вступлении Керенского на пост военного министра, а Савинков своим при-

[1] См. этот приказ в приложении 30.

казом лишь довершал начатое, превращая комитеты в подчиненные комиссару органы.

Положение о военных комиссарах, которое должно было выработать политическое управление, было изготовлено им в духе савинковских директив. Однако под влиянием критики и протестов со стороны солдатских комитетов все пункты, касавшиеся войсковых организаций, были смягчены. Право роспуска войсковых комитетов было отнято, и сохранено только право надзора и опротестования их решений, если они были незакономерными.

Новый приказ был подписан уже министром А. Верховским 16 октября 1917 г. Во вводной части приказа объяснялись значение и роль военных комиссаров, как временного института, вызванного переходным временем, в деле восстановления нормальных взаимоотношений между начальством и подчиненным поднятия авторитета командного состава, упавшего за время революции[1].

Деятельность военных комиссаров, как представителей Временного правительства, была чрезвычайно многообразна и во многом зависела от личных их качеств. Так некоторые из них, адвокаты и журналисты по характеру своей деятельности в прошлом, являлись «уговорщиками» солдат в случаях конфликтов с командирами, корреспондентами о настроениях в армии, докладчиками на многочисленных съездах и совещаниях, проводивших политику Временного правительства среди миллионов солдат на фронте. Знакомые же с военным искусством, а среди комиссаров были и офицеры, интересовались и наблюдали за оперативной деятельностью штабов. Доклады их заслуживали большого интереса, ибо давали Временному правительству возможность ориентироваться в общем хоре недовольства, катившегося с фронта сплошной волной.

Основная масса комиссаров, посланных на фронты и назначенных Временным правительством на различные командные узлы воинских организаций, состояла из мелкобуржуазной интеллигенции, подвинувшейся к кормилу власти. Она оказалась достаточно способной исполнять поручения буржуазного правительства и в известной части с успехом заменяла выбывавших из армии по политическим соображениям реакционных офицеров.

Политическая физиономия их была весьма пестра—от полукадетов—народных социалистов, правых эсеров—до социал-демократов меньшевиков оборонцев включительно. При всем политическом разнообразии взглядов комиссарский состав был един в своем отношении к нашей с.-д. большевистской партии того времени. Весь комиссарский состав был подобран из «испытанных» и ярых противников большевистской пропаганды.

Комиссарам принадлежало руководство политической борьбой со всеми противниками соглашательской, антипролетарской и противокрестьянской политики Временного правительства и других органов так называемой «революционной демократии». Многие из комиссаров вели яростную борьбу с нашими сторонниками на

[1] См. этот приказ в приложении XI.

фронте, не останавливаясь перед применением репрессий, закрывая наши газеты, запрещая собрания и даже съезды. В этом заключалась их особая ценность и нужность для Временного правительства. Никакой командир, никакой генерал не смог бы в революционных условиях бороться с с.-д. большевиками так, как это делали русские «шейдемановцы», возведенные в степень комиссаров.

Помимо введения института комиссаров, «освежение» командного и политического состава армии происходило также и по линии продвижения по преимуществу того же социального слоя на командные высоты в общем воинском порядке. Всякие ограничения сословного, вероисповедного и национального порядка были отменены и оставлены лишь минимальные требования по образованию. Это дало возможность продвижения в высшие чины многим тысячам подпрапорщиков, прапорщиков и простым солдатам с образованием—занимать офицерские посты.

На этом социальном основании производилась «демократизация» армии. Этот же мелкобуржуазный элемент занимал авансцену и всех воинских организаций и их съездов, являясь опорой оборончества и политики классового мира с буржуазными элементами города и деревни.

СЪЕЗД СОВЕТОВ

31 мая, 1 и 2 июня. Подготовка Съезда и фракционные совещания

Вопрос о созыве Съезда советов рассматривался на заседании ИК от 5 мая. Тогда же было одобрено обращение «Ко всем советам Р и С депутатов и армейским комитетам», напечатанное в «Известиях» № 61 9 мая 1917 г. В этом обращении давалась норма представительства на Съезд, в зависимости от количества объединяемых советом рабочих и солдат, а именно:

25 — 50	тыс.	посылали	2	де.
50 — 75	»	»	3	»
75 — 100	»	»	4	»
100 — 150	»	»	5	»
150 — 200	»	»	6	»
свыше 200	»	»	8	»

Эта норма представительства давала некоторое численное превосходство мелким советам, суживая представительство наиболее крупных солдатских и рабочих советов. Выборы на Съезд от фронта предлагалось производить на армейских съездах. Черноморский и Балтийский флоты приравнивались к обычным советам, и им давалось право избирать депутатов по общей норме.

То же обращение предлагало советам объединиться по областям и поручило организовать выборы на Всероссийский съезд. Порядок дня был намечен следующий:

1. Отношение к войне: вопросы обороны и борьба за мир.
2. Революционная демократия и правительственная власть.
3. Подготовка к Учредительному собранию.
4. Национальный вопрос в России.
5. Земельный вопрос и вопросы крестьянской жизни.
6. Вопросы рабочей жизни.
7. Вопросы солдатской жизни.
8. Организация производства, распределения, транспорта и контроль над ними.
9. Продовольственный вопрос.
10. Вопросы финансовой политики.
11. Местное самоуправление.
12. Организационные вопросы и выборы.

Подготовка к съезду велась Иногородним отделом ИК, кото-

рый привлекал к этому делу только сторонников социал-соглашательского большинства. На места посылались инструктора, представители ИК, с особыми инструкциями и тезисами докладов по основным вопросам съезда.

Открытию съезда предшествовало совещание социал-демократов всех направлений, созванное по инициативе «примиренческих» элементов, еще мечтавших о создании единой с.-д. партии путем сговора сверху, а не путем жесточайшей борьбы за революционную, марксистскую линию партии, отметая всех изменников делу пролетариата, обнаружившихся в ее рядах. На этих совещаниях, происходивших 1 и 2 июня, присутствовало 300—350 социал-демократов.

Первые фракционные заседания приехавших на съезд советов делегатов начались 31 мая вечером. Сначала эти заседания происходили по признаку политического деления на вопросе об отношении к войне и к власти. Так наша с.-д. большевистская фракция собиралась в тот день вместе с социал-демократами интернационалистами всех прочих направлений (объединенцы, часть меньшевиков-интернационалистов). Социал-демократы меньшевики оборонцы заседали особо, с ними же заседал и Ю. О. Мартов. Однако в тот же вечер все эти фракционные заседания социал-демократов объединились, имея целью обсудить вопрос об единстве партии. Мечты об «единстве» еще волновали с.-д. среду, особенно прибывших из далекой провинции, несмотря на глубокие разногласия, раздиравшие это единство.

На первом совещании всех социал-демократов хотели было поставить организационные вопросы, но большинство признало нужным прежде всего выяснить политическое лицо «единства» и постановило обсудить вопросы о войне и о власти.

Первым на этом собрании выступил А. В. Луначарский. Исходя из экономического состояния страны, докладчик делал вывод о необходимости мира и в этих целях предлагал предъявить союзникам ультиматум, требующий присоединения их к формуле мира без аннексий и контрибуций и в дополнение объявить перемирие на всех фронтах. Если бы при таком положении дела германское правительство захотело продолжать войну, оборонческая ложь его была бы раскрыта и помогла бы развитию революционного движения в Германии. Если же союзники в определенный срок не примут нашего предложения, мы не заключаем сепаратного мира с германцами, но заключим на всем нашем фронте перемирие. Полемизируя с буржуазной печатью, Луначарский заявил, что русские социалисты должны довести демократическую революцию до конца и развести такой жар, чтобы загорелось в Европе, в пороховых погребах которой было достаточно горючего материала.

После него выступил с речью В. И. Ленин. Он не разделял того оптимизма, которым была проникнута речь Луначарского, и поставил во весь рост проблему ликвидации войны революционной борьбой. Он полагал, что кончить войну без захватов, на началах полной свободы для каждого народа, с правом отделения его от одного государства, образованием своего или при-

соединением к другому, без социалистической революции невозможно. Переходя затем к злобе тех дней—братанию, Ленин заявил, что:

«стихийное братанье дела мира не решит, но мы его поставим во главу угла революционной работы. Братанье само по себе не решает вопроса, но ведь и ни одна другая мера не решает революции, пока она не приводит к ней»[1].

Он предлагал сделать братанье сознательным, добиться его превращения в обмен идей и перенесения его на другие фронты, чтобы оно зажгло революцию по другую сторону окопов. Касаясь хозяйственного положения, В. И. Ленин обвинял Временное правительство в том, что оно ничего не делало для борьбы с хищниками капиталистами и указал, что вести борьбу с разрухой сможет только Совет, взяв власть в свои руки.

Второе собрание социал-демократов всех направлений состоялось утром 1 июня. В состав президиума совещания были выбраны два социал-демократа большевика, В. П. Ногин и Шумяцкий, два социал-демократа меньшевика—Бройдо и Хинчук и от социал-демократов меньшевиков-интернационалистов—Бер. Порядок дня включал нижеследующие вопросы: 1) вопрос о войне; 2) вопрос о Временном правительстве; 3) вопрос о президиуме; 4) организационные вопросы.

По первому вопросу высказались три докладчика: Дан (оборонец), Троцкий (интернационалист, близкий к социал-демократам большевикам), Ерманский (с.-д. меньшевик-интернационалист), а в прениях приняли участие Либер (с.-д. меньшевик), Войтинский (с.-д. меньшевик), Каменев (с.-д. большевик), Мартов (с.-д. меньшевик-интернационалист) и другие. Социал-демократы меньшевики-оборонцы развивали свою тактику ликвидации войны путем дипломатического требования от союзников пересмотра целей войны, организации давления международной демократии на свои правительства, в пользу пересмотра целей войны и отказа от аннексий и контрибуций. До осуществления же этого и для придания большей силы русской дипломатии считали нужным «укрепление боеспособности армии и готовности ее к наступлению для того, чтобы с нами считались».

Троцкий выступил с указанием на классовый характер войны— что революция не изменила ее империалистического характера. Дановское «давление» на союзнические правительства он определил, как смехотворное. В братании он видел проявление стихии и считал, что никакие усилия по созданию боеспособности армии не победят ее. Политика же Временного правительства и поддерживающего его Совета приведут к сепаратному миру. Ликвидацию войны путем международной конференции считал самообманом, противопоставляя ему необходимость революционной борьбы пролетариата против своих империалистических правительств, доказывал, что от империализма пролетариат может обеспечить себя только захватом власти, социальной революцией.

---

[1] Цитирую по изложению в «Новой жизни» от 1/VI за 1917 г. № 37.

Ерманский высказывалс япротив военного займа, против пропаганды наступления, за требование от союзников отказа от империалистической политики и за немедленное перемирие, но против сепаратного мира.

Либер не оспаривал империалистический характер войны, но за Россией после отказа от захватнических целей войны и свержения царизма, за Временным правительством, он империалистического греха не признавал. Путь, предлагаемый Троцким (он присоединил к нему и Ленина), он признал ведущим к сепаратному миру, а свой путь—международной конференции—ведущим к общей ликвидации войны. Тот факт, что союзники легко нарушали все планы соглашателей путем задержки паспортов, Либер зачислял в свой актив, усматривая в этом сопротивлении союзников боязнь силы соглашателей.

Третье заседание с.-д. фракций состоялось вечером 2 июня и было посвещено вопросу об отношении к Временному правительству. Докладчиком был Войтинский, доказывавший, что только путь соглашения с буржуазией дал возможность «осуществить волю революционной демократии». Решительно отводил взятие власти самой революционной демократией.

Каменев оспаривал заявление Войтинского, будто Временное правительство направляется волей революционной демократии, опровергал фактами повседневных конфликтов между Временным правительством, местами и рабочими организациями. В области борьбы с хозяйственной разрухой Временное правительство ничего не сделало, не наложило своей руки на капиталистов, на их военную прибыль. Признавал возможность твердой революционной власти лишь в виде власти советов Р. и С. депутатов.

Ю. Мартов высказывался против вступления социалистов в состав Временного правительства, стоял за то, чтобы власть была передана полностью буржуазии, а Совет должен был осуществлять над ней свой контроль.

Либер выступил в обычной роли соглашателя-трагика, рассматривавшего русскую революцию как трагедию. Трагизм положения он видел в том, что в России будто не было ни одного «политически» организованного класса, а получалось скрещивание двух революций—буржуазной и начинающейся социальной.

Лозунг «Власть советам» он считал не реальным.

Никакой общей резолюции принято не было, да и не могло ее быть, так как собрание ничего о б щ е г о, единого не обнаружило, а вскрыло лишь те же три основные линии, свойственные всему международному социализму: 1) направление социал-патриотическое, предававшее и подчинявшее интересы пролетариата буржуазии, 2) революционное интернационалистическое, стоявшее на почве классовой борьбы, полной независимости от буржуазии, решительной борьбы с империализмом и прежде всего своей собственной буржуазией, и 3) центр, стремившийся найти среднюю линию между этими непримиримыми, взаимно исключавшими друг друга позициями.

Попытка примиренцев социал-демократов большевиков (главным образом московских) и социал-демократов меньшевиков (мос-

ковских и петроградских) добиться некоторого соглашения или хотя бы смягчения взаимной борьбы потерпела крах. А, как далее показал съезд и борьба нашей партии на этом съезде, отношения все более и более обострялись и не могли не обостряться, так как классовая борьба и в стране обострялась, доходя до вооруженных столкновений.

Открытие Съезда. 3 июня. Дело Р. Гримма

Открытие I Съезда советов было назначено на утро 3 июня, однако с раннего утра шли фракционные собрания, и по этому случаю открытие его затянулось до вечера. Наконец в 6-м часу вечера заседание съезда было объявлено открытым.

В вечерний час 3 июня в большом зале бывшего дворца Меньшикова, тогда кадетского корпуса, на Васильевском острове, собралось около 800 делегатов, несколько сот гостей и представителей печати. Все занимали отведенные им места, причем левые группы съезда заняли свои традиционные места на левом фланге от трибуны. Большинство съезда принадлежало социал-соглашательским элементам, и его открытие знаменовало победу этого направления по всей стране, от тыловых съездов советов городов, до фронтовых съездов солдат. Появление на трибуне или в самой зале тогдашних вождей соглашательского толка вызывало бурю аплодисментов, криков, приветствий, и их речи сопровождались ими. Чхеидзе, Церетели, Керенский—вызывали всеобщий восторг. Лишь небольшая часть съезда, состоявшая из социал-демократов большевиков и интернационалистов (впередовцев, меньшевиков, группа Мартова, Луначарского, Троцкого), держалась демонстративно сдержанно, не принимала участия в овациях и сопровождавших их здравницах и вставаниях.

Съезд был открыт краткой речью Н. С. Чхеидзе—указанием на то, что открывавшийся съезд является преддверием Учредительного собрания, и на мировое значение совершавшейся революции. При этом мировое значение нашей революции Чхеидзе понимал весьма ограниченно, лишь как событие, к которому прислушивается весь мир. Весь смысл его речи свелся в конце к призыву единения «всех революционных сил». Какие силы призывал он к единству—тотчас же было разоблачено на деле Р. Гримма, вопрос о высылке которого комментировался в тот день в кулуарах и на фракциях съезда.

После выборов президиума в 23 человека, не считая председателя Н. С. Чхеидзе, из которых лишь 5 членов принадлежали к фракции социал-демократов большевиков, последовало утверждение порядка дня и регламента, а затем было предоставлено слово для оглашения многочисленных приветствий[1].

При переходе к докладу по первому вопросу, стоявшему в порядке дня,—об отношении к Временному правительству, слово для внеочередного заявления получил социал-демократ меньше-

---

[1] В то же время было передано в президиум письменное заявление фракций социал-демократов большевиков и объединенных социал-демократов интернационалистов о включении в порядок дня первым вопроса о подготовке наступления.

вик Абрамович и поставил перед съездом вопрос о высылке из России Р. Гримма.

Роберт Гримм принадлежал к группе центра циммервальдистов, являлся своего рода швейцарским с.-д. меньшевиком-интернационалистом в отношении к войне и борьбе с ней. В Петроград он прибыл, как и многие социалисты того времени, для связи «с революционной демократией» и находился как бы в гостях у социал-демократов меньшевиков интернационалистов.

Цитируя появившееся в газетах правительственное сообщение о высылке из России Р. Гримма, Абрамович считал, что эта высылка видного деятеля по восстановлению Интернационала имела крупное политическое значение. Между тем из сообщения Временного правительства получалось впечатление, что «Р. Гримм совершил нечто такое, за что он должен быть изгнан из пределов России и что со званием социал-демократа интернационалиста несовместимо. Между тем у всех знавших Р. Гримма не может быть сомнений в том, что ни в каких неблаговидных и недопустимых для социал-демократа политических поступках Р. Гримм заподозрен быть не может».

За предложение этого вопроса на обсуждение выступил и Мартов. Высылку Р. Гримма он рассматривал как удар по циммервальдскому направлению и решительно протестовал против зачисления Р. Гримма в «агенты германского империализма». Самый факт высылки и предшествовавший ей «допрос» и пр. Мартов решительно осуждал, требуя отмены правительственного решения о высылке Р. Гримма.

При обсуждении этого дела выяснилось, что Р. Гримм приехал в Петроград с той группой эмигрантов, в числе которых был Ю. Мартов. В Россию он въехал вопреки воле Временного правительства, по постановлению Гельсингфорсского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Особенно противился въезду Р. Гримма министр иностранных дел Милюков. Когда произошла смена министров и вместо Милюкова появился Терещенко, то последний согласился выдать разрешение на въезд Гримму в Россию при условии поручительства за него двух членов правительства, министров-социалистов Церетели и Скобелева. Но Р. Гримм не дождался разрешения и въехал в Россию с согласия Гельсингфорсского совета и находился в тесном контакте с социал-демократами меньшевиками-интернационалистами, выступал на собраниях и, как определил Мартов, «приехал в распоряжение Петроградского комитета» их партии.

Вокруг этой высылки шумела вся буржуазная печать, стремясь дискредитировать по существу пропаганду международной пролетарской борьбы против войны. Некоторые газеты прямо указывали, что Р. Гримм выслан в ответ на все усиливавшуюся антивоенную пропаганду нашей с.-д. большевистской партии.

Временное правительство расшифровало или добыло путем «дружеской руки» в самом швейцарском посольстве в Москве шифрованную телеграмму швейцарского министра иностранных дел своему послу в Москву, нижеследующего содержания:

«Федеральный советник Гофман уполномачивает вас сделать Гримму следующее словесное сообщение.

Германия не предпримет никакого наступления доколе будет казаться возможным соглашение с Россией. После многократных разговоров с видными лицами я убежден, что Германия ищет с Россией почетного для обеих сторон мира с установлением тесных коммерческих и экономических отношений с финансовой поддержкой для восстановления России. Никакого вмешательства в русские внутренние дела, дружеское соглашение о Польше, Литве и Курляндии с признанием равенства народов. Возвращение оккупированных территорий взамен возвращения Россией захваченных австрийских провинций. Я убежден, что при желании союзников России Германия и ее союзники готовы были бы начать немедленно переговоры о мире. О германских целях войны прочтите сообщение в «Северо-германской газете», где в согласии с Асквитом по вопросу об аннексиях утверждается, что Германия не желает никакого территориального приращения с целью расширения или экономического или политического возвеличения».

По поводу этого документа, как сообщал Ю. Мартов в своей речи, два министра-социалиста, меньшевики Церетели и Скобелев, имели с Р. Гриммом продолжительное объяснение. При этом Р. Гримм заявлял, что никакой депеши от швейцарского посольства он не получал. Р. Гримм согласился на публичное заявление по существу предъявленного ему документа. Однако на тексте ответа Р. Гримма социал-демократические министры не согласились. Вот что рассказал об этом Ю. Мартов:

«Дело в том, что в п. 2 Гримм высказал свое суждение о попытке немецких империалистов или немецкого правительства использовать его собственную деятельность для того, чтобы содействовать проникновению в Россию всякого рода предложений сепаратного мира. Он это выразил, имея текст перед глазами, но товарищи министра настаивали на том, что это недостаточно и что рядом с этим необходимо также резко заклеймить поведение швейцарского правительства. На это т. Гримм, после совещания со мною, Аксельродом и другими тремя товарищами, заявил, что он при данных условиях напасть в этом документе на швейцарское правительство не может, не потому, чтобы считал швейцарское правительство правым, а потому, что Швейцария в течение $2^1/_2$ лет, как и другие маленькие страны, постоянно опасалась оказаться в таком положении, когда те или другие шаги ее правительства явятся поводом к нарушению ее нейтралитета штыками, насилием, как это сделано с Бельгией, Сербией и другими странами.

По поручению Гримма я поставил в его присутствии т. Церетели и Скобелеву вопрос: гарантируют ли они, что это нарушение нейтралитета швейцарским правительством не будет использовано союзными державами для оккупации Швейцарии или вторжения в нее? Я получил ответ, что лишь за русское правительство они могут ручаться, а за союзные правительства они ручаться не могут. После этого мы, в качестве посредников, присутствовавших при разговоре, сказали, что при таких условиях не считаем возможным, чтобы т. Гримм, как интернационалист-социалист, а не как швейцарец, чтобы он мог подписать такую бумагу, которая служила бы в глазах мира подстрекательством к тому, чтобы генеральный штаб французский или английский начал какую-нибудь операцию по отношению к Швейцарии, чтобы он крикнул «Ату ее!»

Эта принципиальная точка зрения заставила Р. Гримма ограничиться заявлением очень категорическим, что истинную подоплеку и участие швейцарского правительства в этом деле он может установить только приехав в Швейцарию. Это было найдено неудовлетворительным, и за это т. Гримм выслан. (Голоса: «Позор! Правильно! Ваше заявление—позор!») Тов. Гримм выслан официально потому, что его объяснения показались неудовлетворительными».

Это заявление, на которое указывали в своих речах министры и их товарищи по партии—социал-демократы меньшевики Ю. Мар-

тов и Абрамович, плод в известной степени их коллективного творчества, содержало нижеследующие пять пунктов:

«1. Незадолго до моего отъезда министры Церетели и Скобелев сообщили мне, будто швейцарским посланником в Петрограде получена из Берна телеграмма, в которой содержится поручение сообщить мне некоторые мирные планы Германии.

Я констатирую, что мне не было сделано такого сообщения швейцарским посланником, ни прямо, ни через чье-либо посредство.

2. Содержание телеграммы приходится рассматривать как попытку с германской стороны использовать мои петроградские выступления за восстановление международных социалистических связей и всеобщий мир в интересах германского правительства, его дипломатических планов и сепаратного мира, к которому оно стремится. Такая политика представляет собой грубый маневр.

3. Еще в Берне, явившись в германское посольство для визирования паспорта, необходимого для поездки, я уклонялся от всякого политического разговора, а во время путешествия в Стокгольм избегал даже всяких сношений с представителями германской социалистической партии большинства.

4. Что касается участия швейцарского правительства в этом деле, то действительную подоплеку его я смогу установить лишь на месте.

5. Как социал-демократ я не позволю пользоваться собою как предметом империалистических планов мира между правительствами. Всякую попытку этого рода я буду беспощадно разоблачать.

Петроград 31 мая (12 июня) 1917 г.

Роберт Гримм»

Далее Ю. Мартов вскрыл весьма неприглядную роль своих товарищей по партии—министров Скобелева и Церетели, которые действовали в этом деле помимо ИК, помимо своей партии. Даже их товарищ по министерству, министр Чернов, и тот ими запрошен не был. Все поведение министров-социалистов в этом деле, как правильно вскрыл Ю. Мартов, свидетельствовало о том, что они выполнили требование буржуазии, которой важно и нужно было объявить «циммервальдское» направление, как исходящее от германского милитаризма.

После Мартова с дальнейшими, воистину министерскими сообщениями выступали Церетели и Скобелев. Их речи, пересыпанные ложным пафосом, были полны негодования на Р. Гримма, который оказался недостаточно выдержанным интернационалистом и отказался осудить действия своего швейцарского правительства в этом деле. Что могло быть более бесстыдного, чем это обвинение в устах социалистов, погрязших в служении империалистическим целям буржуазии своей и союзных с ней стран? «Величайшим ударом было бы,—декламировал Церетели,—если бы под покровительством революции остался человек, не желающий достаточно резко отмежеваться от империалистических гнусных приемов воюющей с нами страны».

Тот же мотив звучал и в объяснениях Скобелева: Р. Гримм оказался лишен «решимости и смелости» в деле защиты идей Циммервальда. И во имя мира и «чести» русской революции он должен быть выслан и выслан.

К объяснениям этих двух министров присоединился и А. Ф. Керенский, заявив, что просит «тех, кто нападает на них за этот их поступок», присоединить также и его имя. «Я совершенно с ними солидарен».

Министр Чернов не вышел на трибуну и нигде не высказы-

вал своего несогласия с действиями своих коллег по правительству.

В прениях по делу Р. Гримма записалось 47 человек. Первым выступил представитель нашей партии Г. Е. Зиновьев. В своей речи он отмежевался от того направления в Циммервальде, которое представлял Р. Гримм, и выразил удивление, почему действительно Р. Гримм отказался признать провокационными действия своего правительства, как это должен был сделать социалист. Значительную и существенную часть речи Зиновьев посвятил словам и делам своих социалистов и своего правительства:

«Если Гримм обвиняется в том, что он плохой интернационалист, что он не решается выступить против всякого империализма, то мы позволим себе спросить министров-социалистов, а как они относятся к английским и французским представителям империализма? Мы не можем забыть первого приезда английских гостей сюда, во главе с О'Греди, мы не можем забыть того, что наши товарищи устроили с ними братание перед всем российским рабочим классом, мы не может забыть того, что когда приехал сюда не какой-нибудь ужасный большевик, а В. Чернов, который сидит сейчас рядом с вами, он сказал, что английские социалисты поручили ему сказать, что эта делегация О'Греди и др. послана английским правительством и находится в тесной связи с английским правительством. Это сказал Чернов на всю Россию, а призывали вы их к порядку?»

Зиновьев напомнил приезд Ал. Тома и приемы, устроенные социал-соглашателями ему, а также роль министров-социалистов в кабинете Франции и Англии, действующих вразрез с линией, намеченной Советом. Высылка Р. Гримма по его определению была сплошным нарушением элементарных принципов демократизма, и в этой части он солидаризировался с Ю. Мартовым. Неоднократно прерываемый аплодисментами части собрания, Г. Е. Зиновьев предлагал соглашателям прежде всего «помести перед своим домом», а потом уже наводить порядки и у других.

За ним выступил бундовец Либер, оправдавший поведение Временного правительства и его членов-социалистов в деле Р. Гримма, и внес резолюцию, оправдывавшую их действия «интересами русской революции и международного социализма».

Эсер Гоц, один из социал-патриотов этой партии, выступил также в поддержку действий Скобелева—Церетели. В защиту Р. Гримма и против его высылки выступил вторично меньшевик Абрамович, по сути повторявший доводы Ю. Мартова. После Абрамовича прения были прекращены, и слово было дано для заключительной речи Ю. Мартову и Церетели.

Выступление Ю. Мартова по делу Р. Гримма вскрывало глубочайшие разногласия, существовавшие в недрах с.-д. меньшевистской «единой» партии. Хороша была партия, когда одна часть ее имела своим гостем Р. Гримма, солидаризировалась с ним, с его политической линией по отношению к войне и задачам Интернационала, а другая ее же часть за эту же политическую линию готова была растерзать и Р. Гримма и Ю. Мартова. Ю. Мартов удачно вскрывал всю ложь и фальшь выступавших социал-соглашателей, клеймивших Р. Гримма за непоследовательность и т. п., но при этом он сам становился в фальшивое положение,

ибо не хотел рвать с ними политически, оставаясь в единой с ними партии.

В заключительной речи Церетели отразилась вся социал-шовинистическая разнузданность «революционной демократии». Приободренный ею, он выступил как «министр революции», обвиняя Р. Гримма в тайных соглашениях с правительством буржуазии и в том, что он пришел в их среду не с открытым забралом. Этот патриот допускал соглашения только со своей буржуазией и не хотел признавать того же «права» для своих единомышленников «вражеской» или даже нейтральной страны.

После его речи было несколько заявлений и просьб слова, но ни то, ни другое допущено не было. Резолюция, внесенная Либером, оправдывающая действия министров Церетели и Скобелева, была принята 640 голосами против 121, при 14 воздержавшихся. Цифра 121—показывала число голосов интернационалистов, находившихся на съезде.

Лишь после голосования были допущены заявления и предложения поправок к резолюции. Все поправки были отвергнуты, и на этом заседание было закрыто.

Десять дней спустя после высылки Р. Гримма появились телеграфные сообщения из Стокгольма, подтверждавшие связь Р. Гримма с тайной дипломатией. Петроградское телеграфное агентство передало 13 июня из Стокгольма заявление, сделанное Гриммом в газете «Политикен», в котором он признал, что ответ Гофмана был действительно дан на его запрос [1] и что:

«запрос этот был сделан в Берлине по моему желанию и по моему поручению. Я в нескольких словах дал картину общего положения и просил сообщить мне известные господину Гофману правительственные цели войны. Это желание было мною высказано вообще. О специальных целях войны или об условиях сепаратного мира я не говорил. До этого между мною и Гофманом не существовало никакого соглашения по этому поводу. Кроме уже известной телеграммы мы по телеграфу не сносились. Гофман не сообщил мне никаких предложений, условий. Подозрение, будто я являюсь агентом Германии, ввиду того, что я получил ответ на мой запрос, является абсурдом. Мне не приходится защищать себя против подобных подозрений».

Причины, побудившие его так действовать, он изложил таким образом:

«Я сейчас же хочу ответить на два вопроса, с которыми с полным правом могут ко мне обратиться с точки зрения циммервальдского движения: что побудило меня поставить подобный вопрос и почему поставил я этот вопрос Гофману? Ответ на этот вопрос заключается в том, что наша партия, в согласии с циммервальдской резолюцией, приняла на себя обязанность действовать в пользу всеобщего мира. Исходя из этой резолюции, партия наша обратилась к швейцарскому правительству с пожеланием, чтобы оно содействовало восстановлению мира и в особенности всяким попыткам посредничества в целях мира. Первый же вопрос найдет себе ответ лишь в том внутреннем положении, в котором сейчас находится Россия. Дабы не подвергаться обвинению, что я передаю факты, которые могут быть использованы другим правительством, участвующим в войне, в собственных интересах, я должен отказаться от приведения подробностей. Однако я не выдам никакой тайны, если отмечу то, что ежедневно пишется в шовинистской прессе и что до некоторой степени подтверждается даже самим Временным правительством, а именно, что современное положение, с точек зрения военной, экономической и социальной,

[1] См. этот телеграфный запрос в приложении 32.

представляется недопустимым и что необходима реорганизация, которая, однако, не может быть выполнена в течение нескольких недель. Но между тем как некоторые требуют реорганизации в целях продолжения войны, другие желают ее в интересах скорейшего мира. Это не только мое убеждение, но и точка зрения огромного большинства социалистов, с которыми я мог говорить. Подобная реорганизация, без которой окончательная катастрофа неминуема, является условием для скорейшего окончания войны, и лишь ускорение мира может спасти революцию, упрочить ее результаты и противодействовать контрреволюции».

Этот провал Р. Гримма вызвал величайшие ликования социал-патриотов и тех, которые его изобличали в «непоследовательности». В самой Швейцарии поступок Р. Гримма вызвал отставку Гофмана и требования предания его суду за «нарушение нейтралитета».

Находившееся в Швеции (Стокгольме) «Бюро интернациональной социалистической комиссии» (циммервальдцы) организовало особую комиссию для расследования причин высылки Р. Гримма. В комиссию входили: от Швеции—Хеглунд, Линдхаген; от Болгарии—Кирков; от Швейцарии—Моор; от России—Орловский; от Польши—Радек; от Румынии—Раковский. Решение этой комиссии вскоре было опубликовано и заключалось в следующем:

«Товарищ Гримм отправил 14 мая из Петрограда, через посредство швейцарской миссии, телеграмму швейцарскому союзному советнику Гофману. Этот шаг был им сделан без предварительного совещания с находившимся в Петрограде членом международной социалистической комиссии товарищем Анжеликой Балабановой или с членами русских социалистических партий, сторонниками циммервальдского направления.

Впоследствии, когда факт отправки телеграммы стал известен, Гримм равным образом не сообщил русским товарищам, что он отправил телеграмму. По его заявлению, он хотел лишь собрать сведения о целях войны, поставленных себе всеми правительствами.

Гримм однако же не ограничился запросом союзному советнику Гофману относительно целей войны, но сверх того высказал свое мнение о той угрозе, которую представляет для мирных переговоров германское наступление, а равно о необходимости предоставления паспортов делегатам, избранным для участия в конференции, созываемой русским советом рабочих депутатов.

Эти данные заставляют предполагать, что Гримм, отправляя свою телеграмму, хотел дать толчок делу мирных переговоров. Переговоры эти, однако, должны были повести не к сепаратному миру между Германией и Россией, а к заключению общего мира между всеми правительствами.

Комитет признает своей обязанностью расследовать, какую цель преследовал Гофман в своем ответе Гримму. Вместе с тем, однако, комитет заявляет, что нет оснований для предположения, будто Гримм действовал по предварительному соглашению с Гофманом. Наличие такого соглашения опровергается также и Гриммом.

Благодаря тем личным отношениям, которые существуют в Швейцарии между парламентариями, даже принадлежащими к оппозиции, и союзными властями, Гримм имел возможность обратиться к Гофману, даже и без предварительного с ним соглашения. Предположение, будто Гримм действовал в интересах германского агентства, не подтверждается ни одним из известных комитету фактов.

Против такого предположения говорит не только упорная трехлетняя борьба Гримма против германского империализма, не только поддержка, оказывавшаяся им всегда германской оппозиции, поддержка, благодаря которой он в течение трех лет почитался агентом держав Согласия, но также и содержание отправленной Гриммом телеграммы. Главнейшим мотивом, определявшим образ действий Гримма, комитет признает тревогу его за судьбу русской революции, которой, по его мнению, угрожает война и которую он хотел спасти, добившись открытия мирных переговоров.

То обстоятельство, что Гримм предпринял этот шаг без соглашения с другими членами международной социалистической комиссии и представителями русских циммервальдских партий, которые несомненно удержали бы его от этого выступления, комитет признает самовольным с его стороны действием, всякую ответственность за которое циммервальдская организация должна от себя отклонить не только потому, что шаг этот дал повод всем врагам Циммервальда выставить это движение, направленное против всех империалистических правительств, как орудие в руках одного из этих правительств, но также и потому, что организация считает избранный Гриммом путь принципиально неправильным. Комитет заявляет, что обращение к тайной дипломатии для достижения мира противоречит самому существу циммервальдского движения».

Вопрос об отношении к Временному правительству

Утро 4 июня было посвящено заслушанию различных приветствий и доклада об отношении к Временному правительству. Из приветствий заслуживало быть отмеченным приветствие от английской независимой социалистической партии, занимавшей в то время пацифистскую позицию. Приветствие передал эмигрант, бывший руководитель Свеаборгского восстания, б. офицер Цион. В ответ на приветствия англичан, съезд принял ответную резолюцию, приветствовавшую Р. Макдональда и сидевшего тогда в тюрьме Мак Лина.

От имени двух фракций съезда: социал-демократов большевиков и социал-демократов интернационалистов было внесено предложение поставить на обсуждение вопрос о подготовке наступления, но большинство съезда его отвергло. Письменное заявление этих двух фракций было тогда же зачитано т. Позерном[1].

По п. 1 порядка дня съезда—«Отношение к Временному правительству» докладчиком был Либер, правый бундовец и чрезвычайно злостный деятель по отношению к нашей партии и ее представителям.

Доклад Либера состоял из перечисления различных фактов и событий, происшедших со времени мартовского совещания советов, без анализа тех классовых сил, которые двигали революцию и заставляли ее организации делать соответствующие политические выводы для своего действия. Либер был буквально в отчаянии от того, что революция «породила» массу всевозможных противоречий и конфликтов.

Все или основные трудности революции Либер видел в том, что русская революция произошла слишком поздно и что она поэтому произошла под «непосредственным напором рабочих масс» и сопровождалась борьбой крестьян против помещиков; что эти обстоятельства поставили на очередь разрешение таких социальных вопросов пролетариата и крестьянства, самое разрешение которых «начинает далеко выходить за пределы рамок этой страны». Эта «несвоевременность» русской революции «перепутала» всю меньшевистскую тактику в этой революции, и нам, сидевшим в зале и слушавшим горячую речь Либера, казалось буквально, что он «сожалеет» о такой исторической ошибке, ос-

---

[1] См. это заявление в приложении 83.

ложняющей ныне их социал-демократическое меньшевистское отношение к событиям и положение в них.

Та роль пролетариата, которую он играл в революции, весьма беспокоила Либера. В этом обстоятельстве он видел только один источник различных конфликтов, ибо:

«русской революции приходится преодолевать не только препятствия внутри страны, не только препятствия, созданные обстановкой международной войны, но и препятствия, вызываемые тем, что она вынуждена разрешить социальные вопросы, в которых заинтересованы не только трудовые массы России, не только государственные классы, но и трудовые классы и государственные классы всего мира».

Что это были за «государственные классы»—понять было нетрудно: это буржуазные, господствовавшие классы. В силу соглашательского обычая их нельзя было, «неприлично» было назвать настоящим именем.

Как же мыслили соглашатели решить те «социальные» вопросы, в которых были заинтересованы «негосударственные», но трудящиеся классы, в том числе пролетариат,—видно из дальнейшего.

Первым таким вопросом являлась война. В интересах «трудящихся» классов ее надо было закончить как можно скорее. Это признавал и Либер. Он даже иногда поднимался до признания международной солидарности трудящихся в борьбе с империализмом и требовал от русского Временного правительства активной внешней политики в этом отношении.

Предъявляя такие требования к правительству русской империалистической буржуазии, социал-соглашатели даже не ставили перед собой вопроса о том, может ли буржуазия, связанная теснейшим образом военными интересами с союзной буржуазией, проводить такую активную антиимпериалистическую политику. Нет, они оставались верными своему основному принципу «подталкивания» буржуазии влево—на словах и поддержки ее замыслов—на деле.

В своем докладе Либер пытался выделить особо политику П. Н. Милюкова, как политику, шедшую вразрез с той, которая проводилась большинством Совета. В пылу увлечения Либер обвинил Временное правительство старого состава в желании затянуть войну, лозунг патриотизма и боеспособности русской армии объявил прикрытием такого стремления. На этой почве возникли «резкое разногласие и невозможность для правительства разрешить этот вопрос».

Не лучше обстояло дело и в области внутренней политики. На смену губернаторам и исправникам Временное правительство назначало председателей губернских и уездных земских управ, т. е. ставило на их место представителей земельной буржуазии. Никакой демократизации не осуществлялось, и эти элементы, по своему классовому происхождению, были совершенно чужды революционно-демократическим началам, и между такими представителями Временного правительства и местной демократией происходили непрерывные конфликты. Однако Либер не понимал и не хотел понять, что Временное правительство само чуждо

тех революционно-демократических начал, которых он от него требовал. Местные же представители были лишь классовой агентурой Временного правительства. Но такого классового анализа политики Временного правительствав меньшевики не делали, боялись его, ибо он опрокидывал всю их политику соглашений и полумер.

Либер и его сторонники видели в политике буржуазии «недальновидность» и ею старались прикрыть тот факт, что за три месяца революции Временное правительство не осуществило ни одной революционной меры ни в области самоуправления, ни в области земельной, ни в области хозяйственно-промышленной. Такая политика Временного правительства и соглашателей, поддерживающих ее,—по признанию Либера,—привела к тому, что «целый ряд функций правительственных органов, в силу таких обстоятельств, переходил в руки Советов Р и С депутатонв, даже тогда, когда они этого не желали».

Особенно наглядно проявилась контрреволюционная роль Временного правительства в так называемых «апрельских» событиях, связанных с опубликованием ноты Милюкова. Апрельский кризис власти Либер объяснял тем, что Временное правительство не только само не вело

«активной внешней политики, но и та политика, которую вел Петроградский совет, политика сближения трудовой демократии всех стран, была благодаря ноте Милюкова взята под подозрение: казалось, что Совет рабочих депутатов сам являлся орудием политики Милюкова. Следовательно не только официально правительство доказало свою неспособность, но была сделана попытка лишить Совет рабочих депутатов способности вести свою политику в пользу прекращения войны, которую он начал вести».

Но это не все. Когда революционные рабочие и солдаты выступили 20 и 21 апреля с протестами против ноты Милюкова[1], то главнокомандующий Петроградским округом ген. Корнилов намеревался расправиться с ними вооруженной силой и отдал приказ по некоторым частям пехоты, кавалерии и артиллерии собраться на Дворцовой площади.

Воинские части, прежде чем выполнить этот приказ, запросили ИК Совета, а оттуда предложили приказ не исполнять, на Дворцовую площадь не являться. И тут оказалось, что фактическая власть была у Совета, а не у Временного правительства. Но эти факты также ничему не научили Либера и К°.

Даже то обстоятельство, что наиболее влиятельные круги крупной буржуазии, в лице А. И. Гучкова, и ее идеологи, вроде П. Н. Милюкова, и командующие крупными воинскими частями откровенно становились на путь контрреволюции, не научило наших социал-соглашателей, и попрежнему они искали и находили выход из положения только в соглашениях с буржуазией.

Либер выдвинул на съезд четыре **возможных** решения вопроса о власти: 1) социалисты власти не берут и в ней не участвуют; 2) власть берет полностью буржуазия; 3) фактическая власть в руках Совета, а формально—у Временного прави-

[1] См. об этом «Семнадцатый год», кн. III.

тельства, т. е. сохраняется то, что есть, и 4) вся полнота власти в руках Совета РиСД. На вторую постановку Либер отвечал отрицательно. Первую и третью постановку он отвергал как опасные и уже опрокинутые вступлением в коалицию. Но четвертую возможность он подвергнул разбору, весьма неглубокому. Основным препятствием к переходу власти в руки Советов Либер считал невозможность достигнуть добровольного подчинения власти Советов «остальной нации», а отсюда невозможность ее удержать, что привело бы, по мнению Либера, к «распаду единой революции, к полной изоляции рабочего класса», к анархии и т. п. Так любили они запугивать себя и других и запутывать положение выпуском на арену «анархии».

От вопроса о составе и взаимоотношении с Временным правительством Либер перешел к его программе—и прежде всего к программе внешней политики. Эту программу он определил следующими тремя положениями:

«1. Временное правительство должно заняться самым настойчивым проведением внешней политики, которая, с одной стороны, заключается в достижении разными дипломатическими средствами пересмотра союзных договоров в смысле отказа от аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. 2. Открытие мирных переговоров на основах интернациональных, по программе, возвещенной Временным правительством. 3. Обеспечить возможность трудовой демократии созданием таких благоприятных условий, при которых «мы могли бы работать над международным объединением и нам не клались бы палки в колеса».

В области «внутренней» политики Либер указывал на «демократизацию армии и укрепление ее для предотвращения разгрома страны», разумея под этим то наступление, переход к которому лихорадочно готовили социал-патриоты. Кроме того, Временное правительство должно было по Либеру «стремиться к преобразованию всей системы как центральных, так и местных управлений и самоуправлений».

После Либера с докладом выступил «представитель демократии во Временном правительстве» И. Г. Церетели. Имя Церетели связывалось с героической эпохой борьбы с.-д. фракции II Государственной думы. На этой исторической заслуге пытались «подработать» социал-патриоты, популяризируя Церетели, выставляя его «совестью русской революции». I съезд советов был зенитом славы вождей социал-соглашательского, эсеро-меньшевистского блока, выступление Церетели было встречено и сопровождалось овациями. Суть же его длинной речи заключалась в небольшой сумме ходячих тогда истин: во-первых, что русская революция, взявшая в свои руки знамя борьбы за всеобщий мир, «должна была принять войну, начатую другими правительствами, решение и завершение которой не зависят от усилий одной только русской революции». Почему русская революция «должна принять войну»—министр-социалист не объяснил и объяснить не пытался, так как всякая попытка разъяснить это обстоятельство вскрыла бы прислужничество соглашателей русскому и союзническому империализму.

Одним из вернейших средств к достижению мира—даже по-

его пониманию,—единственным путем к миру—это было «заявление о разрыве со всей прошлой империалистической политикой, а также предложение союзным державам пересмотреть на этих новых началах все соглашения, заключенные до настоящего времени». Но, поставив так вопрос, Церетели тотчас же сделал оговорку, что подобное давление Временного правительства на союзников не должно приводить к разрыву с ними. Церетели, с одной стороны, боялся возможности сепаратного мира с Германией, который по его мнению должен был непременно привести к новой войне, при которой Россия должна была бы стать союзницей Германии, а с другой—считал его совершенно невозможным, утопией. Почему, как, и во имя чего должна быть эта война—он указал на Японию. В печати и в речах отдельных представителей социал-патриотов прорывались тогда некоторые намеки и ссылки на возможность, при отказе России воевать с Германией, наступления по указу «союзников» на нашу страну, на Дальный восток и Сибирь со стороны Японии. На этой же японской опасности , а также и на экономической изоляции России и спекулировал Церетели, восхваляя мудрое намерение Временного правительства добиться «единения» русской демократии с демократией всех союзных стран в целях пересмотра «обязательств и целей войны», их связующих. Пока же эта «дипломатическая работа» происходит, Церетели считал необходимым... наступление, ибо только путем укрепления военной мощи и доказательства боеспособности армии можно было создать необходимые условия для успеха в международной политике. Вопрос о наступлении он рассматривал только стратегически, отвергая,—вернее, ставя на задний план все политические соображения.

В области внутренней политики Церетели соглашался с необходимостью введения государственного регулирования промышленности, упорядочения финансов, но каким путем и в чьих интересах—не указал. Решение вопроса о земле отодвигалось до созыва Учередительного собрания. Не обошел министр и «анархии» и борьбы Временного правительства с ней.

В своей речи Церетели «увлекся» до такой степени, что заявил, что в России нет такой партии, которая хотела бы взять власть в свои руки вместо той, которая правила страной в то время. В. И. Ленин, присутствовавший на съезде, бросил с места, что такая партия «есть», на что Церетели ответил длинным пояснением, будто мы, социал-демократы большевики, понимали борьбу за власть, как простую пропагандистскую работу по «подготовке организации и сознания» в среде демократии. Свою речь Церетели закончил указанием на опасность «экспериментов», сеющих гражданскую войну, в пожаре которой погибла бы революция и восторжествовала бы контрреволюция.

После Церетели слово было предоставлено В. И. Ленину. Он был встречен аплодисментами только своих друзей и единомышленников. Большинство съезда настроилось выжидательно, а руководители держали себя так, как будто хотели сказать: «Ну что скажешь?—Ты видишь, ныне мы—сила».

Да, соглашатели были сила, но эта сила была уже силой вчерашнего дня.

В. И. Ленин начал свою речь оригинальной постановкой вопроса о классовой сущности того особого явления русской революции, имя которому—советы.

Соглашатели не ставили вопроса о сущности совета, не освещали его прожектором марксистского анализа, для них совет был «общественной» организацией, одной из форм объединения, переходного к буржуазному «нормальному» порядку.

Ленин определял советы, как нового типа правительство, которое революцией создано, которое имеет примеры только в истории величайшего подъема революции, например в 1792 г. во Франции, в 1871 г. там же, в 1905 г. в России.

«Советы—это учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это тот новый, более демократический тип государства, который мы назвали в наших партийных резолюциях крестьянско-пролетарской, демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы советам РиСД».

Ленин подчеркнул что:

«Одно из двух: или обычное буржуазное правительство—и тогда крестьянские, рабочие, солдатские и прочие советы не нужны, тогда они будут либо разогнаны теми генералами, контрреволюционными генералами, которые армию держат в руках, не обращая никакого внимания на ораторство министра Керенского, или они умрут бесславной смертью», и «продолжать существовать так, как они существуют теперь, советы не могут».

Перейдя затем к деятельности первого Временного правительства, он отметил, что коалиционное «революционное» правительство не лучше прежнего:

«Нам говорят, как говорил докладчик и другие ораторы, что вот первое Временное правительство было плохо. А тогда, когда большевики, злосчастные большевики, говорили: «Никакой поддержки, никакого доверия этому правительству», сколько тогда сыпалось на нас обвинений в «анархизме»! Теперь все говорят, что прежнее правительство было плохо, а что же коалиционное правительство с почти-социалистическими министрами, чем оно отличается от прежнего?»

За истекший период со времени его образования ничего не изменилось ни в области борьбы с разрухой, ни с хищничеством капиталистов, наоборот:

«промышленные цены на поставки угля были подняты «революционным правительством».

Ленин также отвел и спекуляцию соглашателей на том, «можно ли в России вводить социализм, вообще совершать коренные преобразования сразу»—считая их пустыми отговорками. Вместо этих споров он призывал сделать необходимый шаг в направлении взятия власти самими советами.

В этой части речи Ленин дал ответ Церетели на его утверждение, что нет такой партии, которая согласилась бы взять власть. Такая партия есть:

«ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

Это место было покрыто аплодисментами наших товарищей и снисходительным смехом торжествовавших и мысливших себя непреодолимыми соглашателей. Им казалось просто «смешно», что такая маленькая группа съездовских делегатов выставляет свои претензии на власть.

Далее В. И. Ленин развил несколько пунктов из той программы, которую осуществила бы наша партия, взяв в свои руки власть: опубликование прибылей капиталистов, наживающихся на военных поставках; арест, в целях раскрытия капиталистического хищничества, 50—100 миллионеров, чтобы узнать у них все проделки; установление рабочего контроля и т. п. Причем эти меры Ленин отнюдь не считал социализмом, а лишь средством, при помощи которого народу нужно было открыть глаза

«на ту настоящую анархию и ту настоящую игру с империализмом, игру с достоянием народа, с сотнями тысяч жизней, которые завтра погибнут из-за того, что мы продолжаем душить Галицию».

Коснувшись вопроса о войне, Ленин определил ее цели старыми, империалистическими, а реформы, которые обещали соглашатели,—обманом, ибо при ведении войны они не могли бы их осуществить. Внутреннюю политику в стране он находил аннексионистской по отношению к Финляндии, Украине и т. п. и предлагал применить лозунг «мир без аннексий» по отношению к своим захваченным царизмом странам. Это был бы на деле отказ от аннексий.

В этой же речи Ленин предсказал разгром Германии, который он вывел из факта вступления Америки в войну.

Началом подлинной борьбы за мир Ленин считал взятие советами власти и направление этой власти против хищнической политики своей буржуазии.

Переход к наступлению, который подготовляли соглашатели, Ленин определил как

«перелом всей политики русской революции, т. е. переход от ожидания, от подготовки мира революционным восстанием снизу, к возобновлению войны, переход от братания на одном фронте к братанию на всех фронтах, от братания стихийного, когда люди обменивались коркой хлеба с голодным немецким пролетарием за перочинный ножичек, за что им грозят каторгой, к братанию сознательному».

Против политики соглашателей Ленин указывал только один путь: это «переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства». Такой путь одновременно был бы и переходом от словесной борьбы за мир к борьбе за него на деле в «самых безболезненных, какие только знает человечество, формах».

Ленин закончил свою речь при нескрываемой вражде соглашательство большинства съезда, под аплодисменты лишь той части съезда, где сидели его единомышленники из рабочих и солдат.

После В. И. Ленина выступил второй министр-социалист А. Ф. Керенский и начал свою речь с исторических справок о французской революции 1792 г. и русской 1905 г., с явной

целью «опровергнуть» указания В. И. Ленина на опыт прежних революций. Но, как справедливо впоследствии отметил в своей речи Ю. Мартов, знание истории не было сильным местом Временного правительства и его министров-социалистов. Из уроков обеих революций Керенский усвоил лишь одно—что и та и другая закончились торжеством контрреволюции. Они, социал-соглашатели, не хотели такого конца и не намеревались «повторять исторические ошибки».

Предложение В. И. Ленина—п о к а з а т ь на деле борьбу против капиталистов и аннексий применением справедливой политики по отношению к с в о и м малым народам и репрессивных мер к своим капиталистам,—арестовать спекулянтов, наживавших неслыханные проценты барыша на народной крови, и установить контроль над промышленностью—вызвало возмущение Керенского. Предложение Ленина он объявил немарксистским, «детским рецептом» и стремился всячески дискредитировать его. В аресте людей, т. е. не просто людей, а определенного круга капиталистов, он видел «нарушение основных принципов демократии, свободной человеческой личности».

Керенский вовсе не был таким противником насилия по отношению к солдатам, к «анархии», шедшей по его мнению снизу. В таких случаях он не был против применения насилия, но когда шла речь об обуздании капиталистов и остатков царской агентуры, он любил рисоваться и заявлял, что «Маратом русской революции не будет».

На предложение Ленина показать на деле, что Временное правительство и министры-социалисты против «аннексий», т. е. дать право самоопределиться всем народностям бывшей царской империи, Керенский мог ответить лишь ссылками на свое прошлое, на программу своей партии и борьбу в Государственной думе и укрывался за ширму будущего Учредительного собрания, которому-де принадлежит это право. Ни на один из поставленных В. И. Лениным вопросов революции он ответа не дал, да и не мог дать. Керенский все время «крутился» около ареста капиталистов, да на братании, в котором видел лишь пользу для германского генерального штаба. Однако вся его убогая декламация встречалась шумным одобрением съезда.

Вслед за ним от имени «фракции объединенных интернационалистов», выступил А. В. Луначарский и подверг доклад и речи министров остроумной критике, местами вызывавшей смех даже у противников. В ответ на «поучения» Керенским Ленина Луначарский привел цитату из Маркса, что «несчастие демократических партий заключается в том, что они переполнены прекраснодушными разговорщиками». В то время как они говорят красивые слова великодушия, реакционеры, которые являются людьми дела под сенью их слабодушия подготовляются свернуть им шею.

После Луначарского выступал в духе Керенского и третий министр-социалист, М. И. Скобелев. Он продлил «гениальную» мысль своего друга, подсунувшего В. И. Ленину свое измышление, будто одним арестом можно устранить капитализм, а раз-

руху в промышленности и на транспорте разрешить арестом директоров заводов и железных дорог.

Четвертый министр-социалист В. М. Чернов выступал утром 5 июня. Он начал с призыва к собранию вернуться на путь «вдумчивого и делового обсуждения» создавшегося положения и той линии, которой придется держаться группе министров-социалистов. Русская революция, по его мнению, находилась в трагическом положении: она окружена кольцом войны, а внутри — политические завоевания не подкреплены ни экономически, ни социально. В. М. Чернов любил говорить жеманно, трагически потрясая воздух «глубинностью» своего народнического пустословия. Противоречия, трагизм положения, трудности и т. п. разбавлялись у него практическими предложениями признать соглашательство министров-социалистов верхом революционной мудрости.

Выступавший после Чернова Ю. Мартов остроумно высмеял выступления министров, опроверг все «исторические изыскания» Керенского и повернул их против него же, указав, что марксизм отвергает применения насилия по отношению к друзьям революции и не отвергает его по отношению к контрреволюции. Часть времени он посветил министру юстиции, прочел постановление Переверзева, применявшего 129 ст. царского уголовного уложения, гласящую, что «виновный в публичном призыве или в призыве в распространенных им публично выставленных произведениях печати, в письме или изображениях и т. д.»... наказуется арестом до 3 лет. Чья и какая это власть? На местах — комиссары часто реакционеры, а им по инструкции предоставлено право вывода войск. Гос. дума продолжает существовать и вести свою агитацию, и Мартов поддерживал предложение, внесение от имени фракции объединенных социал-демократов интернационалистов А. В. Луначарским, о роспуске Гос. думы.

В области внешней политики Ю. Мартов требовал от Временного правительства предложения союзникам немедленно пересмотреть вопросах о целях войны, считая совершенно недопустимым, чтобы русский солдат, отказывающийся проливать кровь за Константинополь, Персию и т. д., проливал бы ее за воссоединение Эльзас-Лотарингии с Францией. Политику своих товарищей-министров Ю. Мартов считал нерешительной, а политику подготовки к наступлению ошибочной.

Прения по первому пункту порядка дня длились пять дней. Высказывались представители всех партий, от большевиков до трудовиков. Из министров, с хозяйственно-программной речью, выступал Пешехонов, только что вступивший во вновь организованное министерство продовольствия. Он начал свою речь с указания на катастрофическое состояние продовольствия: в апреле поступление хлеба упало до 5 млн. пудов в неделю, при потребности городов и армии в неделю — 17 млн. пудов. Крупные центры, в том числе Москва и Петроград, жили голодными получками изо дня в день, без запасов. Так же было и на некоторых участках фронта.

Недостаток хлеба еще в дореволюционное время поставил остро вопрос о способах заготовки хлеба. Частная заготовка приводила к спекуляции, и Временное правительство вынуждено было поставить вопрос о хлебной монополии и заготовке хлеба государственной организацией.

Он же поставил перед съездом вопрос о необходимости снабжения населения через органы, ведущие заготовку хлеба, промышленными товарами, а также вопрос о поднятии производительности промышленности.

Особо останавливался Пешехонов на требованиях рабочих и ссылками на состояние народного дохода доказывал ограниченность возможностей повышения общего уровня благосостояния. Народный доход того времени по его расчетам составлял 15 млрд. Из этой суммы около 20% шло в пользу капиталистов, а остальное поглощалось населением, т. е. рабочими, крестьянами, и государством в виде налогов. Но всей этой суммы народного дохода уже нехватало, чтобы покрыть издержки войны: за первый год она взяла 7 млрд., за второй—от 10 до 15 млрд., а на 1917 г. предполагалось 20 млрд. При этих условиях он считал, что если даже взять всю прибыль капиталистов, то и тогда не удастся покрыть всех возрастающих потребностей и увеличение заработной платы поведет к падению покупательной силы денег.

Поставил Пешехонов и вопрос о ценах на промышленные и земледельческие товары, указав, что эту задачу не разрешило ни прежнее, ни теперешнее Временное правительство. Главную трудность при решении этой задачи Пешехонов видел, как он сказал тогда, обращаясь к делегатам,—«в вас и в той массе, которая стоит за вами». Сопротивление капиталистов, как предполагал он,—«повидимому сломлено» и что по ним можно ударить еще далеко—«вплоть до экспроприации». Но он опасался, что «масса населения» (речь шла о рабочих.—*А. Ш.*) не осознала еще необходимость жертвы, а удовлетворить потребности полностью—невозможно. «Нужно стремиться к тому, чтобы никто не забирал на свою долю больше, чем ему следует, чтобы дележ среди масс населения был по возможности равномерный, но что итти и добиваться улучшения сейчас нельзя, что нужно добиваться только распределения равномерного и справедливого и, с другой стороны, призвать эту массу к тому, чтобы для улучшения этого положения всех трудящихся население напрягло все усилия к поднятию производительности». В этой части его программа встречала поддержку и среди социалистов-интернационалистов того времени.

Выход из тяжелого положения, в котором была тогда страна, Пешехонов видел в решении задачи повышения производительности промышленности, выдвигал на сцену государственный контроль и регулирование. Однако все эти мероприятия были лишь пожеланием самого Пешехонова, ибо капиталистическая часть Временного правительства всячески саботировала даже простейшие мероприятия, которые влекли за собой государственное вмешательство в промышленную жизнь.

Попытки Временного правительства продолжать политику строительства государственных заводов, намеченных еще царским правительством для усиления военного снабжения (в частности металлозаводов), вызвали поход со стороны заводчиков и фабрикантов, требовавших прекращения такого строительства и вообще сокращения «казенного предпринимательства», как говорили они, и добивались этого.

Выступивший после Пешехонова социал-демократ меньшевик Дан обрушился на левый сектор съезда и особенно на предложения Ленина опубликовать прибыли капиталистов, арестовать некоторых из них за военную спекуляцию, объявить своих капиталистов «разбойниками», такими же, как и капиталисты других стран, и, ведя такую политику, заключить мир через головы ныне существующих правительств. Все предложения Ленина Дан отвел как не относящиеся к «волнующему нас вопросу», а вопрос о хозяйственных финансовых задачах свел к тому, что у «революционной демократии» не было разработано хороших проектов закона, и упрекал левых в том, что они составляют резолюции с требованиями Совету взять власть, вместо того чтобы вносить хорошие законы. Как будто не имея власти можно было провести в жизнь выгодные рабочим и крестьянским массам законы!

Выступавший после него Л. Д. Троцкий посвятил почти всю свою речь хозяйственным вопросам, поддерживал в известной мере Пешехонова, требовал решительных мер для осуществления изложенной последним программы.

Утром 6 июня собрание открылось приветствием съезду от представителя закончившегося съезда крестьянских депутатов— эсера Авксентьева, который поставил вопрос о необходимости объединения «тройного течения» (солдатского, крестьянского и рабочего) в один высший орган.

Против коалиционной власти и ее политики от имени фракции социал-демократов большевиков выступали Л. Б. Каменев, указавший, что от вхождения социалистов во Временное правительство выиграла только буржуазия, ибо социалисты стали защитниками торможения революционных мероприятий как во внутренней, так и во внешней политике, Д. Б. Рязанов, разоблачавший политику соглашательского Временного правительства в его борьбе с «анархией» и указывавший ошибки тех членов Временного правительства, которые отвергли опыт французской революции, и Н. В. Крыленко с суровой критикой деятельности военного министра, особенно его мероприятий по реорганизации армии и отношений к черносотенному офицерству. В армии существовала организационная чехарда, контрреволюционное офицерство за свои действия не наказывалось, а переводилось на другие должности или зачислялось в резерв, т. е. освобождалось от тягот военной службы. Все это крайне возмущало солдат и на съезде солдаты—даже не большевики—аплодировали Крыленко.

После Крыленко против левых съезда выступил бакинский работник Сако. Он защищал Керенского и упрекал Крыленко за

то, что тот выступил с военными вопросами не перед военными, а штатскими; Сако считал это нарушением... этической дисциплины. Все предложения В. И. Ленина он объявил просто безумием.

С критическим ответом Дану выступил социал-демократ меньшевик интернационалист Соколовский, противопоставляя Дана 1904 г. Дану 1917 г.

На четвертый день прений дошла очередь еще до одного из представителей нашей фракции—Г. Е. Зиновьева. Он напомнил эсерам и меньшевикам, что всего лишь несколько дней назад вопрос о вхождении в состав Временного правительства для них самих был спорным. Основываясь на опыте деятельности Временного правительства, Г. Е. Зиновьев потребовал от них политической программы их власти.

В качестве пробного предложения Г. Е. Зиновьев поставил перед министрами-социалистами популярный тогда вопрос о роспуске IV Столыпинской государственной думы, причем заявил, что министры-социалисты не в состоянии осуществить этого, так как

«они поставили себя в такое политическое положение, что не могут сделать такого даже элементарного шага. Не могут потому, что за так называемыми живыми мертвецами стоят 10 министров-социалистов, стоит г. Бьюкенен, стоит английская и французская буржуазия, с которой Родзянко и К° братаются».

Во всей своей деятельности в составе Временного правительства соглашатели были в плену у буржуазии. Это состояние было вскрыто, разоблачено представителями нашей фракции. Всем ораторам большевикам соглашатели из президиума вынуждены были, под давлением своих низов, увеличивать время для продления речей.

Особенно чувствительны были соглашатели к речам представителей с мест. Места «волею масс» они пытались мобилизовать на съезде против «анархии», идущей слева—от социал-демократов большевиков, социал-демократов интернационалистов и эсеров-максималистов. Но не все места были соглашательские. Представители Донбасса, как и многие рабочие, своими выступлениями разочаровали соглашателей. Тов. Орлов (от Екатеринослава) заявил, что, слушая министров, пришел к такому выводу, что твердая власть им нужна для борьбы с левыми, а не с правыми. Он указал, что углепромышленники, наживая огромные барыши, держали рабочих на голодной заработной плате в 1 р. 50 к. 1 р. 75 к. в день и решительно боролись с рабочими, требовавшими повышения заработной платы, а одновременно повышали жалованье хорошо оплачиваемым категориям служащих. Этой политикой капиталисты провоцировали рабочих на забастовки, а власть в центре с этим не боролась. Против такой капиталистической анархии Орлов требовал применения твердой власти.

Дело о захвате дачи Дурново и о борьбе с «анархией»

Окончание прений по воюросу об отношении к Временному правительству

Прения по докладу об отношении к Временному правительству были вечером 8 июня прерваны. На обсуждение вне очереди был поставлен вопрос о действиях анархистов на Выборгской стороне. Это дело носило в то время название «дело дачи Дурново». Поводом к постановке его на Съезде послужил захват анархистами типографии «Русской воли». Дело с захватом типографии было сравнительно безболезненно ликвидировано особой комиссией Съезда, а по вопросу о даче Дурново министр Переверзев распорядился выселить анархистов силой. Выселение было поручено прокурору Бессарабову. Известие о выселении подняло на ноги все фабрично-заводское население Выборгской стороны, так как дачей Дурново пользовались не только анархисты, но и некоторые другие организации, как например профессиональные организации чернорабочих, металлистов и др., а садом при этой даче пользовались для отдыха все рабочее население Выборгской стороны. Действия Временного правительства были встречены решительным протестом рабочих всего района, на некоторых заводах бросили работу. Это дело и было поставлено на обсуждение съезда. Президиум выработал особое воззвание, объяснявшее действия правительства и призывавшее население к спокойствию [1].

Вина «за дело на даче Дурново» всецело лежала на соглашателях, не желавших в интересах общественных и государственных нужд нарушить принцип частной собственности па дворцы и дома различных сановников только что свергнутого царского правительства. Профессиональные союзы, культурные общества, политические партии не находили помещений, а Исполнительный комитет выносил только пожелания, отказываясь стать даже на путь временной реквизиции зданий, даже пустовавших или покинутых их владельцами. Многим организациям, в частности Петроградскому профессиональному союзу металлистов пришлось прибегнуть к «самочинным», захватным действиям, чтобы начать свою работу. Поэтому наша партия и фракция социал-демократов интернационалистов высказывались и голосовали против воззвания, выработанного президиумом съезда против его угроз и репрессий.

После этого дела было принято решение о прекращении прений по вопросу об отношении к Временному правительству, и слово было дано Церетели. Его заключительная речь не внесла никаких новых идей, в сумму положений—развернутых социал-соглашателями в течение пяти дней дискуссии. Власть самой демократии объявлялась утопической, а соглашение с буржуазией— реальной политикой, даже спасением самой революции. Даже Государственную думу Церетели не мог сбросить со счетов и за-

[1] См. это обращение в «Известиях» от 9/VI 1917 г. № 87.

щищал ее. Предложения нашей партии он объявил опасной утопией, а требование взять власть в руки советов отводил тем, что такое правительство не будет признано... крестьянством, армией. Он считал, что только объединение всех «живых» сил страны, только коалиция спасет положение.

Выступивший за ним Либер главную часть своей речи посвятил борьбе со взглядами оппозиции (особенно Ленина), отстаивая принцип соглашения, коалиции с буржуазией.

После прений были внесены четыре резолюции. Первая была зачитана от имени объединенных социал-демократов интернационалистов А. В. Луначарским, вторая—от имени РСДРП большевиков Л. Б. Каменевым, третья—от фракции социал-демократов меньшевиков-интернационалистов—Бером и четвертая—от блока эсеров и социал-демократов меньшевиков зачитана Даном. Последняя резолюция получила 543 голоса, против 126, при 52 воздержавшихся и 65 отсутствовавших [1].

Утреннее заседание 9 июня было посвящено отношению к Государственной думе. В начале заседания по этому вопросу были внесены две резолюции: одна от объединенных социал-демократов интернационалистов и социал-демократов большевиков, другая—от социал-демократов меньшевиков и эсеров, т. е. группы социал-соглашателей. Тотчас же был установлен особый для этого дела регламент, по которому было предоставлено слово по 5 минут в защиту резолюции и столько же против. Однако, несмотря на ограничительные меры, обсуждение резолюции, голосование поправок и т. п. заняло целых 3 часа.

Спор между социалистами-соглашателями и левыми социал-демократами большевиками и поддерживавшими их интернационалистами различных фракций вращался по существу около основного вопроса об отношении к роли буржуазии в революции. Социал-демократы меньшевики и эсеры скатились до прямой защиты «Третьеиюньской думы», Думы Столыпина, приписывали ей революционные заслуги, которых у нее не было, и закрывали глаза на ее контрреволюционную деятельность. Но так как эта позиция была крайне трудно защитимая и соглашатели боялись потерпеть поражение, ибо многие провинциальные их работники были настроены за роспуск Гос. думы, то они объявили ее «мертвой», не существующей, а посему не подлежащей роспуску. Резолюцию составили так же «соглашательски»: чтобы не обидеть буржуазию они, отклонив требование роспуска Гос. думы, предлагали Временному правительству закрыть ей кредиты.

Удары оппозиции были направлены на то, чтобы разорвать буржуазно-соглашательский блок или же разоблачить, раскрыть его контрреволюционную сущность. Первого достигнуть не удалось, но второе было вполне достигнуто и даже существенно пошатнуло ряды большинства Съезда. Резолюция эсеров и социал-демократов меньшевиков собрала 491 голос против 220 голосов за резолюцию и поправки социал-демократов большевиков и ин-

[1] См. резолюции в приложении 34.

тернационалистов при 41 воздержавшемся[1]. Всего принимало участие в голосовании 748 человек. 100 представителей в этом вопросе отдали свои голоса против большинства, и это была для того времени знаменательная и немалая победа. Ю. Мартов добился от меньшевиков и эсеров признания необходимости выхода их представителей Временного комитета Гос. думы.

Отношение к войне

После вопроса об отношении к Гос. думе Съезд перешел к заслушанию доклада Дана об отношении к войне.

Доклад о войне Дан начал с трафаретного в то время утверждения, что «вопрос о войне—важнейший вопрос революции» и что «судьбы революции теснейшим образом связаны с судьбами войны». Так же трафаретна была и соглашательская уверенность того времени в том, что «если не удастся в более или менее близком будущем положить конец кровопролитию, то дело русской революции, если и не погибнет, то потерпит серьезнейший ущерб».

Отвергая идеи сепартного мира с Германией, Дан подверг особому «разбору» брошенную мысль о «сепаратной войне». Что и кого имел в виду Дан, съезду было ясно: он метил в В. И. Ленина и его идею революционной войны против империализма переделал в нелепые фразы о «сепаратной войне».

На поставленную Лениным проблему революционной войны против помещиков и капиталистов, войны взявшего власть пролетариата в союзе с крестьянством. Дан попытался отделаться пустым вопросом: «будет ли вестись тогда пропаганда за скорейшее заключение мира или нет?» Революционную войну Дан отвергал так как считал, «что задачи демократизации и пролетарского, освобождения при тех условиях, которые существуют»—войнами не решаются.

Все предложения о путях к миру, выдвинутые различными с.-д. интернационалистическими группами, он признал ошибочными, так как они базировались «на национальном соотношении сил России», они же, социал-соглашатели, выставляли себя подлинными интернационалистами и национальный путь решения вопроса о войне отвергали. Рядясь в тогу интернационализма, Дан в своей речи заявил, что сама война—

> «война мировая, что базис, на котором возникла война, обстановка, в которой она протекает,—все это связано мировою связью, интернациональной мировой связью, в которой все капиталистические страны сплелись в один клубок, из которого ни одна страна, будь то революционная Россия,—на свой риск и страх выйти не может[1]». Это течение говорит, что возникшая из интернациональной связи война может быть решена только интернациональными средствами; что национальные возможности, возможности всякого национального движения, и будь оно архиреволюционным, разрешить эту интернациональную задачу не может».

[1] См. резолюции в приложении 35.

[1] Подчеркнуто мною. — *А. Ш.*

Эта «международная» по виду путаница вполне удовлетворяла «интернационализм» собравшихся социал-патриотов. Дан не попытался разобраться, распутать тот клубок, который завязался в войне,—наоборот, запутанность эта помогла и ему протащить «свой» интернацонализм. Распутывать клубок Дану было опасно, так как это привело бы его к анализу того положения, которое занимала в этом капиталистическом клубке и Россия. Под туманным определением национальных путей выхода из войны Дан и К° должны были разуметь тогда борьбу социалистов прежде всего против своей буржуазии, чего они боялись, а поэтому, дановское течение и отклоняло эту борьбу во имя «интернационализма», подменяя ее задачей международного объединения пролетариата для борьбы за окончательное устранение войн, т. е. источника войн—капитализма.

Русскую революцию того времени, с властью помещиков и капиталистов во Временном правительстве, Дан считал достаточно «социалистической», и призывал рабочих и солдат подождать, пока

«другие отряды международной армии труда, пока пролетариат Германии, Австрии, Англии, Франции и других стран поднялся бы на ту ступень, на которой мы находимся, пока они не проявили самодеятельности в войне с империалистическим правительством».

Призывая рабочих других стран подняться до русской революции, Дан обманывал своих рабочих, так как русская революция в то время возглавлялась буржуазной властью. После свержения царизма Россия сама лишь поднялась до тех «цивилизованных» капиталистических стран, деятелям которых и сам социал-патриот Дан только подражал.

Лишь осуществление наших (ленинских) лозунгов давало бы основание требовать от рабочих других стран подняться на ступеньку своей власти до русской революции.

Этот обман Дан прикрывал «агитационной» деятельностью ИК Петроградского совета, выпустившего ряд воззваний и предложившего созвать международную конференцию социалистических партий, чтобы «сделать ее орудием пробуждения пролетарских масс».

Вторым орудием борьбы за мир Дан считал Временное правительство, «в котором заседают наши товарищи», и его политику, «демократичность которой и соответствие нашим требованиям их пребывание нам гарантирует». Но и к этому орудию Дан не рекомендовал предъявлять особых требований активности, так как считал, что «вообще национальные методы действий борьбы за мир могут иметь место в весьма узких пределах», а деятельность дипломатии находил еще более ограниченной.

Требование социал-демократов интернационалистов всех оттенков сделать союзникам открытое предложение о разрыве связующих их империалистических обязательств, обязав их известным сроком для ответа (это предложение поддерживали и большевики), Дан решительно отвергал, считая его ультиматумом, способным привести к разрыву с союзниками, а значит и к сепаратному миру. Весь успех дела мира он связывал с движением народных масс «союзных стран» и был совершенно глух к тем

предложениям, которые были как раз направлены к тому, чтобы этому движению дать толчок. Средством «подтолкнуть» правительство союзников выявить свое империалистическое лицо открыто и должен был быть тот «ультиматум» Временного правительства, который отвергал Дан. Отвергая этот путь, Дан противопоставлял ему иной—поднятие боеспособности нашей армии для того, чтобы с голосом Временного правительства считались союзники. Далее он дошел до прямого заявления, что «пока война—надо вести войну», нужна армия, способная обороняться и наступать. Этого ведения войны только и нужно было союзнической буржуазии от России. Остальное же—изыскивать мотивы, почему, во имя чего и зачем,—она предоставляла социалистам и профессиональным лгунам журналистики.

Особенный удар сделал Дан на дезорганизованность армии и опасность, скрывавшуюся за ней. Разруха промышленная, транспортная, продовольственная и пр., громко кричавшая о том, что продолжение войны грозит катастрофой, что эта катастрофа сказалась уже тогда бегством солдат с фронта и из внутренних округов домой в количестве—как приводил сам же Дан—до 2 млн. дезертиров,—ничему не поучала этого «вождя» соглашателей.

Начав свой доклад вопросами борьбы за мир, Дан закончил его так, как требовала того русская и союзная ей буржуазия, а именно признанием необходимости «вести войну за мир», превратив ее в орудие достижения мира... путем наступления на немцев.

После Дана слово было дано В. И. Ленину.

Ленин начал свою речь [1] анализом опубликованного Исполнительным комитетом воззвания к народам всего мира от 14 марта. Сопоставляя различные места этого воззвания, В. И. Ленин вскрыл таившиеся в нем противоречия, показывавшие лучше всего то

> «противоречивое, неудержимо запутанное положение, в которое благодаря теперешней политике меньшевиков и народников революционные рабочие и крестьяне попали. С одной стороны, они за поддержку войны, с другой стороны, они принадлежат к представителям классов, которые не заинтересованы в захватных стремлениях правительств всех стран, и они не могут этого не сказать».

В. И. Ленин, отметив, что в сознании рабочего и крестьянина глубоко внедрилась мысль о захватном характере войны, указывает, что противопоставление правительства народу, как это делает цитируемое им воззвание, «есть величайшая теоретическая путаница», ибо правительство, какой бы формы правления оно ни было, «выражает интересы определенных классов». Далее, взяв «превосходное обращение» из того же воззвания, в котором рабочие и крестьянские массы призывались отказаться «служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров», В. И. Ленин предложил принять это обращение и для себя по отношению к своим собственным помещикам и банкирам.

[1] См. Ленин, Соч., т. XIV, ч. I, стр. 300, изд. 1921 г.

«Если вы говорите—«откажитесь служить орудием в руках ваших банкиров», а собственных банкиров пускаете в министерство и сажаете с социалистами-министрами,—вы превращаете все свои воззвания в ничто, всю свою политику на деле опровергаете. На деле как будто не было ваших превосходных стремлений или желаний, ибо вы помогаете вести со стороны России ту же самую империалистическую войну, ту же самую захватную войну».

Значительная доля речи В. И. Ленина носила разъяснительный характер, опровергавший вульгарное, буржуазное объяснение войны злой волей отдельных королей или правительств. Отрицая волю отдельных лиц в порождении войны, В. И. Ленин подчеркивал ответственность за нее всего капиталистического класса.

«Вы приходите в противоречие с теми массами, которые вы представляете, потому что эти массы никогда не станут на точку зрения капиталистов, открыто выражаемую Милюковым, Маклаковым и другими, которые говорят: «нет преступнее идеи, что война ведется в интересах капитала». Я не знаю, преступна ли эта идея, но не сомневаюсь, что с точки зрения тех, которые сегодня полусуществуют, а завтра может быть существовать не будут, эта идея преступна, но она единственно правильна, она одна выражает наше понимание этой войны, она одна, которая выражает интересы угнетенных классов, как борьбу против угнетателей; и когда мы говорим, что война капиталистическая, захватная, не надо делать иллюзий: что тут нет и тени того, что будто бы преступления отдельных лиц, отдельных королей могли вызвать такую войну. Империализм есть определенная ступень в развитии всемирного капитала, империализм, десятилетиями подготовлявшийся, свелся к тому, что небольшая группа гигантски богатых стран—их не более четырех: Англия, Франция, Германия и Америка—скопили в таком количестве богатства, сотнями миллиардов измеряемые, скопили такую силу в руках крупных банков и крупных капиталистов..., которая весь земной шар поделила буквально, в смысле территориальном, в смысле колоний».

В этом этапе развития капитализма Ленин находил и основы аннексий.

«Аннексия есть не что иное, как политическое выражение и политическая форма того господства гигантских банков, которое вылилось из капитализма».

Дав такими мазками картину мировой капиталистической борьбы, принявшей форму вооруженной войны, В. И. Ленин сказал, что

«смехотворны мысли о борьбе против войны словами, манифестами, прокламациями, социалистическими съездами».

Этими словами он бил буквально в самое сердце соглашательской тактики в борьбе за мир, развернутой ими на съезде. Именно в этой осмеянной Лениным словесной борьбе они находили весь смысл и всю «подготовку» западноевропейской демократии к борьбе за «мир».

Отметив «смехотворность» этих надежд, В. И. Ленин указал и на недостаточность политических переворотов, сменяющих один режим другим, монархию—республикой, если они не меняют существа капиталистической власти.

«Борьба с империалистической войной невозможна иначе как борьба революционных классов против господствующих классов и против этих господствующих классов во всемирном масштабе».

Как подлинный пролетарский интернационалист, Ленин ставил перед делегатами Съезда прежде всего вопрос о борьбе против

своих собственных банкиров, «иначе никто нам не поверит и никто нас не возьмет всерьез».

Высмеивая идею борьбы с войной путем социалистической конференции, с которой тогда носились все соглашатели, или соглашениями социалистов на съездах, Ленин находил эти мысли ошибочными, ибо

«империализм есть последняя ступень в развитии капитализма, когда он дошел до того, что поделил весь мир между собой и в мертвой схватке схватились две гигантские группы. Либо служи одной, либо другой, либо свергай обе эти группы—никакого иного пути тут нет».

Борьбу против обеих групп, т. е. против капиталистов во всех странах, и предлагала вести наша партия, призывая рабочих и крестьян своей страны к борьбе со своими капиталистами. Но такая политика нашей партии вызывала сопротивление не только со стороны капиталистов, но и всех социалистов из соглашательских партий (меньшевиков и эсеров) того времени, выступавших сомкнутым строем на защиту капитализма. Все усилия нашей партии и Ленина были направлены на вскрытие этого обмана широких рабочих, крестьянских и солдатских масс, доверившихся руководству социал-соглашателей.

По вопросу о сепаратном мире с Германией В. И. Ленин ответил, что

«когда вы отговариваетесь от сепаратного мира тем, что мы де не хотим служить немецкому империализму—это совершенно верно, поэтому и мы против сепаратного мира. Но вы, фактически, помимо вашего желания, продолжаете служить англо-французскому империализму с такими же захватными, грабительскими стремлениями, которые и русскими капиталистами при помощи Николая Романова претворены в договоры».

Характеризуя эти договоры грабительскими, Ленин снова ставит вопрос о сепаратном мире, отвергая его как соглашение с капиталистами.

«Для нас сепаратный мир является соглашением с немецкими разбойниками, потому что они грабят так же как и другие. Но такой же сепаратный мир есть соглашение с русским капиталом в русском Временном правительстве».

Переходя далее к лозунгам соглашательских вождей Совета, Ленин отметил, что меньшевики и народники запутались. Сначала они выдвинули «мир без аннексий и контрибуций», а затем в «Известиях» дали разъяснение, что эта формула означает сохранение довоенного положения, а это значит, что она приведет к миру в интересах немецких капиталистов.

На этом лозунге—«мир без аннексий и контрибуций»—Ленин доказывал соглашателям, что они-то именно и скатываются к сепаратному миру с капиталистами, ибо этот их лозунг не для всех капиталистических правительств будет приемлем,

«немецкие капиталисты, видя перед собой Америку и Италию, с которыми прежде заключали договоры, скажут: «Да, мы примем этот мир без аннексий. Он для нас не есть поражение, он для нас победа против Америки и Италии». Вы объективно скатываетесь к тому сепаратному миру с капиталистами, в котором вы нас обвиняете, потому что вы не рвете принци-

пиально, в своей политике, на деле, в своих практических шагах, с теми банкирами, как выразителями империалистического господства во всем мире, которых во Временном правительстве вы и ваши социалистические министры поддерживаете».

Все разговоры о том, что войну можно прекратить социалистическими съездами, Ленин считал обманом, так как и в социалистическом лагере происходила борьба, был раскол.

«Победа империализма есть начало неизбежного, неминуемого во всех странах раскола социалистов на два лагеря. Кто теперь продолжает говорить о социалистах как о чем-то целом, как о чем-то таком, что может быть целым, тот обманывает себя и других».

На примерах внутренней политики Временного правительства Ленин обвинял соглашателей в том, что в отношении Финляндии и Украины они продолжают политику аннексий. В противовес их политике Ленин выдвигал союз свободных республик, освобождение всех народностей в нашей стране.

Выход из этой войны Ленин находил только в революции, в поддержке революции угнетенными капиталистами классами, призывая свергнуть власть капиталистов у себя и тем дать пример другим.

«Только в этом социализм. Только в этом борьба с войной»,—

заключал он, отвергая все остальное как пустое фразерство. Из этой позиции вытекала, при известных условиях, возможность революционной войны угнетенного класса, взявшего власть. Ленин это предвидел и открыто заявил, что

«ни один революционный класс зарекаться от революционной войны не может, потому что иначе он осуждает себя на смешной пацифизм».

Союзниками такой революции Ленин считал угнетенных рабочих всех стран и предлагал Съезду направлять свою международную политику в сторону этого союзника, чтобы он отозвался на нее по примеру 1905 г.

В этом месте В. И. Ленину бросили с места реплику о том, что его-де сторонники на западном фронте «дезорганизуют» армию. На это он ответил, что

«никто из нас не только не предлагал никакого преобразования, кроме свободного распространения наших воззваний, которые написаны с одной стороны на русском языке, с другой—на немецком. Там сказано: капиталисты обеих стран—разбойники. Удаление их—только шаг к миру».

В качестве предметного урока, как следует по-революционному бороться с аннексиями, Ленин взял кавказский фронт и предложил, чтобы та армия, которая вела войну на территории Армении, сделала из нее независимую Армянскую республику; это показало бы народам Азии, что русский народ не на словах, а на деле за самоопределение наций. Только подобная политика не на словах, а на деле являлась революционной. То же, что делалось Временным правительством и поддерживалось социал-соглашателями, Ленин считал политикой контрреволюционной, связанной с империалистической буржуазией.

Свою часовую речь В. И. Ленин закончил выдержкой из письма крестьянина, понявшего программу большевиков и писавшего, что

«нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам. Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет».

Содержательность речи Ленина заставила весь Съезд прослушать его внимательно, даже продлить ему время и проводить аплодисментами не только со скамей наших партийных товарищей. Это обстоятельство весьма беспокоило соглашательский сектор, и поправить дело вышел «сам» Керенский. Он начал свою речь с оглашения немецкого радио «Всем», принятого русской станцией 7 июня, в котором один из германских главнокомандующих восточным фронтом, Леопольд Баварский, отвечал на воззвание Советов от 28 мая[1]. Вот этот ответ германского принца и послужил Керенскому для «уличения» Ленина в тождестве его взглядов с изложенными в нем взглядами принца, а также для доказательства, что его политическая линия... «является союзной для тех обращений к русской демократии, которые позволял себе делать немецкий принц». Бессильный противопоставить Ленину обстоятельный принципиальный отпор, Керенский наполнил свое вступление истерической декламацией, что в других странах у русской революции союзников нет, что предложения Ленина ведут к гибели революции. Борьбу с собственными капиталистами он отвергал, так как считал это «бунтом против законов исторического развития». Он стоял за «постепенное движение, с соблюдением исторической обстановки.

Обвинение в том, что эсеровское и меньшевистское большинство служит интересам капитала, Керенский пытался опровергнуть такими внешними признаками, как уход Милюкова, и пустой фразой о том, что

«политика Временного правительства идет по тому пути, который указывает ей разум демократии и интересы международного торжества демократических идей...».

С самодовольством заявил он Съезду, в виде опровержения Ленину, что вопрос о

«конференции и пересмотре договоров уже поставлен и не только поставлен, но принципиально это сделано возможным в среде всех союзников».

Но помимо этих хвастливых и обманных утверждений в его речи были явно провокаторские выходки, попытки натравить на Ленина патриотов за его проезд через Германию, ибо только так можно было понять тогда его вопрос Ленину—«почему он не остановился в Германии и там не проповедывал то, о чем говорил здесь», вызвавший восторженные аплодисменты социал-патриотов.

Все дальнейшее содержание речи Керенского заключалось в игре бессодержательными фразами о защите «революционной демократии», о защите более демократических стран против стран

[1] См. это радио в приложении 36.

реакционных, к которым соглашатели породы Керенского относили Австрию, Германию и ее союзников. Предложения Ленина он отводил как авантюру, не пытясь противопоставить им какой-либо анализ создавшегося в стране положения.

Вечернее заседание 9 июня открылось речью Ю. Мартова. Он начал свою речь разбором результатов того политического «плана действия», который проводили социал-соглашатели от имени революционной демократии. Результаты трехмесячной деятельности в основной области пересмотра целей войны союзниками, по Мартову, были равны нулю. Никаких уступок со стороны союзников по отношению к революционной России Мартов не находил, а видел, наоборот, проявление пренебрежения. «Двуединый план», как называл Мартов соглашательскую «мудрую» политику—дипломатического нажима, с одной стороны, и нажима пробудившейся под влиянием и воздействием русской революции европейской демократии снизу на свои правительства,—блестяще провалился.

Попытки Совета воздействовать на демократию воевавших стран через социалистические партии этих стран не обещали ничего хорошего, так как социалистические партии, их большинство, стояли на почве классового мира и рассматривали себя ходатаями по государственным делам. Политику Временного правительства и советского большинства в вопросах борьбы за мир Ю. Мартов считал «политикой шатаний, колебаний, политикой лавирования». С одной стороны они рассчитывают «на пробуждение революционных стремлений в массах воюющих стран», а с другой—боятся раздразнить союзников. Мартов упрекал большинство в том, что оно колеблется и не обращается к революционным элементам всех стран, в том числе и к германскому пролетариату.

Угрозы «сапаратного мира» Мартов считал пугалом, ибо отказаться следовать за союзниками (т. е. продолжать войну) на основе старых договоров—выход нормальный. Но одновременно он не соглашался и с постановкой вопроса Лениным о борьбе с войной:

«Мы никогда не стояли на той точке зрения, что война не может закончиться, пока капитализм будет существовать, пока он не свергнут революционным пролетариатом и повсюду не стоит социалистическая власть».

Так «понимал» Ю. Мартов постановку Лениным вопроса о борьбе с империализмом и порожденной им войной. Ю. Мартов и в этом случае попытался занять «среднее» место между социал-демократами большевиками и социал-патриотами.

Призывы Дана и Керенского к подготовке наступления заставили Ю. Мартова указать им, что при своей стратегии они упускают политическую сторону вопроса. При этом заявил, что

«о стратегической стороне мы не спорим. Когда стратегически необходимо наступление для цели обороны армии от разгрома, об этом политического спора быть не может»,—

но требовал гарантии, чтобы наступление не использовалось в политических целях парализования движения в пользу мира.

В тот же вечер выступал делегат с фронта Виленкин, поддерживавший Дана, за ним следовал Л. Б. Каменев, развивавший взгляд нашей партии на некоторые положения общей программы по борьбе за мир—мир без аннексий и контрибуций. За ним следовал социал-патриот Саакъян (или Саакъянц), посвятивший все свое время полемике с речью Ленина. Он признался, что

«речь т. Ленина очень стройно была построена, и если не следишь за посылкой самой речи, если не найти ложности самой посылки, то ни в каком случае нельзя обнаружить ложности всей системы, так как система была построена логично».

Но вот Саакъян и поставил себе благодарную задачу отыскать у Ленина ложные посылки и, вынув их как камни из фундамента, опрокинуть все его логические сооружения. В качестве основной ложной посылки Ленина по Саакъяну оказалось утверждение, «что революционная демократия, если она революционна на деле, применяет революционные методы борьбы», исходя из которого Ленин предлагал путем наглядных примеров дать урок наглядного обучения германскому и мировому пролетариату. И такую «посылку» Ленина Саакъян хотел разбить вдребезги сообщением о том, что наша молодая и малограмотная демократия едва-ли сможет дать уроки странам, где 70—80% грамотных! В таком духе, примерно, было и прочее его «опровержение» большевизма.

Вслед за Саакъяном место на трибуне занял Троцкий, развивавший свои интернационалистические взгляды на войну и политику Временного правительства и высмеявший министров-социалистов, особенно военно-морского, за то, что они мобилизовали «наиболее удачные аргументы против т. Ленина, вместо того чтобы с точки зрения военно-морской мобилизовать наиболее удачно аргументы против немцев». В заключение он развил одно из положений В. И. Ленина о том, что союзником русской революции может быть только пробуждающийся европейский пролетариат.

После Троцкого на помощь Дану вышел Церетелли. Он начал свою речь ответом на остроту Троцкого, что министры социалисты мобилизуют силы против небольшой группы левых Съезда. Церетелли объяснил мобилизацию министров против этой группы тем, что ее позиция опасна для революции; левой группе приходится уделять много времени, так как через эту позицию откроются «ворота», через которые может ворваться контрреволюция». Предложения Троцкого он принял как требование предъявить союзникам ультиматум о целях войны и отвергал его, между прочим, потому, что считал недопустимым предъявлять его демократии Англии и Франции. Впервые Церетелли ставил открыто знак равенства между правительством и «демократией» этих стран. Лозунг наступления он оправдывал необходимостью доставить армии возможность «упражняться», так как по его мнению стояние армии деморализует ее...

За ним выступил Вайнштейн, обвинявший левых в демагогии, отказе от научных основ социализма и в нежелании считаться с объективной обстановкой.

Около 10 часов вечера председательствующий дает слово

Плеханову. Все оживились, из коридора потянулись в зал заседаний послушать, что же скажет «отец русского марксизма». Даже наши товарищи, и пишущий эти строки в том числе, зная патриотическое настроение старика Плеханова, все же решили выслушать его не выходя из зала, как это обычно делали во время трафаретных речей соглашателей. Большинство съезда встретило Плеханова продолжительными аплодисментами, особенно активными с правой стороны зала.

Плеханов старался быть остроумным, избрал для своих нападок выступление Троцкого, под которым он разумел всех интернационалистов, причем ни разу не произнес имени Мартова и Ленина. Все содержание его речи сводилось к защите позиции Временного правительства, к опровержению тактики, предлагаемой интернационалистами, как бакунинской, к доказательствам неподготовленности нашей страны и даже Европы для социалистической революции. Было весьма тяжело слушать остроумные сравнения в речи талантливого Плеханова, защищавшие чуждое пролетариату дело войны.

Последним в тот вечер выступал Лабинский с интернационалистической критикой позиции большинства Совета в отношении к войне. Критику он подкреплял фактами из последних выступлений различных союзных правительств по вопросу о целях войны; высказывался против конференции социал-патриотов.

После этого оратора по регламенту Съезд должен был закрыться до следующего дня, но выступил Н. С. Чхеидзе и заявил, что завтра, 10 июня,

«у нас в Петрограде предполагаются большие демонстрации. Есть совершенно определенные призывы к выступлению завтра. По нашему учету завтрашний день, товарищи, если не будут приняты соответствующие меры вами, Съездом, завтрашний день может быть роковым. Поэтому, товарищи, мы просим вас не расходиться, ибо, быть может, вам сегодня придется заседать здесь целую ночь».

Запрещение рабочей демонстрации

Что же произошло за день 9 июня, что так вдруг встревожило социал-соглашателей, что они решились заседать целую ночь? В этот день президиуму Съезда стало известно о том, что ПК и ЦК нашей партии постановил организовать в субботу, 10 июня демонстрацию рабочих и солдат под своими лозунгами. Создавшаяся в то время в Питере и во всей стране обстановка была весьма благоприятна для демонстрации революционной воли пролетариата. Настроения, господствовавшие на Съезде, стояли в столь кричащем противоречии с настроениями и чаяниями петербургских рабочих и солдат, что было политически весьма важно показать съехавшимся провинциальным делегатам подлинное лицо революционной демократии столицы, которое резко отличалось от того, каким они видели его в лице соглашательского представительства на Съезде. Созванное ПК и ЦК нашей партии совещание с представителями от районов, заводов и воинских частей 8 июня настаивало на организации демонстрации, пре-

достерегая, что если партия не возьмет это дело в свои руки, возможны стихийные выступления.

Учитывая это состояние, ПК и ЦК постановили организовать демонстрацию 10 июня в 2 часа дня.

Эту разницу в настроениях Съезда и «рабочей улицы» учитывали и эксплоатировали соглашатели в направлении давления провинции, всегда несколько отстававшей от Питера, на революционных рабочих столицы.

В тот вечер из типографии, в которой печатались наши газеты «Правда» или «Солдатская правда», социал-соглашатели получили оттиск воззвания, призывавшего рабочих и солдат на демонтсрацию 10 июня и излагавшего ее цели [1]. Этот приз из нашей партии к демонстрации срывал соглашательскую игру, а инициатива нашей партии в устройстве демонстрации и настроение рабочих и солдат обрекали социал-соглашательские партии, если бы они пожелали принять в ней участие, на явный провал. Руководители съездовского большинства прекрасно понимали политическое значение демонстрации и всеми своими силами обрушились на нашу фракцию, осыпая нас обвинениями в подготовке «захвата власти». Съезд они запугивали «темными» силами, контрреволюцией, которые должны были, по их предположению, следовать за выступлением рабочих и солдат Питера. Кроме того соглашатели заявляли и о том, будто в Исполнительном комитете Петроградского совета были сведения о готовящейся контрдемонстрации рабочих и солдат и что обе демонстрации будут вооружены. Был пущен слух и о «заговоре»» с целью свержения Временного правительства.

Наша фракция имела в ту же ночь весьма бурное заседание, длившееся часа три. Часть делегатов Съезда, провинциалы, поддались крикливой шумихе о «дезорганизаторских» действиях нашей Петроградской организации и настаивали перед ЦК на отмене демонстрации. ПК и ЦК стояли на своем решении—демонстрацию устроить. Особенно непримиримую позицию в этом деле занимал В. И. Ленин.

Во время заседания нашей фракции Съезд принял по предложению президиума постановление, запрещавшее устройство каких-либо демонстраций в течение ближайших трех дней, объявив, что «нарушение этого постановления—удар по революции. Кто будет призывать к нарушению этого постановления, тот враг революции».

Наша фракция воздержалась от голосования и заявила Съезду, что фракции не было дано необходимого времени для того, чтобы она могла столковаться. Запрет демонстрации Съездом разоблачал соглашателей перед рабочими, но одновременно осложнял наше положение на Съезде, так как нарушение его постановления могло поставить нас в изолированное положение и преждевременно лишить «советской» опоры со стороны интернационалистов, которые на Съезде в известных вопросах шли за нами. В вопросе же о демонстрации все социал-демократы интерна-

[1] См. обращение в приложении 37.

ционалисты стали на сторону Съезда; туда же смотрели и некоторые группы, близко примыкавшие к нам в то время (напр. Луначарский, «новожизненцы» и др.). По предложению Гегечкори, державшего гнуснейшую речь против нас, было принято особое обращение к рабочим и солдатам, которое постановили распространить листовками по заводам и казармам столицы. Кроме того Съезд постановил отправить часть делегатов с раннего утра 10 июня по фабрикам, заводам и казармам для предупреждения возможных выступлений.

Заседание Съезда было перенесено в Таврический дворец, а после его закрытия образовали особую комиссию для «ликвидации» демонстрации. В ее состав вошли представители всего соглашательского блока, от социал-демократов меньшевиков, до трудовиков.

Узнав о решении Съезда, запрещавшем демонстрации, ЦК нашей партии отменил демонстрацию и снял со страниц «Правды» обращение в пользу участия в ней и на ее место поместил обращение об отмене демонстрации.

В Таврическом дворце утром 10 июня состоялось «частное совещание» членов Съезда, посвященное назначенной в тот день демонстрации, на котором социал-демократы меньшевики и эсеры подготовляли свои ряды для удара против нашей фракции, а через нее и по всей партии. Дан настаивал на признании нами, социал-демократами большевиками, обязательными для себя постановлений их большинства. С объяснениями о положении дел от социал-демократов большевиков выступал В. П. Ногин, давая фактические справки, рассеивая всячески попытки создавать около этого дела сенсацию. Отдельно заседали члены ИК совета крестьянских депутатов и вынесли резолюцию, осуждавшую действия нашей партии.

В тот же день состоялось совещание членов ПК и ЦК нашей партии с представителями от районов и воинских частей. На нем обсуждалось положение, создавшееся в связи с запретом демонстрации. Вынесли постановление, в котором требовали от Съезда решительной и немедленной борьбы с той контрреволюцией, о подготовке которой говорили эсеры и социал-демократы меньшевики, и которая предполагала воспользоваться демонстрацией 10 июня для своего выступления.

Социал-соглашательский блок мобилизовал в те дни, опираясь на Съезд, все свои силы для нанесения нам удара в низах, но ошибся в своих политических расчетах. Когда весть о запрете демонстрации разнеслась по фабрикам, заводам и казармам, негодование рабочих было огромное. Мобилизованные социал-соглашателями съездовские и прочие силы, ездившие всю ночь и все утро по заводам и фабрикам Питера, вместо борьбы с большевиками в низах, вынуждены были оправдываться и путаться в объяснениях, почему они запретили демонстрацию. Как велико было негодование рабочих и солдат, видно было из многочисленных фактов, свидетельствовавших о том, как представители ИК и делегаты Съезда вносили «успокоение» в рабочую и солдатскую среду.

Например, во 2 пулеметном полку они задавали солдатам вопросы в таком духе: «Выступил ли бы полк 10 июня с протестом против советов или нет?» Уже сама эта постановка свидетельствовала о крайне трудном положении, в которое сами себя поставили соглашатели.

Газеты 10, 11 июня и в последующие дни были наполнены травлей против социал-демократов большевиков и партии в целом. В органе Петроградского совета—«Известиях» 10 июня большими буквами было напечатано «Не слушайте провокационных призывов», а следом за ним было помещено воззвание Съезда, блока соглашателей и «новожизненцев» против демонстрации[1].

Утреннее заседание 11 июня. Прения по вопросу о войне

Заседание 11 июня открылось с большим опозданием. Делегаты с утра собирались плохо, часть их заседала по фракциям. Во всех углах обсуждали создавшееся в Питере положение, в связи с запрещением демонстрации 10 июня. Делегаты делились своими впечатлениями, которые были далеко не в пользу вождей съездовского большинства. По инициативе президиума,—вернее, по желанию партийных центров соглашателей, на тот же день было назначено собрание членов ИК, членов бюро всех фракций, посвященное все тому же вопросу об отношении к «большевистскому выступлению». Об этом совещании, назначенном на 4 часа, оповестил Съезд председатель, открывая заседание, а затем предоставил слово казаку Ткачеву, приветствовавшему Съезд советов от имени Съезда всех одиннадцати казачьих войск и областей со Съездом и о своей верности Временному правительству.

После приветствий слово было предоставлено Державину для продолжения прений по докладу о войне. Оратор повторял уже избитые фразы своих товарищей по социал-патриотизму, перепевая на разный лад мысли о вреде сепаратного мира и пользе боевой готовности армии к наступлению.

В качестве фронтового представителя выступил в этот день член нашей фракции Н. Крыленко. Он начал свою речь с чтения ряда резолюций об отношении солдат к войне и наступлению. В одной из них солдаты писали:

«мы не хотим умирать, когда в душу закрадывается сомнение, что снова вовлечены мы в бойню капиталистов. Нет сил с легкой душой двигаться вперед, нужна уверенность перед смертью, что умираем за дело народа, а для этого требуется, чтобы вся власть была в руках Совета Р. и С. депутатов, и если нужно тушить пожар, если для скорейшего достижения мира нужна война, если для этого нужно наступление, мы пойдем, но чтобы пойти вперед, необходимо, чтобы Совет взял всю власть в свои руки».

Ссылка на резолюцию полков вызвала возгласы, шумные запросы о том, откуда эти части и т. д. От чтения резолюций Крыленко перешел к разбору исторических поучений военного министра Керенского, напомнил ему, что во время Французской

[1] См. это воззвание в приложении 38.

революции «организатор победы Карно» имел за собой революционный конвент, который проявлял свою власть против врагов революции, а не против ее левого крыла. Закончил Н. В. Крыленко свою речь резким осуждением внешней политики соглашателей, заявив, что призывать солдат к наступлению он не будет, чем вызвал бурное выражение соглашательского негодования и даже провокационные обвинения в трусости.

Выступавший за ним Подвицкий посвятил свое время на критику «товарищей слева» за их прямолинейность.

А. В. Луначарский, получивший слово после Подвицкого, поставил ребром вопрос о том, что вне перехода власти в руки демократии нет пути для выхода из войны и доказывал, что взятие власти способствовало бы усилению революционного движения среди пролетариев европейских стран.

Речь представителя фронта Печерского была направлена против большевиков. Видя в заявлении Крыленко готовящийся «трагический эпизод» для армии, он обвинял нас в дезорганизации армии, в противодействии «воле революционной демократии». Против предложенных Н. Крыленко резолюций выступил представитель той же армии Никаноров. Как сослуживец Крыленко он вынужден был прежде всего опровергнуть клевету; он заявил, что хорошо знает Крыленко и что последний не может быть трусом. Не соглашаясь однако с резолюциями, прочитанными Крыленко, Никаноров огласил другие, составленные в патриотическом духе.

Критике большевизма была посвящена и речь делегата Сухова.

Затем слово было дано Г. Е. Зиновьеву. Он начал свою речь разбором лозунга «мир без аннексий и контрибуций», на котором благодаря его неясности, сходились все: и германские импереалисты и противники из англо-французского лагеря. Он требовал от вождей большинства съезда точного определения этого лозунга.

С опровержением Крыленко выступил Лалевский, также противопоставляя резолюциям, принятым низами (непосредственно полками, стоявшими на фронте), резолюции фронтового съезда.

Представитель XII армии северного фронта Хараш требовал от социал-демократов большевиков, чтобы они блюли «престиж социалистических партий и идеи социализма» и отмежевались бы от «грязных» источников. В то же время он хотел, чтобы большевики ему заявили, что когда демократия решит иначе, чем они предлагают, то и они пойдут по тому пути: обращаясь к Крыленко, он требовал, чтобы тот сказал, «что когда мы будем умирать на фронте, то пойдут умирать все, в том числе и большевики».

С весьма обстоятельной отповедью соглашателям выступил Эрман, начавший свою речь с указания, что «история жестоко карает всякое политическое лицемерие и она жестоко покарала вас!»; Он напомнил им, большинству соглашателей, как после 4 августа 1914 г.—когда немцы голосовали за военные кридиты, они клеймили этих социал-демократов.

«Ныне же история поставила вас в то же положение, которое занимало германское большинство социал-демократии 4 августа 1914 г.: вы под-

держиваете кредиты, вы поддерживаете политику правительства, вы отказываетесь от интернациональной политики».

Выступавшие до перерыва: Лордкипанидзе, Арсон (от Екатеринослава, Бунд) и Бер (интернационалист) ничего нового не внесли. Дискуссия явно выдыхалась, аргументация была исчерпана, убеждать было некого, и вечером того же дня предполагалось закрыть прения и перейти к заключительному слову докладчика и голосованию резолюций.

Вечернее заседание. Доклад о международной конференции.

Вечернее заседание 11 июня открылось приветственной речью находившегося в. то время в России бельгийского министра Вандервельде. Он напомнил, что был в России в 1914 г. и приветствовал социалистов от имени бельгийских рабочих, а ныне приехал, чтобы проповедывать общий союз для борьбы с германским империализмом. Он считал, что Россия переживала грозный момент: все зло, оставленное царизмом (расстройство финансов, негодность средств обороны и т. п.) требует объединения всех сил.

«Вопрос сейчас стоит так: восторжествует деспотизм в мире или же после нескольких лет страданий и борьбы народы наконец смогут дышать воздухом свободы».

Далее он заявил о своем согласии в вопросе о целях войны с теми, о которых говорят на Съезде.

«Вы только что покончили с деспотизмом и сейчас находитесь в состоянии счастливого опьянения свободой. Мы были свободны до войны, но теперь мои братья и товарищи, бельгийские рабочие, оказываются рабами императора Вильгельма».

Будучи в России, Вандервельде часто говорил:

«Если бы я был русским—я думал бы, как думаете вы, но если вы были бы бельгийскими пролетариями, если бы вы страдали так, как страдает пролетариат Бельгии, часть которого находится в изгнании в других странах, часть в заточении у себя в своей стране, вы думали бы несомненно так, как думают бельгийцы».

Но все эти разногласия, по словам Вандервельде, ничтожны по сравнению «с тем интернационализмом, который нас соединяет. В этом увлечении интернационализмом Вандервельде «аннексировал» и Либкнехта и Люксембург, сидевших тогда в тюрьме за борьбу против войны, а он—в министерском кресле за поддержку ее против «нападавшего империализма».

Русская революция была для них одновременно «большим праздником и большой тревогой». Тревога их была вызвана сомнениями, «сможет ли революция исполнить ту задачу, которая перед ней стоит». За свои шесть недель пребывания в России Вандервельде успокоился: уезжая он уносил благоприятное впечатление. Что же так радовало Вандервельде? Он тут же сообщил: первое—образование коалиционного правительства, второе—восстановление и организация революционной армии и третье—это самый Съезд.

Речь Вандервельде на французском языке была произнесена блестяще и вызвала аплодисменты даже у «новожизненских» интернационалистов, сидевших впереди большевистских скамей.

Н. С. Чхеидзе, отвечая ему, отметил знакомство Вандервельде с Россией и напомнил о желании съезда скорее ликвидировать войну, но в то же время советовал запомнить, что «освобождение Бельгии нам так же дорого, как и интересы нашей великой революции».

После приветствий на голосование было поставлено и принято предложение о прекращении прений. Слово было предоставлено Дану для окончания доклада. Он начал его с указания на

«ту тактику, которая определенным крылом применяется везде и всюду, применяется к вопросу о войне, и практические последствия которой мы вчера могли почти осязать своими руками, ибо та же самая тактика, которая вчера применялась по отношению к вопросам нашей внутренней жизни товарищем Лениным и его единомышленниками, применяется ими к вопросу о войне».

В этом Дан видел большую опасность. Из постановки Лениным вопроса о возможности ведения войны пролетариатом и беднейшим крестьянством, взявшим власть, Дан делал вывод, что тактика большевиков ведет не к миру, а к войне, и требовал, чтобы мы так и сказали солдатам, сидевшим в окопах. Тактику большинства Съезда он считал единственно правильной и ведущей страну к миру.

После его речи слово для сообщения о работе по созыву международной социалистической конференции было дано Розанову. Последний в своей речи изложил те мысли, которые были опубликованы в обращении к социалистам [1], добавил к ним, что идея ответственности империалистических правительств за эту войну не была «исключительно русской мыслью», такие мысли родились и в Европе. Русская революция предвещала если не конец войны, то указывала на ее ближайшее окончание, а в связи с этим

«появились различные планы относительно объединения всех сил, которые должны будут кончить эту войну, т. е. демократических сил—и в первую голову социалистических сил пролетариата. Международная конференция предполагалась к созыву, с одной стороны, крайними левыми социал-демократами, циммервальдцами, с другой стороны, Голландско-скандинавским комитетом, представляющим собою течения большинства. И то и другое течение приглашали Исполнительный комитет принять участие, но ни одно из этих течений не могло удовлетворить Исполнительный комитет».

Розанов пояснил, по каким соображениям эти течения «не удовлетворили ИК, его большинство. Признавая, что циммервальдцы—это те социал-демократы, которые за все время войны вели наиболее последовательно и энергично борьбу против империалистических правительств, признав даже, что «эта часть была нам наиболее близка, как революционерам», он и большинство ИК «не могли закрывать глаза на то, что эта часть во всех воюющих странах представляет собою только меньшинство»—и иногда

[1] См. гл. II этой книги.

только ничтожное меньшинство, а посему эти политические мудрецы решили, что объединение с этой частью социал-демократии «фактического значения в смысле быстрого окончания войны иметь не может...».

Инициатива же Голландско-скандинавского комитета их тоже не удовлетворяла, так как и этот комитет представлял лишь «часть социал-демократии»; кроме того их не удовлетворяла и сама «постановка дела» этим комитетом, при которой вместо конференции предполагались дипломатические переговоры с различными группами социал-демократов, выяснения условий желаемого ими мира, по которым предполагалось вести переговоры.

Эти обстоятельства заставили ИК взять на себя инициативу по созыву конференции на условиях, выдвинутых в манифесте Совета. Далее Розанов остановился подробно на том отклике, который нашел призыв Совета в различных странах, и препятствиях, стоящих на пути к конференции.

На этом вечернее заседание Совета 11 июня было закончено, но «частное» совещание членов ИК и представителей фракций продолжало еще заседать в большой палате, отведенной для фракционных заседаний эсеров.

Частное совещание членов ИК и представителей фракций съезда

На частное совещание членов ИК и представителей фракций пишущий эти строки не пошел сознательно и солидарно с В. И. Лениным, отказавшимся итти на такое собрание по соображениям принципиального характера. Поэтому изложу события не по личным наблюдениям, а как они были сообщены присутствовавшими на собрании представителями нашей фракции. Собрание открылось как частное совещание, но имело необычный характер: на нем собрались вожди всех партий того времени, от трудовиков до социал-демократов интернационалистов. Всего присутствовало до 100 человек. Вступительное слово сказал Дан и предложил от имени комиссии, которой было поручено ликвидировать демонстрацию, особую резолюцию, осуждавшую нашу партию. Содержание речи Дана, реплики с мест и вся обстановка указывали, что этому собранию социал-оппортунисты стремятся придать характер верховного судилища над РСДРП(б) и теми петроградскими пролетариями, которые поддерживали ее. Все выступление Дана заключалось в обвинениях социал-демократов большевиков в том, что они не считались с волей «революционной» демократии, что их тактика дезорганизует ее ряды, и требовал от нас подчинения большинству, а если мы не примем этого их предложения, угрожал поставить нас «вне рядов демократии». Но предложения Дана встретили протест даже в самой меньшевистской среде.

От имени бюро фракции социал-демократов большевиков выступил Л. Б. Каменев, разоблачивший, фактическими справками о том, как подготовлялась демонстрация, все измышления социал-соглашателей о «тайной» подготовке демонстрации, о «заговоре» и т. п. Факты заставляют считаться с собой, и Л. Б. Каменеву

начали задавать вопросы. Соглашатели чувствуют, что дело «смазывается», и тут, «для подогрева, выступил Церетелли, признавший уже недостаточными ни резолюции Дана, ни его обвинительный материал. Он заявил, что большевики организовали заговор в целях низвержения правительства и захвата власти, но что заговор был ими, соглашателями, раскрыт и обезврежен. Действия нашей партии он считал уже не идейной пропагандой, а заговорщической, и грозил переходом к «другим мерам борьбы», предлагая большевиков обезоружить и т. п. Своей речью он поднял напряжение до такой степени, что вызвал волнение и даже случай обморочного состояния. В ответ на это представители бюро нашей фракции покинули зал совещания[1]. Что продолжалось далее, нас уже не интересовало.

Отчет мандатной комиссии. Резолюция о событиях 9—10 июня

Дневное заседание 12 июня было посвящено обсуждению порядка секционных работ съезда и выделению тех вопросов, которые должны были там обсуждаться. Общее собрание съезда было назначено на вечер.

Вечернее заседание Съезда 12 июня открылось приветствием представителя Американского посольства, члена американской социалистической партии Русселя и ответной речью председателя. После этого слово было предоставлено для доклада мандатной комиссии.

Из доклада мы узнали, что на Съезд прибыло 1 090 делегатов, из коих 822 с решающими, а 268 с совещательными голосами. О партийности из них заполнили анкеты лишь 777 делегатов; по партиям распределялись следующим порядком: эсеров было—285; социал-демократов меньшевиков—248; социал-демократов большевиков—105; интернационалистов—32; внефракционных социалистов (группа Стеклова-Красикова и др.)—73; объединенных социал-демократов («новожизненцы» Луначарский)—10; бундовцев—10 группы «Единства» (плехановцы)—3; народных социалистов—3; трудовиков—5; на платформе Совета Р и СД—2 и анархистов-коммунистов—1. Сочувствующих—эсерам—2, социал-демократам меньшевикам—8; 17 чел. не заявили о своей партийной принадлежности. Были представлены на Съезде: 305 рабочих, солдатских и крестьянских объединенных организаций (вероятно советов); 53 районных, губернских, областных, уездных и армейских организации; 21 организация действующей армии; 8 тыловых воинских организаций и 5 организаций флота.

После доклада мандатной комиссии перешли к чтению внесенных на Съезд резолюций. Первую резолюцию, вносимую социал-демократами меньшевиками и эсерами, зачитал докладчик Дан. Резолюция социал-демократов меньшевиков-интернационалистов была зачитана Бером. Наши резолюции социал-демократов большевиков были зачитаны — одна, об отношении к войне, Преобра-

---

[1] См. подробнее об этом заседании статью «Историческое заседание», в «Правде» № 80 от 26/VI 1917 г.

женским, а другая, о мире без аннексий и контрибуций, Шаумяном.

В связи с постановкой на голосование резолюций нашей фракции происходит инцидент: президиум задумал поставить одновременно обе наши резолюции и тем самым помешать присоединению к одной из них сочувствующих нашей постановке вопроса о мире. Только решительный протест фракции вынудил президиум поставить решение этого вопроса на голосование самого Съезда. Съезд принял предложение—голосовать каждую резолюцию в отдельности[1].

После голосования от имени президиума выступил социал-демократ меньшевик Богданов и внес предложение о возложении венков на могилы жертв революции на Марсовом поле и при этом сделать из этого возложения политическую манифестацию. Одновременно аналогичные политические демонстрации должны состояться во всех крупных политических центрах.

Этим ходом социал-соглашатели делали мало удачное отступление от занятой ими позиции по отношению к демонстрации 10 июня. Они вынуждены были сделать этот шаг потому, что посещение их сторонниками ночью 9, а особенно 10 и 11 июня рабочих районов и собраний там, произвело сильное впечатление на делегатов. Под впечатлением этих посещений многие делегаты, провинциальные социал-демократы меньшевики изменили свое отношение к событиям в эти дни. Кроме того на тот же вечер предполагалось вынести на обсуждение резолюции «частного совещания», имевшего место накануне, и соглашателям было очень важно «своей манифестацией» перекрыть перед этим неблагоприятные мысли у своих сторонников.

После перерыва Съезд открылся под председательством Гегечкори, имея в порядке дня только один вопрос о событиях 9—10 июня. Наша фракция перед этим приняла решение не принимать участие в заседании, посвященном событиям 9—10 июня и поручила В. П. Ногину зачитать заявление фракции об ее отношении как к этому делу, так и тому заседанию 11 июня, которое было ему посвящено. Председатель придрался к В. П. Ногину за то, что он оглашает факты из деятельности «особого» и закрытого заседания и не дал ему зачитать его. В. П. Ногин покинул трибуну, оставив в президиуме заявление и вышел с заседания Съезда...[2].

После полутора часов нудных, никому не нужных прений была принята резолюция[3]. В выработке резолюции, направленной против нашей партии и революционного пролетариата Петрограда, принимали участие социал-демократы меньшевики интернационалисты и объединенцы (Мартов, Луначарский и др.), причем первые двое «смягчали» резолюцию Либера-Дана-Церетелли. На заседании Съезда 12 июня Луначарский вынужден был дезавуиро-

[1] См. все резолюции в приложении 39.
[2] См. это заявление в приложении 40.
[3] См. эту резолюцию в приложении 41.

вать свое участие голосованием против резолюции в «ухудшенной» редакции.

После этого пленарные заседания Съезда были отложены, и с 13 июня началась работа в секциях.

Выборы на международную конференцию. Выборы во ВЦИК

Вечернее заседание 16 июня открылось приветственной речью представителя Американской федерации труда, присланного капиталистами этой страны для демонстрации патриотизма американских пролетариев и для воздействия на русских социалистов в пользу более энергичного ведения войны против «тирании», предлагая России помощь американских рабочих. Отвечал на приветствие Н. С. Чхеидзе, отметивший, что России нужна американская помощь только в одном—в скороейшем окончании войны.

На повестке дня стоял доклад Муравьева о деятельности Верховной следственной комиссии, образованной в первые дни революции для привлечения к ответственности деятелей царского режима. Комиссия выясняла преступления высших чиновников царского времени, как она говорила—«первых трех классов». Это следствие, организованное буржуазными юристами, велось в рамках «закона», и Муравьев очень много говорил о тех «беззакониях», которые творились властями, о нарушениях царских законов министрами и другими сановниками. Вскрыла комиссия хорошо нам знакомую по подполью систему организации правительством провокации, дела предателей, вроде Сухомлинова и др.

После этого доклада поставили вопрос о посылке в Стокгольм на предпологавшийся Международный социалистический конгресс делегатов в составе членов ИК: Эрлиха, эсера Русанова, работавшего в Отделе международных сношений, члена ИК Дюбуа (социал-демократ меньшевик оборонец), комиссара XII армии Смирнова—рабочего социал-демократа меньшевика, Гольденберга—социал-демократа оборонца. Все предложенные кандидатуры были утверждены.

Затем был поставлен вопрос об едином центре революционной демократии, т. е. об объединении исполнительных органов двух съездов—советов рабочих и солдатских депутатов и советов крестьянских депутатов. Спор был о количественном составе этих частей в будущем общем центре. В конце концов Совет крестьянских депутатов вынес предложение, чтобы оба центра произвели слияние постепенно, начав с организации общих заседаний по крупнейшим вопросам, и таким образом создание немедленно единого центра отпало.

В тот же день обсуждались принципы организации и выборов Всероссийского центрального исполнительного комитета. В основу было положено пропорциональное представительство от всех фракций Съезда.

На другой день, 17 июня, продолжалось обсуждение о составе ВЦИК. Было решено выбрать в него 300 членов, из которых не менее 150 должны быть постоянно в Петрограде. 50 членов из них входили из ИК Петроградского совета, а 100 чле-

нов являлись представителями провинции, наезжавшими время от времени в Петроград.

Кроме того особое представительство было дано Центральным комитетом социалистических партий и два места Центральному совету профсоюзов.

Много споров вызвала «инструкция» вновь избиравшемуся органу, а также и вопрос о предоставлении места во ВЦИКе новой фракции—объединившихся на Съезде украинцев—социал-демократов и эсеров.

С внеочередным заявлением выступил от имени Временного правительства Церетелли, прося вмешательства Съезда для урегулирования финансовых дел Финляндии. Для покрытия военных расходов в Финляндии нужна была финская валюта, а Финляндский сейм медлил с рассмотрением просьбы Временного правительства об отпуске 350 млн. финских марок до октября месяца. Для переговоров с финляндской социал-демократией были выбраны Съездом трое—Заваде, Авксентьев, Гегечкори.

Демонстрация 18 июня

18 июня заседания не было. Все готовились к смотру своих сил. Наш ЦК поместил 17 и 18 июня в «Правде» особые воззвания, которые были специально приготовлены для манифестации 18 июня[1]. Газета буквально рвалась нарасхват. Весь Питер в этот день принял торжественный вид. С самого утра начались строиться колонны манифестантов, солдат и рабочих. Все улицы были переполнены празднично одетыми рабочими и работницами, которые проходили колоннами в антиправительственной демонстрации, утопавшей в красных знаменах, плакатах и лозунгах, направлявшейся различными улицами на Марсово поле.

Запретив «большевистскую» манифестацию 10 июня, Совет вынужден был взять в свои руки организацию манифестации 18 июня, но вместо манифестации «доверия» и «поддержки» организовалась мощная пролетарско-солдатская демонстрация, вся прошедшая под лозунгом нашей партии. Более $^9/_{10}$ всех плакатов содержали различные наши лозунги, как то: «Долой десять министров капиталистов!», «Вся власть Совету», «Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами», «Объявите справедливые условия мира!» , «Да здравствует контроль и организация производства!», «Долой Государственную думу и Государственный совет», «Отменить «приказы» против солдат!» и т. п.

Все эти надписи не были просто «подсунуты» в массу, как пытались клеветать на Съезде московские меньшевики подобно Хинчуку, а отражали ее политическое лицо. Лозунги, шедшие вразрез с общим настроением большинства демонстрантов, подвергались осмеянию, а некоторые знамена маленькой группы «Единства» с «доверием Временному правительству» рабочие и солдаты заставляли свернуть. Неугодные плакаты, висевшие по дороге, де-

[1] См. его в приложении 42.

монстранты снимали под дружные крики «ура». Проходя мимо могил жертв революции, рабочие и солдаты дружно кричали стоявшим на трибуне соглашательским вождям лозунги с.-д большевистской партии. Эта демонстрация наглядно опровергла буржуазную и социал-патриотическую клевету о том, что наша партия представляет собою заговорщическую группу, не имеющую за собой массы. Одновременно она свидетельствовала о мощном сдвиге в пролетарских и солдатских кругах в сторону политики нашей партии, против соглашений с буржуазией, за осуществление революционными средствами классовой политики.

Вопрос о наступлении армии. О событиях на даче Дурново

Заседание Съезда 19 июня открылось около 6 час. вечера. Днем происходили заседания фракций, на которых обсуждался вопрос о наступлении, предпринятом Временным правительством 18 июня. С кратким сообщением об этом выступил министр-социалист Церетелли. Известие о том, что «наша революционная армия перешла в наступление», было покрыто шумными аплодисментами. По сообщению Церетелли, переход в наступление означал «поворотный момент» в революции, состоявший в том, что «она должна обнаружить все силы, всю крепость новых демократических идеалов, осуществляемых ею в тылу и на фронте». Прочтя официальное донесение с фронта, министр говорил, что Временное правительство попрежнему считает своей задачей мир на основах отказа от царской внешней политики, но заявляет свое «твердое и неуклонное стремление защищать свою свободу, свою территорию от всякого посягательства извне», и что «ни одна капля крови русского солдата не будет пролита во имя империалистических интересов кучки империалистов». Далее следовали перечисления попыток «революционной демократии» завязать сношения с демократией всех воюющих стран и т. д., с уверенностью в том, что успехи русского оружия должна приветствовать демократия всех стран, в том числе и «воюющих стран». Тыл и его организации рабочих и солдат призывались к напряженной помощи фронту; наступление «послужит исходным пунктом собирания сил революции и исходным пунктом нашей революции»... За этим у Церетелли следовали возгласы и призывы «быть достойными». По окончании речи—почтение вставанием памяти «павших борцов наших на фронте».

Слово для доклада дали второму министру—эсеру В. М. Чернову, выступившему в защиту наступления с пустой оборонческой речью. С такой же речью в защиту наступления выступил и третий министр-социалист буржуазии—М. И. Скобелев. После него выступил Войтинский, внесший от имени социал-демократов меньшевиков и эсеров воззвание-привет к армии. Вслед за ним слово было дано Ю. О. Мартову, выступившему против наступления. Наступление было начато даже без получения от союзных правительств их отказа от захватнических целей войны; кровь солдат будет проливаться за империалистические цели; наступление яв-

ляется подарком для германксих империалистов, которые используют его для одураченных рабочих масс.

Против Мартова с ренегатской речью, защищая наступательную политику Временного правительства, снова выступил вчерашний «циммервальдец» Чернов. После его речи было принято предложение о прекращении прений, несмотря на протесты делегата от фронта Позерна от имени с.-д. большевистской фракции.

После прекращения прений были зачитаны заявления. Первым было оглашено Позерном заявление нашей фракции[1], затем от фракции социал-демократов меньшевиков-интернационалистов. Остальные фракции просто присоединились к приветствию, прочитанному Войтинским. Присоединился к нему и ИК Всероссийского совета крестьянских депутатов, от имени которого выступал Авксентьев. По «мотивам голосования» дали слово представителю нашей фракции Г. Е. Зиновьеву, который дал ответ на задававшиеся в тот день вопросы о том, как мы относимся к дезорганизации армии. Г. Е. Зиновьев заявил, что тот, «кто не верит клеветникам на нашу партию, тот знает, как мы относимся к дезорганизации, что мы отвергаем окончание войны путем втыкания штыков в землю, что мы отвергаем сепаратный мир, что мы стоим на той точке зрения, на которой стоят питерский пролетариат и революционный гарнизон». Находились такие делегаты, которые кричали Зиновьеву с места, что «Питер—не Россия». Напомнил он Съезду о демонстрации 18 июня, которая знаменовала исключительный успех наших лозунгов.

С протестом против прекращения прений и министерских угроз выступил Луначарский.

С «разъяснительной» речью после него выступил Церетелли. Он требовал, чтобы «все живые силы» России приняли в тылу все меры, чтобы на фронте ни в чем недостатка не было. Перейдя затем к упрекам, раздававшимся против наступления, и в частности к заявлению о радости, испытываемой империалистами по случаю перехода русских войск в наступление, Церетелли открыто заявил, что они сходятся с одной группой империалистов и мотивировал это тем, что союзнические империалисты не были заинтересованы в разгроме русских армий, а германские империалисты хотят их поражения. Утверждение Г. Е. Зиновьева о том, что петроградский пролетариат относится к наступлению иначе, Церетелли попытался опровергнуть прежде всего ссылкой на соотношение сил на Съезде, но, чувствуя слабость своих доводов, пробег к угрозе «призвать к порядку» ту часть революционной России, которая не будет согласна с ними.

Выступавший за ним В. П. Ногин высказал сомнение относительно того, что большинство Съезда или его меньшинство представляет революционный пролетариат. Но тот факт, что большинство рабочих Питера и Москвы, откуда он только что прибыл, в день демонстрации было на стороне нашей с.-д. большевистской партии, неоспорим. Политику наступления он считал преступной

[1] См. это заявление в приложении 43

и заявил, что будет голосовать против предложений блока социал-демократов меньшевиков и эсеров.

С опровержением речи В. П. Ногина выступил Л. М. Хинчук, стремясь опорочить его ссылки на демонстрацию, как показатель отношения пролетариата к войне и политике Совета. Самый факт обилия плакатов с большевистскими лозунгами Хинчук опровергнуть не мог, но объяснял его просто тем, что только большевики организовали это дело, другие-де этим не занимались. Он даже «сам видел», как под большевистскими плакатами «была масса черносотенцев».

После ряда выступлений патриотического характера была поставлена на голосование резолюция и принята всеми против 74, принадлежавших преимущественно голосам нашей с.-д. большевистской фракции.

По окончании вопроса о наступлении на обсуждение был поставлен вопрос о событиях на даче Дурново, происшедших в ночь с 18 на 19 июня. Вопрос этот стал в порядок дня Съезда по требованию делегаций от заводов, фабрик и солдат, пришедших на Съезд в количестве нескольких десятков человек.

Сообщение о том, что произошло на даче Дурново, сделал Церетелли. В этом сообщении указывалось, что Временное правительство получило сведения о том, что на этой даче, под флагом анархистов, укрываются уголовные преступники, совершившие во время демонстрации 18 июня нападение на тюрьму «Кресты» и освободившие из нее уголовных преступников. Там же будто бы скрывалась и часть из тех уголовных, которые были освобождены 18 июня. Временное правительство предписало министру юстиции произвести арест названных лиц, пользуясь для этой цели воинской силой. Находящимся на даче было предложено «сдаться», но лицо, вышедшее для переговоров, заявило, что они не сдадутся, что среди них уголовных преступников нет, а из освобожденных накануне из тюрьмы только один. Это лицо было известно министру юстиции, как заведомо уголовное. После сделанного предупреждения войскам было предложено «исполнить свой долг». Войска вошли и заняли помещение. Находившиеся там лица пытались оказать сопротивление, бросали бомбы, которые не взрывались. Все были арестованы, а один был найден мертвым.

Так обстояло дело в изложении министра Церетелли. На этом событии он попытался развить свою теорию борьбы с анархией и темными силами, подрывавшими революционный порядок.

После него начались выступления рабочих делегатов от заводов. Первым выступил представитель от завода «Феникс», расположенного близко от дачи,—рабочий Валиков. Нарисованная им картина мало походила на протокольное изложение событий самим Церетелли. Из этой простой речи рабочего было ясно, что на даче был произведен погром, с избиением и убийством находившихся там людей. Сама дача обслуживала выборгских рабочих: там помещались профессиональные союзы и другие организации Выборгской стороны. Событие это взволновало и возмутило всех рабочих—сначала только Выборгской стороны, потом то же настроение

передалось и в другие районы. Валиков считал, что такие позорные случаи недопустимы в свободной стране.

Выступавший за ним министр-социалист Чернов требовал от пришедших рабочих осуждения захватнических действий анархистов, считал разгром, произведенный на даче, «понятным, ибо против дачи было большое возмущение». Требовал также, чтобы рабочие выдали не только 7 человек, освобожденных анархистами из «Крестов», но и 460 уголовных, бежавших из других тюрем, которые будто бы укрывались на заводах. Эта черновская наглость глубоко возмутила рабочих делегатов, так как всем было известно, что этот побег уголовных был организован одновременно из всех тюрем при несомненном участии высшей администрации и рабочие к ним не имели никакого отношения.

Выступивший за ним представитель с завода Эриксона Жуков обвинял Временное правительство в том, что оно борется не с анархией, а с революцией, ибо разгромлены дела и имущество рабочих организаций. Тут же он отметил, что анархистов преследуют за освобождение 7 человек из «Крестов», а виновников освобождения 460 уголовных из других тюрем не беспокоят,—винят в этом рабочих. Поведение министров-капиталистов считал провокационным и требовал от Съезда расследования происшедших событий.

За ним выступил рабочий завода Ст. Парвиайнен Ефимов и заявил о глубочайшем негодовании и возмущении рабочих, готовых по первому призыву Петроградского комитета РСДРП(б) выступить на борьбу с контрреволюцией.

В таком же духе выступали и другие представители предприятий, причем были попытки опорочить некоторых членов делегаций сомнениями в действительности их полномочий; однако они не удались, так как все пришедшие имели при себе удостоверения заводских комитетов, уполномочивавших их на представительство на Съезде.

Отношение рабочей делегации к политике соглашателей, ее критика Временного правительства и требования борьбы с ними резко сходились с настроениями, господствовавшими на Съезде. Социал-оборонцы всех мастей пытались изобразить эту делегацию подлинных пролетариев как инсценировку социал-демократов большевиков, но факты разоблачали их.

Г. Е. Зиновьев внес от имени нашей партии две резолюции об отношении к происшествию у «Крестов» и к делу на даче Дурново [1] и попытался было, опираясь на волю питерского пролетариата, выявленную в демонстрации 18 июня и в отношении к действиям Временного правительства в деле о даче Дурново, обратиться к разуму соглашателей; советовал им вникнуть глубже в создавшееся положение вещей, отказаться от борьбы с питерским пролетариатом, прекратить обвинения против нашей партии, направить свои силы на борьбу с контрреволюцией, которая своими действиями вызывает волнения среди рабочих Петрограда, которые видят, что власть ведет борьбу не с контрреволюцией, а с пролетарской партией.

[1] См. две резолюции об этом в приложении 44.

Но уверенные в силе своего большинства социал-соглашатели не вняли ни голосу представителей питерских заводов, ни доводам Зиновьева, а выступили единым фронтом на защиту действий Временного правительства. Резолюция, внесенная Зиновьевым, была отвергнута и принята предложенная эсерами и социал-демократами меньшевиками.

Доклад об Учредительном собрании. Национальный вопрос

Вечернее заседание 20 июня началось приветствием от Литовского сейма (т. е. съезда литовцев, проживавших в то время в России). В этом приветствии представитель сейма высказал предположение о возможном выражении воли литовского народа в пользу самостоятельного государства.

За ним выступил солдат—делегат 19 Костромского полка, просивший у Съезда ответа на «мучительный вопрос—как быть с войной», просил оградить солдат от взводимых на них в тылу обвинений. Заявил о готовности полка итти в наступление, но предлагал Съезду принять меры к поднятию «духа и армии». Приказов для этого было мало, и он требовал смелых действий в направлении обеспечения семей солдат и запрещения земельных сделок, а также борьбы с военной спекуляцией и *предлагал проводить лозунг о прекращении войны в жизнь, считая, что настала пора самим народам кончить эту войну.*

После приветствий выступил с докладом об Учредительном собрании Брамсон. Никаких обсуждений доклад не вызвал, и предложенная по нему резолюция-тезисы была принята.

После него перешли к обсуждению национального вопроса. Докладчиком по этому вопросу выступал Либер. Начав с характеристики национальной политики царского правительства, Либер перешел к тому, что должна была осуществить в этом деле русская революция. По его мнению, революция должна разрешить две задачи:

«Во-первых, создать такие правовые условия, которые гарантировали бы всем народам России полную возможность самостоятельно и свободно развиваться, полную возможность на равных правах пользоваться всеми благами свободной жизни в демократической стране, и, во-вторых, русская революция должна обеспечить трудовым массам всех народов возможность совместной классовой борьбы за улучшение своего социального положения».

В этом заключалась вся суть национальной политики социал-соглашательских партий. Но и эти положения они не могли осуществить, так как им мешала провести это в жизнь их собственная военная политика, поэтому они свели на деле всю работу съезда по национальному вопросу к агитационной подготовке программы и линии поведения «трудовой демократии» в Учредительном собрании. Признав, что Временное правительство в этой области «не обнаружило достаточной энергии», что вызвало в стране сепаратистское движение, сам Либер никакой практической активности своими предложениями не вносил. Требование национальной автономии в вопросах даже местного самоуправления Либер отводил необходимостью обождать до закрепления «свобод в цен-

тре». В этих же целях «сдерживались» и стремления к выделению в самостоятельные государства Финляндии, Польши и Украины. Такая позиция социал-соглашателей выражала, по сути, лишь боязнь потери влияния великодержавного русского капитала на отделившиеся страны.

С содокладом по этому вопросу от нашей фракции выступала А. М. Коллонтай, отметившая прежде всего основной дефект внесенной Либером резолюции—это ее декларативно-напыщенный характер о праве на самоопределение наций вплоть до отделения. На деле решение вопроса затягивалось до Учредительного собрания, а конкретные мероприятия сводились только к требованию декретирования Временным правительством равноправия языков и предоставления всем гражданам пользоваться родным языком в школе, судах и т. п. Эти мероприятия она считала совершенно недостаточными, а основные пункты резолюции—даже противоречившими декларативному заявлению о правах наций на самоопределение и отделение. Особенно подробно остановилась А. М. Коллонтай на разъяснении внесенной от имени нашей фракции резолюции в части, ставящей категорически вопрос о праве каждой нации на самоопределение вплоть до отделения.

Этот пункт в то время был пробным для выявления подлинного интернационализма и разоблачения «великодержавности», скрывавшейся за различными оговорками, порой даже весьма «левыми».

Чтобы устранить всякое взаимное недоверие и национальную рознь между пролетариями различных наций, необходимо было устранить всякую возможность для буржуазии играть на национальном чувстве, чтобы не дать буржуазии ни повода, ни возможности к объединению с рабочими «своей» национальности; право нации на самоопределение вплоть до отделения имело решающее значение. Это право, как первый шаг для восстановления доверия между пролетариями различных стран, дающее им возможность вести борьбу с шовинистами в каждой стране, имело значение, выходившее далеко за пределы нашей сраны.

Против резолюции нашей фракции выступил докладчик и отводил ее то по формальным признакам, что резолюция не была обсуждена на секции, то по существу, находя, что под резолюцией по национальному вопросу мы вносим резолюцию о войне и империализме, а в области конкретной ничего якобы не даем.

В защиту нашей резолюции выступил Преображенский (делегат от Урала), опровергая заявление Либера о том, будто секции не была известна вносимая фракцией резолюция. Особый удар в его речи был направлен против выдвинутого положения о «культурно-национальной» автономии, прикреплявшей, по сути, пролетариат к «своей» буржуазии государственно принудительным порядком.

Дальше пошли выступления от фракций, «присоединявшихся» к резолюции «секции». Об этом заявил от имени социал-демократов меньшевиков Исуф, от эсеров Лордкипанидзе, от Бунда Абрамович, мотивировавший голосование за резолюцию наличием в ней того самого содержания культурно-национальной автономии, против которого выступали наши партийные представители. Присоеди-

нилась к ней и украинская фракция в лице Зиновьева, а также и Голигера—от еврейской социалистической рабочей партии.

После небольших прений по поправкам голосованием была принята резолюция секции [1]. Затем на обсуждение была предложена Абрамовичем резолюция по финляндскому вопросу. Эта резолюция откладывала решение вопроса о предоставлении Финляндии самостоятельности до окончания войны. Против этой позиции выступила А. М. Коллонтай, предложившая резолюцию нашей фракции, мотивируя ее критикой политики Временного правительства по отношению к Финляндии, и предлагала не откладывать решения этого вопроса и

«не только декларировать требования автономии Финляндии, но и перечислить все те мероприятия, которые должны быть проведены сейчас в жизнь».

После выступления представителя финляндской с.-д. партии перешли к голосованию, и большинством Съезда резолюция Абрамовича была принята, а внесенная А. М. Коллонтай отклонена [2].

Хозяйственные вопросы

Заседание 21 июня открылось вечером рядом приветствий и было посвящено работам секций. Первым был заслушан доклад Громана о результатах работы экономической секции. Докладчик определил, что росшая с каждым днем экономическая разруха свидетельствовала о падении производительных сил страны во всех областях хозяйства. Процесс этот начался еще при царизме, который ничего не делал для борьбы с разрухой, но и Временное правительство первого состава также ничего не сделало. Мартовским совещанием советов была намечена хозяйственная программа, состоявшая в признании необходимости регулирования производства, обмена, потребления и распределения, а также в определенном давлении на капитал (отчуждении сверхприбыли), но Временное правительство оставалось чуждым к этим мероприятиям. Лишь коалиционное министерство включило в свою программу эти вопросы, но еще никто не приступил к их осуществлению. Между тем намечалось уже тогда катастрофическое падение производства ряда важнейших продуктов питания, как рыба, мясо, сахар, а также и других, как ткани, обувь и т. д.

В качестве практических предложений Громан выдвигал пожелания, чтобы формы классовой борьбы рабочих сообразовывались с хозяйственным состоянием, чтобы Временное правительство уничтожило разнобой в регулировании хозяйства, чем занимались в то время 42 старых, оставшихся от царизма учреждений. По отношению к ним он требовал изменения как организационного, так и личного состава их [3].

После него выступал Череванин, внесший две резолюции: одну об организации промышленности и транспорта, другую по про-

---

[1] См. эту резолюцию в приложении 45.
[2] » » » » 46.
[3] » » » » 47.

довольственному вопросу[1]. Мотивируя их, Череванин остановился на принципе «планомерного вмешательства в экономическую жизнь», которое было тогда признано всеми. Это вмешательство вызывалось прямым недостатком важнейших продуктов и ставило на первое место нормировку потребления, а также и планомерность в производстве и перевозках. Производство всякой роскоши должно быть прекращено; для таких продуктов, которые не являются предметами первой необходимости, не нужно давать ни топлива, ни сырья. Распределение сырья, топлива и перевозка их должна планово регулироваться.

Вмешательство в важнейшие производства должно происходить путем их принудительного синдицирования всюду, где «промышленность для этого созрела».

В области продовольственного снабжения он выдвигал также принцип плановости и регулирования потребления. Требовалось вмешательство власти в область с.-х. производства в виде снабжения с.-х. орудиями, рабочей силой и всем, ему необходимым. В этих целях предполагалось создать и развить сеть продовольственных комитетов, доведя их до волостей. Все эти мероприятия базировались на декретированных уже основах хлебной монополии и твердых ценах. Последнее требовало также снабжения деревни дешевым товаром чтобы устранить требования повышения твердых цен на хлеб.

Временное правительство (старого состава), с Шингаревым во главе министерства продовольствия, не признавало планомерного вмешательства в экономическую жизнь. Оно стало на путь повышения твердых цен.

По финансовым вопросам выступал Буковицкий, разъяснявший Съезду смысл и значение резолюции, настаивая на необходимости полной реорганизации налоговой системы.

Работы Съезда по заслушанию резолюций были прерваны прибывшим из Петергофа делегатом, юнкером Нестеренко. Нестеренко сообщил о том, что во время устроенной в Петергофе юнкерами манифестации с портретом Керенского в честь наступления, на них напали солдаты 3 Национального полка и избили некоторых манифестантов, ранив двоих тяжело, а 10 человек легко.

Для выяснения этого дела съезд выбрал делегацию и перешел к обсуждению хозяйственных вопросов.

Выступивший от имени экономической секции Маковецкий предложил Съезду принять предложение об установлении единовременного высокого поимущественного налога для покрытия военных издержек и подвергнул основательной критике существовавшую тогда налоговую систему и политику Временного правительства и угрожал «буржуазным классам» проведением принудительного займа. Отметил он также и происходившую тогда спекуляцию валютой, требуя, чтобы все сделки с валютой совершало само государство, а банки были бы поставлены под контроль «демократического правительства». Однако все эти мероприятия имели цену лишь при проведении в жизнь общего регулирования народного хозяйства.

---

[1] См. эти резолюции в приложении 48.

От имени нашей с.-д. большевистской фракции по хозяйственным вопросам выступал тогда Васильев, посвятивший свою краткую речь мотивировке резолюции конференции заводских комитетов [1].

Без решения основного вопроса о власти он считал невозможным решение хозяйственных задач, предложенных секцией, а поэтому предлагал принять резолюцию конференции заводских комитетов.

С поправкой к резолюции секции выступил Бер, предлагая включить ряд пунктов о положении в Донецком бассейне и мерах борьбы с грозившей этому району катастрофой. Поправка эта была принята.

После этого поступали самые разнообразные «поправки», как например взять под контроль почтово-телеграфные посылки (в борьбе с роскошью, импортом роскоши), конфисковать монастырские капиталы (бессарабовцы), передать контроль над румынскими железными дорогами «в руки русской власти» (делегат от румынского фронта), конфисковать капиталы Н. Романова, находящиеся за границей (Гусев). Поправки эти по различным мотивам отклонялись.

Но это предложение, вернее целая программа, была изложена крестьянином-эсером Заскокиным, обрисовавшим тяжелое положение деревенской жизни; он говорил, что деревню всю, начиная от детей и стариков, монополизировали, и требовал, чтобы и на капитал произвели некоторую монополию; предлагал бросить «марксисту» (т. е. марксизм) и Гучковых (поддержку буржуазии) и «взяться за работу созидательную». Предложение было также отвергнуто, а резолюция, предложенная секцией и зачитанная Базаровым, была принята подавляющим большинством Съезда.

Рабочий вопрос

22 июня заседание происходило тоже вечером, началось сообщением о погибших в боях членах Съезда, памяти которых были посвящены речи Печерского и Крыленко. Заслушали приветствие представителя американской социалистической партии Вильямса, а затем перешли к обсуждению секционных работ. От национальной секции Либером была внесена резолюция по украинскому вопросу, вызвавшая выступления представителей нашей фракции. От имени фракции социал-демократов большевиков внес резолюцию Преображенский, отвергавший внесенную Либером резолюцию за ее компромиссный характер и отсутствие в ней оценки национальной политики Временного правительства, за отсутствие в ней отмежевания от его политики, раскалывавшей революционную среду. Резолюцию нашей фракции поддерживал представитель украинской группы, доказывая необходимость принятия ее Съездом, чтобы выбить оружие у буржуазии, спекулировавшей на национальном подавлении меньшинств. За резо-

[1] См. резолюцию в приложении 19.

люцию секции выступили все прочие соглашательские фракции съезда.

После ее принятия Преображенский внес от имени секции единогласно принятую на ней резолюцию об антисемитизме, которая единодушно была принята Съездом.

По окончании обсуждения работ национальной секции был заслушан доклад о работе секции по рабочему вопросу. Перед докладом выступил М. И. Скобелев с сообщением о тех мероприятиях Временного правительства, которые оно намеревалось предпринять в области борьбы с хозяйственной разрухой. В числе таких мер были: установление твердых цен на продукты первой необходимости, как хлеб, сахар, ткани, топливо и т. д. Вопрос о снабжении предприятий сырьем он ставил в прямую зависимость от состояния ж.-д. транспорта. На основные продукты промышленности (топливо, металл) Временное правительство предполагало ввести монополию. Принцип принудительного синдицирования также принимался, а равно принимались меры к введению системы регулирования и контроля.

Нормирование заработной платы Скобелев обещал осуществлять в духе предложенной Съезду резолюции. Заявил, что Временное правительство уже сделало все необходимо для нормирования промышленности, что в Донбассе работала специальная комиссия, регулировавшая взаимоотношения труда и капитала и выяснявшая общее положение угольной промышленности.

Значительная часть его речи была посвящена финансовому состоянию страны, бюджету, налоговой системе, займу и т. п. Тут же он объявил о состоявшемся накануне решении Временного правительства о создании «Экономического совета», в задачи которого должны были войти вопросы реорганизации народного хозяйства и труда и выработка общих мероприятий по регулированию хозяйства. В этот комитет входили различные представители ведомств и общественно-экономических учреждений и организаций.

Доклад о работе секции по рабочему вопросу делал помощник министра труда Колокольников, указавший, что работа этой секции происходила в контакте с экономической секцией, доклады которой были заслушаны на совместном с ней заседании. При рассмотрении вопроса рабочей политики секция исходила из особенностей «военной экономии», и последствий, которые будут иметь для нее регулирование хозяйственной жизни, учитывая и то, какое влияние она сама может иметь на народное хозяйство. Борьба с разрухой, по его мнению, сводилась к двум задачам: увеличению напряжения производительных сил страны и распределению, возможно более планомерному, уменьшившегося национального дохода.

Под этим углом зрения рассматривал он все возможности решения очередных вопросов рабочей политики, полагая, что могут проводиться в жизнь только те «запросы и требования, которые не противоречат этим экономическим вопросам».

Ту борьбу на экономической почве, которая развернулась тогда после свержения царизма, Колокольников считал наступательной лишь по виду, а на самом деле оборонительной против уси-

ленной эксплоатации военного времени. Эту борьбу секция все же считала необходимым ввести «в определенные рамки». В чем же заключались эти рамки—резолюция вскрывала это довольно ясно: рабочим рекомендовалось «сообразоваться с экономическим, «финансовым и общеполитическим положением страны», как будто рабочая борьба не считалась с этим и условиями. На деле этим пунктом отводили самые элементарные требования рабочих повысить заработную плату, увеличивая в то же время расходы на войну, не считаясь при этом с экономическим состоянием страны.

Борьбу за минимум заработной платы, которую вели рабочие по всей стране, Колокольников считал подлежавшей законодательному регулированию. По вопросу о 8-часовом рабочем дне было внесено компромиссное предложение, допускавшее сверхурочные работы, правда, с оговоркой о согласии на это рабочих организаций. В качестве ближайшей программы считал необходимым расширение рабочего законодательства, осуществление реформ страховых законов и борьбы с безработицей. Проведение всей суммы решений съезда по рабочему вопросу Колокольников предлагал считать платформой деятельности министерства труда, подлежавшей осуществлению до созыва Учредительного собрания.

. После кратких прений и обсуждения поправок все предложенные секцией резолюции были Съездом приняты [1].

Тотчас же после Колокольникова был заслушан Шапиро, докладчик от секции по вопросу о самоуправлении и управлении. Докладчик сообщил, что перед секцией стояли два вопроса: о системе органов управления и самоуправления, подлежавших установлению, и о тех самочинных революционных органах, «сотворенных в переходный период», какими являлись советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, об их взаимоотношениях с местными органами самоуправления и Временным правительством. Во всех этих вопросах секции пришлось столкнуться с деятельностью министерства внутренних дел. Эта деятельность подверглась на секции—и подвергалась в стране—суровому осуждению, как идущая против воли революционной, т. е. рабочей и крестьянской, демократии на местах, поддерживавшая цензовую буржуазию и ее агентов. Но докладчик критиковал «свое» министерство мягко, и главным образом в связи с назначением комиссаров и предоставлением им большой власти, а также законом о милиции и проектом закона о самоуправлении.

После него выступил социал-демократ большевик Преображенский (от Урала) и подверг жестокой критике практику министерства внутренних дел, стоявшую в кричавшем противоречии с декларациями о самоуправлении; считал, что докладчик слишком корректно критиковал деятельность министерства. Он рассказал о случаях насилия над волей избирателей со стороны назначенных Временным правительством комиссаров, лишавших неугодные им органы самоуправления средств, тормозивших осуществление принимавшихся ими решений и т. д. В заключение он внес резолюцию.

[1] См. эти резолюции в приложении 36.

Против выборного начала в органах самоуправления выступил председатель Бакинского совета, соглашатель Саакъян, доказывавший рядом примеров, когда из некоторых мест Кавказа приезжали «выборные» представители, бывшие слуги царизма (охранник, губернатор, помещик). Это вынуждало его выступить по вопросу об ограничении выборного начала.

Горфин выступил с предложением об организации органов самоуправления в занятых «по праву войны» областях, как-то: в Галиции, Буковине, Армении и т. п. Выступал представитель от Закавказья против предложения Саакъяна, а представитель от Бессарабии (Халипа) считал внесенную резолюцию недостаточно эластичной—она не предвидела автономных областей—и считал целесообразным предоставить нормирование этого дела самим областям. С поправкой к резолюции о праве смещения местами комиссаров выступал Преображенский, но все поправки, в том числе и последняя, были отвергнуты, и резолюция, выработанная секцией, была утверждена.

По окончании голосования председатель дал слово Никольскому для доклада о расследовании петергофских событий в связи со столкновением солдат с демонстрантами-юнкерами. Расследование установило, что враждебное отношение к юнкерам создалось на почве их неучастия в манифестации 18 июня. Когда юнкера через три дня устроили «свою» манифестацию, то солдаты сочли это вызовом против себя. В результате обостренных отношений произошла драка солдат с юнкерами. Нападавшей стороной были солдаты. Пострадало всего 27 человек, один особенно тяжело, так как был сброшен с моста.

Народное образование. Аграрный вопрос

Утром 23 июня Съезд заслушал доклад о работе секции народного образования. Обстоятельный доклад о работе секции—вернее, о той борьбе, которую приходилось вести посланной Петроградским советом делегации для работы в Государственном комитете по народному образованию, сделал Чарнолусский. Между этим комитетом и министерством народного просвещения в течение двух месяцев шла борьба за направление народного образования по новому руслу. Министерство решительно сопротивлялось мерам, направленным к демократизации руководящих коллегий учреждения путем введения туда представителей демократических организаций, стремилось продолжать работать по-старому.

Комитет предлагал в августе того же года созвать специальное совещание по народному образованию, ожидая приезда на него до 1 000 делегатов от различных общественных организаций.

С критикой деятельности кадетского министра просвещения выступил Гринберг, обрисовавший живыми примерами реакционную роль кадетов в деле народного просвещения. За четыре месяца революция как будто не затронула этого министерства. Оно не уничтожило даже органы сыска, учрежденные в школе царским режимом—инспекцию и директоров народных училищ; оставался в силе институт «попечителей», на них тратятся средства. Даже

учебники царского порядка не были заменены новыми, не говоря уже о школьной реформе, которой оно просто не интересовалось. Схоластика продолжала господствовать во всей системе преподавания. Создалось такое положение, что даже либеральные начинания царского министра просвещения гр. Игнатьева задерживались кадетом... министром «революционной» демократии. Против таких порядков Гринберг призывал Съезд решительно протестовать и предложил принять все резолюции, принятые секцией.

В защиту резолюции по внешкольному образованию выступал от секции Поршнев, отметивший крайне слабую постановку этого дела.

Зачитанная им резолюция носила характер обвинительного акта «просветительной» политике Мануйлова, а через него и Временному правительству. Чувствуя, что тут «пахнет» обидой коалиции, выступил блюститель соглашательского целомудрия Либер, предлагая ряд изменений. Напрасно не понимавший, в чем дело, докладчик убеждал Либера, что резолюция «не большевистская» и что в секции даже большевиков не было—Либер все же высказывался против резкостей в резолюции, осуждавшей политику министерства. Однако его поправки были отвергнуты, но по соглашению с докладчиком была выделена комиссия, которой поручили отредактировать спорные выражения резолюции, сохраняя весь ее смысл [1].

После вопросов просвещения был поставлен доклад о работе аграрной секции. Докладчиком от нее выступил В. М. Чернов, вождь эсеров, и самое это обстоятельство красноречиво свидетельствовало о направлении, господствовавшем в секции. Содокладчиком на секции выступал П. П. Маслов, правый социал-демократ меньшевик, специализировавшийся в аграрной политике партии. Оба докладчика развивали на секции свои программные теоритические расхождения по земельной политике, но в конечном итоге сошлись на практических мерах.

Докладчик Чернов, как и обычно у этого соглашательского героя, был переполнен фразами и оборотами «историко-философского» значения, служившими ему для запутывания сути вопроса, и в конечном итоге свелся к практическому предложению приостановить все виды сделок с землей «впредь до Учредительного собрания» и пожеланиями для будущего Земельного кодекса «изъятия земли с ее недрами, водами и лесами из товарного обращения». Вторым пожеланием было предложение о том, что «верховное право распоряжения ею (землею) должно принадлежать всему народу, заведывающему ею через демократические органы самоуправления, начиная от волостных земств и кончая центральной народной властью», не предрешая детали организации и прав отдельных органов, подлежавших установлению Учредительного собрания. Третье пожелание для того же кодекса, которое было формулировано секцией, касалось определения прав землепользования, что «пользование землей должно быть обеспечено за трудовым земледельческим населением при условиях, гарантирующих

---

[1] См. эту резолюцию в приложении 61.

рост производительных сил и развитие кооперативного и общественного хозяйства».

Чернов выражал особенно много удовлетворения по поводу того, что две спорившие между собой социалистические школы наконец пришли к единому решению. Особо отметил он, что принимавший участие в работе секции социал-демократ большевик каждое их предложение в отдельности принимал, но в целом голосовал против них.

Доклад о земельных комитетах по поручению секции сделал Соколовский (социал-демократ меньшевик), отметивший огромное их значение в осуществлении всей земельной реформы.

С особой резолюцией по аграрному вопросу выступал от имени фракции социал-демократов большевиков Муралов, заявивший, что фракция во многих пунктах согласна с резолюцией Чернова, но не согласна с теми резолюциями, которые являлись полумерами, не дававшими действовать: к таковым относилось предложение о запрещении сделок. В интересах борьбы с контрреволюцией Муралов предлагал нанести ее базе—крупному землевладению— сокрушительный удар путем уничтожения частной собственности на землю. Одновременно эта мера расчищала бы дорогу и для социалистического строя. Исходя из этих соображений, фракция предлагала следующую резолюцию:

«Существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России, крестьянство, на нищету, кабалу и забитость, а всю страну—на отсталость во всех областях жизни. Крестьянское землевладение в России, как надельное (общинное, подворное), так и частное (арендованная и купчая земля), снизу доверху, вдоль и поперек спутано старыми, полукрепостническими связями и отношениями, делением крестьян на разряды, унаследованные от времен крепостного права, чересполосицей и т. д. Необходимость сломать все эти устаревшие и вредные перегородки, необходимость «разгородить» землю, перестроить все отношения землевладения и земледелия заново, применительно к новым условиям всероссийского и всемирного хозяйства, составляет материальную основу стремлений к национализации всех земель в государстве.

Каковы бы ни были мелкобуржуазные утопии, которыми все народнические партии и группы облекают борьбу крестьянских масс против крепостнического, помещичьего землевладения и против всех крепостнических пут всего землевладения и землепользования в России вообще,—сама эта борьба выражает собою вполне буржуазно-демократическое, безусловно прогрессивное и экономически необходимое стремление к решительной ломке всех этих пут. Национализация земли, будучи буржуазной мерой, означает наибольшую возможную и мыслимую в капиталистическом обществе свободу классовой борьбы и свободу землепользования от всех небуржуазных придатков. Кроме того национализация земли, как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике такой могучий удар частной собственности на все средства производства вообще, что партия пролетариата должна оказать всякое содействие подобному преобразованию. С другой стороны, зажиточное крестьянство России давно уже создало элементы крестьянской буржуазии, и столыпинская аграрная реформа несомненно усилила, умножила, укрепила эти элементы. На другом полюсе деревни столь же усилились, умножились сельскохозяйственные наемные рабочие, пролетарии и близкая к ним масса полупролетарского крестьянства. Чем решительнее и последовательнее будет ломка и устранение помещичьего землевладения, чем решительнее и последовательнее будет буржуазно-демократическое преобразование в России вообще, тем с большей силой и быстротой будет развиваться классовая борьба с.-х.

пролетариата против зажиточного крестьянства (крестьянской буржуазии). В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще,—в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции, поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного, могучего влияния. Исходя из такого классового положения и соотношения классовых сил, Съезд постановляет:

1. Всероссийский съезд советов Р. и С. депутатов объявляет помещичью собственность на землю уничтоженной. Впредь до окончательного установления новых земельных порядков Учредительным собранием бывшие помещичьи земли берутся в аренду крестьянами по постановлениям местных демократических учреждений и по ценам, ими назначаемым, с тем, чтобы арендная плата шла в распоряжение местных демократических учреждений на нужды крестьян и солдат.

2. Съезд решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в советы крестьянских депутатов, или другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

3. Съезд советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества, а заботясь об увеличении производства.

4. Съезд требует национализации всех земель в государстве; означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распределения земли в руки местных демократических учреждений.

5. Съезд решительно борется как против Временного правительства, которое навязывает крестьянам «добровольное соглашение с помещиками», т. е. (проводит) на деле помещичий характер реформы и грозит крестьянам карами за «самоуправство», т. е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства,—так и против мелкобуржуазных колебаний большинства народников и социал-демократов меньшевиков, советующих крестьянам не брать всей земли до Учредительного собрания.

6. Все вообще аграрные преобразования могут быть успешны и прочны лишь при полной демократизации всего государства, т. е., с одной стороны, при уничтожении полиции, постоянной армии и фактически привилегированного чиновничества, а с другой стороны, при самом широком, вполне свободном от надзора и опеки сверху местном самоуправлении.

7. Необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации с.-х. пролетариата как в виде Советов депутатов от с.-х. рабочих (а также особых советов депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих советах крестьянских депутатов, во всех органах местного и общегородского управления и т. д.

8. Съезд должен поддержать почин тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий живой и мертвый инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественного регулирования использования по обработке всех земель.

9. Съезд должен советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое велось бы на общественный счет советами депутатов от с.-х. рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств».

С предложением поправок, касавшихся земельных взаимоотношений казаков с иногородними, выступил представитель от Северо-Кавказской области.

С некоторыми положениями внесенной Мураловым резолюции Чернов соглашался, но пологал, что резолюции секции говорят то

же, указав при этом, что п. 5 «не может претендовать на роль общего знаменателя», т. е. объединить весь Съезд, а поэтому предлагал нашей фракции голосовать за их резолюцию.

Обе резолюции ставились на голосование. Наши предложения были отклонены, и резолюции, выработанные секцией, приняты [1]. На этом же заседании была принята поправленная резолюция по докладу Чарнолусского.

Почта и телеграф. Финансы Совета. Доклад о реорганизации армии.

Вечернее заседание Съезда 23 июня началось приветствием прибывшего из Америки эмигранта Гольдфарба, сообщавшего о настроениях американских социалистов и их борьбе против войны.

С приветствием от румынской с.-д. рабочей партии выступил Раковский Х. Г., освобожденный русскими солдатами из ясской (румынской) тюрьмы, сообщивший о ряде зверств, совершенных румынским правительством над революционерами. Его сменил Балаховский, приветствовавший съезд от имени евреев северного и западного фронтов.

После приветствий и ответных речей перешли к слушанию доклада товарища министра почт и телеграфов. Докладчик сделал сообщение о положении почтово-телеграфного дела, отметив, что старая власть отводила ему ничтожное внимание. Это выражалось в слабой сети почтово-телеграфных учреждений, которых было на всю страну только 12 тыс., тогда как потребность в них была не менее, чем 100 тыс. учреждений. Ведомство служило главным образом налоговым целям, принося ежегодно до 69 млн. руб. дохода, что составляло примерно 30—40% всех расходов по почте и телеграфу.

В 1917 г., благодаря улучшению положения почтово-телеграфных служащих, дохода не ожидалось,—наоборот, возможный дефицит достигал 150 млн. руб. Работа ведомств была поставлена крайне нерационально, все дело покоилось на эксплоатации служащих. Постановка дела была организована плохо, загрузка огромна, технических средств мало. Ведомство предполагало уже в 1917 г. перейти на радио и готовилось поставить 100 станций для общего пользования и намечало ряд всевозможных улучшений.

Прений по докладу не было, а резолюция предлагала ВЦИК обсудить и принять по нему постановление.

О состоянии финансов Петроградского совета сделал доклад Брамсон, сообщивший, что за время революции поступило пожертвований и взносов в общей сумме в 3 512 тыс. руб., считая в том числе и деньги, имевшие специальное назначение, по указанию вносивших, в сумме, равной половине общей. Эти суммы предназначались для пересылки солдатам в окопы, на литературу и т. п. (1 736 тыс. руб.). На помощь жертвам революции поступило 753 тыс., на увековечение памяти жертв революции—118 тыс. руб., на помощь амнистированным—83 тыс. руб. На дело самого Со-

[1] См. эти резолюции в приложении 52.

зета, на покрытие его расходов поступило 820 тыс. руб. Эти средства тратились на содержание аппарата Совета, насчитывавшего несколько сот служащих и более сотни руководителей отделами. В виде иллюстрации стоимости аппарата он привел расходы только по одному из отделов—Военному—за три месяца. Они были равны 101 тыс. руб. В общем же все произведенные за время от начала деятельности Совета до Съезда расходы поглотили 489 тыс. руб.

Денег на нужды Совета и прочие назначения поступило 814 тыс. руб. из провинции, а 2 692 тыс. руб. собрано было в Петрограде.

Организацию финансов Совета Брамсон мыслил поставить на отчислениях от средств местных советов (5%) и установлении самообложения членов тех предприятий, которые входят в Совет. В этом духе им была предложена и резолюция.

С внеочередным заявлением выступил Пешехонов (министр продовольствия), сообщивший о том, что виды на урожай ухудшились: в целом ряде мест наблюдался недород, особенно в Поволжьи. Эти виды на урожай отразились в худшую сторону на заготовках хлеба; подача хлеба сокращалась. Организованные продкомы начали думать о себе, и это он признавал тревожным признаком, вынудившим их послать в эти районы агитаторов и инструкторов. Делегатов съезда он просил поддержать местные продовольственные организации и повлиять на них.

Со скамей Съезда ему подали несколько записок, в том числе и по вопросу об отпуске 40-летних. Отпуск солдат Пешехонов объяснял требованиями с.-х. работы и указал, что около этого вопроса происходят недоразумения. Предполагалось отпустить сначала одну половину в начале лета, а другую—по ее возвращении, на вторую половину лета. Это предложение вносилось его министерством, но с условием, чтобы эти солдаты отпускались в нужные места, а не просто куда они хотят, но получилось именно так, и многие солдаты застряли в городах и на с.-х. работы не попали.

Обсуждалось это дело во Временном правительстве, и по предложению Керенского, опиравшегося на отзывы фронтовых комитетов, общества были прекращены, а отпускники призывались явиться обратно в свои части.

Однако начальникам гарнизонов даны были указания на использование солдат тыловых частей для уборки урожая, причем посылать их предлагалось командами и за плату, по соглашению с продкомами. Это распоряжение Пешехонов просил делегатов Съезда поддержать на местах.

После этого сообщения перешли к заслушанию докладов военной секции.

Докладчик Венгеров начал свою речь ссылкой на трудности стоявших и каждый день появлявшихся новых задач и вопросов, требовавших немедленного разрешения: многое осталось недоделанным и даже выработанные положения не были окончательными. Дальнейшая работа возлагалась секцией на будущий военный отдел ВЦИКа. Съезду же он предлагал лишь вынести свое решение по основным общим принципам вносимого положения.

Затем он огласил вносимые секцией предложения, мотивировал и объяснял каждый их пункт.

Пункт 1, посвященный приказу Керенского № 8, вызвал указания, что хотя он и дал больше, чем приказы Гучкова, и даже содержал такие положения, которых не было даже в самом революционном приказе № 1, но в нем имелся ряд неправильностей и ошибок, сделавших отдельные пункты приказа явно неприемлемыми.

Пункт 2 вносил в тот же приказ дополнение к правам солдата— право участия и устройства собраний. Следующий пункт имел в виду п. 14 приказа, требовавший исключения из него права начальника применять вооруженную силу.

По существу же применения насилия даже в боевой обстановке солдатские голоса секции разделились, и никакого решения по нему она не вынесла.

Пункт 4 Положения был направлен против п. 18 того же приказа. Около этого пункта на секции был бой, были выдвинуты предложения о выборе командного состава и сошлись на компромиссе: требовать права на участие в управлении армией.

Компромиссом был закончен спор и о «денщиках»—вестовых; то же было и с различными «мелочами» но весьма тяжелыми по своим последствиям для солдатского быта, как вопрос о наказаниях, делениях на «старших» и «младших».

С длинной речью по докладу Венгерова выступил Саакьян, взявший под сомнение один пункт, касавшийся неисполнения приказа начальника, если подчиненный найдет, что это контрреволюционный приказ. Доказывал, какие трудности могут возникнуть при определении—правильна или нет такая характеристика, а поэтому предлагал это слово вычеркнуть. С поправкой его съезд согласился, и эта формулировка была исключена. За ним следовали многочисленные предложения поправок; существенным было предложение офицера-доктора Менщиковского об уничтожении в армии чинов и знаков отличий, о снятии погон, с сохранением лишь названий по должностям. Венгеров заявил, что военная секция думала над этим, но оставила вопрос открытым потому, что существуют и пока не отменены чины гражданские.

После Венгерова трибуну Съезда занял пом. военного министра Якубович с докладом о реорганизации армии. Докладчик указал, что вопрос о реорганизации армии встал тотчас же после падения царской власти; старую армию надо было разрушить, но продолжение войны требовало ее сохранения. Это противоречие затрудняло демократизацию армии. Все решения приходилось сочетать с тем, чтобы не выйти за пределы сохранения боеспособности армии. Сила сопротивления Временного правительства демократизации армии была устранена с уходом военного министра Гучкова.

Признав, что в существовавшем недовольстве солдат было много справедливого, Якубович отвергал в качестве причины какую-либо злую волю Керенского и тех, кто его окружает. Причина затруднений заключалась в том, что «трудно все сразу переделать». Отметил он, что перестройку армии на новых началах «говорит на-

родный стихийный разум революционной армии», созданные им организации. Многие недоразумения он считал происходящими оттого, что не было вверху, в Петрограде, «такого высшего учреждения, которое определяло бы нашу волю», и возлагал все надежды в этом отношении на создавшийся после съезда ВЦИК.

При выработке своих положений военная секция подходила к вопросу с трех сторон. Во-первых, она помнила, что армия является необходимой боевой единицей, что одновременно армия—большое скопление людей и должно иметь право на самоуправление и, в-третьих, армия должна иметь возможность организованного выявления своего политического мнения, координировать свое политическое мнение с политическим мнением рабочего класса и крестьянства.

При суждении об армии, как боевой силе, был поставлен весьма существенный вопрос о выборном начале при замещении командных должностей. Обсудив предложение о введении выборности командного состава, военная секция категорически его отвергла.

Якубович объяснил, по каким соображениям отвергалась эта форма демократизации командного состава. По мнению его и большинства членов секции, армия, как совокупность людей, творит не только свою собственную волю, но волю всего народа, а поэтому командный состав не может черпать свои силы из недр армии—он должен получать «санкцию права на существование из рук всего народа в лице его коллектива, Временного правительства». Этот довод вполне соответствовал всей классовой системе государства, противопоставлявшей волю народа его «коллективной» воле, выражающейся правительством. Второй довод против выборности войскового начальства опирался на необходимость централизованного управления армией, с ответственностью низшего перед высшим, а выборное начало подрывало эти основы и понижало дисциплину и боеспособность армии. Наконец против выборности было выдвинуто и то соображение, что каждая воинская часть могла бы выбирать только из того ограниченного круга лиц, который ей известен, что это могло бы в отдельных случаях привести к хорошему подбору командира, а в других—к выборам малоспособных. Выборность, как система, по его мнению, нарушала правильный подбор лучших офицеров, и налицо уже были факты использования худшими офицерами демократических принципов. По этим соображениям военная секция отвергала выборность командного состава.

Парализовать же вредные стороны назначения военная секция предложила путем предоставления органам солдатского самоуправления права отвода негодного командира и введения системы аттестаций офицеров теми же организациями. Этот порядок Якубович считал наиболее подходящим в целях реорганизации армии.

Кроме того Якубович считал необходимым предоставить выборным органам солдатского самоуправления право участия их представителей в оперативной работе для взаимной информации. Солдаты могли бы знать о всех оперативных делах и предположениях, а командный состав получал бы информацию о состоянии части, ее настроении и недостатках снабжения и пр. Одновременно сек-

ция считала важным—и Якубович это отметил,—чтобы военные операции подвергались совместному с представителями организаций разбору.

Организацию «политической воли» армии Якубович считал нужным сосредоточить в органах самоуправления путем единения с политическими силами на местах, с Советом Р и СД, а в центре—съездом и Центральным исполнительным комитетом.

Вопрос об организации специального контрольного органа при военном и морском ведомстве секция предложила передать на рассмотрение ВЦИК, а по другим вопросам, обсужденным секцией, был предложен ряд резолюций[1].

После Якубовича выступил Крыленко с критикой основной работы секции по демократизации армии. С проектом секции он был несогласен в принципе. Проект нарушал основу демократизации, так как был построен на основе существования постоянной армии, «являющейся в условиях капиталистического строя орудием механического угнетения и подавления». Напомнил он собравшимся, что социалистические партии всегда боролись против принципа постоянных армий. Работу секции по демократизации он предлагал понимать как временную, «впредь до замены ее всенародной милицией», и требовал, чтобы в положении о демократизации армии было это сказано.

Подвергнув критике деятельность б. министра Гучкова, Крыленко указал, что Керенский лишь продолжал его политику, что коалиционное правительство преследует по отношению к армии те же цели, что и первое, и предложил от имени фракции социал-демократов большевиков свою резолюцию против резолюции Якубовича и секции.

После его речи были поставлены на голосование обе резолюции для принятия за основу. Резолюция Н. Крыленко была поставлена первой и отклонена. Резолюция военной секции получила большинство и принята за основу.

С поправками от военно-окружной конференции (тыла) выступал Сисин, предлагая организовать особое солдатское представительство при военных округах. Против этого предложения выступил Бинасик, и оно было отвергнуто.

За выборность командного состава выступал Асмус, заявивший, что без выборности не может быть сильной армии. Поправка тоже была отклонена.

Кудрявцев выступил с предложением об организации на местах, по примеру их города Томска, гарнизонных советов, параллельно с Советами Р и СД. Предложение было отклонено именно за этот параллелизм, который секция считала совершенно недопустимым. После этой поправки тезисы были приняты целиком.

С докладом о солдатах, достигших 40 лет, выступил Захватаев, отметивший, что приказ Гучкова об отпуске 40-летних принес огромный вред и оказался неосуществимым, так как проведение его было равносильно роспуску всех тыловых частей, а поэтому они смогли отпустить только одну четвертую их часть—и то в ущерб

[1] См. эти резолюции в приложении 53.

работе различных военных служб (транспорт, госпитали и т. д.). При этом хозяйства 40-летних, в смысле рабочей силы, были в лучшем положении, чем у солдат в возрасте 30—35 лет, так как у первых были более взрослые дети, а у вторых—малые дети. В общем этот приказ внес большое смятение и вызвал ненормальности. Во время съезда вынуждены были организовать специальную комиссию (5 представителей съезда, 5—ИК Крестьянского совета и представителей от ИК Петроградского совета, военного министерства и министерства земледелия), которая вынесла постановление и предлагала съезду его принять [1].

В защиту приказа об отпуске солдат на полевые работы выступали Зуев, Бобрушин с речами, по существу против войны, оправдывая разумное постановление Временного правительства об их роспуске для полевых работ, для посева хлеба. Резолюция, предложенная Захватаевым, была принята.

После этого было заслушано сообщение Вербо об избиении в 703 Сурамском полку представителей Петроградского ИК—Н. Д. Соколова, Розенберга, Исайтиса. Все указанные лица были жертвами агитации за наступление, против которого в этом полку было особенно сильное настроение. Сам факт грубого насилия вызывал всеобщее осуждение, но тем не менее он вскрывал кричащее противоречие между «волей революционной демократии» на съезде и в стране, в солдатских и рабочих кругах.

Это противоречие было отмечено Крыленко, выступавшим по этому делу от фракции. Выступавший за ним Хватов попытался даже обвинить за это дело нашу печать. С такими же упреками в сторону «Правды» выступали Наджаров, Хораш, пытаясь недостойную и хулиганскую выходку невежественных и грубых солдат выдать за «большевизм» и из этого случая сделать еще маленькое дело против большевиков. Но эти речи не встретили поддержки даже в среде друзей этих соглашателей. Против таких шельмований большевиков выступил Виленкин, Саакьян, и резолюция была принята при шести воздержавшихся.

Заключительное заседание Съезда. Об отпусках солдатам и боеспособности армии.

21 июня Съезд открыл свои работы объяснением представителя военного министерства по вопросу о прекращении отпуска 40-летних солдат и возвращении уже отпущенных обратно, в свои части. Из объяснений вытекало, что отпуск 40-летних солдат внес большую сумятицу, а порой и вражду в солдатскую среду. Враждовали и те, кто получил отпуск в первую очередь, и те, кто ожидал возвращения их на службу для ухода в отпуск, а хозяйственное значение отпуска (на полевые с.-х. работы) вызывало ропот и среди хозяев крестьян более молодых. На фронте солдаты негодовали за отпуска тыловых частей. Все эти протесты в конечном итоге напирали на комитеты, и последние обратились в военное министерство и в солдатскую секцию Совета с просьбами урегули-

[1] См. эту резолюцию в приложении 33.

ровать вопрос о помощи в уборке хлеба в ином порядке. Особое совещание, посвященное делу, сошлось на том, чтобы помощь эта оказывалась не в виде отпусков, а в виде отправки из гарнизонов тыла солдат целыми командами для помощи крестьянам в уборке полей.

Вопрос о практике и продлении отпуска 40-летним вызвал оживленный обмен мнений, выявлявший общую картину усталости армии. Представители солдат 40-летников настойчиво добивались возможности уйти с фронта, мотивировали это и длительностью своего пребывания на фронте (Шестопалов) и необходимостью убрать посеянный хлеб (Головлев) и обеспечить им армию (Каплун), послав взамен отпущенных землевладельцев людей, прятавшихся в тылу, укрывавшихся и якобы работавших на оборону.

Представители солдатских организаций, и особенно их руководители, выступили против отпуска 40-летних (Захватаев, Виленкин), видели в этом солдатском нежелании подчиниться приказу военного министра «большевистскую интригу». Но основным мотивом к проведению нового приказа в жизнь послужило указание, что при осуществлении старого невозможно провести в жизнь постановление о поднятии боеспособности армии, и Съезд подтвердил приказ своей резолюцией.

После этого перешли к заслушиванию доклада военной секции о пайках солдатским семьям и о поднятии боеспособности армии. По первому вопросу выступал Ровный, указавший на имевшее место по всей стране движение солдаток, требовавших материальной помощи. Эти нужды семей призванных волновали и солдат на фронте. Все эти обстоятельства заставили секцию рассмотреть это дело особо и наметить размеры необходимой помощи и установить контингент пользующихся ею. В этом духе и была выработана резолюция [1].

По второму вопросу делал доклад Гомбарг, изложивший основные пункты предложенной резолюции. Фронт требовал пополнений, они не прибывали, и создавалось ненормальное положение, когда солдаты на фронте были перегружены, а в тылу, в запасных частях, находилось много солдат, не желавших итти на позиции сменить утомленных и измученных фронтовой обстановкой. Секция предлагала принять меры против таких солдат, какими бы мотивами они ни прикрывали свой отказ итти на фронт. Особо был поставлен вопрос о борьбе с дезертирством. Против дезертиров предлагались различные мероприятия репрессивного характера.

Говоря о полицейских и жандармах, по отношению к которым солдаты требовали применения особых мер, Гомбарг не преминул лягнуть большевиков, изображая всех полицейских сторонниками большевизма. Предложенная резолюция вызвала ряд выступлений с поправками и дополнениями; некоторые из них были приняты, в том числе,—о полицейских и жандармских офицерах, о «благотворительных покровительницах дезертиров—о комитетах цариц и княгинь, а затем была проголосована и принята резолюция в целом [2].

---

[1] См. резолюцию в приложении 53.
[2] См. резолюцию в приложении 53.

Ряд вопросов (о военнопленных и др.) в процессе работы съезда был передан во ВЦИК. После заслушания сообщения Гегечкори о переговорах с финляндской с.-д. рабочей партией о валютном займе, в котором он отметил доброжелательный прием, оказанный им социал-демократами, финляндские товарищи поставили перед нами вопрос об угрозе Финляндии голодом, ввиду отсутствия поступления из России продовольствия. Вопрос об ассигновании 350 млн. финских марок финляндские социал-демократы ставили в зависимость от своего решения по вопросу о войне. В оценке войны социал-демократы Финляндии сходились, как выразился Гегечкори, с «меньшинством революционной демократии»[1], но все же выражали надежды на благоприятное решение вопроса о займе в Сейме.

Министр Церетели, выступил с особым заявлением о «переменах» в министерстве внутренних дел, выразившихся в том, что в него был введен в качестве товарища министра вгородумец С. Г. Салтыков. После него с заключительной речью выступил М. И. Скобелев; затем были проголосованы списки членов ЦИК заслушан ряд оставшихся резолюций по мелким вопросам (о финансах, о петергофских событиях). С особыми приветствиями к петроградским рабочим и солдатам, а также Петроградскому совету выступили представители Пензенской губ. Рогов и Лордкипанидзе. Ответную благодарственную и заключительную речь сказал Н. С. Чхеидзе.

На этом и закончился I Съезд советов рабочих и солдатских депутатов, приковывавший к себе в течение более трех недель взоры всей рабоче-крестьянской массы России, взоры полные надежд. Но ни одной из надежд трудовых масс нашей страны Съезд не решил, оказался неспособным решить, потому что руководящая и организующая его часть находилась в плену русской и союзной буржуазии.

Вместо политики, идущей по пути к скорейшему окончанию войны, истощавшей все жизненные силы страны, ответственные руководители Съезда, соглашательские партии—социал-демократов меньшевиков, эсеров и др.—стали на путь войны, погнали солдат во имя «мира» и «революции» на продолжение бойни в интересах капиталистов.

Съезд не решил ни одного вопроса—ни хозяйственного, ни земельного, ни рабочего—отложил до Учредительного собрания решение всех насущных и не терпевших отлагательства задач в ущерб интересам рабочих и крестьянских масс.

Съезд демонстрировал своим составом победу социалистов-оборонцев по всей стране, но в то же время и полную их неспособность по-революционному решить вопросы, стоявшие тогда перед нашими рабочими и крестьянами, совершившими революцию. На Съезде вскрылась вся ложь оборончества, вся глубина его предательства интересов рабочего класса и бедноты города и деревни.

Ожесточенная борьба социалистов-оборонцев против питерского пролетариата, против лозунгов нашей с.-д. партии (большеви-

[1] Т. е. с интернационалистами.

ков), демонстрировала перед всей страной открытый их переход на защиту буржуазного порядка и земельной собственности.

Время Съезда определялось тогда «переломным» временем нашей революции. Смысл этого «перелома» заключался в том, что под влиянием тяжелого экономического положения, переживавшегося страной, часть рабочих, крестьян и солдат под организованным воздействием социал-соглашательского руководства пошла на поводу у буржуазных политиков, направлявших основные средства своей борьбы на силы, стоявшие от них слева, не замечая открыто организовавшихся врагов справа.

Подобный «перелом» в революции вызвал протест прежде всего в передовых отрядах пролетариата. Питерский пролетариат тоже переживал переломный период, порывая и политически и организационно свою связь с социал-соглашательскими партиями, увлекая в этот протест часть гарнизона и большинство военных моряков

Съезд проходил во время крайнего обострения классовой борьбы в стране, и эта борьба весьма ярко отразилась и в недрах самой «революционной» демократии, широко представленной на I Съезде советов. Классовая борьба в дервне за землю и против помещичьей власти проявилась весьма красочно в спорах по вопросам аграрной политики.

Недовольство рабочих, их борьба за минимум средств существования и ограничение эксплоатации, крайне повышенной за время войны, нашли свое выражение в так называемой борьбе с разрухой, контроле и регулировании промышленности, а также и в вопросах организации труда.

По всем вопросам, стоявшим в порядке дня Съезда, шла борьба, как полагали тогда, между двумя крыльями одной и той же «революционной демократии», на деле же—между пролетариатом и всеми силами буржуазии. Пролетарскую линию революции отстаивала только наша РСДРП(б), в то время как соглашательский блок на деле отстаивал буржуазные ее тенденции. Крестьянство в массе своей (в том числе и беднота) еще только «пробуждалось», т. е. только что вступало на путь активной борьбы с помещичьей властью в деревне за землю, еще только что организовалось в комитеты и на этом этапе еще не чувствовало и не понимало классового смысла затяжки в разрешении крестьянского, земельного вопроса. Внутренние противоречия самой деревни усложнялись еще тем, что значительная доля ее активного и революционного населения была на фронте и оттуда зорко следила за тем, чтобы дележка земель, угодий и помещичьих богатств не прошла помимо их. Сумма всех этих противоречий и неорганизованности позволяла соглашателям вести за собой крестьянство и использовать его силу и голоса против пролетариата, против РСДРП(б).

Соглашательская политика, развернутая их вождями на Съезде, подверглась суровой критике питерских рабочих. С этого момента особенно быстро начался рост влияния нашей партии на заводах и фабриках столицы.

VI

ИЮНЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Отношение рабочих и солдат к войне

Вопросы войны и мира встали перед революционными рабочими и солдатскими массами тотчас же после свержения царского правительства. За время войны все содержание внутренней и внешней политики определялось войной и стремлением царизма упрочить свое положение, пользуясь военным режимом. В процессе забот о самосохранении и упрочении своей мощи царизм создал невыносимо тяжелые условия существования народных масс всей страны, а неудачами на войне, «неумелым» ведением войны оттолкнул от себя и буржуазию. Февральская революция была вызвана всей совокупностью военной политики царизма и пробудила в общественных кругах нашей страны различные надежды. Буржуазия, получившая после переворота власть прямо из рук рабочих и солдат, рассматривала революцию как проявление национального народного гнева против «неумелой» военной политики царизма. Временное правительство и вся буржуазная общественность, вся печать—решительно отвергали самую мысль о том, что в основе переворота лежало недовольство не только царизмом, но и его войной. Буржуазии было выгодно «принять» революцию против царизма, но в их расчет не входил вопрос о ликвидации его политики, в особенности войны. Поэтому она принимала все меры к тому, чтобы использовать силы революции для войны, надеясь таким путем наверстать потерянное царизмом.

Рабочие и солдатские массы, в том числе и беднейшая часть крестьянства, наученные политикой царизма и войной, после переворота выражали надежды на скорейшее окончание войны. Поэтому все их помыслы были направлены к тому, чтобы найти выход к миру, к избавлению от материальных и моральных лишений, проистекавших из войны. Под влиянием этих настроений социалисты-соглашатели и оборонцы, получившие большинство в Совете, а под их давлением и Временное правительство, ставили в порядок дня вопрос о мире. Временное правительство российской буржуазии связывало вопрос о мире с победой над Германией, а социалисты-соглашатели и оборонцы в первое время предполагали достичь желанного мира путем соглашения «демократий» воевавших стран, на основе отказа от захватов (аннексий и контрибуций). В этих целях было издано обращение «к народам всего

мира» от 14 марта. Этому же соглашательскому делу служили и заявления Временного правительства о целях войны. Рабочие и солдатские массы в первое время искренне верили, что Временное правительство и социалисты-соглашатели действительно ведут их к миру, но на деле последние их обманывали. Временное правительство уже во второй половине апреля, в связи с нотами Милюкова, было разоблачено, а социалисты сами разоблачили себя немного позже.

В продолжение весьма долгого времени социалисты-соглашатели различных партий отмежевывались от буржуазных партий в вопросах ведения войны. В то время как Временное правительство стояло за преемственность всех обязательств царского правительства в связи с войной, а следовательно и за продолжение войны в согласии с союзниками большинство Совета в первые недели революции признавало только путь обороны, понимая ее в буквальном и прямом смысле. Этим объясняется и отношение большинства того времени в ИК и Совете к вопросу о невыводе войск из Петрограда. В резолюциях о войне за первый месяц революции даже не было упомянуто и самого слова «наступление».

Между тем союзники всеми способами требовали от русских армий перехода к активным действиям. Временное правительство само стояло за переход к активным операциям, но препятствием к этому служило прямое или открытое нежелание солдатских масс, увидевших в революции скорейший способ к прекращению войны. Военное командование было настроено иначе и в большинстве своем встретило революцию враждебно, чем породило в солдатской массе антиофицерские настроения. Мирные настроения солдатской массы и нежелание продолжать войну было встречено враждебно всеми буржуазными кругами. Вся пресса и переписка между Временным правительством и Ставкой, а особенно донесения командиров в Ставку за этот период, переполнены сообщениями о «развале в армии».

В военных кругах, а также и в самом Временном правительстве видели спасение от окончательного развала армии в скорейшем переходе ее к активным действиям. Между вождями социалистами-соглашателями и Временным правительством происходил закулисный сговор по вопросу о войне и о военных операциях. Вожди «революционной демократии» давали свое согласие на изменение своего отношения в понимании «обороны» при условии «демократизации армии» и отказа от захватных целей войны. На все это Временное правительство легко соглашалось, так как в условиях действовавших соглашений и тайной дипломатии все его отказы имели односторонний характер и предназначались исключительно для «внутреннего употребления».

Идея обороны отечества была заменена лозунгом «обороны революции». Первое организованное оформление лозунг этот получил на мартовском Всероссийском совещании советов. Принятая по вопросу об отношении Советов к войне резолюция большинства все же ставила вопрос о мире во главу угла своей внешней политики, а продолжение ведения войны признавала необходимым условно, до победы своей мирной программы на началах «братства

и равенства свободных народов» и обусловливала ее угрозой германского империализма делу свободы, призывая армии дать решительный отпор «посягательствам на нее извне». Умеренная резолюция социал-демократов большевиков, предлагавшая обратиться ко всем воюющим с предложением о необходимости заключения мира и тем толкнуть народы к борьбе с войной, была отвергнута большинством. Резолюция большинства явилась первой попыткой борьбы с начавшимся, так называемым «развалом в армии». Она послужила исходным моментом для моральной подготовки войск к задуманным и ранее намеченным наступательным операциям.

Нажим союзников и пересмотр плана военных операций.

В целях моральной подготовки к военным операциям производилось мощное буржуазное давление на «революционную демократию» и ее соглашательских вождей путем систематического запугивания немецкой опасностью, грозящей то Петрограду, то Кронштадту и даже всему Балтийскому флоту. Нередко эти запугивания носили явно выраженный характер политического шантажа, Но все это делалось ради одной цели—подготовки рабочих и солдат к принятию лозунга перехода армий к активным действиям, к наступлению. Источником значительной доли тревожных сведений была иностранная разведка. Так 31 марта Временное правительство получило специальное уведомление английского посла, которому было поручено лично передать русскому министру-председателю следующее личное сообщение г. Ллойд-Джорджа от имени Британского военного кабинета:

«Правительство его британского величества узнало, что германцы сосредоточивают во всех балтийских портах большие силы, транспорты, миноносцы и рейнские речные пароходы.

Ввиду первостепенной важности вышеизложенного для всех союзников и того обстоятельства, что России придется защищать свой правый фланг русскими морскими силами, правительство его британского величества не может скрыть свою тревогу, вызванную недавними событиями, имевшими место в России, относительно минированной площади российских морей и боевой готовности Балтийского флота.

Правительство его британского величества руководится в данном случае исключительно беспокойством за общий интерес союзников, а отнюдь не желанием вмешиваться в дела внутренней политики России, и выражает настоятельную надежду и полное доверие, что русское правительство возобновит свои минные заграждения в том же количестве и качестве, как и прежде. Состояние минной обороны берегов России всегда вызывало живейшее восхищение великобританских морских властей.

Правительство его британского величества выражает надежду, что события последних дней не будут вредить могуществу русских морских сил».

Это сообщение Ллойд-Джорджа подтверждалось и некоторыми разведывательными сведениями о группировках и передвижении немецких войск на нашем северном фронте. На основании сведений об угрозе Петрограду ген. Рузский отдал приказ от 5 апреля об обороне подступов к столице.

Революционные события в России и приостановка боевых действий армий, вызванная переворотом, заставили союзное командование пересмотреть намеченный ранее план весенней кампании.

Этот пересмотр плана кампании произошел на Парижской конференции союзников 22 и 23 апреля. Сообщение об этом было получено в Ставке ген. Алексеевым 26 апреля в виде телеграммы следующего содержания:

«На конференции, состоявшейся в Париже 22 и 23 апреля, на которой великобританский первый министр, министр иностранных дел, фельдмаршал Хег и генерал Робертсон были великобританскими представителями, а первый министр Франции, военный министр генерал Петен и генерал Нивелль были французскими представителями, было решено следующее: продолжать наступательные действия в теперешнем масштабе в течение всего лета. Действия союзных армий на западном фронте уже втянули в бой 33 германских дивизии резерва из 49, которые были в резерве 27 марта. Великобританские власти считают, что имеется полная возможность истощить германские резервы, и великобританский генеральный штаб просит сообщить, когда и в каком масштабе вы собираетесь атаковать, дабы теперешнее выгодное положение могло быть использовано во-всю. № 351. Десино».

Ответ ген. Алексеева за подписью ген. Деникина был послан 30 апреля; в нем указывалось союзникам, что

«все будет зависеть, как армия наша переживет болезненный процесс, явившийся результатом переворота, широко развитой пропаганды в войсках и родившегося отсюда стремления ограничиться обороною. Если с этой болезнью удастся справиться и оздоровить организм армии, то наступление, назначенное на половину нашего мая, придется произвести во второй половине этого месяца, окоол 20 числа. 3335. Деникин».

Оперативные предположения Ставки были особенно точно определены ген. Алексеевым в директивной телеграмме от 27 апреля, отправленной за № 3266 Главкозапу и—в том же духе, но применительно к особенностям других армий—всем остальным главнокомандующим. Ген. Алексеев писал в ней, что

«никогда боевые условия не были столь благоприятны для нас, никогда обстановка не предъявляла нам столь настоятельных требований атаковать неприятеля, как теперь. Хотя действия наших союзников на западном фронте не привели к вполне ожидаемым результатам, но они будут продолжаться, быть может, не с той интенсивностью и широтою замысла, как в начале операции. Зато должны начать наступление итальянцы. Если бы ослабивший себя против нас противник пожелал начать обратную переброску войск на наш фронт, на что нет никаких признаков, то в течение ближайшего месяца он успел бы подвезти не свыше десяти дивизий. Поэтому независимо от настроения армии и предположений Временного правительства мы должны сообразоваться с военными требованиями и усердно, энергично готовиться к выполнению директивы 30 марта за № 2647/1035. Началом операции определяю время приблизительно половину мая. От запфронта ничего более взято не будет; если обстановка позволит и севфронт не будет в состоянии принять то или другое участие в операции, постараюсь передать вам взятые две дивизии. Сосредоточение всех сил и средств на одном фронте и участке неосуществимо прежде всего по условиям наших железнодорожных средств; затем необходимо рассредоточить внимание и силы противника. Итак подготовка операции должна вестись настойчиво как в материальном, так и—особенно—в нравственном отношении. От состояния нравственного будет зависеть время исполнения. Не могу скрыть, что армии юго-западного фронта именно теперь переживают наиболее острый период болезни и, быть может, не будут в состоянии приступить к исполнению операции в середине мая. Окончательно это выяснится недели через две, но вести расчет работ нужно, руководствуясь указанным сроком. 27 апреля. № 3266. Алексеев».

Ставя в порядок дня подготовку наступления армий, ген. Алексеев, судя по телеграмме, предполагал действовать не только

независимо от настроения армии, но даже независимо и от предположения Временного правительства. Те настроения военных кругов, которые получили впоследствии характеристику «корниловщины», имелись налицо гораздо раньше появления ген. Корнилова в Ставке. Телеграмма писалась в дни первого правительственного кризиса, вызванного отношением Милюкова к лозунгам Совета о целях войны.

Наступательные операции требовали прежде всего восстановления дисциплины, авторитета и власти командного состава. Все эти три начала, на которых покоилась армейская войсковая организация, в ходе революции и демократизации армейских порядков были значительно подорваны. Авторитет военных начальников был умален, власть над солдатами ограничена, а вместе с этим пала в армии и дисциплина. Для поднятия авторитета и власти военачальников Временное правительство, по настоянию представителей социал-оборонцев, решило назначить в армии особых комиссаров. Вопрос о комиссарах был решен в конце апреля, и в мае месяце Временное правительство, по соглашению с ИК, произвело ряд назначений матерых оборонцев на посты армейских комиссаров.

Одновременно с проведением в жизнь организационных мероприятий, направленных к поддержанию и поднятию боеспособности армии, в тылу и на фронте начали вести агитацию за переход к активным военным операциям. Одним из препятствий на пути поднятия «революционной боеспособности» в армии являлся сам военный министр А. И. Гучков, не имевший в солдатских кругах никакого доверия. Майское преобразование Временного правительства, вхождение в состав правительства социалистов было использовано воинствовавшей буржуазией для замены Гучкова более «модным» по тому времени лицом, пользовавшимся в то время доверием известной части армии,—Керенским.

Милитаристские домогательства российской империалистической буржуазии встречали живейшую и активнейшую поддержку всей союзнической дипломатии. Единомышленник П. Н. Милюкова, Набоков сидел в Лондоне в качестве «поверенного в делах Временного правительства» и передавал в Петроград директивы Лондонской биржи, чрезвычайно недовольной русской революцией. Во время первого кризиса правительства от Набокова была получена телеграмма из Лондона от 24 апреля, в которой он сообщал:

«Ввиду получаемых мною инструкций настаивать перед английским правительством на удовлетворении целого ряда наших требований на военные нужды, включая финансовое соглашение, я считаю долгом с полной откровенностью осветить взгляд английского правительства и общественного мнения на положение дел в России и вытекающие из этого взгляда трудности при выполнении моих инструкций. Из совокупности газетных сообщений вам известно, что Англия приветствовала русскую революцию как освобождение от цепей вероломного и тлетворного самовластия. В то же время страна, в основе всего строя которой лежит идея порядка, с самого начала задавалась основным вопросом: как скоро удастся на смену гнилого режима установить в России новый порядок и как отразится переворот на боевой мощи России. Я не исполнил бы своего долга, если бы скрыл от вас то, что не высказывается открыто в печати и в моих беседах с государственными людьми,

ю тем не менее составляет подлинную сущность теперешнего настроения Англии. В настоящий момент Англия, рискующая благодаря возрастающему успеху подводной войны потерять свое владычество на морях, слывшее веками ее национальной гордостью, напрягает все силы к одолению врага на суше. На полях Франции идут беспримерные бои, приносятся в жертву сотни тысяч жизней. Между тем здесь утратили веру в то, что Россия способна оказать содействие в победе над немцами, соразмерное с ее великодержавным положением в среде союзников. Ни заявления Временного правительства, ни знаменательные слова нашего главнокомандующего в телеграмме к английскому фельдмаршалу этого безверия не устранили. Вот причина того, что никакие представления о необходимости для нас новых многомиллионных кредитов не в силах убедить здешнее правительство. Бороться с этим более чем трудно. Другая сторона вопроса—ясно выраженная воля русской демократии настоять на мире без аннексий и контрибуций. В этом вопросе возможна аргументация, основанная главным образом на том соображении, что Америка вступила в войну именно потому, что исповедует те же принципы бескорыстного служения идеалам демократии. Не подлежит сомнению, что цели и стремления держав, входящих в наш союз, далеко не одинаковы, и целая пропасть лежит между Америкой и хотя бы Италией и Японией. Но это дело будущего, когда Россия после победоносного окончания войны найдет и сможет использовать наиболее искреннюю, основанную на полном торжестве идей поддержку именно со стороны Америки в трудной задаче примирения кажущихся ныне еще несовместимыми стремлений. Теперь ближайшая общая цель—сломить немецкое боевое могущество. Здесь верят, что громадное большинство в России сознает невозможность торжества демократических начал, пока эта цель не достигнута, и что Россия неспособна на позорную измену союзникам. Но в то же время видят, что из всех союзников одна лишь Россия теперь не вполне единодушна в сознании общей цели. И пока Россия не явит на деле доказательства того, что наша армия попрежнему способна на подвиг и победу и к ним стремится, до тех пор никакие слова не восстановят поколебленной веры в боевую мощь России и в прочность нового строя. Набоков».

Нажимали «доблестные союзники» всеми способами и внутри страны. Многочисленные военные представители стремились оказывать давление на командные круги. В распоряжении военных властей были и социалисты, делегации которых прибывали одна за другой из всех союзных стран. Все делегаты социалисты интересовались только одним: когда русские революционные войска начнут помогать французам, англичанам и итальянцам «свергать» Вильгельма. В правительственных кругах союзников великодержавное положение России начало колебаться. Военный агент Ставки при английском штабе телеграфировал начальнику штаба Ставки из Лондона от 30 апреля, что

«за последнее время особенно усилилась тревога англичан о состоянии нашей армии в отношении ее боеспособности и о возрастающем влиянии пацифистов. Об этом с тревогой говорят повсюду—в военном министерстве, дипломаты, деловые люди, в обществе,—и всюду выражается недоверие России. Я же убеждаю, насколько могу; наш поверенный в делах делает то же, но этого мало. Здесь создается общество с той же целью, но что из этого выйдет—сказать трудно, а наш рубль и ценности падают и падают, а равно и престиж. Становится очень трудно работать, потому что начинают относиться недоверчиво.

Надо больше ориентировать или меня или при посредстве генерала Хэмбри-Вильямса, хотя последнее хуже для моего успеха работы и моего положения здесь. Недавно здешний французский военный агент пришел ко мне совершенно встревоженный, мне удалось его успокоить, и в этом духе обещал сообщить своему правительству. Я его успокаивал на основании донесений Хэмбри-Вильямса, по счастью которые мне дают читать, вследствие установившихся добрых отношений, а иначе у меня не было бы почвы. № 357. **Десино**».

Создавшееся внутреннее и международное положение требовало от Временного правительства решительных действий или в сторону мира или войны. Напор союзников и их материальное давление в пользу войны становилось с каждым днем все сильнее. Отечественная буржуазия также не хотела иного выхода из создавшегося в стране положения, кроме войны. Мелкобуржуазные круги городов и деревень колебались между буржуазной защитой отечества, переделанной в «защиту революции», и пролетарской борьбой против войны. В итоге этих колебаний позиция «защиты революции» одержала верх. Провозглашенная эсерами и социал-демократами меньшевиками на словах «борьба за мир» привела́ их на деле к оправданию продолжения войны и заставила их помогать и служить империализму буржуазии, бросать солдат в огонь и на проволочные заграждения.

От оборончества к наступательной авантюре

Вторая половина апреля ознаменовалась открытым поворотом от обороны к наступлению. Лозунг «обороны революции» солдаты усвоили очень быстро, соглашались «отражать все наступления врага», держали фронт в боевой готовности, но в наступление переходить не хотели. Вопрос о необходимости перехода в наступление глубоко волновал широкие рабочие и солдатские массы. Все мало-мальски грамотные понимали, что наступление означает массовую гибель людей, новые тяготы и затяжку войны. Эсерам и социал-демократам меньшевикам пришлось потратить много усилий и прибегнуть к различным видам обмана, чтобы убедить даже шедших за ними солдат и рабочих, что наступление есть лишь активный вид обороны. На тему о том, что вопрос о наступлении есть только стратегический, а не политический, говорилось и писалось в те дни очень много. Но в условиях нашей революции вопрос о наступлении приобретал непосредственный политический характер, одновременно знаменуя собой явную победу буржуазного понимания конца войны в виде разгрома противника. Социалисты, проповедуя наступление и защиту буржуазного (гучково-милюковского) отечества, сами откровенно становились на сторону буржуазии.

Переход от лозунга «обороны» к наступлению был окончательно оформлен в момент сговора социал-демократов меньшевиков и эсеров с кадетами и близкими к ним кругами по вопросу о составе коалиционного правительства. Все социал-соглашатели, вошедшие в правительство как представители своих партий, пошли на поводу у буржуазии, уступив в вопросе о войне по всей линии. По этому случаю было опубликовано особое воззвание «к армии», в котором было много слов о мире, о желании мира—и самого демократического мира, но на деле солдаты призывались продолжать войну и продолжать ее не просто «сидя в окопах», а и итти в наступление.

«Поклявшись защищать русскую свободу, не отказывайтесь от наступательных действий, которых может потребовать боевая обстановка»,

Так говорилось в воззвании, опубликованном 2 мая. Это обращение было опубликовано одновременно с другим, обращенным «к социалистам всех стран», извещавшем о созыве международной конференции [1].

Вошедшие во Временное правительство социалисты не осмелились даже поставить вопрос о том, чтобы от имени правительства было сделано обращение ко всем воюющим народам с предложением мира на тех условиях, о которых так много говорили сами же социал-соглашатели. Лицемерная политика таких социалистов не могла вызвать революционного действия со стороны рабочих других стран, как по ту сторону проволочных, так и союзных границ.

Война как орудие контрреволюции

Продолжение войны, и при этом «до конца», было каждодневным лозунгом буржуазии. Это стремление буржуазных кругов диктовалось не только их империалистическими интересами, но и контрреволюционными соображениями. О контрреволюционных расчетах на войну П. Н. Милюкова и его кругов было известно в ИК Петроградского совета Р и СД после первого правительственного кризиса. В начале июня в ИК поступило даже сообщение, носившее, правда, анонимный характер, но весьма правдоподобное по существу и, несмотря на его содержательность и классовую правдивость, было сочтено незаслуживающим доверия. Ныне, тринадцать лет спустя, мы можем оценить этот документ по его содержанию иначе.

«Незадолго до ухода г. Милюкова с поста министра иностранных дел, в его квартире состоялось не особенно многочисленное и строго конфиденциальное совещание. На этом совещании присутствовали виднейшие представители фабричной и заводской промышленности, крупные капиталисты и финансовые деятели и несколько крупных землевладельцев.

На этом совещании г. Милюков сделал блестящий по форме, содержанию и... цинизму доклад о политическом моменте. Тема доклада была: как избежать «социальных,—вернее, социалистических—опытов». Доклад был полон остроумных соображений, сарказма и тонкой иронии в отношении «левых товарищей». Доклад великолепно исчерпал тему; я не могу привести его ныне в деталях, но главнейшие его тезисы были следующие:

1. Для всей буржуазии без исключения и для крупных капиталистических и промышленных кругов совершенно не страшна демократическая республика. Эту форму правления можно только приветствовать, ибо при этом правлении буржуазия, в лице ее руководящих слоев, как культурная, умственная и денежная сила, несомненно быстро займет доминирующее положение. Пример—Франция.

Однако для всей буржуазии совершенно неприемлемы социалистические опыты «ломки института частной собственности». Против этого буржуазные партии (особенно кадетская, как наиболее организованная) должны бороться всеми силами и средствами.

2. Каковы же методы этой борьбы, в связи со сложившимися обстоятельствами, каковы должны быть приемы, какова тактика и стратегия этой борьбы?

Ответ один—«продолжение борьбы с Германией во что бы то ни стало». Этот метод целесообразен по следующим соображениям:

[1] См. об этом воззвании главу «Международная деятельность Совета» и приложение к ней.

а) продолжение войны сильно истощает страну, создает все чаще и чаще различные кризисы в экономической и продовольственной жизни страны; эти неприкращающиеся кризисы донельзя утомляют народ и население. Не разбираясь отчетливо в причинах и следствиях этих кризисов, серая масса в скором же времени должна постепенно притти к заключениям и выводам, что при новом режиме жизнь осложнилась, стала тяжелее, «хуже». Все это несомненно будет отнесено на счет левых партий. Вывод отсюда—потеря авторитета левыми партиями. Следствие—естественный переход доверия «к более умеренным партиям», в частности к кадетской.

б) Необходимо добиться «полного разгрома Германии». В этом случае в лице Германии будет устранен могучий буфер между нами и нашими союзниками. Это для буржуазных партий весьма важно, ибо союзники, заложившие за время войны в нас огромные капиталы и средства, несомненно будут стремиться выбрать свой долг из России и не позволять в этих соображениях «ломать институт частной собственности». Но они это будут в состоянии сделать только в том случае, если между ними и нами не будет боеспособной Германии, а Германия разбитая, выведенная из строя международного обращения, не имеющая никакого удельного веса.

Выбрать свой долг из России наши союзники могут конечно только с помощью имеющихся у них в стране (т. е. в России) агентов. Этими агентами будет та же буржуазия, т. е. фабриканты, промышленники, банкиры и особенно финансовые деятели и, может быть, даже частные землевладельцы.

С разгромом Германии исчезнет жупел, который пугает и страшит ныне союзников, мешает им действовать в отношении России в чисто государственном, а не утопическом социалистическом направлении. Союзники наши уже убедились, к чему может привести господство у нас левых партий, они наглядно теперь поняли, что это господство грозит самым острым образом и им самим, поскольку они имеют те или иные интересы в России. Поэтому несомненно, что они не допустят в России господства и вакханалии левых партий. В этом имеются заверения и точные признаки, что это будет именно так, но лишь при одном условии, что Германия перестанет некоторое время влиять на международный оборот (в смысле политическом и военном). При этих условиях союзники наши получат «реальную возможность воздействовать на наши крайние партии». Социалистические опыты «не получат осуществления».

3. Мир общий (с согласия и при участии самих союзников наших), а тем более мир сепаратный с Германией для буржуазных партий совершенно неприемлем. При этом условии между нами и союзниками останется могучий еще буфер—Германия. Она не даст давить на нас союзникам в смысле, желательном для буржуазии. Сама же Германия несомненно не будет мешать нашим внутренним социалистическим опытам, ибо германские государственные деятели хорошо понимают, что от этих опытов Россия будет беднеть, дичать, хиреть и слабеть. Все это лишь наруку Германии для экономического порабощения России.

Выводы из этого доклада: 1. Необходимо продолжение войны во что бы то ни стало и «чем дольше, тем лучше»... и 2. Необходим разгром, по возможности, Германии, ибо только она может помешать нашим союзникам не дать осуществлять у нас опыт «ломки института частной собственности».

Таковы были главные мысли доклада. Он был блестящий и исчерпал вполне тему.

Считаю, хотя и был участником этого конфиденциального совещания, все же необходимым сообщить о нем, ибо совершенно не согласен с тезисами доклада; полагаю, что они ошибочны и могут оказаться пагубными для нашей родины.

На буржуазную прессу и на борьбу и опорочивание левых партий решено ассигновать до 200 млн. руб.

Член совещания, находящий, что во многом платформа левых партий и справедлива и вернее ведет к устранению нашей теперешней разрухи».

3 июня (1917 г.).

Содержание документа разоблачало контрреволюционные виды буржуазии на войну и уже тогда в действиях ее вождей находило подтверждение подлинности изложенного в нем. Но со-

циалисты-соглашатели были заняты не разоблачением буржуазии, а поисками путей и средств к соглашению с ней. Кризис власти первого Временного правительства сопровождался политическим торгом, в котором русская и англо-французская буржуазии купили шестью министерскими креслами сотрудничество социалистов и их партий в деле войны. В основу политики коалиционного правительства были положены словесные обещания «активной внешней политики» в пользу мира, осуществления социальных реформ и практические мероприятия по восстановлению боеспособности армии. Для отечественной и англо-французской буржуазии было важно последнее—подготовка армии и продолжение войны. Остальное—она прекрасно учитывала и рассчитывала—само собой придет: война сумеет пожрать и революцию.

Состояние армии. Керенский — опора и надежда буржуазии

Кризис власти был использован верхами командного состава для нового и очередного воздействия на Временное правительство и поддерживавшие его круги. Ген. Алексеев, действовавший в тесном контакте с руководящими политическими кругами буржуазии, собрал 1 мая в Ставке совещание всех главнокомандующих. Приехавшие генералы в один голос заявили о полном развале в армии и решили поведать об этом Временному правительству. В тот же день ген. Алексеев отправил министру-председателю телеграмму, в которой доводил до сведения правительства, что

«совещание главнокомандующих, собранное мною в Могилеве 1 мая, постановило просить Временное правительство выслушать их правдивый голос о действительном состоянии, настроении армии в соединенном заседании Временного правительства, Временного исполнительного комитета Государственной думы и представителей Совета рабочих и солдатских депутатов. Вопрос столь важен, что, несмотря на необходимость скорейшего возвращения главнокомандующих армиями, я задержал их в Могилеве, откуда можем выехать в Петроград вечером 2 мая, дабы быть выслушанными 3-го числа. Прошу согласия и скорого ответа. 3368. Алексеев».

На этот запрос Временное правительство ответило в тот же день извещением, что

«министр-председатель просит передать главковерху следующий ответ: «На номер 3368 Временное правительство просит главнокомандующих приехать в Петроград. Князь Львов».

Совещание генералов, сначала только с Временным правительством, состоялось 3 мая. Об этом совещании была дана коротенькая заметка для печати, сообщавшая, что

«3 мая, после совещания в главной Ставке в Могилеве, в Петроград прибыли верховный главнокомандующий ген. М. В. Алексеев, главнокомандующие фронтами—юго-западным ген. А. А. Брусилов, западным ген. В. И. Гурко и северным ген. А. М. Драгомиров, а также помощник главнокомандующего войсками румынского фронта ген. Щербачев.

В 4 часа дня в квартире министра-председателя кн. Г. Е. Львова, в доме министра внутренних дел на Театральной улице, состоялось совещание Временного правительства с главнокомандующими, прибывшими в Петроград, чтобы ознакомить правительство с положением на фронтах и получить надлежащие инструкции. На совещании присутствовали члены правительства, за

исключением П. Н. Милюкова, А. А. Шингарева и А. А. Мануилова, которые были в то время на заседании центрального комитета партии народной свободы.

Кроме главнокомандующих в совещании приняли участие и командующий одной из армий, бывший главнокомандующий войсками Петроградского военного округа ген. Л. Г. Корнилов и помощники военного министра ген. Новицкий и Филатьев.

Совещание открылось сообщением верховного главнокомандующего ген. М. В. Алексеева, давшего подробную характеристику военно-стратегического положения. Сообщение ген. Алексеева было дополнено главнокомандующими отдельных фронтов, которые дали исчерпывающие разъяснения и по вопросам внутреннего быта, в связи с новым строем и укладом в войсках.

Общий тон сообщений главнокомандующих свидетельствует о том, что положение в действующих армиях, в общем, в настоящий момент очень трудное, но, по словам одного из участников совещания, не безнадежное.

Ген. Щербачев в своем подробном докладе о положении дел на румынском фронте остановился, между прочим, на вопросах внешней политики, поскольку они связаны со специфическими условиями вверенного ему фронта, где нашим войскам приходится сражаться бок-о-бок с румынскими войсками. В частности ген. Щербачев коснулся инцидента, вызванного освобождением из тюрьмы нашими солдатами румынского социалиста Раковского.

Ген. Л. Г. Корнилов ознакомил главнокомандующих с теми обстоятельствами, которые заставили его просить об освобождении от обязанностей главнокомандующего Петроградского военного округа и о переводе на фронт.

После краткого обмена мнений, около 6 час. был объявлен перерыв. В 8 час. вечера главнокомандующие вновь явились к министру-председателю, и после обеда совещание возобновилось».

Более широкое совещание генералов, Временного правительства, членов ИК Госдумы, а также членов ИК Петроградского совета Р и СД состоялось 4 мая. Из членов ИК туда были приглашены, в секретном порядке, лишь оборонческие и полуоборонческие элементы социал-соглашательских партий. Об этом собрании, докладах генералов и прениях по ним мы еще не имеем документов. Лишь кое-какие документы косвенного порядка дают указания о тех вопросах, которые были подвергнуты обсуждению. Чем занимались на этих секретных заседаниях—видно из телеграммы ген. Деникина от 7 мая, отправленной в Главную квартиру французской армии на имя ген. Палицина. В этой телеграмме ген. Деникин писал:

«Сообщаю для вашей ориентировки: 1. Моральное состояние армии еще продолжает оставаться серьезным, хотя кое-где уже начинают сказываться признаки отрезвления, широко развившееся на фронте братание с противником, резко осужденное правительством и Советом солдатских депутатов, несколько уменьшилось, но далеко не вывелось. 2. Наиболее острым в данное время является вопрос о декларации прав солдата, разработанный комиссией Поливанова, под давлением Совета солдатских и рабочих депутатов. В ней наиболее опасны два пункта: один—предоставляющий солдатам устраивать, участвовать во всевозможных политических, социальных союзах, другой—совершенно упраздняющий отдание чести. Эта декларация еще не объявлена. В связи с этими вопросами созвано было совещание в Ставке, на коем пришли к заключению о необходимости открыть глаза правительству, Думе, Совету солдатских и рабочих депутатов, на угрожающее положение армии и гибельные для нее последствия, особенно в случае опубликования декларации. 4 мая в Петрограде состоялось совещание главковерх[1], генералов: Брусилова, Драгомирова, Гурко, Щербачева, всего состава Временного правительства, ИК Думы, 28 членов ИК Совета солдатских и рабочих депутатов. На совещании главнокомандующие осветили всю обстановку, предъявили требо-

[1] Ген Алексеев.

вание (принятия) мер к безотлагательному восстановлению в армии порядка, дисциплины, указали на последствия объявления декларации. Заявление встретило весьма серьезное отношение; обещано содействие, но вопрос о декларации остался неопределенным. 3. Назначение Керенского встречено во всех кругах армии сочувственно, ожидают, что, пользуясь своим влиянием, он осуществит твердую власть. Он вполне отдает отчет о современном состоянии армии и о необходимости установления железной дисциплины. 4. Время начала наших наступательных действий находится в зависимости от некоторого упрочения морального состояния армии. 5. На совещании в Ставке с Братиану выяснены и установлены различные вопросы снабжения румынских войск. 6. Перемен в высшем командном составе пока не предвидится. 3481. Деникин».

Назначение А. Ф. Керенского военным министром возродило надежды русской и англо-французской буржуазии на участие русских армий в деле военной помощи союзникам. Все эти чаяния военный министр из партии эсеров быстро начал оправдывать. Восстановление «боеспособности армии» Керенский начал с издания приказа № 8 «об основных правах военнослужащих», в котором было объявлено, что солдаты и начальники пользуются всеми правами граждан. Этот же приказ упразднял институт денщиков, а также обязательное отдание чести [1]. Не разделявший взгляды Керенского на демократизацию армии ген. Алексеев распоряжением Временного правительства был смещен и заменен ген. Брусиловым. За протест по тому же поводу главнокомандующий западным фронтом ген. Гурко был смещен приказом от 23 мая и лишен права занимать должность выше начальника дивизии. Рядом таких мер против высшего командного состава Керенский надеялся расположить в свою пользу солдат и двинуть их в наступление.

В приказе от 12 мая за № 9 Керенский обращается к армии со следующим воззванием:

«Воины, офицеры, солдаты и матросы! В великий грозный час жизни родины нашей воля народа призвала меня встать во главе всех вооруженных сил государства Российского. Безмерно тяжело новое бремя мое, но, как старый солдат революции, беспрекословно подчиняясь суровой дисциплине долга, я принял перед народом и революцией ответственность за армию и флот. Все вы, воины свободной России, от солдата до генерала, выполняете тяжкий, но славный долг защиты революционной России. Только этот долг, помните это. Но защищая Россию, вы боретесь и за торжество великих идеалов революции, за свободу, равенство и братство. Ни одной капли вашей крови не прольется за дело неправды. Не для захватов и насилий, а во имя спасения свободной России вы пойдете вперед, туда, куда поведут вас вожди и правительство. Стоя на месте, прогнать врага невозможно. Вы понесете на концах штыков ваших мир, право, правду и справедливость. Вы пойдете вперед, свободные сыны России, стройными рядами, скованные дисциплиной долга и беззаветной любви к революции и родине. Без дисциплины нет единства действий, без дисциплины нет спасения. Судьба нашей свободы зависит от того, исполнят ли армия и флот до конца свой долг перед страной. Свергнув царизм, армия совершила великий подвиг, показав, как надо любить и бороться за свободу, но я верю, что армия и флот совершат еще большее: они первые покажут, как надо понимать свободу, охранять ее и умирать за нее. Пусть самые свободные армия и флот в мире докажут, что в свободе сила, а не слабость, пусть выкуют новую железную дисциплину долга, поднимут боевую мощь страны, дадут воле народа ту властность силы,

---

[1] См. об этом приказе главу «Военные организации революции в тылу и на фронте».

которая приблизит час осуществления народных надежд. Вперед к свободе, земле и воле! Помните: кто оглянется, остановится и пойдет назад,—все потеряет. Не забудьте вы, воины революции: если не совершите вы подвига защиты свободной чести и достоинства родины,—прокляты будут ваши имена. Тяжел ваш подвиг, но вы свершите его в гордом сознании, что вы творите волю революции. Ваши имена, ваши страдания будут священны для свободной России. Внуки ваши будут вспоминать с гордостью и восторгом армию революции. По воле народа вы должны очистить родину и мир от насильников и захватчиков. На этот подвиг я зову вас; неужели и вы не услышите меня? Товарищи, с вами мысль и сердце революционной России, пусть это сознание вдохнет новую решимость в ваши сердца. Братья, от имени Великой российской революции приветствую вас, от имени свободного русского народа низко кланяюсь вам.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях и батареях, на всех судах и во всех воинских сухопутных и морских командах. Подписал: военный и морской министр А. Керенский».

В этом приказе была сконцентрирована вся гнусность и ложь оборончества, моральное принижение рабоче-крестьянской революции до служения интересам империалистического капитала. Лгал Керенский, заявляя, что «ни одной капли вашей крови не прольется за дело неправды». Война не изменила ни своего характера, ни своего содержания, потому, что во главе военного дела стал сомнительный «социалист». Буржуазия внутренняя и внешняя не ошиблась в рассчетах. Керенский и другие вошедшие в правительство социалисты умели обманывать рабочих лучше, чем Милюковы-Гучковы. Разве мог сказать Гучков, что его солдаты понесут на концах штыков своих «мир, право, правду и справедливость»? Так играть на революционных чувствах солдат буржуазия могла только через социалистов. Призывы французских социалистов о том, чтобы русская революция пошла по пути борьбы французской революции 1793 г., были поняты и усвоены эсеровскими героями семнадцатого года. Этот приказ явился ценным документом для всех наших единомышленников, боровшихся с оборонческим обманом в гуще фронтовой солдатской массы. Он наглядно разоблачал предательскую роль социал-соглашателей в русской революции.

Став во главе военного ведомства, Керенский занялся «оздоровлением» армии путем поездок с агитационными речами, выпуска воззваний и приказов. Вскоре вся его военная деятельность приобрела характер агитационных поездок по фронту. Во время таких поездок Керенский говорил солдатам речи лишь на одну тему—о необходимости наступления. Необходимость наступления мотивировалась обычно помощью союзникам, а кое-где Керенский призывал солдат итти вперед еще и потому, что «там нас ждет земля и воля».

Вся буржуазная печать пела хвалы военному министру Керенскому и создавала ему славу «героя». Эти хвалы по адресу Керенского, а также и его речи к солдатам на фронте и в Финляндии отравляли соглашательское торжество, вызывали у некоторых из них возмущение, но интересы «общего дела» заставляли их замалчивать о контрреволюционных действиях Керенского. Призывы к наступлению на немцев для достижения мира и как мера немедленной помощи союзникам не встречали единодушия в рабочей среде. Угрозы же по отношению к Финляндии, скромно требовавшей

автономии, вызывали недовольство даже в рядах соглашателей. Нарекания на Керенского за его сделки с буржуазией раздавались в Петроградском совете не только со стороны наших большевиков, но шли и из рядов меньшевиков. Это заставило Керенского дать Совету объяснения по поводу своих выступлений на заседании от 22 мая. Соглашательское большинство удовлетворилось объяснениями Керенского, но его объяснения не удовлетворили рабочих.

В сложившейся в России к началу лета 1917 г. обстановке наступательная политика соглашательских партий носила явные черты авантюризма. Экономическое положение страны было признано всеми как «катастрофическое». Продовольственный кризис подрывал промышленность, нарушал работу по добыче топлива и металла и дезорганизовывал транспорт. Военные перевозки увеличивались за счет сокращения перевозок товаров и невоенных пассажиров, но несмотря на это снабжение фронта обеспечено не было. Солдаты голодали, ходили без одежды и обуви. На фронте появились массовые заболевания цынгой. Главный полевой санитарный инспектор доносил начальнику штаба Ставки, что только в трех корпусах Особой армии, поставленной в лучшие условия, чем другие, на 10 мая было свыше 12 тыс. больных цынгой. Но цынготные заболевания были и в других армиях фронта.

Материальные лишения действовали подавляющим образом и на моральное состояние солдат. Болезни вырывали большое количество солдат из рядов, и на долю оставшихся в строю падала дополнительная служба за лежащих больных. Пополнения из запасных частей поступали крайне слабо. Несмотря на бурное проявление патриотизма в тылу, маршевые роты пополнений таяли в дороге. По статистическим данным за время от 1 марта по 10 апреля из запасных полков внутренних округов было отправлено на фронт 124 роты общей численностью 28 326 солдат, а доехало лишь 23 582 солдата, т. е. потеря составляла 17%. За то же время запасные полки фронта отправили 35 рот, в которых было 8 729 солдат, а прибыло на фронт всего 5 588 солдат—убыль в пути достигла 36%. Положение с посылками маршевых пополнений не улучшилось ни в апреле, ни в мае.

Конфликты в войсках и расформирование частей

Недовольство продолжением войны, носившее в первое время характер антиофицерского движения, сменилось в мае открытыми и массовыми отказами от занятий, несения службы, уходом с позиций или отказом выхода на позиции и тому подобными нарушениями воинской дисциплины. Иногда мелкие отказы вызывали движения целых дивизий. Отказ 517 Батумского и 707 Нешавского полков исполнить приказ о выступлении на позиции повлек за собой конфликт двух дивизий (130 и 177) и приказ Временного правительства об их расформировании и предании виновных суду. Оба полка под действием угроз подчинились и были помилованы.

22 мая главнокомандующий армиями западного фронта доносил в Ставку, что

«часть Сибирской стрелковой дивизии 3 Сибирского корпуса, входящего в состав II армии, отказалась выполнить возложенную на нее боевую задачу.

Произошло это, как видно из доклада командира корпуса генерал-лейтенанта Редько, при следующих обстоятельствах.

По приказу командующего армией, в ночь на 17 мая части названного корпуса должны были сменить части гренадерского корпуса на участке около Тераевичи—ф. Дробыши исключительно.

Однако ввиду возникших волнений, командующий армией разрешил отложить смену и произвести ее в ночь на 19-е.

Заступить на позиции отказались 26 и 27 Сибирские стрелковые полки, а 67 полк, наоборот, не пожелал отойти с позиции и передать свой участок 11 Туркестанскому полку.

Принятые по распоряжению командира корпуса начальниками 7 и 17 Сибирских дивизий меры увещания и указание на полную незаконность подобного образа действий, особенно после выхода приказа армии и флоту от 11 сего мая за № 8—о правах солдата-гражданина (п. 18), неисполнение коего является неповиновением Временному правительству и нарушением данной присяги,—в общем успеха не имели: на исполнение отданного приказа удалось добиться согласия лишь 67 полка, кроме трех его рот.

Таким образом к утру 19 мая на участке 7 Сибирской стрелковой дивизии положение осталось без перемен, исключая следующего: 25 Сибирский полк, выполняя боевой приказ, сдал свой северный участок частям 17 дивизии (66 полку) и принял к югу часть участка 28 Сибирского полка.

Снятые с северного участка роты 25 полка были направлены в резерв, но по требованию и под угрозами солдат 26 или 27 полка снова принуждены были вернуться на позиции, где и смешались с ротами 66 полка. 28 полк боевой приказ исполнил.

Вслед затем ночью были арестованы: начальник 7 Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор Богданович, командир 26 полка, полковник Шершнев и командир 3 батальона того же полка, от которых требовались объяснения о причинах, вызвавших смену частей на фронте, почему они не добились отмены этого распоряжения, и предъявлялось обвинение в недостатке заботливости о частях. Арестованные вскоре впрочем были освобождены.

Настроение в 26 и 27 полках, по свидетельству командира корпуса, сильно повышенное: батальоны выносят различные постановления общими собраниями, игнорируя свои комитеты, и требуют скорейшей присылки укомплектований.

Меры воздействия со стороны представителей корпусного съезда и армейского комитета оказались пока безуспешны, дальнейшие принимаются.

К ускорению прибытия укомплектований принят ряд мер, включительно до посылки делегатов от дивизии».

Начальники инженерных частей засыпали штабы жалобами на нежелание солдат производить работы по приведению в порядок разрушенных позиций. Сущность всех жалоб сводилась к следующему:

«1. Многочисленные отказы от работ по самым разнообразным причинам, как то: ожидание смены, усталость от незначительного перехода, сделанного накануне, желание отпраздновать полковой праздник или день 1 мая, не праздновавшиеся ротами, так как они занимали в эти дни позиции, наконец невыход на работы без каких-либо к этому причин.

2. Продолжительность работ устанавливается самими работающими ротами от 1 часа до 4 часов, причем последняя цифра является максимальной. Иные роты, поднеся в один конец доски или бревна, затратив на это час времени, считают свой наряд на работы уже выполненным. Были случаи отказа вовсе от подноски материала вручную, причем указывалось, что эту работу недостойно выполнять «свободному гражданину».

3. Качество выполняемой работы неудовлетворительно. Задание хотя бы и минимальных уроков ни к чему не ведет. Саперы-офицеры и солдаты, являющиеся руководителями работ, не могут ничего поделать, так как их требования встречаются насмешками и даже оскорблениями.

4. Офицеры рот в большинстве относятся к работам безучастно, кроме того нередко роты приходят на работы вовсе без офицеров.

5. Число людей, выставляемых наряженными на работы ротами, в большинстве менее 100 человек, и эта цифра нередко доходит до 50 и даже 30 человек, причем внутренний наряд в ротах доходит до несоразмерных цифр»[1].

Из дела о расформировании 163 дивизии, находившейся в VI армии румынского фронта, ясно видна причина «солдатского бунта»—нежелание продолжать войны. Генерал Цуриков от 26 мая доносил:

«Во второй половине мая некоторые люди частей 163 пехотной дивизии проявили признаки своеволия, выразившиеся в насильственном овладении вином и захвате скота у помещиков и в ряде других противозаконных деяний. При этом особенно выделился 650 пехотный Тотемский полк, во главе которого стал агитатор подпоручик Филиппов, рядом демагогических приемов привлекший на свою сторону солдат, призывая к: 1) недоверию солдат к офицерам; 2) скорейшему заключению мира «во что бы то ни стало»; 3) недоверию Совету солдатских и рабочих депутатов, а также Временному правительству и 4) сохранить винтовки и беречь патроны, «которые пригодятся в тылу». Приказу о расформировании дивизии и возвращении в части, выделившие их полки, исключая 652 Цильменского полка, подчиниться отказались все под влиянием того же подпоручика Филиппова. Приезд представителей армейского комитета дела не поправил. 23 мая были арестованы 650 Тотемского полка командир и офицеры, причем двум из них нанесено оскорбление действием. Того же числа армейским комитетом в экстренном заседании постановлено и мной утверждено принять меры к аресту вожаков и воздействию на полки, не останавливаясь перед применением силы. Задача была возложена на временно командующего 6 конным корпусом генерал-майора Бискупского, причем в его распоряжение даны были: 1) две дивизии 6 конного корпуса, 2) по батальону 458 Суджанского и 160 Абхазского полков, 3) батарея 115 артиллерийской бригады, 4) 4 броневой дивизион и 5) воздухоплавательные аппараты. 25 мая задача была выполнена без вооруженного сопротивления со стороны восставших полков и без пролития крови. Арестованы 4 офицера во главе с подпоручиком Филипповым и 222 солдата. Порядок восстановлен, полки ушли по назначению. Дознание производится».

Те же причины вызвали волнения в 12 и 3 Сибирских дивизиях, входивших в VII армию, комиссаром которой был назначен Б. Савинков. Встревоженный Б. Савинков телеграфировал Керенскому, что

«отказавшиеся исполнить боевое приказание солдаты 12 и 13 Сибирских стрелковых дивизий, сорганизовавшись группой около 8 тысяч, с винтовками и пулеметами, угрожают самовольно уйти на отдых в тыл. Прошу срочно точных указаний, как поступить в случае их попытки исполнить угрозу».

Военные власти были удивлены тем, что об этом сообщал комиссар, а не командующий армией.

Расформировать эти две дивизии не было сил, и поэтому Савинков предлагал ограничиться разделением солдат на три категории: 1) бывших в окопах, 2) не бывших в окопах и 3) подстрекателей. Первых предлагал подвергнуть осмотру и, если состояние их здоровья будет найдено плохим, дать им отдых. Вторую категорию предлагал лишить жалованья, земли и «некоторых гражданских прав». Но все эти угрозы не оказывали на солдат нужного действия, и сам Савинков хлопотал перед Временным правительством о разрешении 1½-месячного отдыха для окопников 12 и 13 дивизий.

---

[1] В. И. А. Дело № 811.

На все ходатайства воинских комитетов и Савинкова Временное правительство дало верховному главнокомандующему ген. Брусилову указание на необходимость проявления «твердости». Ген. Брусилов обратился к войскам 12 и 13 дивизий со следующим обращением:

«Я всегда считал 7 Сибирский корпус выдающимся, отличным и чрезвычайно опечален, что он осрамил себя перед всей Россией. Неужели вы, офицеры и солдаты 12 и 13 стрелковых Сибирских дивизий, оторвались совсем от ваших доблестных полков и более не хотите принадлежать к русской революционной армии? Неужели вы более не дорожите званием боевых товарищей? Неужели вы не дорожите свободой и замарали неповиновением ваши красные знамена и плюнули на великие слова: свобода, равенство и братство? Я, ваш старый и до сих пор любивший вас главнокомандующий, не могу и не хочу этому верить. Даю вам 24 часа одуматься и примкнуть опять в полном повиновении к вашим братьям и войти опять в единую семью воинства русского свободного народа. Если же у вас какая-либо жалоба или просьба, то сначала исполните данный вам приказ, а затем пришлите мне ваших выборных, которых я приму и сам разберу. Все исполнившие мой приказ в данный срок будут прощены; те же, кто отказался от свободной России, от прав свободного гражданина и сделался взбунтовавшимся рабом и не слышит голоса рассудка, понесут по воле самого народа, от защиты которого вы отказываетесь, заслуженное бунтовщиками наказание, а именно: все, кто не исполнит моего приказа, будут лишены гражданских прав, права участия в выборах в Учредительное собрание, лишены земельных наделов, лишены усиленного жалования, лишены семьи пайков. Фамилии их, как изменников, будут опубликованы. Главные виновники по суду понесут тягчайшие кары. Ожидаю вашего мне ответа в назначенный мною срок. Выбирайте сами и решайте свою участь. 3930. Верховный главнокомандующий ген. Брусилов.

Как показывают эти документы, деятельность командования начала сводиться к «уговариванию солдат». Уговоренные в одном месте, солдаты поднимались в другом, и волна недовольства катилась из одной армии в другую, захватывая широкие круги солдат. В июне месяце брожение в армии и прямое выражение нежелания наступать проявилось впервые с особенной силой. Произошло это потому, что вопрос о наступлении был поставлен по всему фронту как немедленная задача.

Командир 10 армейского корпуса доносил командующему X армией от 7 июня, что «169 пехотная дивизия как боевая единица не существует». В этой дивизии солдаты не выполнили приказа о надевании снаряжения, а 673 и 675 полки заявили, что «наступать не будет, что если Керенский призывает к наступлению, то и ему верить не надо». Но несмотря на такое отношение к войне, командир корпуса сделал вывод, что солдаты этой дивизии, «как и вся наша армия, в самой глубине души здоровы, но находятся под сильным гипнозом большевиков».

Что происходило в этой дивизии, видно из нижеследующего рапорта командира 675 Конотопского полка:

«Ввиду того, что последнее время настроение в полку было двусмысленное, т. е. комитет выносил порицание Кронштадтской республике и выражал доверие Временному правительству и в то же время не признавал ни одного приказа,—так например дисциплинарные суды в полку еще не введены и до настоящего времени, а приказ Военного министра Керенского о наступлении отвергнут совершенно,—то председатель полкового комитета подпоручик Прохоров на заседании комитета 13 сего июня поставил вопрос ребром: или подчиниться Временному правительству вполне и исполнять все его приказания беспрекословно или выяснить—что полк собой представляет и кому подчи-

няется. После долгих прений комитет постановил: «1. Не доверяем Временному правительству, проводящему политику буржуазии, а министрам-социалистам предлагаем выйти из состава министерства или же перестать себя именовать социалистами, дабы не вводить народ в заблуждение. 2. Требуем перехода власти в руки солдатских, и рабочих, и крестьянских, батрацких и прочих депутатов». Но после выступлений офицеров, депутатов полкового комитета, решено было обсудить это постановление на полковом митинге, который был назначен на 14 июня в 13 часов. Для митинга была построена вышка и вывешен плакат: «Долой Временное правительство и буржуазию. Да здравствует мир и народное право!» До открытия митинга, когда еще не все собрались, фельдшер Ярошенко высказался за наступление, но его избили и постановили забрать рядовым в 3-ю роту, что и исполнили. Подпоручик Прохоров, подымаясь на вышку, чтобы открыть митинг, получил предупреждение из толпы: «Смотри, не ошибайся, а то получишь колом по голове». На митинге офицерам не было возможности говорить, говорили только солдаты—и исключительно большевики. До вчерашнего дня солдаты полка отдавали мне честь исправно и на приветствие отвечали вежливо, со вчерашнего дня честь отдают далеко не все, многие на приветствие отвечают и провожают меня взглядом, полным ненависти.

В общем положение офицеров полка создалось крайне тяжелое. Резкую разницу в настроении полка я объясняю только тем, что последнее время полк читает исключительно газету «Правда», читать другие газеты не желают».

На состоявшемся 14 июня митинге была принята следующая резолюция:

«1. Не доверяем Временному правительству, проводящему политику буржуазии, а министрам-социалистам предлагаем выйти из состава министерства или же перестать себя именовать социалистами, дабы не вводить народ в заблуждение. 2. Требуем перехода власти в свои руки: солдатских, рабочих и крестьянских, батрацких и прочих депутатов. 3. Требуем созыва фронтового съезда как выразителя настроения солдат действующей армии. 4. Требуем организации посредством созыва съездов: дивизионного, корпусного, фронтового и всей действующей армии и перехода всей власти в руки съездов всей действующей армии. 5. Требуем уравнения жалованья солдат и офицеров: прапорщику 25 руб. и прибавки по 5 руб. на каждое повышение чина. 6. Требуем возвращения старого начальника дивизии и привлечения его на службу в нестроевую роту 675 пех. полка. 7. Требуем отобрания одного автомобиля у начальника дивизии для пользования им отпускным солдатам полков дивизии. 8. Требуем извлечения из тыла всех укрывающихся, буржуазии и монахов. 9. Требуем пересмотра и исправления договоров, заключенных старым правительством с союзниками. 10. Наступления никакого быть не может, а должна быть только оборона».

Командир 2 Кавказского армейского корпуса доносил командующему армией, что

«приказ о выступлении полками не выполнен, и они остаются в своих районах. Отказ мотивируется некомплектом штыков, нежеланием воевать за буржуазию, необходимостью ожидать решений Стокгольмской конференции и т. д.».

Создавшееся положение заставило корпусного командира «с болью в сердце» признать, что «в настоящее время вверенный мне корпус в отношении осуществления активных операций не боеспособен».

Отношение солдат к наступлению

Общие сводки сведений Ставки о положении армий за время с 10 по 17 июня, по вопросу об отношении к наступательным действиям давали следующую картину.

«**Северный фронт**. Отношение к намеченному наступлению пассивное. В некоторых частях раздаются голоса против наступления. В связи с этим перегруппировка войск проходит не везде гладко, так как приходится убеждать не только целые полки, но и дивизии в необходимости выступить и занять

новые позиции. Наиболее возбужденное настроение в 1 корпусе, вследствие чего командарм V ходатайствует о назначении комиссара и присылке делегатов от Совета рабочих и солдатских депутатов на все подготовительное к операции время.

Западный фронт. В частях, где настроение колеблющееся, нельзя быть уверенным, что войска выполнят приказ о наступлении. В 700 полку 175 дивизии на митинге высказались против наступления, говорили, что приказы правительства необязательны, угрожают, в случае неудачи, расправиться с офицерами. По сообщению председателя дивизионного комитета, в этом полку действует небольшая несознательная часть—и в том числе дезертиры, недавно прибывшие в полк.

Юго-западный фронт. Отмечается желание солдат перейти скорее в наступление во многих частях фронта, но к этой готовности нужно пока отнестись осторожно. В приходящих пополнениях много людей, не желающих продолжать войну, мешает созданию боеспособности армии. Особенно резких протестов против наступления не было нигде, однако армейским комитетам и всем начальникам приходится прикладывать все усилия, чтобы поддержать боевой дух, уговаривая и убеждая иногда целые части.

Румынский фронт. Желание наступать в большинстве частей не наблюдается. Призывы к наступлению встречаются сдержанно. Во 2 и 36 корпусах к наступлению относятся критически, требуя больших резервов и сильной подготовки тяжелой артиллерии. Большинство стремится в тыл. Нет никакой уверенности, что приказ о наступлении будет выполнен».

Но несмотря на такое состояние войск 18 июня началось давно жданное всей буржуазной Россией наступление, подготовленное VII и XI армиями. Как изменилось настроение солдат и их отношение к наступлению, видно из сводки, данной Ставкой за время от 18 по 25 июня, в разгар успеха наступательных операций.

По армиям северного фронта отмечалось, что

«отношение к наступлению все еще неблагоприятное, особенно в некоторых частях армии; в I и XII в этом отношении некоторое улучшение. Отдельные части армии фронта, посылая поздравления Верховному главнокомандующему с успехом на юзфронте, выражают желание быть записанными в «части смерти». Эксцессов и резких случаев не наблюдалось, за исключением 22 дивизии, где 22 июня нейшлотцы толпой в 500 человек, с одним офицером и плакатом «Долой наступление», явились на митинг Петровского полка и избили двух ораторов, требовавших исполнения приказа о наступлении. По поводу происшедшего производятся расследования. Положение офицеров попрежнему тяжелое, их выступления иногда срываются в оскорбительной форме. Работа войсковых комитетов пока не дает желательных результатов вследствие неустойчивости их организации».

На западном фронте командиры находили, что

«желание наступать несомненно повысилось в связи с успехом на юге, но долго ли продержится появившийся подъем духа—сказать трудно. Часто выражают желание активных действий и в то же время отказываются выполнить боевой приказ о выступлении на позиции (1 и 8 Сибирские полки, 218 полк 55 дивизии, вся 2 Кавказская гренадерская и вся 169 дивизии, 16 Сибирская стрелковая дивизия, 203 Сухумский полк 51 дивизии и 246 Бахчисарайский 62 дивизии, 51, 62 и 63 Сибирские стрелковые полки). Поводы отказов самые разнообразные, обыкновенно сопровождаемые предъявлениями целого ряда требований, иногда доходящих до полного абсурда. В 675 Конотопском полку митинг вынес постановление с требованием уравнения жалованья (прапорщику 25 руб. и по 5 руб. прибавки на каждый чин, возвращение старого начальника дивизии и привлечение его на службу в нестроевую роту полка). Не заступают на позицию, также указывая на плохое состояние плацдармов и недостаток артиллерии».

В 63 Сибирском полку солдаты категорически отказались от работ на плацдарме, вынеся в то же время постановление не заступать на боевой участок—именно ввиду плохого состояния плацдарма. На этом же митинге

одно только появление немецкого аэроплана заставило разбежаться присутствующих. Ротные и полковые комитеты во многих полках оказались не на высоте положения, вместо успокоения вынося резолюции с отрицанием наступления (в 61, 63, 8 Сибирских стрелковых полках, в 703 полку, корпусный комитет 1 Сибирского корпуса). Занятий во многих полках в последние месяцы никаких не было, техника наступления мало усвоена, прибывшие пополнения обучены слабо, и наконец работы по устройству плацдармов, артиллерийских позиций или невыполнены совсем или выполнены в размере 20—30%.

Вообще к возможности перехода в наступление следует отнестись осторожно, так как за корпус, боеспособный сегодня, нельзя поручиться завтра; работа агитаторов-большевиков быстро приносит плоды, а авторитет начальников и даже войсковых комитетов недостаточен».

Штаб юго-западного фронта, на котором развертывалось наступление, сообщал, что

«общее настроение в связи с одержанным боевым успехом, продолжающим развиваться, несомненно сильно улучшилось. Много отдельных частей доблестно вели себя в боях, причем надлежит отметить самоотверженную работу членов фронтового и армейских комитетов, которые находятся в передовых линиях, воодушевляют войска и идут в атаку впереди частей. Двое из них пали смертью героев, есть раненые и контуженные. Дух большинства наступающих войск прекрасный, печальные же случаи отказа поддержки и смены полков на захваченных у немцев участках довольно быстро ликвидировались членами комитетов, а иногда самими же полками из наиболее стойких и доблестных дивизий. Развивающаяся с успехом операция дает возможность верить в улучшение настроения на фронте и благоприятно отразится на других фронтах».

На румынском фронте наступательные дела были совсем плохи. Из штаба фронта сообщали, что

«полной уверенности в исполнении приказа о наступлении нет. Есть части, захваченные агитацией большевиков. Думают больше о сохранении собственной жизни. В 78 дивизии солдаты говорят, что, если последует приказ о наступлении, они поднимут на штыки старых начальников. Авторитет начальников вообще слаб, а деятельность комитетов далеко не всегда идет по правильному руслу. Резких эксцессов не наблюдалось. Положение офицеров попрежнему тяжелое; в некоторых частях они продолжают оставаться лишь в силу долга.

Есть надежда, что успех операции на юго-западном фронте поднимет настроение войск и благотворно отразится на боеспособные части».

Тяжелое состояние армии, активное выражение нежелания огромной солдатской массы продолжать войну не остановило Временное правительство от преступной наступательной авантюры. Социалисты-соглашатели всех партийных марок своей поддержкой правительства и его войны повели солдат не к миру, а погнали их на проволочные заграждения. Приведенные выше документы о моральном состоянии войск не могли сулить прочного успеха наступлению. Но для Временного правительства и буржуазии это наступление давало повод к усилению реакции в стране, и при поддержке социалистов оно его использовало именно в этом контрреволюционном смысле.

Наступление и съезд советов

План наступательных операций весны 1917 г. был намечен еще в декабре 1916 г. После совещания в Ставке 17 декабря 1916 г. Николай II как верховный главнокомандующий приказал начать весенние

«наступательные операции с нанесением главного удара из района XI и VII армий в направлении на Львов и произвести второстепенные удары на остальных фронтах».

Время наступления было согласовано (вернее подчинено) с началом наступательных операций на франко-английском фронте. Революционные события марта месяца нарушили все намерения Ставки и Французской главной квартиры.

Когда Временное правительство договорилось с социалистами о наступлении и побороло сопротивление рабочих и солдат, на сцену выплыл намеченный в декабре план наступления. Для производства наступательных операций из района XI и VII армий на фронте намеченного удара от д. Звижина до Тепелихи (расстояние 70 *км*) было сосредоточено 31 дивизия—312 батальонов, 270 тыс. штыков, около 800 легких, 158 среднего калибра и 370 тяжелых орудий[1].

На совещании главнокомандующих 1 мая 1917 г. в Ставке, а затем в Петрограде с Временным правительством

«наступление признано было возможным начать только по миновании продовольственного кризиса и по оздоровлении армии. Наши обязательства перед союзниками заставили нас не отказаться совершенно от активных действий»,

сообщала сводка Ставки. По тому же документу Ставки—

«надежду на успех, хотя бы при коротком ударе, давало большое превосходство наших сил на участке удара сравнительно с силами противника, которое выражалось в среднем отношении 4:1, и большое превосходство артиллерии, в том числе и тяжелой».

Такова была техническая сторона подготовки к наступлению. Моральная подготовка велась усиленно единым фронтом от социалистов-соглашателей до кадетов и прочих буржуазных партий включительно. Агитацией за наступление занимались армейские комитеты и комиссары, а также делегаты и уполномоченные Совета и ИК Петроградского совета, специально для этого направленные на фронт. Кроме того за наступление вели агитацию все социалистические партии, их организации и печать, за исключением нашей РСДРП(б) и ее газет.

Эсеры и социал-демократы меньшевики использовали Всероссийский съезд советов в качестве авторитетной поддержки наступления. Эти намерения были изложены ими уже на частных совещаниях делегатов съезда, социал-демократов, без различия фракций, имевших место до открытия съезда. На одном заседании был поставлен вопрос о войне и о братании. От нашей партии выступал В. И. Ленин, разъясняя значение братания как средства революционной пропаганды против войны и империалистической буржуазии. Сторонников нашей партии на этом совещании было очень мало, и поэтому вопрос о войне, о братании и наступлении был решен в духе поддержки наступления[2].

Во время работы съезда наша фракция неоднократно пыталась поставить на обсуждение вопрос о наступлении, но большинство его отвергало. Соглашательский характер съезда, его позиция по отношению к вопросу о власти и о войне вызывали критическое

---

1 См. дело В. Уч. Архива № 703.

2 См. об этом главу «Первый съезд советов Р и СД».

отношение к нему со стороны рабочих и солдат Петрограда. Наша партия решила использовать это настроение политического недовольства рабочих в столице и попытаться организованным массовым движением подтолкнуть «революционную демократию» влево. Центральный комитет совместно с Петроградским комитетом партии решили тогда устроить 10 июня (ст. ст.) манифестацию с лозунгами «Долой десять министров капиталистов!», «Вся власть советам!», «Долой тайные договоры с английским и французским капиталом и др.

Весть об этой манифестации всполошила всех соглашателей, которые перенесли свою тревогу на съезд и там повели против нас гнуснейшую кампанию. Нашу манифестацию они рассматривали как попытку «захвата» власти и, само собою разумеется, считали ее «дезорганизацией сил демократии». После жестоких прений, после ухода нашей фракции с заседания съезда, посвященного вопросу о манифестации, съезд вынес постановление о запрещении манифестаций в течение трех дней. Наша партия подчинилась этому решению, но все это дело было перенесено на суд рабочих. Заставить петроградских рабочих отказаться от права заявлять свои требования на улицах, покрытых их кровью, соглашателям не удалось. Наоборот, рабочие заставили отменить запрет и произвели эту демонстрацию через неделю после первого запрещения [1].

По первому предложению Ставки войска были подготовлены для наступления к 10 июня, но окончательное решение ожидалось от Временного правительства. Временное правительство действовало в этом вопросе по соглашению с социалистами-оборонцами, а последние предполагали провести вопрос о наступлении через Всероссийский съезд. Ген. Брусилов торопил Керенского с приездом на фронт, но последний отвечал, что

«ввиду необходимости лично присутствовать на Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов до того времени, как будет вынесена резолюция о войне, выехать смогу только 12-го».

Соглашательская обработка съезда шла успешно. Наших единомышленников на съезде было еще немного, но за пределами съезда, в рабочих и солдатских низах, влияние нашей партии росло с каждым днем. Это чувствовали все соглашатели и поэтому яростно выступали против нас, против наших лозунгов и предложений. Отношение к нам на этом съезде было исключительно враждебное.

Прения на съезде затянулись и едва не сорвали подготовленное ген. Брусиловым наступление. 11 июня Керенский известил ген. Брусилова, что предполагает

«приехать лично. Считаю совершенно необходимым для моральной поддержки и придания авторитетности приказу о наступлении, чтобы Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов высказался вполне определенно об отношении к войне и к наступлению. Не сомневаюсь, судя по настроению съезда, что резолюция будет вполне благоприятная. Только имея эту резолюцию, могу выехать, в соответствии с чем прошу в крайности задержать приказ о наступлении. Думаю, что резолюция будет вынесена в ближайшие дни» [2].

[1] См. об этом деле заседание съезда от 9 и 11 июня, стр., 172—185.
[2] См. главу «Первый съезд советов».

На это предложение последовал из Ставки ответ, что

«отложить представляется возможным только на два дня. Дальнейшее промедление может слишком вредно отразиться на успехе операции. Противники уже ясно чувствуют подготовку с нашей стороны и на главных направлениях, дабы помешать нам, начинают огневые нападения, а на фронте одной из ударных армий, после артиллерийской подготовки, сами делают попытки небольшого наступления. Вероятно подтягивают и резервы. Поэтому назначаю как окончательный срок начала артиллерийской подготовки 16 июня и убедительно прошу к этому времени приехать на фронт. № 4199, 12 июня 1917 г.

Брусилов».

Неопределенность отношения к наступлению вызвала 12 июня запрос ген. Брусилова по прямому проводу. На вопрос генерала-квартирмейстера Ставки от имени ген. Брусилова о дне приезда Керенского начальник кабинета военного министра дал объяснения, что

«резолюция будет вынесена сегодня или завтра, сильно задержалась событиями в Петрограде, а именно выступлением большевиков. Если она будет вынесена сегодня, то вероятно военмин выедет, если не завтра, то выедет в среду. Таким образом он опоздает к назначенному сроку. Придавая важное значение этой резолюции и считая свой приезд также желательным до наступления, военмин и просил, если можно, задержать наступление. О неудобстве такой задержки я министру докладывал, но не мог быть настойчивым, так как и сам придаю важное значение резолюции и приезду министра. Дело в том, что к нам уже прибывало немало делегаций с фронта от частей, которые получили приказание занять то или иное новое, очевидно исходное для будущих действий, положение с просьбой к министру подтвердить, что эти приказания отданы его именем, а не их начальниками. Каждой из этих делегаций министр разъяснил, что приказания их начальников должны исполняться беспрекословно, так как все начальники являются представителями Временного правительства и революционного народа, которому они обязаны подчиняться. Все они уехали в общем удовлетворенные, но это показывает, что для верности приезд туда на место самого министра с резолюцией солдат и рабочих, в дополнение к резолюции крестьянского съезда, совершенно необходим. Потому-то министр и просил задержать, если это возможно, сегодня я все же постараюсь дать вполне определенный ответ о дне выезда Керенского».

Расчеты всей буржуазии оправдались: съезд принял все соглашательские предложения, и Керенский выехал на фронт, имея в кармане резолюцию Всероссийского съезда советов Р. и С.Д. Эти решения ему были нужны лишь как хлысты для погони солдат в наступление. 15 июня он уже на фронте и оттуда телеграфировал кн. Львову, что

«виделся с Брусиловым и Лукомским. Положение определилось, сделалось решительным. Дальше откладывать операцию по военно-стратегическим соображениям нельзя. Просим Временное правительство всемерно поддержать армию. Просим о том же, через Церетели и Чернова, союзников. С фронта возвращусь с воззванием к стране. Привет. 15 июня 1917 г. Керенский».

Просьба Керенского о поддержке армии тотчас же выполнялась, и в Ставку летели телеграммы приветствий. Сам Керенский издал приказ о наступлении, помеченный 16 июня, в котором заявлял, что

«Россия, сбросив с себя цепи рабства, твердо решила во что бы то ни стало отстоять свои права, честь и свободу. Веря в братство народов, демократия русская обратилась ко всем воюющим странам с пламенным призывом

прекратить войну и заключить честный, для всех необходимый мир. Однако в ответ на призыв к братству противник позвал нас к измене. Австро-германцы предложили России сепаратный мир и, пытаясь усыпить нашу бдительность братанием, бросили свои силы на наших союзников, в расчете, разбив их, расправиться с нами. Ныне, убедившись, что Россия не даст себя обмануть, противник угрожает нам и уже стягивает силы на наш фронт. Воины! Отечество в опасности, свободе и революции грозит гибель! Время настало, и армия должна выполнить свой долг. Верховный главнокомандующий ваш, обвеянный победами вождь [1], признает, что каждый день дальнейшего промедления только усиливает врага и что лишь немедленным решительным ударом мы можем разрушить его планы. Поэтому в полном сознании великой ответственности перед отечеством я от имени свободного народа и его Временного правительства призываю армии, укрепленные силой и духом революции, перейти в наступление. Пусть противник не торжествует до времени над нами победы. Пусть все народы знают, что не по слабости говорим мы о мире. Пусть знают, что свобода увеличила нашу мощь. Офицеры и солдаты, знайте, что вся Россия благословляет вас на ратный подвиг. Во имя свободы, во имя светлого будущего родины, во имя прочного и честного мира приказываю вам: вперед! Военный и морской министр Керенский».

В ответ на призыв к наступлениям и в дополнение к приказам Керенского «революционная демократия», в лице Всероссийского съезда, обратилась с воззванием-приветом к армии следующего содержания:

«Солдаты и офицеры! Временным правительством революционной России вы призваны к наступлению. Организованные на демократических началах и закаленные в огне революции, вы смело двинулись в бой.

Вам, на полях сражений защищающим дело революции и льющим кровь за свободу и приближение всеобщего мира, Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительный комитет Всероссийского съезда крестьянских депутатов шлют свой братский привет.

Российская революция давно призывает к борьбе за всеобщий мир народы всех стран; пока наш призыв не принят народами Европы, не по нашей вине продолжается война.

Ваша доказанная наступлением организованность и сила придаст вес голосу революционной России в обращениях к воюющим, нейтральным и союзным странам и приблизит окончание войны.

Все наши помыслы с вами, сыны революционной армии.

В этот решительный час Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительный комитет Всероссийского съезда крестьянских депутатов призывает страну напрячь все силы на помощь армии.

Крестьяне, дайте армии хлеб!

Рабочие, пусть армия не терпит недостатка в снарядах!

Солдаты и офицеры в тылу, с маршевыми ротами и целыми полками по первому приказу идите на фронт!

Граждане! Помните все о вашем долге. Никто не смеет в эти дни уклоняться от выполнения долга перед родиной.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов остаются на страже свободы России.

Солдаты и офицеры, пусть же ваши сердца не ведают сомнения; вы бьетесь за свободу и счастье России, вы бьетесь за приближение всеобщего мира.

Привет вам, братья!

Да здравствует революция, да здравствует революционная армия!

Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов.

Исп. комитет Всероссийского съезда крестьянских депутатов».

---

[1] Имелся в виду ген. Брусилов.

Временное правительство выступило с особым воззванием «К гражданам», в котором призывало «напрячь всю волю, всю силу» и отрешиться от всего разъединяющего.

Наступление являлось великолепным средством и поводом для расправы с непокорными солдатами и рабочими, и буржуазия, вкупе с социал-демократами, меньшевиками и эсерами (правыми) не упустила этого случая.

Атаки на питерский пролетариат и гарнизон не сходили со страниц печати, прикрывались знаменем борьбы с большевизмом и анархией, но этого было мало. Красный призрак пугал буржуазию и ее лакеев, а потому необходимо было «обуздать» вольницу путем разгрома. Прикрытием для этого и послужило наступление.

Вопрос о наступлении, после решения его на съезде советов был перенесен на обсуждение в Петроградский совет и поставлен на заседании 20 июня (3 июля н. ст.). В тот же день советские «Известия» имели передовую статью, посвященную наступлению. Руководители советского большинства, бросая солдат в авантюру, считали, что

«на страницах истории нашей революции день 18 июня будет отмечен как день великого перелома.

В этот день наша армия перешла в наступление. Началось наступление революционных полков. Этим наступлением армия ответила на все обвинения, которые сыпались против нее в течение последних месяцев.

Говорили о разложении нашей армии. Но армия своим наступлением доказала, что жива ее сила.

Армия доказала, что революционное сознание даст ее рядам ту сплоченность и силу, которой не могла дать ей палочная дисциплина старого строя.

Говорили, будто армия только бумажными резолюциями и словами оказывает поддержку Временному правительству.

Люди, по зову военного министра двинувшиеся в бой навстречу смерти, доказали, что у них дело не расходится со словом, что их резолюции готовности отдать все за свободу родной страны были подписаны их кровью.

Говорили, будто Россия молчаливо заключила сепаратное перемирие с врагами.

Армия своим решительным шагом вперед доказала, что ей нужен не сепаратный мир, не мир во что бы то ни стало, а всеобщий мир, достойный свободных народов.

Говорили, что слова революционной демократии России и Временного правительства, обращенные ими к Европе—лишь пустые слова, не поддерживаемые действительной силой.

18 июня весь мир узнал, что у России осталась боеспособная армия, готовая и к обороне и к наступлению.

И потому день 18 июня, день, когда наши революционные полки после продолжительного бездействия перешли в наступление, день 18 июня является днем победы российской революции, днем ее победы в борьбе за всеобщий мир» [1].

Так подготовляли «Известия» решение Совета о наступлении.

В порядке дня открывшегося заседания Совета стояли два вопроса: 1) вопрос о наступлении и 2) вопрос о событиях на даче Дурново. По первому вопросу выступил докладчиком министр Церетели.

Начавшееся наступление он приветствовал как борьбу «за де-

---

[1] См. «Известия Петроградского Совета Р и СД, № 96 от 20 июня 1917 г.

ло революции» и призывал «поддержать нашу армию в ее борьбе против врага, угрожающего самым основам нашего независимого существования», предлагая помнить, что на фронте «льется кровь за наши идеалы». Политика наступления входила в соглашательский план «борьбы за мир», и Церетели с пафосом подчеркнул, что «наши войска своими геройскими действиями оказывают нам поддержку в деле борьбы за мир». Одновременно с этим, по мнению Церетели, наступление показало, что «демократизация армии не понизила ее боеспособности». Последнее Временному правителству было нужно для оправдания себя перед буржуазией. Международное значение наступления заключалось в том, что «с нашим голосом теперь будут больше считаться союзные демократии». Все эти буржуазные пошлости, шедшие из уст социалиста Церетели, вызвали шумное негодование рабочих, социал-демократов, большевиков. На крики с наших скамей Церетели величественно заявил, что «мы, социалисты, исполняем свой демократический долг», и перешел в атаку против нашей партии, обвиняя нас в дезорганизации революции и делая угрозы в сторону «дачи Дурново».

От нашей фракции отвечал Церетели рабочий Наумов, указавший, что «приказ Керенского от 16 июня[1] открывает позорную страницу в истории русской революции. Нас всегда звали к борьбе за социализм, а теперь эти идеалы забыты, и вы (министры-социалисты) вступили в союз с империалистами».

После выступления ряда фракционных ораторов и заключительной речи Чернова, заменившего Церетели, вопрос о поддержке наступления был поставлен на голосование в виде следующей резолюции.

«Присоединяясь к воззванию Всероссийского съезда Совета Р и СД, от лица петроградского пролетариата и гарнизона, мы шлем вам горячий привет, братья-солдаты на фронте. Для вас наступили страдные дни наступления. На вашу долю выпали тяжелые жертвы. Но знайте в вашем подвиге, что вся революционная демократия с вами. Знайте, что вся революционная демократия видит в вас защитников свободы, борцов за всеобщий мир. От лица петроградского пролетариата и гарнизона мы говорим вам: мы отдадим все силы, чтобы с вами довести до конца наше общее дело. Ваше наступление придает новые силы российской революции в ее борьбе за всеобщий мир. Наш долг—дать вам снаряды и пополнения, и этот долг наш мы исполним».

Эта резолюция была принята 472 голосами против 271 голоса наших единомышленников при 39 воздержавшихся.

Поражение наступательной авантюры

Временное правительство и вся буржуазия напряженно ожидали известий о ходе наступления. 18 июня министр-председатель кн. Львов вызвал по прямому проводу ген. Брусилова и попытался узнать от него результаты наступательных операций, но Ставка еще сама не имела итогов. Было известно лишь одно, что стоявшие без движения войска удалось бросить в бой. Об этом со-

[1] Приказ о переходе русских армий в наступление, см. на стр. 239.

бытии во все концы России полетели крикливые телеграммы, что

«сегодня великое торжество революции. 18 июня русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление и доказала России и всему миру свою беззаветную преданность революции и любовь к свободе и родине. Пренебрегая небольшими группами малодушных в немногих полках и оставляя их с презрением в тылу, свободные русские воины утверждают своим наступлением новую, основанную на чувстве гражданского долга дисциплину. Что бы ни было дальше, сегодняшний день положил предел злостным и клеветническим нападкам на организацию русской армии, построенную на демократических началах. Настойчиво прошу, срочно разрешите мне вручить от имени свободного народа полкам, участвовавшим в бою 18 июня, красные знамена революции, уже и ныне, по почину самих атаковавших полков, развевавшихся во время боя, и присвоить всем полкам, начавшим наступление, наименование полков 18 июня. 272. Керенский».

Однако уже через несколько дней после победных реляций о пленных и трофеях из Ставки послышались иные вести. Уже 26 июня Керенский сообщил по телеграфу Временному правительству, что

«начатая операция развивается значительно менее успешно, чем можно было надеяться по силе артиллерийской подготовки и количеству сосредоточенных войск. Медленное развитие операции объясняю следующими причинами: 1. Наиболее важные пункты атакуемой позиции обороняют германцы, а не австрийцы. Кроме того германцы принимают защиту и тех участков, где нам удалось бить австрийские войска. 2. Противник перебрасывает на наш фронт силы с западного фронта: известно, что три дивизии переброшены к нам с французского фронта. 3. План операции одной из армий оказался плохо разработан (командир армии сменен). 4. Наша инженерная подготовка была недостаточна главным образом потому, что солдаты отказались производить работы по сооружению плацдармов. 5. Войска не были обучены к наступательным операциям, так как не было возможности вести правильные занятия. Помимо этих причин большое влияние оказало и общее состояние нашей армии, еще не окрепшей и не вполне организовавшейся на новых началах. Громадным напряжением нравственного воздействия удалось двинуть армию в наступление и создать на первые дни настроение порыва и воодушевления. Во многих случаях порыв оказался неустойчивым и после первых дней (а иногда даже часов) боя сменялся упадком духа. Вместо того, чтобы развивать первый успех, части, участвовавшие в боях, стали составлять резолюции с требованием немедленного ухода в тыл на отдых, так что с трудом удалось уговаривать остаться на месте и не было возможности двинуть в наступление. Причиной неустойчивости настроения, кроме усталости войной, является непонимание смысла и целей войны и отсутствие единодушия в стране и армии. Особенно часто солдаты жалуются на недостойное поведение тыловых частей, отказывающихся посылать пополнения, и на безнаказанность уклоняющихся от боя. Массовое уклонение может стать грозным явлением, так как часто прикрывается идейными знаменами большевизма. Так весь гренадерский полк, один батальон Павловского и часть Финляндского самовольно ушли в тыл под предводительством большевика-офицера в то время, когда весь 1 Гвардейский корпус занимал исходное положение для атаки; вызванное этим брожение привело к тому, что весь корпус оказался абсолютно небоеспособным и постыдно не мог выполнить возложенной на него задачи. В общем в солдатской массе признаки оздоровления перемешаны с угрожающими симптомами дальнейшего разложения и, как показал случай с Соколовым[1], трудно сказать, что может принести ближайшее будущее. Необходимость же вести вооруженную борьбу на два фронта, как это имеет место с гренадерским полком, подрывает надежду на широкий успех каких-либо операций. Большие трудности представляет также состояние командного состава. В большинстве он не

[1] Н. Д. Соколов был избит солдатами.

сумел приспособиться к новым условиям и демократизацию армии принял как личную обиду; лишение всякой власти и полная безответственность высшего командования лишь в редких случаях дает счастливое сочетание военных талантов и любви к свободной родине. И мне часто приходилось видеть, как боевые неудачи воспринимались с плохо скрываемым злорадством или — ожесточением и нападками на новые порядки в армии. Все, что возможно, делается для поддержания духа в армии. Но малая сознательность солдат, легкая возможность извращенными лозунгами большевизма прикрывать трусость и низменные инстинкты, безнаказанность подстрекательства к неисполнению боевых приказов под видом идейной агитации, незаконченность и неоформленность солдатских организаций и несоответствие командного состава, — делают работу в армии бесконечно тяжелой. Для ближайшего будущего считаю необходимым принятие следующих мер: 1) чистку командного состава, не считаясь с чинами; 2) установление немедленной и суровой судебной репрессии за воинские преступления; 3) приравнение частей, не исполняющих боевых приказаний, к дезертирам; 4) решительные меры против анархии и безначалия в тыловых частях, в особенности в Петрограде. Неопределенность положения заставила меня задержаться на юго-западном фронте. № 363. Керенский».

Эту телеграмму дополнил ген. Брусилов своей, в которой предложил ряд мер, способных, по его мнению, восстановить боеспособность армии. Все изложенное Керенским

«по существу является правильным, но я считаю долгом отметить следующие вопросы. Первое: чистка командного персонала фактически уже произведена, и при дальнейшей смене командного персонала надо, увольняя действительно несоответствующих современной обстановке, относиться все же к этой мере осторожно, ибо нельзя рассчитывать, что молодые офицеры, как бы они способны ни были, будут хорошими начальниками крупных войсковых соединений. Для выработки таких начальников нужны время и боевая практика, как то имело место в период французской революции, когда при непрерывных боях на полях сражения вырабатывались начальники. Если же у нас в период позиционной войны будут назначаться начальниками крупных войсковых соединений малоопытные младшие начальники, то они конечно в большинстве случаев окажутся хуже стоящих ныне во главе войск. Поэтому повторяю, что хотя необходимо и ныне увольнять тех, которые оказываются неспособными, но производить это увольнение надо с осторожностью. Второе: прежде всего необходимо пропаганду ленинцев и большевиков признать преступной и проповедь их идей карать, как за государственную измену. Если это не будет проведено, то оздоровление ни в тылу, ни в армии не наступит. Третье: войсковые части, кои оказывают неповиновение, зачислять в разряд штрафных, с восстановлением в полной мере всех наказаний кроме смертной казни и с обязательным восстановлением всех прежних дисциплинарных прав начальствующих лиц, с лишением таких частей права иметь комитеты и лишением их тех прав и преимуществ, кои дарованы всем прочим чинам армии. Только после полного водворения порядка в таких частях и подписки чинов, что они обязуются подчиняться приказаниям начальства, им должны возвращаться все права. Четвертое: необходимо чтобы правительство разъяснило, что все военнослужащие пользуются всеми правами свободных граждан вне службы. Во время же службы они строго подчиняются приказам и распоряжениям начальства. Кроме того надлежит установить, что армия является орудием воли большинства народа и что воля народа олицетворяется правительством, а потому армия не имеет права критиковать и не исполнять распоряжений правительства. Всякое выступление как частей войск, где бы они ни были, так и отдельных воинских чинов на театре военных действий и в частях войск таковому. 26 июня 1917 г. 0 ч. 15 м. 4536.

Брусилов».

За три недели наступления русские войска взяли до 36 тыс. пленных, свыше 90 орудий и более 400 пулеметов, но уже в пер-

вые дни стало ясно, что войска не обладают необходимой для предложения наступления устойчивостью. В отчете, данном Ставкой, об июньском наступлении сказано, что

«16 июня на ударном участке юго-западного фронта началась артиллерийская подготовка и продолжалась в течение двух дней. На третий день, после короткого ураганного обстрела, части пошли на штурм и сразу овладели на большую или меньшую глубину неприятельскими позициями.

Но после этого первого успеха, к сожалению, сказалась нравственная неустойчивость частей, утративших дисциплину и привычку повиновения начальникам. На фронте VII армии, где пришлось встретить главным образом германцев, части немедленно от одного только артиллерийского огня и при первых попытках противника произвести контратаки отошли почти на всем фронте в исходное положение и повторить атаку уже не могли в течение всего последующего времени.

На фронте XI армии многие части проявили большую доблесть, овладели позициями противника, но развить успех не могли, так как атаковавшие части быстро выдыхались и обнаруживали полную негодность к продолжению операции; в частях же, которые должны были сменить и занять исходные положения для дальнейшего наступления, сказались те недопустимые в военном деле порядки, когда часть, вместо того, чтобы быстро и беспрекословно выполнить отданный ей приказ, пускается в обсуждение, насколько этот приказ подлежит выполнению. Драгоценное время уходило, противник усиливался и перегруппировывался.

25 июня началось успешное наступление VIII армии, которая однако, овладев Галичем и линией р. Ломницы, принуждена была тоже приостановиться. Для восстановления наступления требовалось усиление ее.

Ввиду выяснившейся к этому времени совершенной небоеспособности VII армии, а также крупного успеха на фронте VIII армии, было решено произвести перегруппировку, усилив VIII армию за счет VII и произвести удар XI и VIII армиями, первой—в направлении за Злочов и второй—на Рогатин. Однако те же причины—отказы становиться на позицию, нежелание переходить на новые места задерживали перегруппировку, и операция, все откладывавшаяся, осталась в проекте, так как 6 июля последовал удар со стороны немцев.

За время нашего наступления XI, VII и VIII армии понесли довольно значительные потери. Из строя выбыло: 1 222 офицеров и 37 500 солдат, т. е. 14% всего состава, при этом несомненно лучшего элемента».

В первых числах июля (с 6-го) германцы, подтянув с французского фронта войска, перешли в контрнаступление, производя прорывы русского фронта и побуждая русские части к отступлению. Крикливо начатое, против воли рабочих и солдат, наступление поставило войска в тяжелое положение. После неудачи июньских и июльских наступательных операций Временное правительство и его военный министр Керенский повели атаку на непокорных солдат и вместе со всей буржуазной контрреволюцией бросились на штурм против рабочих организаций и нашей партии, руководившей выступлениями пролетариата. В этой борьбе «герой 18 июня» нашел себе политическую смерть.

Несмотря на двухмесячную моральную и материальную подготовку наступления, оно окончилось, как это и нужно было предвидеть, катастрофическим расстройством фронта и последовавшим за ним поражением, со всеми его последствиями, в виде поспешного отступления, потери территории, людей, вооружения и интендантского имущества.

Буржуазная печать и командный состав все причины неудачи «блестяще» начатого наступления видели в «злостной» пропаганде идей большевизма и интернационализма, а также в разложе-

нии армии различными мероприятиями власти по демократизации армии. Контрреволюция была последовательнее: она обвиняла революцию в том, что та своими «демократиями» привела страну к поражению.

Как и следовало ожидать, «стратегическое» наступление приобрело огромное политическое значение как внутри страны, так и вне ее. Внутри страны, под шум наступления, объединялись все контрреволюционные элементы, сделав из вопросов военной обороны знамя внутренней борьбы против революции. За пределами нашей страны наступление сорвало советскую «мирную пропаганду», разоблачив социал-патриотическую сущность его «интернационализма». Оно принесло несомненную пользу только англо-французскому фронту, оттянув от него войска и тем облегчив его положение.

Попытки командного состава объяснить срыв наступления и последовавшее за тем поражение «моральной неустойчивостью» солдат содержали в себе только часть правды. Огромная вина за такой конец предпринятой операции лежала на самом командном составе, не обеспечившем технически это наступление. Стоит только посмотреть сводки той же Ставки о всяких инженерных и прочих технических работах за этот период на фронте, чтобы вскрыть эту неподготовленность и сделать заключение, что самое наступление высший командный состав находил нужным предпринять не столько по стратегическим, сколько по внутренним политическим мотивам.

Деятельность всех социал-соглашательских партий того времени была направлена на политическую подготовку солдат, на пропаганду лозунгов «активной» обороны при помощи перехода в наступление. В том же направлении работали все войсковые комитеты и командный состав. Командный состав был отвлечен от своих прямых задач в сторону политической подготовки наступления и, видимо, даже не ставил перед собой задачи о технической подготовке наступательных действий. Эта неподготовленность особенно ярко сказалась после поражения, когда у отступивших армий не оказалось никаких заранее оборудованных позиций, позволявших им задержаться, укрыться и обороняться от наступивших сил противника.

Политический смысл наступления сказался во всей внутренней политике Временного правительства—как в отношении воинских организаций, так и по отношению к рабочим, профессиональным и фабрично-заводским организациям. Реакция и контрреволюция под прикрытием войны открыто наглела, внося возбуждение в революционную среду рабочих и солдат всей страны.

Неудача наступательной авантюры на фронте и одновременный переход в наступление на рабочий класс, организованный буржуазией, оберегавшейся социал-соглашателями, открывал глаза патриотически настроенным рабочим и ослепленной шовинизмом мелкой буржуазии. Поведение нашей партии, ее отрицательное отношение к наступательной политике Временного правительства и его партий, подняло ее авторитет в самых широких

кругах рабочих и солдатских масс. К голосу РСДРП(б) стала прислушиваться и далекая рабочая провинция Росло доверие к нашим представителям и единомышленникам среди солдат на фронте и в тылу. Кое-где усиление нашего влияния оформлялось и организационно: соглашатели теряли представительства в фабрично-заводских комитетах, советах и профессиональных союзах. Так побеждала правильная пролетарская линия в революции, объединяя в борьбе лучшие силы рабочего класса и революционные элементы деревни, одетые в серые шинели.

VII

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ В ПЕТРОГРАДЕ.

Петроградский пролетариат и Съезд советов.

Борьба между нашей партией и социалистами-соглашателями всех наименований достигла к началу июня ст. ст. 1917 г. крайнего напряжения и остроты. Открывшийся в первых числах июня I Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов состоял на $^9/_{10}$ из шедших на поводу у буржуазии соглашательских и просто обывательских элементов. С самых первых дней Съезд в своем большинстве нагло демонстрировал свою вражду к нашей с.-д. большевистской фракции и к оплоту революции—петроградскому пролетариату и сознательной части гарнизона. Между настроениями съезда и настроениями значительных рабочих масс Петрограда лежала глубокая пропасть.

Когда рабочие узнали подлинное лицо Съезда и познакомились с его соглашательскими решениями о Временном правительстве, о войне, об отношении к борьбе с контрреволюцией, которую Съезд видел в левых группах и особенно в нашей партии, но не хотел видеть там, где она действительно была и организовывалась,—волна возмущения прошла по всем крупнейшим заводам. Работы Съезда служили политическим воспитанием, а его решения способствовали решительным политическим сдвигам в сознании масс. Особенно резко проявился этот сдвиг на вопросе об отношении Съезда и его руководящих партий к назначенной нашей партией, профессиональными союзами и фабрично-заводскими комитетами на 10 июня демонстрации рабочих и солдат против политики Временного правительства и поддерживавших его партий. Меньшевики и социалисты-революционеры обвинили нашу партию в заговоре «против революционной демократии» и обнаглели до такой степени, что запретили устройство рабочей демонстрации. Буржуазная почать хвалила соглашателей за «твердость», но совершенно иначе относился к этой «твердости» организованный петроградский пролетариат.

Запретив именем Съезда манифестацию рабочих и солдат, назначенную на 10 июня, социал-демократы, меньшевики и социалисты-революционеры решили дискредитировать нашу партию именем того же Съезда и попытались «вырвать большевизм» в самом Петрограде. Для этой цели они отправили сотни своих

делегатов со съезда на фабрики и заводы, поручив им очернить нашу партию. Но эта попытка потерпела неудачу. Рабочие решительно отвергли все их попытки ошельмовать большевиков и указали гостям, что знают нашу партию лучше и раньше, чем пришли к власти господа соглашатели. Прием, оказанный рабочими делегатам Съезда, заставил их сбавить тон. Наша партия опубликовала в те дни, в ответ на кампанию против нас соглашательского блока, особое заявление Съезду, которое было опубликовано в виде воззвания[1]. В этом заявлении фракция разоблачала министров-социалистов, выдвинувших против нас обвинение в «заговоре», для того чтобы под его прикрытием расправиться с петроградскими рабочими, отнять у них оружие, которое не давало покоя буржуазии и ее защитникам—социалистам-оппортунистам. Заявление предупреждало, что пролетарские массы добровольно оружия не сдадут.

Это воззвание имело огромный успех. Разоблачение контрреволюционных намерений министров «социалистов» заставило их сторонников и приезжих съездовских агитаторов давать рабочим объяснения и оправдываться, а не нападать на большевиков, как это они предполагали. Соглашатели, под давлением рабочих и солдатских масс, пошли дальше и вынуждены были согласиться на устройство манифестации, назначив ее на 18 июня. Это постановление означало уже прямую победу петроградских рабочих.

Наши партийные организации решили принять самое активное участие в назначенной 18 июня демонстрации. Профессиональные союзы и Центральный совет фабрично-заводских комитетов также выступили с поддержкой демонстрации. Рабочие и солдаты готовились к демонстрации, организованно выносили резолюции о власти и войне, писали плакаты с различными лозунгами. ЦК и ПК нашей партии выпустили посвященное демонстрации воззвание, в котором изложили наши требования и лозунги, объединявшие революционных рабочих и солдат того времени.

Демонстрация 18 июня прошла организованно и превзошла все наши ожидания. Большинство рабочих и солдатских колонн демонстрантов несли плакаты с лозунгами «Долой десять министров капиталистов!» «Долой тайные договоры!» с требованиями «всей власти советам». Но этот успех демонстрации, свидетельствовавший о росте влияния нашей партии, не ослабил вражды к нам социал-соглашателей, скорее, наоборот, углубил ее. Церетели, Либер, Дан, Керенский и К° стали третировать отошедших от них рабочих и солдат, называя их «шкурниками», «разнузданными рабами» и т. п. В то же время соглашательские круги искали себе новой опоры, так как «революционная демократия», на которой ехали социал-соглашатели, стала проявлять признаки нетерпения, угрожая сбросить своих седоков. Этой новой опорой становилась отсталая мелкобуржуазная провинция и городская интеллигенция, которых все соглашатели противопоставляли Петрограду. Особенно резко сказалась борьба соглашателей

[1] См. его в приложении 10.

и буржуазии против нас, социал-демократов большевиков, в рабочей среде. Рабочие ответили на объявленную нам «священную войну» перевыборами своих представителей в Совет, и наша с.-д. большевистская фракция рабочей секции, имевшая в начале июня около трети всего рабочего представительства, к концу июня получила в ней большинство.

Весной и все лето в Петрограде и в Москве (отчасти) наблюдалось оригинальное противоречие, заключавшееся в том, что политическое представительство рабочих в Совете было умереннее, чем избранное рабочими же представительство в профессиональных организациях. В Петрограде большинство в профсоюзах социал-демократы большевики имели уже в начале мая, а в Совете, в его рабочей секции, наших большевиков не было и четверти. Почти такая же картина наблюдалась и в Москве.

Крупнейший союз Петрограда—Союз рабочих металлистов, первым председателем которого я был выбран как большевик, в самом начале организации центрального правления, шел за большевиками. Те же явления отмечались и по другим отраслям промышленности. А все это взятое вместе дало нам возможность укрепиться в Петроградском бюро профсоюзов в то время, когда рабочая часть Совета была еще прочно соглашательская. Если же сравнить представительство от рабочих фабрик и заводов в заводских и фабричных комитетах и их делегации в Центральный совет фабрично-заводских комитетов, то получается та же противоречивая картина: фабричные и заводские комитеты, их конференции и Центральный совет, избранный ими, был значительно радикальнее, чем представительство в Совете. Это обстоятельство было отмечено еще в то время, и наша партия одно время готова была заменить лозунг «власти советов» лозунгом «борьбы за рабочую власть профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов». Особенно сильно было такое течение после июльских дней. Однако разгул контрреволюции в первой половине июля поставил рабочий класс и его организации в состояние обороны, временно отодвинув вопрос о борьбе за власть.

В конце июня вопрос о наступлении русских армий против австро-германских стал в центре всей политики Временного правительства, буржуазных партий и социал-соглашательского блока. Переход в наступление был тотчас же использован всей буржуазной контрреволюцией для непосредственного нажима на рабочих и солдат внутри страны. Наступление «во имя мира», против воли самих солдат затеянное в крайне тяжелых моральных и материальных условиях авантюристами во главе с Керенским и по требованию «союзников», привело весь фронт в состояние полной дезорганизации. Хвастливо начатое наступление вскоре было встречно контрнаступлением противника, и наши воинские части покатились назад. Победа быстро превратилась в поражение.

Инициаторы обанкротившейся наступательной политики решили свалить неудачи авантюры на пропаганду социал-демократов большевиков. Большевики виноваты во всем,—вот был клич, объединивший буржуазию и всех социал-соглашателей. Контр-

революционные элементы, объединившиеся с кадетами вокруг Государственной думы, Государственного совета, а в армии—вокруг штабов, поддерживали войну и наступление, как наиболее удобную форму осуществления своих классовых целей. Продолжение войны и вызванное этим июньское наступление облегчало капиталистам осуществление их требований «обуздания рабочей анархии», ограничения 8-часового рабочего дня и тормозило проведение в жизнь земельной реформы.

Направляя свои удары против наших организаций, против нашей пропаганды, социалисты-соглашатели развязывали контрреволюционные силы и довели травлю социал-демократов большевиков до того, что нашим единомышленникам нельзя было показаться в одиночку на Невском, не рискуя своей жизнью. Буржуазная и черносотенная контрреволюция так обнаглела, что безнаказанно убивала на улицах столицы распространителей нашей партийной печати и всех, кто пытался бороться словом с погромной агитацией. Милиция не только не защищала в таких случаях слабого от толпы, но содействовала толпе, арестовывала рабочих и солдат по требованию погромщиков.

Такое положение толкало рабочих и солдат на попытки вооруженной расправы с контрреволюцией, разгуливавшей по Невскому, и только усилия наших организаций сдерживали справедливое негодование массы от неорганизованной вооруженной расправы, направляя ее силы на борьбу за овладение комитетами и самим Советом Р. и СД.

Петроградские рабочие и солдаты о наступлении

Решение Советом вопроса о войне в пользу наступления вызвало протесты и даже стремление солдат к отказу от повиновения, посылки пополнений и тому подобным действиям. Военной организации нашей партии пришлось вести работу по разъяснению невыгодности разрозненных способов борьбы, ограниченности отдельных отказов, не достигавших цели и ведущих только к потере сил. Еще в первой половине июня, когда вопрос о войне и наступлении стал в порядок дня съезда советов, ЦК и ПК нашей партии созвали общее собрание представителей военной организации, на котором обсудили эти вопросы и приняли следующее решение.

«Современная война со стороны обеих воюющих групп есть война империалистическая, т. е. ведущаяся капиталистами (помещиками, богачами и т. д.) за их господство над миром, за захват рынков (захваченное право торговли в чужих государствах) и колоний, за подчинение слабых народностей игу финансового капитала. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию (банки, фабрикантов, заводчиков и помещиков), разоряет крестьянство, истощает силы пролетариата (рабочего класса) во всех воюющих, а равно и в нейтральных (не воюющих) странах. Затягивание войны выгодно только империалистической буржуазии (банкам, промышленникам, капиталистам); в России оно, кроме того, несет с собой величайшую опасность для завоеваний революции и для дальнейшего ее развития.

Никакого доверия не заслуживают официальные обещания буржуазных правительств—отказаться от захвата чужих земель и от насильственного удержания порабощенных народностей в пределах своей страны.

Путь к скорейшему окончанию войны—только через революцию, через переход государственной власти, по крайней мере в нескольких воюющих странах, в руки представителей революционной демократии (народа), борющихся против гнета капитала.

Исходя из этого, общее собрание военной организации признает, что, с одной стороны:

1. Нельзя окончить войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, дезорганизацией (расстройством) фронта и прекращением военных действий со стороны какой-либо одной из воюющих стран.

2. Недопустим и невозможен для революционной демократии России также сепаратный мир (какой-либо одной воюющей страны с одним, несколькими или всеми противниками) и недемократический, как и всякий иной, заключенный империалистической буржуазией.

Но, с другой стороны, имея в виду, что новое коалиционное министерство отказалось исполнить требование революционной демократии опубликовать тайные договоры, заключенные царским самодержавием, согласившись лишь предпринять подготовительные шаги к их пересмотру, и фактически обязалось до такого пересмотра продолжать прежнюю империалистическую войну, собрание полагает:

1. Что призыв к наступлению для революционной демократии мог бы стать приемлемым лишь тогда, когда власть перейдет в ее руки—в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и когда революционная демократия открыто и недвусмысленно обратилась бы с предложением мира ко всем воюющим странам. Это предложение создало бы общее доверие рабочих всех воюющих стран друг к другу и повело бы неминуемо к восстанию пролетариата против всех империалистических правительств, которые противились бы такому миру.

Только такое наступление стало бы прямой борьбой за мир и всеобщую свободу. А до того момента собрание военной организации считает, что наступление является безусловно вредным, препятствующим интернациональному (международному) сплочению сил революционного народа для борьбы за социализм, и затягивает и удлиняет войну.

2. Ставя своей задачей широкое, систематическое разъяснение демократическим массам этих соображений, собрание находит, что вопрос о том, итти или не итти в наступление, могут решить только сами товарищи на фрнте, в окопах, но решить не единолично, стихийно, а планомерно и организованно, путем всеобщего голосования солдат. В связи с этим собрание признает насущною необходимостью обязательное присутствие солдатских представителей во всех штабах армий, корпусов, дивизий и т. д., чтобы каждое наступление, каких бы оно размеров ни было, производилось с согласия самих солдат через их выборных представителей».

Эта резолюция была принята единогласно членами с.-д. организации: 1) Измайловского батальона, 2) Семеновского, 3) Петроградского, 4) Егерского, 5) Кексгольмского, 6) Преображенского, 7) Павловского, 8) Волынского, 9) Литовского, 10) Гренадерского, 11) Финляндского, 12) 180 пехотного полка, 13) 1 пехотного полка, 14) 3 пехотного полка, 15) 171 пехотного полка, 16) 172 пехотного полка, 17) 176 пехотного полка, 18) 177 пехотного полка, 19) 9 кавалерийского, 20) 1 пулеметного, 21) 2 пулеметного, 22) Московского, 23) 3 стрелкового, 24) команды складов Петропавловской крепости, 25) 6 саперного, 26) электротехнического, 27) запасной автомобильной роты, 28) 2 Балтийского флотского экипажа, 29) гвардейского экипажа, 30) команды Морского училища, 31) броневого дивизиона, мастерской броневого дивизиона, 32) 6 тыловой автомобильной мастерской 33) воздухоплавательного парка, 34) моторно-понтонной роты, 35) команды Михайловского артиллерийского училища, 36) петроградской конвойной команды, 37) кронштадского гарнизона, 38) гель-

сингфорского, 39) выборгского, 40) форта Ино, 41) ораниенбаумского, 42) гатчинского, 43) нескольких представителей от различных частей фронта и делегатами из Перми: 44) минной роты, 45) химической роты, 46) интендатского управления, 47) пограничной школы моторных машинистов, 48) команды солдат Путиловского завода, 49) 34 местного артиллерийского парка, 50) 134 тылового эвакуационного распределительного пункта, 51) 134 авиационного пункта, 52) Николаевского кавалерийского училища, 53) Выборгского полка, 54) школы прапорщиков инженерных войск.

Вопрос о наступлении горячо обсуждался в каждом полку. Отрицательное отношение нашей партии к войне и к наступлению с каждым днем подкреплялось снизу, встречало поддержку в каждой воинской части. Рост нашего влияния в солдатской и рабочей среде побуждал Временное правительство и поддерживавшие его партии ускорить осуществление давнишних стремлений к удушению революционного голоса рабочих и солдат Петрограда.

Вывод войск из Петрограда

Наступление Временного правительства на петроградский гарнизон началось с предписания об отправке на фронт маршевых рот тем полкам, которые считались «большевистскими». Отправка на фронт происходила и до наступления, но во время наступления она приняла такие размеры, которые ясно вскрывали стремление Временного правительства и его штаба округа вывести из Петрограда революционные войска и таким образом обессилить гарнизон и уменьшить влияние нашей партии в солдатской среде.

Усиленное требование на отправку пополнений поступило в 1 пулеметный полк, в котором влияние социал-демократов большевиков было особенно велико. 21 июня этот полк устроил общее полковое собрание. На собрании обсудили вопрос о Временном правительстве, о войне и наступлении и вынесли резолюцию, в которой заявили, что

«общее собрание солдат 1 пулеметного полка 21 июня 1917 г., обсудив предложение ИК Совета Р и СД о посылке на фронт 30 команд пулеметчиков, постановило:

1. Оставляя в силе первое постановление о посылке 10 команд в кратчайший срок,—уведомить ИК, что в дальнейшем мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер, который возможен только при устранении от власти капиталистов и переходе ее в руки демократии в лице Всероссийского съезда РС и К депутатов.

2. Если Совет Р и СД будет угрожать нашему и другим революционным полкам раскассированием, т. е. расформированием, даже путем применения вооруженной силы, то в ответ на это мы не остановимся также (перед) раскассированием вооруженной силы Временного правительства и других организаций, его поддерживающих.

3. Поручить тт. делегатам с фронта заявить от нашего имени тт. солдатам на фронте следующее:

«Пусть они, солдаты на фронте, требуют вместе с нами перехода власти в руки народа, и когда мы этого добьемся, то тогда поддержки и пополнения на фронте просить не придется, тогда она явится сама».

После собрания солдаты 1 пулеметного полка отправились в

казармы других полков, призывая их присоединиться к принятой ими резолюции. Кое-где эти призывы встретили поддержку, и солдаты готовились выступить на улицу с оружием в руках. С этими же намерениями и планами пришли представители полков в ПК нашей партии. Однако ПК и ЦК нашли положение в Петрограде не подходящим для выступления в то время и тотчас же послали агитаторов для успокоения воинских частей и разъяснения всего вреда разрозненных выступлений. Особым обращением, помещавшимся на первой странице нашей «Правды», ЦК и ПК в течение ряда дней призывали солдат и рабочих воздерживаться от выступления.

О попытке пулеметчиков организовать выступление стало известно ИК, откуда была дана телефонограмма по всем частям гарнизона, предупреждавшая солдатские комитеты, что ИК против каких-либо выступлений.

Рабочие целого ряда предприятий с живейшим интересом следили за настроением и поведением солдат и на некоторых заводах начали выносить постановления против Временного правительства и против наступления. Типичным отношением рабочих к Временному правительству и его политике наступления может служить резолюция собрания рабочих завода «Эриксон» от 21 июня, в которой металлисты крупнейшего предприятия Выборгской стороны заявили, что наступление нашей армии на фронте за старые империалистические цели войны, но прикрытые пышными фразами господ Церетели, Чернова и К° они считают недопустимым и что

«до тех пор, пока мы не порвем соглашательства со своими и союзными капиталистами и не возьмем власти в руки Советов РС и КД, которые опубликуют тайные грабительские договоры с союзными капиталистами и наметят в интересах народа условия мира, до тех пор мы протестуем против наступления, так как наступление в настоящих условиях только на-руку англо-французскому и германскому империализму и русской контрреволюции; оно приостанавливает развитие революционного движения в Европе. Но, считаясь с фактом наступления, мы глубоко возмущены политикой министров и всю ответственность за последствия возлагаем на них и на правящие партии меньшевиков и эсеров, которые поддерживают авантюру Временного правительства».

Политическое положение в столице осложнялось еще целым рядом конфликтов на почве экономических требований, предъявленных рабочими крупнейших предприятий своим администраторам. Союз металлистов один имел в своем Центральном правлении свыше 160 рабочих требований, в том числе требования завода-гиганта Путиловского. Разрешить конфликты в отдельности по каждому предприятию не было физической возможности, и союз металлистов стал на путь переговоров с Обществом заводчиков и фабрикантов о заключении тарифного договора.

Недовольство рабочих на экономической почве, недовольство политикой Временного правительства и угроза контрреволюции, все это вместе взятое создавало в Петрограде атмосферу тревоги и возможность вооруженного выступления. Наша с.-д. большевистская фракция ВЦИК в связи с этим обратилась в Центральный исполнительный комитет со следующим заявлением.

— «К нам поступил ряд сообщений, рисующих создавшееся в Петрограде положение, требующее немедленных и решительных предупредительных мер:

1. За последние дни происходят вооруженные манифестации явно контрреволюционных групп, арестующих и избивающих несогласных с манифестантами солдат, матросов, рабочих, не считаясь с тем, что все это может вызвать повторение петроградских событий (см. резолюцию № 1)[1]. Группы эти ходят с портретом министра Керенского, прикрываются именем Временного правительства.

2. Первому пулеметному полку предписано властью в продолжение 7 дней выдать пулеметы и выступить в количестве $^2/_3$ полка на фронт, причем, если полк не исполнит предписания в указанный срок, ему угрожают применением вооруженной силы (см. резолюцию № 2)[2]. Ввиду того, что солдаты этого полка давно выразили свое согласие отправиться на фронт по частям на общих, до сих пор остающихся в силе, основаниях,—они склонны толковать такое предписание как фактическое расформирование. Они склонны думать, что начался поход против революционных полков Петрограда и один из них уже «взят под прицел». Приблизительно таково же положение в Московском, Павловском полках.

3. Сорокатысячная масса Путиловского завода, пользующаяся огромным влиянием среди рабочих и солдат, отказом правительства удовлетворить ее законные экономические требования доведена до отчаяния. Она может каждый день забастовать и выступить на улицу. Она же выступила бы, если бы не сдерживала ее наша партия, причем нет гарантий, что и впредь удастся ее удержать. А выступление путиловцев—в этом не может быть сомнений—неизбежно повлечет за собой выступление большинства рабочих и солдат.

Все это взятое вместе создает крайне тревожное положение. Весть о «расформировании» облетает все полки и заводы, вызывая общее возмущение. Во многих полках солдаты спят с оружием в руках в ожидании нападения со стороны, как говорят они, контрреволюционных сил. Вооруженные манифестации, избиения и аресты со стороны участников последних, нервирующих рабочих и солдат, создают желание вооруженного отпора. Положение делается угрожающим.

Ввиду всего этого, внося в экстренном порядке это заявление, мы спрашиваем:

1. Что намерен предпринять ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов для предотвращения вероятных, очень опасных осложнений между властью и рабочими и солдатами в связи с вышеуказанным предписанием?

2. Что намерен ЦИК предпринять для предотвращения вероятных уличных столкновений между рабочими и солдатами, с одной стороны, и вооруженными манифестантами—с другой?

3. Что намерен предпринять ЦИК для решительного отпора организующейся под флагом Временного правительства контрреволюции?

4. Что предпримет по поводу сообщенных членами ИК в президиум съезда сведений о деятельности № ... и № ...[3], которые по данным ИК играют главенствующую роль в контрреволюционном движении?

Большевистская фракция ЦИК Совета Р и СД».

Но обращение во ВЦИК нашей фракции не достигло желанной цели. Наше заявление рассматривали там как агитационный прием, а падение влияния социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков среди солдат и рабочих толкало соглашателей к расправе над нашими единомышленниками, над нашими партийными организациями.

[1] Резолюция № 1 содержала протест солдат Запасного автомобильного бронового дивизиона по случаю избиения солдата их части за «большевистскую пропаганду» и предупреждение ИК, что если не будет обуздана контрреволюционная буржуазия, солдаты прибегнут к оружию.

[2] См. резолюцию пулеметчиков на стр. 321.

[3] Так в подлиннике.

Борьба рабочих за минимум заработной платы

Положение дел в конце июня на заводах, на фабриках и в казармах складывалось чрезвычайно благоприятно для нашей партии. Соглашательская политика банкротилась в глазах рабочих и солдат каждодневно. Влияние нашей партии и ее политики росло, ширилось и углублялось. В то же время намечалась некоторая опасность, что недовольство рабочих и солдат пойдет через головы организаций и может сорвать естественный рост нашего идейного влияния и организационного охвата масс. Поэтому все наши усилия в конце июня были направлены на подчинение массовой стихии организованной воле. В рабочих рядах достигнуть этого нам удалось, но овладеть солдатской стихией было значительно труднее.

Борьбу за выполнение требования рабочих повели профессиональные союзы. Основная и наиболее массовая экономическая борьба в то время происходила в металлообрабатывающей промышленности. Руководство ею взял тотчас же Союз металлистов и пользовался в этом деле полной поддержкой Петроградского комитета и ЦК нашей партии. Особенно трудно было ввести в русло организованной борьбы 34 тысячи путиловских рабочих, систематически обманываемых правительственным правлением завода.

В целях введения завода-гиганта в организованное русло, было устроено на путиловском заводе совещание, в котором приняли участие представители от 73 заводов и ряд рабочих организаций. На этом совещании представители заводов, совместно с правлением Союза металлистов и др., подвергли подробному обсуждению создавшееся в стране политическое и экономическое положение и приняли следующую резолюцию:

«Совещание заводских комитетов при участии: 1) представителей Центрального совета фабрично-заводских комитетов, 2) Центрального бюро профессиональных союзов, 3) Правления союза металлистов, 4) Социалистических партий, а также при участии заводского и цеховых комитетов Путиловского завода, обсудив вопрос о выступлении рабочих Путиловского завода в защиту предъявленных ими требований, заявляет: 1) что дело путиловских рабочих считается делом всего петроградского пролетариата; 2) что однородные требования предъявлены всеми рабочими-металлистами через свой профессиональный союз к союзу заводчиков и фабрикантов, а также ведомствам; 3) что частичное экономическое выступление при данных условиях может повести за собой неорганизованную политическую борьбу петроградских рабочих, а потому предлагается путиловским рабочим сдержать свое законное негодование против поведения министров, всеми мерами затянувших разрешение конфликта,—и считает необходимым готовить силы для скорого общего выступления.

Вместе с тем путиловцам предлагается предоставить Союзу металлистов вести переговоры с предпринимателями и ведомствами о путиловских требованиях, как входящих в общий тариф, и в дальнейшем согласовать свои шаги в этом вопросе с постановлением общегородского делегатского собрания союза металлистов.

Причем совещание фабрично-заводских комитетов Петрограда и цеховых комитетов Путиловского завода полагает, что если бы даже добились повышения заработной платы, то беспрерывный рост цен на продукты и квартиры сейчас же свел бы на-нет это завоевание, поэтому необходима решительная борьба за установление рабочего контроля над производством и распределением, что в свою очередь требует перехода власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Начатые союзом металлистов переговоры с Обществом заводчиков и фабрикантов к концу июня, т. е. примерно через неделю, были прерваны. В ходе переговоров, в ответ на наши требования минимума заработной платы, предприниматели выдвинули предложение, гласившее, что, «получая определенную гарантию минимума заработка, рабочий обязан дать минимум работы, устанавливый расценочной комиссией». При обсуждении тарифного договора делегатским советом Союза металлистов делегаты не пожелали принять этого пункта, предложенного предпринимателями. Совершенно неожиданно конфликт по вопросу «за минимум платы—минимум работы» приобрел политический характер. В результате оживленных прений была принята резолюция, в которой металлисты Петрограда заявляли:

«1. Что профессиональные рабочие организации не могут взять на себя обязательства обеспечивать капиталистам тот или иной размер прибылей, который зависит не только от производительности труда в данном предприятии, но и от общей промышленной конъюнктуры.

2. Что предприниматели, в явно контрреволюционных целях, ведут прямой саботаж производства, принимая ряд мер, уменьшающих производительность труда и производительность предприятий.

3. Что своим противоположением пункта 4 тарифа всем остальным требованиям тарифа, Общество заводчиков и фабрикантов явно стремится взвалить на рабочий класс ответственность за ту дезорганизацию производства, которую умышленно вызывают и проводят сами же предприниматели,—делегатское собрание союза металлистов протестует против этих действий капиталистов и разоблачает их перед широкими массами населения.

Вместе с тем и принимая во внимание:

1) что созданное империалистической войной современное положение страны выдвигает перед рабочим классом и профессиональными союзами, как его боевыми организациями, новые задачи прямого вмешательства в область производства, в контроль и организацию производства;

2) что рабочий класс непосредственно заинтересован в сохранении и развитии производительных сил страны и в расширении производства;

3) что производительность труда отдельного рабочего на отдельном предприятии зависит как от степени обученности и степени напряженности его труда, так и технических, административных и прочих условий самого предприятия.

Принимая все это во внимание и полагая, что необходимым условием правильного регулирования труда рабочего и производительности предприятий в интересах рабочего класса и всей страны является переход власти в стране в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который позволит преодолеть дезорганизацию и саботаж производства капиталистической буржуазией. Делегатское собрание союза металлистов постановляет: противопоставить выставленному Обществом заводчиков и фабрикантов пункту 4 тарифа свой пункт 4, в качестве требования рабочих, примерно следующий: установление расценочными комиссиями норм производительности труда рабочих, гарантируемое со стороны рабочих технических и прочих условий предприятия, определяющих как производительность труда, так и производительность предприятий.

Делегатское собрание поручает Правлению войти по вопросу о пункте 4 в переговоры с Обществом заводчиков и фабрикантов и заявляет, что союз рабочих металлистов готов поддержать свои требования всеми имеющимися у него силами, когда это найдет необходимым и удобным соответственно условиям политического момента, подчеркивая вместе с тем, что никакие выступления отдельных предприятий без предварительного обсуждения в Правлении не могут быть допущены в настоящий момент и могут лишь вести к дезорганизации и ослаблению сил рабочего класса».

Однако конфликт на почве отказа рабочих от гарантии минимума работы давал богатую пищу для предпринимательской спе-

куляции насчет нежелания рабочих исполнять работу, стремлении даром получать деньги и тому подобных вещах. Чтобы избежать конфликта на невыгодной в тот момент для рабочих почве, мы повели усиленную кампанию по заводам и провели на ряде заводских собраний пункт о минимуме работы за минимум платы. Эта борьба металлистов против «гарантии» работы капиталистам могла служить показателем глубины революционных настроений.

1 июля Центральное правление Союза созвало на совещание все районные правления, а также представителей Совета, ВЦИК и политических партий. На этом совещании был поставлен вопрос о способах борьбы за тарифный договор, и в частности вопрос о всеобщей стачке металлистов в связи с требованиями Союза.

Все представители партий, участвовавшие в этом совещании, в том числе и от нашего ЦК РСДРП(б), высказались против стачки металлистов в то время, поддерживая предложения об использовании всех «мирных средств» борьбы с предпринимателями.

На другой день, 2 июля, союзом металлистов был созван делегатский совет, заседание которого состоялось в большом зале Таврического дворца. На делегатском совете Центральное правление провело принятое накануне решение, и стачка металлистов за тарифный договор была отсрочена.

Причины, по которым отклонялась всеобщая стачка металлистов всеми партиями, были различны. Оборонцы всех социалистических партий считали стачку «ударом в спину революции» и предлагали обратиться к Временному правительству; интернационалисты, социал-демократы меньшевики и эсеры боялись, что такая массовая стачка может привести к политическим осложнениям и даже чуть ли не к гражданской войне. Наши руководящие органы (ЦК и ПК) считали всеобщую стачку металлистов за экономические требования в условиях того времени слишком сильным средством и предлагали готовить силы для общей борьбы за власть и направлять рабочее движение в эту сторону. При этом все ораторы, в том числе и докладчик Центрального правления союза металлистов, пишущий эти строки, предупреждали рабочих о несвоевременности выступления и предостерегали всех представителей от заводов о том вреде для пролетариата, который может произойти в случае неорганизованного выступления, и при этом только в одном Петрограде, без поддержки рабочих и солдат в крупных центрах провинции.

Делегаты предприятий разошлись в полном сознании силы своей организации, но в то же время понесли на заводы решение не допускать, задерживать выступление этой организованной силы до более удобного случая и в связи с политическими требованиями. Так было 2 июля.

Правительственный кризис и стихийное выступление рабочих и солдат.

Днем 3 июля всему Петрограду стало известно, что Временное правительство снова переживает кризис. 2 июля днем

вернулись из Киева министры Керенский, Церетели, Терещенко, и на квартире кн. Львова было тогда же заседание Временного правительства, посвященное вопросу об отношении к национальным требованиям Украинской рады. В Киеве было достигнуто соглашение, которое подлежало опубликованию в виде декларации Временного правительства. Но министры-кадеты выступили против национальных уступок Украине, считали решение Временного правительства по такому вопросу нарушением прав будущего Учредительного собрания. Однако кадеты остались в меньшинстве и тотчас же вышли в отставку. Так начался июльский кризис власти.

Известие о том, что кадеты покинули правительство, было встречено рабочими и солдатами с удовлетворением. Улицы города покрылись кучками спорящих; споры эти быстро превращались в уличные митинги. Настроение рабочих и солдат было в высшей степени враждебное кадетам. В союз металлистов уже днем 3 июля поступали сведения о крайне возбужденном состоянии рабочих, а после полудня сообщали уже о том, что по заводам ходили солдаты и призывали рабочих на выступление против Временного правительства. Однако эти призывы солдат были встречены рабочими крайне сдержанно, так как всем хорошо было известно отношение к выступлению как Совета, так и входящих в него партий.

В тот же день мы от фракции правления позвонили из Центрального правления союза металлистов в ПК нашей партии и оттуда узнали, что наши организации не призывали к выступлению ни солдат, ни рабочих. Те же сведения мы получали на наши запросы и в ИК. Сообразуясь с таким положением, наше Центральное правление отвечало на запросы делегатов союза и заводских комитетов об отношении к призыву о немедленном выступлении, что оно не видит оснований к пересмотру решения о выступлении, принятого накануне.

К вечеру того же дня, 3 июля, социал-соглашателями было выпущено обращение за подписями двух бюро Исполнительных комитетов следующего содержания:

«Ко всем рабочим и солдатам города Петрограда

Товарищи солдаты и рабочие!

Неизвестные лица, вопреки ясно выраженной воле всех без исключения социалистических партий, зовут вас выйти с оружием на улицу. Этим способом вам предлагают протестовать против расформирования полков, запятнавших себя на фронте преступным нарушением своего долга перед революцией.

Мы, уполномоченные представители революционной демократии всей России, заявляем вам:

Расформирование полков на фронте произведено по требованию армейских и фронтовых организаций и согласно приказу избранного нами военного министра т. А. Ф. Керенского.

Выступление в защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте.

Напоминаем товарищам солдатам: ни одна воинская часть не имеет права выходить с оружием без призыва главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами.

Всех, кто нарушает это постановление в тревожные дни, переживаемые Россией, мы объявим изменниками и врагами революции.

К исполнению настоящего постановления будут приняты все меры, находящиеся в нашем распоряжении.

Бюро ВЦИК Совета Р и СД.
Бюро ВИК советов Крест. Деп.».

Вечером того же дня, около 7 часов, я и несколько товарищей из союза металлистов имели совещание с представителями Общества заводчиков и фабрикантов по вопросам тарифного договора. Через несколько минут после открытия совещания, имевшего место в помещении Общества заводчиков и фабрикантов, туда же прибежал шофер автомобиля Невского судостроительного завода, на котором приехал для участия на заседание директор завода, и заявил, что его автомобиль отбирают вооруженные солдаты. Вместе с ним пришли двое вооруженных винтовками солдат. Когда я показал им карточку члена ВЦИК, они заявили мне, что их полк решил выступить с оружием в руках на поддержку требования передачи власти советам и автомобиль им нужен. На мою просьбу оставить автомобиль в моем распоряжении солдаты охотно согласились, добавив, что он им мало подходит, так как он закрытый, любезно простились и покинули нас. После этого мы закрыли наше совещание и на автомобиле Невского судостроительного завода поехали в Таврический дворец.

По пути нам приходилось все время проезжать через толпы манифестантов, шедших к Таврическому дворцу. Чем ближе подъезжали мы к Таврическому саду, тем многочисленнее были колонны и группы манифестантов. Около Таврического дворца толпились манифестанты, проходили воинские части в полном порядке.

Рабочая секция Петроградского Совета за политику социал-демократов большевиков.

В самом Таврическом дворце, в ИК чувствовалась полная растерянность. Там же происходило экстренное заседание Рабочей секции Петроградского совета Р и СД. Когда мы пришли на заседание рабочей секции, то застали доклад Г. Е. Зиновьева о борьбе с контреволюцией. Появление нашего докладчика на заседании рабочей секции означало целый переворот в ней. Так оно и было на самом деле. В этот день наши социал-демократы большевики в рабочей секции Совета оказались впервые в большинстве и провели свой порядок дня вопреки предложению ИК.

Помещенный на другой день в «Известиях» отчет об этом историческом переломе излагает работу секции в довольно кислом тоне, смягчая нашу победу.

«Председатель Анисимов от имени ИК предлагает в порядке дня поставить следующие вопросы: перевыборы и добор в ИК Петроградского совета Р и СД, борьба с контрреволюцией и организация рабочей секции Петроградского совета Р и СД, т. е. избрание президиума рабочей секции.

Большевики предлагают свой порядок дня, а именно: первым на очереди должен быть поставлен вопрос о борьбе с контрреволюцией, затем вопрос о разгрузке Петрограда.

Порядок дня принимается большевистский.

Председатель Анисимов от имени ИК вносит предложение при обсуждении вопроса о борьбе с контрреволюцией не принимать резолюции, которой не выработал еще ИК. Анисимов обещает, что к следующему заседанию ИК предложит свою резолюцию.

Против этого выступает т. Зиновьев. Оратор находит, что ИК не должен обижаться на то, что может быть принята резолюция не ИК и просит ИК поддержать эту резолюцию.

Вопрос ставится на голосование и принимается большинством голосов большевиков.

Докладчиком по вопросу о борьбе с контрреволюцией выступает т. Зиновьев. Он предлагает рабочей секции принять резолюцию, проект которой опубликован в газете «Правда» от 24 июня (7 июля н. ст.).

Нам говорят о контрреволюции в «Маленькой газете» и в «Новом времени». Но это не настоящая контрреволюция. Это правильнее назвать контрреволюционным хулиганством. Настоящая контрреволюция гнездится в том классе, интересам которого вредит революция, и этот класс есть буржуазия. Не случайность, что представителем буржуазии является П. Н. Милюков. Сегодня буржуазия засвидетельствовала нам свою контрреволюционность. Из состава коалиционного министерства ушли министры-кадеты. Уход кадетов из министерства—это не доктринерство, как хотят изобразить некоторые, а глубокое понимание своих классовых интересов. Капиталисты ведут страну к гибели. Об этом пишут в органе министров-социалистов в «Рабочей газете».

Из-за чего собственно произошел последний министерский кризис? Кадетский министр, министр просвещения Мануйлов, отказался сместить чиновников контрреволюционеров в своем ведомстве. Впрочем не сместили чиновников и министры-социалисты Керенский и Переверзев по министерству юстиции.

Отказ Мануйлова подчистить свое министерство привел к тому, что кадеты ухватились, как за повод, за Украинскую раду и вышли из состава коалиционного министерства.

А буржуазная печать разве не отравляет деревню? Об этом пишет «Рабочая газета». Мы оставили монополию газетных слов буржуазии. 99 сотых процентов буржуазных газет существуют только для того, чтобы отравлять народ. Можем ли мы предоставить буржуазии отравление народа? И почему мы не отняли до сих пор у нее этого гнусного орудия?

Говорят—свобода слова, печати и т. д., но напоминаю вам слова Плеханова, сказанные им на одном съезде: «Во время революции может быть лишена свободы слова, печати буржуазия». Так поступали всегда настоящие революционеры. Так поступали даже революционеры, представители буржуазии, представители буржуазной революции.

Хвосты возле лавок тоже способствуют контрреволюции. Измученные долгим стоянием у лавок люди начинают резко осуждать революционный порядок. Мы должны сказать, что наш Совет Р и СД не оказался на высоте. Он боролся с опасностью слева, но не учел опасности справа. В Совете и на съезде советов Р и СД боролись с большевиками, но мы знаем результаты этой борьбы. Вы здесь должны подтвердить, что увеличилось влияние большевиков и на заводах и в казармах.

Необходим роспуск Временного комитета Гос. думы и разгон частных совещаний Гос. думы.

Необходимо принять меры к уничтожению гнезд контрреволюции. О таких гнездах т. Зиновьев узнал от членов ИК советов Р и СД накануне предполагаемой, но несостоявшейся демонстрации 10 июня. Члены ИК предупредили организаторов этой демонстрации, что имеются в окрестностях Петрограда контрреволюционные казачьи полки, о которых не знает Керенский, и что известно лицо очень высокое, которое намечено контрреволюционерами в диктаторы. Кроме того в этом контрреволюционном движении замешана одна высокая дипломатическая особа.

Нам, говорит т. Зиновьев, определенно называли имена, и мы не имели никаких оснований не верить этому и потому отменили демонстрацию. Мы решили ждать, что сделает ИК для того, чтобы предотвратить контрреволюционное выступление лиц, которых он знает и которых мы знаем.

Мы пока не называем этих лиц и ждем, но предупреждаем, что наступит момент, когда нам надоест ждать и когда мы назовем этих лиц.

Зиновьев затем нападает на военного и морского министра А. Ф. Керенского. Мы, говорит оратор, издадим полностью все речи военного министра, так как нет более лучшей агитации против той партии, членом которой состоит военный министр.

После него говорит представитель завода автомобильного производства рабочий Филиппов, который вполне разделяет мысли т. Зиновьева и сообщает, что завод, представителем которого он является, закрывается.

Сообщение это вызывает негодование среди большинства заседания.

Вносится предложение по этому вопросу выступить только фракционным ораторам в числе трех от каждой фракции, и в том числе представителю Центрального бюро т. Рязанову.

Член ИК т. Либер выступает с внеочередным заявлением и указывает, что т. Рязанова никто не уполномачивал выступать от имени Центрального бюро профессиональных союзов.

Рязанов заявляет, что это неправда.

Во время перерыва разносится слух, что к Таврическому дворцу идут пулеметный и гренадерский полки.

Вносится предложение прекратить дальнейшее заседание и разойтись по своим районам, чтобы удержать рабочих от выступлений на улицах.

Как только открылось заседание, председателю было подано несколько записок с этим предложением.

Принимается решение выслушать предварительно представителей всех фракций.

Первое слово предоставляется большевику Каменеву. Он не согласен с предложением выйти из Таврического дворца. Раз выступила масса на улицу, говорит он, нам остается только придать движению мирный характер.

Мы должны немедленно избрать комиссию из 25 человек, оставить ее здесь, в этом зале, которая и должна взяться за эту задачу. Остальные могут разойтись по своим районам.

Вслед за ним т. Вайнштейн напоминает о постановлении Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов. Большевики в данном случае показали свое бессилие, они не могли удержать полки от выступлений на улицу. Мы должны попытаться удержать рабочих и другие войсковые части от каких бы то ни было выступлений и поэтому должны немедленно разойтись.

Вслед за ним т. Каплан делает сообщение о настроении на Путиловском заводе, откуда он только что вернулся. Сегодня днем на заводе были представители от Павловского полка, которые приглашали рабочих выступить, а они их поддержат. Для чего именно выступать, в чем и какая нужна поддержка—это на собрании осталось невыясненным. Рабочие недоумевали, и т. Каплан попробовал разъяснить путиловцам всю неуместность вооруженного выступления.

Такое же приблизительно настроение было и в тех войсковых частях, которые к вечеру вышли на улицу. Так гренадерский полк, идя по Петроградской стороне, стал без всякого повода стрелять в воздух. Тов. Каплан закончил призывом к благоразумию.

Тов. Троцкий доказывает, что сегодняшнее выступление есть следствие политики правительства и ошибки со стороны тех партий, которые видят контрреволюцию слева, тогда как она надвинется справа. Поэтому он призывал рабочую секцию объединиться и избрать комиссию для придания выступлению мирного характера.

Тов. Чхеидзе предлагает разойтись по местам, чтобы масса могла слышать своих представителей, а перманентное заседание поручить ИК, которому и следует беспрерывно сообщать сведения о ходе событий.

В заключение бурных прений эсеры и меньшевики покидают зал заседания.

Оставшаяся группа большевиков принимает следующую резолюцию:

«Ввиду кризиса власти, рабочая секция считает необходимым настаивать на том, чтобы Всероссийский съезд советов Р и СД и КД взял в свои руки всю власть. Рабочая секция обязуется содействовать этому всеми силами, надеясь найти в этом полную поддержку со стороны солдатской секции. Рабочая секция избирает комиссию из 15 человек, которой поручает действовать от имени рабочей секции в контакте с Петроградским и Всероссийским исполнительными комитетами. Все остальные члены данного собрания уходят в рай-

оны, извещают рабочих и солдат об этом решении и, оставаясь в постоянной связи с комиссией, стремятся придать движению мирный и организованный характер».

Сухой газетный отчет не мог передать тех бурных настроений и той остроты в борьбе, которая происходила на рабочей секции. Наша победа в рабочей части Совета совершенно обескуражила меньшевика Анисимова, и на помощь к нему были вызваны Чхеидзе и Либер. Депутаты Совета, наши партийные товарищи, держались спокойно, выдержано, с сознанием своей правоты и силы. Но совершенно потеряли голову оказавшиеся в меньшинстве эсеры и социал-демократы меньшевики. Они протестовали против речи докладчика, они возмущались всем и наконец, видя свое бессилие, покинули заседание рабочей секции.

Обновить свой исполнительный орган рабочая секция не успела и, выбрав особую комиссию из своей среды, поручила ей принимать решения от имени рабочей секции. После этого решения члены ЦК и ПК, бывшие на заседании рабочей секции, поехал на совещание, которое происходило во дворце Кшесинской. Там же в эти дни происходила общегородская партийная конференция.

Попытки овладеть стихийным движением

На ночном заседании руководящих органов нашей партии, при участии представителя от «Междурайонки», было решено ввести движение, начавшееся помимо организаций, в организованное русло, оформить его, превратив в массовую демонстрацию. В этих целях было написано и ночью отпечатано следующее воззвание:

«Товарищи рабочие и солдаты Петрограда! После того как контрреволюционная буржуазия явно выступила против революции, пусть Всероссийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет всю власть в свои руки.

Такова воля революционного населения Петрограда, который имеет право довести эту свою волю путем мирной и организованной демонстрации до сведения заседающих сейчас Исполнительных комитетов Всероссийского совета РС и КД.

Да здравствует воля революционных рабочих и революционных солдат!
Да здравствует власть советов!

Коалиционное правительство потерпело крах, оно распалось, не будучи в состоянии выполнить тех задач, ради которых оно было создано. Грандиозные, труднейшие задачи стоят перед революцией. Нужна новая власть, которая в единении с революционным пролетариатом, революционной армией и революционным крестьянством решительно взялась бы за укрепление завоеваний народа. Такой властью может быть только власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Вчера революционный гарнизон Петрограда и рабочие выступили, чтобы провозгласить этот лозунг: «вся власть Советуl» Это движение, вспыхнувшее в полках и на заводах, мы зовем превратить в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда.

Центральный комитет российской с.-д. рабочей партии.

Петербургский комитет РСДРП.

Междурайонный комитет РСДРП.

Военная организация при ЦК РСДРП.

Комиссия рабочей секции совета рабочих и солдатских депутатов».

Весь вечер 3 июля (16 н. ст.) и всю ночь на 4 июля происходили совещания руководящих кругов Временного правительства и социал-соглашателей. Выход кадетов из состава Временного правительства разорвал коалицинную систему власти, столь приятную социал-демократам меньшевикам и эсерам. Многим казалось тогда, что наконец этот кризис вынудит соглашателей взять власть в свои руки и повести государство без политического сотрудничества с буржуазией. Но социал-демократы меньшевики, а за ними и народники всех толков были «тверды» в своем убеждении о буржуазном характере революции и не могли взять власть без представителей капитала.

В то время когда в Таврическом и других дворцах происходили совещания, солдаты 1 пулеметного полка, части Московского, Гренадерского и Павловского полков, с оружием и в полном порядке направлялись к дворцу Кшесинской. По дороге к ним присоединились рабочие, и когда вся эта масса подошла к дворцу, то буквально залила собой всю площадь. от имени ПК выступали агитаторы, стараясь успокоить солдат, возбужденных и горевших негодованием против Временного правительства. Однако призывы к спокойствию не встречали сочувствия солдат. От дорма Кшесинской солдаты и рабочие двинулись к Таврическому дворцу. Что происходило около Таврического дворца—трудно поддается описанию. Весь вечер до поздней ночи гудели толпы рабочих и солдат на Шпалерной улице. Крики «Вся власть советам!» потрясла зеленую тишину садов, нагоняя ужас на буржуазное население соседних кварталов.

Руководство борьбой против выступивших на улицу рабочих и революционных солдат было сосредоточено в Бюро ВЦИК. ИК Петроградского совета играл в этом деле соподчиненную роль. Соглашатели тотчас же приспособили аппарат ВЦИК к борьбе с поднявшимися районами и казармами. Оперативное руководство моральным и физическим подавлением было сконцентрировано в особом «столе донесений», куда стекались все сообщения о развитии и ходе движения и откуда распределялись все агитаторы ВЦИК и ИК Петроградского совета.

Через тот же «стол донесений» осуществлялся «оперативный» контакт со штабом округа, готовшим вооруженную силу для физической расправы. Так наметилось «разделение труда»,—политический «молитвенник» в руках соглашателей, а у штаба и его офицеров—пушки и пулеметы.

Всякое нарушение «революционного порядка» тотчас же сообщалось в Таврический дворец, записывалось в «столе донесений», и начиналась «работа»—посылка агитаторов или просто членов ВЦИК и ИК для «уговоров».

По сохранившимся кратким и сухим записям «стола донесений» можно восстановить картину выступления в процессе движения. Истоки его находились на Выборгской стороне, и первые отзвуки выступления масс докатились до Таврического дворца 3 июля в 6 ч. 45 м. вечера кратким извещением из штаба округа, что Лесснер, Нобель, Парвиайнен и другие заводы двигаются по Б. Сампсониевской улице в направлении центра города. Солдаты Москов-

ского полка и пулеметчики 1 пулеметного полка ждали и вместе с ними готовились итти в город. В 6 ч. 50 м. сообщили из-за Нарвской заставы, что Путиловский завод остановился. «Стол донесений» обеспокоен тем, что «броневики», верные Временному правительству, не получили его телефонограммы, предлагавшей им приготовить шесть бронемашин для штаба округа... Поручили съездить за ними Акимову.

В 7 ч. командир Московского полка доносил, что солдаты на митинге постановили выйти по первому требованию. Но чьему требованию и кто скрывался за ним—ему не было известно. Жаловался он на автомобиль с вооруженными солдатами, агитировавший солдат в районе.

В Михайловском манеже делегаты от 1 пулеметного полка призывали солдат школы, шоферов и др. присоединиться к ним. В кладовой манежа было пять пулеметов, и штаб распорядился о посылке туда охраны.

В 7 ч. 30 м. Либер с Выборгской стороны сообщил, что в понтонный дивизион явились рабочие и солдаты и требуют машины. Грузовики уже увели, а легковые не могли охранять потому, что солдаты были «ненадежны». Предложено привести их во ВЦИК.

Тревожное настроение Петрограда передалось и на окраины. Из Ораниенбаума в 7 ч. 35 м. запрашивала стрелковая школа офицеров, нужно ли ей итти в Петроград. Гомбарг в 7 ч. 37 м. вечера сообщал о том, что рабочие фабрики «Треугольник» от выступления отказались. В то же время поступило сообщение из штаба, что 9 кавалерийский полк имел наготове два эскадрона и две сотни казаков.

В 7 ч. 40 м. поступило сообщение из Стрельны и Петергофа, что стоявшие там 3 пехотный полк и артиллерийский дивизион решили итти в Петроград. Во 2 полку (Нарвский район) было спокойно, но как только Путиловский завод остановился, так движение и «беспокойство» передались и туда. Решили послать туда члена ИК большевика, так как Военный отдел не слушали.

Главнокомандующий округом запрашивал, не развести ли мосты, чтобы разобщить районы и воспрепятствовать рабочим и солдатам проникнуть в центр. В ответ была дана директива: «разводить», если будет очень большая толпа. Но давшие такую директиву не сообразили, что когда будет около моста «большая толпа», то она не даст развести мост. Так оно и случилось. Рабочие и солдаты в ту ночь не дали развести мосты.

В 7 ч. 45 м. «стол донесений» отправил автомобили за напечатанными от имени соглашателей воззваниями против выступления. В 7 ч. 50 м. звонили с Путиловского завода, требуя прислать на митинг большевиков.

Левый эсер Камков в 7 ч. 55 м. сообщил, что гренадеры стоят у своих ворот и ждут, не зная что делать.

Из Михайловского манежа не выпускали броневики, которые должны были итти на помощь штабу. Полсотни пулеметчиков и пехотинцев, сидевшие на грузовике, преградили броневикам дорогу. На выручку послали эсера Гоца.

В 8 ч. 10 м. из разных мест сообщали об езде бронемашин. Войтинский передавал, что видел броневик с плакатом «Долой министров-капиталистов!», ехавший по Петроградской стороне. Гренадерский полк, проходя по Петроградской стороне, вместе с командным составом, стрелял в воздух. Это сообщение решили проверить посылкой особого гонца. Остановить гренадеров не удалось, но зато успокоились: у гренадеров было мало патронов.

В 8 ч. 30 м. со ст. Ланская (Выборгская сторона) сообщили, что станция занята отрядом из броневика, двух пулеметов с десятью солдатами. Движение поездов остановили. Послали для наведения порядка двух агентов соглашателей—Скалова и Безобразова.

В 8 ч. 35 м. звонили из Семеновского полка о том, что там спокойно. В 8 ч. 37 м. доносили из штаба, что 1 пулеметный полк выступил, а через 20 минут сообщали уже о том, что пулеметчики устроили митинг в Михайловском манеже, что все солдаты были в боевом состоянии, перевиты пулеметными лентами и т. д.

В 9 ч. вечера гренадеры демонстрировали у Мариинского дворца.

Грузовые автомобили с рабочими и солдатами, вооруженные пулеметы стояли наготове у Литейного моста. Семеновский полк стоял в полной готовности с плакатами об освобождении 40-летнего возраста.

На ст. Ланская (в 9 ч. 5 м.) волнения пассажиров остановленных поездов, ожидание приезда кронштадтских матросов. Из штаба отдано распоряжение приготовить для их встречи... артиллерию.

Преображенский полк сговаривался с Егерским о совместном выступлении он назначив для него время 9 ч. «Стол донесений» дает команду: сообщите полкам, что «Совет не хочет взять власть».

180 пех. полк просил прислать представителей ИК для разъяснения солдатам создавшегося положения.

В 9 ч. 10 м. поступило сообщение об остановке автомобилей с пулеметами, а в 9 ч. 17 м. известили, что на улицах солдаты и рабочие «реквизируют» автомобили ИК. Из броневого дивизиона уведомляли, что не выпускают пулеметчиков, и просили прислать им одну роту пехоты для прикрытия.

В 9 ч. 45 м. Волынский полк находился в карауле и выступать не пожелал. На Выборгской стороне митинг пулеметчиков с участием своего броневого взвода и всех автомашин. Колонны вооруженных рабочих и солдат темносерой лентой двигались через Литейный к Таврическому дворцу.

В то же время закончился огромный митинг (около 5 тыс. солдат и рабочих) у дома Кшесинской, все участники постановили направиться к Таврическому дворцу. Донесение сообщало, что у находившихся там было 50 автомобилей и 200—250 пулеметов, а солдаты «все обмотаны лентами».

Московский полк, шедший в центр, по «пути» захватил из Михайловского училища все орудия и прислугу и пришел к Таврическому дворцу (10 ч. веч.). У здания и на улице, около Таврического дворца, огромные толпы народа. Непрерывные митинги.

В 12 ч. 5 м. пришла 89 пех. дружина. Со стороны Николаев-

ского вокзала вдоль Невского проспекта слышалась стрельба. На Выборгской стороне (12 ч. 30 м.) происходила пулеметная и ружейная стрельба.

Всю ночь разъезжали по полкам вооруженные солдаты и рабочие, призывая к немедленному выступлению. 180 полк решил выступить. Финляндский полк колебался. Конногвардейцы тоже колебались.

Среди записей «стола донесений» в 12 ч. 50 м. ночи на 4 июля значится: «В третьем заседании секция рабочих постановила: ввиду кризиса власти рабочая секция решила настаивать на том, чтобы Всероссийский совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов взял в свои руки всю власть. Рабочая секция обязалась содействовать всеми силами[1] и оказать полную поддержку солдатской секции. Рабочая секция выбрала бюро из 25 чел., которые остались в Таврическом дворце, а остальные отправились на места».

В 12 ч. 55 м. Бабаконьянц доносил, что проходивший по Невскому Павловский полк был обстрелян из пулеметов и разбежался. Позднее стало известно, что несколько солдат и один офицер при этом были ранены.

Незнамов сообщал, что 3 стрелковый полк шел к Мариинскому с плакатом «Долой Временное правительство», но вернулся по предложению делегатов ИК. Неизвестные, под охраной вооруженных автомобилей, печатали в типографии «Нового времени» воззвания.

Примерно после часа ночи начали поступать сведения о действиях «вольной» публики, начавшей обезоруживать солдат и матросов, высаживать их из автомобилей. На Литейном в то же время открыли пулеметный огонь и ружейную стрельбу.

В 1 ч. 10 м. поступило извещение, что «вольные» застрелили двух солдат и матроса и отнимают пулеметы. Кто были эти «вольные» стрелки—ни штаб, ни «стол донесений» не интересовались, но по всему было видно, что в молочной темноте питерской летней ночи действовали переодетые военные, контрреволюционные элементы, начавшие действовать против отдельных групп солдат, матросов и рабочих.

В 1 ч. 17 м. Цехон сообщил, что на Невском паника и беспорядки, есть убитые—сестра милосердия и шоффер ИК. По Литейному и Кирочной шли вооруженные рабочие, по дороге рвали воззвания ИК, направлялись к Таврическому дворцу.

В 1 ч. 30 м. явились в ИК делегаты от 180 полка, пришедшего ко дворцу, и заявили, что полк предлагает объединенному Совету депутатов взять власть.

В 1 ч. 40 м. стрельба пачками по Литейному. Из Михайловского артиллерийского училища извещали, что орудия в порядке и могут выступить по приказу ИК, если будет пехотное прикрытие. На приглашение социал-демократов большевиков солдаты решили запрячь орудия, но команда артиллеристов не пойдет.

В 1 ч. 45 м. Любарский сообщил, что есть 15 чел. раненых и

[1] Неразборчиво в оригинале.

о том, что выступили рабочие Путиловского завода, что расставлялись патрули. Жилин доносил (1 ч. 55 м.) о движении путиловцев с большевистскими лозунгами, снявшими с работы ночные смены с Галерного острова и Франко-русского завода. Были записаны «слухи» о выступлении 2 пулеметного полка из Стрельны в Петроград.

Председатель Рождественского районного совета сообщил о том, что был свидетелем убийства 4 людей и ранения 1 чел. при попытке разоружения автомобиля. Перед этим удалось обезоружить 4 автомашины.

Броневой взвод отобрал 9 пулеметов у пьяных солдат (сообщение штаба).

С 2 час. ночи с 3 на 4 июля отмечается появление прокламаций РСДРП(б) с призывом к мирной манифестации 4 июля. (Сведения из-за Московской заставы и Васильевского острова).

В 2 ч. 10 м. на Невском спокойно и тихо, но очень людно на Литейном. В 2 ч. 15 м. путиловские рабочие пришли к Таврическому дворцу.

В 2 ч. 35 м. из совета Р. и СД. Невского района сообщали, что вечером по заводам были митинги. Решили 4-го работать.

В 2 ч. 55 м. из Красного села приехали делегаты 176 пех. полка и сообщили, что хотя полк и не выступит, но приветствует уход бужуазных министров.

Выступления полков и отдельных воинских частей продолжались всю ночь на 4 июля. Около 3 час. утра выступил 1 кадровый пулеметный батальон, выступили 88 полк, 6 саперный полк.

В 3 ч. 10 м. утра вернулся из Михайловского манежа Гоц и привел с собой верные Временному правительству броневики.

В течение ночи, вплоть до самого раннего утра (до 5 час.) то тут, то там, в центре города, возникала стрельба. Солдаты передавали, что стреляли с крыш. Очевидно штабная рука подготовляла встречу мирной манифестации, намеченной на 4 июля пулеметным огнем. События 4 июля вполне подтвердили это.

Грандиозность движения против буржуазной власти, против политики соглашений видна даже из штабного «Солдатского слова», которое писало, что

«ночью с 3 на 4 июля от Таврического дворца не расходилась масса солдат и рабочих. У главного подъезда один за другим выступали ораторы. Среди ночного мрака, лишь слабо рассеивающегося от красноватого света люстр при входе, раздаются речи солдат и рабочих, призывающих к переходу всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Толпа слушает ораторов весьма сочувственно, то и дело прерывая криками одобрения отдельные фразы. Однако среди ряда таких ораторов, которые стоят на разумной точке зрения по этому вопросу, многие призывают к немедленному выступлению с оружием в руках против несогласных на подобный переход власти.

Были даже такие, которые убеждали не подчиняться тем решениям, на которых сочтет нужным остановиться совместное заседание Исполнительных комитетов Совета рабочих и крестьянских депутатов.

Следует отметить, что подобного характера призывы не пользовались успехом у солдат и рабочих, пришедших к Таврическому дворцу.

Из Государственной думы то и дело выходили к собравшимся члены Исполнительного комитета Петроградского совета и члены Центрального комитета.

Они обращались к толпе с указаниями, что согласно постановлению соединенного заседания Исполнительного комитета демонстранты не должны отнюдь прибегать к оружию при отстаивании своих мнений.

Демонстрация против Временного правительства должна иметь мирный характер. Нужно избегать во что бы то ни стало пролития крови.

Речи членов Исполнительных комитетов не встречали в данном случае сочувствия, и толпа выражала криками свое несогласие.

К рассвету густые толпы у Таврического дворца значительно поредели. Внутри дворца сравнительно спокойно».

Заседание ЦИК происходило поздней ночью, с 3 на 4 июля в Таврическом дворце, при небольшом числе членов. Открыл заседание ЦИК Н. С. Чхеидзе и предложил остаться на нем только тем членам ЦИК, которые готовы подчиниться решению большинства. Такое предложение было явно рассчитано на изгнание членов нашей фракции, но не имело тогда для нас практического значения, так как никто из наших товарищей не сидел в это время в Таврическом дворце, а был или в ПК, или в районах. С протестом против предложения Чхеидзе выступили междурайонцы, а также Мартов от имени социал-демократов меньшевиков интернационалистов.

Заседание ИК, вернее, двух бюро Исполнительных комитетов, с участием рядовых членов,—носило весьма бурный характер. Пришедшие к Таврическому дворцу рабочие и солдаты добились приема своих делегаций. Под утро явилась делегация из 90 человек рабочих от 54 заводов и фабрик и передали требование рабочих о взятии власти Советами Р и СД.

Но революционная воля рабочих и солдат перепугала мелкобуржуазное руководящее ядро Исполнительных комитетов, которые готовы были бежать из Петрограда в Москву и перенести туда все правительственные центры. Революционная атмосфера Питера мешала соглашательской деятельности и Церетели прямо заявил, что вопрос о власти надо решить путем «чрезвычайного съезда» и съезд этот созвать в Москве, «где он мог бы работать беспрепятственно». Так катились в лагерь контрреволюции бывшие социал-демократы.

Соглашатели и генералы наводят порядки

Социалисты-соглашатели, оставшиеся во Временном правительстве, решили принять репрессивные меры для подавления вооруженного выступления. Штаб округа на свои войска не наделся и потребовал присылки с фронта надежных воинских частей. Временное правительство в то же время опубликовало коротенькое постановление, объявлявшее, что, «ввиду выступления некоторых воинских частей, происходившего 3 июля и в ночь на 4 июля, в результате чего оказались раненые, манифестации воспрещаются». Расправа же с неподчинившимися была поручена главнокомандующему войсками округа, который тотчас же опубликовал объявление «От главнокомандующего войсками Петроградского округа», в котором говорилось:

«Исполняя приказ Временного правительства очистить Петроград от людей, с оружием в руках нарушающих порядок и угрожающих личной и

479 имущественной безопасности граждан, предлагаю жителям столицы не выходить без крайней необходимости на улицы, запереть ворота домов и принять меры против возможного проникновения в дома неизвестных лиц. Воинским частям предлагаю приступить немедленно к восстановлению порядка на улицах. Генерал-майор Половцев. 4 июля 1917 г.».

Но питерские рабочие и солдаты давно привыкли ко всякого рода правительственным угрозам, не побоялись выступить безоружными против «хабаловских» груз и свергнуть царизм, а когда было добыто оружие, то генеральская угроза вызвала только возмущение.

4 июля вооруженные демонстрации возобновились с раннего утра. За ночь произошла подготовка сил для подавления демонстрировавших рабочих и солдат.

От 5 час. утра до начала 7-го часа «стол» донесений не имел. Первые сообщения начали поступать в виде запросов заводов о том, начинать ли работу (Патронный, Галерный остров, Судостроительная верфь, Вагоностроительный) и как относится к этому избранная рабочей секцией Совета комиссия. Но так как «стол донесений» не был заинтересован в обслуживании этой комиссии, то все запросы оставались без ответа или же давались ответы, расходившиеся с мнением комиссии. Да и сама комиссия, не имея никакой «аппаратной» опоры в Таврическом дворце, вынуждена была бездействовать. Вынести же руководство за пределы Таврического дворца не решились.

В 10-м часу начались «съемки» с работ тех заводов и фабрик, где производились работы. На улицах появились автомобили с пулеметами. Семеновский полк постановил выйти в 1 ч. дня с музыкой и приветствовать Союз. В 10 ч. 02 м. сообщили, что все заводы Васильевского острова стали.

Районный совет не знает, что делать, как поступать. В 10 ч. 06 м. известили, что «трамваи ушли на митинг» и движение по городу прекратилось.

Из Петергофа сообщили, что мимо прошли 8 буксиров, 2 баржи, 3 транспорта, 3 катера, 1 миноносец,—все с большим количеством вооруженных людей.

В 10 ч. 10 м. утра поступило донесение, что из Ораниенбаума приехали пулеметчики. В 11 ч. 20 м. прибыли на трех катерах кронштадтские матросы и остановились у Николаевского моста.

За Невской заставой все было спокойно, работы шли нормально.

В 11 ч. 15 м. поступило донесение о движении больших колонн манифестантов из Выборгского района (по Дворянской ул.) и с Петроградской стороны, по Каменноостровскому. Все направлялись в центр города.

Некто Фридман доносил, что у дома Кшесинской, т. е. у помещения ПК шел огромный митинг, на котором участвовали только рабочие.

В 11 ч. 40 м. сообщили, что по Загородному движется толпа, по преимуществу женщины, с плакатами «Долой министров-капиталистов!».

Из Василеостровского района в 11 ч. 55 м. доносили, что кронштадтцы высадились у Николаевского моста. Часть заводов

не работает. Звонили с Франко-русского, осведомлялись, как и что происходит. ИК послал туда «агитатора» против выступления. В 12 ч. 20 м. из Василеостровского района сообщили о всеобщей забастовке. На Выборгской стороне—то же (в 12 ч. 25 м.).

Около часу дня рабочие и солдатские колонны манифестантов целыми районами проходили мимо Таврического дворца (Васильевский и Петроградский районы).

Сообщали о большевистском настроении рабочих путиловцев, о назначенном ими шествии в город. В 1 ч. 15 м. доносили, что первая партия прибывших из Кронштадта матросов, численностью до 7 тыс. чел., была на митинге у дома ПК РСДРП(б).

Из школы прапорщиков инженерных войск сообщали (1 ч. 55 м.), что они готовы выступить на помощь Временному правительству и что ИК может рассчитывать на них как на физическую силу.

На орудийном заводе (что на Литейном) общее собрание вынесло решение, порицавшее неорганизованное выступление, готово было выступить по зову Совета и намерено было приступить к работе. Но когда разошлись по мастерским, то... бросили работу.

Сведения о стрельбе начали поступать только после 12 час. дня. Первое сообщение относилось к стрельбе матросов у Адмиралтейства, второе—о частой стрельбе на Михайловской площади, затем одновременно (в 2 ч. 20 м.) о стрельбе в районе Литейного и вдоль Невы (2 ч. 25 м.). Тогда же пришло извещение из Михайловского училища, что «пушки вернулись» (были увезены солдатами 3 июля). Из президиума Союза социалистов народной армии Ганжумов доносил, что по ул. Жуковского—на углу Литейного происходит стрельба. В 2 ч. 38 м. оттуда же доносили, что от Невского по Литейному уже 4 минуты идет толпа. Внезапно 2 мин. назад толпа в состоянии паники бросилась бежать—с крыш стреляли в местности около угла Невского и Литейного. В 2 ч. 40 м. сообщали о стрельбе из пулеметов и винтовок на углу Невского и Садовой.

В 3 ч. 26 м. Канторович доносил в ИК, что на углу Садовой и Невского было убито 5 чел. и ранено 20 чел. Солдаты, рабочие и матросы обыскивали дома (на Литейном). О расстреле манифестантов сообщалось в 4 час., что рабочие Васильевского острова шли мирно. Впереди шли матросы. На углу Садовой и Инженерной раздались выстрелы с броневиков, были убитые и раненые. Стреляли и из домов. 3 пех. полк прибыл поездом (из Петергофа) в составе 2 тыс. штыков с офицерами, шли на Таврический дворец.

Кмохин доносил (в 4. 10 м.), что Московский полк прошел вместе с офицерами по Невскому, с плакатами «Долой 10 министров-капиталистов!». Все были вооружены винтовками и направлялись к Таврическому дворцу. Навстречу им шла сотня казаков с 2 пулеметами. Встретились и мирно разошлись. На Литейном у нескольких домов разбиты стекла, оборованы трамвайные провода. Матросы (кронштадтцы) обыскивали дома, потому что из них стреляли. По показанию комиссара (милиции) были найдены 2 пулемета, несколько бомбометов и винтовок. Владельцы их тут

же расстреливались матросами. Все отобранное оружие манифестанты взяли с собой.

Из президиума Союза социалистов народной армии сообщали (Рогачев), что 176 пех. полк прибыл из Красного Села, захватив поезд и высадив из него всех пассажиров, расположился на Балтийском вокзале в составе тысячи штыков, ожидая прибытия остальных 2 тыс.

В 4 ч. 40 м. рабочие, солдаты, матросы запрудили двор и прилегающие к Таврическому дворцу улицы,—всюду знамена, плакаты, штыки. Делегация от прибывших вошла во дворец, в ИК, требуя выхода министра Переверзева, героя разгрома дачи Дурново и убийства находившихся там людей. Вместо Переверзева вышел Церетели и объявил, что Переверзев ушел в отставку и заявил, что министры ответственны только перед тем органом, который их избрал, а перед толпой отчитываться не должен. Это министерское заявление вызвало общее возмущение. В это время произошла «неприятность» с министром-социалистом В. Черновым, которого едва не побили матросы. Временное правительство писало об этом, как о попытке его ареста.

В 5 час. поступили сведения, что когда рабочие заводов и фабрик Нарвского района—Путиловского, «Трехугольника» и др.—общим числом до 60 тыс. чел. шли по Садовой, там на одной колокольне раздался звон, послуживший сигналом для стрельбы по демонстрантам. Стреляли из винтовок и пулеметов с крыш домов. Когда рабочие бросились под прикрытие одной стороны улицы, стрельба началась с другой.

Примерно в эти же часы была получена телефонная просьба ПК РСДРП(б) о присылке члена ИК для приостановки кровопролития на улицах. Но ИК ничего не ответил.

Эти сообщения регистрировались «столом донесений», но никаких мер борьбы с явно провокационными, контрреволюционными расстрелами рабочих, солдат и матросов из засад не предпринималось. Даже расследования таких фактов не было. И это не случайно: то были организованные с ведома властей засады, ибо в открытой борьбе справиться с массовым движением за власть советов, ни штаб, ни ИК не могли.

Около 6 час. вечера была открыта стрельба по проходившему по Невскому проспекту Московскому полку. Стреляли из дома № 84.

Весь вечер войска и рабочие, проходя мимо помещения ИК и ВЦИК—Таврического дворца, демонстрировали свою волю в пользу власти советов. Вечером, начиная с 8 час., «стол донесений» регистрировал только мелкие случаи столкновений и движение воинских частей к Таврическому дворцу. Что происходило у самого дворца—не заносилось в «дело». А в этот вечер около Таврического дворца происходили постоянные, не прекращавшиеся митинги.

В тот же вечер имело место весьма крупное столкновение с казаками, по которым была трижды открыта стрельба: один раз Московским полком, в ответ на раздавшийся по нему явно провокационный огонь, который они приняли как идущий от казаков, а второй раз их обстреляли с Литейного моста из пулемета, причем они понесли большие потери.

Наконец третье столкновение имело место между отрядом казаков (100 сабель) из запасного полка, 9 кав. полком, посланными главнокомандующим округа для охраны Таврического дворца и находившихся там министров. Туда же и для той же цели был направлен и 1 запасный пехотный полк. По неизвестной причине полк открыл стрельбу по коннице: в результате части рассыпались и заняли боевые друг против друга позиции. В обеих частях была артиллерия, и каждая готовилась открыть огонь против другой. Офицер с двумя казаками прискакали к Таврическому дворцу, прося предупредить взаимное истребление.

Для расследования этого дела «стол донесений» отметил посылку Ермолаева и Немировского, которые установили причину взаимной стрельбы—провокационный выстрел.

В 10 ч. 30 м. доносили, что казаки и 60 солдат (очевидно патруль) подверглись пулеметному и ружейному обстрелу на Невском, понесли потери, оставили на месте одно орудие.

Массовый характер движения свидетельствовал о глубоком недовольстве рабочих и солдат политикой Временного правительства и поддерживавших его социалистов. Но характер движения показывал полную его неорганизованность, господство в значительной степени стихии. Части войск были внутренне организованы, проходили и выступали дисциплинированно, но руководства и общего направления этими вооруженными силами не было никакого. Часть рабочих районов в центре, весь Невский и за Невский—не были втянуты в эту манифестацию.

Ночь с 4 на 5 июня была значительно спокойнее. Пришлые полки разместились в городе, а матросы вошли в Петропавловскую крепость и разместились в ней.

Утром 5 июля были разведены все мосты.

Демонстрации в день 4 июля во многом напоминали восстание 27 февраля. Такое же массовое, напряженное движение на улицах, такая же пальба из пулеметов, скрывавшихся на чердаках и крышах. То же положение патрулей и даже пулеметов на грузовиках. Очевидно многие солдаты, участники боев 27 февраля, хорошо запомнили стратегию восстания и репетировали ее против Временного правительства и недобитых остатков царизма.

Штабная газета «Солдатское слово» антибольшевистского направления, в обязанность которой входило «наблюдение» за солдатами, их настроением и движением, описывает этот день такими словами:

«С раннего утра 4 июля начали двигаться манифестации рабочих, которые несли множество знамен и впереди всех плакат с надписью: «Вся власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», за ним следовало: «Долой 10 министров-капиталистов!» и далее следовали менее злободневные и более умеренные лозунги.

В первой группе рабочих Василеостровского района участвовало несколько тысяч «трубочников», затем следовали почти с аналогичными лозунгами рабочие завода Осипова, после них, кажется, «печаткинцы», затем «посселевцы» и т. д. и т. д.

На углу Университетской набережной и 8-й линии рабочим однако пришлось остановиться, так как к пристани в этот момент причалили кронштадтцы, которым решено было дать высадиться и двинуться вперед.

Кронштадтцы высаживались довольно долго. Рабочие встречали их криками «ура», «браво». То, что матросы и солдаты и значительное число рабочих были вооружены с ног до головы, не произвело на василеостровцев сильного отрицательного впечатления; раздавались неодобрительные возгласы лишь со стороны старых партийных людей.

Во время высадки кронштадтцев раздались из среды рабочих и солдат шумные требования по адресу мирных обывателей, поглядывавших из своих квартир, закрыть окна.

Высадка кронштадтцев еще не закончилась, как к рабочим подошли двое представителей Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Одного из них называли Лебедевым и говорили, что он эсер и работает на фабрике «Лаферм».

От имени Исполнительного комитета он и сопровождавший его товарищ—кстати сказать, большевик—просили руководителей рабочих, если только возможно, остановить манифестацию или по крайней мере задержать ее у Николаевского моста до прибытия автомобиля с агитаторами Совета, но рабочие обыкновенно отвечали, что они просят Исполнительный комитет не препятствовать выявлению революционной воли пролетариата, и говорили, что они поступят так, как поступят их товарищи по манифестации.

Манифестация направилась прямо по набережным Васильевского острова к Биржевому мосту и задержалась лишь около дворца Кшесинской, где Ленин обратился с речью к манифестантам. Кронштадтцы проводили его восторженной овацией и криками: «Да здравствует товарищ Ленин!».

От дворца Кшесинской манифестанты направились к Марсову полю. С пением похоронного марша, обнажив головы, прошли около братской могилы.

В 4 часа дня по Невскому проспекту двигалась многотысячная толпа рабочих социал-демократов Нарвского района, с революционными знаменами с надписями: «Контроль рабочих над производством» и «Долой министров-капиталистов!», «Да здравствует III Интернационал!» и много других.

В 5 час. дня по Невскому проспекту прошел по направлению к Государственной думе в полном составе Московский полк. Через некоторое время прошли прибывший из Красного Села 176 пех. запасный полк и из Нового Петергофа 3 запасный пех. полк. В 4 часа дня по Караванной улице проезжал отряд казаков. В то время, когда они выезжали на Невский проспект, раздался револьверный выстрел. Казаки остановились и взяли винтовки на прицел. Однако повторных выстрелов не было. Казаки, постояв немного, въехали во двор Аничкина дворца.

В тот же день по Невскому проспекту проезжала группа казаков. Навстречу показался автомобиль с пулеметом и вооруженными матросами и солдатами. Завидев казаков, автомобиль остановился, и из него вышли четыре солдата. Подойдя к казакам они спросили—для какой цели они на Невском проспекте, и, повидимому удовлетворившись ответом, пожали руки казакам, сели в автомобиль и уехали.

За день и вечер 4 июля на Невском проспекте не прекращалась беспорядочная стрельба. Публика в паническом страхе бросилась по улице, показалось, что из окна такого-то дома был замечен выстрел. В час дня был обстрелян дом Кекина на углу Литейного и Невского проспекта. Стреляли по дому пачками из винтовок и пулеметов. Во время стрельбы один был убит, четверо ранено. Обстрелу подвергся дом № 110 по Невскому. В этом доме был произведен повальный обыск, но ничего подозрительного обнаружено не было. Происходила стрельба на углу Садовой и Невского, также против Гостиного двора; в последнем случае оказалось ранеными 11 человек. Всем пострадавшим была оказана медицинская помощь. Была стрельба по дому около Николаевской улицы. Обстрелян угловой дом на углу Знаменской площади и Невского проспекта, и целый ряд других домов.

Около 2 час. дня по Литейному проспекту шло несколько тысяч демонстрантов, среди которых было большое количество вооруженных матросов, прибывших из Кронштадта.

Когда головная часть тысячной толпы поравнялась с Бассейной улицей, неожиданно раздался выстрел, затем другой, третий. Вскоре поднялась беспорядочная стрельба. Публика в паническом страхе бросилась по улице, ища спасения во дворах и подъездах. Некоторые выбивали стекла в окнах магазинов. Так были разбиты саженные стекла в ряде различных магазинов по правую сторону Литейного проспекта от Невского. На выстрелы прим-

чались три автомобиля с пулеметами, которые открыли огонь вдоль улицы и по заподозренным домам. Стрельба продолжалась минут пятнадцать. Улица стала пустынной. На мостовой лежало несколько раненых, брошенные растерзанные знамена, матросские шапки, ружья. Спустя некоторое время перестрелка стихла, и демонстранты стали выходить на улицу. Раненых на руках перенесли в ближайшие лазареты, где им была оказана первоначальная помощь.

Всего пострадало 12 человек, среди которых 7 матросов.

Дальнейшее распространение стрельба получила почти по всему Литейному проспекту. На Кирочной, Пантелеймоновской, Захарьевской и других прилегающих к проспекту улицах пулеметный и оружейный огонь за с немногими перерывами длился почти весь день.

В некоторых местах Литейного района есть раненые».

Попытки расколоть движение

ИК Совета, социал-демократы меньшевики и эсеры пытались внести раскол в среду гарнизона и 4 июля вызвали членов солдатской секции Совета на фракционные совещания, отменив для этого очередное заседание солдатской части Совета. Однако к обычному часу в Таврический дворец явились солдатские представители и потребовали открытия заседания. Заседание было открыто, но продолжалось недолго, так как помещение было нужно для заседания ЦИК. Это собрание показало также рост числа наших партийных единомышленников среди членов солдатской секции. На этом собрании ни меньшевики, ни эсеры не посмели вынести каких-либо угроз по адресу демонстрировавших солдат.

Вместо солдатской секции, в которой появилось солидное ядро социал-демократов большевиков, соглашатели начали созывать «гарнизонные собрания». Так, отменив заседания солдат, назначенные на 4 июля, и вытеснив собравшихся из Таврического дворца, они в тот же день созвали представителей от воинских частей в Волынском полку и там вынесли следующую резолюцию:

«1. Совершенно недопустимы ни в коем случае ни вооруженные демонстрации, ни выход отдельных частей на улицу столицы, иначе, как по призыву представителей российской революционной демократии в лице ее исполнительных органов: Исполнительного комитета всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Исполнительного комитета партии социал-революционеров и социал-демократов.

2. Мы требуем, во имя подчинения большинству российской революционной демократии, чтобы все воинские части и рабочие Петрограда, вышедшие на улицу столицы с оружием, немедленно же возвратились в помещения своих частей и вперед не выходили вооруженными, разве только по приказу Исполнительного комитета совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

3. Необходимо еще раз точно и окончательно признать, что все воинские части, рабочие Петрограда и их организации обязаны полностью проводить со всей решительностью и последовательностью все постановления и призывы Исполнительного комитета всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в защиту интересов революции и свободы.

4. Вместе с тем совещание постановляет обратиться к Центральному исполнительному комитету с предложением немедленно образовать следственную комиссию для выяснения условий и обстоятельств, при которых возникла вооруженная манифестация 3 июля, а также расследовать все случаи стрельбы и ранений, причем в эту комиссию должны быть включены представители всех воинских частей и рабочих организаций Петрограда.

Делегаты от полков и батальонов: Финляндского, Преображенского, Литовского, Павловского, Московского, Гренадерского, Семеновского, Кексгольмского, Волынского, Егерского, Петроградского, 6 запасного саперного, 99 кавалерийского, 1 гвардейского стрелкового и 180 запасного».

Таким путем стремились натравить одну часть гарнизона на другую, так как сделать это же через солдатскую секцию Совета не удавалось. Часть полков, а именно Измайловский и Семеновский, пришли к Таврическому дворцу для выражения своей готовности встать на защиту ВЦИК.

Информационная сводка движения рабочих и солдат против Временного правительства, опубликованная ИК, отмечала тенденциозно лишь отдельные факты, иногда злостные выдумки против матросов, но и они достаточно ярко описывали выявление массовой воли.

«Всю ночь и весь день в Центральный исполнительный комитет поступают донесения со всего Петрограда от частей войск и заводов.

С утра из некоторых заводов, в том числе с Патронного завода, запросили Исполнительный комитет, что делать: начать ли работать или ждать распоряжения?

С Галерного острова судостроительный завод спрашивает то же самое, что и патронный завод.

С Петроградской стороны, вагоностроительный завод сообщает, что он ждет докладчика, который бы им сообщил о ходе событий в Петрограде, и готов приступить к работе.

С заввода «Промет» спрашивают, что нужно нам, рабочим, делать? Настроение у них приподнятое.

С Путиловского завода просят кого-либо из Исполнительного комитета, чтобы он им разъяснил положение вещей.

На Васильевском острове, на заводе «бр. Васильевых» ходят какие-то темные личности, которые требуют прекратить все работы. Из дачи Дурново запрашивают, приехали ли уже кронштадтцы. Их ожидают там с нетерпением.

Во все эти заводы, по мере возможности, были отправлены сведующие лица, которые разъясняли положение дел.

На один из заводов приехал член Исполнительного комитета Анисимов.

Из местного гарнизона до 3 час. дня никто не выступил.

Настроение в некоторых частях было спокойное, и в 9 час. утра получилось сообщение, что из Ораниенбаума, вопреки запрещению Временного правительства, идут пулеметчики с 200 пулеметами и винтовками.

В 10 ч. 20 м. утра прибыли из Ораниенбаума пулеметчики с пулеметами. В это время нам сообщили, что мимо Петергофа проехали кронштадтцы на 8 буксирах, в двух баржах, в 3 тралерах, в 3 канонерках и в одной миноноске.

Как передают, все были вооружены.

Около 12 час. дня у Николаевского моста высадились кронштадтцы, прибывшие также и на пароходах. Число их достигает до 30 тысяч.

Они заняли Николаевский мост и не пропускали трамваев. Трамваи должны были вернуться обратно в парк. Постояв там около часа, они двинулись в город, вооруженные винтовками.

В это время в редакцию поступили сведения, что на улицах Петрограда идет многочисленная толпа вооруженных рабочих. Разъезжают автомобили с солдатами, воооруженными винтовками и пулеметами. Некоторые автомобили имеют по 4 пулемета. Возле них стоят солдаты с пулеметными лентами и по первому сигналу готовы открыть стрельбу. До 12 час. не было никаких сообщений о стрельбе.

В 12 ч. 15 м. нам сообщили, что со стороны Николаевского вокзала вдоль Невского проспекта раздались пулеметные и оружейные выстрелы.

Вся безоружная толпа в панике бросилась бежать и попряталась в подъездах и подворотнях. В это время откуда-то с крыш и окон домов, прилегающих к Литейному проспекту, раздались провокационные выстрелы.

Проходившие в это время солдаты начали беспорядочную стрельбу, еще больше усиливавшую панику.

Так же, как и в ночь 25, 27 и 28 февраля, по всем улицам носились автомобили Красного креста и скорой помощи, поднимая раненых и убитых.

Рота кронштадтцев прошла Литейный мост и начала редкую стрельбу вдоль прилегающих улиц.

Масса таких сведений о стрельбе поступала из разных концов и районов Петрограда.

В 2 ч. 20 м. дня получилось в Исполнительном комитете письменное донесение, что на улице Жуковского и на углу Литейного иачалась пулеметная стрельба, которая повторилась 3 раза с небольшими перерывами.

Спустя 20 мин. член Совета рабочих и солдатских депутатов доносит, что усиленная стрельба идет на углу Садовой и Невского в сторону Гостиного двора. Раздаются частые выстрелы с крыш. Стреляют из пулемета и винтовок. Есть раненые.

Спустя 5 минут член Совета и председатель Всероссийского броневого комитета доносит Исполнительному комитету, что на М. Посадской улице имеется 6 броиевых автомобилей, из которых 2 в распоряжении большевиков (не толпы).

Остальные в любой момент готовы выступить по требоваиию Исполнительного комитета, и все приказы и распоряжения будут исполняться немедленно и беспрекословно.

Такие же аналогичные заявления о готовности выступить в любой момент по требованию Исполнительного комитета поступают массами не только от иевыступивших полков петроградского гарнизона, ио и из прилегающих к Петрограду местностей.

В 3 часа дия член Всероссийского совета Канторович сообщил, что на Садовой улице, на его глазах, убиты 5 чел. и ранено 27 чел. Стрельбу он объяснил истеричностью и иервностью толпы, которая идет с заряженными винтовками и держит палец у курка наготове и при малейшей панике начинает стрелять.

На Литейном проспекте, из одиого дома, прилегающего к Литовским казармам, с балкона раздались выстрелы, произведенные солдатом. Когда толпа вломилась туда, оиа никого не нашла, но зато изуродовала все окна и двери.

В это же время на углу Литейного и Фурштадтской стоял пулемет иа крыше одного дома и во время паники обстреливал толпу. По его мнению, эти выстрелы чисто провокационные. Насколько выстрелы эти провокационны, можно судить по тому сообщению, которое к нам поступило спустя полчаса.

На Садовой улице шла 60-тысячная толпа рабочих многих заводов. Во время того как они проходили мимо церкви, раздался звон с колокольни, и как бы по сигналу с крыш домов началась стрельба—ружейная и пулеметиая. Когда толпа рабочих бросилась иа другую сторону улицы, то с крыш противоположной стороиы также раздались выстрелы.

В 4 ч. 50 м. нам сообщили, что на Невском проспекте, по иаправлению к Таврическому дворцу, шел Московский полк с офицерами со знаменами. Они встретились с сотией казаков, но разошлись мирно.

На Литейном проспекте во миогих магазииах разбиты стекла, и провода трамвайные оборваны. Во многих домах производятся обыски кронштадтцами, под предлогом, что оттуда стреляют. Если кто-либо там находится, то его вытаскивают иа улицу и расправляются с ним судом Линча.

В одном из домов иайдены два пулемета, иесколько бомбометов и много винтовок. По показанию районного комиссара иайденное оружие забрано манифестантами.

В 4 ч. 45 м. в Исполиительный комитет явился матрос с корабля «Океан» и заявил, что возле ворот Таврического дворца стоят 30 тыс. кронштадтцев, которые требуют, чтобы к ним вышел министр юстиции Переверзев. («За что,—спрашивает он,—держат в тюрьме Железиякова, арестованного иа даче Дурново?»)

Министр Церетели ему ответил, что министры ответственны только перед тем органом, который их избрал, но ие перед толпой и отдельными личностями.

В 5 час. вечера нам сообщили, что около Красного Села, где иаходится лагерь Коистаитиновского артиллерийского училища и по соседству с ним 171 и 176 полки, в 3 часа ночи сделали совещание по поводу настоящих событий. 176 полк заявил, что он приведен в полную боевую готовность. На ст. Красное Село поставлен патруль с тем, чтобы ие про-

пускать эшелонов с фронта в Петроград, а также и из окружных городов. Кроме того 176 полк заявил представителю Константиновского училища, что если бы они выступили и хотели пойти в Петроград, то встретили бы с их стороны препятствие.

В 4 часа утра председатель собрания 176 полка заявил делегатам, что он только что получил сведения, что вся власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, а потому все должны поддерживать Совет всеми силами, вплоть до вооруженного выступления.

Из ст. Саперное нам сообщили, что гвардейский саперный полк и часть армейского саперного полка, а также инженерная школа прапорщиков, организовали комитет с тем, чтобы сохранить порядок во всем лагере и ни в коем случае не выступать.

Затем они запросили, как поступить с караульной командой, которая хочет завтра непременно выступить.

В 6 час. донесли, что на углу Надеждинской улицы и Невского, когда пришел Московский полк, раздался какой-то крик: «Ребята, бегите!». В это время раздались выстрелы из прилегающих домов. Все в панике бросились бежать. Солдаты, думая, что это стреляют казаки, которые были позади их, дали по ним залп.

Произошла перестрелка, и в результате много раненых»[1].

Общее количество убитых и раненых за 3 и 4 июля насчитывалось до 400 чел.

Весть о вооруженном выступлении быстро докатилась по каналам официальных сообщений до фронта. Сообщения передавались туда по прямым проводам. Отношение к выступлению рабочих и к вопросу о власти, особенно характерное для деятелей того времени, сохранилось на телеграфной ленте переговоров от 4 июля, происходивших между Скобелевым, находившемся в Двинске, и Даном, бывшим в Петрограде.

«Кто здесь ждет Скобелева? У аппарата Дан, Королев и Параделов.

Знаете ли здешние новости?

Нет, сообщите.

Вчера подали в отставку Шингарев, Шаховский, и Мануйлов. Некрасов тоже подал прошение об отставке, но возьмет его обратно после формального выхода из кадетской партии. Сегодня в Петербурге опять призывы к вооруженному выступлению в разных полках и заводах. Выход из кризиса намечается сохранением коалиции, но удастся ли это, найдутся ли подходящие лица—неизвестно. Центральный комитет выскажется завтра, до тех пор бюро постановило, чтобы министры-социалисты окончательного решения не принимали, возможен общеправительственный кризис как на почве программы, так и на почве увеличения числа социалистических портфелей, чего требуют многие в Центральном комитете. Мы с Ираклием[2] с этой тенденцией боремся.

Переживаемый армией решительный момент, дезертирство министров—нож в спину ей—и угроза сорвать наступление, мы должны остаться на местах. Необходимо в течение нескольких часов ликвидировать кризис, чтобы страна восприняла уход кадетов как личное дезертирство, не поколебавшее самой идеи и авторитета власти большинства революционной демократии. Для армии, готовой принести жертвы на алтарь революции, это вопрос жизни или смерти ее, как и самой революции. Мы за три дня убедились, как здорова и сильна революционная демократия на фронте, и отдельные больные явления как исключения лишь подтверждают это общее правило. Завтра в 10 или 11 утра будем в Петрограде. Необходимо, чтобы улицы Петрограда внешне остались спокойными, оставшиеся министры и Центральный комитет съезда должны проявить максимум решительности в этом направлении.

---

[1] См. «Известия» № 109 от 5 июля 1917 г.

[2] Ираклий — Церетели.

В момент, когда мы прервали разговор, мимо телеграфа проходят батальоны смерти под проливным дождем, с красными знаменами, лозунгами социализма и революции, идут в окопы, чтобы умереть. Всякое колебание в Петрограде разрушит фронт и всю работу, с таким упорством приведшую к успеху. Теперь или никогда.

В Петрограде делаем, что возможно; думаю, никаких серьезных волнений не будет. Волнений не будет, кризис разрешится вероятно завтра. Все вы, разумеется, должны остаться на местах. Речь идет о том лишь, о чем я лично полагаю, что сейчас все остальные министры также останутся, но не знаю, надолго ли. Я во всяком случае употреблю все усилия, чтобы кризис разрешился таким именно образом. Как дела в 36, 1 и 182 дивизии?

Отдельные болячки немедленно ликвидируются, как только с решительным словом авторитетной власти большинства демократии приходишь в часть. В названных дивизиях теперь все благополучно; что с воззванием к армии?

Оно принято и вполне удовлетворило вашу делегацию, сейчас вам передаст его товарищ Параделов».

Этот разговор о коалиционных комбинациях в часы, когда на улицах столицы находились сотни тысяч рабочих и солдат, готовых поддержать власть самой революционной демократии, служит лучшим показателем мелкобуржуазной дряблости прославленных социалистов того времени.

Военный министр Керенский в качестве главноуговаривающего был эти дни на фронте. В ответ на сообщение ему о положении дел в Петрограде он отправил на имя «министра-председателя» телеграмму, в которой сообщал, что

«петроградские беспорядки произвели на фронте губительное, разлагающее действие. При таких условиях подготовлять наступление и нести за него ответственность невозможно. Категорически настаиваю на решительном прекращении предательских выступлений, разоружении бунтующих частей и предании суду всех зачинщиков, мятежников. Требую прекращения всех дальнейших выступлений и военных мятежей вооруженной силой. Правительство должно ясно дать себе отчет, в какое безвыходное положение оно ставит и какую невыносимую тяжесть возлагает на всех честно выполняющих свой долг на фронте, особенно на весь командный состав и на все воинские комитеты и комиссаров. Правительство должно немедленно опубликовать правительственное сообщение о полном прекращении мятежа и о том, что все виновные понесут суровое воздействие. Необходимо ускорить опубликование сведений, имеющихся в руках[1] Керенский».

Последняя фраза телеграммы—«необходимо ускорить опубликование сведений, имеющихся на руках»—имеет прямое отношение к той грязной клевете о подкупе большевиков немцами, которая была организованно и сознательно брошена против Ленина и других социал-демократов большевиков негодяями из контрразведки. Эта же телеграмма указывает, что дело о немецком шпионаже было создано с ведома министра Керенского и готовилось для населения удара по нашей партии, а через нее и по всему антивоенному движению. Министр юстиции Переверзев явился лишь исполнителем гнусной махинации, состряпанной в контрразведывательном отделе штаба.

Клевета на нашу партию и попытка очернить Ленина и опутать его злостными измышлениями о наших связях с германским генеральным штабам, о подкупе большевиков немцами была по-

---

[1] Подчеркнуто нами. — *А. Ш.*

дробно разработана и еще 4 (17) июля сообщена из штаба округа в некоторые полки. Числа 5-го (18) та же выдумка, под видом официального сообщения, была дана в газеты.

Такие приемы борьбы с политическими противниками вызвали возмущение в широких кругах рабочих и солдат и заставили ЦИК уже 6 (19) июля опубликовать следующее:

«В связи с распространившимися по городу и проникшими уже в печать обвинениями Н. Ленина и других политических деятелей в получении денег из темного немецкого источника, Исполнительный комитет доводит до всеобщего сведения, что им, по просьбе представителей большевистской фракции, образована комиссия для расследования этого дела. Ввиду этого, впредь до окончания работ этой комиссии, ЦИК предлагает воздержаться от распространения позорящих обвинений и от выражения своего отношения к ним и считает всякого рода выступления по этому поводу недопустимыми».

Но брошенная клевета сделала свое дело. Она ошарашила неустойчивых солдат, временно дезорганизовала некоторую часть наших сторонников в войсках и дала возможность контрреволюции направить на нас темные элементы солдат, а сознательным негодяям из штаба послужила поводом для разгрома наших организаций.

Обвинение в шпионаже и подкупе социал-демократов большевиков немцами нужно было Временному правительству и контрреволюции для дезорганизации солдатских масс и для расправы над большевиками. Но эти расчеты оправдались лишь частично, это признавали сами инициаторы клеветничества.

Однако клевета на нашу партию не расстроила ряды организаций. Со всех сторон неслись протесты против допущенной правительственными агентами клеветы, а за вынужденным и лицемерным протестом по этому поводу самого ЦИК тогда еще не было видно настоящих вдохновителей клеветы, в рядах которых был «социалист» Керенский.

Вооруженная расправа с рабочими и солдатами

5 (18) июля, оставшаяся без кадет часть Временного правительства стала на путь вооруженной расправы с непокорными солдатами. Целому ряду полков грозили разоружением и расформированием.

В тот же день было отправлено по телеграфу «циркулярное сообщение Временного правительства о событиях в столице» всем «губернским, областным и городским комиссарам Временного правительства», в котором комиссаров информировали, что

«Утром 4 июля в Петроград прибыли вооруженные части войск и флота из Кронштадта, части 1 запасного пулеметного полка из Ораниенбаума и 3 запасный полк из Петергофа.

Около 12 час. эти части и полки—1 запасный, 176 запасный, 1 пулеметный запасный и гвардейский гренадерский запасный батальон выступили в сопровождении вооруженных толп к Таврическому дворцу, где постоянно заседает Центральный исполнительный комитет Совета Р и СД совместно с Советом крестьянских депутатов, для вооруженной демонстрации с лозунгами: «Долой Временное правительство!», «Долой министров-капиталистов!»—«Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов!».

Настроение демонстрантов было явно враждебное руководящему большинству Центрального комитета.

Кроме войсковых частей на улицу вышли частью вооруженные рабочие с теми же лозунгами.

По всему городу производилась езда вооруженных людей на захваченных ими грузовых и легковых автомобилях, причем на некоторых были установлены пулеметы. В течение дня во многих местах города была ружейная, револьверная и пулеметная стрельба, были раненые и убитые среди населения.

Около 18 часов во время заседания в Таврическом дворце Исполнительного комитета при участии министров-социалистов вооруженной толпой войск и рабочих было произведено покушение на арест министра почт и телеграфов Церетели и был арестован министр земледелия Чернов, освобожденный большевиком Троцким. К этому времени Таврический дворец оказался окруженным со всех сторон плотной массой чрезвычайно возбужденной вооруженной толпы, проникавшей уже во внутренние помещения. В течение всего дня министр-председатель кн. Львов и остальные члены Временного правительства находились в штабе главнокомандующего войсками округа, где по их указаниям вырабатывался план решительных мер прекращения беспорядков.

Правительство вызвало из Павловска конную гвардейскую артиллерию и две сотни 1 и 4 Донских казачьих полков, четыре роты измайловцев и две роты семеновцев. Немедленно по прибытии войск и до получения крайне тревожных известий от членов Временного правительства, находящихся в Таврическом дворце, часть войск была немедленно направлена для освобождения Исполнительного комитета, окруженного в Таврическом дворце. По пути прикрывавшие артиллерию казаки подверглись около Троицкого моста перекрестному ружейному, пулеметному огню, и среди них были довольно значительные потери. Артиллерия, дав залп, сразу очистила себе дорогу, и толпы у Таврического дворца разбежались. Значительная перестрелка была на Литейном проспекте и у Эртелева пер. До прибытия войск вооруженной толпой под руководством неизвестных лиц была сделана неудачная попытка захватить контрразведочное бюро на Воскресенской набережной.

Принятыми правительством мерами мятеж был подавлен, и к ночи на улицах города замечалось значительное успокоение. В разных местах останавливались и разоружались автомобили и отдельные группы вооруженных лиц, быстро прекращавших сопротивление при появлении войсковых частей. Для предотвращения подобных беспорядков правительство приняло все необходимые меры. Производятся аресты.

Сегодня утром мосты на Неве разведены, на улицах спокойно.

Министр-председатель, министр внутренних дел кн. Львов.

Министр внутренних дел сообщает, что днем 4 июля главнокомандующий войсками округа издал следующее объявление (приводится текст известного объявления ген. Половцева).

Действия войск в составе артиллерии, казаков и пехоты начались в полном подчинении распоряжению главнокомандующего, осуществляя план решительного прекращения беспорядков и ареста их участников, указанный правительством в полном согласии с Исполнительными комитетами советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Всероссийские советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в своем воззвании говорят: «По отношению к нашей революционной армии, защищающей на фронте завоевания революции, эти деяния равносильны предательству. В спину революционной армии, сражающейся против войск Вильгельма, вонзит кинжал тот, кто в тылу посягает на волю полномочных органов демократии и этим разжигает междоусобия в ее рядах».

Сообщая о вышеизложенном, министерство внутренних дел предлагает вам немедленно широко оповестить все население о происходящих событиях и принимаемых правительством мерах, срочно сообщить о положении в губернии и сделанных вами распоряжениях.

За министра внутренних дел Леонтьев.

5 (18) июля 1917 г. 1 час дня».

В ночь с 4 (17) на 5 (18) июля, с 5 (18) на 6 (19) июля происходили погромы помещений наших партийных и профессио-

нальных организаций. В эти дни было разгромлено помещение ПК, разбита типография «Труд», выселена с Мойки наша «Правда». За Московской заставой было разгромлено помещение районного отделения союза металлистов. На центральное правление союза металлистов, помещавшееся на Фонтанке, был совершен набег воинского патруля, и от разгрома спасло его присутствие там председателя союза члена ЦИК.

Но начавшийся разгул контрреволюции не помешал нашей партии закончить движение организованно. 5 (18) числа было принято решение о прекращении выступления, и это решение было опубликовано в тот же день в виде следующего воззвания:

«Спокойствие и выдержка!

Рабочие, солдаты!

Демонстрация 3, 4 июля закончилась.

Вы сказали правящим, каковы ваши цели.

Темные и преступные силы омрачали ваши выступления, вызвав пролитие крови. Вместе с вами и со всей революционной Россией мы скорбим о павших в эти дни сынах народа. Ответственность за жертвы падает на подпольных врагов революции. Но исказить смысл нашей демонстрации им не удалось и не удастся.

Теперь остается ждать, какой отклик найдет во всей стране ваш клич: «Вся власть советам». Демонстрация закончилась, начинаются снова дни упорной агитации, просвещения отсталых масс, привлечение на нашу сторону провинции.

Товарищи рабочие и солдаты! Мы призываем вас к спокойствию и выдержке. Не давайте злобствующей реакции никакого повода обвинять вас в насилиях, не поддавайтесь на провокацию, никаких выступлений на улицы, никаких столкновений!

Товарищи рабочие! Возвращайтесь мирно к станкам.

Товарищи солдаты! Оставайтесь мирно в ваших частях.

Вся жизнь действует за нас. Победа будет за нами. Не нужно никаких необдуманных действий!

Стойкость, выдержка и спокойствие—таков наш пароль.

Центральный комитет российской с.-д. рабочей партии.

Петербургский комитет российской с.-д. рабочей партии.

Военная организация российской с.-д. рабочей партии.

Междурайонный комитет объединенных социал-демократов интернационалистов».

Выступление солдат и рабочих закончилось, но правительственный кризис остался. Соглашатели продолжали искать опору в сотрудничестве с буржуазными партиями, пренебрегая желанием и волей революционных масс. Меньшевики и эсеры неспособны были использовать уроки июльского движения для поворота всей политики в пользу рабочих и крестьянских масс. Они продолжали искать решение в соглашениях и вели страну от одного кризиса к другому. Июльское выступление рабочих и солдат бросило соглашательских вождей в объятия контрреволюции.

Заседание ВЦИК и демонстрации

Во вторник 4 июля движение протеста рабочих, солдат и моряков против Временного правительства и соглашательской политики достигло наивысшего напряжения. Многие заводы столицы прекратили работы с самого утра. Примерно около полудня в тот

день произвели высадку прибывшие из Кронштадта моряки. После полудня весь город снова был переполнен вооруженными демонстрантами, направлявшимися через центральные улицы к Таврическому дворцу.

Утро этого дня я провел в Центральном правлении союза металлистов, помещавшемся в доме Аничкина дворца по Фонтанке. Все наши «профессиональные» работы и заботы отошли на второй план. Правительственный кризис и вопрос о власти отодвинул всю нашу текущую работу. В Центральное правление приходили в то утро лишь одиночные представители от некоторых заводов за справками о мнении правлений союза металлистов по вопросу о выступлении. Решение ПК и ЦК нашей партии об оформлении движения нам было уже известно, и мы рекомендовали обращавшимся последовать ее призыву.

После обеда в районе нашего Центрального правления началась перестрелка. До нашего слуха долетали залпы, одиночная трескотня винтовок и рокот пулемета. Из наших окон был виден уголок Невского проспекта около Аничкина моста, по которому шли то густые ряды вооруженных манифестантов, то перебегавшие из них группы, очевидно обстрелянные невидимым пулеметом.

Послеобеденное время с группой членов Центрального правления и сотрудников я провел на улицах, держа направление в Таврический дворец. Несмотря на перестрелку, улицы были переполнены манифестантами и любопытными. Торговые заведения и учреждения закрывались, служащие распускались, а так как трамвайного движения не было, то вся служилая масса передвигалась переулочками до своего места жительства. Невский и прилегающие к нему улицы, переполненные в «обычные дни» фланировавшей буржуазией, на этот день кипели фабрично-заводским людом. Воинских пехотных частей на улицах было мало.

Во главе рабочих демонстраций шли вооруженные отряды «рабочей гвардии» или заводской милиции, имея знакомые нам по демонстрации 18 июня (1 июля) знамена и плакаты с надписями «Вся власть Советам!» и «Долой десять министров-капиталистов!». Отдельные воинские части, одетые в рубашки защитного цвета, терялись в черной массе рабочих костюмов. От мерного топота десятков тысяч ног и пения революционных песен по улицам разносился сплошной гул, изредка прерываемый стрельбой.

По пути к Таврическому саду мы обогнали рабочих Путиловского завода, настроенных крайне возбужденно. Во главе путиловцев шел заводский комитет и его члены Васильев, Григорьев, Богдадьев. Они рассказали нам о причине столь возбужденного состояния рабочих: их демонстрация, проходя по Садовой, была встречена провокаторским обстрелом в районе Сенной площади.

Когда мы подошли к Таврическому дворцу со стороны главного входа вся улица и весь двор перед дворцом были заполнены прибывшими из Кронштадта мастросами. На правой стороне крыльца стояла группа людей в штатском, один из которых пытался говорить, обращаясь к матросам. Со стороны матросов его попытки

встречались яростными криками «Долой!». Пробравшись сквозь людскую стену к главному входу во дворец я попал в необычайную суматоху: кого-то тащили, кто-то барахтался, и все это покрывалось криками матросов. «Долой его!». Толпа около входа во дворец разжалась, и я был втиснут во вход. Позади слышался звонкий голос, обращавшийся к матросам и скрылатыми словцами «краса и гордость революции...». На этом мой слух оборвался, я был унесен вихрем толпы прямо в вестибюль Таврического дворца.

Уже войдя во дворец, я узнал, что вся суматоха и враждебные крики были вызваны появлением и речью эсера В. М. Чернова. Некоторые матросы пожелали намять бока министру-социалисту, и только вмешательство Троцкого спасло Чернова от физической расправы. Социалисты-соглашатели воспользовались этим случаем для выражения накопившегося у них негодования против демонстрантов.

Таврический дворец был переполнен различными делегациями от заводов, воинских частей и представителями общественных организаций. В зале заседаний происходило объединенное заседание ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов и ИК совета крестьянских депутатов. На заседание были допущены 90 представителей от 54 заводов и фабрик.

Когда я проник в зал заседания, оно было уже открыто. На трибуне и около нее, ожидая очереди, стояли представители рабочих, пришедшие особой делегацией, делегаты от окрестных гарнизонов и воинских частей. Зал был переполнен членами ЦИК и крестьянскими представителями. Хоры были набиты членами Совета и гостями. Атмосфера была накаленная, речи рабочих делегатов прерывались возгласами соглашательского большинства и встречали поддержку лишь среди небольшой группы членов ЦИК, большевиков и интернационалистов, при шумных аплодисментах на хорах.

Из членов ЦК нашей партии был один Г. Зиновьев. Наша фракция на этом заседании была крайне малочисленна, но за стенами дворца, среди петроградских рабочих и солдат, в те дни наша «маленькая» фракция имела огромное влияние, ведя за собою активное большинство пролетариата столицы и его организации. Восстановить полную картину заседания ныне крайне трудно, так как о нем сохранился лишь напечатанный в «Известиях» весьма урезанный отчет. Заседание началось выслушиванием делегатов. Первыми выступили представители от 54 заводов, которым было предложено выделить для заявления четверых товарищей. 1-й представитель заявил, что

«о том, что произошло, не следует говорить. О причинах я тоже не буду говорить. Странно, когда приходится читать воззвания Центрального комитета:—рабочие и солдаты называются контрреволюционерами. Наше требование—общее требование рабочих—вся власть советам рабочих и солдатских депутатов. Это требование вам и предъявлено. Это факт совершившийся. И с этим надо считаться.

2-й представитель:

Я тоже представитель 54 заводов. Вы видите, что написано на плакатах. Тот же вопрос обсуждался на всех заводах. Каковы решения, выне-

сенные рабочими? Вы знаете эти резолюции. На заводах нам грозит голод. Мы требуем ухода 10 министров-капиталистов. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет. Наши товарищи министры-социалисты пошли на соглашение с капиталистами, но эти капиталисты—наши кровные враги. Мы требуем, чтобы немедленно была взята земля, чтобы немедленно был учрежден контроль над промышленностью, мы требуем борьбы с грозящим нам голодом.

3-й представитель:

Дело не в слове, а в действиях. А действия у нас происходят, и Совет, к сожалению, не прислушивается к тому, что совершается. Мы посланы с требованием, чтобы Советы взяли немедленно власть. Земля должна перейти немедленно без всякого Учредительного собрания. Довольно кормить словами. Я спросил бы авторов воззвания: кто же посягнул на власть Советов? А кто навязал России революцию? Нам нужен сейчас немедленный переход власти в руки советов.

4-й представитель:

То, что кабинетные мыслители пытались решить теоретически, масса решила только одним своим чутьем. Масса видит, что теперешнее положение страны тяжелое. Перед вами не бунт, а вполне организованное выступление. Мы требуем, чтобы вся земля перешла в руки народа. Мы требуем, чтобы были отменены все приказы, направленные против революционной армии. Мы требуем принять все меры борьбы с саботажем и локаутами промышленников и капиталистов. Необходимо установить контроль над производством. Пока соглашательская политика с буржуазией будет продолжаться, не может быть успокоения в стране. Довольно отогревать эту гадину за нашей пазухой. Сейчас, когда кадеты отказались с вами работать, мы спрашиваем вас: с кем вы еще будете сторговываться? Мы требуем, чтобы вся власть перешла в руки Всероссийского совета рабочих и солдатских и крестьянских депутатов. Только в этом единственный выход».

За ними выступил представитель Петергофского совета Р и СД.

«В Петергофе 20 тыс. чел. населения, и от имени их я здесь выступаю. Настоящий момент нам представляется весьма опасным. Почва заколебалась. Революция раздвигается. Масса не желает власти буржуазных министров. Масса выходит за пределы организации. Так сегодня в Петроград, без согласия Совета, в полном боевом снаряжении явился 3 Национальный полк. Вы сами знаете, что может здесь совершиться. Может быть революция погибнет, если не пойдете сейчас навстречу требованиям демократии. Воля демократии совершенно явна: передача власти в руки советов. Наш совет в полном согласии вынес по этому вопросу совершенно определенную резолюцию».

Далее выступил представитель Всероссийского совета броневых частей, сообщивший, что их совет постановил предоставить в распоряжение Всероссийских советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «все наличные броневые части для борьбы с анархией и контрреволюцией».

После делегата бронечастей слово было предоставлено представителю комитета V армии. Этот представитель начал свою речь с обращения:

«К вам, товарищи рабочие, обращается V армия с призывом «в единении—сила». В тот момент, когда на фронте льется кровь в борьбе за мир, в тот момент, когда наступление стало фактом, даже большевики, находящиеся в нашей среде, не считают возможным активно выступить против большинства. Они ведут с нами идейную борьбу, но вместе с тем они идут в наступление. Всякие кризисы, всякая борьба вносит в окопы раздоры.

Мы заявляем, что под флагом большевизма проходят темные силы. Факты

говорят, что бывшие жандармы прошли в члены полковых комитетов. Там они ведут свою вредную агитацию; такую же агитацию ведут различные люди, приезжающие к нам из тыла.

Положение тяжелое. Так в одном дивизионном комитете арестован солдат, заявивший, что он добровольно сдался в плен, но его немцы отпустили назад. Сознательная часть V армии подчинится только Всероссийскому совету рабочих солдатских и крестьянских депутатов.

Резолюция армейского исполнительного комитета по этому вопросу такова: «Армейский исполнительный комитет считает, что в момент наступления всякого рода кризис в составе правительства грозит разгромом армии и гибелью дела свободы, предлагает своим представителям, действуя в полном единении с министрами-социалистами и ЦК Совета Р и СД принять все меры к скорейшему улажению всякого рода кризисов».

Делегат от Остзейского полка, выступивший после представителя V армии, заявил, что их запасный полк постановил немедленно требовать перехода всей власти советам РС и КД. Полк просил все части и гарнизоны присоединиться к вынесенному постановлению. Одновременно тот же делегат заявил от имени солдат протест по поводу расформирования их полка.

В то время, когда кронштадские матросы стояли у Таврического дворца, представитель «Центрального комитета военного флота» выступил в заседании ЦИК с протестом против выступления моряков, огласив следующую резолюцию:

«Центральный комитет военного флота, обсудив события, происходящие в Петрограде, и постановление ЦИК Совета Р и СД, осуждающее вооруженную демонстрацию, постановил: присоединяя свой голос к резолюции ЦИК Совета Р и СД, выражающей волю российской революционной демократии, призывает товарищей матросов всех флотов воздержаться от вооруженных выступлений. Товарищи матросы, помните, что избранный вами ЦК ВВФ вместе с ЦИК Совета Р и СД стоит на страже ваших интересов и в нужный момент призовет вас к оружию, идя впереди вас».

Меньшевики и эсеры Выборгской стороны попытались в качестве «делегатов» опорочить выступление рабочих ссылкой на отрицательное отношение большинства рабочих к выступлению «меньшинства».

ВЦИК и кризис власти.

После выступления представителей от солдат и рабочих социал-соглашатели пожелали остаться без посторонних свидетелей и попросили делегатов удалиться. По уходе делегатов поставили на обсуждение вопрос о кризисе власти и его разрешении. Докладчиком от Бюро ЦИК выступил И. Церетели. Вся его речь была насыщена враждой к пролетариату, враждой к его требованиям взятия власти. В отчете она была приведена крайне сжато, и из нее были вытравлены все выражения, особенно враждебные петроградским пролетариям и солдатам. Начав с характеристики создавшегося во Временном правительстве положения и перейдя к вопросу о власти, И. Церетели заявил, что,

«приступая к решению вопроса о Временном правительстве, нужно принять во внимание обстановку, в которой мы работаем. Перед нами кризис власти. Если бы этот кризис совершился в нормальных условиях, даже если бы не было ничего, что мы видели за эти дни, этот вопрос требовал бы проверки решений советов по возможности на Всероссийском съезде. Вопрос этот нашел решительное выражение в резолюции о Временном правитель-

стве. Прежде чем отступать от нее, нужно иметь полную уверенность в согласии всей демократии».

Внутри самого ЦИК он находил

«различные течения. Одни находят обстоятельства в корне изменившимися с уходом кадетов и требуют пересмотреть решения о соотношении сил в правительстве. Другие требуют захвата власти».

Все эти вопросы требовали решения, но Церетели считал, что события тех дней сделали невозможным выносить в «петроградской атмосфере» новые решения, которые являлись бы «истинным выражением воли демократии». Двух месяцев пребывания во Временном правительстве оказалось для социал-соглашателей достаточным, чтобы почувствовать себя стесненными революционной атмосферой Петрограда. Требование рабочих и солдат революционной столицы о взятии власти революционной демократией, взятии ее советами, Церетели отводил совершенно неслыханными в устах социал-демократа формальными доводами. Он полагал, что,

«когда мы слышим от имени вооруженных частей одного города требования принять предопределенное ими решение, то как бы мы ни изменили прежнее решение, оно в глазах всего народа принято было бы лишь за победу неорганизованных слоев, а не за выражение истинной воли демократии—рабочих, крестьян и фронта».

До июльских дней руководство Петрограда было общепризнанным и никто не осмеливался приравнивать его «к одному городу», противопоставлять ему провинцию. Самый факт предъявления рабочими и солдатами требований Церетели рассматривал как насилие над полномочными органами демократии.

«Если заменить власть, поставленную съездом, той,—говорил он,—которой требует часть гарнизона и часть рабочих Петрограда, вся страна восприняла бы это не как выражение воли демократии, а как уступку насилию меньшинства».

Выход из создавшегося в стране положения Церетели находил в продолжении прежней политики. Временно он предлагал

«санкционировать создавшееся в правительстве положение. Признать Временное правительство в том составе, в котором оно осталось, носителем революционной власти. Назначить чрезвычайный съезд через две недели и поставить в порядок дня съезда окончательное решение вопроса о Временном правительстве и созвать съезд в таком месте, где он мог бы работать беспрепятственно, лучше всего в Москве. В прошлый раз нарушались работы съезда теми же попытками, что и ныне; представители провинции утверждали, что невозможно так работать. Теперь я знаю, еще более была бы затруднена работа съезда, а требуется быстрое свободное решение перед лицом всей России. Это тот выход, который даст наиболее полное выражение воли демократии».

Это предложение, особенно в части созыва съезда советов в московской тишине, вызывало недовольство даже в рядах меньшевиков. Все хорошо понимали контрреволюционное значение перенесения съезда в Москву, сделанное Церетели. В защиту его предложения не выступил никто даже из его фракции.

После выступления Церетели слово было дано представителю от путиловских рабочих, пришедших почти всем заводом к

Таврическому дворцу и требовавших выхода Церетели. Требование сопровождалось угрозой: если Церетели не выйдет сам, то рабочие его вытащат силой. Эта угроза вызвала бурю возмущения, а Чхеидзе заявил, что Церетели выйти не может, так как является докладчиком по вопросу о правительственном кризисе.

Требование перехода власти к советам поддержал в своем выступлении и Ю. Стеклов, качнувшийся к этому времени влево от оборонцев, перейдя на позицию «Новой жизни».

Среди социал-демократов меньшевиков по вопросу о власти и о характере выступления не было единства. Группа интернационалистов во главе с Мартовым выступила против меньшевистского большинства и от ее имени Мартов заявил, что вопрос о составе власти

«для всей русской революции имеет центральное значение. Его приходится разрешать под давлением революционных сил, выступивших с определенными требованиями. Вопрос стал во всю величину, и вот почему произошло вооруженное выступление.

Каковы бы ни были виновники этого выступления,—его вызвал главным образом факт разложения коалиционного министерства. Я сам лично принципиально стоял на том положении, что пока это возможно, переход власти в руки советов представляется нежелательным. Но вы сами говорили, что при соответствующем изменении сил вам придется власть взять».

На указания соглашательского большинства о том, что еще не настало время взятия власти силами одной демократии, Мартов отвечал, что

«с уходом кадетов вся организованная буржуазия уходит от власти. Отдельные лица находят возможным остаться. Остается Терещенко и Годнев, Некрасов, Львов, но их партии не выставляют. Нам говорят, что для провинции это именно много значит. Но за нами нет никакой организации, они ни на какую классовую группу не опираются. Раз это так, то необходимо ли, чтобы наши министры в коалиционном министерстве оставались в меньшинстве?»

Но социал-соглашатели направляли все свои силы на поиски таких буржуа, которые соглашались бы осуществлять волю революционной демократии. Сами же социалисты брали на себя лишь «черную работу» по уговору и подчинению рабочих и крестьян буржуазной власти, не беря на себя формальной ответственности за власть. На самом же деле было обратное: буржуазия пользовалась социалистами, не неся за свою политику никакой ответственности перед массами. Всякая, даже робкая, попытка министров-социалистов прекратить спекуляцию землей, урегулировать демократическим соглашением вопросы национальные встречалась сопротивлением организованной буржуазии и вызывала правительственный кризис. В эти дни кризиса кадеты открыто заявили, что министры-социалисты, будучи в составе Временного правительства в меньшинстве, тормозили деятельность буржуазного большинства. Остановясь в своей речи на этом, Мартов сказал, что

«кадетская пресса говорит уже, что буржуазное большинство бессильно было бороться с социалистическим меньшинством. Таким образом эта комбинация не сулила никаких выгод. Ни армии, ни фронт не нуждаются в этом прикрытии, благодаря чему развивается агитация во-всю за передачу власти

в руки советов. У нас сейчас может быть только одно решение. История требует, чтобы мы взяли власть в свои руки. Революционный парламент не может не учитывать этого, но нельзя думать, что вопрос решается под давлением только вооруженных сил. Массу можно обвинять в несознательности, но все же надо здесь задать вопрос, куда мы идем? Здесь говорили, что это меньшинство, но это меньшинство проявляет к нам большую активность и поддерживает нас. Большинство сейчас пассивно. Я верю, что при опросе всей России можно убедиться, что революционная демократия нас поддержит. Объективная необходимость заставляет нас признать, что надо итти. Нашим решением в этот тяжелый момент мы не должны вбивать клин в эту демократию, ибо сейчас единство нам необходимо,—из-за наступления и начинающейся контрреволюции».

Резко выступил против Церетели его сочлен по фракции Гриневич. Он был против созыва съезда в Москве и против отсрочки решения вопроса о власти, как того хотел Церетели.

«Перенесение решения в Москву воссоздало бы у нас Коммуну 1871 г. Перенесение создаст разделение в стране, и Москва будет новым Версалем»,— заявил он.

Одновременно с решением вопроса о власти Гриневич требовал также немедленного решения по вопросу о мире.

После Мартова и Гриневича выступил Дан, заявивший, что

«для нас, ответственных представителей, неприемлема программа, предложенная Мартовым и поддерживаемая Гриневичем. Мы расходимся в самой оценке момента, так как наша точка зрения на уход министров-кадетов иная, чем т. Мартова. Для нас вопрос не становится таким образом, чтобы принятие власти для советов рабочих и солдатских депутатов было необходимо и неизбежно. Мы в нашей тактике ясно и определенно выражаем волю Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Съезд, выражавший волю всей России, высказался за ту точку зрения, которую мы и теперь отстаиваем. Мы не считаем возможным форсировать этот процесс, так как мы не можем давать тех обещаний, которых выполнить не в силах».

По вопросу о мире Дан объявил, что

«у нас нет чудодейственного средства окончить войну, средства, на которое указывал т. Гриневич. Для нас в данный момент война неизбежна в той или иной комбинации—мы не можем, не в силах заключить мир. Дав такое обещание, мы обманули бы страну. Раз война продолжается, то мы не можем обещать чудодейственных рецептов и в области экономической жизни: мы немногим больше можем дать, чем то, что в этой области уже дано коалиционным правительством».

Выступление нескольких сот тысяч рабочих и солдат в эти дни являлось, по мнению Дана «политической угрозой слева», и весь свой запас злобы он направил на борьбу с опасностью слева. Обещав продолжать «свою линию поведения», Дан заявил, что

«если штыки, стоящие вокруг нас, привели к взгляду, что пришел час, когда Совету рабочих и солдатских депутатов пора брать власть в свои руки, то мы, ответственные представители, власти этой взять не можем и ответственность с себя снимаем. Если это время наступило, то пусть власть в свои руки берут те, которые и раньше на этом настаивали. Мы решили положить конец этой недостойной политической игре, которую ведут слева. Пусть они берут на себя ответственность за то, что они подготовляли. Я утверждаю, что если даже наступит момент, когда Совету необходимо взять власть в свои руки, то взяв ее в такой возмутительной обстановке насилия и пыток, Совет только уронит значение этой власти. В таком состоянии взять власть в свои руки мы не можем. Пропасть, которая лежит

между Петроградом и провинцией, подготовлена большевиками, и они ответственны за нее, как и за ту кровь, которая пролилась на улицах Петрограда, когда мы говорили, что нужен Всероссийский съезд, нужен его голос для того, чтобы советам взять в свои руки всю власть—мы делали настоящее революционное дело».

Закончить речь Дану пришлось при крайнем шуме в зале заседания и на хорах, вызванном известием о том, что казаки стреляли по народу. Дан постарался заверить, что никакой стрельбы не было, а произошла паника среди лошадей... На самом деле в это время произошла схватка, вызванная паническим бегством толпы от проезжавших казаков с артиллерией. Бегство и крики толпы смутили проходившие по Литейному проспекту последние роты 1 запасного пехотного полка, возвращавшегося после демонстрации у Таврического дворца. Солдаты этого полка открыли по казакам огонь; те ответили, и в результате оказались потери с обеих сторон.

Левый эсер Камков выступил с горячей речью в пользу власти советов. Он заявил, что

«петроградский пролетариат и петроградская революционная армия—это та сила, которая чутко прислушивается к тому, что творится, и если вы видите лозунги «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов», вы не должны в этом усмотреть недоверие. Нам сейчас же необходимо сказать свое веское слово. Я предлагаю передать власть той великой силе, которая одна только может спасти положение—силе советов рабочих и солдатских и крестьянских депутатов, и на первом плане при решении этого вопроса у нас должна стоять дисциплина революционная, а потом уже дисциплина фракционная. Всякий в этом вопросе должен голосовать за то, что диктует ему его революционная совесть. Товарищи, я кончаю заявлением, что нет другого решения этого вопроса, как передача всей власти в руки Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов».

Не удовлетворил Церетели даже умеренного народного социалиста Брамсона. Все предложения Церетели он считал «неясными». Партия народных социалистов не имела своей позиции и плелась в хвосте у правых эсеров и полукадетов. Брамсон стоял за решение вопроса о власти съездом советов, но каково должно быть это решение—молчал. Он негодовал так же, как Церетели, Дан и др., против давления на ЦИК «самочинной организации», т. е. пришедших к Таврическому дворцу рабочих.

Саакьян говорил от имени «150 000 избирателей» против «анархии» поддерживаемой, по его мнению, с.-д. большевистской партией. Какую пошлую оценку петроградского пролетариата давал этот молодец—видно из его возражений Мартову:

«Тов. Мартов не знает психологии Петрограда: сегодня низвергнут трех министров-капиталистов, а завтра Чернова и Церетели, а послезавтра и нас вместе с т. Мартовым. Положение петроградского пролетариата тяжелое—это взрывчатый материал. В Петрограде авторитетны—Ленин, Коллонтай, Троцкий, но провинция с ними не помирится».

После него получил слово представитель «междурайонной организации (объединенцы) А. Луначарский. В те дни «междурайонцы» шли рука об руку с социал-демократами большевиками. А. В. Луначарский начал свою речь с ответа Дану, отвергая его соображения о давлении на органы демократии. Соглашаясь с ора-

торами говорившими об опасности, грозившей революции, А. В. Луначарский указал, что

«опасность эта грозит со стороны буржуазии, которая противодействует революции, саботирует ее, и когда массы это почувствовали, они поняли, что власть не должна оставаться у представителей буржуазии. И единственное, что делали большевики—это стремились придать этому стихийному движению организованный вид. Великая заслуга большевиков в том, что они организуют массы».

Перейдя затем к вопросу о власти, он заявил, что хотя

«положение чрезвычайно трудное и грозное, но тем не менее отдавать часть власти в руки буржуазии недопустимо. С какого это времени буржуазия стала так дорога социалистам? С каких это пор социалисты готовы вступать в братоубийственную бойню из-за октябриста Годнева? Нужно установить ближайший контакт с народными массами. Власть должна быть глубоко народная, и она должна быть постоянно в связи с народом.

Наш долг взять власть в свои руки, как бы безнадежно положение ни было. Пусть мы захлебнемся, пусть мы погибнем, мы будем апелировать к истории и выполним свой долг».

Заключительная фраза не отвечала действительности. Положени в стране тогда отнюдь не было столь безнадежным, как оно могло казаться А. Луначарскому, судя по концу его речи. Ухудшало положение продолжение политики буржуазного саботажа и соглашательской нерешительности, и переход власти к Советам должен был предупредить тот развал, который угрожал и которого все так боялись.

Социал-демократ меньшевик Капелинский также выступил против Церетели и Дана, поддерживая требование взятия власти советами. Против коалиции выступал и «новожизненец» Суханов, присоединившийся к предложениям Мартова.

Выступавший за ним «крестьянин» Кондратенко говорил против захватов земли, против «анархии». Сменивший его Лапинский считал единственным выходом из кризиса переход власти к советам.

Весьма недружелюбно был встречен большинством представитель нашей фракции Г. Е. Зиновьев. Его речь приведена в отчете неполностью. Начал он с характеристики положения, считая, что

«кризис создался, с одной стороны, отказом буржуазии от участия в правительстве и, с другой стороны, тем, как реагировали на это рабочие и солдаты Петрограда.

Уход кадетов—далеко не доктринерство. Наивно думать, что они отказались от портфелей из-за украинского вопроса. Они действовали с расчетом. Они действовали согласно своим классовым интересам. Они оставили власть в ту минуту, когда государство оказалось в критическом и грозном положении. В этот момент они сложили с себя ответственность. Думать, что движение последних дней есть работа агитаторов—предрассудок. Это движение стихийное, вызванное чрезвычайно тяжелым экономическим их положением.

Наша партия сделала все, чтобы сообщить стихийному движению рабочих организованный характер, и в настоящий момент наша партия редактирует воззвание к рабочим и солдатам Петрограда не выходить на улицу, прекратить демонстрации. (Возгласы: «После гор трупов!».)

Съезд, высказавшийся за существование коалиционного правительства, не давал зарока никогда, ни при каких обстоятельствах не брать власть в руки.

Сейчас положение изменилось, сейчас создались такие условия, при ко-

торых вопрос о власти должен быть перерешен. И он должен быть перерешен в том смысле, как мы предлагали.

Вы заменили прежнее соглашение с буржуазией соглашением с отдельными буржуа, ибо, я спрашиваю, кто стоит за октябристом Годневым? Кто стоит за другими буржуазными членами правительства?

Положение создалось такое, при котором остался один выход—взять всю власть в свои руки. Если вы это сделаете, вы спасете революцию. Вы будете пользоваться доверием и поддержкой всей демократии. Вы спасете революцию». (Аплодисменты с хор.)

После Г. Е. Зиновьева выступил эсер Авксентьев с оправданием Церетели в «желании, держаться охвостья буржуазии». Он считал, что-

«сейчас стоит вопрос о революционной власти. Наше решение должно заключаться в том, что до созыва этого съезда единственной революционной властью является Временное правительство, которое мы признали. Наши товарищи министры-социалисты не должны уйти из Временного правительства, хотя бы они и остались там совершенно одинокими. Та власть, которая нам предлагается вооруженной демонстрацией, если учесть все обстоятельства, при которых эта власть предлагается, не будет иметь авторитетного престижа. Только один Всероссийский съезд является тем органом, который может разрешить этот вопрос. Иначе вопрос о власти превратится в вопрос о безвластии». (Аплодисменты.)

М. Спиридонова (левая эсерка) выступила с протестом против клеветы на участников движения питерских рабочих, солдат и матросов. Буржуазная печать, с одобрения соглашателей, приписывала организацию столь массового движения...германским шпионами и городовым. М. Спиридонова также высказалась за взятие власти советами.

За левой и пылкой эсеркой М. Спиридоновой появился на трибуне старый и правый из правых эсер Чайковский. Он начал свою речь с призыва к «государственному разуму». По мнению Чайковского «грозность» нашего положения заключалась в том, что

«мы ведем мировую войну, от которой мы не можем отказаться, и в то же время волей-неволей должны совершать социальную революцию. Война требует силы государства, социальная революция—слабость государства. В этой коллизии заключается трагедия нашего положения».

Из этого столкновения двух стремлений Чайковский смело выбрал первое. Он—за войну и бросил негодующий упрек петроградским рабочим и солдатам в том, что они

«забывают про войну. На фронте же не думают о социальной революции. И в тех речах, которые произносились здесь в эти два дня, я не слышал о войне. Это, с одной стороны. С другой стороны, война требует денег, она требует не только военной мощи, но и финансовой мощи. Если же социалисты возьмут всю власть в свои руки, они через месяц окажутся банкротами».

Чайковский стоял за блок с буржуазией, за блок с контрреволюцией и в этих целях пугал соглашателей вопросами, знают ли они

«что такое банкротство? Это значит, что исчезнут с рынка товары—и прежде всего хлеб, так как ценность бумажных денег падет до ценности той бумаги, на которой они печатаются. И тогда, когда не будет хлеба на рынке, когда начнется голод, вместе с ним придет и анархия, и тогда не

придется говорить о доверии или недоверии. Тогда появится диктатор, и диктатором будет первый популярный прапорщик. А может быть, придет и немецкий диктатор».

После старика Чайковского, перепугавшего мрачными картинами судеб революции обывательскую часть собрания, выступил с заключительным словом Церетели. Он начал свою речь с излюбленной темы об опасности переживаемого момента для революции, об ответственности предстоявших решений и т. д. Вопрос об опасностях, грозящих революции, был постоянным «коньком» Церетели с первых дней его выступления в Петрограде, начиная со второй половины марта. И все эти опасности неизменно находились в левом фланге революции. Я не помню ни одного случая, когда Церетели вскрывал бы опасности, грозящие революции, со стороны буржуазно-дворянской контрреволюции. И на этот раз он остался верен себе. В июльском выступлении рабочих, солдат и матросов Церетели увидел начало гражданской войны и поставил своей задачей предотвратить ее, говоря, что «если это не удастся, то революция погибла». Все спасение революции наш кавказский герой видел лишь в одном—в политическом соглашении с буржуазией. Нам, большевикам, междурайонцам и интернационалистам, считавшим, что выход кадетов из состава Временного правительства разорвал соглашение с буржуазией, Церетели заявлял, что

«это не так. Когда решался вопрос о коалиционном правительстве, вопрос ставился так, что это блок не с кадетами, а со всеми теми силами страны, которые готовы итти по пути осуществления выдвинутых революцией всенародных задач. И тогда же указывалось, что только с того момента, когда тот или другой слой буржуазии на деле окажется тормозом для претворения в жизнь мероприятий, вытекающих из общенародной платформы демократии, мы разрываем с ними. Мы блокируемся не с партиями. Мы блокируемся со всеми теми, кто стоит на одной с нами платформе. В этом суть коалиционного министерства. И с этой принятой большинством демократии точки зрения уход кадетов не означает распадение блока».

Социал-демократы меньшевики и эсеры, составлявшие большинство совета, не хотели менять ни своих союзников, ни своей политики. С буржуазией социал-соглашателей связывала общность целей, об этом Церетели, не смущаясь, открыто заявил:

«Когда наши противники предлагают нам разорвать с буржуазными элементами, взять всю власть в свои руки, они забывают добавить, что требуют от нас также и перемены всей нашей политики. Если бы мы, советское большинство, взяли всю власть в наши руки, то разве бы вы все, от Мартова до Ленина, не потребовали от нас действий, ведущих, по нашему мнению, к сепаратной войне, или разве не выдвинули бы вы нам вашего лозунга «не в наступление, а на перемирие»? Но ведь мы этой политики не примем. И если бы мы, захватившие власть, не позволили вам диктовать нам вашу политику, то разве не стали бы вы говорить о нас то же, что говорите теперь в «Правде»: «Они хуже буржуазии. Они прикидываются социалистами и лучше скручивают рабочих»?

Конец его речи содержал спекуляцию на разнице в настроениях Петрограда, провинции и фронта. Передовых рабочих, солдат и военных моряков столицы Церетели и К° стремились запугать отсталой провинцией.

Конец речи Церетели покрывается звуками «Марсельезы», на-

чавшейся за стенами зала заседаний. По этому случаю с разъяснениями выступил эсер Гоц, сообщивший, что в Таврический дворец явились Семеновский и Измайловский гвардейские полки, пришедшие приветствовать ЦИК и отдавшие свои силы в его распоряжение.

Сообщение Гоца вызвало необычайную радость большинства членов ЦИК. Многие встали, запели «Марсельезу»,—очевидно почувствовали себя в безопасности.

Был второй час ночи, когда слово было предоставлено представителю XII армии (кажется социал-демократу меньшевику, оборонцу офицеру Кучину), который сообщил:

«Вчера поздно ночью мы получили первое очень беглое, смутное известие о событиях, происходящих в Петрограде. Тотчас же был созван наш исп. комитет, который решил немедленно отправить в Петроград делегацию. Армейский съезд подтвердил наш мандат—заявить, что XII армия всецело поддерживает Всероссийский совет солдатских и крестьянских депутатов и министров-социалистов и приложит все усилия к тому, чтобы было соблюдено единство действий революционной демократии.

Все известия о происходящих в Петрограде событиях чрезвычайно остро отражаются в армии. Этим объясняется экстренность нашей делегации. Мы приехали сюда на несколько дней, чтобы вместе с вами спасти революцию здесь. Будучи спасена здесь, она будет спасена и на фронте».

После перерыва заседание началось в четвертом часу чтением предложенных резолюций. Их было всего три. Первая, внесенная Гоцем, была следующего содержания:

«Обсудив кризис, созданный выходом из состава правительства трех министров-кадетов, объединенное собрание исполнительных комитетов советов рабочих и солдатских депутатов признает, что уход кадетов ни в коем случае не может считаться поводом для лишения правительства поддержки революционной демократии, но что вместе с тем уход этот дает демократии основание для пересмотра своего отношения к организации правительственной власти в переживаемый исторический момент.

Даже в обычных условиях развития революции рассмотрение такого вопроса потребовало бы собрания полного состава ИК советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов с представительством с мест.

Тем более такое собрание становится необходимым теперь, когда в связи с кризисом часть петроградского гарнизона и петроградских рабочих сделала попытку навязать полномочным органам революционной демократии волю меньшинства вооруженным выступлением, разжигающим междоусобие в рядах демократии.

Ввиду этого, собрание постановляет созвать через две недели полное собрание ИК рабочих, крестьянских и солдатских депутатов с представительством с мест для решения вопроса об организации новой власти и озаботиться временным замещением вакантных должностей по управлению министерствами лицами, по соглашению с Центральным комитетом советов Р и СД. и Исполнительным комитетом Всероссийского совета крестьянских депутатов.

Вместе с тем, охраняя волю всероссийской демократии, собрание подтверждает, что до нового решения полных составов исполнительных комитетов вся полнота власти должна оставаться в руках теперешнего правительства, которое должно действовать последовательно, руководясь решениями Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского совета крестьянских депутатов.

И если бы революционная демократия признала необходимым переход всей власти в руки советов, только полному собранию исполнительных комитетов может принадлежать решение этого вопроса».

Эта резолюция, поддержанная фракциями соглашателей, была принята всеми против сорока голосов социал-демократов больше-

виков, междурайонцев и социал-демократов меньшевиков интернационалистов, при трех воздержавшихся.

Резолюция, предложенная Мартовым, полагала, что

I. Уход представителей кадетской партии из Временного правительства означает отказ от революции последней организованной группы русской буржуазии.

II. Этим уходом к.-д. партия сваливает на плечи крестьянской и рабочей демократии все бремя ликвидации наследия, оставленного царизмом: империалистической войны, начатой и веденной при преступном содействии всех буржуазных партий; экономической разрухе, которая вызвана войной и борьбе с которой буржуазия мешает, противодействуя всем революционным мерам, единственно могущим спасти Россию; национальных противоречий, разжигаемых и эксплоатируемых русской буржуазией в целях расслабления революции.

III. С уходом к.-д. партии из правительства русская буржуазия в целом окончательно переходит в наступление против крестьянской и рабочей демократии.

IV. На это наступление, на этот вызов революционная демократия отвечает, беря в свои руки государственную власть, от чего она отказывалась до сих пор. Она берет на себя эту ответственность, чтобы довести Россию до Учредительного собрания, чтобы проводить в жизнь начала, во имя которых русский народ проливал свою кровь в борьбе с царизмом, а прежде всего для того, чтобы вырвать Россию из объятий войны, которая душит революцию и которая мешает укреплению завоеваний революции.

V. Поэтому Всероссийский центральный комитет настаивает на том, чтобы по крайней мере большинство Временного правительства было составлено из представителей Советов РС и КД и проводило в жизнь следующую программу:

1. Немедленное вступление в переговоры об общем мире на основе отказа всех сторон от аннексий и контрибуций при признании права наций на самоопределение. Отказ России от участия в империалистической войне, ведущейся Четверным Согласием во имя захватных целей. Завершение демократической реорганизации армии для того, чтобы она была способной защищать революцию против империалистических поползновений, с чьей бы стороны они ни проявились.

2. Беспощадная борьба со всеми очагами контрреволюции, коренная реорганизация в этих видах всех ведомств и правительственных учреждений путем очистки их от проводников контрреволюции.

3. Подготовка всех мер для того, чтобы Учредительное собрание могло в скорейшем времени осуществить земельную реформу на основе конфискации и передачи народу всех удельных, кабинетских, монастырских и помещичьих земель.

4. Решительные финансовые реформы: поимущественный налог, принудительный заем, ряд государственных монополий и др.

5. Борьба с экономической разрухой путем организации контроля государства над производством, распределением и снабжением и планомерное перераспределение производительных сил для постепенного перевода народного хозяйства на мирное положение.

6. Борьба с бойкотом и саботажем промышленной буржуазии, с локаутами и т. д. всеми целесообразными средствами, вплоть до секвестрации предприятий.

7. Всестороннее содействие развитию революционного самоуправления и организация сил революционной демократии в политической, культурной, профессиональной и хозяйственной области».

Эта резолюция была отвергнута. Та же участь постигла и резолюцию, внесенную А. В. Луначарским, в которой говорилось, что

«исходя из того, что двухмесячный опыт коалиционного министерства обнаружил полное бессилие блока представителей Совета с представителями буржуазии, не дал ни одной серьезной реформы, привел к дальнейшему

обострению экономической разрухи и поставил революцию на край гибели,— собрание постановляет:

Единственным выходом из нового кризиса власти, созданного открытым переходом к.-д. партии в лагерь контрреволюции, является передача всей власти в руки Временного правительства из делегатов центрального органа всероссийских советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

На этом и было закончено заседание ЦИК.

На утро советские «Известия» доводили до всеобщего сведения о создавшемся кризисе власти, поместив на первой странице воззвание к рабочим и солдатам. От имени «революционной» демократии рабочие и солдаты извещались, что

«вчера из состава Временного правительства выбыли некоторые его члены, принадлежащие к к.-д. партии. Ввиду создавшегося кризиса было созвано объединенное заседание Исполнительных комитетов Всероссийского Совета РС и КД, которое должно вынести решение в качестве полномочного органа революционной демократии всей России о выходе из этого кризиса.

Но работы этого собрания были прерваны вопреки неоднократному предупреждению Совета РС и КД.

Некоторые воинские части вышли на улицу с оружием в руках, стараясь овладеть городом, захватывая автомобили, арестуя по своему произволу отдельных лиц, действуя угрозами и насилием. Явившись к Таврическому дворцу, они с оружием в руках потребовали от ИК взять всю власть в свои руки. Предложив советам власть, они первые же на эту власть посягнули. Всероссийские исполнительные органы—Советы РС и КД с негодованием отвергают всякую попытку давить на их волю. Недостойно вооруженными демонстрациями пытаться волю отдельных частей гарнизона одного города навязывать всей России.

На ответственности тех, кто осмелился вызывать с этой целью вооруженных людей, лежит та кровь, которая пролилась на улицах Петрограда.

По отношению к нашей революционной армии, защищающей на фронте завоевания революции, эти деяния равносильны предательству. В спину революционной армии, сражающейся против войск Вильгельма, вонзит кинжал тот, кто в тылу посягает на волю полномочных органов демократии и этим разжигает междуусобие в ее рядах.

Всероссийские органы Советов РС и КД протестуют против этих зловещих признаков разложения, подкапывающихся под всякую народную власть, не исключая и власти будущего Учредительного собрания. Всероссийские исп. органы Советов РС и КД требуют раз навсегда прекращения подобных позорящих революционный Петроград выступлений. Всех тех, которые стоят на страже революции и ее завоеваний, Исполнительный Комитет Всероссийского Совета РС и КД призывает ждать решения полномочного органа демократии по поводу кризиса власти. Перед этим решением, в котором скажется голос всей революционной России, должны склониться все, кому дорого дело свободы».

Все острие воззвания прислужники буржуазии направили против революционных рабочих, солдат и моряков, натравливая на них отсталую провинцию и фронтовиков.

В ту же ночь, когда происходило объединенное заседание ЦИК, агенты контрреволюционной власти чинили суд и расправу над редакцией нашей газеты «Правда». Генерал Половцев направил на Мойку 32, где редактировалась «Правда», и в типографию «Труд», где печатались наши газеты, отряд юнкеров, которые произвели разгром типографии и редакции.

Фабрикация клеветы на Ленина и большевиков.

За ночь с 4 на 5 июля соглашатели успели оправиться, отколоть от общей массы часть солдат, выступавших за власть сове-

тов, часть гарнизона, подтянуть оставшиеся верными Временному правительству части войск, стоявшие в окрестных городах, и с утра 5 июля начали овладевать положением в городе.

Для руководства делом подавления возмущенных рабочих и солдат была создана особая комиссия Временного правительства, в которую входили Скобелев, Гоц, Авксентьев, Лебедев и другие члены ЦИК из соглашательского большинства. Комиссия, а также некоторые члены Временного правительства, были все эти дни в штабе Петроградского округа, участвовали в выработке плана борьбы с нашей партией и следили за его осуществлением.

Душою всей работы против социал-демократов большевиков была контрразведка. Уже 4 июля ее клеветнические материалы, составленные опытными провокаторами, стремившимися опутать нашу партию и ее руководителей грязными обвинениями в связях с германским генеральным штабом, начали распространяться среди солдат Преображенского и других полков.

Суть этого дела была весьма несложна. Один негодяй—Ермоленко—прапорщик 16 Сибирского стрелкового полка явился из германского плена и заявил начальнику разведывательного отделения Ставки 28 апреля, что он, Ермоленко, принял предложение германского штаба вернуться в Россию и вести среди солдат агитацию в пользу мира. В этих целях его будто бы немцы и перебросили в район VI армии. Далее тот же негодяй заявил, что немецкие офицеры Шифицкий, Люберс сказали ему о том, что Ленин является одним из агентов германского штаба. Вокруг этого показания и начали плести узоры буржуазная печать и разведка. Однако в течение более двух месяцев она не осмеливалась пустить эту грязную ложь против В. И. Ленина. Потребовалось прямое распоряжение «социалиста» Керенского и Переверзева, чтобы чиновники министерства юстиции и контрразведчики выволокли клевету на страницы печати.

На помощь контрразведке пришли подленькие журналисты—Алексинский, прикрывавшийся званием «рабочего депутата II Гос. думы», эсер Панкратов, спекулирующий своим сиденьем в Шлиссельбургской крепости, и Бурцев. Эти лица придали контрразведочным материалам литературную форму. По прямому желанию А. Ф. Керенского этот клеветнический материал был направлен 4 июля во все газеты в виде «выдержек из документов о Ленине, Ганецком и К°».

На протест нашей фракции ЦИК, заявленный Г. Е. Зиновьевым, Бюро ЦИК приняло постановление, запретившее печатать эти документы, но тем не менее ряд газет, как то черносотенное «Живое слово», «Единство», поместили эту клевету 5 июля, а «Новое Время»—7 июля.

Для предания правдивости изложенному в «документах» приплели к ним коммерческие дела Гонецкого, Козловского и др., не имевшие ничего общего с партийными делами. Были пришиты к делу вперемежку с коммерческими телеграммами и другие, партийные, в том числе и мои, телеграммы к В. И. Ленину. Сам В. И. Ленин за время войны за границей был весьма осторожен в своих связях, и когда в 1915 г. мы переписывались о находив-

шихся в Скандинавии большевиках, то В. И. лично предостерегал меня от связей с Ганецким и др., мешавшими коммерцию с партийной работой. Коммерческая связь Ганецкого и Козловского со Стокгольмом, заказы по телеграфу, получения и отправки денег, обычные в коммерческом деле, были использованы клеветниками как путь связи с немцами.

Все обвинение было основано на столь сомнительных данных, что двое министров-буржуа, Терещенко и Некрасов, выступили против опубликовавших их. Подлинные и подлые намерения штаба и его контрразведки выдали сами составители гнусной клеветы. Их общей целью было желание дезорганизовать солдатскую массу, шедшую за нашей партией. Вот как изложили они «историю опубликования письма» в своем обращении «к русскому обществу».

«О готовящемся вооруженном восстании стало известно еще с вечера 2 июля, о чем немедленно было сообщено штабу Петроградского военного округа и министру юстиции П. Н. Переверзеву, который сделал срочный доклад Временному правительству.

К вечеру 3 июля, как известно, появились первые вооруженные демонстранты, и началась стрельба из пулеметов, находившихся в руках демонстрантов. Стало известно, что демонстранты распространяют слухи об аресте членов Временного правительства (в том числе и А. Ф. Керенского) и о государственном перевороте. Обычное вечернее заседание Временного правительства не состоялось, несмотря на настояния министра юстиции созвать таковое.

Прошла тревожная ночь на 4 июля. Министерство юстиции утром 4 июля было в неизвестности о мерах, принятых к предотвращению попытки государственного переворота. Приблизительно в полдень 4 июля составители этого протокола, явившись по делам службы в штаб Петроградского военного округа, где находился министр юстиции, и, как предполагали явившиеся, происходило заседание Временного правительства, имели случай наблюдать явление, не могущее быть названным иначе, как «кризис власти». Достаточно указать на то, что некоторые члены Временного правительства вместе с Исполнительным комитетом находились фактически в плену в Таврическом дворце, окруженные вооруженными демонстрантами, причем из Исполнительного комитета по телефону просили прислать выручку и справлялись, послана ли артиллерия.

Члены Временного правительства гг. Терещенко и Некрасов ушли из штаба, ни с кем не попрощавшись, еще до прихода вызванной главнокомандующим артиллерии (они вернулись в штаб после полуночи, когда уже Таврический дворец был освобожден).

Составителям этого протокола стало известно, что нет точных сведений о настроении воинских частей и не может быть правильного учета соотношения сил. Тогда составителям этого протокола пришла мысль, что в этот критический для родины и свободы момент надобно немедленно опубликовать имеющиеся у них данные, могущие служить достаточным основанием к уяснению народу истинной подкладки развертывающихся событий; полагая, что надо принять на себя весь риск и страх опубликования, но не находя свои имена достаточно авторитетными, составители этого протокола сообщили эти данные двум общественным деятелям: известному народовольцу—шлиссельбуржцу В. С. Панкратову и б. члену II Государственной думы, лидеру социал-демократической фракции, Г. А. Алексинскому.

Эти общественные деятели немедленно согласились с нашим мнением и предложили свои имена. Нельзя было терять ни часа, так как мы поняли, что через несколько часов будет поздно, а документы из наших рук могут перейти в руки тех, кого они должны изобличить.

Напечатать документы в столь короткий срок было чрезвычайно затруднительно, хотя бы потому, что опасно было возить их по городу.

Представителям Преображенского полка, ближайшего к штабу, была сообщена сущность документов; присутствующие убедились, какое потрясающее впечатление произвело это сообщение. С этого момента стало ясно, каким могучим орудием располагает правительство и как легко оно может его

потерять. Тогда были поставлены в известность некоторые члены Временного правительства, в том числе и министр юстиции П. Н. Переверзев, об инициативе частных лиц. Министр юстиции после переговоров со своими товарищами по кабинету заявил, что официального сообщения сделано быть не может, но со стороны присутствующих членов Временного правительства не будет чиниться препятствий частной инициативе, тем более, что документы известны министру юстиции, и он считает их достаточно солидным материалом. Тогда было приступлено к составлению сообщения, подписанного Алексинским и Панкратовым, причем министр Некрасов напрасно указывает на И. П. Бессарабова, как на автора сообщения. Была сделана попытка напечатать сообщение в виде воззвания с выдержками из подлинных документов, но по техническим условиям, ввиду отсутствия наборщиков, сделать это не удалось. Попытка воспользоваться хорошо оборудованной типографией «Нового времени» (где печатается «Новая жизнь») была также безуспешна, так как при поездке туда под незначительной воинской охраной было обнаружено, что типография занята и охраняется восставшими с пулеметами.

Тогда пришлось отказаться от напечатания выдержек из документов и изложить важнейшие данные в виде экспозе, причем за краткостью времени нельзя было заботиться о тщательной редакции. При содействии одного из членов кабинета сообщение было сдано в Бюро печати при Временном правительстве. Весть о сообщении распространилась сразу же, и в штаб округа стали являться представители различных воинских частей, запрашивая о сообщении и обнаруживая не только громадный интерес к нему, но и определенный перелом настроения в пользу подчинения лозунгам организованной демократии. К позднему вечеру стало ясно, что попытка восстания не удалась и что в Петрограде наступает успокоение. Около 12 часов ночи наконец появились в штаб и министры Некрасов и Терещенко, которые, узнав о сообщении, сразу подняли бурю негодования. Г. Некрасов в присутствии целого ряда посторонних лиц, стал кричать на чинов министерства юстиции, принимавших участие в опубликовании сообщения, говоря, что он их арестует и предаст суду, так как опубликованне является предательством. Гг. Терещенко и Некрасов заявили, что ими велось отдельное расследование деятельности некоторых большевиков, независимо от министра юстиции и без его ведома (а по сведениям составителей протокола и независимо от военного ведомства). Министр-председатель князь Львов распорядился немедленно остановить печатание сообщения, уже набранного многими газетами. В присутствии некоторых из составителей этого протокола протекал обмен мнениями о немедленном аресте Суменсон, Козловского и др., равно как и возможно быстром обыске в доме Кшесинской. Особенно настаивал на этом министр юстиции П. Н. Переверзев, но по условиям момента это оказалось невыполнимо. Никакого участия в разговорах об арестах и обысках у скомпрометированных лиц гг. Терещенко и Некрасов не принимали. Высказывал свое мнение о немедленном производстве обысков и арестов— если к тому имеются достаточные основания—министр земледелия Чернов.

5 июля в 7½ час. утра составители протокола разошлись.

Около полудня стало известно, что П. Н. Переверзев оставил пост министра юстиции и что опубликование сообщения было поставлено ему в вину Исполнительным комитетом.

Составители настоящего протокола считают своим долгом добавить нижеследующее:

1) всецело отвечая за свои действия перед общественным мнением страны, они удивляются интервью с гг. Некрасовым и Терещенко, содержание коих интервью во многих частях совершенно не соответствует действительности;

2) лица, опубликовавшие сообщение, совершенно сознательно шли на оглашение некоторых данных контрразведки, считая, что интересы государства в данный момент настоятельно требовали того, хотя бы в ущерб контрразведке, каковая точка зрения вполне разделяется компетентными представителями военного ведомства;

3) аресты во что бы то ни стало скомпрометированных лиц отнюдь не являются самодовлеющей целью контрразведки, так как на первом плане в ее задачах стоит дезорганизация и парализование системы шпионства противника;

4) по условиям политического момента приказы об обысках и арестах могли последовать лишь после опубликования сообщения;

5) аресты скомпрометированных лиц были произведены по настоянию и при участии некоторых составителей протокола по приказу министра юстиции П. Н. Переверзева и главнокомандующего войсками.

Следуют подписи (5).

Бывший тов. прокурора Петроградской судебной палаты Иван Бессарабов.

Путем распространения этой клеветы контрреволюции удалось создать в известной части петроградского гарнизона прямо погромное настроение против нашей партии. Этими средствами Временное правительство и его штаб облегчали себе задачу разгрома наших организаций.

В ответ на клеветническую кампанию ЦК нашей партии в те же дни выпустил листовку, отпечатанную, кажется, нелегально. следующего содержания:

«К населению Петрограда! К рабочим! К солдатам! Ко всем честным гражданам! Клевета должна быть разоблачена! Клеветников под суд! Против т. Ленина выдвинуто неслыханное обвинение: будто он получал и получает деньги из германских источников на свою агитацию. Газеты уже дали этой чудовищной клевете огласку. Уже печатаются подпольные листки со ссылкой на бывшего депутата Алексинского. Уже раздаются призывы к убийствам большевиков. Уже по рукам обманутых солдат ходят списки лиц, которые подлежат истреблению.

Цель ясна: контрреволюция хочет простейшим способом обезглавить революцию, посеяв смуту в массах и натравив их на наиболее популярных вождей, заслуженных борцов революции.

Мы заявляем: все, что сообщается о денежных или иных связях т. Ленина с правящей Германией—ложь и клевета.

Инициатор дела Алексинский—известный клеветник, обвинявший в подкупе немцами целый ряд лиц и уже осужденный за бесчестные поступки союзом русских, английских, итальянских и нейтральных журналистов во Франции и исключенный за злонамеренную клевету из всех демократических организаций Парижа и недопущенный в состав Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Мы требуем от Временного правительства и Центрального исполнительного комитета советов рабочих и солдатских депутатов немедленного и гласного расследования всех обстоятельств подлого заговора погромщиков и наемных клеветников против чести и жизни вождей рабочего класса.

Необходимо пролить полный свет на все это дело. И весь народ убедится из этого расследования, что на революционной чести т. Ленина нет ни одного пятна.

Под суд клеветников и распространителей клеветы! К позорному столбу погромщиков и лжецов!

Центральный комитет РСДРП».

Осада Петропавловской крепости и разгром дома Кшесинской.

Ночью 5 июля начальник Политического отдела военного министерства Толстой передал по телеграфу Ставке, всем фронтам, всем четырнадцати армиям, всем фронтовым и армейским комитетам и комиссарам следующее сообщение:

«Петроград 5 июля, 22 часа. Последние сведения из Петрограда: Сегодня, 5 июля, в городе стрельбы не было и вооруженных автомобилей и солдат, кроме находящихся в распоряжении Временного правительства, подчиняющихся большинству Всероссийского и Петроградского советов, на улицах уже почти не появлялось; появлявшиеся арестовывались. Магазины почти все еще закрыты, трамваи не ходят. Все мосты через Неву, кроме дворцового, усиленно охраняемого распоряжением Временного правительства

по соглашению с Центральным исполнительным комитетом, приведенным в исполнение главнокомандующим, 5 июля утром разведены, разводка произведена без каких-либо столкновений. Редакции «Нового времени» и «Вечернего времени», захваченные вчера вооруженными лицами, сегодня освобождены и найденные там пулеметы захвачены. Перелом произошел 4 июля вечером, после того как соотношение войсковых наличных сил Петроградского гарнизона определилось в пользу Временного правительства, Центральных Всероссийских исполнительных комитетов, и угроза окружения Таврического дворца, в котором заседал Исполнительный комитет, отпала после нескольких выстрелов нашей легкой артиллерии по Выборгской стороне и подхода к Таврическому дворцу верных войск. Некоторое же время 4 июля под вечер положение было менее устойчивым, и министр земледелия Чернов, вышедший из Таврического дворца для произнесения речи к подошедшим войскам, враждебно настроенным, оказался даже в их руках, из которых он был освобожден после того не сразу; то же угрожало министру почт и телеграфов Церетели, бывшему там же. Большевистская «Правда», сегодня, 5 июля, уже забила отбой, приглашая следовать большевистской резолюции комитета с.-д. партии, вынесенной ночью с 4-го на 5-е, о прекращении вооруженной демонстрации. Со своей стороны Центральные исполнительные комитеты Всероссийских советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов еще раз резко осудили тех, «кто осмеливался вызывать и вооружать людей» и кто «вонзает кинжал в спину революционных армий, сражающихся против войск Вильгельма». Два дня, 3 и 4 июля, беспорядочной стрельбы с бронированных и вооруженных автомобилей, а также отдельных групп вооруженных солдат стоили до 300—400 раненых и убитых, причем из одной сотни, преграждавшей путь к Таврическому дворцу, где заседал Исполнительный комитет, выбыло из строя несколько десятков казаков. Вооруженная демонстрация при участии прибывших кронштадтцев, вдохновленная большевистскими лозунгами и агитацией, вылилась в то, во что должна была вылиться,—в гражданскую войну с многочисленными невинными жертвами. Вооруженное выступление меньшинства, направленное к тому, чтобы навязать свою волю большинству, разбилось о стойкий отпор, ему данный, и в настоящее время силы этого большинства все растут и укрепляются, чтобы окончательно сломить всех тех, кто не признает над собой никакой власти, и положить конец террору небольшого, но тесно сплоченного и хорошо вооруженного меньшинства.

Что касается министерского кризиса, то по этому поводу Центральным исполнительным комитетом Всероссийских советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов под утро 5 июля принята следующая резолюция[1].

ЦИК, вернее его соглашательское бюро,—на словах обещало произвести расследование всего дела, но так как расследование это им было политически невыгодно, то все их обещания остались невыполненными. Все соглашатели стремились использовать события 3—4 июля для ликвидации самого существования нашей партии. Их газеты вели отчаянную травлю социал-демократов большевиков.

Весь день 5 июля и вся ночь на 6 июля прошли в лихорадочной подготовке штаба к операциям против дома Кшесинской и против засевших в Петропавловской крепости части кронштадтских матросов и солдат. Эту операцию штаб не смел предпринимать раньше, чем получил подкрепление войсками с северного фронта. Воинские части должны были начать прибывать к утру 6 июля, и к этому времени подготовлялись все репрессивные мероприятия против «мятежных солдат и моряков», а также и против нашей партии.

Как происходила «подготовка операции» и сама «осада дворца

[1] См. эту резолюцию в главе «ВЦИК и кризис власти».

Кшесинской», мы находим подробное описание в контрреволюционной газете того времени «Новое время» от 7 июля. Весьма осведомленный в делах штаба сотрудник этой газеты писал:

«После того как решено было выселить наконец большевиков из дома Кшесинской и Петропавловской крепости, штаб военного округа занялся подготовительными работами для этой операции. Выяснялись силы противника, его вооружение, настроение в этих двух фортах, средства защиты и т. п. План был выработан. Оставалось пустить в ход имевшиеся в распоряжении штаба округа средства.

В третьем часу утра 6 июля на Дворцовую площадь стали прибывать войска. Сначала появились три броневых автомобиля, затем стали подходить: часть запасного батальона гвардии Волынского полка, часть черноморской бригады, отряд инвалидов, ударная группа амурской флотилии, добровольцы, кавалерия и артиллерия.

В пятом часу утра подошла учебная команда, первая, вторая, третья и четвертая роты запасного батальона гвардии Петроградского полка, а также семеновцы и преображенцы.

К войскам вышли помощник главнокомандующего Петроградским военным округом поручик Козьмин и члены Исполнительного комитета Совета С и РД Либер и Гоц. Они осветили создавшееся в связи с деятельностью большевиков положение в городе и указали на необходимость прибегнуть к решительным мерам, чтобы ликвидировать беспорядки в столице. Солдатам предлагалось исполнить свой долг.

Руководство операцией, намеченной штабом округа, взял на себя поручик Козьмин. Предстояло очистить дом Кшесинской и разоружить засевших в арсенале Петропавловской крепости солдат 1 пулеметного полка и находившихся там кронштадтцев».

Гнусное дело разгрома помещения ПК нашей партии, как и вся погромная кампания, производилось с ведома и даже под прикрытием соглашательского большинства ЦИК. Либер и Гоц были непосредственными вдохновителями погромщиков.

Самая операция производилась войсками в «боевом порядке». Опытные еще с царских времен в уличных боях против рабочих «отцы командиры» двинули «инфантерию, кавалерию и артиллерию» на внутреннего врага. Та же газета сообщала, что

«войска разделились на два отряда. Один из них направился через Дворцовый и Биржевой мосты к Кронверскому каналу, чтобы оцепить арсенал Петропавловской крепости и лишить его возможности сноситься с домом Кшесинской. Второй отряд имел задачей подготовить атаку дворца Кшесинской с Троицкого моста. У обоих отрядов имелись броневики, пулеметы и кавалерия для конной связи. Подготовка атаки поручена артиллерии.

Для штаба поручика Козьмина отведена квартира в третьем этаже Мраморного дворца.

В начале седьмого часа утра войска находились на месте. Артиллерия расположилась у ворот Летнего сада, выходящих на Неву. Броневики стояли у памятника Суворова. Для прикрытия тыла были поставлены пулеметы, направленные на Марсово поле, а также по Миллионной улице и по набережной, в сторону Николавского моста. Артиллерия прикрывалась пехотой и пулеметами».

Прежде чем перейти в «наступление» против Петропавловской крепости и дворца Кшесинской, штаб решил произвести «разведку» и предварительно переговорить с находившимися в квартире ПК. «Новое время» поместило заметку об этих переговорах под громким заголовком «Переговоры с противником и разведка», в которой писалось, что

«в 7 час. утра поручик Козьмин распорядился о соединении штабквартиры с домом Кшесинской. На зов по телефону подошел какой-то представитель «Солдатской правды». Поручик Козьмин потребовал кого-нибудь из ответственных лиц. Когда такой появился у телефона, командующий операцией заявил ему, что во исполнение распоряжения главнокомандующего округом и Исполнительного комитета Совета С и РД он требует немедленно очистить дворец и сдать все оружие, а самим отдаться в распоряжение членов Исполнительного комитета Совета С и РД. То же должны сделать и пулеметчики, занявшие арсенал Петропавловской крепости.

Большевики просили дать им время в три четверти часа на размышление. Эта просьба была удовлетворена, и дворец Кшесинской немедленно был выключен из телефонной сети.

Вскоре после этих переговоров исполнявшие разведочную службу черноморцы донесли, что перед домом Кшесинской находится около 60—70 вооруженных большевиков. В разведчиков стреляли, но к счастью неудачно.

В $7^1/_4$ отряд под начальством поручика Петрова обложил крепость с тыла.

В $7^3/_4$ было получено донесение о количестве и расположении орудий и пулеметов в Петропавловской крепости.

В 8 час. поручик Козьмин потребовал от большевиков из дома Кшесинской ответа на свое предложение. Большевики просили им дать еще полчаса времени. Поручик Козьмин на это согласился».

После этого началось «наступление» по всем правилам военного искусства. Петропавловской крепости было предложено сдаться, и для ответа был дан срок полчаса. Из крепости в штаб округа была отправлена телеграмма 6 июля в 11 ч. 35 м. следующего содержания:

«Начальнику штаба округа. Комендант крепости гарантирует, что телеграф не будет работать в интересах большевиков, которые до сего момента к помощи телеграфистов не обращались, просит разрешения не закрывать телеграф для сношения со штабом округа. Матросы и пулеметчики согласны немедленно оставить крепость при условии сохранения оружия, которое матросы согласны сложить на поверке и сами, безоружные, с конвоем, готовы отправиться в Кронштадт. Основной гарнизон крепости все время энергично протестовал против пребывания в крепости пулеметчиков, которые собирались сегодня сами оставить крепость. Большевиков в основном гарнизоне почти нет, в рядах гвардии 3 стрелкового полка меньшинство. № 2036.

Помощник коменданта подполковник Васильев».

В то же время, по описанию «Нового времени», две колонны войск

«медленно подвигались к дому Кшесинской. На мосту, соединяющем крепость с берегом, показались кронштадтцы, переползавшие туда с Каменноостровского проспекта. Часть их залегла в кустах перед мостом крепости.

От коменданта крепости к поручику Козьмину прибыл парламентер офицер и сообщил, что солдаты, охраняющие Петропавловскую крепость, не предполагают оказать никакого сопротивления. Матросы же и пулеметчики остались в крепости совершенно случайно. Вслед за этим прибыло два парламентера от матросов. Они не сочли нужным явиться непосредственно к поручику Козьмину, а обратились к солдатам отряда, убеждая их не прибегать к насилию. К этим парламентерам вышел представитель Исполнительного комитета Совета С и РД Гоц и заявил, что право распоряжаться принадлежит здесь не солдатам, а командующему войсками и Совету С и РД.

Парламентерам было предложено или немедленно сдаться, или отправиться обратно в крепость. Они предпочли остаться в штабе командующего».

Вся эта мобилизация военных сил не вызывалась необходимостью и не имела оправдания. Наша партия уже сутки назад призвала к прекращению демонстрации, и 5 июля никаких демон-

страций уже не было. Развертывание воинских сил, пулеметы, броневики и артиллерия нужны были соглашателям для запугивания масс и для расправы с теми, кого они считали «мятежными». Они своими руками совершали дело контрреволюции, подгоняемые всей бульварной и буржуазной прессой.

Около 10 час. утра район дома Кшесинской был оцеплен со всех сторон, и командовавший отрядом поручик Петров сообщил в штаб округа о занятии дома. Никакого сопротивления, как и следовало ожидать, оказано не было. О дальнейшем газета сообщала, что

«в доме Кшесинской задержано 7 человек, из них 3 женщины. Там найдены шесть совершенно новых пулеметов Кольта, масса другого оружия и большие запасы съестных продуктов. Во дворе оказалось много легковых автомобилей. Между прочим найдено много документов. Некоторые из них несомненно прольют свет на подготовку вооруженного восстания. Найдены также списки большевистской организации.

Отряд войск, наступавший по Петроградской стороне, на Белозерской улице, обнаружил гнездо Красной гвардии. У них найдены винтовки и револьверы, а также много муки, большая партия сапог, автомобильных шин, патронов и пулеметных лент.

После взятия главного большевистского гнезда—дома Кшесинской—было занято помещение цирка «Модерн», которым большевики также пользовались для своих целей. Оно оказалось уже свободным к моменту прибытия отряда для занятия его.

В это время штаб поручика Козьмина был уже переведен во дворец Кшесинской. Сюда явилось несколько кронштадтцев из крепости и выразили согласие сдать оружие, но лишь о условнем вручить его тому из петроградских полков, который они сами изберут. Это условие было отвергнуто. Затем поручик Козьмин и члены Исполнительного комитета Совета С и РД Гоц и Богданов отправились в крепость, чтобы попытаться убедить матросов и пулеметчиков подчиниться распоряжению военных властей. В крепости состоялось совещание, в результате которого в $11^1/_4$ крепость была сдана. Туда были отправлены войска, которые разоружили солдат. Оружие немедленно было вывезено на грузовиках».

Несмотря на вызывающее, провокационное развертывание воинских сил засевшие в крепости матросы и части 1 пулеметного полка не поддавались провокации, послушались уговоров наших товарищей, согласились сдать оружие и вернуться в Кронштадт. Время «сдачи» крепости, указанное в заметке, противоречит времени, указанному в телеграмме, отправленной в штаб. «Сдача» крепости —вернее впуск в нее войск Временного правительства—произошел после 12 час. дня.

После расправы с матросами и пулеметчиками началась вакханалия обысков и арестов. Одновременно с наступлением на Петербургской стороне отряд юнкеров произвел разгром нашей партийной типографии «Труд» в районе Смольного.

Прибытие войск с фронта. Ликвидация движения.

Утром 6 июля было опубликовано новое обращение—«К рабочим Петрограда», вызванное отдельными заявлениями о том, что на некоторые фабрики и заводы являются группы вооруженных людей, призывающих к прекращению работ. ВЦИК заявлял, что эти попытки «не могут исходить от представителей органи-

зованной революционной демократии» и предлагал начать работы полным ходом и не допускать выступлений без его призыва.

Утренний номер «Известий» поместил передовицу, приветствовавшую прибытие войск с фронта для подавления «мятежа» и водворения порядка. «Известия» изображали приход верных Временному правительству войск как стремление самих солдат притти на «защиту революции», одновременно натравляя солдат фронта на Петроградский гарнизон.

«Там, на фронте, проведя целые годы в окопах, напрягая последние силы в борьбе с внешним врагом, наши товарищи черпали все свои силы в уверенности в конечное торжество дела революции, в уверенности, что их кровь, их страдания не пропадут даром, что их беззаветная преданность революционному долгу даст возможность победно пронести свои идеалы через все преграды, которые воздвигает на их пути война, экономическая разруха, голод.

И когда до них дошла весть, что делу революции грозит опасность не только извне, но и внутри страны, когда они услышали, что в центре России происходят покушения на свободную волю представителей всей революционной демократии, они сочли своим долгом прибыть в Петроград, чтобы не допустить гибели революции» [1].

Днем 5 июля и даже утром 6 июля в штабе округа еще не было полной уверенности, что прибывшие войска окажутся достаточно сильными, чтобы «восстановить порядок» в Петрограде. Утром из Пскова был получен телеграфный ответ на запрос о посылке войск, в котором ген. Клембовский сообщал, что

«могут быть перевезены полки 5 Кавказской казачьей дивизии, которая может быть отправлена вслед за перевозимыми ныне войсками. Дивизия эта подготовлена была к переброске в Выборг и задержана ввиду срочных перевозок в Петроград. В разговоре по аппарату вчера с полковником Якубовичем упомянуто о нахождении в пути иеточно; если надлежит, кроме назначенных частей, отправить в Петроград еще и другие, благоволите теперь же уведомить для подготовки. Псков 5 июля 3417/Б».

Ответ Петроградского штаба был отправлен главнокомандующему северным фронтом только поздно ночью, а именно в 23 ч. 30 м. 6 июля, в котором говорилось, что в

«настоящее время надобности в присылке дивизии не встречается. Впоследствии дивизия может понадобиться для несения полицейской службы. Предположение это однако не должно останавливать ваших оперативных соображений об ее использовании. 385. Романовский».

Взоры министров-социалистов начали обращаться к испытанному оружию угнетения—казацкой полицейщине.

Прибытие войск, преданных Временному правительству, сразу же изменило внешнюю картину Петрограда. На улицах Невского проспекта снова появилась праздная, нарядная толпа, прятавшаяся в дни 3—5 июля. По всему городу рыскали агенты контрразведки и карательные отряды, производившие обезоружение частей и обыски подозреваемых в большевизме.

Проходя утром из своей квартиры района Рождественских улиц по Литейному и Невскому проспекту, я встретил несколько отрядов войск, прибывших с фронта и направлявшихся в отведен-

[1] См. «Известия» № 110 за 1917 г.

ные им казармы. Их внешний вид не давал поводов к каким-либо заключениям. Лишь фланировавшая по Невскому знать выражала больше уверенности и открыто выражала свою радость прибытию «подлинных окопников».

В Центральном правлении союза металлистов мы получили все сведения о происшедших за ночь событиях, о разгроме помещения ПК, о погроме и разрушении типографии «Труд». С этой типографией у нашего союза металлистов была самая тесная связь. Туда мы отдавали печатать нужные нам материалы, там же набирался в те дни и готовился к печати первый номер журнала «Металлист». О «текущей» работе не приходилось и думать. Улицы столицы ясно свидетельствовали, что контрреволюция готовится к организованному походу на рабочий класс и его организации. Дело дошло уже до того, что 5 июля Петроградское бюро профессиональных союзов и другие рабочие и профессиональные организации, помещавшиеся в тогдашнем «Доме союзов» по Фурштадтской улице, получили наглое распоряжение коменданта дома о прекращении их деятельности. Нужно было мобилизовать силы, чтобы дать отпор контрреволюции, не дожидаясь ее дальнейших нападений.

Из Центрального правления мы переговорили с партийными товарищами Бюро Совета профессиональных союзов и договорились об устройстве в тот же день собрания для протеста против контрреволюционной клеветы на нашу партию и ее вождей. Не помню теперь, было ли у нас в этот день заседание Бюро, в которое входил я от союза металлистов, но помню, что об организации протеста мы договорились с Центральным советом фабрично-заводских комитетов и в тот же день смогли оповестить почти все союзы Петрограда.

Из Совета профессиональных союзов мы направились в Таврический дворец, чтобы обеспечить на этот же день зал заседаний для нашего вечернего собрания. Там уже был «водворен порядок», и соглашатели чувствовали себя победителями. На наши протестующие заявления по поводу разгромов наших организаций члены ЦИК нам же отвечали, что это мы, социал-демократы большевики, развязали руки контрреволюции.

Из Таврического дворца мы направились в нашу партийную типографию «Труд», разгромленную в то утро. Около типографии мы застали весьма подозрительного вида «любопытных», похожих на филеров охранки былого времени. Эти типы не скрывали своей радости по поводу произведенного разгрома. Войдя внутрь типографии, мы увидели полную картину погрома. Весь пол был покрыт клочками бумаги, машины имели следы ударов, приводных ремней не было, а в наборной, в дополнение к разбросанной, изорванной в клочья бумаге, валялся на полу разбросанный шрифт. От дальнейшего разгрома типографию охранял часовой и сторож. От последних мы узнали, что уже после разгрома типографии солдаты-кавалеристы стоявшего по соседству полка арестовали несколько человек, прибывших в типографию.

Зайдя в полк, мы узнали, что там действительно находятся арестованные. При нас же во двор ввели еще одного, т. Гертика,

и тут же солдаты пытались произвести над ним расправу, но по нашему протесту вынуждены были прекратить ее. Вышедший к нам командир приказал солдатам отвести т. Гертика в арестантское отделение, объяснив нам, что он вынужден был это сделать, чтобы не допустить дальнейшей расправы. Командир полка сообщил нам, что право на такого рода аресты большевиков предоставлено было полковым комитетам и они, офицеры, к этому делу якобы прямого отношения не имели.

После этого мы вернулись в Таврический дворец, и я потребовал от ИК распоряжения о прекращении подобного рода солдатских расправ. На мой протест в ИК мне дали полномочие на освобождение арестованных солдатами, а в помощь по этому делу послали члена следственной комиссии Садовского. Имея такую бумагу от ИК, мы вместе с Садовским направились в помещение кавалерийского полка и потребовали выдачи нам задержанных.

Во дворе полка нас окружили озлобленные кавалеристы, преимущественно молодежь, с тупым, упорным выражением лица, как-будто специально подобранные. Они были явно удивлены, что нашлись в Совете люди, которые интересовались судьбой каких-то большевиков и еще выражали по поводу их ареста негодование. Солдаты подозревали и нас, но имевшиеся у нас на руках удостоверение и наши членские карточки парализовали их. По нашему требованию был найден командир полка, и ему мы предъявили наше требование о выдаче нам арестованных. Командир пригласил нас в дежурную комнату и заявил, что он готов передать нам арестованных, но он не может гарантировать нам, что сумеет оградить их за стенами своей казармы от своих же собственных солдат, и по той же причине он отказался дать для сопровождения кого-либо из солдат до Таврического дворца. Командир предложил нам положиться на него и обещал вывести их из карцеров, когда солдаты успокоятся, войдут в помещения: тогда задержанным не будет угрожать опасность. У нас же не было с собой никакого отряда, а поэтому мы согласились с доводами командира и с тем, чтобы под его ответственность временно оставить артестованных в казарме. От командира мы узнали, что в то же утро солдаты привели в свой полк избитым второго нашего товарища, К. М. Шведчикова.

После этого мы вернулись снова в Таврический дворец и заявили, что, ввиду отсутствия у нас охраны для ограждения указанных товарищей от расправы, мы вынуждены были оставить их под арестом в том же полку, и потребовали, чтобы освобождение задержанных было произведено силами самой следственной комиссии, оставляя жизнь товарищей на ответственности ИК.

Настроения соглашательского большинства членов ИК были весьма радостные и победные. Они буквально ликовали по поводу «взятия» дома Кшесинской, торжествовали по случаю своей «победы» над кронштадтскими матросами.

В комнатах ИК в это утро происходили различные совещания с делегатами, прибывшими от армейских комитетов и некоторых провинциальных городов. Заседание ЦИК было назначено на по-

слеобеденные часы, и поэтому соглашательских вождей в Таврическом дворце не было видно.

Член ИК Сомов показал нам «приказ сводному отряду действующей армии», помеченный тем днем (6 июля) за № 1, в котором член ЦИК поручик Мазуренко доводил до сведения прибывших с фронта для «водворения порядка» солдат, что он назначен, как полагалось, «Временным правительством по соглашению с ЦИК» командующим «сводным отрядом действующей армии».

Далее приказ содержал пространное воззвание к «гражданам воинам», в котором была приведена нижеследующая программа деятельности «сводного отряда по спасению революции». Поручик Мазуренко по соглашению с такими же социал-патриотами, как и он сам, объявлял;

«Высший орган революционной демократической власти призывает вас поддержать и утвердить торжество революции и свободы.

Мы обязаны закрепить и отстоять дело революции от злостных посягательств, с какой бы стороны они ни исходили.

Мы, пришедшие с боевого фронта, обязаны избавить столицу революционной России от безответственных групп, которые вооруженной силой стараются навязать свою волю и большинству революционной демократии, а собственную трусость и нежелание итти на боевой фронт прикрывают крайними лозунгами и творят насилия, сея смуту в наших рядах и проливая кровь невинных на улицах Петрограда.

Действующая армия честно исполняет свой долг на полях сражения и не может допустить, чтобы в момент исполнения революционного долга на фронте ей всаживали нож в спину. Анархистские вооруженные выступления безыменных кучек, самоокапывание в тылу трусов и дезертиров, соединенное с позорным удержанием у себя несоразмерно громадного количества пулеметов и прочего оружия, есть тот занесенный острый нож, который не позволит всадить себе в спину действующая армия.

Мы, представители стоящей на фронте армии, готовой не на словах, а на деле жертвовать своею жизнью за благо свободного народа и родины, можем быть только с тем, кто, как и мы, стоит на страже завоевания революции, кто честно и сознательно выполняет волю большинства революционной демократии, выраженную в постановлениях Всероссийских съездов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

Мы будем действовать против тех, кто нарушает волю революционного народа и постановления революционной власти, кто ведет Россию, сознательно или несознательно, к прежнему царству произвола и насилия, и будем выполнять распоряжения и приказы центральных органов революционной демократии и Временного правительства, согласуя свои действия с частями петроградского гарнизона, оставшимися верными делу революции.

Мы знаем друг друга, и я уверен, что, сильные революционной дисциплиной, основанной на сознательном отношении к долгу перед народом, вы выполните честно и энергично то ответственное и почетное дело, на которое нас призвали выбранные нами органы революционной власти».

Из Таврического дворца мы направились на Петроградскую сторону—выяснить на месте положение дела с разгромом ПК и узнать не был ли кто-либо из его членов арестован. На автомобиле ИК мы быстро добрались до квартиры Кшесинской и, предъявив членскую карточку ИК, проникли внутрь дома. С первых же наших шагов по лестнице дома нам открылась картина необычайного хаоса. Вся площадка около лестницы внизу и самая лестница были покрыты лоскутами бумаг и газет. Усердные погромщики извлекли из подвалов и сараев всякий литературный

хлам, в том числе черносотенную литературу, свезенную туда еще во времена мартовских дней, после разгрома участков и черносотенных гнезд. В этих кучах литературы рылись солдаты самокатного полка, отыскивая не то для чтения, не то для курева подходящую литературу.

Приходили для осмотра найденной литературы работники Агитационного отдела ИК, которые в невежестве своем и озлоблении доходили до того, что в самом факте нахождения старой погромной и черносотенной литературы в доме Кшесинской видели прямое подтверждение тому ходячему определению, по которому выходило, что социал-демократы большевики «открывали ворота контрреволюции». Что сказали бы эти господа, если бы там сохранились все те порнографические «произведения», которые оставила после себя сбежавшая из своего дома царская балерина? Но всю эту пошлость сами солдаты передали вместе с ценностями и царскими подарками еще в марте новому «общественному» градоначальнику.

Поднявшись на верхний этаж, мы нашли ту же картину разрушения. Роскошная стильная мебель была перебита, шелковая обивка стен была сорвана и пошла на портянки и носовые платки самокатчикам. На стенах кое-где висели лоскутики обшивки, зацепившиеся за гвозди. Пол во всех комнатах был засыпан мелко изорванной бумагой. В несколько часов жилое и общественное помещение было приведено почти в полную негодность. Как ни было жаль дел ПК и всего партийного имущества, которое погибло в доме от разгрома, но такое отношение солдат к священной собственности балерины, охранять которую их привели с фронта, давало нам некоторое удовлетворение.

От охранявших дом самокатчиков мы узнали, что их часть размещена в Мраморном дворце и направились туда, чтобы переговорить с кем-либо из комитетчиков о дальнейшей судьбе дома. Мне приходилось заниматься домом Кшесинской еще в ИК, с первых дней марта, и позднее, в апреле—мае, пытаться уладить дело о выезде ПК миром, но эта госпожа, по совету своих друзей и адвокатов, при поддержке печати, решила восстановить свои права через «правосудие». После выселения наших партийных учреждений из дома она намеревалась его продать американскому посольству.

Мы решили расстроить все намерения властей и помешать «вступлению в права собственности» царской балерины. Для этой цели решили повидаться с самокатчиками и поговорить «по душам». В нижнем этаже служебных помещений Мраморного дворца мы нашли самокатную часть, кажется, целую роту. На наш вопрос о том, почему они так отнеслись к партийному имуществу в доме Кшесинской, солдаты заявили нам, что произвели разгром помещения не они, а другие. Мы не стали выяснять—кто виновник, зная и без них, что если даже это сделали самокатчики, то они явились орудием «высокой» политики соглашателей. Мы перевели вопрос на тему о том, что они думают делать с домом, кому они намерены его предоставить. Об этом они совсем ничего не думали. Тогда мы рассказали им историю этого дома, борьбы за

него, и спросили, хотят ли они, чтобы этот дом, из котрого были выселены так погромно рабочие и солдатские организации, снова перешел бы к царской любовнице и распутнице.

Этот наш разговор с членами солдатского комитета происходил нарочито в присутствии самокатчиков, которые не соглашались передавать дом в руки царской фаворитки, которую они определяли истинно солдатским, но не литературным словом. «Ну, если не хотите отдать дом владелице его, то как вы помешаете прокуратуре и военной власти его передать?»—спрашивали мы. Нам важно было подтолкнуть солдат на решение, но указывать им его было в той обстановке неудобно. Выход же был только один, и его поняли сами солдаты. Зачем передавать помещение другим или ненавистной царской любовнице, когда его можно занять самим? Так они и сделали. Помещение в Мраморном дворце было тесноватое и часть самокатчиков переселилась на житье в дом Кшесинской. Выселить же воинскую часть, да еще прибывшую «спасать революцию» в Петрограде, было трудно. Так и не получили адвокаты и судьи Кшесинской ее дома.

От самокатчиков мы вернулись опять в Таврический дворец. Днем там должно было состояться объединенное заседание ЦИК, ИК Петроградского совета Р и СД и ИК Всероссийского совета крестьянских депутатов. Когда мы проникли в зал заседаний, то застали на трибуне Вайтинского, подводившего итоги мероприятиям ИК по «водворению порядка». На этом собрании я не видел ни одного из наших партийных товарищей, не было на нем объединенцев и даже социал-демократов меньшевиков-интернационалистов.

На заседание явились представители Кронштадтского совета и делегаты Балтийского флота. Их выступлений мы уже не застали и пользуемся отчетом в «Известиях» для восстановления происходившего на заседании ЦИК. Из краткого отчета можно понять, что расправа Временного правительства над матросами вызвала большое возмущение рабочих, моряков и солдат Кронштадтской крепости. Со всех сторон предлагали посылки вооруженной силы на выручку попавшим в беду товарищам. Совету пришлось потратить немало времени и сил, чтобы уговорить рабочих, матросов и солдат не делать этого.

Представитель Кронштадтского совета заявлял, что

«Совет находит необходимым сообщить вам, что кронштадтцев удалось успокоить тем, что мы примем меры, чтобы вернули товарищей кронштадтцев целыми и невредимыми с их оружием. Мы настаиваем, чтобы была организована следственная комиссия и чтобы не было недоразумений между демократией Петрограда и Кронштадта».

Другой представитель от Кронштадта, подчеркнув стихийный характер движения, указал, что в стрельбе виновата провокация, возбудившая массы, и предлагал произвести расследование. Кроме того от имени делегатов он заявил, что настаивает

«на том, чтобы нам было возвращено оружие. В противном случае возможны эксцессы. Мы надеемся, что общий язык будет найден, и конфликт будет улажен навсегда».

Третий делегат заявил, что

«в Кронштадт доходят ужасные слухи, что кронштадтцев расстреливают, разоружают. Весь кронштадтский гарнизон возмущен таким отношением к нашим товарищам. Мы просим вернуть их и наше оружие. Мы в противном случае не ручаемся за спокойствие в Кронштадте».

Отчет не приводит ответов ЦИК на требования Кронштадтского совета, но, кажется, сама делегация в тот же вечер или днем 7 июля была арестована по приказу Керенского.

После делегатов Кронштадтского совета слово получил Войтинский, который подробно рассказал ЦИК, как его Бюро, вместе с Бюро ИК Совета крестьянских депутатов и Временным правительством расправлялись с рабочими и солдатами.

По словам докладчика весь день 3 июля ушел у них на то, чтобы

«стянуть войска, чтобы укрепить Таврический дворец не для личной защиты, а для выполнения того, что возложили на нас Всероссийские съезды.

У нас была задача стянуть хоть несколько рот—верных делу революции для защиты Всероссийских центральных органов,—против тех, направивших пулеметы на нас.

Одно время у нас совершенно не было сил. У входных дверей Таврического дворца стояло только 6 человек, которые не в силах были сдержать толпу. Первая часть, пришедшая нам на помощь—это броневые машины. Мы вызвали их не демонстрировать броневики, а как боевую силу. У нас было твердое решение, в случае насилия со стороны вооруженной банды, открыть огонь. К вечеру к нам стали приходить вести от фронтовых армий. Они предлагали нам свою помощь. Мы колебались их вызвать, боясь рисковать ослаблением фронта, но, видя всю опасность, грозящую революции, мы дали приказ некоторым частям грузиться и направляться сюда. Когда это стало известно в Петрограде, то произошел перелом в сознании революционных войск петроградского гарнизона. Часть из воинских частей вернулась в казармы, часть пришла к нам на помощь.

Мы получили возможность поставить охрану, как у Таврического дворца, так и у продовольственных пунктов, разгром которых мог послужить только контрреволюции. Но в городе попрежнему царили вооруженные банды.

Было решено образовать комиссию из: Скобелева и Лебедева—от состава Временного правительства, Н. Д. Авксентьева—от ИК, КД и А. Гоца—от бюро ЦИК Совета Р. и СД. Они должны были принять все меры к восстановлению революционного порядка в Петрограде. Было решено, что комиссия будет действовать в теснейшем контакте с военной секцией ИК Совета КР и СД. Было решено разоружить взбунтовавшиеся части. При разоружении нам пришлось особенно остро столкнуться с пулями «мирной кронштадтской демонстрации». За кронштадтцами—наибольшее число погибших жертв, наибольшее число погромов.

Мы им предъявили ультиматум—сдать все знамена и оружие и так вернуться в Кронштадт. Они опозорили своим выступлением знамя революции, и мы в праве были так поступить по отношению к ним.

Мы выставили против них большие силы, чтобы избежать кровопролития. Тогда кронштадтцы сдались. В данный момент нам удалось их благополучно отправить всех, за исключением застигнутых на месте преступления. Только те решительные меры, которые мы приняли, дали возможность ликвидировать происшедшее без кровопролития.

Только решительными мерами нам удалось спасти дело революции без пролития крови. И так как опасность еще не совсем ликвидирована, то вы должны признать наши решения, вызванными железной необходимостью. Санкционируйте решение обоих бюро ИК и одобрите наше решение делегировать двух членов для сношений с Временным правительством. Бесконечно тяжелые меры приходилось нам принимать, и я считаю, что мы выполнили свой долг перед революцией».

Речь ренегата Войтинского, одного из гнуснейших слуг буржуазной контрреволюции, встречалась соглашателями бурными

восторгами. Мне не пришлось дослушать его речь, а также выступление Богданова с отчетом о том, как он «брал в плен» кронштадтских моряков. В этот вечер было назначено собрание Совета профсоюзов, правлений союзов и Совета фабрично-заводских комитетов, и надо было итти туда. Отчет же не содержит речей Богданова и др. и заканчивается указанием на закрытие заседания во втором часу ночи. На заседании почти единогласно, против одного. была принята нижеследующая резолюция.

«Центральный Исполнительный комитет Совета Р и СД и Исполнительный комитет крестьянских депутатов, обсудив события, 3, 4 и 5 июля, постановил:

1. События, стоившие жизни сотням граждан и подвергнувшие величайшей опасности дело революции, требовали быстрых и решительных и смелый действий в защиту революционного порядка и свободы.

2. Собрание признает, что меры, принятые в эти дни Временным правительством и военной комиссией, выделенной бюро обоих исполнительных комитетов, соответствовали интересам революции.

3. Признавая необходимость дальнейших решительных мероприятий для восстановления и поддержания революционного порядка в Петрограде, собрание подтверждает полномочия, данные т. Авксентьеву и Гоцу, бюр ообоих комитетов.

4. Вместе с тем собрание полагает, что деятельность выделенной бюро военной кодиссии и особо уполномоченных т. Авксентьева и Гоца должна протекать при полном и непрерывном контакте как с бюро обоих комитетов, так и самими комитетами».

Ночью усиленно работал телеграф, передавая Ставке, всем фронтам, всем армиям и всем их комитетам и комиссарам победные сводки о подавлении революционных демонстраций, о разоружениях и прочих доблестных действиях войск. Итоги этого дня было изложены коротко, по-военному, в следующем виде.

«Петроград. 6 июля. 23 ч. 30 м. Сведения за 6 июля: во исполнение распоряжения Временного правительства по соглашению с Цетральным исполнительным комитетом о ликвидации важнейших центров вооруженных банд в городе и их опорных пунктов, главнокомандующий приказал приступить к их очистке в ночь с 5 на 6 июля. На площади Зимнего дворца к рассвету 6 июля стянулся сборный отряд от различных частей петроградского гарнизона с пулеметными командами и броневиками. Помощник главнокомандующего поручик Козьмин, председатель Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов Авксентьев и товарищ председателя Исполнительного комитета Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов Гоц, напутствовали отряд речами, призывая с полным хладнокровием выполнить возложенную на них всероссийской демократией задачу защиты революции. В течение дня особняк Кшесинской на Петроградской стороне, дача Дурново на Выборгской стороне, редакция «Правды» и др. были почти без сопротивления и без всякого кровопролития заняты, оружие захвачено и многие арестованы, лица большею частью неизвестны. При поверке личностей вместе с военными властями принимал участие член Центрального исполнительного комитета Богданов. С утра начали прибывать в Петроград в образцовом порядке, с надписями на знаменах—«Берегите свободу!», «Идем на поддержку Всероссийского совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов» и т. п., части с фронта всех родов оружия, во главе с самокатной ротой. Части встречались на вокзале представителями Временного правительства, прибывшим еще раньше в Петроград членами армейского комитета и членами Исполнительного комитета Всероссийского совета депутатов. Наметившийся накануне перелом настроений определился за 6 июля еще ярче; во многих частях петроградского гарнизона пересматривались прежние резолюции и выносились постановления о полном доверии и подчинении Временному правительству и Исполнительному комитету, о

недопустимости никаких самовольных вооруженных выходов из казарм, приносились повинные за самочинное выставление в городе караулов и т. п. Кроме твердости в действиях единой революционной власти и подхода революционных войск с фронта, перелом настроения в Петрограде стоит в несомненной связи также с проникшими в печать за подписями члена II Государственной думы социал-демократа меньшевика. Алексинского , эсера Панкратова данными, свидетельствующими на основании показаний одного пленного о связи агитации Ленина с получением им и близких ему лиц денег из Германии через Стокгольм в Сибирском банке в Петрограде. По поводу этих сведений Бюро Центрального исполнительного комитета избрало специальную комиссию для полного и всестороннего расследования брошенного Ленину и его партии обвинения в государственной измене. Большое впечатление произвело также то обстоятельство, что предметом вооруженного нападения 4 июля явилось, между прочим, контрразведывательное отделение, в котором сосредоточены документы и переписка лиц, изобличаемых в сношениях с неприятельскими державами. Печальные результаты полной безнаказанности безответственной агитации, с прямыми призывами к оружию, к самочинным действиям и к неисполнению даже боевых приказов, привели правительство к убеждению в необходимости защитить добытую свободу срочным введением в действие уголовной наказуемости таких призывов, о чем сегодня состоялось постановление Временного правительства. Одновременно состоялось постановление Временного правительства: «Всех, участвовавших в организации и в руководительстве вооруженным выступлением против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему, арестовать и привлечь к судебной ответственности, как виновных в измене родине и предательстве революции». Вечером сегодня вернулся с фронта военный министр Керенский; выстроенные около вокзала войска (конную артиллерию и казаков), которым принадлежала 4 июля честь защиты Таврического дворца с заседавшим в нем Исполнительным комитетом от враждебной вооруженной толпы, министр приветствовал горячей речью, в которой он благодарил их за честно исполненный революционный долг и за спасение России от предательского удара в спину в то время как раз, когда армия на фронте умирает за свободу. С такой же речью обратился министр и к другим частям, прибывшим с фронта и выстроенным на дворцовой площади. Речи министра встречали единодушный сочувственный отклик в войсках и собравшихся вокруг них граждан, провожавших Керенского кликами «Да здравствует наш народный военный министр!».

Гнусная ложь против нашей партии через официальные органы разносилась по всем воинским частям фронта и тыла, а враждебная, буржуазная, контрреволюционная печать разносила клевету по всем городам и крестьянским поселкам страны. Одновременно те же органы, печать и организации восхваляли государственный разум социал-соглашателей за подавление ими вооруженной демонстрации и за расправы над мятежниками. Керенского буржуазия превращала в своего избавителя, обставляя почетом его выступления. Но чем милее для буржуазии становился этот эсеровский герой, тем ненавистнее делалось его имя в рабочей и сознательной, активной части солдат.

Политические оценки июльских дней.

Попытка нашей партии ввести в организованное русло стихийно возникшее солдатское движение, придать ему мирный характер и поддержать силами пролетариата, оформить политически недовольство этих революционных масс—была встречена всеобщей враждой. Вся буржуазная печать начала бить по нашей партии, считая ее пропаганду ответственной в создании враждеб-

ного Временному правительству настроения солдат и рабочих. Все буржуазные партии требовали от правительства решительных мер «против анархии», как они именовали бурное выражение рабочими и солдатами своих политических взглядов и своего отношения к политике соглашательства с буржуазией. Такое отношение российской буржуазии к нашей пропаганде и партийной деятельности было вполне нормальным. Между устремлениями империалистической буржуазии и нашей пролетарской партии была такая пропаст, которую ничем кроме взаимной вражды и борьбы заполнить было нельзя.

Однако тактика нашей партии в эти дни не являла собой ничего нового. В нашей революционной пролетарской борьбе почти не было такого случая, когда партия отказывалась бы оформить стихийное выступление рабочей и крестьянской демократии против царизма, капитализма или землевладения. Прямой отказ социал-патриотов от классовой борьбы еще в начале войны неоднократно ставил их в положение прямых предателей массовых рабочих выступлений. Та же самая политика заставила их противопоставлять стихию 3—4 июля «организованной революционной демократии» и вместе с буржуазией подавлять ее носителей, направляя удары против левого фланга революции.

На ту же позицию предательства революционных масс стала разношерстная группа социал-демократов, организовавшаяся вокруг газеты «Новая жизнь». Утром 4 июля мы находили в этой газете характерное отношение к выступлению. Касаясь происшедшего кризиса внутри Временного правительства, явившегося в результате происшедшего в стране классового сдвига, «Новая жизнь», называвшая себя «социал-демократической» газетой, считала кризис «мирным», а выступление солдат и рабочих, вызванное этой классовой борьбой и буржуазной политикой Временного правиетльства, считала «возмутительным легкомыслием».

Эта оценка была передана картинно в изображении происходившего тогда на улицах столицы. В статье «К спокойствию» описывались

«эти бешено мчавшиеся по городу автомобили, нагруженные и перегруженные солдатами, с винтовками, штыки которых взъерошенной щетиной направлены были на ничего не понимающих людей... Эти пулеметы (по 3, по 5, по 6 штук на автомобиле), своими дулами направленные на обалдевших обывателей... Эти дрожащие пальцы на курках винтовок и затворов пулеметов, эти вытянутые в пространство руки с револьверами... Этот бесшабашный и дикий свист с автомобилей.

В чем дело? В кого должны стрелять эти пулеметы и разве не могли они сами начать стрельбу, если дрожат от страсти руки?

И ночью эта стрельба была. Мы не знаем, кто ее начал, мы не знаем, сколько крови пролито в душную июльскую ночь на улицах Петербурга. Но мы знаем одно: эта кровь, если она пролита, пролита не в жертву разума и свободы, не в жертву великой революции».

«Новожизненские» социал-демократы не понимали, что, давая такую картину выступления вечером 3 июля и в ночь на 4 июля, они скатывались до понимания событий теми самыми «обалдевшими обывателями», о непонимании которых писали. На страницах «Новой жизни» в эти дни было много сетований на солдат и рабочих, что

«у манифестантов были организованы руки, в каждую минуту готовые стрелять, но не были организованы головы, не было ясного сознания, с кем они должны бороться до победы или до смерти» [1].

Что давало повод журналистам и политикам «Новой жизни» говорить об этом отсутствии сознания у манифестантов? Судя по всему поведению «новожизненцев» в те дни, на эти суждения их толкнуло внешнее проявление манифестаций, некоторые выходки отдельных лиц и групп, неизбежные во всяком массовом движении. Но они не могли понять и еще менее связать движение и поведение манифестантов с политическим поведением буржуазной части Петрограда.

Отнюдь не отсутствием сознательности следовало объяснять направление винтовок и пулеметов против гулявших на панелях Невского проспекта «обывателей». Все солдаты знали очень хорошо по собственному опыту, что Невский проспект являлся местом сборищ всей контрреволюции. На Невском проспекте эти так называемые «обыватели» избивали в те дни рабочих и солдат, осмеливавшихся иметь суждение, расходившееся со взглядами завсегдатаев Невского проспекта. Вот почему винтовки и пулеметы солдат и рабочих были направлены на панели, а иногда и на окна Невского и других проспектов. Этого и не понимали писатели из «Новой жизни» и договорились до защиты этих, далеко не мирных обывателей, против возмущенной их наглостью солдатской и рабочей массы. К ним оно обращало свои призывы «Ружья в козлы»! и предлагало «снимать пулеметы с автомобилей» [2].

В. Керженцев, в статье «Назад к бунтарству» обвинял нашу партию в «потакании» стихии и на обычный меньшевистский лад приравнивал нас к анархистским бунтарям. Противопоставляя «стихию» организованности, В. Керженцев хотел, чтобы наша партия активно боролась с рабочими и солдатами, выступавшими в защиту перехода власти в их руки и готовыми с оружием в руках ее отстаивать. Ему не нравилось, что наши организации как

«единственные авторитетные для демонстрантов учреждения избрали путь потакания стихийным вспышкам и бунтарским замашкам. Вместо того чтобы активно бороться с самочинными выступлениями, они сперва не возражали, а потом, пытаясь руководить стихией, оказались смещенными ею. И задним числом им пришлось говорить о «необдуманных действиях» и обращение лидеров—«мы показали, каковы наши цели»—заменить демагогическим «вы».

Официальный большевизм оказался в хвосте у стихии и из руководителя обратился в руководимого. Но тактический «хвостизм» сказался не только в дезорганизованности, но и в планомерности и целесообразности движения «июльских дней».

Все соглашатели и полусоглашатели того времени были крайне смущены открытием «противоречий» между действиями демонстрантов и теми лозунгами, под которыми они совершались. То обстоятельство, что демонстранты требовали власти советам, а в то же время не давали говорить их соглашательским пред-

---

[1] См. Передовицу «Новой жизни» № 66 от 5 июля 1917 г.

[2] См. «Новую жизнь» № 66 от 5 июля 1917 г.

ставителям, истолковывались политическими пошляками как одно из доказательств малой «сознательности» солдат и рабочих. Тот же В. Керженцев по этому поводу писал в «Новой жизни», что

«на знаменах демонстрантов стояло: «Вся власть советам», и естественно было услышать гром аплодисментов, приветствующих выступления официальных представителей советов. В действительности оказалось как раз противоположное. Сторонники передачи всей государственной власти советам не давали говорить лицам, которым они хотели дать власть и подвергли насилиям людей, во имя торжества которых они только что перестреливались на улицах.

Все движение основано было на парадоксе—вооруженные кронштадтцы думали дать силу советам, взяв их за шиворот. Демонстранты шли против советов, хотя их плакаты говорили иное и, имея на устах слова сочувствия, своими действиями третировали советы».

Эти характеристики свидетельствовали лишь о том, как враждебно относились к рабочим и солдатским массам политики из «Новой жизни», и показывали уровень их понимания событий. Никакого противоречия между лозунгами власти советам и враждой к их официальным представителям в те дни не существовало. Рабочие и солдаты понимали лучше, чем В. Керженцев, что основные противники власти советов были как раз те официальные представители Совета, к которым масса относилась особенно враждебно. Ошибались те, которые думали, что рабочие поднялась для того, чтобы перенести соглашателей из Мариинского дворца (помещения Временного правительства) в покои дворца Таврического. Нет, не в этом состояла цель!

Рабочие боролись за переход власти к советам вопреки и против воли соглашательского большинства совета. В этой борьбе пролетарские массы сознавали, что через советы они полнее и вернее, чем иным путем, смогут обеспечить свои нужды и классовые интересы. Те, кто видел в этом факте противоречие, глубоко ошибались, не понимали сущности борьбы.

Отношение к выступлению рабочих и солдат со стороны официальной с.-д. меньшевистской «Рабочей газеты» было прямо погромное. В связи с начавшимися неудачами на фронте, после авантюры с наступлением, социал-демократы меньшевики повели гнуснейшую кампанию против нашей партии и ее членов, работавших в армии. В «Рабочей газете» от 4 июля была помещена статься под знаменательным заголовком «Удар в спину». В ней меньшевики печалились по поводу положения дела в армии. Отрицательное отношение солдатской массы к продолжению войны и к начатому наступлению меньшевики, по старому полицейскому методу, приписывали «зловредным элементам». Чтобы очернить солдат, дезорганизовать их, все соглашатели пытались приписать отрицательное отношение к войне черной сотне, немецким шпионам и уголовным преступникам. Статья начиналась ссылкой на то, что

«в тот момент, когда началось наступление, когда гибнут тысячи людей, в некоторых частях на фронте темные, преступные личности, всякие проходимцы, освобожденные уголовные, бывшие городовые и жандармы, н е м е ц к и е ш п и о н ы и т. д. определенно призывают солдат не подчиняться боевым приказам. Они усиленно подстрекают несознательных солдат против

Временного правительства, особенно министра Керенского, против всей революционной демократии в лице советов депутатов и т. п.».

Сделав такое выступление, «Рабочая газета» повернула свое внимание к нашей партии и нагло связала «немецких шпионов, уголовных, контрреволюционеров, жандармов, городовых» и тому подобные элементы прямо с нашей партией, заявляя, что

«эта преступная банда прикрывается «Правдой» и «Солдатской правдой», которые тоже изо дня в день натравливают солдат против правительства и советов, против социалистических партий, против всех выборных органов демократии.

Опираясь на «Правду», новоявленные «большевики» из агентов контрреволюции и делают свое темное, предательское дело. Они не только сами отказываются наступать, не только всеми мерами вносят дезорганизацию в ряды армии. Они уводят в тыл целые части, покидая своих наступающих товарищей, обнажая фронт, обрекая солдат, оставшихся верными революции, разгрому и гибели.

Мало того. Бывали случаи, что эти предатели грозили пулеметами тем из товарищей, которые шли вперед».

В заключение меньшевистская газета угрожала нам и требовала:

«Этому должен быть положен конец. Если ленинцы не примут немедленно самых решительных и энергичных мер, чтобы раз навсегда, и не только на словах, но и на деле, отмежеваться от той предательской работы на фронте, которая становится все наглее и беззастенчивее, то вся тяжесть за последствия ляжет на них».

Обанкротившиеся авантюристы либердановцы стремились переложить на плечи наших партийных товарищей и шедших за ними солдат ответственность за катастрофу на фронте, вызванную наступлением. Под тем же углом «удара в спину» рассматривали они и июльские события в Петрограде.

Меньшевистский центр—Организационный комитет—выпустил особое воззвание к «товарищам рабочим и солдатам», в котором изображал выступление 3 и 4 июля как направленное против советов. ОК не давал прямого ответа на те требования, которые двигали в эти дни сотнями тысяч рабочих и солдат, а пытался опорочить это движение, видел в нем нарушение «воли революционной демократии». Свою соглашательскую волю меньшевики противопоставляли воле подлинной революционной рабочей и солдатской демократии. Воззвание ОК видело в демонстрации

«призрак гражданской войны: раздаются выстрелы, и уже пролилась кровь.

Совсем недавно закончился Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. В Петрограде заседает Центральный комитет, избранный этим съездом, и совместно с Исполнительным комитетом советов крестьянских депутатов стоит на страже интересов революции и демократии.

Кто же вызвал на улицу эти вооруженные отряды солдат и рабочих, идущих с требованием передачи всей власти советам рабочих и солдатских депутатов. Вызвали ли их эти полномочные органы Всероссийской революционной демократии? Нет, они вышли вопреки их ясно выраженной воле».

Меньшевики, так же как и буржуазия, не гнушались прямой клеветой на нас, когда не находили другого способа борьбы с нашим влиянием. Они пытались дискредитировать нас путем сваливания в одну кучу наших товарищей, бандитов и немецких шпионов. Для той же цели дискредитации нас в широких рабо-

чих и солдатских массах они строили мостики, чтобы соединить нашу работу с делом контрреволюции и на этом тоже пытались погубить наши организации. Такими же приемами боролись соглашатели с революционными рабочими и солдатами Петрограда. Движение рабочих и солдат в дни 3—4 июля и самое требование власти советов меньшевики изображали так, будто

«вооруженное меньшинство хочет силой навязать свою волю громадному большинству революционной демократии. Кому же на пользу идет этот раздор в рядах демократии, грозящий превратиться в братоубийственную гражданскую войну?
На пользу контрреволюции».

В чем же видели меньшевики, что «выступление рабочих и солдат помогало контрреволюции?» То же воззвание разъясняет, что в то время,

«когда полномочные Всероссийские органы демократии приступили к обновлению состава Временного правительства, способного энергично проводить в жизнь решения Всероссийского съезда, в этот момент, когда требовалось сплочение всех сил демократии, часть петроградской армии и пролетариата открыто, с оружием в руках, выступила против решения Всероссийского съезда».

«Обновление» состава Временного правительства заключалось в новой, гнилой сделке с буржуазными кругами. Выступление рабочих и солдат было направлено против такой сделки, а соглашатели бесстыдно бросали демонстрантам обвинение в содействии контрреволюции. За этим обвинением не замедлили посыпаться всякого рода физические расправы, начиная с арестов и кончая погромами и убийствами наших единомышленников.

По тому же пути опорочения выступления рабочих и солдат шла партия эсеров. Герои «Дела народа» писали 4 июля, что

«Петроград опять огласился пулеметными и ружейными выстрелами. Опять мы видим на улице города вооруженные толпы и автомобили. и в результате—убитые и раненые. Теперь еще трудно объективно судить, кто начал стрелять, кто первый открыл огонь. Но одно непреложно—под влиянием безответственной, демагогической агитации среди серой, несознательной части населения, на улицу, с оружием в руках, вышли те части войск, которые находились почти исключительно под влиянием большевизма».

Эсеровские дедушки и бабушки из «Дела народа» были столь наивны, что спрашивали в том же номере и в той же статье:

«Против кого нужно было выставлять на все четыре стороны пулеметы? Для чего нужно было показывать силу огня?»

По мнению эсеров, все выступление и сами лозунги перехода власти в руки рабочей и крестьянской демократии были излишни, ибо

«фактически страной распоряжается революционная демократия; когда центральная правительственная власть составляется по соглашению с Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, когда местные самоуправления уже в руках социалистического большинства,—всякое применение оружия может быть только на пользу притаившимся темным силам контрреволюции. Потому, что наша власть, наши министры не останутся ни одной минуты с того времени, когда им будет выражено недоверие большинством революционной демократии. Тут не требуется показывать силу».

Так изображали дело эсеры, обнаруживая все свои качества либералов с бомбой, как определяли мы их «революционность» в подпольные времена. Лгали они, что страной распоряжались они, «революционная демократия». Политика Временного правительства при Церетели—Чернове—Скобелеве определялась буржуазией как на фронте, внутри страны, так и вне ее.

5 июля в газете «Дело народа» появились два обращения петроградского комитета партии эсеров к солдатам и рабочим, помеченные 4 июля. В одном обращении эсеровский комитет сообщал о том, что

«сегодня полномочные органы всего русского народа, стоящие на страже свободы и революции—СР и КД—разрешают вопрос о дальнейшей судьбе Временного правительства в связи с уходом из него членов кадетской партии. Весь трудовой народ ждет с нетерпением этого решения, которое должно дать новый могучий толчок к развитию русской революции и борьбе за мир».

Выступление рабочих 3—4 июля было признано проявлением «нетерпения» и объявлено дезорганизующим силы революции. Но обещанного решения вопроса о власти рабочие не получили ни 5, ни 6, ни позднее.

Вторым обращением тот же комитет призывал всех членов

«всеми средствами оказывать поддержку мероприятиям Центрального исполнительного комитета Совета РС и КД. Довольно манифестаций! Довольно дикой смуты! Довольно праздного и неосмысленного хождения по улицам! Довольно проливать братскую кровь! Революции нужны дисциплина и твердое единение всех рабочих и солдат Петрограда. Все члены партии обязаны на заводских, ротных и батальонных собраниях, уличных митингах и отдельных группах удерживать массу от необдуманных выступлений, которые повели уже к преступному кровопролитию. Никто не может отказываться от выполнения этой обязанности».

Передовица в этой газете 5 июля была направлена против нашей партии. Эсеры негодовали особенно потому, что

«в тот самый момент, когда у ворот Таврического дворца один за другим проходят вооруженные отряды, напирая на двери, пытаясь проникнуть в зал заседаний, требуя, чтобы Центральный комитет Всероссийских советов взял власть в свои руки; в то время как вооруженные группы пулеметчиков разъезжают, постреливая направо и налево, в то время как уже льется кровь,— в этот самый момент большевики решили, что пришло их время. Самое время действовать,—о, конечно, законно и мирно.

Они находят это время самым удобным, чтобы звать к «мирной» и «организованной» демонстрации.

Мы отвечаем им громко, перед лицом всей страны: что это—помешательство, тупость или просто лицемерие и издевательство над нами».

Стремление нашей партии оформить начавшееся стихийное движение эти представители кулацкой деревни объявляли «помешательством». С неорганизованным, политически не оформленным движением солдат и рабочих легко справились бы эсеровские адвокаты буржуазии. Когда же движение приняло организованные формы и отчетливую политическую платформу, против него соглашателям пришлось двигать пехоту, кавалерию, артиллерию. Никакие герои, никакие дедушки и бабушки не могли остановить движение. И они выдвинули тот же план бегства из революционной столицы в «тихую» Москву, как и Церетели.

Все дни «правительственного кризиса» партия эсеров бешено травила революционную часть петроградского гарнизона, рабочих и нашу партию. Однако такая политика этой партии, ее отход от революцонных задач, вызвал борьбу внутри ее самой. В те же дни появилось особое заявление Бюро левых эсеров и фракции левых эсеров ЦИК, в котором говорилось, что

«повинуясь партийной дисциплине, в стремлении не иарушать единства партии, сохранение которого в переживаемое иами время представляется особенно необходимым, левое крыло партии, составляющее меньшинство в руководящих партийиых кругах, до иастоящего момента ограиичивалось отстаиванием своих взглядов внутри партийных организаций. В иастоящее же время, при наличии того острого и политического и социального кризиса, в котором находится страна,—меньшинство признает себя ие в праве дольше пассивио подчиняться указаииям руководящего большинства, по глубокому убеждеиию нашему ведущего партию к падению, чем ослабляется и в огромной степеии дезорганизуется движущая и творческая сила революции».

Там же говорилось, что

«усвоениая руководящими кругами партии политика отталкивает от партии наиболее сознательиую часть трудовых масс, до-иельзя затрудняет партийную работу в войсках, на заводах и в революционной деревне и грозит привести к перемещению центра опоры партии иа слои населеиия, по класоовому своему характеру или уровию сознательности ие могущие быть действительной поддержкой политике истиииого революционного социализма».

Июльские дни заложили начало разложения эсеровской партии. Раздувшаяся в первые месяцы революция, впитавшая в себя все мелкобуржуазное, что имелось в городах, и «крепких хозяев» в деревнях, партия эсеров полностью оправдала марксистское суждение, что социализм ее не революционен, а революционность не превосходила защиты интересов буржуазии. Все, что оставалось в этой партии революционного, уходило влево, покидая ряды ложно социалистической и потерявшей свою революционность партии. Пролетарская борьба, в городе и деревне, обострившаяся в нашей стране после Февральской революции, отбросила эту партию в объятия буржуазной контрреволюции. Чем дальше партия эсеров отходила от революционных требований крестьянства и пролетариата, тем громче кричала она об опасности, грозящей революции со стороны рабочего класса. После Февральской революции совершилось объединение буржуазных либералов с «либералами с бомбой» всех народнических групп.

Наша партийная печать была задушена. Вместо «Правды» в эти дни удалось выпустить только «Листок правды», а с 9 июля организовать новую газету «Рабочий и солдат». Напору контрреволюционной печати нам приходилось противопоставлять главным образом нашу устную агитацию. Огромную роль в деле отражения контрреволюции сыграли профессиональные союзы Петрограда. В эти дни они явились той линией пролетарских окопов, которая задержала дальнейшее наступление контрреволюции.

В продолжение двух дней 6—7 июля происходило собрание Центрального бюро профсоюзов, Центрального совета фабричнозаводских комитетов, правлений профессиональных союзов, на котором участвовало 258 делегатов от 40 союзов. На этом собрании выступали представители ЦИК, всех политических партий,

их выступления сопровождались горячими дебатами представителей различных союзов. В результате суждения собрание единогласно, при четверых воздержавшихся, приняло следующую резолюцию об отношении к той контрреволюционной кампании, которая была поднята против нашей партии.

«1. Собрание с негодованием протестует против гнусной клеветы, распространяемой контрреволюционными газетами, по почину Алексинского и Бурцева, против заслуженных вождей рабочего класса Ленина, Троцкого, Каменева, Зиновьева и др. Собрание видит в том поход, направленный против всего рабочего класса и его организаций. Оно призывает всех рабочих заклеймить презренных клеветников, которые в своем озлоблении осмеливаются направить это орудие злостной клеветы и против Максима Горького, гордости русской литературы и непреклонного защитника трудящихся масс.

2. Собрание протестует против фактической приостановки выхода рабочей газеты «Правда», обслуживающей нужды сотен тысяч рабочих и обращается к Исполнительному комитету СР и СД с призывом принять немедленно меры к обеспечению выхода этой газеты.

3. Высказываясь категорически против каких бы то ни было ограничений свободы печати, собрание полагает, что единственным средством, которое имеется в распоряжении рабочих организаций для борьбы против контрреволюционной агитации таких органов, как «Маленькая газета» и «Живое слово», является последовательный бойкот, неуклонно проводимый на всех митингах и собраниях, на фабриках и заводах, и вообще всюду, где собираются рабочие массы».

Числа восьмого стало известно постановление Временного правительства об аресте членов ЦК нашей партии тт. Ленина, Зиновьева и Каменева. Это постановление было встречено глубочайшим возмущением рабочих. Наша с.-д. фракция большевиков Петроградского совета Р и СД отозвалась первой и на брошенный пролетариату вызов ответила протестом. На одном из собраний фракции было решено подать письменный протест в ИК по поводу указанного постановления Временного правительства. В те же дни это и было сделано. 170 членов Совета подписали и подали в ИК следующий протест:

«Признавая, что приказ Временного правительства об аресте тт. Ленина, Зиновьева и Каменева вызван исключительно стремлением обезглавить левое крыло революции;

что этот приказ, таким образом, является началом расправы со стороны правящих партий с их левыми политическими противниками;

что такая расправа на деле выгодна только контрреволюции,—

Фракция большевиков Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов предлагает Исполнительному комитету выразить против этого глубоко реакционного шага самый резкий протест и добиваться его отмены.

Вместе с тем фракция заявляет, что целиком солидаризируется со всеми политическими выступлениями тт. Ленина, Зиновьева и Каменева в деле руководства стихийным движением петроградского гарнизона и рабочих, в целях превращения его в организованную мирную демонстрацию. В движении 3—4 июля фракция принимала такое же участие, как и вышеназванные товарищи, а потому, если по отношению к ним применяются репрессивные меры, то они в одинаковой степени должны быть применены и ко всей нашей фракции».

Прерванная «июльскими днями» общегородская партийная конференция снова смогла собраться, кажется числа 20 июля. На этой конференции были подведены итоги последних событий. Удар, нанесенный нашей партии объединенными силами социалистов-

соглашателей и буржуазной контрреволюцией, хотя и не расстроил ряды нашей партии, но временно нарушил организационную связь.

Общегородская партийная конференция происходила полулегально. Напор контрреволюции отразился на отдельных лицах, начавших проповедывать умеренность и осторожность. Но все эти колебания не нарушили волю организации продолжать борьбу, и на конференции было принято специальное обращение «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда», в котором были изложены взгляды нашей партии на создавшееся в стране положение. Отметив расстройство всех областей хозяйственной жизни, ведущее к развалу всей страны, воззвание указывало, что

«Временное правительство, призванное «спасти» страну, оказалось неспособным выполнить свою задачу. Более того,—оно еще больше запутало дело, начав наступление на фронте и затянув тем самым войну,—главную причину общего кризиса в стране.

В результате—состояние полной неустойчивости власти, кризис и развал власти, о котором все кричат, но против которого не предпринимают никаких серьезных мер.

Уход кадетов из правительства лишний раз вскрыл всю искусственность и нежизнеспособность коалиционного министерства.

А отступление наших войск на фронте после известного их наступления, обнаружив всю пагубность политики наступления, довело кризис до крайних пределов, уронив престиж власти и лишив ее кредита у буржуазии как «отечественной», так и «союзной».

Выход из такого критического положения мог быть только в двух направлениях. Конференция открыто заявила, что перед буржуазными и социал-соглашательскими «спасителями» революции» открывается путь

«либо продолжения войны и дальнейшее «наступление» и тогда—неизбежная передача власти контрреволюционной буржуазии, для того чтобы добыть деньги путем внутреннего и внешнего займа. Ибо, в противном случае буржуазия не вошла бы в правительство; внутренний заем не состоялся бы; Англия и Америка отказали бы в кредите. Причем «спасти» страну в таком случае значит покрыть расходы войны за счет рабочих и крестьян в угоду русским и «союзным» акулам империализма.

Либо—переход власти в руки рабочих и неимущих крестьян, объявление демократических условий мира и прекращение войны, для того чтобы, двинув дальше революцию, передать землю крестьянам, поставить рабочий контроль в промышленности и привести в порядок разваливающееся народное хозяйство за счет барышей капиталистов и помещиков.

Первый путь ведет к усилению власти имущих классов над трудящимися и к превращению России в колонию Англии, Америки, Франции.

Второй путь открывает эру рабочей революции в Европе, разрывает опутывающие Россию финансовые нити, расшатывает самые основы буржуазного господства и очищает дорогу для действительного освобождения России».

В этих условиях июльские события означали призыв рабочих и солдат, стремление революционных масс столицы—заставить социалистические партии отказаться от первого пути и стать решительно на второй путь, «на путь дальнейшего развития революции». Но совсем иной путь избрали социал-соглашатели, эсеры и социал-демократы меньшевики. Они сдерживали революционные действия масс, подчиняли их соглашениям с буржуазией и ради соглашательских комбинаций отказывались от власти самой демократии. «Вместо того чтобы протянуть руку демократии, за-

вляла конференция,—и, «взяв власть, вместе с ними повести борьбу с «союзной» и «отечественной» империалистической буржуазией за действительное спасение революции,—они, заключив союз с контрреволюционной буржуазией, обратили свое оружие против демонстрантов, против рабочих и солдат, натравив на них юнкеров и казаков.

Тем самым они предали революцию, широко открыв двери контрреволюции».

Итоги указанной контрреволюционной политики были налицо. Обращение красочно определяло их.

«Поднялась со дна жизни черная муть, залившая грязью все честное, благородное.

Обыски и разгромы, аресты и побои, истязания и убийства, закрытие газет и организаций, разоружение рабочих и расформирование полков, роспуск финляндского сейма, стеснение свобод и восстановление смертной казни, разгул громил и контрразведчиков, ложь и грязная клевета, все это с молчаливого согласия эсеров и меньшевиков,—таковы первые шаги контрреволюции.

Союзно-русские империалисты с партией кадетов, высший командный состав с юнкерами, казаками и контрразведчиками—вот они, силы контрреволюции.

Под диктовку этих групп составляются списки членов Временного правительства, причем министры появляются и исчезают, как марионетки».

Подвергнув уничтожающей критике все мероприятия «спасителей революции», конференция призывала рабочих, солдат, моряков и революционных крестьян готовиться к грядущим битвам и помнить, что только наша партия в июльские дни не покинула рабочих кварталов.

ДОКУМ НТЫ И МАТЕРИАЛЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ТЕКСТ

Приложение 1

Отдел международных сношений

О НЕОБХОДИМОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСТОЯННОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ [1]

(Краткие положения)

1. Общее международное положение России после революции изменилось в двояком отношении. С одной стороны, в Германии и Австрии значительно усилилось движение в пользу мира, принявшее отчасти революционный характер, что отразилось на изменении позиции социал-демократического большинства и заставляет германское и австрийское правительства искать примирительного тона в отношении России. (Речи в рейхстаге, ответ германского и австрийского правительств на заявление Временного правительства об отказе от завоеваний, резолюции правления германской социал-демократической партии, миссии Адлера и Шейдемана.) С другой стороны, демократический характер русской революции вызвал в правящих классах Франции и особенно Англии явное недовольство и привел к недоверчивому, беспокойному отношению их к революции в России (отношение к речи Рибо в честь Николая II, отношение Англии к русским эмигрантам, посылки социалистов, «рабочих» делегаций и т. д.). Оба эти явления говорят о том, что наступил период неустойчивого равновесия в военных коалициях и что все правительства в настоящее время пересматривают линию своей военной политики.

2. Международное положение России не может более определиться теми тайными договорами, которые были заключены до войны и в первые ее месяцы и которые очевидно основывали военную кооперацию на достижении известных территориальных или экономических приобретений за счет противника. Отказавшись от завоеваний, Россия не может вести войну ради прежних военных целей своих союзников. Отсюда возникает для внешней политики необходимость определить, в какой мере и на каких условиях она может сохранить союз с Англией, Францией и т. д. или в каком направлении она желала бы изменить этот союз.

3. Демократический характер революции, внутреннее положение и прямое давление со стороны организованной демократии заставили Временное правительство в торжественной форме определить заново цели войны со стороны России. Однако эта занятая линия не проводится мин-вом ин. дел последовательно. До этого само мин-во ин. дел вело противоположную линию политики (циркуляр Милюкова о совершившемся перевороте). После этого акта внешняя политика является колеблющейся и неустойчивой. (Мелкие пре-

[1] См. АОР дело ЦИК, отдел международных сношений, № 11.

пятствия к установлению сношений ИК СР и СД с заграничными социалистами, из-за которых приходилось вести борьбу; речи Гучкова, стоящие в противоречии с заявлениями Временного правительства; агитация в армии военного начальства в пользу войны до конца; политика буржуазной прессы, оставляемая мин-вом ин. дел без возражений.)

4. Эта неопределенность и неустойчивость русской внешней политики является нетерпимой и вредной для России во время серьезных решений. Таким путем нельзя выходить из критического положения, и, наоборот, все внешне- и внутренне-политические обстоятельства настоятельно требуют определенной, энергичной и решительной внешней политики со стороны России.

5. Организация мин-ва ин. дел стоит в вопиющем противоречии как с характером происшедшей революции, так и с ее внешними задачами. Сам министр ин. дел являлся до сих пор выразителем империалистической политики и был известен только с этой стороны за границей. Нельзя не видеть, что ему персонально трудно последовательно вести противоположную его взглядам линию. Что же касается его ближайших сотрудников, то можно с уверенностью сказать, что они являются помехой его лойяльности в этом отношении: таковы наши посольства во Франции, Англии и Италии, состоящие исключительно из деятелей старого режима. Таким образом прежняя тайная депломатия является представительницей революционной России за границей.

6. Во всех странах война привела к необходимости более деятельного парламентского контроля за внешней политикой. Необходимость такого контроля вызывается не только недоверием тайной дипломатии, но и желанием укрепить свою внешнюю политику внутренней. Тем более необходим такой контакт с общественными силами в России в революционное время.

7. Исполнительный комитет, решив определенно вести политику международного объединения демократических сил в пользу мира, не может не заботиться о том, чтобы официальная внешняя политика России была согласована с ее линией. Иначе все усилия могут пропасть даром. Во внешнем мире, а с другой стороны, и внутри России создается новый источник беспокойства, конфликтов и междоусобиц, что в конце концов подрывает всякую внешнюю политику и делает еще более трудным наше внешнее положение.

(Практические предложения)

1. Предложить Временному правительству создать постоянное совещание при мин-ве ин. дел, существование которого может быть временно тайным. Задачи Совещания: а) ознакомление полностью со всеми деталями международного положения России; б) выработка конкретных условий мира; в) выработка плана внешней политики; г) предварительное обсуждение конкретных шагов в области внешней политики; д) постепенная реорганизация всего дипломатического аппарата.

2. В состав Совещания входит Временное правительство, Исполнительный к-т Государственной думы и делегации Исполнительного к-та Совета рабочих и солдатских депутатов.

3. Совещание избирает из своей среды президиум, которому предстоит право созыва его в любое время. Совещание также должно быть созвано по требованию одной из трех входящих в него частей.

4. По предложению Совещания министр ин. дел должен являться на него для дачи объяснения.

5. Совещание может приглашать к своим работам сведущих лиц и учреждать постоянные комиссии для разработки отдельных вопросов.

6. Решения совещания обязательны для м-ва ин. дел и Временного правительства.

7. Совещание должно состоять из лиц, имеющих постоянное жительство в Петрограде. Члены Совещания не могут оставлять Петроград без разрешения президиума.

8. Члены Совещания дают письменное обязательство хранить в тайне все работы Совещания. Это обязательство не относится к докладам делегации от Исполнительного к-та Совета Р и СД в пленуме Исполнительного к-та.

9. Совещание сохраняет свои права как договор между Временным пра-

вительством, Исполнительным к-том Гос. думы и Исполнительным к-том Совета Р и СД, впредь до созыва Учредительного собрания.

10. Совещание в праве увеличивать свой состав привлечением новых членов.

11. Решения Совещания, как органа договорного, постановляются путем соглашения входящих в него частей. В важных случаях члены Совещания от Исполнительного к-та Совета рабочих и солдатских депутатов могут требовать отложения решения впредь до получения ими инструкций от их доверителей.

Приложение 2

ВОПРОСЫ, ЗАДАННЫЕ БОРГБИЕРГУ НА ЗАСЕДАНИИ БЮРО ИК ОТ 23/IV, И ОТВЕТЫ НА НИХ, ДАННЫЕ ИМ

1. О методах и средствах, при помощи которых большинство германских социал-демократов думает влиять на свое правительство? (Точного ответа на этот вопрос не дал).

2. Была ли эта программа опубликована?

В шведских и финских газетах он читал, что на состоявшемся совещании немецкие и австрийские социалисты высказали взгляд, во всем существенном совпадающий с резолюциями съезда, конкретная же программа условий опубликована не была.

3. Не вкладывают ли немцы своего собственного понимания в принцип права наций на самоопределение?

На этот вопрос Боргбиерг отвечает, что он признает двусмысленность этой формулы. Он лично и вся датская социал-демократия всецело стоят на позиции национального самоопределения не только в смысле культурно-национальном, но и политическом, но не скрывает, что вопрос этот очень сложный и трудный; он полагает, что трудности эти смогут быть разрешены на самой конференции, и тогда будет видно, можно ли найти общую формулировку. Должны ли, например, ирландцы иметь военную независимость, и должно ли это служить условием мира, или он сможет быть решен в порядке гомруля. То же и с другими национальностями.

4. Был ли он в связи с Бернской комиссией?

Лично он—нет, но он полагает, что Штаунинг в его отсутствие вступил в связь с Гриммом.

5. Какой отклик может русская революция найти в Германии во время войны?

Революция в Германии во время войны очень мало вероятна. Положение вещей в Германии совершенно другое, чем в России. Здесь в значительной степени—это национальная революция, только сильно окрашенная влиянием рабочего класса, немецкая же революция может быть лишь социальной. Социальные условия в Германии этому мало пока благоприятствуют. Социалисты в Германии составляют только меньшинство, в меньшинстве социалисты и в армии. Но когда война окончится, причем с таким исходом, что аннексионизму и представителям тяжелой индустрии будет нанесен удар и милитаризм будет ослаблен, тогда придет и вопрос о демократизации Германии, необходимый и неизбежный.

6. На вопрос—не было ли у них разговора о свободном проходе через проливы и об Армении, и как большинство смотрит на восстановление разрушенной местности,—Боргбиерг отвечает, что его осведомители из Германии—большинство стоит за интернационализацию проливов. О реставрации разрушенных и пострадавших от войны областей он специально с немцами не говорил, но лично от себя полагает, что не только воюющие, но и нейтральные страны должны по справедливости принять участие в восстановлении разрушенного.

7. На вопрос, имеет ли он формальное право на опубликование своих сообщений, дает утвердительный ответ.

8. На вопрос, является ли признание программы, развитой им, необходимым условием для участия на конгрессе,—не думает.

9. Вопрос: Полагает ли германское большинство подчиниться, если международная конференция примет другую программу мира, нежели та, которая изложена выше, и что оно будет у себя дома бороться за эту программу, на которой сойдется конференция?

Ответ: Боргбиерг полагает, что да. Это единственное условие, при котором конференция получает какой-либо смысл. Решения конференции обязаны будут проводить все ее участники.

10. Полагает ли Боргбиерг, что немецкое меньшинство получит фактическую возможность проехать?

В хорошо осведомленной финской газете он читал интервью с Трельстом, в котором тот передал, что из бесед не только с социалистами, но и с властями он вынес впечатление, что никакие препятствия для проезда чиниться не будут.

11. Возможна ли конференция, если в ней не примут участия социалисты из всех воюющих стран?

Это зависит от степени полноты представительства.

12. На вопрос о том, следует ли выдвигаемую германским большинством программу мира рассматривать как платформу для агитации социал-демократам или же как программу, которая может быть воспринята германским правительством, т. Боргбиерг ответил: «Это конечно в первую очередь платформа для агитации. Но при том положении, какое занимают в Германии социал-демократы, можно не сомневаться в том, что официальная Германия вынуждена будет согласиться на эти условия мира, если германская социал-демократия будет решительно этого добиваться. Это мнение не только т. Боргбиерга, но и убеждение германских социал-демократов.

Приложение 3

ОТВЕТ И. К. ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, ТОМА, ДЕ-БРУКЕРУ

«Уважаемые товарищи. В письме вашем от 22/V вы выдвигаете несколько существенных вопросов, на которые хотите получить ответ.

Прежде чем коснуться этих вопросов, мы считаем необходимым напомнить вам, как смотрит Совет рабочих и солдатских депутатов на задачи предстоящей международной социалистической конференции и свою роль в подготовке ее.

Русская революция, являющаяся восстанием народа не только против тирании царизма, но и против ужасов мировой войны, вина за которую падает на международный империализм, поставила с небывалой остротой перед сознанием всех народов вопрос о необходимости скорейшего заключения мира. Она указала народам и путь к осуществлению этой мечты народных масс, страдающих и истекающих кровью: объединение трудящихся всего мира для борьбы со всеми поползновениями империализма, со всякими попытками затянуть войну в интересах тех или иных групп имущих, для борьбы за мир.

Формула «всеобщий мир без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение» выражает это стремление к прочному миру, условия которого будут формулированы исключительно в интересах трудящихся. Трудящиеся всех стран не могут не притти к быстрому и прочному соглашению, если будут руководиться только своими собственными интересами, отметая все претензии явных и скрытых империалистов и милитаристов, так часто прячущих свое истинное лицо под красивыми масками.

Только при таком настроении участников конференции она может стать поворотным пунктом в страшной эпопее трехлетней братоубийственной бойни цивилизованных народов. Только при таком настроении конференция приблизит человечество к желательному миру. Но при таком настроении не может быть и речи о том, чтобы поднятые вами вопросы могли послужить яблоком раздора и причиной продолжения войны.

Признав право наций на самоопределение, участники конференции легко сговорятся насчет того пути, которым должна быть определена дальнейшая судьба Эльзас-Лотарингии, как и других областей, вопрос о которых остро выдвинут мировой войной, население и демократические партии которых желают поставить на всенародное голосование вопрос о своей государственной самостоятельности или принадлежности к тому или другому государству.

Точно так же представителям трудящихся масс, освободившихся от разжигаемого империалистами взаимного недоверия и объединившихся для борьбы за мир, будет нетрудно согласиться между собой насчет способов, размеров

вознаграждения населения стран, особенно опустошенных и разоренных войной, как например Бельгия, Польша, Галиция, Сербия и др. Ведь не может быть никакого сомнения, что участь этих жертв войны не может не вызывать самого горячего сочувствия у всех тех, в ком бьется пролетарское сердце. Само собой разумеется, что такое вознаграждение не должно иметь ничего общего с военной контрибуцией, налагаемой на побежденную сторону.

Что касается указания вашего на невозможность для вас разорвать священное единение, то указание это основано на явном недоразумении. Не касаясь здесь вопроса об аналогии между участием представителей Совета во Временном правительстве и участием социалистов других стран в министерстве, Совет рабочих и солдатских депутатов указывает, что он не требует ни от одной партии отречения от практиковавшейся ею политики, как предварительного условия приглашения на конференцию.

От конференции социалистов всех воюющих и нейтральных стран ждет Совет рабочих и солдатских депутатов такого международного соглашения, которое позволит трудящимся всех стран вести одновременно и одинаковыми методами борьбу за всеобщий мир на указанной выше основе, позволит им порвать те связи, которые могут принудительно связывать их с правительствами и классами, проникнутыми империалистическими стремлениями и препятствующими достижениям мира.

Совет рабочих и солдатских депутатов уверен, что по всем этим вопросам конференцией будет достигнуто полное соглашение. Поэтому Совет считает нецелесообразным, чтобы отдельные партии условием своего участия в конференции ставили предварительное принятие другими партиями каких-либо обязательных решений. Это могло бы создать видимость непримиримых противоречий там, где при совместном обсуждении дух пролетарской солидарности поможет найти решение, одинаково приемлемое для всех. Что касается вашего желания достигнуть предварительного полного соглашения между социалистами держав согласия, то в нашей постановке вопроса такая предварительная конференция не представляется необходимой. Координация борьбы за мир имеет в виду именно координацию действия социалистов воюющих стран на общей платформе борьбы за мир. Мы полагаем однако, что конференция только тогда может иметь успех, если социалисты не будут рассматривать себя как представителей двух воюющих сторон, но как представителей одного движения трудящихся классов к общей цели—всеобщему миру.

Исполнительный комитет Совета Р и СД.

Приложение 4

ЗАЯВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОМИССИИ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Постоянная административная комиссия французской социалистической партии передает вам, с опозданием, не по своей вине, точный текст (на случай, если он вам еще неизвестен из газет) резолюции, принятой Национальным советом 28 мая. Национальный совет, извещенный, с одной стороны, Международным социалистическим бюро о созыве совещаний в Стокгольме, а с другой стороны, Кашеном и Муте об инициативе русской революции, направленной к созыву полного собрания Интернационала, выражает свое удовлетворение тем, что эти усилия направлены к одной и той же цели, принимает инициативу русских товарищей, вполне солидаризуется с ними в требовании созыва Интернационала. Национальный совет решает в то же время прислать делегацию в Стокгольм, которая изложила бы на подготовительных совещаниях взгляды французской секции Интернационала на совместную деятельность, направленную к подготовке к миру на основах, формулированных революционным правительством и социалистами России; поручает также делегации столковаться с последними относительно требуемого ими созыва Интернационала.

Как следствие этой резолюции, Национальный совет назначил специальную комиссию для подготовки ответственных положений на список вопросов, предложенных голландско-скандинавской делегацией. Положения эти, по мнению Национального совета, должны заключать в себе рассмотрение усло-

вий и общих принципов, определяющих основу для созыва международной конференции. Основа эта в первую очередь заключается в признании мира без аннексий и контрибуций и права самоопределения наций.

Постоянная административная комиссия, с другой стороны, поручила товарищам Жану Лонге и Пьеру Реноделю вступить в сношения с советом, представить ему взгляд французской социалистической партии относительно условий допущения на общую международную конференцию и ее порядка дня.

После этого, по поводу общей международной конференции, а не по поводу частных предварительных совещаний, в наших обеих палатах произошли политические инциденты, вследствие которых правительство заявило следующее:

«Мы выдадим паспорта в Петроград лишь в том случае, если будет снят вопрос о Стокгольме и когда те, кто отправится в Петроград, не будут рисковать встретиться, помимо своей воли, с немцами».

Такой поворот вопроса рассматривается нашей парламентской группой. Но в ожидании мы должны сообщить нашим товарищам из Совета Р и СД, что для нас не представляется возможным участие в международной конференции между 27 июня и 8 июля. С другой стороны, нам кажется необходимым, чтобы состоялось предварительное соглашение между русскими и французскими социалистами относительно условий и порядка дня этой конференции, согласно решению Национального совета.

Условия, обсуждавшиеся Отделом международных сношений совета и самим советом вместе с нашими товарищами Альбертом Тома, Кашеном и Муте, нам кажется, должны быть еще письменно точнее определены. С другой стороны, приглашения на конференцию должны быть формулированы таким образом, чтобы не были допущены социалистические фракции, не имеющие реального существования. На этот счет нам придется столковаться с секретариатом Международного социалистического бюро. Наши товарищи, Лонге и Ренодель, готовы переговорить с вами от нашего имени обо всем этом, чтобы притти к осуществлению нашего общего намерения. Они выедут, как только будут улажены материальные затруднения, связанные с путешествием.

Просим вас не принимать никаких окончательных решений, прежде чем не войдут в сношения с вами наши товарищи.

За постоянную административную комиссию французской социалистической партии Л у и Д ю б р е й л ь.

Приложение 5

ПИСЬМО К. ГЮИСМАНСА

Стокгольмская конференция социалистический голландско-скандинавский комитет
Стокгольм, 7 июня 1917 г.

Д о р о г и е г р а ж д а н е!

Вами получены раньше уведомления о создании и начинания Голландско-скандинавского комитета. Эти начинания содержат две части: устройство отдельных конференций и общей конференции. До сих пор Комитет имел отдельные конференции (совещания) со следующими социалистическими партиями:

1. С болгарской социалистической партией (широкими).
2. С финляндской социалистической партией.
3. С австрийской социалистической партией.
4. С венгерской социалистической партией.
5. С германской социал-демократической партией.

Как вы видите, предварительная работа уже огромна. Вы найдете при этом резюме сделанных деклараций, резюме сообщения для печати. Дополнительный меморандум нам будет передан каждой делегацией и предложен на рассмотрение другим делегациям.

Эта предварительная работа была необходима, если желали, чтобы конференция была больше, чем демонстрация и дала бы результаты.

К несчастью инициативы распыляются. Другие группы созывают конференции, тогда как нужно было бы объединяться.

По нашему мнению, организационная работа по созыву общего конгресса должна опираться на партии нейтральных стран. Они одни могут легко сгладить разносторонние трудности и пользоваться доверием всех секций.

Начать созыв организацией воюющей страны было бы ошибкой, все последствия которой в данное время нельзя определить. С другой стороны, созыв должен быть подписан партиями всех воюющих стран и намечен порядок дня, принятый всеми. И чтобы предотвратить всякие подозрения о закулисных маневрах, Международное социалистическое бюро решит временно вопросы принятия и распределения голосов. На самом деле оно одно является тем организмом, который имеет достаточно авторитета, чтобы навязать свое решение. Это не будет вновь созданный организм. Такой был бы подозрителен. Это будет организм, созданный до войны, и его нельзя будет заподозрить в том, что он изобретен для определенной нужды.

По всем этим соображениям мы говорим:

1. Нам кажется, что инициатива Голландско-скандинавского комитета должна быть поддержана.

2. Нужно, чтобы созыв (конференции) был бы подписан по меньшей мере партиями воюющих стран.

3. Нужно, чтобы Международное социалистическое бюро временно могло решать вопрос о присоединении и распределении (голосов).

Чтобы избежать недоразумений, было бы необходимо послать к нам вашу обещанную делегацию. Но с другой стороны, Голландско-скандинавский комитет постановил послать в Петроград делегацию, в составе секретаря и одного или двух членов, уполномоченных сообщить вам меморандумы заслушанных делегаций и окончательно установить организационные детали общего конгресса. Эта делегация выедет, когда состоятся главнейшие отдельные конференции, в том числе и с русской делегацией.

Братские приветы.

Секретарь К. Гюисманс.

Приложение 6

РЕЗОЛЮЦИЯ ГЕРМАНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ (ШЕЙДЕМАНОВЦЕВ)

Текст резолюции, принятой единогласно 19 апреля в объединенном заседании совета партии, рейхстага и ландтага, а также прусского правления партии, президиумом фракции областного комитета.

Мы подтверждаем неприклонное решение немецкого рабочего класса вывести Германию из этой войны как свободное государство. Мы требуем немедленного устранения всех неравенств в гражданских правах в государстве и местном самоуправлении, а также устранения всех явлений бюрократического режима и замены его решительным влиянием народного представительства.

Мы энергично отвергаем распространяемое враждебными правительствами заявление, что продолжение войны необходимо, чтобы принудить Германию к реорганизации государственного строя на началах свободы. Это является исключительно задачей немецкого народа—развивать свое внутреннее устройство в духе своих убеждений.

Мы с горячим участием приветствуем победу русской революции и вызванное ею возрождение интернациональных и мирных стремлений. Мы подтверждаем свою солидарность с резолюцией Всероссийского совещания советов Р и С депутатов подготовить общий мир без аннексий и контрибуций на основе свободного национального развития всех народов.

Мы считаем поэтому важнейшим долгом социал-демократической партии Германии, а также социалистов всех стран бороться против мечтаний о власти честолюбивого шовинизма, толкать правительства на путь ясного отказа от всякой завоевательной политики и стремиться тем скорее привести к началу решительных мирных переговоров на этой основе.

Заключение мира не должно поставить ни один народ в унизительное невыносимое положение, но каждому народу должна быть дана возможность добровольным присоединением к сверхгосударственной организации и признанием обязательного арбитража способствовать установлению прочных основ будущего всеобщего мира.

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛА МЕЖДУНАРОДНЫХ СНОШЕНИЙ

Отдел международных сношений при ИК Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов образовался в последних числах марта 1917 г. и начал функционировать с начала апреля.

Первоначальные задачи отдела были ограничены точным исполнением самого его названия. Непосредственным поводом к образованию отдела послужило то обстоятельство, что в начале революции заграничное общественное мнение было крайне плохо и тенденциозно (ко вреду для престижу советов рабочих и солдатских депутатов) информировано о событиях в России. О Совете депутатов распространялись всевозможные сказки и клеветы в буржуазной печати Запада, особенно же в буржуазных газетах Англии и Франции («Times», «Temps» и др.). С другой стороны, и русские революционеры были крайне плохо осведомлены о положении дел в других воюющих странах. Между тем русская демократия с самого начала революции возлагала большие надежды на поддержку западно-европейской демократии, главным образом в деле скорейшего прекращения войны.

Первым условием для объединения сил в этом направлении является взаимное понимание, которое в свою очередь (?) без хорошей фактической осведомленности [1]. К разрешенню этой задачн и приступил прежде всего отдел международных сношений.

2 апреля 1917 г. было достигнуто следующее соглашение с министерством иностранных дел, во главе которого тогда стоял Милюков. Отделу было предоставлено право сообщать через Петроградское телеграфное агентство свои сведения, причем Петроградское телеграфное аг-во обязывалось передавать сообщения отдела и бесплатно в тех случаях, когда контрагенты Петроградского телеграфного аг-ва не брали передачу телеграмм отдела на свой счет. Все важнейшие резолюции, краткие отчеты о важнейших событиях в жизни Советов передавались по телеграфу систематически в нейтральные и союзные страны. С конца апреля такие телеграфные сообщения отдела становятся почти ежедневными.

Другим средством осведомления была доставка заграничным социалистическим органам печати и русским колониям русских социалистических газет. До образования отдела международных сношений эти издания не получались за границей вовсе. Причиной этому было отчасти расстройство почтовых сношений, отчасти медлительность цензуры и наконец то обстоятельство, что заграничная почта не принимала подписки на вновь образовавшиеся газеты, так как они не были внесены в списки изданий, на которые допускается подписка через почтовые отделения. Отдел международных сношений позаботился о том, чтобы доставить комплекты «Известий» и партийных социалистических газет в северные нейтральные страны, откуда они были разосланы и во все воюющие страны. Затем отдел доставлял более или менее систематически эти издания за границу. Доставка производилась через собственных курьеров отдела международных сношений. В качестве курьеров отдел пользовался товарищами, случайно отправляющимися за границу, при том, конечно, условии, если эти товарищи рекомендовались партийными организациями как люди, заслуживающие доверия. Доставка революционной прессы за границу имела большое значение, потому что дала заграничным товарищам, русским и иностранцам, впервые возможность составить правильное представление о характере и успехах русской революции и в частности о деятельности советов рабочих и солдатских депутатов.

Что касается обратного осведомления, то по тем же причинам оно было до образования отдела крайне плохо или, вернее, его вовсе не было. Отдел подписался через живущих за границей товарищей на все социалистические органы и, так как почтовые сношения были крайне медленны и нерегулярны, позаботился о доставке этого материала в Россию также через курьеров. И при этих условиях материалы часто запаздывали, но все-таки получались, что давало возможность,—по крайней мере некоторого,—обозрения заграничной жизни. Литературно эти материалы не были использованы: в от-

[1] Так в подлиннике.

деле неоднократно возникали планы такого использования, но по разным причинам они не были приведены в исполнение.

Приезд целого ряда представителей заграничных социалистических партий (А. Тома, Кашен, Муте, Лафон, Брантинг, Боргбиерг и др.) поставил Петроградский ИК в непосредственную связь с деятелями международного социализма. Это общение, а также исходящая из-за границы инициатива привели ИК к необходимости поставить вопрос о созыве Международной социалистической конференции. С этого момента деятельность отдела международных сношений выходит за пределы простого осведомления и приобретает постепенно политическое значение.

25 апреля, по докладу отдела международных сношений, Петроградский ИК решил взять на себя инициативу созыва Международной социалистической конференции. Это решение было передано отделом по телеграфу во все страны и вызвало живейший отклик трудовой демократии всего мира. К русской инициативе везде отнеслись с полнейшим доверием, потому что верили в силу русской революции, верили, что русская демократия очистит русскую внешнюю политику от всяких эгоистических, корыстных целей и будет направлять ее согласно справедливости. Формулированные Советами условия мира («мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение») были приняты всеми социалистическими партиями всего мира и стали известны за границей под именем «формулы Советов». Таким образом Совет Р и СД становился лидером международной политики всей демократии.

К сожалению, это не было использовано быстро и энергично. По различным причинам, и более всего потому, что внутренняя жизнь выдвигала постоянно крайне острые конфликты, работа по подготовке конференции шла крайне медленно. Была создана комиссия по подготовке конференции. Комиссия состояла из президиума Петроградского Совета Р и СД, 3 членов ИК, заведующих отделом международных сношений, и представителей социалистических партий, входящих в состав ИК. Эта комиссия только к 14 мая оформила решение ИК в приглашении на конференцию, которое было передано по телеграфу во все страны.

Это приглашение, основной мыслью которого был призыв к борьбе с империалистической политикой всех правительств, не принявших «формулу Совета» (а ее не приняло без оговорок ни одно правительство, кроме русского), привело к оживленному обмену мнений с западно-европейскими товарищами. Сколь ни сочувственно было встречено решение ИК взять на себя созыв Международной социалистической конференции, революционная постановка вопроса привела в смущение многих западно-европейских товарищей, хотевших мира, но боявшихся на почве борьбы за мир притти в конфликт со своей собственной буржуазией.

В целях агитации за конференцию за границей комиссия по созыву ее признала желательным издание в Стокгольме бюллетеня отдела международных сношений. Был командирован для этой цели т. Вайнберг, который по указанию отдела международных сношений и организовал издание бюллетеня на французском, английском и немецком языках. Этот издающийся на ротаторе бюллетень доставляется бесплатно всем центральным организациям социалистических партий Западной Европы. За плату на него абонируются корреспонденты заграничных газет в Стокгольме. Бюллетень выходит раза 2 в неделю. Материалом для него являются главным образом телеграммы отдела международных сношений, перепечатка из «Известий», обзор социалистической печати, а также и особые статьи, освещающие события русской жизни для иностранной социалистической прессы. Бюллетени часто перепечатываются в заграничных органах, преимущественно социалистических. Бюллетень начал выходить с открытием Всероссийского съезда советов.

На этом съезде было решено послать за границу делегацию для подготовки конференции. Отдел международных сношений подготовил для этой делегации материалы, характеризующие отношение международного социалистического движения к конференции, а также организовал отправку делегации технически (сношения с Россией и западно-европейскими партиями). Одновременно отдел приступил к собиранию материалов по вопросу о мире и его условиях. Что касается социалистических партий, то этот материал имеется в отделе почти в исчерпывающей полноте.

Печальные события 3—5 июля сильно подорвали деятельность отдела международных сношений. Отдел вынужден был отказаться от посылки собственных курьеров, что чрезвычайно затрудиило осведомление. Общее замешательство и понижение настроения также вредно отражалнсь на делах отдела. Центральной задачей отдела после этих событий оставался созыв международной конференцин.

Из других работ отдела следует упомянуть: 1) помощь политическим эмигрантам, возвращающимся в Россию и 2) заботу о политнческих эмигрантах и всех так называемых «гражданских пленных» в Германии.

Что касается помощи политическнм эмигрантам, то отдел был мало занят этим вопросом в первое время своего существования, когда Временным правительством еще не был установлен порядок получения эмигрантами разрешения на въезд и размеры денежной помощи им, а с другой стороны, еще не успели организоваться за границей комитеты помощи возвращающимся эмигрантам. Представитель отдела международных сношенй принимал участие в междуведомственном совещании по вопросу о форме и размерах помощи эмигрантам и порядке их следования в Россию. Отдел вошел в сношення с русскими колониями за граиицей, поддерживал ходатайства заграничных комнтетов помощи эмигрантам перед Временным правительством и т. д.

По вопросу о положении задержанных в Германии русских граждан отдел международных сношений неоднократно обращался с ходатайством к Временному правительству и собрал довольно подробный материал из непосредственных источников. Отделу удалось наладить такие сношения, которые обеспечивают хорошую осведомленность в этом отношенни, недоступиую ни для частных лнц, ни для государственных органов. Собранные материалы отдел иеоднократно представлял Временному правительству. Благодаря сочувствию Временного правительства и ценным услугам частных лиц деятельность отдела международных сношений и в этом отношении не осталась бесследной.

Приложение 8

ОФИЦИАЛЬНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ БЕЛЬГИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

(Конец июля 1917 г.)

Подписанное почти единодушно 500 делегатами бельгнйской рабочей партий, собравшимися в Брюсселе, в Народном доме, по инициативе германцев, для обсуждения поведения делегатов партин на Международной конференцнн мира. Председатель Лун Бертран, депутат-социалнст города Брюсселя.

Гг. Луи Брукеру и Эмилю Вандервельде вручен докумеит чрезвычайной важности, составленный в оккупированной Бельгии полномочымн представнтелями бельгийской рабочей партни (БРП). Он выражает полностью мнение бельгийских социалистов и рабочих о задачах войны и мнра. Помещаем нижеследующие, заслуживающие особого вниманния, выдержки из этого заявления, «переданного, как говорится в заголовке, Эмнлю Вандервельде и Луи Брукеру для ознакомления с ним, в случае надобности, широкой публики случайно иа одной из конференций.

Документ датирован «Конец июля 1917 г.».

Он начинается так:

Ничто не оправдывает возмутительного насилия, от которого истекает кровью Бельгия

БРП с первых же дней европейской войны заявила: 1) что социалистическая демократия являлась совершенно иеповинной в этом бедствии; 2) что бельгийский пролетариат употребит все силы для противодействия захвату территории, «с тем большим воодушевлением, что, защищая от варварского милитаризма нейтралитет и существование своей страны, они сознательно служат делу демократии и политических свобод Европы»; и 3) что товарищи, призванные под знамена, «в каком бы положении они ни оказались, должны выказывать добросердечное, братское чувство и никогда ие забывать, что они принадлежат к рабочему Интернационалу».

«После трех лет бесчисленных потерь и тяжелых страданий рабочий класс Бельгии может с гордостью подтвердить, перед пролетариатом всего мира, свою непоколебимую верность провозглашенным таким образом в решительную минуту принципам; как и 4 августа 1914 г., БРП твердо убеждена, что Бельгия не сделала ничего что могло бы оправдать возмутительное насилие, от которого она не перестает истекать кровью; бельгийские рабочие-социалисты никогда не раскаются в том, что им пришлось столько выстрадать и пролить свою кровь в защиту права; последовавшие события укрепили их точку зрения, что, защищая независимость своей страны, они служат делу демократии и политических свобод Европы; они сознают, что ни на один день не забыли о своей принадлежности к рабочему Интернационалу.

К несчастью, им пришлось пережить самое жестокое разочарование при виде того, как уничтожается и смешивается с грязью возвышенный идеал свободы и справедливости, символизируемый в их глазах социалистическим Интернационалом; они горячо уверены, что общность интересов и стремлений рабочих всего мира восстановит прерванные узы, но прежде всего они желают,— так как это единственное средство достигнуть плодотворного действия, вернуть Интернационалу всего его нравственное величие посредством восстановления искренности и взаимного доверия; цель эта никогда не может быть достигнута без порицания, обсуждения или удаления тех, которые, из чувства тщеславия, эгоизма, вследствие ослепления или слабости, изменили делу демократии и интернациональной солидарности».

Дальше документ вспоминает:

Ужасы нашествия

«И прусско-германские орды налетели на маленькую, ни в чем неповинную, чересчур доверчивую страну, гоня впереди себя, против неприятеля, стада мужчин и женщин, следуя приказу своего верховного главнокомандующего, отданному во время операций его войск в Китае против боксеров, т. е. уподобляясь гуннам, не считаясь ни с божеским, ни с человеческим законом, грабя, сжигая, убивая мирных жителей; развалины Виза, Эрве, Анхеина, Овела, Монсо, Тамина, Линана, Лувена, Аэрмо, Термонда и многочисленных деревень являются красноречивыми свидетелями этих разрушений, произведенных без малейшего извинения военного характера.

За несколько дней солдатчина создала больше сирот среди гражданского населения, чем сама война в течение трех лет в семьях военных. Германская социал-демократия умолкла перед этими, не имеющими названия, ужасами, в то время как германская пресса прибавила от себя новое оскорбление и клевету по адресу маленького, задавленного народа, и германское правительство пустило в ход возмутительную легенду о вольных стрелках.

Полномочные представители германской партии явились полюбоваться делом рук своей нации и нанести визит своим несчастным братьям. Герман Вендель, провозгласивший однажды, в присутствии всего рейхстага «Да здравствует Франция»—счел нужным подтвердить, что Германия подверглась нападению и что французские солдаты были в Бельгии раньше германской армии. Может быть, он также верил и в нюренбергские бомбы. Либкнехт сказал нам, как он удручен тем, что ему пришлось узнать, и вид наших дымящихся развалин пробудил в его душе раскаяние. Вслед за ним явился Носке со своим неизменным единомышленником Костером, обнаживший с ошеломляющим цинизмом всю глубину мышления германского социалистического большинства: «Надо было пропустить!». Уважение договоров, национальная честь: «Буржуазная идеология». Он, прибывший из Пруссии, привез нам прекрасные социальные законы и всеобщее голосование. В Германии нельзя было вотировать против кредитов, не вызвав гибели социалистических организаций, что же касается нас, у нас организации не существовало. Мало того, он предлагал замолвить за нас слово высшим властям. Никогда еще не проявлялись так открыто безумная гордость и властолюбие этого народа, даже социалистов. Этот самый Носке впоследствии написал книгу в защиту поджигателей и разрушителей Лувена; он осмелился утверждать, что на развалинах стен им замечены были следы пуль вольных стрелков. «В то время как мир наполнялся стонами и рыданиями нашего измученного народа и со всех сторон раздавались протесты, в то время как император расклеивал на стенах наших городов сообщение о том, что «его сердце истекает кровью» при мысли о

страданиях, которые он вынужден был причинить иам, империалистическое движение в лоне германской социал-демократии становилось все более и более ясным, и на виду у всех различные «Гениши», Леиши, Давиды, Кессели, Горе, Зудекумы не постеснялись начать поход, при помощи пера и слова, в пользу «просветительной» миссии Германии, большинство бесстыдно искажая бессмертные доктрины, завещанные Марксом пролетариату; главы синдикатов, большей частью, и большинство выборных предоставили полную свободу, даже часто выражали поощрение этим развратителям социального и революционного разума, находящимся и по сие время во главе партии...»

Ответственность официальных социалистов Германии

«После первых недель патриотического подъема, после того как весь мир содрогнулся от негодования, узнав о злодеяниях, имевших место в Бельгии, после того, как истина, невзирая ни на что, была окончательно установлена при помощи опубликованиых дипломатических документов, главным образом после решительного поражения империалистических армий на Марне и на Изере, можно было думать, что германская социал-демократия наконец опомнится. Ничего подобного: Шейдеман отвергает предложение наших друзей из Голландии произвести в Бельгии следствие о способах ведения войны. Во время заседания рейхстага 2 декабря 1914 г.,—рассказывает Гаазе,—возникли среди партии социалистов продолжительные споры, прежде чем было решено включить в начало официальной декларации группы краткое напоминание о словах канцлера, произнесенных им 4 августа по поводу Бельгии.

«Позабыв с первых же дней о великом идеале права, воплощаемом Интернационалом, большинство германской социал-демократии должно было остаться связанным с милитаризмом и империализмом, орудием которых оно явилось, и выполнило свою роль до конца, сделавшись сообщником бесчисленных преступлений против международного права; таким образом оно явилось молчаливым свидетелем систематического уничтожения всех отраслей бельгийской промышленности посредством изъятия всех машин и сырых материалов; допустило осуждение наших железнодорожных рабочих и каменоломов, отказывающихся работать на неприятеля; не произнесло ни слова в ответ на бесчисленные приговоры к высылке, к заключению в тюрьму, к смерти, которые так и сыпались на головы наших непреклонных граждан, часто без всякого суда.

Между тем в рейхстаге социалистическое большинство при каждом удобном случае, вместо того, чтобы стараться выяснить положение, поощряло намерения правительства, неизменно принимая все двусмысленные предложения, благоприятствовавшие империалистической политике; когда, в ноябре 1915 г., фракция делает запрос по поводу желательных переговоров о мире, большинство отвергает формулу введения меньшинства, основанную на столь проповедуемом в настоящее время принципе: «без аннексий и контрибуций»; впрочем, разве Гейне не приветствует декларации правительства, говоря, что момент для начала переговоров об условиях заключения мира будет указан событиями на театре войны, точно так же как Зудекум вполне определенно требует гарантий границ, необходимых для его родины и экономических сношений с европейскими государствами; разве по окончании каждого заседания рейхстага большинство не подает голоса в пользу правительства, после того как Шпан и Бауфман, от имени буржуазных партий, признали его заявления благоприятствующими «гарантиям, необходимым Востоку и Западу»?

Подводная война, увод жителей, принудительные работы

То же двусмысленное, поощряющее поведение по отношению к правительству и в вопросах подводной войны; социалистическое большинство следует за буржуазным большинством и принимает общую резолюцию, само собой разумеется, благоприятную использованию, до крайних пределов, нового оружия, без всякого уважения международного права, как это сейчас же было доказано социалистическим меньшинством и впоследствии самими событиями. Но это попрание всех прав человека и рабочего проявило себя с особенной жестокостью и цинизмом с момента массового отправления из пределов родины десятков тысяч рабочих как находящихся на заводах, так и безработных. Выразили ли при этом какой-либо протест социалисты большинства? Они

с неудовольствием, условно, в нескольких фразах, присоединились к стремлениям меньшинства. Где остались их протесты против возмутительного обращения, жертвами которого сделались эти несчастные в германских лагерях, в зимнюю стужу, лишенные огня, пищи, иногда даже одежды?..

С бесстыдством, превосходящим все, что можно себе представить, Бауэр, глава одного из их синдикатов, осмеливается тогда заявить секретариату бельгийской синдикатной комиссии, что меры, принятые по отношению к рабочим были проведены в жизнь по наущению промышленников Гено; что социалистическое большинство не осмеливается слишком громко протестовать из страха перед общественным мнением; что депутатам социалистам не известно что происходит в лагерях, куда им нет доступа!!! Но он утверждает, что его коллеги работают негласно и что наши несчастные товарищи добьются справедливости. Однако и теперь еще, в июле 1917 г., миллионы бельгийских рабочих, вывезенных силою в ноябре и декабре 1916 г., тщетно продолжают ожидать возвращения на родину, вопреки обещанию самого императора; те, кому удается вернуться, возвращаются не прежними, полными силы и энергии, людьми, а какими-то призраками, не говоря уже о тех, которые умерли в изгнании или по возвращении из него.

Но терзания рабочих еще не окончены, так как, по мере того как расширяются в нашей стране зоны этапа, военные власти высылают все большее и большее количество наших соотечественников уже не для того, чтобы работать на заводах Германии, а для работ в германских траншеях на западном фронте, под огнем союзников, причем многие из этих несчастных вынуждены были во время сражения во Фландрии подносить снаряды германским артиллерийским орудиям во время стрельбы. Всемогущий милитаризм, не оказавшийся в состоянии победить в германских лагерях сопротивление бельгийских рабочих, благородно расплачивается за понесенную им неудачу. Возвысила ли когда-нибудь голос германская социал-демократия против этого ужаса? И если она это сделала, хотя бы втайне, каково ее влияние на правительство? Наконец, если последнее, невзирая ни на что, продолжает поступать по-своему, почему ему неизменно вотируются кредиты, необходимые для продолжения его дела ненависти?

Маневр «активистов». Неизгладимые поводы к ненависти

Затем следует развращение в массе и рознь, сеемая в рядах населения посредством использования требований фламандцев. Не достигнув желаемых результатов в отношении организованного рабочего класса, гордо отвергнувшего унизительные подачки, предложенные тайным советником Видманом от имени императора, решено было обратить внимание на нескольких фанатиков, из числа которых были избраны несколько лиц, не пользующихся никаким авторитетом, погрязших в долгах, утративших всякое понятие о чести, из которых и был образован «Фландрский совет», и бросая вызов всем должностным лицам Фландрии, всем игравшим ту или другую роль в деле фламандского движения; вразрез всех интернациональным конвенциям, в момент, когда делается попытка доказать всему миру, что бельгийская независимость никогда не подвергалась никакому притеснению, применяется план раздела валлонов и фламандцев, возмущающий общественное самосознание; начинаются аресты и высылка должностных лиц, верных своим обязанностям, отказывающихся помогать неприятелю в этом деле распада и разрушения.

Вслед за тем «Vorwärts» старается навести на путь истинный заблудившихся овец, заявляя что меры эти будут иметь самое лучшее влияние на «культуру» Фландрии. «В каком бы положении ты ни оказался, проявляй братские и добросердечные чувства»,—внушала 3 августа БРП товарищам, призванным под знамена. Как мы далеки, увы, от доброты и братства! Разрушив все иллюзии, германский милитаризм вселил в сердце пролетариата зародыши неискоренимой ненависти, и мы с ужасом думаем иногда о том времени, когда после освобождения народа вся эта волна несправедливостей и страданий, нищеты и разорения, преступлений и унижений, выпавших на долю нации, вырвется наружу, увлекая за собой такую бездну ненависти, которой еще не знала история.

Вера в будущее бельгийского пролетариата

Твердая надежда, питаемая бельгийскими пролетариями, на победу демократии превратилась в непоколебимую уверенность, когда они увидели с глубоким и радостным волнением русский пролетариат, наиболее гонимый из всех на свете, сбросившим с себя цепи и завоевавшим для своей страны, одним ударом, первое место среди современных демократий.

Не трудно себе представить, сколь горячо и законно желание русского народа скорее заключить мир, чтобы иметь возможность закрепить свои внутренние завоевания; германское правительство сделало попытку использовать это желание для заключения сепаратного мира, не остановившись для этой цели перед поощрением деятельности некоторых «опасных» русских революционеров, которых оно еще недавно так яростно преследовало, желая угодить царю; мало того, оно даже почти заявило о своем дружелюбном отношении к революционному правительству.

В надежде поселить смущение и нерешительность в умах русских народных масс, австро-венгерское правительство, кроме того еще движимое все возрастающими внутренними затруднениями, пошло еще дальше и заявило, что не требует никаких аннексий и контрибуций со стороны России, не обмолвившись однако при этом ни одним словом по поводу того, как она рассчитывает поступить с сербами, румынами и черногорцами. И на этот раз снова, перед лицом такого рода маневра, германское социал-демократическое большинство сделало попытку заставить поверить в искренность и честность этих двухсмысленных, полных недомолвок, заявлений.

Вместо того, чтобы указать германскому пролетариату, как на мощный пример, на русский народ, сбросивший о себя иго тиранов, вместо того, чтобы выставить все демократические и революционные силы против последнего, существующего в Европе, гнезда отократии и реакции, вместо того, чтобы опереться на русскую революцию и продиктовать Европе мир, основанный на принципе социалистического Интернационала, главы германской социал-демократии (большинство) сделали попытку использовать положение для достижения германского мира, который оставил бы неприкосновенным прусский милитаризм и автократию божественного права Гогенцоллернов и Габсбургов».

Бельгия не хочет никакого вассальства

БРП не признает ни малейшей пользы от переговоров с этими партиями (Интернационала и центральных империй) до тех пор, пока поведение их не перестанет итти вразрез с существенными принципами Интернационала. БРП хорошо знает, что германское социалистическое большинство, в своей совокупности, не желает больше территориальных завоеваний в ущерб Бельгии, но тем не менее заявления, сделанные в Стокгольме, заключают в себе, касательно вопроса о каком-то неизвестном нам возможном вассальстве нашей страны по отношению к Франции и Англии, довольно ясный намек на необходимость гарантий, пояснения которых при этом не имеется; кроме того было бы неосновательно думать, что бельгийский пролетариат, столь энергично отстаивая справедливость своего дела и стараясь обратить внимание на постигшее его несчастье, заботится только о своих национальных интересах; напротив, именно потому-то, что он страстно стремится к водворению в Европе политических условий, позволяющих интернациональному пролетариату развивать максимальную деятельность своих сил, он и сливается всем сердцем со всеми угнетаемыми национальностями и жаждет их полного освобождения.

Чет жертвы, которая была бы чересчур тяжела для освобождения угнетаемых национальностей

БРП желает спокойного законного возвращения Эльзас-Лотарингии Франции и считает это восстановление непременным условием продолжительного мира в Европе; она желает восстановления свободного, независимого польского государства, в состав которого входила бы не только русская Польша, но и Галиция и прусские владения Польши; она желает, чтобы мир повлек за собой освобождение чехов, словаков, русинов, итальянцев, сербов и румын, нахо-

дящихся в настоящее время под владычеством немецкого меньшинства в Австрии и мадьяров в Венгрии; она хочет вырвать армян из рук турок, под гнетом которых они пережили столько мучений, введя их, например, в великую семью автономных народов России; она хочет, одним словом, чтобы принцип права народов на самоопределение был действительно проведен в жизнь во всей своей логичности, во всей своей простоте.

Бельгийский рабочий класс за три года научился понимать, какие чувства должны таиться в душе народов, находящихся помимо их воли под гнетом чужестранного владычества; он не перестает думать о страданиях Эльзас-Лотарингии, о десятках тысяч поляков, повешенных за время войны в Галиции, о бесчисленных зверствах, жертвами которых явились итальянцы в Трентино, обо всех страданиях, которые заставляет переносить австрийский абсолютизм чехов, сербов, кроатов и словаков; он считает, что никакая жертва не может быть чересчур тяжелой, если она обеспечит независимую, свободную жизнь этим угнетаемым национальностям, и поэтому-то он и не желает преждевременного мира, который восстановил бы Status quo ante bellum».

Бельгия должна быть вознаграждена

В вопросе о законном вознаграждении некоторых стран германское социалистическое большинство проявляет то же недоброжелательное отношение; пострадавшие Бельгия, Сербия, Франция, могут, по его мнению, сами залечить свои раны, и это на основании германского толкования формулы «без контрибуций». Каким образом? Что касается, например, Бельгии, Германия вполне безнаказанно имела возможность взыскивать громадные военные контрибуции, в сотни миллионов с провинций и городов; накладывать бесчисленные штрафы, часто под самыми ничтожными, даже смешными предлогами, на города, деревни и частных лиц; она вывезла все наши машины, весь сырой материал, систематически разрушила все наши заводы, перехватила в свои руки, по самой разорительной оценке, все уже готовые продукты, разобрала на целые километры железнодорожное полотно, ликвидировала все предприятия, не пожелавшие работать на неприятеля, разрушила и сожгла целые города, деревни, без всякой необходимости военного характера, свела в могилу бесчисленное множество беззащитных мирных жителей, эвакуировала сотни тысяч рабочих, предоставив им затем медленно умирать от голода, холода и дурного обращения; одним словом, сделала все для того, чтобы не осталось ни одной семьи, в которой не оплакивали бы умерших, разорения, нравственных и физических страданий, суровых преследований и приговоров...

И вдруг люди, причинившие все это зло, все разграбившие, все уничтожившие, все отнявшие ради своего стремления к владычеству, не достигнув желаемых результатов, будут иметь право, по мнению германского социалистического большинства, возвратиться к себе по добру по здорову, свободными от каких бы то ни было обязательств, уничтожая одним ударом торжественное обещание, данное 4 августа 1914 г. канцлером и единодушно подтвержденное 2 декабря 1914 г. фракцией социалистов. При этом вероятно еще прибавят, что им необходимо дать гарантии в возможности немедленного возобновления деловых сношений, как в прежнее время, без малейшего препятствия, для наводнения всего света продуктами их производства, в то время как бельгийский рабочий класс, так же как север Франции, в течение долгих месяцев, может быть даже лет, принужден будет посвящать все свои силы реорганизации своих заводов, прежде чем страна окажется в состоянии выпустить хоть одну тонну товара. Да, конечно! Если это необходимо, если мы не можем при таких условиях встать на ноги, нас согласны облагодетельствовать но... черпая для этой цели большую часть вспомоществования в карманах наших же союзников, БРП не желает для своей страны такого рода милостыни; она не желает превратиться в народ, просящий подаяния, она желает только того, что ей принадлежит по праву и будет это иметь.

Не надо преждевременного мира

БРП напоминает, что она высказала те же стремления (как и германское меньшинство) в своей декларации от декабря 1916 г.; но германское социалистическое меньшинство добавляет еще, что продолжение войны не может повлечь за собой достижения этих целей и требует немедленного начала

мирных переговоров. БРП категорически отказывается вступить в настоящее время на этот призрачный и опасный путь.

БРП признает опасным всякое движение в пользу преждевременного мира. Она уже высказала это в своем заявлении от 12 декабря 1916 г. Она считает нужным повторить это снова, опираясь на происшедшие с тех пор события; она с тревогой и подчас с невольно проявляющимся у нее чувством негодования и гнева следила за пропагандой русских большевиков, ослепленных узкими теоретическими воззрениями и увлеченных подозрительными элементами; теперь уже известны горестные последствия этого. Может ли быть что-нибудь печальнее зрелища использования самых чистых доктрин социализма на благо прусского короля!

Мы с грустью видим, как во Франции, в Италии, в Англии, испытанные товарищи социалисты поддаются этим уловкам мира, и не можем понять их ослепления и упрямства, с каким они верят в возможность освобождения Европы от кошмара войны посредством соглашения с отократическими и милитаристическими державами, и достижения искреннего, реального признания ими прав национальностей. Мы не признаем права за нейтральными государствами взывать к чувствам сострадания и человеколюбия, с риском увидеть попранными ногами самые священные права, но думаем также, что имеем право сказать пацифистам Франции, Англии, Италии и России: «Ваши страдания ничто в сравнении с нашими; ваши народы работают и сражаются для самих себя; они лучше питаются, лучше одеты, живут в более теплых помещениях, чем наше население, они имеют нравственное удовлетворение неисчислимой ценности.

Наш бельгийский народ, наоборот, уже в течение трех лет находится в душной тюрьме; его нередко заставляют работать на неприятеля. У него нет ни пищи, ни одежды, ни топлива; он не имеет нравственной поддержки ни со стороны дружественной прессы, ни в виде посещений друзей или писем сыновей с фронта; и тем не менее, невзирая на все это, народ этот—можно спросить его самого—не хочет недостойного мира; он порицает всякое движение, которое могло бы иметь результатом поселение ложных иллюзий и сомнения, усталости или уныния среди товарищей, выполняющих на фронте столь тяжелую, но и столь прекрасную задачу освобождения человечества от власти прошлого.

БРП остается убежденной, что существуют только два средства для достижения этой цели: или сила оружия, или радикальное изменение идей и законов в самых центральных империях таким образом, чтобы демократические страны могли бы вступить в переговоры с этими народами с полным доверием, основываясь на принципах, заключающихся в честно понятой формуле солдат и рабочих России».

Приложение 9

ТЕЛЕГРАММА ДЕЛЕГАЦИИ О КОНФЕРЕНЦИИ СОЦ. ПАРТИЙ СОЮЗНЫХ СТРАН

Делегация Совета телеграфирует 19 августа:

Конференция социалистических партий союзных стран была созвана по инициативе английской «лэбор парти». Повидимому под влиянием постановления Совета о том, что его представители могут присутствовать на союзной конференции в информационных целях, англичане в своем приглашении известили, что конференция будет носить совещательный характер. Тем не менее у русской делегации, прибывшей на конференцию, не могло быть уверенности в том, что конференция подтвердит приглашение «лэбор парти» и признает себя чисто совещательной. Поэтому, в ожидании окончательного и полного выяснения вопроса о характере конференции, русская делегация заявила при открытии конференции, что принимает участие лишь в целях осведомления.

Председательствующий Гендерсон заявил тогда, что конференция будет чисто совещательная, что различные заявления и предложения будут лишь зарегистрированы и что резолюций обязательных конференция принимать не будет. Конференция единогласно подтвердила заявление председателя. Наконец докладчик организационного бюро конференции Вандервальде заявил от имени бюро, что конференция будет носить совещательный характер.

С другой стороны, для русской делегации в самом начале конференции выяснилось, что если она будет присутствовать на конференции лишь для

осведомления и таким образом будет лишена возможности принимать участие в прениях, в комиссиях и общих собраниях, то не только платформа Совета не получит должной защиты, но может восторжествовать направление, с его платформой далеко не совпадающее.

Все члены английского и французского меньшинства, учитывая состав конференции, настаивали на том, чтобы русская делегация принимала деятельное участие в конференции. Моральная победа течения большинства могла поставить меньшинство в тяжелое положение. Ввиду всего этого русская делегация заявила, что принимает участие в конференции наравне с остальными делегациями.

Благодаря этому участию результаты конференции оказались благоприятными для платформы Совета. Так резолюция Лейндмана, предлагавшая отказаться от всякого участия в Стокгольмской конференции, объединила 4 голоса представителей британской национальной партии против 55. Резолюция Макдональда за участие в Стокгольмской конференции собрала 43 голоса против 13. Резолюция его же с протестом против отказа паспортов, с призывом к социалистическим организациям продолжать добиваться выдачи паспортов собрала 54 голоса против 2.

Французским большинством была предложена, между прочим, резолюция с предложением посылки делегации президенту Вильсону в целях побуждения его воздействовать на союзные правительства в пользу организации Лиги наций, но была снята авторами до подсчета голосов.

Представителями большинства была внесена резолюция, предлагающая образовать в Лондоне постоянный Союзный социалистический комитет информационного характера. Эта резолюция собрала 50 голосов против 40.

Русская делегация высказалась против этого предложения и предложила принять меры к пополнению Стокгольмского организационного бюро представителями воюющих держав. Но сторонники Союзного комитета заявили в ответ на это, что представителям союзных стран не выдадут паспортов для поездки в Стокгольм. Кроме представителей бельгийского, французского и английского большинства голосовали за комитет представители английской независимой рабочей партии, французское меньшинство, шедшее по всем остальным вопросам вместе с русской делегацией.

Против Союзного комитета голосовали русская делегация и представители итальянской и британской социалистической партии. Попытка инициаторов конференции выработать общий проект условий мира окончилась полной неудачей. Русская делегация, восставшая против самой идеи выработки союзных условий, внесла декларацию общего характера. К ней присоединилась большая часть французского меньшинства и британская социалистическая партия.

Португальская делегация внесла декларацию, аналогичную русской. Французское большинство вместе с бельгийцами предложило свою декларацию, «лэбор парти» поддерживала собственную записку, а независимая рабочая партия внесла к ней ряд поправок. Все эти записки и декларации были просто зарегистрированы конференцией.

Несмотря на то, что конференция показала, что шансы на скорый созыв Интернационала незначительны, конференция была сплошным моральным торжеством платформы меньшинств. После конференции русская делегация принимала участие в совещаниях групп, разделяющих целиком позицию Совета и составлявших на конференции большинство. Из обмена мнений выяснилось, что если бы Совет, итальянская и британская социалистические партии согласились вступить в Союзный комитет, то в нем образовалось бы большинство, разделяющее платформу Совета. Представители итальянской партии и русская делегация заявили, что они запросят по этому вопросу свои организации и дадут свой ответ впоследствии.

Приложение 10

МАНИФЕСТ СТОКГОЛЬМСКОГО КОМИТЕТА

Стокгольм, 4 сентября.

Организационный комитет стокгольмской конференции опубликовал следующий манифест:

«Комитет прежде всего желает ясно и определенно заявить, что предположение о созыве в Стокгольме Международной рабочей социалистической конференции не оставлено и не будет оставлено. Если бы английским и фран-

цузским делегатам были выданы паспорта, то конференция открылась бы 27 августа. Она состоится, как только будет решен вопрос о паспортах, тогда будет немедленно установлен срок ее созыва.

Русская делегация при посещении Англии, Франции и Италии имела возможность убедиться, что рабочий класс остался верен идее Стокгольмской конференции и что движение в пользу общего выступления в целях достижения справедливого и прочного мира повсюду успешно развивается. Идея конференции встретила столь единодушное сочувствие по той причине, что рабочий класс все более проникается сознанием необходимости, в собственных своих политических и экономических интересах, работать над делом восстановления в Европе устойчивых условий, как и целях скорейшего окончания настоящего конфликта, так и для предотвращения новых столкновений, которые прежде всего отразились бы крайне неблагоприятно на интересах рабочего класса. Рабочий класс, убежден, что прочный мир, такой мир, который не принесет интересы рабочих в жертву интересам капиталистической буржуазии, может быть достигнут лишь общими единодушными усилиями пролетариата всего мира.

Грубый отказ в паспортах, являющийся проявлением усиливающейся реакции, не может явиться препятствием для сознательного прелетариата, который сумел преодолеть гораздо большие затруднения и который понимает, что в данном случае он имеет дело с попыткой помешать ему осуществить исторические его задачи.

Поэтому мы обращаемся к рабочим Франции, Италии, Великобритании и Соединенных штатов с призывом не дать себя лишить элементарного права на обмен мнениями. Дело идет о свободе мысли—одном из самых ценных приобретений Французской революции, от которого организованные рабочие ни в каком случае не должны отказываться, если они не хотят совершить моральное самоубийство.

Чтобы затруднить наше выступление, противники прибегли, в особенности в самое последнее время, к своим традиционным методам. Чтобы усилить ослабевающий военный гипноз, они распространяли всякие обвинения и клевету и, в стремлении своем воздействовать на рабочие массы, даже не остановились перед распространением совершенно ложных утверждений. При этом противники конференции, в руках которых находятся почтово-телеграфные сообщения, воспользовались этим обстоятельством, чтобы задерживать опубликование наших заявлений и даже искажать их. Однако весь этот поход закончился плачевной неудачей, и мы с удовлетворением и гордостью отмечаем, что воля рабочего класса осталась непоколебленной. Подавляющее большинство делегатов междусоюзнической социалистической конференции в Лондоне высказалось за поездку в Стокгольм. Сравнивая заявления, сделанные в начале этого года в Манчестере, когда две трети делегатов высказались против всякой конференции, с резолюцией, принятой в августе 1917 г. в Блэкпуле, где мысль о Стокгольмской конференции уже не встретила принципиальных противников, комитет может с удовлетворением отметить успешное развитие идеи конференции. С другой стороны, Стокгольмская конференция тесно связана с русской революцией. Реакция пыталась сделать революцию ответственной за анархию, в которую Россию вверг царизм, и контрреволюция усилилась вследствие допущенных ошибок и выступления элементов, не проявивших государственной мудрости.

Мы хотели бы выразить нашим русским товарищам, рабочим и крестьянам, наше восхищение и нашу солидарность и вместе с тем обратиться к ним с горячим пожеланием, чтобы они сплотились для защиты демократии и революционной России. Мы убеждены, что рабочие всех стран, радостно приветствовавшие падение царизма, сумеют отразить натиск международной реакции, которая, как теперь уже ясно видно, возлагает свои надежды на контрреволюцию. Вместе с тем мы выражаем твердую уверенность, что австрийские и германские социалисты исполнят свой партийный долг и выступят против всех предположений, имеющих целью погубить революцию и сделать Германию соучастницей русского контрреволюционного движения. Партии, изъявившие согласие участвовать в Стокгольмской конференции, несомненно поймут, что мы, ввиду всех этих обстоятельств, не могли дать ответа на телеграмму, в которой французские социалисты предоставили нам полную свободу решения, равно как и на письма, в которых ряд социалистических организаций Австрии, Германии, Венгрии, Чехии, Боснии и Болгарии, просили нас об установлении окончательного срока созыва конференции.

Однако комитет решил спокойно и планомерно продолжать свою деятельность. В самом непродолжительном времени комитет опубликует все докладные записки, которые он получил от присоединившихся к нему партий, а также объективный отчет по тем вопросам, которые были подняты всеми этими организациями. Те из наших товарищей, которые принадлежат к партиям нейтральных стран, приняли на себя задачу выработать резолюции, которые вытекают из взглядов, высказанных этими партиями.

Эти выводы будут сообщены всем соединившимся партиям, так что их представители получают возможность высказаться по ним тотчас по созыве конференции. Наконец, комитет постановил, в случае если присоединившиеся организации того пожелают, поручить своим членам выступить на новой междусоюзнической конференции в Лондоне или в другом собрании представителей присоединившихся к комитету партий с отчетами о нашей деятельности и о тех решениях, которые нами вынесены относительно предложений, подлежащих обсуждению на международной конференции.

Стокгольмская конференция явится лишь этапом на пути международного социализма. Совместная деятельность рабочих классов разных стран не может достигнуть всех намеченных результатов, если конференция не выставит для нее определенной программы действий, причем эта деятельность не прекратится с окончанием военных действий. Быть может именно тогда пролетариат должен будет следить особенно внимательно за ходом событий и проявить свою жизнеспособность и инициативу, ибо именно тогда нужно будет разработать те окончательные условия, которые определят ход дальнейшей политической и экономической жизни Европы и всего мира. По нашему мнению, Стокгольмская конференция должна путем восстановления способного к общим действиям Интернационала открыть новую эру в борьбе с империализмом. Рабочий класс хочет, чтобы эта война была последней. Он хочет повсеместного установления демократических форм правления. Он желает предотвратить новые конфликты и экономические войны. Он желает, прежде всего, путем восстановления права создания гарантий третейского разбирательства даровать мир человечеству, которое должно разоружиться как на суше, так и на море. Он желает создания истинно свободной и демократической Европы. В то время, как повсюду торжествует ненависть, рабочий класс не отказался от своего идеала братства всего человечества. Имейте только волю к тому—и конференция состоится в самом непродолжительном времени. Для достижения цели необходимо лишь, чтобы отдельные партии сознавали, какая огромная ответственность лежит на них. Таким образом для всего организованного пролетариата лозунгом остается «Стокгольм».

Манифест подписан всеми членами Организационного комитета.

Приложение 11

ЗАПИСЬ

АРМЕЙСКАЯ ГРУППА ЭЙХГОРНА

ОФИЦЕР СВЯЗИ

Главная квартира, 14. V. 1917 г.

11 мая в 6 час. вечера в войсковую часть Драгомирова направились по приглашению уполномоченные офицеры штаба V армии—обер-лейтенант Бринк (командир), капитан Геннеке (бат. ком.) и офицер связи лейтенант Кеммерлинг. При (переходе) через позиции велись сначала переговоры с различными депутатами, а также в штабе 33 дивизии. Здесь около получаса переговоры с приблизительно тридцатью явно подставными депутатами различных войсковых частей, возглавляемыми начальником дивизии. На многочисленные вопросы давались ответы согласно имеющимся директивам. По сравнению с предыдущими переговорами особенно мы выдвинули вопрос о...[1] якобы служивших некоторым препятствием для мира. В сопровождении офицера генерального штаба поехали на трех автомобилях к генералу Драгомирову, вокруг которого собралось много всяких офицеров, а также солдатских депутатов. Проверка и фотографическая съемка мандатов и удостоверение личности прибывших. Затем обер-лейтенант Бринк на французском языке заявил, что Кеммерлинг

[1] Пропуск в оригинале.

управомочен говорить от его имени. Драгомиров, со своей стороны, определенно заявил, что он, правда, не уполномочен вести переговоры, но что ему поручено немедленно передать наши предложения главнокомандующему. Даже Драгомиров сказал: «Какие же предложения собираетесь вы сделать и с какою целью?» Секретарь сидит тут же. Кеммерлинг: «Я хоть и официальный представитель армии, но не могу сделать никаких определенных конкретных предложений о мире. В связи с неоднократными собеседованиями ваших офицеров и солдат с нашими я, по обоюдному желанию, приведен в штаб дивизии и стою теперь перед вашим превосходительством, чтобы выслушать пожелания и предложения вашего превосходительства относительно дальнейших переговоров. Я предложил бы вашему превосходительству выработать соглашение о совещании, в котором приняли бы ответственное участие уполномоченные представители вашей армии и вашего правительства,—представители, которые были бы управомочены при известных условиях заключить перемирие». Драгомиров изумленно: «Меня удивляет, что вы являетесь как уполномоченный с такими неопределенными предложениями. Неужели у вас нет вообще никаких конкретных предложений?» Кеммерлинг: «Я могу только повторить, что я являюсь не как официальный представитель для конкретных переговоров, но что на некоторые вопросы, касающиеся возможного мира, я в состоянии дать вашему превосходительству достоверные ответы в рамках данных мне директив». Драгомиров: «Да, но если ваши предложения имеют такой общий характер, то для чего собственно вы явились сюда?» Кеммерлинг: «Я явился сюда с единственной целью подготовить почву для окончательных переговоров между ответственными представителями обоих правительств. Я только сегодня в час дня был посажен в автомобиль для поездки сюда». Драгомиров: «Я этого не понимаю. Вы говорите, что вы только сегодня в час дня узнали о вашей поездке, а мы сидим здесь уже три дня и обсуждаем: принять вас или нет». Кеммерлинг: «Прошу извинения, но после внезапного ухода 151 (38) дивизии, который мы должны были расценить как меру против завязанных с нами переговоров, я не мог предполагать, что ваше превосходительство заинтересованы в дальнейших переговорах. Вообще же я готов отвечать на вопросы, которые ваше превосходительство пожелало бы задать мне. Я смотрю и на теперешние переговоры, как на продолжение тех, которые были с Пасхи начаты русскими войсками, в интересах мира, по всему фронту, и в частности на фронте вашего превосходительства. К этому стремлению к переговорам мы относимся сочувственно, но считаем сношения между штабами и частные переговоры бесцельными и излишними, и—мы предложили вашим офицерам и солдатам прислать к нам для переговоров своих уполномоченных депутатов». Драгомиров взволнованно: «Мы тоже считаем эти переговоры бесцельными и найдем средства положить конец подобному положению. Стало быть вы не привезли никаких конкретных предложений?» Кеммерлинг: «Нет, ваше превосходительство, я могу только повторить мое предложение и жду с вашей стороны предложения относительно места, где могло бы состояться свидание. Мне поручено предложить для этого место между позициями или на нашей территории». Драгомиров: «Если такие переговоры вообще состоятся, то только в каком-нибудь совершенно нейтральном месте, например в Стокгольме». Кеммерлинг: «Как будет угодно вашему превосходительству». Драгомиров: «Ваше посещение вообще совершенно бесцельно. Но скажите, происходят ли одновременно подобные же переговоры на западной границе?» Кеммерлинг: «Непрестанные атаки и бои ваших союзников сами по себе дают на этот вопрос отрицательный ответ. Вообще же наш рейхсканцлер уже не раз заявлял о нашей готовности начать общие мирные переговоры, а каков был ответ ваших союзников? Это был не просто прямой отказ,—нет, это была все та же неизменная воля к нашему национальному и хозяйственному уничтожению». Драгомиров: «Вы желаете, стало быть, сепаратного мира с нами одними?» Кеммерлинг: «Этого я не хотел сказать, я явился сюда не для того, чтобы подстрекать Россию к отпадению от ее союзниц, но, мне кажется, я могу определенно сказать, что предложения наших официальных представителей дадут России полную возможность взять свою судьбу в собственные руки и добиться мира, приемлемого для России и для нас». Драгомиров: «Неужели вы рассчитываете, что мы заключим мир без наших союзников! Почему вы вообще обращаетесь прямо к армии, а не к нашему ответственному правительству в Петербурге?» Кеммерлинг: «Позволю себе еще раз напомнить вашему пре-

восходительство, что до сих пор все пожелания переговоров исходили от армии, от войск, и мы пока считаем армию наибольшей силой в России». Драгомиров: «Но ведь вы должны же знать из истории, что мирные переговоры открываются всегда правительствами, дипломатами, а не армией. Оставьте нашу армию в покое». Далее Драгомиров хочет еще раз удостовериться, уполномочен ли я отвечать на его вопросы не только армией, но и правительством. Я заявляю ему, что как во всех случаях, так и в настоящем армия несомненно действует по согласованию с правительством. Затем Драгомиров задал несколько вопросов, на которые я дал ответы в рамках полученных директив. В заключение я заявил, что моя миссия закончена, и Драгомиров еще раз сказал, что он сегодня же телеграфно передаст главнокомандующему протоколы нашей беседы; ответ, если таковой будет получен, он обещал сообщить нам. Мы простились и поехали на автомобиле в отведенные нам квартиры, где отужинали с несколькими офицерами генерального штаба и другими и просидели с ними до 4 часов утра, оживленно беседуя. В 4 часа мы на автомобилях выехали обратно и в 7 часов утра прибыли на наши позиции.

Отзыв офицера связи Кеммерлинга: Драгомиров, коренастый генерал, производящий впечатление энергичного солдата, локоничный и твердый, весь под влиянием Антанты, принял и выслушал нас, повидимому, только под давлением солдатских депутатов, внутренно же (враждебен) переговорам. Таким образом дальнейшим переговорам он, по всей вероятности, способствовать не будет.

Верно, подписал: Марокер, капитан.

Приложение 12

ПОЛОЖЕНИЕ О СОЛДАТСКОЙ СЕКЦИИ МАЛОГО СОВЕТА И ВОЕННОМ ОТДЕЛЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА [1]

I. Солдатская секция Малого совета (общее собрание)

1. Солдатская секция Малого совета (Исполнительная комиссия) имеет задачей обсуждение и окончательное разрешение всех профессионально-военных вопросов в пределах постановлений и общих директив Большого совета и его солдатской секции, а также предварительное обсуждение и всех других вопросов, подлежащих окончательному разрешению Исполнительного комитета и Малого и Большого советов.

Примечание. Постановления солдатской секции Малого совета по военным вопросам не считаются окончательными, если Исполнительный комитет в течение семи дней признает, что данный вопрос имеет общеполитическое значение.

Заседаниями солдатской секции Малого совета руководит президиум в составе председателя, четырех товарищей председателя и трех секретарей.

2. Как общее правило все вопросы, подлежащие рассмотрению солдатской секции Малого совета, вносятся в заседание президиумом путем доклада о них соответствующей комиссии или коллегии.

Вопрос должен быть поставлен на обсуждение и без доклада, если заявление об этом будет подписано не менее чем 25 членами Совета.

II. Военный отдел Исполнительного комитета

3. Военный отдел имеет своей задачей: а) подготовку и разработку профессионально-военных вопросов, подлежащих разрешению Исполнительного комитета и солдатской секции Малого совета и Большого совета и б) окончательное разрешение вопросов, не выходящих из рамок общих директив Исполнительного комитета и Советов, и в) приведение в исполнение решений как Исполнительного комитета, так и Советов.

4. В Военном отделе имеется ряд подотделов (комиссий) для разрешения определенного круга вопросов.

---

[1] АОР ф. 1235 с р Д/4 арх. № 74.

5. Комиссия состоит из членов Малого совета и строится на коллегиальном начале: выбирают из своей среды президиум, решают вопросы большинством голосов и т. д.

6. Все решения комиссий, не выходящие из пределов директив Исполнительного комитета и Советов, как окончательные, приводятся в исполнение от имени Исполнительного комитета; остальные постановления комиссии переносятся на разрешение Исполнительного комитета или солдатской секции Малого и Большого советов, в зависимости от характера и значения этих постановлений.

7. Каждая из комиссий Военного отдела имеет определенного представителя в Бюро Исполнительного комитета, который является ответственным перед Исполнительным комитетом; подписывает все бумаги, исходящие из данной комиссии, от имени Исполнительного комитета.

8. В настоящее время организованы и функционируют следующие комиссии:

1) Комиссия обороны. 2) Комиссия связи. 3) Гарнизонная комиссия. 4) Военно-следственная комиссия. 5) Агитационная комиссия. 6) Печатная комиссия. 7) Военно-медицинская комиссия. 8) Финансово-хозяйственная комиссия. 9) Военно-законодательная комиссия. 10) Мандатная комиссия. 11) Ревизионная комиссия. 12) Военно-продовольственная комиссия. 13) Справочная комиссия.

Примечание. Морская комиссия выделена в особую морскую секцию.

9. При Военном отделе имеется канцелярия отдела и справочный стол.

10. Общее направление и руководства делами Военного отдела возлагаются на коллегию Военного отдела, состоящую из членов Исполнительного комитета от солдатской секции Совета, председателей комиссий Военного отдела и членов президиума солдатской секции Малого совета.

11. В частности на коллегию возлагается: 1) Наблюдение и согласование деятельности существующих комиссий Военного отдела и представление о необходимости учреждения новых. 2) Рассмотрение и разрешение вопросов, не входящих в круг ведения существующих комиссий. 3) Общее наблюдение за деятельностью канцелярии Военного отдела и 4) Окончательное разрешение вопросов о приглашении и увольнении служащих.

12. Ближайшее направление текущей работы Военного отдела и организация и наблюдение канцелярии и справочного стола возлагаются на президиум солдатской секции Малого совета.

III. Делопроизводство военного отдела

1. Все бумаги, поступающие в Военный отдел, или непосредственно через общую канцелярию Исполнительного комитета, направляются канцелярией Военного отдела в соответствующие комиссии или в президиум и получают дальнейшее направление.

2. Делопроизводство в отдельных комиссиях возлагается или на секретарей тех комиссий или на приглашенных для того делопроизводителей, работающих под руководством президиума комиссии.

Делопроизводство канцелярии отдела возлагается на делопроизводителя, работающего под руководством президиума солдатской секции Малого совета.

3. Ближайший порядок делопроизводства возлагается на президиум и коллегию.

4. В случаях особой важности, где требуется подпись председателя Исполнительного комитета, бумаги исходят из Военного отдела на бланке Исполнительного комитета (а не Военного отдела Исполнительного комитета) со второй и третьей подписями члена Бюро, ответственного за эту бумагу, и секретаря Исполнительного комитета и проходят в общую регистратуру Исполнительного комитета (комн. 12). Во всех остальных случаях бумаги направляются через свою регистратуру.

IV. К сведению Общего секретариата Исполнительного комитета

Направлять в Военный отдел Исполнительного комитета следует все бумаги, адресованные на имя:

1. Военного отдела.

2. Солдатской части Совета Р и СД,

3. Бывшей Исполнительной комиссии или солдатской секции Малого совета или касающиеся перечисленных выше 12 комиссий Военного отдела.

4. Адресованные в Советы Р и СД, но касающиеся Военного отдела.

Военный отдел имеет собственную печать: Воен. Отд. Исп. Ком. С. Р. и С. Д.

Военный отдел помещается в комнатах № 20, 21, 22 и 23, телефоны: 47-76, 1-04-05 и 48-74.

Комиссия	обороны	помещается в комн.	№ 23, тел. №	48—74
»	связи	» »	№ 22 »	№ 104—05
»	гарнизонная	» »		
»	военно-следственная	» »	№ 22 »	№ 104—05
»	военно-агитационная	» »	№ 55а (2-й этаж)	
»	печатная	» »	№ 15 тел.	№ 104—06
»	военно-медицинская	» »	№ 20 »	№ 47—76
»	финансово-хозяйствен.	» »	№ 21	
»	военно-законодательн	» »	№ 21	
»	мандатная	» »	№ 21	
»	военно-продовольств.	» »	№ 21	
»	ревизионная	» »	№ 21	
»	справочная	» »	№ 21	

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

Президиум Военного отдела:

Председатель Владимир Завадье, член Исполнительного комитета и член Бюро Исполнительного комитета.

Товарищ председателя: Мечислав Бинасик, член Исп. к-та и член Бюро Исп. к-та Владимир Ватенин, Дмитрий Усачев и Андрей Садовский.

Секретари: Иван Легенький, Василий Горохов и Иван Мортиков.

В состав коллегии Военного отдела входят:

Президиум Военного отдела и председатели комиссии:

Обороны — Бинасик.
Связи — Квятковский.
Гарнизонной — Огурцовский.
Военно-следств. — Диесперов.
Военно-агитационный — Фамулевич.
Печатной — Менциковский.
Военно-медицинской — Глазунов.
Финансово-хозяйств. — Виноградов.
Военно законод. — Бинасик.
Мандатной — Горохов.
Военно-продовольств. — Милованов.
Ревизионный — Павловский.
Справочной — Усенко.

И кроме того — 19 членов Исп. к-том:

А. Сомов, А. Менциковский, В. Завадье, Р. Вербо, Ф. Орлов, М. Бинасик, Диесперов, В. Скалов, Борисов, Жуковский, Пальцман, Пальчинский, П. Бульчев, Ковалев, Заварин, К. Иванов, Мантурин, Венгеров.

Представителями солдатской секции в Бюро Исполнительного комитета состоят следующие члены Исполнительного комитета:

Владимир Завадье, Мечислав Бинасик, Анатолий Сомов и Роберт Вербо.

Состав служащих Военного отдела.

1. Делопроизводитель общей канцелярии — Квинихидзе.
2. Помощник делопроизводителя общей канцелярии — Михеев.
3. Журнал входящих бумаг — Ямщиков.
4. » исходящих бумаг — Никаноров.

5. Машинист — Хлебников.
6. » — Слесарев.
7. Для информации и направления к лицам в канцелярию — Баумбах.
8. » » » » » » » » — Факторович.
9. » » » » » » » » — Л. Баумбах.
10. » » » » » » » » — Распопина.
11. Рассыльный при канцелярии и работе на шапирографе — Лазебиый.
12. Делопроизводитель президиума — Иванов.
13. Писарь при комиссии обороны — Кузьмин.

КРУГ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ВОЕННОГО ОТДЕЛА

1. Комиссия обороны. Комиссия обороны занимается разработкой различных общих вопросов, связанных с поддержанием боеспособности армии (вопросы о пополнении армии, об отпусках и призывах различных категорий военнообязанных, о дезертирах и т. д.) и кроме того разрешает некоторые фактические вопросы: о выводе маршевых рот и воинских частей из Петрограда (в связи с этим ведется учет наличного состава воинских частей), о переводах и о прикомандированиях солдат из одной части в другую, а также о прикомандированиях солдат к различным учреждениям и заводам, вопросами секретного характера и др.

2. Комиссия связи. Комиссия связи служит для связи Военного отдела, а в случае надобности—и других со всеми частями войск и фронта, для чего организовано радиотелеграфное сообщение, телеграфное сообщение, телефонное сообщение и экспедиция отправки бумаг. К обязанности комиссии относится предоставление транспортных средств для поездок членов комиссий для доставки продовольствия и других грузов.

3. Военно-следственный отдел. Комиссия производит обследование всевозможных случаев непорядка в воинских частях военно-технических и интендантских заведений заводских, фабричных и торгово-промышленных предприятиях, работающих на оборону, а также продовольственного отдела во всех его отраслях, связанных с обороной. Кроме того следственная комиссия производит поверку лиц, состоящих на учете, работающих на оборону.

Следственная комиссия состоит из 4 отделов: 1) Военный. 2) Фабрично-заводский. 3) Торгово-промышленный и продовольственный. 4) Железнодорожный.

4. Военно-агитационная комиссия. Деятельность комиссии заключается в организации воинских частей на началах самоуправления, политической и просвещения. Комиссия руководит работой на местах путем корреспондирования, консультирования приезжающих с фронта и снабжения их соответствующей социалистической литературой. Комиссия делает подбор литературы, снабжает ею местных работников и издает листовки.

5. Печатная комиссия. Печатная комиссия заведывает изданием газеты «Голос солдата».

6. Военно-медицинская комиссия. Медицинская комиссия разделяется на 2 отдела: Законодательный и Текуще-деловой.

Законодательный—занят разработкой как самостоятельных законопроектов, так и просмотром, создаваемых в центральных правительственных учреждениях военно-медицинского характера и центральными органами профессиональных военно-медицинских союзов.

Текуще-деловой—занят разрешением текущих дел—недоразумений в обиходе госпитальной и лазаретной жизни и удовлетворением частных запросов.

7. Финансово-хозяйственная комиссия. К обязанности комиссии относится:

1) Заведывание помещением солдатской секции Малого совета.

2) Покупка и выдача канцелярских принадлежностей и других предметов хозяйства.

3) Заведывание продовольственной частью для членов Малого совета.

4) Заведывание общежитием для прибывающих делегатов с фронта и провинции (одно на Суворовском пр., 69, другое на Гагаринском, 6).

5) Переписка о замене обмундирования делегатов с фронта и др.

6) Получение авансом сумм из Финансового отдела Совета Р и СД и выдача таковых на предметы: 1) Авансы комиссиям. 2) Оплаты по счетам фи-

нансово-хозяйственной комиссии. 3) Уплата суточных денег членам солдатской секции Малого Совета.

8. Мандатная комиссия. Комиссией производится поверка и замена старых билетов членов Совета Р и СД и выдача им новых удостоверений. Выдача новых удостоверений производится каждый день с 12 часов до 5 часов дня.

9. Справочная комиссия. К ведению справочной комиссии относится:

1. Получение бумаг из Общего секретариата и распределение их по комиссиям.

2. Письменные ответы на вопросы принципиального характеа и в случае возникновения новых направлений к их дальнейшему разрешению.

3. Выдача справок письменно и устно.

4. Проведение бумаг срочным порядком.

У стола справочной комиссии постоянное дежурство одного из членов справочной комиссии и кроме того два товарища постоянных для выдачи устных справок. Стол открыт от 10 час. утра до 6 час. вечера.

Приложение 13

ПРИКАЗ ОСОБОЙ АРМИИ

16 марта 1917 г. № 278/41

(По Отделу генерал-квартирмейстера)

Ввиду распространяющихся в войсках слухов о том, что солдатам будет предоставлено право выбирать себе начальников, считаю необходимым разъяснить:

1. Порядок этот, вследствие исключительных обстоятельств, был допущен только для гарнизонов Петрограда и Москвы, что и подчеркнуто в воззвании Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, составленном по соглашению с военным министром.

2. В обоих гарнизонах, стоящих далеко от боевой обстановки, применение выборного порядка, вызванного особенностью переживаемого в столицах политического положения, могло быть допущено как единовременная мера, и пока части остаются в тылу.

3. В войсках действующей армии применение подобного порядка привело бы к полному расстройству управления, так как могли бы быть устранены от командования дельные и знающие начальники, требовательность которых по службе являлась бы естественной причиной их невыбора солдатами, а также вследствие весьма возможного добровольного ухода многих офицеров из войсковых частей, из-за нежелания попасть в ложное и зависимое от подчиненных служебное положение.

Одновременно объявляю приказ армиям юго-западного фронта от 15 марта сего года № 342, который подтверждает, что «выборное начало, при нормальных условиях, ни в каком случае не может и не должно иметь место в войсках, а тем более недопустимо на театре военных действий».

Армия, и без того потерявшая огромный процент офицеров в боях, потеряла бы в значительной мере свою боеспособность. К тому же быстрая смена состава офицеров и солдат в самое горячее боевое время также создаст непреодолимые препятствия к проведению в жизнь этого порядка.

Вместе с тем все это может внести рознь в солдатскую среду в случаях, когда не будет достигнуто полного соглашения.

Начальствующим лицам разъяснить солдатам то, чему нас учит история, а именно, что ни в одной из армий, ни в какие времена и ни при какой форме правления порядок выбора солдатами своих начальников не был установлен, так как повлек бы за собой существенный ущерб боеспособности армии.

Известен только один пример применения выборов, и то в армии малой численности и комплектовавшейся строго территориально, а именно—в бурской армии во время войны 1899—1900 гг., но и там рядовые бойцы,—что у нас соответствовало бы солдатам рядового звания,—выбирали только унтер-офицеров и младших офицеров, а последующие чины выбирали соответствую-

щих начальников из своей среды; так генералы выбирали старшего над собой генерала. Однако буры, несмотря на проявленную ими выдающуюся личную доблесть, были в конце концов разбиты англичанами, главным образом по причине совершенной неудовлетворительности управления и внутреннего порядка.

Наконец, главная причина, почему в армии недопустимо выборное начало—это то, что если младшие будут избирать старших, то на них должна лечь ответственность за успешность ведения боевых операций; следовательно от этой ответственности пришлось бы избавить старших войсковых начальников.

Естественно, что такой порядок не мог бы дать хороших последствий.

Не допускаю и мысли, чтобы у солдат могло возникнуть убеждение, что управление войсками может быть поставлено на такие шаткие основания, результатом которых может явиться неминуемо поражение армии. Исключения конечно могли бы быть, и выбор мог бы в той или иной части остановиться на безусловно доблестном начальнике, но случаи обратные были бы неизмеримо более частыми и последствия таковых не искупились бы единичными удачными выборами.

Такие мысли могут распространять в войсках только люди злонамеренные, стремящиеся не к победе над врагом, а напротив, врагом подосланные или льстиво им подученные для внесения смуты и разложения в русской армии.

Приказ этот должен послужить темою для бесед всех старших начальников и офицеров с солдатами в тех случаях, когда для последних что-либо в этом вопросе оставалось бы неясным и недоговоренным.

Подп. Командующий армией, генерал-от-кавалерии Гурко.

Приложение 11

На подлинном написано: «Утверждаю». Командующий Особой армией генерал-от-кавалерии Гурко.

16/III 1917 г.

УСТАВ И НАКАЗ СОВЕТУ АРМЕЙСКИХ ВЫБОРНЫХ ОСОБОЙ АРМИИ

Глава I

Общее положение о составе советов

§ 1. Для более тесного единения чинов Особой армии учреждается совет армейских выборных, который разрешает возникающие в частях войск, в связи с переходом России к новому государственному строю, вопросы политические и всякого рода военно-бытовые вопросы, возникающие в тех же частях армии, причем обсуждению советов не подлежат тактические вопросы, связанные с ведением военных действий.

§ 2. Совет армейских выборных состоит из облеченных доверием представителей от частей войск Особой армии: гг. офицеров, воен. врачей, воен. чиновников, солдат и представителей военного духовенства.

§ 3. Каждая воинская часть, входящая в состав Особой армии, имеет право быть представленной в общем собрании совета своими выборными как от офицеров, так и от солдат: каждый пехотный полк посылает от солдат 2 выборных, каждая пехотная дивизия—2 офицеров, каждый кавалерийский полк—1 солдата, каждая кавалерийская дивизия—1 офицера, от штаба каждого корпуса и штабов его дивизии—1 офицера и 2 солдат, саперный полк—1 офицера и 2 солдат, легкая артиллерия от бригады—1 офицера и 2 солдат, мортирный дивизион—1 офицера и 1 солдата, тяжелый дивизион—1 офицера и 1 солдата, отдельн. кавалерийский полк—1 офицера и 1 солдата, отдельная сотня—или офицера или солдата, воздухоплавательная наблюдательная станция—1, или офицера или солдата, автомобильные отряды—1 офицера или солдата, автомобильная рота—1 офицера и 2 солдат, артиллерийская парковая бригада—1 офицера и 2 солдат, ополченская дружина, этапный, понтонный и пр. отд. батальоны—1 офицера и 2 солдат, железнодорожный батальон—1 офицера и 2 солдат, военно-дорожный отряд—1 офицера и 1 солдата, эксплоатационный батальон—1 офицера или солдата, искровая рота—1, или

солдата или офицера, авиационный отряд—1 солдата, авиационный дивизион—1 офицера, обозный баталион—1 офицера, и каждый транспорт—1 солдата, отдельные сотни, эскадроны, батареи, роты и команды со списочным составом не менее 100 чинов—1 или солдата или офицера; отдельные команды меньшего состава имеют право соединиться для избрания общего представителя—1 на 100 воинских чинов (солдат), госпиталя, лазареты, эвакуационные, питательные и прочие пункты, также и все санитарные учреждения и команды делают выборы офицеров или солдат применительно к нормам отдельных баталионов, рот и команд и пр. в соответствии со своим составом. Штаб армии: отделы ген.-квартирмейстера и санитарный—каждый по 1 солдату и 1 офицеру, отдел дежурного генерала—1 офицера и 2 солдат, Отдел этапно-хозяйственный—1 офицера и 3 солдат.

Выборы производятся солдатами от каждой роты, эскадрона, батареи, команды или соответствующей этому делению воинской части по 2 выборщика, все выборщики полка, бригады или отдельного баталиона, собравшись вместе, избирают выборного в общее собрание.

1. Примечание. Полковые или соответствующие им выборщики остаются представителями в полку и служат связью между комитетом полка и своей ротой. Офицеры каждого полка или соответствующей ему части выбирают из офицерском собрании двух представителей от полка. Офицерские представители от данной дивизии избирают вышеуказанное количество выборных.

2. Примечание. Полковые выборщики офицеры, чиновники, врачи, духовенство остаются представителями и служат связью между выборными совета и своей частью.

3. Примечание. В отдельных мелких воинских частях, поименованных в настоящем параграфе, где положен 1 выборный, либо офицер, либо солдат, таковой избирается в совет армейских выборных прямым голосованием.

4. Примечание. В каждой отдельной воинской части должен быть избран постоянный комитет, обсуждающий как все свои нужды и входящий в сношение с выборными в Совет армейских выборных своими представителями.

§ 4. Утверждение выборных командиром части не требуется, а собрание ротных выборных через одного из своей среды докладывает о результатах выбора командиру части, который немедленно должен распорядиться о выдаче выборным от полка представителям документов, удостоверяющих их самоличность, именно как выборных представителей данной части с приложением к документам засвидетельствованной фотографической карточки.

§ 5. Выборные представители имеют право во всякое время отлучаться в место нахождения Общеармейского совета выборных для присутствия в созываемых установленным порядком собраниях этого совета и по вызову его распорядительного органа.

§ 6. Командующему армией предоставляется право командировать для дачи объяснений и участия в собраниях совета лиц с правом совещательного голоса, причем полномочия этих лиц ограничиваются данным собранием.

§ 7. Каждая вновь прибывающая в состав армии часть, вступая, так сказать, механически в армейскую семью, вместе с тем имеет право выслать в армейский совет выборных своих представителей на общих основаниях.

§ 8. Сроки, на которые выбираются представители, устанавливаются самими избирателями, но во всяком случае продолжительность полномочий не должна быть менее 6 месяцев, а если кто-либо из выборных по той или иной причине выбыл из части до истечения указанного 6-месячного срока, то часть обязана немедленно на место убывшего выбрать нового представителя установленным выше порядком, о чем немедленно же должна известить совет армейских выборных.

Глава II

Порядок разрешения вопросов

§ 9. Собрания совета армейских выборных производятся открыто, и на них может присутствовать всякое принадлежащее к составу армии лицо, а в исключительных случаях к присутствованию в таковых собраниях в качестве слушателей допускаются по решению простым большинством голосов собрания данного дня и лица, к армии не принадлежащие, а также, в исключительных только случаях, по постановлению $^3/_4$ голосов присутствующих в данном собрании выборных, заседания могут быть закрытые и на таковых уже не должны присутствовать лица, не принадлежащие к составу самого собрания.

§ 10. Голосования собрания происходят посредством поднятия рук, вставанием, разделением на группы, записками и всеми теми способами, которые в каждом данном случае председателем собрания, с согласия последнего, будут признаны наиболее удобными.

§ 11. Все вопросы, за исключением вопросов, указанных в § 8 настоящего наказа, и за исключением вопроса об изменении самого наказа, разрешаются простым большинством голосов, причем каждый член собрания имеет равный голос, но в случае разделения поровну голосов данного собрания должно считаться принятым мнение, к которому примкнул председатель.

§ 12. Всякие изменения настоящего наказа возможны только в том случае, если необходимость такого изменения будет признана $^3/_4$ голосов наличных членов собрания следующего за собранием, в которое отнесено предложение об изменении наказа.

§ 13. Собрание совета считается состоявшимся, если собралось не менее $^1/_{10}$ всех представителей совета.

§ 14. Все постановления совета представляются установленным порядком командующему армией, причем постановления по вопросам, разрешение которых зависит от власти командующего армией, представляются на его утверждение, а постановления по вопросам вне его компетенции представляются тому же командующему для направления такого постановления в законном установленном порядке до законодательного органа включительно. После утверждения командующим армией постановлений совета и объявления их по армии таковые становятся обязательными для всех лиц, армию составляющих.

§ 15. Объявляются такие утвержденные постановления совета в приказаниях по армии, в «Вестнике Особой армии» и в «Особых известиях совета армейских выборных».

§ 16. Собрания совета армейских выборных происходят, по возможности, и сообразно с удобствами и местными условиями, в районе расположения штаба армии в помещениях, наиболее к тому удобных, отводимых для этой цели общим порядком.

§ 17. Собрания совета созываются по мере надобности установленными постоянными его органами или по распоряжению командующего армией.

§ 18. Постоянным органом совета является постоянный президиум, избранный на 6-месячный срок на первом собрании совета армейских выборных в составе председателя, его товарища, секретаря и его помощника.

§ 19. Председатель президиума ведет заседание общего собрания совета армейских выборных и представляет постановления такового на утверждение командующего армией.

§ 20. Никто без разрешения председателя собрания не имеет права обращаться к собранию. Председатель управляет ходом заседания, наблюдает за порядком объяснений, возражений и замечаний, устраняя при этом все, что не имеет прямого отношения к делу, не допускает в речах оратора нарушения должного уважения к личности или корпорации и вообще нарушения благопристойности в собрании. Причем, в случае неподчинения данного лица его распоряжению, председатель лично имеет право неподчинившемуся его распоряжению делать замечание, предупреждать его о лишении слова и лишать такового и представлять на разрешение собрания вопросы об удалении неповинующегося на данное заседание, на несколько заседаний или о лишении данного выборного его звания.

§ 21. Для поддержания порядка в общих собраниях совета армейских выборных и для проверки полномочий, являющихся на эти собрания членов в распоряжение председателя собрания назначается по усмотрению председателя из числа явившихся членов потребное число распорядителей.

§ 22. Всему происходящему в собрании, а также всем выносимым собранием постановлениям ведется секретарем в особой книге протокол за подписью как председателя или его товарища, так и секретаря.

§ 23. В этой же книге против записей постановления необходимо делать отметки подлежащими постоянными органами собрания о последовавшем утверждении или неутверждении такового постановления.

§ 24. Совет выборных имеет право издавать свою газету, а также выпускать по мере надобности брошюрки, летучки и т. п.

§ 25. Средства совета армейских выборных образуются из взноса чинов армии, определяемых самим советом, из денег, отпускаемых в установленном

командующим армией размере из сумм штаба армии, из денег, ассигнуемых отдельными частями войск по усмотрению начальников этих частей и из других какого-либо рода поступлений.

§ 26. Правление совета расходует суммы совета согласно общим задачам организации (§ 1) и указаниям собрания для осуществления вступивших в законную силу постановлений собрания.

§ 27. Для денежной отчетности должна быть заведена приходо-расходная книга за шнуром и печатью дежурного генерала штаба армии.

§ 28. Постоянными установленными для того органами должна вестись запись прихода и расхода денежных сумм совета, причем по истечении каждого месяца в первое после первого числа следующего месяца собрание отчет в приходе и расходе этих сумм должен со своим заключением представляться ревизионной комиссией на утверждение собрания совета.

§ 29. Денежные суммы совета выборных хранятся в полевом казначействе при штабе армии, куда они вносятся на имя совета и выдаются по документам, подписанным подлежащими должностными лицами совета и скрепленным печатью совета.

§ 30. Совету выборных присваивается особая мастичная и сургучная печать с соответствующим наименованием, которая и хранится у председателя правления совета.

ГЛАВА III

Исполнительные органы Совета

§ 31. Общее собрание совета избирает правление совета в составе председателя совета, 2 тов. председателя, казначея, секретаря и его помощника на 6-месячный срок. В состав правления входят все председатели комиссий, а в случае их отсутствия или невозможности прибыть на заседание правления, их товарищи.

Примечание. В случае выбытия кого-нибудь из членов Правления совета до истечения полномочий, на ближайшем собрании армейского совета выборных избирается новый член на его место.

§ 32. На первое время намечаются следующие комиссии: а) осведомительная, б) культурно-просветительная, в) юридическая, г) согласительная и д) медицинско-санитарная. Члены комиссии избираются на общем собрании в количестве: осведомительная не менее 30, б) культурно-просветительная—15, в) юридическая—10, г) согласительная—10 и д) медицинско-санитарная—10. Они сами выбирают из своей среды председателя, тов. председателя, секретаря и его помощника.

Кроме указанных лиц комиссии имеют право приглашать сведущих лиц из чинов армии как на отдельные заседания, так и на целый ряд таковых.

§ 33. Прарвление совета, являясь постоянным исполнительным органом армейского совета выборных, ведает всеми делами, объединяет деятельность комиссии, распределяет между ними поступающие дела, принимает и осуществляет постановления комиссий или отвергает таковые.

Все вопросы в правлении решаются простым большинством голосов. Голос председателя решающий при равенстве голосов. Правление в лице секретаря ведет книгу постановлений, каковые подписываются председателем и всеми присутствующими на данном заседании членами правления.

§ 34. Ассигнование денег производится по постановлению правления за подписью председателя или его товарища и секретаря.

§ 35. Казначей правления является ответственным лицом за правильность хранения сумм: ведет книгу прихода и расхода и отчетность, за его подписью выдаются квитанции о поступающих на имя советов суммах.

§ 36. К обязанности секретаря относится ведение книги постановлений правления, составление денежных отчетов, докладов правлению и общему собранию совета и все делопроизводство правления совета, и он же заведует имуществом совета армейских выборных и ведет этому имуществу опись.

§ 37. Осведомительная комиссия ведает всеми делами о могущих возникнуть недоразумениях, трениях и столкновениях в армии на почве неправильного толкования гражданских прав свободы, с одной стороны, и попрания этих прав, с другой стороны—урегулированием взаимоотношений между

воинскими чинами армии на этой почве и ограждением свободной народной армии от всяких попыток внести в ее среду беспорядок, подрывающий стойкость, единство, дисциплину и дух армии, откуда бы таковые попытки ни исходили.

§ 38. Культурно-просветительная комиссия ведает всеми делами, освещением современных политических событий с точки зрения приобретенных свобод путем издания газеты, листков, воззваний, брошюр, устройством чтений, лекций и собеседований.

§ 39. Юридическая комиссия ведает разрешением возникающих в жизни армии вопросов о правильном толковании приказов нового Временного правительства и воинских уставов в связи с приобретенными правами граждан.

§ 40. Согласительная комиссия входит по мере надобности в связь с частными и общественными организациями, входящими в район армии.

§ 41. Медицинско-санитарная комиссия ведает вопросами, связанными с эвакуацией больных и раненых и санитарией армии, и доводит через правление совета до сведения лиц и учреждений о могущих быть внесенными улучшениях.

§ 42. Ревизионная комиссия выбирается общим собранием в количестве 6 человек, ревизует деятельность правления и комиссий, о чем и представляет повременные и периодические доклады собранию совета. Члены комиссии имеют право во всякое время рассматривать книги и документы правления совета.

§ 43. В случае ликвидации совета армейских выборных, ввиду демобилизации или других причин, связанных с невозможностью дальнейшего существования армии, как единого целого, все капиталы и имущества должны быть направлены согласно постановлению общего собрания, действительного лишь в случае прибытия не менее половины выборных, причем решение должно быть принято не менее $^{3}/_{4}$ наличного состава. В случае, если первое собрание не состоится, то созывается второе собрание, действительное при всяком количестве членов.

§ 44. Настоящий наказ вступает в силу после принятия его организационным собранием армейских депутатов и утверждения его командующим армией, причем через неделю после объявления наказа по армии должно быть созвано общее собрание совета армейских выборных избранных на основании сего наказа.

§ 45. Бывшее до сего времени собрание представителей от частей войск должно почитаться Учредительным собранием и с момента открытия, основанного на началах настоящего наказа первого собрания армейского совета выборных, почитается потерявшим свое полномочие.

15 марта 1917 г.

Председатель комиссии: подполковник Животовский.

Товарищ председателя: рядовой Новицкий.

Члены:
- Подп. Попов
- Есаул Калуженин.
- Прап. Никетин.
- З. в. чиновник Труханов.
- Старший писарь Вронский.
- Старший ун.-оф. Безобразов.

Означенный устав и наказ совету армейских выборных Особой армии принят на общем собрании 15 марта 1917 г. подавляющим большинством голосов против 5. На собрании присутствовало 350 солдат-выборных предъявивших делегатские удостоверения от 80 нестроевых и 85 строевых воинских частей Особой армии, и 53 офицера. Кроме того на собрание были допущены солдаты, прибывшие с позиций в числе 12 чел., не имеющие удостоверений делегатских полномочий.

Председатель собрания: подпоручик Коробчанский.

Товарищ председателя: Новицкий.

Секретарь: Демидов.

ДИРЕКТИВНОЕ ПИСЬМО ШТАБА ДЕСЯТОЙ АРМИИ[1]

«В единении — сила».

Начальник штаба
X армии
17 марта 1917 г.
№ К. 2922.

Милостивый государь!

Командирам корпусов — 20, 35, 38, 1 Сиб. и 2 Кавказского и начальнику 81 пех. дивизии.

Только что происшедший политический переворот, устранивший старую власть и создавший новую в лице Временного правительства, ряд приказов нового правительства по армии, поколебавших прежние основы организации и дисциплины армии, ряд выступлений в печати Совета рабочих и солдатских депутатов—все это не могло не отразиться на армии, ее боеспособности и основе армии, ее дисциплине.

Страна и армия в опасности. Необходимо принять меры, которые на новых основаниях сохранили бы боевую мощь армии и поддержали основу ее—дисциплину. Для этого необходимо прежде всего приблизить на товарищеских основаниях офицерский состав к солдатам, дабы последние видели в своих офицерах старших товарищей и руководителей, которые разъясняли бы им возникающие у них вопросы, в связи с происходящими событиями, и внушали им необходимость дисциплины, без которой нет победы над общим врагом.

Для того чтобы организовать солдатскую среду и достичь полного согласия в понимании офицеров и солдат, главнокомандующий приказал образовать совместные комитеты из солдат и офицеров на свободных выборных началах.

Чем скорее армия и тыл покроются сетью таких объединительных солдатско-офицерских организаций—ротных, эскадронных, сотенных, батальонных, полковых, батарейных, дивизионных, корпусных и армейских,—тем прочнее укрепится боевая мощь армии.

15 марта состоялось собрание офицеров отдела генерал-квартирмейстера вверенного мне штаба, которое, избрав из своей среды организационный комитет, поручило последнему войти в связь с подобными комитетами при штабе фронта, низших штабах и соседними армиями.

Основными положениями деятельности подобных организаций должны быть: 1) признание единой власти в руках Временного правительства до созыва Учредительного собрания, 2) доведение войны до победоносного конца, 3) сохранение дисциплины и боеспособности армии и 4) тесная внутренняя связь между офицером и солдатом.

Рекомендуется принять для первоначальной организационной работы указанных выше комитетов следующую примерную схему, при сем прилагаемую.

В основе составления схемы было принято следующее: комитеты должны быть немногочисленны, так как при многолюдном составе трудно продуктивно работать, и затем по условиям боевой обстановки выборы представляют некоторые технические затруднения, и нежелательно отвлекать из строя много людей.

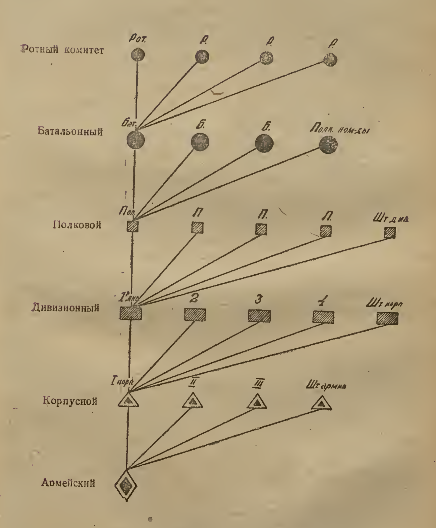
Командующий армией обращает особое внимание на необходимость полной искренности отношения всех лиц армии в этом новом для нас деле, иначе при отсутствии доверия живая творческая работа для устройства жизни на новых началах погибнет в самом своем зародыше.

Уважающий вас покорный слуга В. Минут.

[1] См. В.И А., дело № 91.

Схема

Секретно К № 2922



Старший адъютант оперативного отделения генерального штаба,
полковник Чайковский.

(Объяснение см. стр. 356).

Объяснение к схеме

I. Ротный комитет:
От каждого взвода по два солдата.

II. Батальонный комитет:
От каж ой роты по 1 офицеру и по 2 солдата.

III. Полковой комитет:
От каждого батальона по 1 офицеру и по 4 солдата.
От всех команд 1 офицер » » 4 »

IV. Дивизионный комитет:
От пехотного полка по 1 офицеру и по 3 солдата.
От артиллерийских бригад по 1 офицеру и по 3 солдата.
От комитета штаба дивизии » 3 офицера и « 8 солдат.

V. Корпусной комитет:
От дивизионного комитета по 1 офицеру и по 3 солдата.
От комитета штаба корпуса « 2 офицера и « 6 солдат.

VI. Армейский комитет:
От корпусного комитета по 1 офицеру и по 3 солдата.
От комитета штаба армии « 2 офицера и » 6 солдат.
От корпусного комитета по 1 офицеру и по 3 солдата.
От комитета штаба армии 2 офицера и » 6 солдат.

Примечаиия. 1. В артиллерии, коннице и специальных частях комитеты избираются применительно к пехоте.
2. Все команды полка и нестроевая рота избирают комитет по схеме батальона.
3. Штаб дивизии с придаиными частями и учреждениями — по схеме полка.
4. Штаб корпуса с придаиными ему частями и учреждениями по схеме дивизии.

Старший адъютант оперативного отделения
Генерального штаба: подполковник Чайковский.

Приложение 16

ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОЛДАТ XII АРМИИ

Утвержденное в IV сессии совета солдатских депутатов армии

А. Цель организации.

Целью организации является:

1. Создание из всех солдат армии стройной, сплоченной организации для выполнения стоящих на очереди военных и политических задач.

2. Приобщение солдат армии к организованной демократии всей России.

3. Защита родины и свободы от внешнего врага.

4. Защита завоеваний революции и поддержка Временного правительства в осуществлении программы, соответствующей интересам демократии.

5. Подготовка солдат к сознательному участию в выборах в Учредительное собрание.

6. Усиление боеспособности армии путем создания разумной дисциплины, основанной на ясном представлении о правах и обязанностях солдата-гражданина.

7. Предупреждение неорганизованных выступлений, как ведущих к ослаблению и уменьшению сопротивляемости армии.

8. Удовлетворение духовных потребностей солдат.

9. Защита интересов солдат и улучшение их быта.

10. Урегулирование отношений между солдатами и командным составом.

11. Контроль над снабжением армии.

Б. Состав организации

12. Солдатскую армейскую организацию составляют: а) общее собрание рот, б) ротные комитеты, в) общее собрание ротных комитетов, г) полковые комитеты, д) совет солдатских депутатов и е) исполнительный комитет. Кроме

того организуются дивизионные и корпусные совещания и гарнизонные комитеты.

Примечание I. Солдатская организация является составной частью Всероссийской организации солдатских, рабочих и крестьянских депутатов.

Примечание II. Организация может вступать в сношения, в организационную связь с другими демократическими организациями.

Примечание III. В частях, имеющих иные деления, чем роты и полки, организация состоит из комитетов, аналогичных ротным и полковым, (например в артиллерии — батарейные и бригадные комитеты).

Примечание IV. Комитеты, аналогичные полковым, организуются во всех войсковых соединениях, которые подразделяются на отдельные части или команды. Эти комитеты состоят из совокупности всех комитетов отдельных частей и команд. Кроме того такие комитеты организуются при учреждениях, могущих объединиться по характеру своей деятельности или по месту нахождения (например при санитарных, интендантских и т. п.).

В. Организация рот и ротных комитетов

13. Общее собрание роты избирает ротный комитет, дает ему руководящие указания и проверяет его действия. Выборы производятся путем тайного голосования.

14. Общее собрание роты избирает товарищеский суд.

15. Общее собрание роты избирает хозяйственных чинов.

16. Общее собрание роты считается полномочным, если на нем присутствует не менее $^{2}/_{3}$ солдат роты, состоящих налицо.

Примечание. При невозможности произвести голосование всей ротой, таковое производится частями рот, причем общее число поданных голосов должно равняться $^{2}/_{3}$ всех голосов.

17. Общее собрание роты созывается в свободное от занятий время ротным комитетом по его инициативе или по заявлению $^{1}/_{5}$ части роты.

18. Ротный комитет состоит из 5 человек, к которым избираются кандидаты в числе не более 3.

Примечание I. В ротах и командах очень большого состава или с обширным хозяйством состав комитета может быть увеличен до 7 человек.

Примечание II. В командах и частях, в состав которых входит меньше 100 человек, комитет может состоять из 3 человек.

19. В ротный комитет могут быть выбраны только солдаты роты.

20. Из своего состава комитет избирает председателя и секретаря, исполняющего обязанности председателя в его отсутствие.

21. Из числа членов ротного комитета общее собрание выбирает представителя в полковой комитет.

Примечание. Войсковые соединения, которые делятся на небольшое число частей или команд, но имеют большое хозяйство, в полковой комитет могут избирать по 2 представителя от части или команды.

22. Дела в комитете решаются простым большинством голосов. При равенстве голосов голос председателя дает перевес. Заседание комитета правомочно, если участвует более половины состава комитета.

23. Время и место заседания ротного комитета определяется им самим в пределах расположения роты.

24. Комитет избирается на три месяца. До истечения этого срока перевыборы некоторых или всех членов комитета производятся по заявлению, подписанному одной пятой роты.

25. Постановления роты передаются общему собранию роты для пересмотра по заявлению, подписанному одной пятой роты.

26. Офицеры роты могут присутствовать на заседании комитета и на общем собрании роты с правом совещательного голоса лишь по приглашению комитета.

Г. Права и обязанности ротного комитета

Комитет стремится к достижению целей организации, изложенных в разделе «А».

Для этого он:

27. Проводит в жизнь постановления общего собрания роты, общего собрания ротных комитетов, полкового комитета, совета солдатских депутатов и исполнительного комитета.

28. Содействует сплочению солдат роты.

29. Разъясняет товарищам смысл и значение происходящих в стране и на фронте событий.

30. Заботится о поддержании порядка и дисциплины в роте.

31. Устраивает собрания, лекции, чтения, беседы; заботится о получении газет, журналов и книг.

32. Улаживает недоразумения между солдатами и офицерами роты.

33. Передает на рассмотрение товарищеского суда дела, предусмотренные Положением о товарищеских судах.

34. Предлагает товарищескому суду пересмотреть и отменить постановление о прекращении сношений с осужденным товарищем, если он, по мнению комитета, исправился.

35. Составляет очередь отпусков и представляет ее на утверждение роты.

36. Созывает по мере надобности общее собрание роты.

37. Передает на рассмотрение полкового комитета свои постановления, проведение которых в жизнь встречает препятствия. До рассмотрения полковым комитетом проведение постановления откладывается.

38. Рассматривает вообще всякие вопросы для внесения их через своего представителя в полковой комитет.

39. Контролирует ротное хозяйство.

40. Члены ротного комитета могут быть лишены полномочий постановлением товарищеского суда.

41. На время заседания или исполнения поручений, возложенных на них комитетом, члены ротного комитета освобождаются от несения служебных обязанностей.

42. Члены ротного комитета без их согласия не могут быть переведены из роты.

Примечание. Все пункты, касающиеся ротных комитетов, относятся также к комитетам аналогичным.

Д. Права и обязанности общего собрания ротных комитетов

43. Общее собрание ротных комитетов созывается президиумом полкового комитета по его инициативе или по заявлению одной шестой ротных комитетов.

44. Общее собрание ротных комитетов дает указания полковому комитету и проверяет его действия.

45. Общее собрание считается полномочным, если на нем присутствуют две трети числа ротных комитетов и вместе с тем больше половины общего числа членов всех ротных комитетов.

46. Общее собрание ротных комитетов избирает ревизионную комиссию в составе 3 членов и 2 кандидатов к ним для поверки отчетности и целесообразности расходов, производимых полковым комитетом.

Примечание. Члены полкового комитета не могут быть членами ревизионной комиссии

Е. Организация полкового комитета

47. Полковой комитет состоит из представителей всех строевых рот, полкового обоза 1-го и 2-го разряда и всех полковых команд.

Кроме того в полковой комитет входят члены совета солдатских депутатов армии, если даже они не являются членами ротных комитетов.

48. Полковой комитет избирает из своей среды председателя, 2 товарищей председателя и 2 секретарей. Все эти лица составляют президиум или полковой исполнительный комитет.

Примечание I. Один из членов президиума исполняет обязанности казначея.

Примечание II. Президиум проводит в жизнь постановления комитета.

Примечание III. Президиум комитетов, аналогичных полковым (примечание IV к § I) состоит из представителей частей или команд по одному от каждой. Обязанности члена президиума распределяют между собою сами.

Примечание IV. Взамен представителей от рот, избранных в президиум, в ротах избираются дополнительно другие лица.

49. Время и место заседаний полкового комитета определяются им самим в пределах расположения полка.

50. Место нахождения президиума определяется комитетом в пределах расположения полка.

51. Собрание полкового комитета считается полномочным, если на нем присутствует более половины членов комитета.

52. Постановление комитета принимается простым большинством голосов. При равенстве голосов голос председателя дает перевес.

53. Офицеры полка могут присутствовать на заседаниях комитета с правом совещательного голоса лишь по приглашению комитета.

Ж. Права и обязанности полкового комитета

Полковой комитет:

54. Проводит в жизнь постановления общего собрания ротных комитетов, дивизионных и корпусных совещаний, гарнизонных комитетов, где такие имеются, совета солдатских депутатов и исполнительного комитета армии.

55. Объединяет деятельность ротных комитетов и рассматривает все вопросы, которые вносятся на его рассмотрение ротными комитетами.

56. Содействует распространению среди товарищей по полку правильных сведений о происходящих в стране и на фронте событиях.

57. Защищает интересы солдат полка и содействует успешному разрешению интересующих их вопросов.

58. Заботится о поддержании порядка и дисциплины в полку.

59. Улаживает все недоразумения между офицерами и солдатами полка, для чего: а) входит в сношение с офицерским комитетом полка, б) обращается к дивизионным или корпусным уполномоченным и в) обращается в примирительную комиссию исполнительного комитета армии.

60. Выписывает для ротных комитетов газеты, журналы, устраивает библиотеки, лекции, собеседования, спектакли, вечера и заботится об удовлетворении иных духовных потребностей солдат полка.

61. Все расходы, вызываемые потребностями солдатской организации, производит президиум комитета по его постановлению. Денежные суммы на расходы получаются: а) из полковых сумм и б) из пожертвований в пользу организации.

62. Заведует солдатской лавкой полка.

63. Контролирует все полковое хозяйство.

Примечание. В отношении производства расходов и контроля хозяйства правами полкового комитета пользуются комитеты частей, самостоятельно ведущих хозяйство.

64. Участвует через своего представителя в полковой санитарной комиссии.

65. При невозможности разрешить какой-нибудь вопрос собственными силами, обращается за его разрешением в общее собрание ротных комитетов; к дивизионным или корпусным уполномоченным или непосредственно в армейский исполнительный комитет.

66. Полковой комитет дает отчет о своей деятельности общему собранию ротных комитетов не реже одного раза в месяц.

67. Члены комитета освобождаются от нарядов на службу и на работу за исключением боя.

68. По постановлению комитета члены его могут для исполнения служебных обязанностей проживать где угодно в пределах расположения полка.

69. Члены полкового комитета лишаются своих полномочий:

а) постановлением общего собрания своей роты (§ 24).

б) постановлением общего собрания ротных комитетов, принятым большинством $^{2}/_{3}$ голосов участников собрания.

В этом случае член полкового комитета может быть вновь избран своей ротой или командой.

Примечание. Член президиума может быть лишен полномочий только общим собранием ротных комитетов.

70. Член полкового комитета может быть временно устранен самим комитетом, который должен для окончательного решения вопроса созвать общее собрание ротных комитетов.

Примечание. Все пункты, касающиеся полковых комитетов, относятся к комитетам аналогичным (бригадным и дивизионным в артиллерии, штабным комитетам дивизий и корпусов, комитетам санитарных учреждений и пр.).

З. Дивизионные совещания и дивизионные уполномоченные

71. Дивизионные совещания бывают 2 родов:
а) совещания комитетов всех частей дивизии,
б) совещания президиумов этих частей.

Примечание. Части корпуса, не входящие в состав дивизий, и тыловые части дивизий и корпуса участвуют в совещаниях дивизии, к которым они ближе расположены.

72. Дивизионное совещание собирается в пределах расположения дивизии в сроки, им заранее установленные или по созыву дивизионных уполномоченных.

73. Дивизионное совещание:
а) согласует деятельность представленных в нем комитетов.
б) занимается рассмотрением различных вопросов, которые вносятся представленными в нем комитетами или отдельными членами его.

74. Дивизионное совещание избирает из своего состава 5 дивизионных уполномоченных.

75. Дивизионные уполномоченные избираются сроком на 3 месяца малым составом совещания.

Примечание. До истечения этого срока уполномоченный лишается полномочий:

а) только постановлением совещания.

76. Уполномоченные проводят в жизнь такие постановления совещания, которые имеют значение для всей дивизии, но носят местный характер.

77. Уполномоченные проводят в жизнь по предложениям комитетов отдельных частей такие постановления их, которые требуют соглашения со штабом дивизии.

78. Уполномоченные улаживают недоразумения между солдатами и офицерами частей дивизии в тех случаях, когда к ним обращаются комитеты этих частей.

79. Уполномоченные поддерживают между собой постоянную связь и съезжаются в установленные ими самими сроки.

Примечание: Если позволяет количество работников на местах, то уполномоченные могут образовать дивизионный комитет, находящийся при штабе дивизии. В этом случае на должности, которые занимаются уполномоченными в комитетах своих частей, там избираются другие лица.

И. Корпусные совещания и корпусные уполномоченные

80. Корпусные совещания бывают двух родов:
а) совещание комитетов всех частей корпуса,
б) совещание членов совета солдатских депутатов от корпуса.

81. Совещание созывается:
а) в сроки, им самим устанавливаемые,
б) по предложению какого-либо дивизионного совещания,
в) по созыву корпусных уполномоченных.

82. Деятельность корпусного совещания аналогична деятельности дивизионного совещания.

83. Уполномоченные избираются сроком на 3 месяца по 3 от дивизии: 2 от строевых частей дивизии и 1 от нестроевых.

Примечание I. Части корпуса, не входящие в дивизии, избирают отдельно 3 от о-мо енных.

Примечание II. Дивизионные уполномоченные могут быть одновременно и корпусными.

Примечание III. До истечения срока корпусный уполномоченный лишается полномочий только по постановлению совещания всей дивизии.

84. Деятельность корпусных уполномоченных аналогична деятельности дивизионных.

85. Постановления корпусных и дивизионных совещаний и уполномоченных, проведение которых в жизнь встречает препятствия, передаются в армейский исполнительный комитет. До решения исполнительного комитета такие постановления не приводятся в исполнение.

Примечание. Гарнизонный комитет пользуется правами корпусного совещания.

К. Совет солдатских депутатов

86. Совет солдатских депутатов армии является высшим органом солдатской организации. Он определяет общее направление деятельности организации и избирает исполнительный комитет и ревизионную комиссию.

87. Совет солдатских депутатов собирается в сроки, назначенные им самим. В особо важных случаях он может быть созван исполнительным комитетом по его собственной инициативе, по предложению 2 корпусных совещаний полного состава или по предложению ревизионной комиссии.

88. Постановления совета солдатских депутатов являются обязательными для всех составных частей солдатской организации.

89. Состав совета солдатских депутатов определяется следующим образом:

а) от пех. полка—5 представителей;

б) от арт. бригады—по 1 представителю от дивизиона;

в) от кавал. полка—2 представителя;

г) от инженер. полка—3 представителя;

д) от отд. арт. див.—1 представитель;

е) не перечисленные выше части дивизий и корпусов, а равно и части, не входящие в состав корпусов, выбирают по 1 представителю на полные 500 человек;

ж) мелкие части и учреждения объединяются через свои комитеты группами и выбирают представителей по тому же расчету.

Примечание. Образование тех или иных групп происходит по соглашению комитетов их составных частей.

з) при определении численного состава групп принимается во внимание штатное число людей в составных частях групп;

и) отдельная часть или учреждение при составе в 400 чел. посылает в совет 1 представителя.

90. Члены совета избираются на 3 месяца прямым и тайным голосованием избирателей.

При невозможности по условиям военного времени произвести выборы всем избирателям вместе, выборы производятся по частям, а в крайнем случае производятся общим собранием комитетов данной части или группы.

Л. Армейский исполнительный комитет

91. Исполнительный комитет является исполнительным органом совета.

92. Исполнительный комитет избирается тайным голосованием следующим образом:

а) 30 членов комитета избираются всем составом совета солдатских депутатов;

б) 10 членов комитета избираются представителями частей, не входящих в корпуса;

в) 4 члена комитета избираются представителями латышских полков;

г) каждый корпус избирает членов комитета на 1 больше, чем в корпусе числится дивизий;

д) 1 член комитета избирается представителями отдельной дивизии.

Примечание. Взамен членов комитета в частях, откуда члены эти выбраны, в совет избираются дополнительно другие депутаты.

93. Члены исполнительного комитета, избранные всем составом совета, остаются в комитете даже в случае, если убывают из армии те части, в которых они числятся. Остальные члены комитета убывают вместе со своими частями.

94. Исполнительный комитет избирается на 3 месяца. До истечения этого срока члены комитета могут быть лишены полномочий постановлением совета.

Примечание. Члены комитета, избранные не всем составом совета, могут быть лишены полномочий своими избирателями.

95. Члены комитета могут быть временно устранены постановлением комитета большинством $^2/_3$ голосов присутствующих на заседании, причем на заседании должно присутствовать не менее $^1/_2$ состава комитета.

Постановление это должно быть представлено совету в ближайшей его сессии.

96. Из своей среды исполнительный комитет избирает президиум в составе, определяемом самим комитетом.

97. Исполнительный комитет является юридическим лицом.

98. Заседания исполнительного комитета назначаются им самим, а также его президиумом по собственному усмотрению или по заявлениям 10 членов комитета.

99. Порядок рассмотрения и решения дел определяется самим комитетом.

100. Исполнительный комитет проводит в жизнь постановления совета солдатских депутатов.

101. Исполнительный комитет принимает решения по текущим делам согласно общим директивам совета.

102. Исполнительный комитет является представителем совета во всех случаях, кроме тех, когда советом избирается особое представительство.

103. Исполнительный комитет издает газету «Известия совета солдатских депутатов XII армии».

104. Исполнительный комитет координирует деятельность всех местных органов организации и предпринимает все, что нужно для достижения целей организации, изложенной в разделе «А».

105. Исполнительный комитет производит расходы на нужды организации.

106. Средства исполнительного комитета составляются:

а) из сумм, отпускаемых штабом армии;

б) из пожертвований в пользу организации;

в) из доходов от продажи газет, книг, устройства концертов и т. д.

107. Контроль правильности и целесообразности расходов производится ревизионной комиссией, действующей на основании особого устава.

Приложение 17

Приложение к протоколу от 25/V

ПОЛОЖЕНИЕ

ОБ ОПЕРАТИВНОМ КОНТРОЛЕ СО СТОРОНЫ ВОЙСКОВЫХ МАСС

I. Задача контроля

Оперативный контроль учреждается для того чтобы:

1. Обеспечить солдат, без различия чина, звания и положения, от произвольного, а не для пользы дела, риска их жизнью и честью и дать им уверенность в том, что их посылают на смерть действительно за свободу и право, а не ради интересов отдельных лиц, классов (или национальностей).

2. Чтобы жизнь солдата не зависела от бесталантности, незнания, неосведомленности, халатности или отсутствия личного мужества руководителей боями.

5. Чтобы устранить возможность того явления, которое наблюдалось при чаемых ими донесений о всех данных обстановки (состояние физическое и нравственное частей войск, данных о действиях наших и противника, разведки, состоянии патронов, снарядов и т. п.) и предостеречь их от необоснованных и излишне рискованных предприятий.

4. Чтобы дать начальникам при принятии ими решения в боевой обстановке (инициативу) возможность опереться на мнение большинства их подчиненных и тем отстоять правильность принятого ими решения.

5. Чтобы устранить возможность того явления, которое наблюдалось при старом строе, что выдвигались не те люди, которые действительно этого заслуживали, а сумевшие представить старшим начальникам свои действия в неправильном и своекорыстном освещении.

6. Чтобы пресечь возможность появления на командных должностях людей, уже показавших неоднократно свою полную неспособность к командованию на командных должностях, низших, или же равных вновь им предоставляемым.

II. Контроль

Ротный контроль

1. Функции оперативного контроля возлагаются на ротный комитет, для чего последний выделяет намеченную всей ротой комиссию из двух или трех человек.

Ротный контроль:

а) участвует в разработке планов боевых операций роты и обсуждает их по окончании (право совещательного голоса);

б) контролирует боевой и численный состав роты (людей, штыков, пулеметов, минометов, бомбометов, патронов, противогазовых масок и т. д.);

в) контролирует состояние передовых позиций и участвует в комиссии по их приему;

г) контролирует все боевые донесения командира роты;

д) отвечает за правильность донесения командира роты наравне с ним;

е) в случае явных злоупотреблений немедленно сообщает ротному комитету и батальонному контролю;

ж) безусловно соблюдает военные тайны;

з) поддерживает непосредственно связь с батальонным и полковым оперативным контролями;

и) контролирует все команды, подчиняющиеся, хотя и временно, командиру роты.

2. Во время боя командир роты распоряжается единолично, но для проверки донесений при нем постоянно находится один из членов ротного контроля.

Батальонный контроль

1. Функции оперативного контроля возлагаются на комиссию при командире батальона, в которую входят по 1 члену от ротного комитета каждой роты батальона, избранные всей ротой, итого 4 человека.

2. Батальонный контроль:

а) участвует в разработке планов боевых операций батальона и обсуждает их по окончании (право совещательного голоса);

б) контролирует боевой и численный состав батальона (людей, штыков, пулеметов, патронов, минометов, бомбометов и т. д.);

в) контролирует состояние передовых позиций батальона и участвует в комиссиях по их приему;

г) контролирует все боевые донесения командира батальона;

д) отвечает за правильность донесений командира батальона наравне с ним;

е) в случае явных злоупотреблений немедленно извещает полковой контроль;

ж) безусловно соблюдает военные тайны;

з) поддерживает непосредственную связь с полковым оперативным контролем.

Полковой контроль

1. Функции оперативного контроля полка возлагаются на особую оперативную комиссию, учреждаемую при штабе полка.

2. В комиссию входят члены из полкового комитета по числу батальонов в полку (желательно по одному от каждого батальона), 1—от инженерных войск, находящихся на участке полка, и 1—от артиллерии, стоящей на том же участке, итого 5—6 человек.

3. Полковой контроль:

а) участвует в разработке планов боевых операций полка и обсуждает их по окончании (право совещательного голоса);

б) контролирует боевой и численный состав полка (людей, штыков, винтовок, пулеметов, бомбометов, минометов, орудий, снарядов, ракет, шанцевого инструмента и т. д.);

в) контролирует состояние передовых и тыловых позиций полка и участвует в комиссиях по приему их;

г) в случае явных злоупотреблений немедленно сообщает в дивизионный контроль и полковой комитет;

д) имеет непосредственную связь с низшими и высшими инстанциями;
е) вносит в полковой комитет предложения о награждении отличившихся, представляя необходимый материал;
ж) может командировать своих членов на места для собирания необходимых сведений;
4. Во время боя командир полка распоряжается единолично, но контроль находится при нем для поверки донесений (за правильность которых отвечает наравне с ним).
5. Сведения об истекшей операции собираются ротными и батальонными комиссиями и передаются в полковой контроль.
6. Все изменения, вызываемые различными обстоятельствами на местах, могут проводиться в жизнь только по утверждении их исполнительным корпусным комитетом.

Дивизионный контроль

1. Функции оперативного контроля дивизии возлагаются на особую оперативно-контрольную комиссию, учреждаемую при штабе дивизии и состоящую из представителей каждой отдельной части (полка, артиллерии и инженерных войск, итого 4+1+1=6 человек.
2. Дивизионный контроль:
а) входит в состав управления дивизии с правом совещательного голоса;
б) участвует в разработке планов боевых операций и обсуждает их по окончании;
в) контролирует боевой и численный состав дивизии (людей, штыков, шашек, пулеметов, патрон, ракет, минометов, бомбометов, орудий, снарядов и т. д.);
г) контролирует состояние передовых и тыловых позиций и участвует в комиссиях по их приему;
д) безусловно соблюдает военные тайны;
е) в случаях явных злоупотреблений немедленно сообщает исполнительному комитету дивизии и в оперативный контроль корпуса;
ж) поддерживает непосредственную связь с оперативно-контрольными комиссиями в высших и низших инстанциях;
3. Инициатива ведения боя принадлежит начальнику дивизии, но все его распоряжения, распоряжения, поступающие свыше, а равно и донесения контролируются комиссией, ответственной за правильность донесения наравне с ним.

Примечание. В случае, если начальник штаба дивизии лично примет участие в бою инициатива переходит в его руки, но контроль остается при нем для поверки донесения.

4. Дивизионный контроль следит за оперативной перепиской.

Корпусной контроль

1. Функции оперативного контроля корпуса возлагаются на особую оперативно-контрольную комиссию, учреждаемую при штабе корпуса, которая выделяется из корпусного съезда и входит в состав исполнительного корпусного комитета. Комиссия состоит из представителей каждой дивизии, артиллерии и инженерных войск корпуса, всего 5—6 человек.
2. Корпусной контроль:
а) входит в состав управления корпуса с правом совещательного голоса и обнимает деятельность инспектора артиллерии и корпусного инженера;
б) участвует в разработке планов боевых операций и обсуждает их по окончании;
в) контролирует боевой и численный состав корпуса (людей, штыков, шашек, пулеметов, минометов, бомбометов, орудий, снарядов и т. д.);
г) контролирует состояние передовых и тыловых позиций и участвует в комиссиях по их приему;
д) безусловно соблюдает военные тайны;
е) в случае явных злоупотреблений немедленно сообщает исполнительному комитету корпуса и оперативному контролю армии.
ж) поддерживает непосредственную связь с оперативно-контрольными комиссиями высших и низших инстанций.

3. Инициатива ведения боя принадлежит командиру корпуса, но все его распоряжения, распоряжения, поступающие свыше, а равно и донесения контролируются комиссией, ответственной за правильность донесения наравне с ним.

Примечание. В случае, если начальник штаба корпуса лично примет участие в бою — инициатива переходит в его руки, но контроль остается при нем для проверки донесений.

4. Корпусной контроль следит за оперативной перепиской.

Председатель съезда: солдат Апетер.
Секретарь: солдат Злотников.

Приложение 18

ОБЩЕФЛОТСКИЙ КОМИТЕТ [1]

1. Общефлотский комитет является высшей объединяющей инстанцией для центральных флотских комитетов Балтийского, Черноморского, Беломорского и Сибирского флотов.

2. Общефлотский комитет является высшим выборным учреждением в составе морского ведомства и сносится по вопросам внутренней жизни флотов с Морским министерством, по вопросам же общегосударственного значения с Исполнительным комитетом Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Примечание. Постановления общефлотского комитета проводятся в жизнь по морскому ведомству.

3. Общефлотский комитет имеет своей задачей:
а) объединение деятельности центральных комитетов;
б) организацию морских сил на демократических началах;
в) поддержание боеспособности флотов;
г) подготовку к выборам в Учредительное собрание.

Примечание. Первой задачей общефлотского комитета является:
а) созыв всероссийского флотского съезда, перед которым общефлотский комитет ответствен за свою деятельность;
б) подготовка материалов в виде доклада всероссийскому флотскому съезду по реорганизации учреждений морского ведомства на демократических началах и другим вопросам.

4. В общефлотский комитет члены избираются на местах общим, равным и тайным голосованием в следующей пропорции:

От Балтийского флота	16
» Черноморского »	12
» Беломорского »	6
» Тихоокеанского »	4
» Амурской флотилии	2
Всего	40 чел.

В случае необходимости увеличить состав, общефлотский комитет сносится с центральными комитетами морей о дополнительных выборах с сохранением пропорции.

5. Президиум общефлотского комитета (председатель, товарищ председателя и секретарь) входит в Исполнительный комитет Всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с правом решающего голоса по вопросам, вносимым общефлотским комитетом, и вместе с флотскими делегатами составляет морской отдел при Центральном исполнительном комитете:

а) Морской отдел Исполнительного комитета имеет своего представителя в президиуме Исполнительного комитета,

б) члены Исполнительного комитета от флотов входят с правом решающего голоса в общефлотский комитет.

6. До прибытия выборных, по указанной процентной норме, представи-

[1] См. В.И.А, дело № 88.

телей от флотов членами общефлотского комитета являются: 1) имеющие мандаты с правом решающего голоса на Всероссийском съезде советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и 2) имеющие временные мандаты в морскую секцию от морей при Петроградском исполнительном комитете.

7. Общефлотскому комитету предоставляется широкое право кооптации, причем кооптируемые члены пользуются правом совещательного голоса.

8. По окончательном сформировании общефлотского комитета, комиссиям Лебедева, Юрковского передать в комитет все имеющиеся в их распоряжении материалы работ комиссии.

9. Средства на расходы общефлотского комитета до составления сметы должны отпускаться по мере надобности из кредита морского ведомства.

Председатель: лейт. Левговд.
Секретарь: Л. Кожевников.

Приложение 19

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ СОЛДАТСКОЙ СЕКЦИИ И ВОЕННОГО ОТДЕЛА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ Р и СД

I. Солдатская секция Всероссийского центрального исполнительного комитета

1. Солдатская секция ВЦИК является высшим органом солдатского самоуправления и имеет целью: а) обсуждение и окончательное разрешение всех профессионально-военных вопросов в пределах постановлений и общих директив Всероссийского съезда советов Р и СД и ЦИК; б) предварительное обсуждение и других вопросов, подлежащих окончательному разрешению ЦИК, если эти вопросы затрагивают профессионально-военные интересы солдатской массы.

2. Постановления солдатской секции и по военным вопросам не считаются окончательными, если Бюро ЦИК признает, что вопрос этот имеет общеполитическое значение и подлежит разрешению всего ЦИК.

3. Как общее правило, все вопросы, подлежащие рассмотрению солдатской секции, вносятся на заседания Военным отделом путем доклада о них соответствующей комиссии или бюро. Вопрос должен быть поставлен на обсуждение солдатской секции и без доклада, если заявление об этом будет подписано не менее, чем 15 членами солдатской секции.

4. Заседаниями солдатской секции руководят члены Военного отдела по назначению бюро или особо избранный солдатской секцией для данного собрания президиум.

5. Заседания солдатской секции бывают очередные (один раз в неделю) и экстренные: последние созываются бюро ВО, по собственной инициативе или по заявлению 15 членов ЦИК.

II. Военный отдел Центрального исполнительного комитета

6. Военный отдел ЦИК, являясь рабочим органом ЦИК по военным вопросам и исполнительным органом солдатской секции, имеет своей задачей: а) подготовку и разработку профессионально-военных вопросов, подлежащих разрешению ЦИК и его солдатской секции; б) окончательное разрешение вопросов, не выходящих из рамок постановлений и общих директив ЦИК и солдатской секции; в) приведение в исполнение постановлений ЦИК и солдатской секции.

7. Военный отдел состоит: а) из ряда подотделов (комиссий) для разрешения определенного круга вопросов и б) из общего для всего ВО бюро.

8. Комиссии ВО составляются из членов ЦИК и строятся на коллегиальном начале: выбирают из своей среды президиум, решают вопросы большинством голосов и т. д.

Примечание. Комиссии имеют право кооптировать в свой состав и не-членов ЦИК, которым может быть предоставлено право решающего голоса с утверждения бюро ВО.

9. Все решения комиссии по вопросам, входящим в круг ведения комиссии, если решения эти не выходят из пределов директив ЦИК и его солдатской

секции, приводятся в исполнение как окончательные от имени ВО ЦИК; остальные постановления комиссии переносятся на разрешение ЦИК или его солдатской секции.

10. Общее направление и руководство делами ВО возлагается на бюро ВО, состоящее из 15 человек, избираемых солдатской секцией и утверждаемых ЦИК, и из председателей комиссии ВО.

Примечание. В состав бюро могут быть избраны и не-члены солдатской секции ЦИК.

11. В частности на бюро ВО возлагается: а) наблюдение и согласование деятельности существующих комиссий ВО и представления о необходимости учреждения новых; б) рассмотрение и разрешение вопросов, не входящих в круг ведения существующих комиссий в пределах постановлений и общих директив ЦИК и солдатской секции; в) созыв и ведение заседаний солдатской секции ЦИК; г) организация и наблюдение за деятельностью канцелярии ВО; д) приглашение и увольнение служащих ВО.

12. Военный отдел имеет своих представителей в бюро ЦИК: в числе ..... [1] человек, которые намечаются бюро ВО и утверждаются Бюро ЦИК и пользуются правами заведующих отделами.

13. Представители ВО в Бюро ЦИК являются представителями определенных комиссий в Бюро ЦИК, которые являются ответственными перед Бюро за направление работ комиссии. Все бумаги, исходящие из данной комиссии от имени ВОЦИК, должны иметь подпись и этого представителя.

Все другие бумаги, имеющие характер текущей переписки и исходящие от имени самой комиссии, подписываются только членами президиума.

Примечание. Каждая комиссия имеет право по делам своей комиссии выставлять в Бюро ЦИК докладчиков по своему усмотрению.

14. Представителями ВО могут быть только члены ЦИК, хотя не обязательно из состава солдатской секции.

15. Представители ВО в Бюро ЦИК входят в состав бюро ВО без особого избрания.

III. Комиссия Военного отдела Центрального исполнительного комитета

1. Реорганизация армии (законодательная): а) выработка уставов органов управления и самоуправления армии; б) подготовка приказов, постановлений по военному ведомству; в) разъяснение законов, приказов, постановлений; г) разработка законоположений о материальном обеспечении семейств военнослужащих и помощи больным и раненым.

2. Укомплектование и снабжение армии (боеспособности): а) пополнение действующих полков личным составом; б) снабжение вооружением, боевыми припасами, снаряжением, техническими и перевозочными средствами; в) пополнение конским составом; г) хозяйственные вопросы: продовольствие, обмундирование, фураж и пр.

3. Фронтовая: а) выбор и назначение комиссаров и их помощников; б) посылка ответственных агитаторов; в) снабжение армии литературой; г) корреспонденция с армией; д) прием делегаций.

4. Культурно-просветительная: а) издание и редактирование солдатской газеты, брошюр и воззваний; б) устройство солдатских курсов, лекций; в) подготовка армии к выборам в Учредительное собрание.

5. Следственно-юридическая: а) расследование служебных злоупотреблений, случаев превышений власти, как органов управления, так и самоуправления армии; б) разрешение недоразумений, конфликтов.

6. Помощи военнопленным.

7. Канцелярия и секретариат: а) справочный стол.

Приложение 20

СХЕМА ДОКЛАДА О РАБОТАХ ВОЕННОГО ОТДЕЛА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

I. Организация ВО

1. Причины отсутствия творческой работы ВО: а) 3—5 июля, применение политики Временного правительства; б) положение на фронте. Посылка деле-

[1] Пропуск в оригинале, свидетельствовавший об отсутствии договоренности с Бюро ЦИК.

гаций; в) постоянные смены в военном министерстве; г) савинковщина; д) корниловщина; е) Гельсингфорс, Выборг, Финляндия.

II. Что было сделано

1. Работы по составлению положений.
2. Деятельное участие в комиссии по выработке законов по выборам в Учредительное собрание.
3. Комиссариат в действующей армии.
4. Созыв представителей армейских организаций на государственное совещание и выдвинутые перед ними вопросы: а) организационные уставы; б) комиссариат; в) комитет при Ставке; г) совет при военном министре; д) возглавление всех армейских организаций в лице солдатской секции ЦИК.

III. Что осуществляется

1. Тесный контакт с Военным министерством.
2. Сильное влияние на назначение.
3. Учреждение совета при военном министре.
4. Учреждение комитета при Ставке.
5. Участие в работах в разгрузке армии.
6. Участие в выяснении положения интендантских запасов в действующей армии.
7. Созыв съезда.

IV. Работы совета при военном министре.

Срочное рассмотрение положений.

Рассмотрены и требуют окончательного согласия Верховского:
1. О комиссарах.
2. Общее положение о войсковых организациях.
3. Ротные, полковые, дивизионные, корпусные и армейские комитеты.
4. Комитет при Ставке.

Рассматриваются в секциях:
1. Гарнизонные советы.
2. Военно-окружные комитеты в прифронтовой полосе.
3. Положение о комиссиях снабжения.
4. Об организациях в технических частях.
5. Краевой совет Кавказской армии.

Для разработки Положений, указанных в пп. 2, 3 и 4, вызваны из действующей армии специалисты.

Подлежат рассмотрению:
1. Организации в военно-санитарных учреждениях.

Еще не разработаны:
1. Положение о судах.

К вопросу о положениях

Разрабатывая положения, мы имели в виду следующие главные основания:

1. Точное определение взаимоотношений между начальствующими лицами организаций солдатского самоуправления.
2. Точное определение функций и организации.
3. Права, но и обязанности наших организаций.
4. Установление ответственности для солдатских организаций как за превышения, так и за бездействие.
5. Все организации рассматриваются, как органы солдатского самоуправления и соответственно с этим и субсидируются ассигнованием до 20 млн. рублей.
6. Лица, входящие в комитет, освобождаются от занятий, но лица, не входящие в указанные организации, не освобождаются.
7. Все организации должны быть санкционированы.
8. Национальные организации, как самостоятельные, не допускаются. В общих организациях могут образовываться национальные секции.

9. Со стороны начальствующих лиц устанавливается наблюдение за закономерностью, но не за целесообразностью.
10. Высшие организации ведают в действующей армии снабжением армии.
11. Боевое сотрудничество комитетов и командного состава.
12. Право отвода и аттестования лиц командного состава.
13. Установление срока полномочий членов комитетов.
14. Гарантия об отправке на фронт или перевода в другую часть.

Было выдвинуто 3 принципа: а) что солдатские организации являются органами государственными, б) что они должны являться органами созданного управления и в) органами солдатского самоуправления.

Функции организации:

1) хозяйственные, 2) внутренний распорядок и быт части, 3) культурно-просветнтельные, издание органа, 4) политическое руководство, 5) участие в обсужденнн вопросов строевой подготовки и 6) участие в обсуждении вопросов, связанных с подготовкой к бою.

О судах

1. Необходнмо пересмотреть Положение о революционных судах.
2. Увелнчение количества военно-окружных судов.
3. Учреждение корпусных судов.
4. Увеличение и учреждение новых судов ставит на очередь вопрос: а) о привлеченни юристов не только военных, но и частных, б) о создании, может быть, особых курсов для подготовки военных судей.
5. Оставление дисциплинарных судов.
6. Реформирование Положения о судах, и 1-е—это право избирания судьями председателя (отмена, следовательно, обязательного выбора председателями офицеров).
7. Необходимость для дисциплинарных судов разбора дел в кратчайший срок (24—48 час.).
8. Сформирование особых частей для осужденных за особо важные проступки (отличие этих частей от обыкновенных: а) суровая дисциплина, б) отсутствие выборных организацнй, в) суровый режим).
9. Начальствующие лица подлежат дисциплинарному суду.
10. Право суда на смещение на низшие должности начальствующих лиц за дисциплинарные проступки.

IV. К вопросу о верховном органе солдатского самоуправления

Две точки зрения:

1. Верховной организацией является Центральный комитет, выделенный Всероссийским армейским съездом.
2. Верховным органом является полная солдатская секция ЦИК СР и СД.

Возражения против 2 раздельных организаций.

1. Солдатская секция ЦИК, являясь верховным органом солдатского самоуправления, имея за своей спиной рабочую часть, является более сильной, нежели отдельная организация.
2. Так как нет возможности точно разграничить функции политические от профессиональных, то 2 самостоятельные организации всегда будут их смешивать.
3. Нет основания бояться сужения политической работы, так как мы никаких ограничений в этом отношении не оговариваем.
4. История Центрофлота лучше всего доказывает, к чему ведут самостоятельные профессиональные организации.
5. Если будет создан самостоятельный солдатский орган, то мы должны быть последовательны и создать помимо солдатской секции и особые советы. А мелкие советы без рабочих погибнут.
6. Кроме того масса никогда не будет в состоянии разобраться в функциях отдельных организаций.

ПОЛОЖЕНИЕ

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СОЛДАТ-КРЕСТЬЯН АРМИИ И ФЛОТА

I. Цель организации

Организация солдат-крестьян должна быть подчинена лозунгу: «Нет страны без революции и нет революции без страны».

Непосредственно вытекающими следствиями из этого лозунга, цели организации солдат-крестьян следующие:

1. Создание из всех солдат-крестьян армии и флота стойкой, сплоченной организации для выяснения стоящих на очереди политических и экономических задач со всесторонним выяснением и освещением всех вопросов текущей жизни трудового крестьянства, защита его интересов и связь с местами путем почты и прессы и через посредство Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов.

2. Сплочение всего трудового крестьянства фронта и тыла в единую армию, преследующую единство задач, поставленных и утвержденных Всероссийским советом крестьянских депутатов.

3. Развитие в массах понятия о правах гражданина-солдата и о его нравственных обязанностях по отношению к свободной России.

4. Активная защита революции, проводимая в непосредственном контакте с руководящим органом, т. е. ИК Всероссийского совета крестьянских депутатов. Поддержка всех советов и Временного правительства в осуществлении программы, соответствующей интересам всего трудового народа в общероссийском масштабе.

5. Подготовка всего трудового крестьянства к сознательному участию в выборах в Учредительное собрание в соответствии с резолюциями, принятыми Всероссийским советом крестьянских депутатов.

6. Активная борьба против неорганизованных выступлений, ведущих к ослаблению осуществления идей многомиллионного крестьянства и разбивающих нужное единство в организации.

7. Удовлетворение духовных потребностей трудового крестьянства; устройство для этой цели правильного снабжения литературой, устройство лекций и бесед.

8. Непосредственная, регулярная, живая связь крестьянских армейских организаций с руководящим органом—Исполнительным комитетом Всероссийского совета крестьянских депутатов.

II. Состав организации

9. Крестьянская организация армии и флота состоит из крестьянских советов и секций: экипажных, ротных, батарейных, эскадронных, судовых, командных и др., полковых, дивизионных, корпусных и армейских.

П р и м е ч а н и е. а) организация солдат-крестьян армии является составной частью всероссийской организации крестьянских, рабочих и солдатских депутатов; б) крестьянские советы и секции могут вступать в сношение со всеми другими демократическими организациями; в) все члены секции без их на то согласия не могут быть переводимы в другие части; г) части, не входящие в состав дивизий, но входящие в состав корпусов, организуются по принципу дивизий; д) все части, не входящие в состав дивизий и корпусов, но принадлежащие армии, объединяются в единицы, приблизительно равные дивизии, и организуются по принципу дивизий; е) части корпуса, не входящие в состав дивизии, и части, для которых не представляется возможным объединиться по принципу дивизий, присоединяются к расположенным поблизости от них другим дивизиям, хотя бы и временно.

III. Ротная крестьянская организация

Ротные крестьянские советы:

10. Все солдаты роты, защищающие интересы крестьянства, образуют ротный крестьянский совет и избирают из своей среды уполномоченных в составе 1—2 человек и их заместителей, каковые и являются руководителями этих советов.

11. Общее собрание считается полномочным, если на нем присутствует не менее $^2/_3$ его состава.

12. Дела решаются большинством голосов; при равенстве голосов голос председателя дает перевес.

Примечание. Каждое собрание составляет протокол, куда заносятся все постановления и принятые собранием решения.

13. Время и место собрания совета определяются уполномоченными в пределах роты.

14. Уполномоченные избираются на 3 месяца; до истечения этого срока перевыборы могут быть произведены только по заявлению, подписанному одной пятой всего состава совета или по личному желанию уполномоченного.

Ротные уполномоченные:

15. Ротные уполномоченные проводят в жизнь постановления ротного крестьянского совета, общего собрания ротных уполномоченных, полковых секций, дивизионного совета, крестьянской секции при дивизии, совета крестьянских депутатов армии, армейской крестьянской секции и ИК Всероссийского совета крестьянских депутатов.

16. Рассматривают вопросы, связанные с жизнью трудового крестьянства, как поступающие через своих членов ротного крестьянского совета, так и непосредственно с мест, и вносят их в полковую крестьянскую секцию.

17. Путем переписки членов совета с деревней и с местными организациями поддерживают тесную связь и знакомятся с организацией на местах, о чем и делают доклад на собраниях совета.

18. Содействуют сплочению солдат-крестьян роты, дают нужные пояснения по организации всего крестьянства, используют для этой цели отпускных и командированных, направляя их в армейскую крестьянскую секцию и обязательно в Исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов за получением нужных указаний и необходимой для этого литературы и удостоверений.

19. Знакомят солдат-крестьян с программами политических партий, ведут установленный список солдат-крестьян роты (приложение 1), представляют таковой в полковую секцию за своею подписью, выдают членские билеты (приложение II), устанавливают по соглашению с членами советов членские взносы, следят за правильностью поступления их [1].

20. Разъясняют товарищам смысл и значение происходящих в стране событий, черпая материал из руководящих органов советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, и заботятся о поддержании порядка и революционной дисциплины.

21. Устраивают собрания, если этому не препятствует боевая обстановка, лекции, чтения, собеседования, заботятся о получении газет, журналов и книг.

22. Подготовляют всех членов совета к сознательным выборам в Учредительное собрание, знакомят с техникой выборов, разъясняют, как и за какие списки должно голосовать.

23. Предупреждают всякое неорганизованное выступление всех членов крестьянского совета.

24. Все поступающие просьбы и жалобы тщательно проверяются и направляются в армейскую крестьянскую секцию, информируют об этом Исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов. Ни в коем случае не допускают насилий над крестьянскими массами со стороны помещиков, капиталистов.

25. Содействуют проведению в жизнь постановлений Всероссийского крестьянского совета путем усиленной пропаганды.

26. На время заседаний или исполнения поручений, возложенных на них советом, они освобождаются от несения служебных обязанностей.

IV. Полковая и подобная ей крестьянская организация

Полковые крестьянские советы:

27. Общее собрание ротных уполномоченных и составляет полковой крестьянский совет. Он созывается полковой крестьянской секцией по ее инициативе или же по заявлению одной шестой ротных секций.

[1] Приложений нет.

28. Общее собрание дает указания полковой секции, проверяет ее деятельность, избирает заместителей членам ее, выносит постановления на заявления ротных советов и направляет нерешенные им дела в дивизионную секцию.

29. Общее собрание считается полномочным, если на нем присутствуют $^2/_3$ всего состава ротных уполномоченных.

30. Общее собрание избирает уполномоченного в дивизионную крестьянскую секцию, если боевая обстановка мешает созыву общего собрания дивизионного крестьянского совета, и ревизионную комиссию в составе 3 человек из членов совета для проверки отчетности и целесообразности расходов денежных сумм, потраченных полковой крестьянской секцией.

Полковая крестьянская секция:

31. Полковая крестьянская секция состоит из 6 человек, избранных из общего собрания ротных уполномоченных.

32. Полковая крестьянская секция избирает из своей среды председателя, товарища председателя и секретаря.

Примечание. Один из членов исполняет обязанности казначея.

33. Члены полковой крестьянской секции входят в полковой солдатский комитет с правом решающего голоса. Вопросы же чисто крестьянские секция решает самостоятельно.

34. Постановление секции принимается по большинству голосов; при равенстве голосов голос председателя дает перевес.

35. Рассматривает все вопросы, связанные с жизнью трудового крестьянства, поступившие от ротных крестьянских секций или непосредственно с мест, дает те или иные указания в духе постановлений Всероссийского совета крестьянских депутатов, а вопросы и заявления, которые вызывают почему-либо некоторое сомнение, препровождает в дивизионную секцию.

36. Объединяет деятельность ротных секций. Путем рассылки своих протоколов знакомит их со своею деятельностью.

37. Координирует все доклады с мест на общих собраниях ротных уполномоченных и докладывает о них письменно дивизионной крестьянской секции.

38. Содействует распространению среди крестьян-солдат полка правильных сведений о происходящих в стране событиях.

39. Защищает интересы солдат-крестьян и содействует успешному разрешению интересующих их вопросов.

40. Ведет общий список всех крестьянских советов полка с соответствующими отметками и за своею подписью препровождает в дивизионную крестьянскую секцию.

41. Проводит в жизнь постановления общего собрания ротных уполномоченных, дивизионного и армейского советов крестьянских депутатов, дивизионной и армейской крестьянской секции.

42. Подготовляет всех членов совета к сознательным выборам в Учредительное собрание, знакомит с техникой выборов и в особо важных случаях приглашает лекторов и пропагандистов.

43. Улаживает недоразумения между местным населением и войсковыми частями, в соответствии с резолюциями и постановлениями Всероссийского совета крестьянских депутатов.

44. Устраивает общие собрания, лекции, чтения и беседы.

45. Следит за деятельностью ротных уполномоченных, напоминая им, что всякое уклонение от постановлений и резолюций Всероссийского совета крестьянских депутатов есть измена всему русскому многомиллионному трудовому крестьянству.

46. Принимает частное пожертвование на нужды крестьянской армейской организации и вместе с членскими взносами направляет в армейскую секцию.

47. Производит все расходы, вызываемые потребностями крестьянской организации. Денежные суммы на расходы получаются из полковых сумм и пожертвований в пользу крестьянской секции.

48. Дает отчет о своей деятельности общему собранию ротных уполномоченных не реже одного раза в месяц.

49. Члены секции освобождаются от несения служебных обязанностей наравне с членами полковых комитетов.

50. Члены полковой секции лишаются своих полномочий по постановлению полкового совета.

V. Дивизионная крестьянская секция

Дивизионный крестьянский совет.

51. Дивизионный совет крестьянских депутатов состоит из всех членов полковых и аналогичных с ними крестьянских секций.

52. Совет созывается дивизионной крестьянской секцией по ее инициативе или по заявлению одной шестой части всего состава совета. Собирается в пределах дивизии в сроки, заранее установленные.

53. Дивизионный совет крестьянских депутатов считается правомочным, если на нем присутствует $^2/_3$ всего состава уполномоченных.

54. Дивизионный совет крестьянских депутатов согласует деятельность ротных и полковых секций своей дивизии, рассматривает вопросы, внесенные секциями или отдельными лицами, причем вопросы маловажные передаются на рассмотрение дивизионной секции.

55. Избирает из своей среды ревизионную комиссию в составе от 3 до 5 человек для проверки отчетности и правильности расходов, произведенных крестьянской секцией.

Дивизионная крестьянская секция

56. Крестьянская секция дивизии состоит из 4—6 человек, избранных полковыми и аналогичными с ними крестьянскими советами.

57. Крестьянская секция дивизии избирает из своего состава председателя, товарища председателя и секретаря.

Примечание. Один из членов исполняет обязанности казначея.

58. Члены крестьянской дивизионной секции входят в солдатский дивизионный комитет с правом решающего голоса, но при решении вопросов чисто крестьянского характера решают таковые самостоятельно, в духе постановлений Всероссийского совета крестьянских депутатов.

59. Постановления секции принимаются большинством голосов. При равенстве голосов голос председателя дает перевес.

Примечание. Члены Всероссийского совета крестьянских депутатов являются и членами дивизионной крестьянской секции. При убыли таковой избирается общим собранием уполномоченных рот, батарей, сотен, эскадронов, команд и т. п. частей дивизии.

60. Дивизионная крестьянская секция проводит в жизнь постановления советов крестьянских депутатов и всех восходящих степеней.

61. Рассматривает все вопросы, связанные с жизнью трудового крестьянства, как поступившие от полковых секций, так и непосредственно с мест, дает те или иные указания в духе постановлений Всероссийского совета крестьянских депутатов. Обо всех данных важных указаниях ставит в известность армейскую крестьянскую секцию.

62. Объединяет деятельность полковых секций и следит за правильностью их действий.

63. Соединяет все доклады с мест на совет крестьянских депутатов дивизии и письменно докладывает армейской крестьянской секции.

64. Содействует распространению среди солдат-крестьян дивизии правильных сведений о происходящих в стране событиях и заботится о сохранении порядка и революционной дисциплины.

65. Защищает интересы солдат-крестьян и содействует успешному разрешению интересующих их вопросов.

66. Ведет общий список совета крестьянских депутатов дивизии, который препровождает вместе с полковыми списками в армейскую крестьянскую секцию.

67. Подготовляет всех членов совета к сознательному выбору в Учредительное собрание.

68. Улаживает недоразумения, в духе постановлений Всероссийского совета крестьянских депутатов и существующих по сему предмету законоположений, на почве аграрного вопроса между местным населением и войсковыми частями.

69. Все расходы, вызываемые потребностями крестьянской организации, производят по постановлению секции. Денежные суммы на расходы получаются из дивизионных сумм и добровольных пожертвований.

70. При невозможности решить какой-либо вопрос своими силами обращается с этим в совет крестьянских депутатов дивизии или в армейскую крестьянскую секцию.

71. Дает отчет о своей деятельности совету крестьянских депутатов дивизии не реже одного раза в месяц.

72. Члены дивизионной секции освобождаются от несения служебных обязанностей наравне с членами дивизионных комитетов.

73. Члены дивизионной секции лишаются своих полномочий по требованию и по постановлению своих избирателей.

74. Члены Всероссийского совета крестьянских депутатов лишаются своих полномочий по постановлению своих избирателей.

VI. Корпусная крестьянская организация

Корпусные совещания:

75. Корпусные совещания двух родов: а) совещания дивизионных и подобных им секций и б) совещания всех ротных, полковых, дивизионных и подобных им секций.

76. Совещания созываются лишь в случаях особой важности, по предложению одного из дивизионных советов.

VII. Общеармейская крестьянская организация

Совет крестьянских депутатов армии.

77. Совет крестьянских депутатов армии является высшим органом крестьянской армейской организации.

78. Совет направляет деятельность всей организации, избирает армейскую крестьянскую секцию и ревизионную комиссию.

79. Совет крестьянских депутатов армии собирается в сроки, им самим назначенные. В экстренных случаях может быть созван армейской крестьянской секцией по ее инициативе.

80. Постановления совета крестьянских депутатов являются обязательными для всех частей крестьянских организаций нисходящих степеней.

81. Совет крестьянских депутатов армии состоит из представителей дивизионных и равных им секций, по одному от каждой, и членов Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов данной армии.

82. Члены совета крестьянских депутатов армии избираются представителями всех частей дивизии на 3 месяца.

Армейская крестьянская секция.

83. Армейская крестьянская секция является исполнительным органом совета крестьянских депутатов армии.

84. Крестьянская секция армии состоит из 5—10 членов по выбору армейского совета крестьянских депутатов.

Примечание. Члены секции оставляют в своих частях себе заместителей. Суточное довольствие во время армейского съезда, если они замещают члена совета, получают наравне с членами крестьянского совета.

85. Члены крестьянской секции армии остаются в таковой в том случае, если выбывают из армии дивизии, избравшие их, не в полном своем составе. В противном же случае выбывают вместе со своею дивизиею.

86. Армейская секция избирается на 3 месяца. До истечения этого срока члены секциии могут быть лишены полномочий по постановлению совета армии.

87. Собрание секции считается правомочным, если присутствует две трети состава.

88. Члены секции могут быть временно устранены от обязанностей постановлением секции большинством $^2/_3$ голосов установленного кворума. Об этом секция должна поставить в известность совет крестьянских депутатов

армии в первое же заседание, а также указать те причины, на основании которых был умален в своих правах член секции.

90. Заседания секции назначаются ею самой, а также президиумом по собственному усмотрению или же заявлению одной пятой членов всего состава секции.

91. Из своей среды секции выбирают президиум в составе, определяемом самой секцией.

92. Порядок рассмотрения и решения дел определяется самой секцией.

93. Секция проводит в жизнь постановления Всероссийского совета крестьянских депутатов.

94. Принимает решения по текущим делам, согласно общим директивам Совета.

95. Секция является представительницей Совета во всех случаях, кроме тех, когда советом избирается особое представительство.

96. Секция дает отчет в газете, помещает нужные статьи, воззвания, постановления, письма и все, что найдет необходимым поместить.

97. Координирует деятельность всех местных органов крестьянской организации и принимает все необходимые меры для достижения целей организации.

98. Производит расходы на нужды организации по своему усмотрению.

99. Средства секции составляются из:

а) специальных кредитов, отпускаемых военным ведомством,

б) пожертвований в пользу организации,

в) членских взносов, если таковые установлены армейским советом.

100. Контроль правильности и целесообразности расходов производится контрольной комиссией.

101. Секция ведет список совета крестьянских депутатов армии и точный подсчет всех крестьянских советов всей армии.

102. Имеет непосредственную связь с Исполнительным комитетом Всероссийского совета крестьянских депутатов. В особо важных случаях делегирует своих членов по своему усмотрению.

103. Заботится о доставлении необходимой литературы для крестьянских организаций армии.

104. Проводит в жизнь постановления Всероссийского совета крестьянских депутатов и его Исполнительного комитета.

105. Знакомит с техникой выборов в Учредительное собрание.

106. Командирует пропагандистов по вызову секции и отдельных частей армии.

107. Делает подробный доклад о своей деятельности на Совете крестьянских депутатов армии не менее одного раза в месяц.

108. Армейская крестьянская секция периодически информирует Военный отдел Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов по всем отраслям своей деятельности.

Председатель: Дронов.
Секретарь: В. Толстенко

риложение 22

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫБОРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАПАДНОГО ФРОНТА СО ВРЕМЕНИ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПО 1 СЕНТЯБРЯ С/Г. [1]

Вследствие невозможности использовать в одном кратком очерке весь имеющийся в Особом отделении материал (около 6 000 протоколов комитетов различных ступеней), данный обзор предположен в следующих частях: 1) статистические данные о комитетах (в пределах допускаемой условиями работы точности) и общая характеристика деятельности комитетов, все положения коей найдут себе подтверждение в фактическом материале, приводимом в последующих частях; 2) обзор деятельности комитетов низших ступеней, кончая дивизионными; 3) обзор деятельности комитетов корпусных и армейских; 4) фронтовой комитет; 5) комитеты тыловых частей и учреждений.

1. Статистические сведения о комитетах. На основании при-

[1] Из дел В. И. А., № 6997.

казов по военному ведомству №№ 213 и 271 в частях западного фронта имеются комитеты: ротные, полковые, дивизионные, корпусные, армейские и хозяйственно-технические. Общее число их таково:

	Ротные	Полковые	Дивизионные	Корпусные	Армейские	Хоз.-технические	Всего
II армии	2 056	136	19	4	1	19	2 235
III »	1 727	130	15	4	1	15	1 892
X »	2 158	166	19	4	1	23	2 371
Тыл. частей . . .	534	29	2	1			566
При штабе фронта	190	23	5	2			220
Итого . .	6 665	484	60	15	3	57	7 284

Приводимый итог лишь приблизительно верен ввиду отсутствия точных сведений о числе комитетов в некоторых частях Минского военного округа и III армии, для коих цифры вычислены сообразно с количеством полков и сообразно с числом занятых в комитетах воинских чинов.

Стоимость содержания комитетов выражается с следующих цифрах:

Комитеты, III армия		выдано помесячно
15 корп.	2 254	450
20 »	1 000	250
35 »	3 000	500
6 див.	4 000	1 000
28 »	3 000	400
2 турк. див.	2 100	350
55 див.	4 000	450
67 »	3 000	550
8 »	1 150	300
133, 137 и 29 див. . . .	8 250	1 650
Армейский	40 000	10 000
Итого . . .	71 754	15 900
Фронтовой	40 000	21 000[1]

Комитеты, X армия		выдано помесячно
1 сиб. кор.	3 000	600
2 кавк. »	1 929	482
3 арм. »	1 559	519
38 » »	3 000	600
Дивиз. комитеты 1 корп.	3 440	688
Кав. грен. див.	2 116	650
134 див.		40
5 стр. див.		97
27 пех. »	3 039	191
73 » »		75
Кав. каз. див.	4 074	710
2 куб. каз. див.	2 052	1 052
Армейский	59 100	12 000
Дивиз. комитеты 38 кор.	2 161	600
Итого . . .	85 470	18 304

Для 133, 137 и 29 дивизии, за неимением точных данных, взяты средние цифры, показанные общею для всех трех дивизий суммой.

Приняв среднюю стоимость содержания ротного комитета в 15 руб. в месяц, а полкового—в 50 руб. (данных для этих комитетов не имеется; средняя стоимость их содержания принята по данным протоколов), получим: для 1 727 ротных комитетов III армии 25 905 руб. и для 130 полковых—6 500 руб. в месяц. Всего содержание комитетов III армии обходится в 48 305 руб. ежемесячно.

2 158 ротных комитетов X армии и 166 полковых требуют 32 370 и 8 300 руб. в месяц. Всего в X армии содержание комитетов обходится в 58 974 руб. ежемесячно.

Принимая для II армии средние цифры (точных сведений не имеется) получим:

На содержание армейского комитета		10 000	руб.
» » 4 корпусных комитетов .		1 920	»
» » 16 дивизионных	» .	5 600	»
» » 136 полковых	» .	6 800	»
» » 2 056 ротных	» .	30 840	»
Итого		55 160	руб. ежемесячно

[1] По смете фронтового комитета.

Содержание комитетов во всех трех армиях обходится в 202 439 руб. Содержание комитетов всего фронта, считая комитеты запасных частей и тыловых учреждений, по самому скромному расчету должно стоить казне не менее 250 000 руб. в месяц. Несомненно приводимая цифра меньше действительной, так как расходы комитетов, пользующихся правами дивизионных, не указаны, между тем они едва ли меньше расходов при дивизиях. Необходимо иметь в виду и то, что с ростом культурно-просветительной деятельности комитетов расходы последних будут значительно возрастать.

Следующая таблица дает сведения (по донесениям из армии, по данным дежурного генерала штаба главнокомандующего) о числе воинских чинов, занятых в комитетах:

	Офицеров	Чиновников	Солдат
II армия	1 138	234	14 171
III »	874	233	11 060
X »	1 510	311	14 600
Итого в армиях	3 522	778	39 831
Запасные части фронта	411	20	3 559

Тыловые части, управления и учреждения фронта:

	Офицеров	Чиновников	Солдат
Войска и учреждения, подвед. главному начальнику снабжения	68	131	1 765
Войска и учр., подвед. главному начальнику Минского воен. окр.	348	409	4 801
Войска и учр., подвед. начальнику военн. сообщений	231	160	4 020
Войска и учр., подвед. начальнику инженеров	138	74	768
Войска и учр., подвед. инспектору артиллерии	14	3	47
Войска и учр., подвед. заведующему радиотелеграфом	8	2	46
Войска и учр., подвед. автомобильной части	13	11	100
» » » » инспектору авиации	1	1	12
Войска и учр., подвед. 101 бригаде гос. ополчения	25	2	292
Остальные учреждения	34	7	178
В 302 запасном полку	12		41
Итого в тыловых частях	892	800	12 077
Всего на фронте	4 825	1 598	54 467

Таким образом число воинских чинов, в большинстве случаев оторванных от своего прямого дела, представляет число личного состава целого корпуса. Казалось бы, организованная деятельность 60 000 человек, на которую затрачиваются, если и скромные, то во всяком случае не малые средства, должна бы давать громадные и важные результаты. На самом же деле плоды деятельности войсковых комитетов едва ли возмещают затрачиваемые на них силы и средства, и вся эта грандиозная организация едва ли способна оправдать возлагаемые на нее надежды в смысле поднятия боеспособности армии и реорганизации таковой на новых началах, тем более, что на деятельности комитетов лежит определенный отпечаток посредственности и отсутствия творческой инициативы.

II. Даже поверхностное знакомство с протоколами различных войсковых организаций убеждает в том, что последние вполне однообразно откликаются на одинаковые внешние события; что в протоколах комитетов низших ступеней указанное однообразие доходит почти до полного тожества; что события, происходящие в частях, вполне сходны, как сходны и вызывающие их причины. Однообразие комитетских постановлений дает основания для следующих обобщений: 1) комитеты низших ступеней—ротные и полковые,—стоя близко к массам, непосредственно отражают настроение последних; 2) ко-

митеты высшие—корпусные и армейские,—состоя сплошь из людей партийных, отражают настроение революционной демократии Петрограда и городов. Этим объясняется основное различие в направлении деятельности комитетов низших и высших ступеней. Первые обычно чужды политики; вторые—корпусные и армейские,—слабо отражая события, происходящие в частях, весьма чутки ко всем колебаниям партийной и вообще политической жизни и являются проводниками политики в массы. Среднее положение между низшими и высшими организациями занимают дивизионные комитеты, склоняющиеся, впрочем, более к первым, нежели ко вторым, и мало сравнительно занимающиеся политикой.

Другое обобщение, основываемое на однообразии комитетских постановлений, заключается в следующем: определенные категории событий солдатскими массами воспринимаются равнодушно, вяло, не вызывая в них глубоких серьезных движений или волнений. Сюда относятся крупные политические события, например смены министерств, Московское совещание, Рижская катастрофа и даже выступление ген. Корнилова—интерес к политике в солдатских массах исчезает. На смену ему приходит непреоборимая стихийная жажда мира, вытесняющая все интересы, все желания. В противоположность событиям, происходящим вне частей, даже мелкие события в частях воспринимаются солдатами с чрезмерной нервностью. Каждый пустой случай, который раньше прошел бы совершенно незамеченным, раздувается. Вокруг него разгораются страсти и находят себе выход подозрительность и неприязнь солдат к офицерам, с одной стороны, нервность и негодование офицеров на солдат—с другой.

Весьма ярким примером ко всему вышеизложенному может служить отношение комитетов к выступлению ген. Корнилова. Среди очень большого числа протоколов, полученных Особым отделением за время с 28 августа по 15 сентября, всего лишь в небольшой части их (преимущественно дивизионных и выше) имеются постановления, связанные с именем бывшего верховного главнокомандующего. В то же время фронтовой комитет развил чрезвычайную энергию как в смысле составления резолюций, так и в отношении «активной борьбы с поднявшей голову контрреволюцией».

Характерно, что согласно донесениям войсковых начальников во всех почти частях, за время, непосредственно последовавшее за выступлением ген. Корнилова, настроение стало возбужденным и нервным, что выразилось в усилении недоверия к офицерам, некотором увеличении числа отказов от занятий и эксцессов. Комитетские же постановления ничего подобного не отразили (в особенности ротные и полковые) и, если судить по протоколам, жизнь частей продолжает протекать нормально. Указанное противоречие наводит на мысль, что корниловская история отнюдь не вызвала каких-либо изменений в настроении солдатских масс: она явилась лишь поводом, благодаря которому с большею резкостью проявилось настроение, давно господствующее в войсках.

Знаменательно, что одно время все отзывы о роли комитетов при улажении всякого рода конфликтов и эксцессов в частях сходились на одном: комитеты приносят огромную пользу, часто вполне улаживают инциденты, еще чаще оказывают значительную помощь командному составу в данном отношении. Таким образом комитеты во время особенного обострения отношений между солдатами и командным составом приобретают значение примирительных учреждений. Однако, опять-таки по донесениям начальников, комитеты, ввиду малой культурности своего личного состава, зачастую не пользуются достаточным авторитетом среди солдат, и деятельность их «хоть и закономерна, но не всегда успешна». В последнее время авторитет комитетов все более падает: при улажении недоразумений, при отказах частей от работ и занятий «уговоры комитетов успеха не имеют». (Из ежедневных донесений о происшествиях.)

Параллельно с падением авторитета комитетов замечается и ослабление интереса к их деятельности в солдатской среде, выражающееся между прочим в неаккуратном посещении комитетских заседаний членами последних. Комитеты, где имеет место указанное явление, а число таких комитетов постоянно увеличивается, обыкновенно ставят неаккуратным членам на вид «недопустимость» их поведения, прибегают к штрафам и в крайних случаях—к предложению сложить полномочия. Однако никакие меры не в состоянии победить все сильнее развивающуюся апатию и вялость солдата.

III. Комитеты низших ступеней. С тех пор как из рук офицерства было изъято руководство внутреннею жизнью частей, в последних стало возникать множество всевозможных недоразумений, в особенности мелких на хозяйственной почве, на почве придирок к командному составу и т. д. Комитеты низших ступеней завалены разбором этих мелочных вопросов повседневности, а также разбором основательности просьб об отпусках и установлением очередей на таковые. Вопрос об отпусках, ввиду крайней к нему чувствительности солдат, является одним из самых хлопотливых для полковых и главным образом для ротных комитетов и нередко занимает по два заседания под ряд. Таким образом сама жизнь ставит низшие комитеты в условия, при которых им почти невозможно заниматься чем-нибудь кроме вопросов чисто практического свойства; сама жизнь удерживает их в рамках приказов №№ 213 и 271: правосознание солдатских масс настолько ничтожно, что никакой закон, никакой приказ, не имеющий за собой силы принуждения, не был бы в состоянии удержать комитеты в пределах ставимых им границ.

Незаконных, т. е. выходящих за пределы приказов №№ 213 271, постановлений сравнительно немного. Обычно подобные постановления объясняются следующими причинами: 1) в области хозяйственной—несогласованностью законов о войсковом хозяйстве с непредвиденным фактором—участием в хозяйственных вопросах представителей солдатских организаций; 2) в других областях—общим для всех комитетов стремлением к расширению своих прав и непониманием пределов не только предоставленной им компетенции, но и реальных возможностей деятельности.

Когда в заседаниях низших комитетов дело доходит до политики (редкие случаи), здравый смысл, царящий обыкновенно при разрешении хозяйственных вопросов, теряет свои права, и в результате—два рода резолюций: либо совершенно безграмотная, но по характеру своему вполне подходящая к общему стилю протокола, либо явно заранее заготовленная кем-то владеющим языком «революционной демократии». Последнего рода резолюции принимаются, повидимому, не столько ради их содержания, часто вполне сумбурного, сколько ради их революционной звучности. Изложенное подтверждается тем, что шаблонные митинговые резолюции печатаются рядом с совершенно иного стиля, часто вовсе безграмотными, постановлениями хозяйственного или иного содержания. В общем же низшие комитеты в политическом отношении твердо усвоили два положения: 1) «поддержка Временного правительства» и 2) «полная солидарность с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов», причем неизвестно, на чьей стороне оказались бы комитеты в случае серьезного конфликта между правительством и советами рабочих и солдатских депутатов.

Весьма значительно количество постановлений низших комитетов, посвященных борьбе с одним из больших зол в армии—карточной игрой. Помимо запрещений в различных формах, повидимому остающихся без результатов, комитеты прибегают к более строгим мерам воздействия: к отобранию карт и к преданию ротному и даже полковому суду.

Первое время по возникновении комитеты стремились поддерживать в частях начавшую колебаться дисциплину и порядок. В ранних протоколах заседаний низших комитетов встречаем ряд разумных постановлений в этом отношении, ряд взысканий, подчас суровых, наложенных на виновных в нарушении дисциплины (первое время дисциплинарная власть была присвоена комитетами), и за грубое или даже непочтительное отношение к начальникам. Наряду с этим выносятся постановления о полном подчинении офицерам, о неизменном к ним уважении. С течением времени подобные постановления исчезают из протоколов—их место начинают занимать всевозможные придирки к командному составу, урезывание привилегий и прав офицеров, а с обнародованием «Декларации прав солдата-гражданина» почти во всех протоколах находим постановления об отобрании от офицеров денщиков и всего, что только возможно: права на приобретение за деньги солдатских сапог, обмундирования, сахару и продуктов из интендантства и пр. и пр. Затем начинается целый цикл постановлений о «незаконных действиях офицеров», о поступках, от которых «пахнет букетом ненавистного старого режима». Поток постановлений этого рода продолжается и до сих пор.

Что касается культурно-просветительной деятельности комитетов низших ступеней, то здесь они совершенно бессильны и отлично сознают свое бес-

силие. Обостренные отношения с офицерами лишили комитеты естественных, а главное—единственных возможных руководителей этого дела в частях. Комитетам низших ступеней только и остается, что просить помощи у комитетов высших ступеней в виде литературы, лекторов, учителей. Единичные части, где повидимому сохранились дореволюционные хорошие отношения между солдатами и офицерами, поставили дело просвещения основательно—завели школы грамотности, лекции, беседы. Большинство же комитетов низших ступеней никак не может наладить даже школ грамотности. В самое последнее время встречаются постановления с обращением к офицерам с просьбою «протянуть руку помощи» солдатам в деле просвещения, «пойти со своими знаниями к младшему брату-солдату».

В общем деятельность комитетов низших ступеней, несмотря на некоторые нарушения приказов и законов, следует признать полезной в вопросах внутренней жизни частей, а при современной обстановке—необходимой: при каких-либо недоразумениях или беспорядках в частях комитеты, за весьма редкими исключениями, всегда стремятся к водворению порядка и предотвращению крупных эксцессов. В этом отчасти лежит причина падения авторитета комитетов: масса упрекает «комитетчиков» в том, что они продались офицерам и «буржуям».

VI. Комитеты высших ступеней. Одной из причин, благодаря которой комитеты высших ступеней занимаются главным образом политикой, является их личный состав. В корпусные и армейские комитеты, не говоря уже о фронтовом, избирались и избираются люди «говорящие», сразу же освоившиеся с произошедшей в России переменой и заявившие о принадлежности к той или иной политической партии. Таким образом создались учреждения, в среде которых сразу же выдвинулись на первый план занятия разрешением вопросов не только внутренней политики, но и внешней, в чем опять-таки сказалось отмеченное выше непонимание комитетами реальных возможностей, ограничивающих круг их деятельности. В протоколах корпусных и армейских комитетов можно встретить резолюции с обращенными к правительству требованиями об опубликовании международных договоров, о немедленном заключении мира без аннексий и контрибуций и другими, обычного типа требованиями; постановления об «углублении» революции, о «демократизации армии», о «замене реакционного командного состава» новым, более «соответствующим требованиям момента», о расширении прав комитетов и о «предоставлении таковым права отвода начальников» и т. д. Доходя до низов армии, такого рода резолюции создают в солдатской среде представление о праве солдат требовать всего, что они почему бы то ни было считают желательным. Политические же резолюции, совершенно не понимаемые массами (иной раз они таковы, что до смысла их вообще нелегко добраться), создают в солдатских головах сумбур, но никак не способствуют пробуждению политического самосознания масс. Основою последнего все-таки остается правосознание, а о развитии такового высшие комитеты не заботились и не заботятся.

Один из самых распространенных типов постановлений гласит о «сплочении масс вокруг комитетов и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» в целях «защиты завоеваний революции» и защиты прав комитетов от посягательств «реакционных штабов и офицерства». Последнее вообще признается элементом контрреволюционным, в особенности организованное. Резко отрицательное и даже нетерпимое отношение к «союзу офицеров армии и флота» (да и вообще ко всем офицерским организациям) проявилось в целом ряде постановлений, осуждающих деятельность названного союза и требующих его закрытия задолго до выступления ген. Корнилова. Последнее же вызвало пристрастную, чтоб не сказать—недобросовестную, кампанию против союза со стороны комитетов высших ступеней: все члены союза взяты под подозрение, и почти все комитеты начали расследования о причастности офицеров к союзу.

При комитетах высших ступеней имеются «юридические» и следственные комиссии. Первые являются как бы консультациями, члены коих ведут между прочим дела по защите преданных корпусным, военно-революционным и другим военным судам; вторые занимаются разбором незаконных действий командного состава и трений, возникающих между офицерами и солдатами. Такого рода дела возникают чаще всего по постановлениям комитетов низших ступеней, почему-либо признающих свою компетенцию пе-

достаточной для разрешения данного недоразумения. Первое время комитеты высших ступеней выносили по таким делам резолюции с требованием об отчислении или об отрешении от должности виновного. В настоящее время комитеты избрали более лойяльный путь и возбуждают ходатайства перед высшими войсковыми начальниками о производстве следствия или о предании суду неудовлетворяющего требованиям момента командира, причем всегда просят о спешности удовлетворения упомянутых ходатайств. Постановления этого рода, сплошь да рядом рисующие действия начальников, направленные против свободы, против народных и солдатских интересов, вместе с резолюциями, направленными против союза офицеров и отдельных лиц командного состава, проникая в солдатские массы, оказывают на них самое нежелательное влияние: солдатами все обобщается и переносится на офицерство во всем его целом. Благодаря этому усиливается недоверие и неприязнь к офицерам. Подогреваемое резолюциями о борьбе с контрреволюцией и «буржуазией» (среди солдат давно уже установился взгляд, что офицер и «буржуй»—одно и то же) указанное отношение солдат к офицерству при благоприятных условиях прорывается в виде эксцессов. Солдатские приемы борьбы с «контрреволюцией» в моменты активности толпы известны: насилия, аресты, убийства. Мелкие эксцессы, не вызывая немедленного и решительного возмездия со стороны правосудия, поселяют в массах убеждение, если не в безнаказанности, то во всяком случае в легкой наказуемости таковых, что помимо заразительности самих эксцессов влияет дезорганизующе на массы.

Твердо стоя на почве «не палочной» а «революционной» дисциплины, комитеты высших ступеней стараются путем резолюций и постановлений, осуждающих эксцессы и отказы от работ и занятий, воздействовать на солдатские массы; путем воззваний вернуть войскам боеспособность, в угашении которой они столь повинны. Но резолюции, требующие от солдат исполнения тяжкого воинского долга, вместо разнузданности, произвола, лени и безначалия, предлагающие упорный труд, подчинение, самопожертвование, остаются только резолюциями. Между тем каждое из постановлений, основываясь на котором можно уклониться от исполнения обязанностей, с большою готовностью встречается утомленными, не желающими воевать солдатами.

Командируя своих членов в части, где происходят беспорядки, корпусные и армейские комитеты оказывают большую помощь командному составу. Однако это не доказывает полезности существования комитетов высших ступеней, а является лишь симптомом смертельной болезни, коею страдает армия: авторитет командного состава окончательно подорван.

Протоколы комитетов высших ступеней менее всего освещают именно те стороны деятельности их, в которых комитеты могли бы явиться действительно необходимыми и полезными учреждениями: просветительную и хозяйственную работу. О первой, основываясь на сведениях, черпаемых из протоколов комитетов низших ступеней, можно заключить следующее: культурно-просветительные комиссии поставлены повидимому основательно, но ввиду недостатка интеллигентных сил в армии (постоянные жалобы в протоколах) ограничены в своей работе. В круг деятельности названных комиссий входит снабжение войск «литературой», т. е. книгами, газетами и брошюрами. Среди последних встречаются и большевистские, и так называемых «интернационалистов», как с.-р. так и с.-д., так как «оборонцы» являются далеко не единственным элементом в комитетах. Во всяком случае комитеты не занимаются чисто просветительною деятельностью—последняя всегда носит агитационный, иногда вредный характер. С недавнего времени в руки комитетов перешла и вся армейская печать.

Что касается хозяйственной деятельности комитетов высших ступеней, то свидетельства о ней находим в протоколах корпусных комитетов, например о выпечке хлеба, о пользовании перевозочными средствами, о военных материалах, о неправильном распределении продуктов между корпусами и т. д. Большинство постановлений этого рода разумно, осуществимо и полезно. Одно лишь не принимается в расчет—существование законов о войсковом хозяйстве, не предусматривающих ни войсковых организаций, ни их постановлений, а новейшие законоположения не снимают ее с последних и не переносят на войсковые организации и их представителей. В силу изложенного обстоятельства даже вполне осуществимые и полезные мероприятия, предлагаемые комитетами и комиссиями при них, не всегда могут быть

проведены в жизнь. При корпусных и армейских комитетах имеются «контрольно-хозяйственные» комиссии и «комиссии снабжения». Однако проследить их деятельность по протоколам не представляется возможным: нет почти никаких следов. Что же касается протоколов армейских комитетов (за исключением протоколов III армии), то они производят такое впечатление, точно хозяйственная деятельность их ограничена внутренним хозяйством самого комитета. Возможны два объяснения этого явления: 1) либо хозяйственные вопросы не восходят до армкомитетов, находя себе разрешение в корпусных; 2) либо хозяйственная деятельность армкомитетов совершенно затенена стоящей на первом плане политикой.

Главной характерной чертой деятельности Фронтового комитета является политика—и политика, столь резко склоняющаяся к большевизму, особенно временами, что вызывала даже протесты. (Например армкомитета III армии). Деятельности фронтового комитета посвящается особый отдел данного обзора, почему в настоящей краткой характеристике таковая не разбирается.

И. д. генерал-квартимейстера главнокомандующего армиями западного фронта:

Полковник Малявин.

Вр. и. д. начальника Особого отделения:

Капитан Корсунский.

Приложение 23

ПОЛОЖЕНИЕ О ВОЕННЫХ КОМИССАРАХ ФРОНТА, ВЫРАБОТАННОЕ ВЦИК ТЕЛЕГРАММА [1]

ДРМ Петрограда Довмин 544 вн 560 29/VI 23 10 военная Дармия через Ставку начальнику кабинета военмин. По просьбе председателя иногороднего отдела исполнительного комитета Богданова передаю для доклада военмину следующее дополнительное положение о Фронтовом комиссариате, принятое в заседании Бюро Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов 28 июня: «1. Для содействия переустройству армии на демократических началах, укреплению ее боеспособности и для борьбы со всякими контрреволюционными попытками при фронтах армии назначается по взаимному соглашению Временного правительства и Центрального исполнительного комитета комиссар Временного правительства и Центрального исполнительного комитета. 2. Фронтовой комиссар должен быть осведомлен о подготовке и ходе операции, имеет право делать представления главнокомандующему фронта о немедленном смещении лиц командного состава вплоть до командующих армиями. 3. Комиссар действует в тесном контакте с местными организациями (полковыми, дивизионными, армейскими, фронтовыми и прочими комитетами) и содействует объединению работ комиссаров Центрального комитета при армиях. 4. Армейские комиссары Центрального исполнительного комитета и фронтовые комиссары Временного правительства и Центрального исполнительного комитета образуют в пределах каждого фронта общую коллегию, руководящую и объединяющую всю работу комиссаров при армиях, причем и роль и задачи армейских комиссаров остаются такими же, как они формулированы в Положении об армейских комиссарах, утвержденном Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов. 5. Фронтовой комиссар представляет одновременно доклады как Временному правительству так и Центральному комитету». В случае признания военмином этих дополнений приемлемыми в их основе, Положения о фронтовом комиссариате вылились бы в следуюущую форму, в которой эти дополнительные положения следующим образом сочетались бы с Положениями проектов присланных Станкевичем телеграммой нр 345: «1. Для содействия реорганизации армии на демократических началах и укрепления ее боеспособности, равно для борьбы со всякими контрреволюционными попытками, учреждается должность военного комиссара при главнокомандующем армиями фронта. 2. Военный ко-

[1] См. Р. И. А., дело № 5.

миссар при главнокомандующем назначается Временным правительством с согласия Центрального исполнительного комитета и верховного главнокомандующего. 3. Военный комиссар при главнокомандующем имеет право непосредственного сношения с Временным правительством, военным министром и верховным главнокомандующим, доклады комиссара представляются военному министру. 4. Военный комиссар при главнокомандующем должен быть осведомлен о подготовке, о ходе операции и имеет право представлять главнокомандующему о смещении равно как и о назначении чинов командного состава до командующего армией включительно. 5. Военный комиссар при главнокомандующем действует в тесном контакте с местными организациями (полковыми, дивизионными, армейскими, фронтовыми и прочими комитетами) и содействует объединению работ армейских комиссаров, назначенных Центральным исполнительным комитетом по соглашению с военным министром. 6. Армейские комиссары (при армиях) и фронтовой комиссар при главнокомандующем фронтом образуют в пределах каждого фронта общую коллегию, руководящую и объединяющую всю работу армейских комиссаров, Положение о которых, выработанное по соглашению между Исполнительным комитетом и военным министром остается без изменения. 7. Военный комиссар при главнокомандующем, руководствуясь полученными от военного министра указаниями, соответственно сему направляет к единообразному разрешению все политические вопросы, возникающие в пределах армии и тыла фронта. 8. В распоряжении военного комиссара при главнокомандующем учреждается Военно-политический отдел в следующем составе: отделение по введению новых условий жизни в армии, отделение по ликвидации недоразумений и конфликтов и остатков полицейского режима, отделение общих дел и печати. 9. О назначении военного комиссара при гравнокомандующем фронтом армии извещается особыми приказами военного министра». Для опубликования Временным правительством Положения о военных комиссарах при главнокомандующих ожидается резолюция по содержанию настоящей телеграммы, о чем сообщается по приказанию полковника Якубовича. нр 4470 Толстой [1].

Приложение 24

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА Б. САВИНКОВА О КОМИССАРАХ

Господину военному министру

§ 1. Во главе всех военных комиссаров от Временного правительства стоит товарищ военного министра по политической части.

§ 2. Товарищу военного министра по политической части подчинены непосредственно все фронтовые комиссары.

§ 3. Для успешного ведения дел товарищ военного министра по политической части собирает съезды комиссаров в тех случаях, когда найдет необходимым.

§ 4. При каждом фронте учреждается должность фронтового комиссара.

§ 5. При каждом фронтовом комиссаре имеются следующие штаты: 1) два товарища комиссара, 2) канцелярия.

§ 6. Фронтовой комиссар непосредственно подчинен товарищу военного министра по политической части, но имеет право личного доклада военному министру.

§ 7. Район деятельности фронтового комиссара ограничивается тем фронтом, в сфере которого он работает. Фронтовой комиссар собирает съезд армейских комиссаров, а в случае нужды и уполномоченных армейского комитета при корпусах.

§ 8. При каждой армии учреждается должность армейского комиссара.

§ 9. При каждом армейском комиссаре имеются следующие штаты (комиссариат): 1) два товарища комиссара (помощника), 2) агитационная группа и 3) канцелярия.

§ 10. Армейский комиссар следит за ходом дела по всей армии и выезжает в те части, присутствие в которых является необходимым.

§ 11. Армейский комиссар подчиняется непосредственно фронтовому ко-

[1] См. В. И. А., дело № 5.

миссару, но имеет право личного доклада военному министру и товарищу министра по политической части.

§ 12. Армейский комиссар сзывает съезды корпусных и дивизионных уполномоченных от армейского комитета.

§ 113. При каждом корпусе и дивизии (или отдельной части, равной количеству людей дивизии) должны находиться уполномоченные от армейского комитета, работающие в тесном единении с армейским комиссаром.

§ 14. Помощники комиссаров выбираются самими комиссарами и утверждаются военным министром.

§ 15. Права и обязанности комиссаров определяются на первом же съезде комиссаров.

Комиссар VII армии.

Приложение 25

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ДОЛЖНОСТИ ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХ АРМИЯМИ ФРОНТА [1]

Временное правительство постановило:

1. Для содействия реорганизации армии на демократических началах и укреплению ее боеспособности, равно для борьбы со всякими контрреволюционными попытками, учреждается должность комиссара ВП при главнокомандующем армиями фронта.

2. Военный комиссар при главнокомандующем назначается Временным правительством с ведома Центрального исполнительного комитета Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского совета крестьянских депутатов и верховного главнокомандующего.

3. Военный комиссар при главнокомандующем имеет право непосредственного сношения с Временным правительством, военным министром и верховным главнокомандующим; доклады о положении в армиях фронта комиссар представляет военному министру.

4. Военный комиссар при главнокомандующем должен быть осведомлен штабом о подготовке и ходе операций.

5. Военный комиссар при главнокомандующем, руководствуясь полученными от военного министра указаниями, соответственно сему направляет к единообразному разрешению все политические вопросы, возникающие в пределах армии и тыла фронта.

6. Военный комиссар при главнокомандующем действует в тесном контакте с войсковыми организациями (полковыми, дивизионными, армейскими, фронтовыми и прочими комитетами) и содействует объединению работ армейских комиссаров, назначенных при армиях, по взаимному соглашению военного министра и Центрального исполнительного комитета.

7. Армейские комиссары (при армиях) и фронтовой комиссар (при главнокомандующем армиями фронта) образуют в пределах фронта общую коллегию, руководящую и объединяющую работу армейских комиссаров.

8. Военный министр при главнокомандующем периодически, не реже одного раза в неделю, представляет верховному главнокомандующему и Центральному исполнительному комитету сообщения о своей деятельности и о положении в армиях фронта.

9. В распоряжении военного комиссара при главнокомандующем образуется Военно-политический отдел в следующем составе: а) отделение по введению новых условий жизни в армии, б) отделение по ликвидации недоразумений и конфликтов и остатков полицейского режима и в) отделение общих дел и печати.

---

[1] См. В. И. А., дело № 5.

10. О назначении военных комиссаров при главнокомандующих армиями фронта объявляется приказами армии и флоту военного министра; и

11. Настоящее постановление ввести в действие, не ожидая опубликования его Правительствующим сенатом.

Министр председатель: А. Керенский.
За военного министра: генерал-майор Якубович.

15 июля 1917 г.

Приложение 26

СХЕМА [1]

I. В своей работе по проведению в армии реформ в смысле переустройства ее на демократических началах комиссар фронта ожидает полной поддержки со стороны войсковых организаций всех степеней, а также и комиссаров армий.

Имея право непосредственного сношения с Временным правительством, военным министром и верховным главнокомандующим, комиссар фронта стоит на страже революционных законоположений, что осуществимо лишь при полном единении комиссара фронта, комиссаров армий и войсковых организаций.

II. Впервые в «Положении о комиссарах фронта» прямо утверждается право представителя государственной власти в лице комиссара фронта на представление главнокомандующему о смещении и назначении всех чинов командного состава. Трудная задача изменения личного состава армии стоит на очереди. Считая, что в данном вопросе решающее значение должен получить демократический принцип, что истинные основания для такого «изменения» лежат в сознательной работе в этом направлении войсковых организаций, что, с другой стороны, исполнительную власть в этом случае нужно разделить между другими органами, комиссар фронта предлагает следующую схему для сведения войсковых организаций и для руководства военным комиссарам армий фронта.

Схема:

1. Войсковые организации по встретившейся надобности собирают фактический материал о деятельности лиц командного состава и представляют данные на заключение комиссаров: а) о лицах командного состава, до должности командиров полков включительно, на заключение комиссаров армии для представления о смещении командующим армиями, причем расследование о командирах полков должно производиться комиссарами или их помощниками лично на месте, о чинах младшего командного состава—членами армейского комитета, тоже лично и тоже на месте; б) о лицах высшего командного состава, начиная с командиров бригад (а равно и чинах штабов на должностях генерального штаба, начиная от штаба дивизии через комиссара армии), на заключение комиссару фронта.

Примечание 1. Комитеты частей и учреждений фронта, не входящие в состав армий, по всем делам этого рода обращаются непосредственно к комиссару фронта.

Примечание 2. О всех лицах командного состава, находящихся в подчинении командующего армией, комиссар армии имеет право входить к командующему армией с представлением об устранении их до расследования.

2. Имея в виду необходимость гарантировать полную беспристрастность суждения о деятельности лиц командного состава и считая, что низшей из войсковых организаций, где этот принцип может быть осуществлен, является комитет дивизии, комиссар фронта полагает, что группировка и собирание фактического материала должны производиться в комитетах дивизии, причем желательной является организация при дивизионных комитетах специальных следственно-осведомительных комиссий (по образцу существующей 9 кавалерийской дивизии).

3. Дела о лицах высшего командного состава направляется комитетами по принадлежности на заключение комиссарам армий и фронта.

4. Комиссары армии: а) уведомляют о всех поступающих к ним делах такого рода и в своих заключениях комиссара фронта; б) представляют на заключение комиссару фронта все имеющиеся материалы о деятельности лиц высшего командного состава (выше командиров полков).

Все, что отнесено к деятельности комиссаров армий и войсковых организаций по вопросу о смещении начальствующих лиц, должно в равной степени

---

[1] См. В. И. А., дело № 5.

осуществляться и в представлении достойнейших для занятия ответственных должностей.

В подтверждение основного принципа организации армии—о недопустимости выборного начальства—право входить с представлениями о смещении или назначении лиц командного состава принадлежит исключительно комиссарам армии и фронта, так как единственно они являются представителями государственной власти.

Подлинное подписали:

Комиссар юго-западного фронта Савинков.
Пом. комиссара юго-западного фронта Гобечиа.
Комиссар XI армии И. Кириенко.
Комиссар VII армии Вас. Загорский.
Комиссар VIII армии М. Филоненко.
Тов. комиссара VII армии Григорьев.
Тов. комиссара VIII армии Ципкевич.

С подлинным верно: начальник Отделения общих дел Управления военного комиссара юго-западного фронта, штабс-ротмистр
Кузьмин-Караваев.

Делопроизводитель Мартынов.

Приложение 27

Копия

ИНСТРУКЦИЯ КОМИССАРАМ АРМИИ О ЛИЧНОМ СОСТАВЕ [1]

1. По вопросу о смещении лиц младшего командного состава комиссар составляет свое заключение на основании расследования, произведенного лично на месте членами армейского комитета, причем заключение это представляет командующему армией и копию комиссару фронта.

2. По вопросу о смещении полковых командиров и начальников отдельных частей на правах полковых командиров комиссар или его помощник производит расследование лично на месте и заключение свое представляет г. командующему армией и копию комиссару фронта (см. примечание 2 к пункту 7 общей схемы).

3. При таковых расследованиях комиссар обязан опросить представителей рот и команд, возможно большее число офицеров и солдат полка и выслушать объяснение обвиняемого.

4. По вопросу о назначении лиц младшего командного состава, а равно полковых командиров, комиссар представляет свое заключение г. командующему армией и копию комиссару фронта на основании данных, собранных лично им и войсковыми организациями.

5. Смещаемые лица командного состава могут быть представляемы комиссаром командующему армией: 1) к отставке, 2) отчислению в резерв по несоответствию, 3) отчислению в резерв по болезни и 4) перемещению на низшую должность в зависимости от боевых заслуг и степени их гражданской неподготовленности.

6. Комиссар имеет также право представлению командующему армией лиц командного состава к перемещению на соответствующую должность в другую часть, а равно и предании суду в случае наличности признаков состава преступления.

7. В случае неисполнения боевого приказания воинскою частью или отдельными солдатами воинской части комиссар, исчерпав все средства убеждения, прибегает к вооруженной силе, о чем извещает комиссара фронта.

8. Подстрекатели к неисполнению боевого приказания, а равно и дезертиры предаются суду для суждений в ускоренном порядке по всей строгости законов. Дела о подстрекателях, против коих прямых улик не имеется, но кои указаны как подстрекатели постановлениями войсковых организаций, направляются комиссаром подлежащим властям для производства дознания, причем эти лица содержатся при этапах на свободе, но под надзором.

9. Из солдат, не исполнивших боевого приказания, составляются отдельные

[1] В. И. А., дело № 117.,—О съездах.

мелкие боевые единицы в составе надежных полков для отправления на позиции, а также рабочие дружины в составе корпусов на положении военнопленных, с опубликованием их имен и с лишением пайка семейств их.

10. При неисполнении воинской частью боевого приказания усиленную ответственность несут не исполнившие его чины командного состава, а также члены соответствующих войсковых организаций, за исключением случаев воздействия на них физической силой.

11. Бывшие жандармы и городовые выделяются в отдельные мелкие единицы в состав надежных полков для отправления на позицию.

12. Комиссары ежедневно по телефону ставят в известность комиссара фронта о положении дел в их армиях и по возможности еженедельно представляют письменный доклад.

Подлинный подписали:

Комиссар юго-западного фронта Савинков. Помощник комиссара юго-западного фронта Гобечиа. Комиссар XI армии Ив. Кириенко. Комиссар VIII армии М. Филоненко. Комиссар VII армии Вас. Загорский («Согласен, за исключением п. 7: комиссар сам не применяет вооруженную силу, а заявляет об этом командующему армией»). Тов. Комиссара VII армии Григорьев. Товарищ комиссара VIII армии Ципкевич.

С подлинным верно: Секретарь комиссара VIII армии Вонский.

Приложение 28

ОСНОВАНИЯ РАБОТЫ ВОЙСКОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ОБНОВЛЕНИЮ КОМАНДНОГО СОСТАВА [1]

1. Выборное начало для лиц командного состава в армии не допускается.

2. Ввиду пошатнувшегося доверия солдат к командному составу насущнейшей задачей является упрочение авторитета военных начальников, каковое упрочение не может быть достигнуто без соответственных перемен в командном составе, т. е. без смещения и перемещения лиц, не соответствующих своему назначению, а выдвиганием на ответственные командные посты наиболее энергичных, подготовленных и пользующихся доверием военнослужащих, независимо от возраста, времени, службы и чина.

3. Так как государственная власть должна опираться на реальные основания при назначениях, смещениях и перемещениях, то теснейшее сотрудничество военных комиссаров и всех войсковых организаций является необходимым.

4. Войсковые организации собирают фактический материал о деятельности лиц командного состава; они заботятся о том, чтобы гарантировать таковыми расследованиями беспристрастность, закономерность и фактическую обоснованность смещений и перемещений.

5. Собирание такого материала производится по мере надобности: а) по каждому возникающему в частях конфликту, б) по предложению войсковой организации высшей инстанции или комиссаров.

6. На основании собранного фактического материала комиссары армии и фронта совместно с соответствующими войсковыми комитетами выносят свое заключение, каковое представляется соответствующими комиссарами командующему армией и главнокомандующему.

Подл. подписали:

Комиссар юго-зап. фронта Савинков.

(и далее те же подписи, как и в предыдущей схеме).

С подлинным верно:

Начальник Отделения общих дел Управл. комиссара юго-западного фронта, штаб-ротмистр Кузьмин-Караваев.

Приложение 29

Проект

О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТДЕЛАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ПРИ ШТАБАХ ФРОНТА И АРМИИ [2]

1. Для объединения деятельности подчиненных органов главнокомандующего армиями фронта по всем вопросам, связанным с новыми условиями жизни армии и гражданского населения на театре военных действий, и для

[1] В. И. А., дело № 5.
[2] В. И. А., дело № 5.

связи с руководящими представительными органами армии и революционной демократии учреждается при штабе каждого главнокомандующего военно-политический отдел во главе с начальником отдела.

2. Начальник военно-политического отдела назначается военным министром по соглашению с главнокомандующим и фронтовым комитетом.

3. Начальник военно-политического отдела имеет право непосредственного доклада у главнокомандующего, с ведома начальника штаба и главного начальника снабжений, по принадлежности, и право непосредственного сношения с начальником кабинета военного министра и начальника штаба верховного главнокомандующего.

4. Начальник военно-политического отдела, руководствуясь получаемыми через кабинет военного министра указаниями военного министра, соответственно сему направляет к единообразному решению все политические вопросы, возникающие в пределах армии и тыла фронта, содействуя согласованной работе армейских комиссаров.

5. В военно-политическом отделе сосредоточивается разработка всех вопросов специально политических (военно-политических и общеполитических), и через означенный отдел и его начальника восходят к главнокомандующему с соответствующим освещением все вопросы, имеющие какое-либо политическое значение, а также происходят все сношения как с фронтовыми и другими войсковыми комитетами, так и с местными советами (солд., раб. и кр. деп.) с общественными организациями.

6. Военно-политический отдел образуется в следующем составе:

а) отделение по введению новых условий жизни армии и гражданского населения, 1 нач., 1 пом. нач.;

б) отделение по ликвидации недоразумений, конфликтов и остатков полицейского режима, 1 нач., 1 пом. нач.;

в) отделение общее (по согласованию в политическом отношении работы всех подчиненных главнокомандующему органов), 1 нач., 1 пом. нач.;

г) отделение печати, информации и связи, 1 нач., 1 пом. нач.;

д) дежурная часть, 1 заведыв.;

е) чины для поручений в распоряжении начальника отдела, 2 чина.

7. Для покрытия расходов, связанных с проведением новых условий жизни армии и гражданского населения, предназначаются экстраординарные суммы, находящиеся в распоряжении главнокомандующего, под ответственность начальника военно-политического отдела.

8. В тех же целях и на таких же основаниях учреждаются военно-политические отделения при штабах армий, начальники коих назначаются командующими армиями, по сношению с начальником военно-политического отдела штаба главнокомандующего.

Приложение 30

ПРИКАЗ ПО ВОЕННОМУ ВЕДОМСТВУ

30 августа 1917 г.

Объявляю при сем к сведению утвержденные мною основные положения о военных комиссарах и войсковых организациях, разработанные политическим управлением вверенного мне министерства.

Предписав политическому управлению в кратчайший срок установить соответственно означенным основным положениям окончательную постатейную редакцию самого проекта Положения о военных комиссарах и войсковых организациях, законченного предварительной разработкой в Политическом управлении, для представления его на утверждение военного министра и для введения в действие в ближайшее время, приказываю военным комиссарам, с опубликованием сего приказа руководствоваться временно в своей деятельности в отношении своих прав и обязанностей означенными основными положениями.

Управляющий военным министерством: Савинков.

Политического управления военного министерства основные положения

1. Военные комиссары являются органами Временного правительства. Основная задача их—надзор за законностью и укрепление единообразного револю-

ционного порядка в армии, в целях поднятия ее боеспособности, в связи с ее демократизацией.

2. Комиссары предусматриваются на следующих ступенях: главный военный комиссар (для всей действующей армии, при Ставке), фронтовые комиссары, армейские, корпусные и (в тылу на театре военных действий) окружные и бригадные.

3. Комиссары высших ступеней (главный и фронтовые) назначаются Временным правительством: главный, по соглашению с верховным главнокомандующим. Комиссары армейские и окружные назначаются военным министром, корпусные и бригадные—фронтовыми комиссарами—все по представлению высших комиссаров. Комиссары устраняются по представлению ближайшего высшего комиссара комиссарами следующей высшей ступени.

4. Помощники комиссаров назначаются непосредственно самими комиссарами и устраняются ими же.

5. На комиссаров высших ступеней возлагается объединение и руководство деятельностью комиссаров низших ступеней.

6. Предусматривается ответственность комиссаров в качестве должностных лиц за преступления по должности—злоупотребления властью, бездействие власти, превышение власти.

7. Выборные общевойсковые организации предусматриваются на следующих ступенях—ротные, полковые, дивизионные, корпусные армейские, гарнизонные и окружные в тылу, фронтовые, и кроме того представительство действующей армии в виде постоянного комитета ограниченной численности, в Ставке, при главном военном комиссаре, и такое же представительство всей армии в Петрограде при Политическом управлении военного министерства.

8. Наряду с общевойсковой организацией в санитарных учреждениях предусматривается особая выборная организация, с представительством по профессиональному признаку (наряду с комитетами—советы), с обязательным участием начальника учреждения, по должности, и с некоторыми распорядительными функциями по управлению данным учреждением.

9. Равным образом, наряду с общевойсковой организацией, в технических войсках предусматривается особая выборная организация, с представительством одних социалистов, для содействия лучшей постановке технического дела, для его объединения на высших ступенях, для чего предусматриваются съезды представителей технических войск с постоянными комитетами ограниченного численного состава.

10. В основу выборов в общевойсковые организации предусматривается всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. На средних ступенях выборы двухстепенные: от полковых комитетов—в дивизионные, корпусные, армейские, окружные и фронтовые съезды, которые из своей среды выбирают свои постоянные комитеты. На высших ступенях выборы четырехстепенные: в комитеты при главном военном комиссаре и при Политическом управлении военного министерства от армейских или фронтовых комитетов.

11. Выборные организации высших ступеней объединяют и руководят деятельностью организаций низших ступеней.

12. В общевойсковой организации предусматривается освобождение от служебных обязанностей лиц, избранных в исполнительные комитеты, в определенном числе. Во всех остальных выборных организациях, распространяющих свое действие на все государство или на определенный район, такое освобождение военнослужащих от служебных обязанностей для участия в общественной работе допускается только с разрешения военного министра или, по принадлежности, соответствующего комиссара в зависимости от признания государственной важности данной выборной организации.

13. В общевойсковой организации положение лиц, избранных в состав комитетов, упрочивается тем, что: а) за членами комитетов сохраняется их содержание по прежней должности, а самая должность объявляется вакантной только с момента вторичного избрания по истечении срока первоначальных полномочий, б) всем членам комитетов обеспечивается известное минимальное содержание в виде суточных, в) не допускается на срок полномочий отозвание

избранных членов их избирателями, г) не допускаются переводы и откомандирование избранных членов распоряжением начальства без их согласия или согласия комитета, д) кроме лиц, осужденных за более тяжкие преступления, подлежат выбытию из состава комитетов члены, привлеченные к судебной ответственности, лишь при соответствующем постановлении комитета об их выбытии, е) аресты членов комитета допускаются только с ведома соответствующего комиссара, а вне судебные с согласия комиссара.

14. Самое положение общевойсковых организаций упрочивается тем, что: а) комитеты получают в свое распоряжение определенные суммы на развитие деятельности в пределах настоящего положения, обеспечиваются средствами передвижения, связи, помещением и т. д., б) законные постановления общевойсковых организаций, в пределах их полномочий, объявляются в приказах по части и являются обязательными для исполнения наравне с распоряжениями начальства.

15. Вся деятельность общевойсковых организаций вводится в законные рамки: а) устанавливается надзор соответствующих комиссаров за правильностью выборов в комитеты и на съезды, б) устанавливается надзор комиссаров за законностью всех постановлений (комитетов и съездов), для чего прежде приведения их в исполнение они подлежат представлению за подписью председателя и секретаря соответствующему комиссару, на которого возлагается обязанность, в случае незакономерности постановления, опротестовать его в определенный срок с передачей на окончательное решение высшего комиссара (на низших ступенях право предъявления протеста принадлежит соответствующему начальнику с восхождением этого протеста через высшие комитеты к ближайшему комиссару); неопротестованные постановления признаются законными, в) за незаконные постановления общевойсковых организаций отвечают перед уголовным судом, как за преступление по должности, председатель (собрания, съезда, комитета) и секретарь, а равно комиссар, не опротестовавший постановления или признавший протест не заслуживающим уважения, г) в качестве чрезвычайной меры, в случае упорного уклонения комитета от подчинения законному порядку, комитеты низших ступеней могут быть распущены, по представлению ближайшего комиссара, высшим комиссаром, с назначением новых выборов в течение определенного срока.

16. Созывы всех съездов общевойсковой организации происходят с ведома соответствующего комиссара, которому предоставляется отсрочивать созыв съезда по условиям боевой жизни.

IV

17. Общевойсковым организациям предоставляется разрешение вопросов внутреннего распорядка.

18. На общевойсковые организации возлагается содействие поддержанию порядка, дисциплины и внутреннего мира между всеми воинскими чинами и с гражданским населением, а также принятие мер примирительного характера к устранению возникающих недоразумений. В случае их безуспешности, дело переходит на разрешение соответствующего комиссара.

19. Общевойсковым организациям предоставляется вся область общественной и политической жизни войск, в частности издание периодической печати. На комиссаров возлагается: а) общий надзор за печатью, как издаваемой в армии, так и распространяемой включительно до полномочия по приостановлению местных органов печати при чрезвычайных обстоятельствах, со срочным донесением о сем военному министру, на предмет закрытия данного органа печати, согласно соответствующего постановления Временного правительства. б) общий надзор за устной агитацией и регламентация права собрания в армии исключительно до воспрещения митингов на определенный срок в войковом районе.

20. Общевойсковые организации ведают хозяйственными вопросами как на низших ступенях с правом избрания низших хозяйственных чинов, так и на высших ступенях (начиная от дивизий), на которых они через особые комиссии снабжения содействуют общему делу снабжения подлежащих частей (дивизии, корпуса, армии и фронта) и контролируют деятельность соответствующих органов снабжения.

21. Общевойсковые организации высших ступеней содействуют командному составу в его строевых и боевых распоряжениях постоянным его осведомлением

о духе частей, внутренних отношениях в частях, степени их готовности и действительной обеспеченности всем необходимым, состоянии жилищ и т. п., для чего предусматриваются особые выборные комиссии осведомления при дивизионных, корпусных, армейских и фронтовых комитетах с тем, чтобы эти комиссии, в свою очередь, в мере необходимости осведомлялись командным составом. Эти же комиссии привлекаются к выяснению всех обстоятельств истекших операций. При этом предусматривается ответственность членов комиссии как за вмешательство в самые распоряжения, так и за разглашение тайн, вверенных по службе.

22. В отношении личного состава начальствующих лиц полномочия общевойсковых организаций и комиссаров предусматриваются в следующих, точно ограниченных рамках:

а) Общевойсковым комитетам предоставляется письменно, за соответствующими подписями президиума, давать периодически отзывы о начальствующих лицах наряду и в дополнение к аттестациям со стороны ближайших их начальников с тем, чтобы эти отзывы, в качестве материала, поступали вместе с аттестациями к высшим начальникам; уполномоченным на основании аттестации окончательно определять служебные качества и составлять кандидатские списки на достойных выдвижения. В отношении высших начальников такое же право отзыва, периодически даваемого, и в тех же пределах предоставляется, кроме того, комиссарам.

б) В исключительных случаях, при наличии определенного фактического материала, свидетельствующего о явном несоответствии начальника занимаемой им должности, общевойсковым комитетам подлежащей ступени предоставляется письменно, за соответствующими подписями президиума, представлять этот материал подлежащему комиссару. Комиссар высшей ступени, как в этих случаях, так и в случае поступления к нему этого материала со стороны, уполномачивается, при признании сего материала заслуживающим уважения, представлять письменно, за своей подписью, ближайшему высшему начальнику о желательности устранения такого начальника, причем предварительно, во всяком случае, запрашивается комитет. При разногласии между комиссаром и начальником вопрос восходит на окончательное решение через высших комиссаров и высших начальников—соответственно должности начальника, об устранении которого представляется,—до военного министра, главного военного комиссара, фронтового комиссара или армейского (окружного) комиссара. Комиссары же уполномочиваются к приложению своего отзыва о начальнике, в случаях устранения этого начальника распоряжением высшего начальника.

в) В случаях преступной небрежности, лживости и т. п. в отзывах комиссаров и комитетов при аттестациях или в представлениях фактического материала, опорочивающего начальника, устанавливается уголовная ответственность подписавших отзыв или представивших этот материал членов комитета и комиссаров.

23. В отношении деятельности командного состава на комиссаров возлагается принятие мер к приостановлению распоряжений, идущих вразрез с действующими законоположениями и указаниями Временного правительства, начиная от представления начальнику и несоответствии его распоряжения и кончая в чрезвычайных случаях непосредственно приостановлением такого распоряжения с немедленным донесением о сем военному министру и главному военному комиссару (область боевых и строевых распоряжений исключается).

24. Применение вооруженной силы вне боевой обстановки не допускается помимо комиссаров. При участии же комиссара производятся расформирования частей в качестве крайней меры.

25. На комиссаров возлагается преподание обязательных разъяснений по возникающим на местах спорным вопросам, не имеющим специального военного значения, поскольку они не требуют обращения непосредственно в военное министерство.

26. На комиссаров возлагается реорганизация, совместно со штабами контрразведывательного и военно-цензурного дела, на началах, обеспечивающих интересы обороны государства и укрепления нового порядка.

27. На покрытие расходов, связанных с поднятием боеспособности армии и поддержанием единого революционного порядка в армии, мерами общественного воздействия, комиссары—главный, фронтовой и армейский—получают право распоряжаться известной долей экстраординарных сумм, находящихся ко дню обнародования настоящего положения в распоряжении, по принадлежности,

верховного главнокомандующего, главнокомандующего армиями фронта и командующего армией, и при дальнейших ассигнованиях такая же доля поступает в их распоряжение.

Начальник Политического управления: поручик Степун. Начальник Общего отдела Политического управления: прапорщик граф Толстой.

Приложение 31

ПРИКАЗ ПО ВОЕННОМУ ВЕДОМСТВУ

№ . . .

Петроград. Октября 16 дня 1917 г.

Основной задачей военного министерства является воссоздание боевой мощи армии. В ряду мероприятий, которые должны быть осуществлены в первую очередь, стоит поднятие авторитета командного состава, которому правительством вручены все функции командования. Пользующийся доверием солдат и обладающий всею полнотой власти командный состав должен руководить армией в ее безмерно трудной борьбе с врагом.

Переход от старого режима в армии к новому строю, осложненный внутренней борьбой классов и политических групп, принимавшей форму мятежных восстаний против Временного правительства, поколебал авторитет командного состава. Восстановить этот авторитет и вместе с тем нормальные отношения начальника, который приказывает, и подчиненных, которые исполняют приказания, не представляется возможным без вмешательства специальных представителей центральной власти, каковыми ныне являются в армии военные комиссары.

Институт, вызванный к жизни течением революции и являющийся элементом, органически чуждым нормальной структуре армии, комиссариат будет излишен в тот момент, когда выполнит свою задачу. Институт этот, введенный в жизнь без предварительного утверждения правил, регламентирующих его деятельность, успел вполне оправдать право на свое существование. В данное время комиссары являются необходимым элементом в армии, вполне признанным и со стороны командного состава и со стороны органов солдатского самоуправления.

Военное министерство наметило ряд мер, которые необходимо безотлагательно провести в армии; органом Военного министерства, ответственным за проведение этих реформ, а равно и за руководство боевыми операциями и обучение, является командный состав, и задача комиссаров—содействовать ему в деле осуществления возложенных на него задач. Вся работа комиссаров должна протекать в полном контакте с войсковыми организациями; они должны содействовать установлению связи этих организаций и командного состава. Назначенные из числа кандидатов руководящих органов солдатского самоуправления, комиссары являются представителями центральной революционной власти в армии и лицами, полномочными направлять работу войсковых организаций в сторону утверждения основных принципов политики, диктуемых интересами демократии через ее центральные органы.

Оздоровление армии и возрождение ее боевой мощи является задачей, которая может быть осуществлена лишь путем длительной и напряженной работы; основные принципы свободной армии должны проникнуть всю толщу ее. Естественно, что в процессе оздоровления все менее необходимой будет роль комиссаров.

Временный институт комиссаров имеет задачей восстановление нормального порядка структуры вооруженных сил, где необходимо должны быть только две стороны: солдаты и командный состав, связанные подчинением, взаимным доверием и уважением прав друг друга.

Временное Положение о комиссарах для точного руководства при сем объявляю.

Военный министр генерал-майор А. Верховский.

(По Политическому управлению военного министерства.)

Положение о военных комиссарах

I. Общие положения

1. Военные комиссары являются органами Временного правительства. Основная задача их—надзор за законностью и укрепление единообразного революционного порядка в армии в целях поднятия боеспособности.

2. Комиссары предусматриваются на следующих ступенях: главный военный комиссар для всей действующей армии, при Ставке, фронтовые комиссары, армейские комиссары, комиссары русских войск во Франции и Салониках, комиссары отдельно действующих корпусов (отрядов), корпусные комиссары, а также окружные и бригадные (как в тыловых округах, так и в округах прифронтовой полосы).

3. Устанавливается ответственность комиссаров, как должностных лиц, за преступления по должности: злоупотребления власти, бездействие власти, превышение власти.

II. Порядок назначения и устранения комиссаров. Порядок подчиненности комиссаров

1. Комиссары назначаются: а) корпусные и бригадные в округах на театре военных действий назначаются, по представлению армейского (окружного комиссара), фронтовым комиссаром; б) бригадные в тыловых округах назначаются окружным комиссаром; в) армейские комиссары, комиссары отдельно действующих корпусов (отрядов) и окружные комиссары (на театре военных действий), а также помощники означенных комиссаров назначаются, по представлению или с согласия фронтовых комиссаров, военным министром; г) комиссары русских войск во Франции и Салониках и их помощники назначаются по представлению или с согласия главного военного комиссара военным министром; д) окружные комиссары тыловых округов и их помощники назначаются военным министром; е) фронтовые комиссары назначаются по представлению или с согласия главного военного комиссара Временным правительством; ж) помощники фронтовых комиссаров назначаются по представлению или с согласия фронтовых комиссаров военным министром; з) главный военный комиссар и его помощники назначаются, с согласия верховного главнокомандующего, Временным правительством.

2. Главный военный комиссар, комиссары фронтовые, комиссары армейские и окружные, комиссары отдельно действующих корпусов (отрядов), комиссары русских войск во Франции и Салониках и помощники означенных комиссаров назначаются, указанным выше порядком, исключительно из лиц, утвержденных в качестве кандидатов Фронтовым отделом Центрального исполнительного комитета Всероссийского съезда советов солдатских и рабочих депутатов.

3. Комиссары корпусные и бригадные на театре военных действий назначаются, указанным выше порядком, исключительно из лиц, утвержденных в качестве кандидатов соответствующим фронтовым комитетом.

4. Комиссары бригадных тыловых округов назначаются, указанным выше порядком, исключительно из лиц, утвержденных в качестве кандидатов соответствующим военно-окружным комитетом.

5. Все комиссары низших войсковых соединений подчиняются комиссарам высших войсковых соединений и могут быть устраняемы, по представлению ближайшего высшего комиссара, той инстанцией, от которой зависело назначение комиссара.

Примечание. В особых, не терпящих отлагательства случаях комиссар может быть временно отстраняем, по представлению ближайшего высшего комиссара, комиссаром следующей ступени.

6. Помощники комиссаров устраняются тем же порядком, как и комиссары.

7. Окружные комиссары в округах на театре военных действий подчинены наравне с армейскими комиссарами фронтовому комиссару.

Корпусные комиссары отдельно действующих корпусов (отрядов и т. п.) пользуются правами армейских комиссаров и подчинены наравне с последними непосредственно фронтовому комиссару.

8. Комиссары тыловых округов пользуются правами армейских комиссаров и подчинены военному министру.

9. Комиссары русских войск во Франции и Салониках пользуются правами армейских комиссаров и подчинены главному военному комиссару.

10. На всех войсковых комиссаров высших войсковых соединений возлагается объединение и руководство деятельностью комиссаров низших войсковых соединений.

III. Компетенция комиссаров

1. Комиссары следят за тем, чтобы деятельность как командного состава, так и войсковых организаций протекала в рамках строгой законности и в полном соответствии с распоряжениями Временного правительства и военного министра и всеми вообще действующими законоположениями.

В случае замеченного уклонения лиц командного состава в своей деятельности с указанного пути комиссар соответствующей ступени обязан довести до сведения данного начальника о несоответствии или незаконности его распоряжения. Если таковое представление будет безуспешно, комиссар доносит о сем комиссару высшей ступени для соответствующего представления высшему начальнику, которому подчинен данный начальник; в отношении же лиц низшего командного состава, до начальника дивизии включительно, корпусной комиссар входит с представлением непосредственно к высшему начальнику, которому подчинен данный начальник.

3. В случае, когда комиссар признает распоряжение начальника явно противоречащим распоряжениям Временного правительства или военного министра и когда дальнейшее оставление этого распоряжения в силе может иметь особо важные последствия, комиссар соответствующей данному начальнику ступени уполномочивается, именем Временного правительства, приостановить эти распоряжения с тем, чтобы одновременно им было по телеграфу доложено о сем всем высшим комиссарам и непосредственно военному министру, с ответственностью его, комиссара, за злоупотребления означенным правом как за превышение власти в особо важных случаях.

4. Комиссарам принадлежит право представлять лиц командного состава к устранению от должности на основании фактического материала, свидетельствующего об их несоответствии, согласно нижеследующего:

а) По отношению к командующим армиями (начальникам округов на театре военных действий) и соответствующим им лицам командного состава право представлять об их устранении принадлежит фронтовому комиссару. Такое представление вместе с письменным, и за подписями, заключением фронтового комитета, направляется фронтовым комиссаром главнокомандующему армией фронта. При несогласии главнокомандующего фронтовой комитет входит с представлением к главному военному комиссару. Если последний поддерживает представление, а верховный главнокомандующий несогласен, то окончательное решение этого вопроса принадлежит военному министру.

б) По отношению к командующему войсками тыловых округов и соответствующим им лицам командного состава право представлять об их устранении принадлежит окружному комиссару, который делает соответственное представление о сем военному министру.

в) По отношению к комиссарам корпусов (начальникам запасных бригад на театре военных действий) и соответствующим им лицам командного состава право представлять об устранении принадлежит армейскому (окружному) комиссару. Представление комиссара с письменным, и за подписями, заключением армейского (окружного) комитета направляется командующему армией (главному начальнику округа). При несогласии командующего армией (главного начальника округа), армейский (окружной) комиссар входит с представлением к фронтовому комиссару. Если последний поддерживает представление, а главнокомандующий армией фронта несогласен,—окончательное решение вопроса принадлежит главному военному комиссару.

г) По отношению к начальникам запасных бригад тыловых округов и соответствующих им лиц командного состава право представлять об их устранении принадлежит окружному комиссару. Означенное представление направляется командующему войсками. При несогласии командующего войсками окружной комиссар входит с представлением к военному министру.

д) По отношению к начальникам дивизии и соответствующих им лиц командного состава право представлять об их устранении принадлежит корпусному комиссару. Представление это комиссар с письменным, и за подписями, заключением, по принадлежности, соответствующего высшего на одну ступень комитета направляет командиру корпуса. При несогласии командира корпуса корпусной комиссар входит с представлением к армейскому комиссару. Если

армейский комиссар поддерживает представление корпусного комиссара, а командующий армией несогласен, то окончательное решение принадлежит фронтовому комиссару.

е) По отношению к командирам бригад, командирам полков и вообще лицам низшего командного состава действующей армии до командира роты включительно право представлять об их устранении принадлежит корпусному комиссару.

Представление комиссара с письменным, за подписями, заключением, по принадлежности, соответствующего высшего на одну ступень комитета направляется к соответствующему ближайшему начальнику. При несогласии этого ближайшего начальника корпусной комиссар входит с дальнейшим о том представлением к начальникам следующих ступеней, причем при несогласии командира корпуса комиссар входит с представлением к армейскому комиссару, коему принадлежит окончательное решение в отношении лиц командного состава ниже начальника дивизии.

ж) По отношению к командирам полков и вообще лицам низшего командного состава тыловых округов до командира роты включительно представление об их устранении принадлежит бригадному комиссару. Представление бригадного комиссара с письменным, и за подписями, заключением, по принадлежности, соответствующего высшего на одну ступень комитета направляется к соответствующему ближайшему начальнику. При несогласии этого ближайшего начальника бригадный комиссар входит с дальнейшим представлением о том к начальникам следующих ступеней, причем при несогласии начальника запасной бригады комиссар входит с представлением к окружному комиссару, которому принадлежит окончательное решение в отношении лиц, занимающих должности командира полка и ниже.

5. Каждому высшему комиссару принадлежит право представлять к устранению каждого из лиц низшего командного состава не иначе, как через подлежащего, согласно вышеизложенному, низшего комиссара, который обязан представлять по возбужденному вопросу о несоответствии данного лица командного состава свое мнение с заключением надлежащего, согласно вышеизложенному, комитета с тем, чтобы в дальнейшем дело получило направление на вышеуказанных основаниях.

Примечание. а) В отношении лиц командного состава от начальника дивизии и выше (а в тыловых округах от командира полка и выше) комитетам ближайшей высшей ступени принадлежит право представлять комиссарам соответствующей ступени фактические материалы, явно свидетельствующие о несоответствии данного начальника занимаемой должности.

а) Комиссар обязан во всяком случае представлять ближайшему высшему начальнику данного начальника свое мнение по означенному материалу с приложением его. В случае же, если комиссар признает материалы достаточными для представления к устранению данного начальника, дело получает дальнейшее направление на вышеуказанных основаниях, и

б) По всех случаях устранения лиц командного состава, начиная от командира отдельной части и выше, распоряжением высшего начальства, высший начальник прежде устранения запрашивает мнение о данном начальнике комиссара ближайшей высшей ступени, а для лиц низшего командного состава— корпусного (в тыловых округах бригадного) комиссара, каковое мнение подлежит приложению к делу.

6. В отношении личного командного состава соответствующим комиссарам предоставляется право, письменно, за соответствующей подписью давать периодически отзыв о начальствующих лицах наряду и в дополнение к аттестациям со стороны начальствующих лиц с тем, чтобы эти отзывы в качестве материала поступали к высшим начальникам, уполномоченным на основании аттестации окончательно определять служебные качества начальников и составлять кандидатские списки на достойных выдвижения.

Примечание. В случаях преступной небрежности, лживости и т. п. отзывов комиссаров при аттестациях или в представлениях фактического материала, опорочивающего начальника, устанавливается уголовная ответственность комиссаров, подписавших отзыв или представляющих этот материал.

7. В отношении органов войскового самоуправления комиссар осуществляет надзор за законностью постановлений войсковых организаций в следующем порядке:

а) комиссар осуществляет надзор за правильностью выборов в комитеты и на съезды;

б) подлежащим комиссарам, начиная с корпусных (бригадных), в отношении корпусных комитетов и т. д. принадлежит право и обязанность протеста против постановлений войсковых организаций, признанных незакономерными, для чего все постановления прежде проведения их в исполнение, безотлагательно представляются комиссарам;

Примечание. Опротестованию подлежат постановления только по их незакономерности.

в) непредъявление протеста со стороны комиссара в течение 3 дней равносильно признанию постановления законным;

г) опротестованное положение задерживается исполнением до разрешения протеста;

д) разрешение протеста принадлежит комиссару следующей высшей ступени;

е) постановления комитетов низших ступеней, до дивизионных включительно, подлежат опротестованию на тех же основаниях, по незакономерности, соответствующими начальствующими лицами, командиром роты в отношении ротных комитетов и общих собраний рот и т. д. Опротестованные постановления переносятся на разрешение следующего высшего комитета. При несогласии комитета с протестом начальника окончательное решение вопроса принадлежит корпусному комиссару (комиссару запасной бригады).

Примечание. За незаконные постановления общественных организаций отвечают перед уголовным судом, как за преступления по должности, не только председатель, секретарь и пр. лица комитета, но и комиссар, не опротестовавший постановления или признавший протест низшего комиссара незаслуживающим движения.

8. В отношении сметы расходов военно-окружного комитета, армейского и фронтового комитета на комиссара возлагается предварительное рассмотрение таковой и утверждение ее совместно с главнокомандующим (командующим армией). Ответственность за неправильное и требование и расходование означенными комитетами денег падает также и на лиц, утвердивших смету (начальника и комиссара).

9. Комиссары имеют право представлять о дополнении, изменении или отмене действующих уставов, положений, приказов и распоряжений и об издании новых: корпусной комиссар представляет непосредственно фронтовому, направляя копию армейскому комиссару, армейский представляет непосредственно главному военному комиссару, направляя копию фронтовому, фронтовой комиссар представляет непосредственно военному министру, направляя копию главному военному комиссару.

10. Комиссар уполномочивает разрешать спорные вопросы и сомнения, возникающие на месте как со стороны командного состава, так и со стороны войсковых организаций в связи с применением распоряжений Временного правительства, военного министра и вообще действующих Положений. Разъяснения соответствующих комиссаров—корпусных по отношению к вопросам, выдвигаемым в пределах корпуса и т. п.,—обязательны для низшего командного состава и низших войсковых организаций, пока они не отменены, или не изменены высшими комиссарами, которым могут быть приносимы жалобы на разъяснения низших комиссаров.

11. В отношении печати все комиссары осуществляют надзор высшей военной власти за всеми издаваемыми и всеми вообще распространяемыми в пределах действующей армии, в подведомственном районе, органами печати (периодическими) и в подлежащих случаях предусмотренных постановлением Временного правительства от 12 июля сего года, входят с представлением к военному министру о закрытии органов печати, направляя таковые в порядке, предусмотренном для представлений о новых законах (п. 9). В чрезвычайных случаях, когда промедление может иметь особо важные последствия, комиссар уполномочивается именем Временного правительства своей властью в подлежащем районе закрыть такой орган, с тем, чтобы в дальнейшем было поступлено согласно порядку, предусмотренному в чрезвычайных случаях приостановления распоряжения военных властей (п. 3).

Равным образом на комиссаров возлагается право и обязанность наблюдения за распространением литературы непериодической в подведомственном районе.

12. Комиссарам принадлежит право регламентации в подлежащем районе свободы собраний, до запрещения собраний включительно, на нижеследующих основаниях:

а) запрещение допускается только в войсковом районе;

б) запрещение допускается каждый раз на срок не свыше одного месяца;

в) запрещению во всяком случае не подлежат собрания исполнительных органов официально признанных войсковых организаций и законно существующих учреждений.

13. Комиссарам принадлежит право не разрешать, в связи с боевой обстановкой, созыва в подведомственном районе съездов военнослужащих, связанных с освобождением их от служебных обязанностей, для чего подлежащие комиссары должны извещаться о всех предполагаемых съездах. Означенное правило распространяется также на съезды войсковых организаций—дивизионных, корпусных, армейских, окружных и фронтовых.

14. На комиссаров возлагается регистрация в подлежащем районе всех организаций с участием военнослужащих, работа в которых связывается с освобождением военнослужащих от их служебных обязанностей. Такое освобождение от служебных обязанностей дается подлежащим военным начальством только с разрешения комиссара.

15. В случае проявления войсковыми комитетами особого упорства в неподчинении законным требованиям и в несоблюдении законного порядка подлежащий комиссар имеет право, с согласия высшего комиссара, в качестве крайней меры, распустить наличный состав комитета с назначением новых выборов в течение недельного срока. Правило это распространяется на все низшие комитеты до корпусного включительно.

16. Комиссар обязан принимать все меры к мирному разрешению недоразумений, возникающих среди военнослужащих между собой и с гражданским населением в тех случаях, когда меры, принятые комитетами, не достигли успеха, заботясь прежде всего об укреплении боеспособности армии и о поддержании единого революционного порядка.

17. На комиссаров возлагается, начиная от армейского комиссара и выше, применение по соглашению с командным составом вооруженной силы, как крайней меры против воинских частей, открыто отказавшихся подчиниться приказам военного министра и законным распоряжениям военного начальства. О всех таких случаях применения вооруженной силы комиссар извещает по телеграфу всех высших комиссаров и военного министра. Никакое применение вооруженной силы в небоевой обстановке не разрешается помимо комиссара. Равным образом при участии комиссара производится расформирование воинских частей, в качестве крайней меры, в отношении упорно неповинующихся частей.

18. На армейского комиссара возлагается конфирмация приговоров к смертной казни, выносимых военно-революционными судами, согласно постановлению Временного правительства от 29 июля с. г.

Примечание. Такая же обязанность конфирмации возлагается на окружного (и фронтового) комиссара в подведомственном ему районе.

19. На комиссаров, как на представителей центральной революционной власти, возлагается реорганизация, совместно с подлежащими штабами, контрразведывательного и военно-цензурного дела на новых началах, обеспечивающих интересы государственной обороны и укрепление нового революционного порядка как в смысле соответствующей общей постановки всего дела, так и соответствующего подбора личного состава.

20. На покрытие расходов, связанных с поднятием боеспособности армии, и поддержание единого революционного порядка в армии мерами общественного воздействия комиссары—главный, фронтовой и армейский—получают право распоряжаться известной долей экстраординарных сумм, находящихся ко дню обнародования настоящего положения в распоряжении, по принадлежности, верховного главнокомандующего армиями фронта и командующего армией, и при дальнейших ассигнованиях такая же доля поступает в их распоряжение.

ТЕЛЕГРАММА Р. ГРИМА, ОТПРАВЛЕННАЯ ИМ ИЗ ПЕТРОГРАДА 26/V НА ИМЯ ЧЛЕНА ШВЕЙЦАРСКОГО СОВЕТА ГОФМАНА, ЧЕРЕЗ ПЕТРОГРАДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО, СЛЕДУЮЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ [1]

«Жажда мира повсеместна. Необходимость заключения мира стала настоятельной в областях политической, хозяйственной и военной. Это сознание имеется налицо и в руководящих кругах. Препятствия к осуществлению ставятся Францией, а затруднения—Англией. С ними в настоящее время ведутся переговоры, причем имеются виды на благоприятный исход. В ближайшие дни следует ожидать нового давления на них. Единственной помехой, и притом, опаснейшей для исхода переговоров, могло бы явиться германское наступление на восточном театре; если этой помехи не будет, то ликвидировать войну окажется возможным в сравнительно близком будущем. Созываемая Советом Р. и С. депутатов международная конференция является частью мирной политики нового правительства. Если прочие правительства не будут чинить паспортных затруднений, то, как здесь полагают, можно питать уверенность в том, что эта конференция состоится. Все государства обещали принять участие в ней. Сообщите мне, если найдете это возможным, об известных вам военных целях правительств, так как тем самым будут облегчены переговоры. Я пробуду еще около 10 дней в Петрограде, в швейцарском посольстве».

Приложение 3

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О НАСТУПЛЕНИИ (ЗАЧИТАННОЕ БОЛЬШЕВИКАМИ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМИ НА СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ 4 ИЮНЯ)

Большевики вместе с интернационалистами подали 3 июня следующее заявление президиуму съезда советов. Заявление это было прочтено на съезде 4 июня Позерном.

«Мы, нижеподписавшиеся фракции, группы и отдельные делегаты съезда, считаем необходимым в первую очередь работ съезда поставить вопрос, от которого зависят судьбы не только всех остальных мероприятий съезда, но—в полном и точном смысле слова—судьба всей русской революции: вопрос о подготовляемом на ближайшее время военном наступлении. Что это наступление есть решенное дело, в ближайшей очереди, об этом открыто свидетельствуют многочисленные непререкаемые факты и заявления, доступные общей проверке: образование батальонов смерти, раскассирование определенных полков и, наконец, прямое указание министра Керенского в разъяснении по поводу запрещения Украинского съезда.

По существу всех условий переживаемого момента наступление на фронте, продиктованное магнатами союзного империализма, преследует чисто политическую цель: отодвинуть назад и совершенно вытравить из сознания широких народных масс результаты дипломатических переговоров с союзниками, обнаружившие глубоко империалистический характер той группировки, в составе которой выступает дореволюционная Россия (вопросы об Албании, Греции, Персии, ответные ноты и заявления союзных дипломатов).

Поставив народ и армию, которая не знает, во имя каких международных целей она в данных условиях призвана проливать свою кровь, пред фактом наступления со всеми его последствиями, контрреволюционные круги России рассчитывают и на то, что наступление вызовет сосредоточение власти в руках военно-дипломатических и капиталистических групп, связанных с английским, французским и американским империализмом, и освободит их от необходимости считаться в дальнейшем с организованной волей русской демократии.

Явно в расчете на такой благоприятный для имущих классов перелом в соотношении сил Родзянко созывает своих третьеиюньцев в Петроград, рассчитывая на то, что старая Государственная дума сможет быть с успехом противопоставлена Совету рабочих и солдатских депутатов и поможет обеспечить курс твердого и решительного империализма, решительного прежде всего против революции и демократии.

---

[1] См. «Известия» № 98 от 22/VI 1917 г.

Закулисные контрреволюционные инициаторы наступления, не останавливающиеся—по справедливому выражению съезда партии с.-р.—перед «военной авантюрой», сознательно пытаются сыграть на разложении армии, вызываемом всем внутренним и международным положением страны, и в этих целях внушают отчаявшимся элементам демократии ту, в корне ошибочную мысль, будто самый факт наступления способен «возродить» армию и таким механическим путем возместить отсутствие определенной действенной программы ликвидации войны. Между тем ясно, что такое наступление может лишь окончательно дезорганизовать армию, противопоставляя одни ее части другим.

В этих условиях на Съезд советов рабочих и солдатских депутатов ложится колоссальная историческая ответственность. Съезд не может молчаливо пройти мимо открыто подготовляемого и всесторонне организуемого удара против международной революционной борьбы за мир, удара против завоеванных и организованных позиций русской демократии. Съезд должен дать немедленный отпор контрреволюционному натиску, путь к которому должно расчистить наступление, или взять на себя ответственность за эту политику целиком и открыто.

Предостерегая рабочий класс, армию и крестьянство против нависшей над страной угрозы, мы настаиваем на постановке вопроса в первую очередь работ съезда.

Делегат Минского совета Р. и С. деп. П. Позерн.
Бюро фракции РСДРП (большевиков) на съезде.
Бюро объединенных социал-демократов-интернационалистов».

Приложение 34

РЕЗОЛЮЦИИ, ВНЕСЕННЫЕ НА СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Резолюция большевиков

(Отклонена)

Первое Временное правительство, созданное революцией, образовавшееся из представителей империалистических, помещичьего и капиталистического классов, очень быстро обнаружило полную неспособность удовлетворить интересы масс населения, спасти страну от разрухи, направить дело к заключению демократического мира.

Второе коалиционное правительство заслонило контрреволюционную буржуазию от народа «социалистическими» министрами, которые оказались самым удобным для эксплоатирующих классов орудием, чтобы оттянуть разрешение всех коренных вопросов внутренней и внешней политики, поскольку решительная революционная постановка этих вопросов должна была бы затронуть на деле интересы русского и союзного империалистического капитала. «Социалистические» министры оказались прикрывающими посредством ни к чему не обязывающих обещаний ту же самую империалистическую буржуазную политику. Пользуясь этим прикрытием, буржуазия явно перешла к борьбе с революцией и открыто от имени третьеиюньских контрреволюционеров провозгласила лозунг «немедленного наступления». Такое наступление означало бы не только переход к активной империалистической политике, но и решительный поворот к контрреволюции во всей внутренней политике.

Окончательно обрисовался, таким образом, критический переломный момент русской революции. Растущая разруха, вызванная анархическим хозяйничаньем капиталистов, продолжающих наживать неслыханные прибыли на поставках, национальная политика коалиционного правительства, доведшая без всяких к тому оснований до конфликтов с угнетавшимися царизмом нациями внутри России (Финляндия и Украина), политика, создавшая конфликты с местными учреждениями из-за антидемократической претензии назначать или утверждать местные власти, политика, выразившаяся и в ряде угроз интернационалистическим элементам армии,—все это ускорило и обострило настоящий кризис всей русской революции.

Констатируя, таким образом, полный крах политики соглашения с капиталистами, съезд признает единственным выходом переход всей государственной власти в руки Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Резолюция меньшевиков-интернационалистов

(Отклонена)

Принимая во внимание,

1) что обновленное вводом делегатов Совета Р и СД и удалением Милюкова и Гучкова Временное правительство не стало действительным органом революции, активно и последовательно выполняющим ее задачи, но подобно своему предшественнику ведет политику балансирования и топтания на одном месте;

2) что в области внешней политики оно, заявив о разрыве с империалистскими тенденциями у себя дома, пасует перед империалистскими правительствами союзников и склоняет перед ними знамя российской революции;

3) что, заявив о намерении потребовать у союзников пересмотра тайных договоров, оно откладывало осуществление этого пересмотра в долгий ящик и в то же время не только не добилось устранения препятствий, которые союзными правительствами создаются делу общения между представителями их демократий и демократии русской, но и само наносит тяжелый удар международному движению в пользу мира таким актом, как высылка т. Гримма и присоединение к той кампании империалистов, которая все движение в пользу мира изображает служащим целям Германии;

4) что, повинуясь настойчивым давлениям союзных правителей, не желающих отказаться от захватных целей, оно пытается подготовить страну и армию к новому наступлению, которое при данных обстоятельствах не может не означать одновременно величайшую военную авантюру, чреватую роковыми последствиями для России и могучее орудие обуздания революционных сил в армии;

5) что всем этим укрепляется во всех воюющих странах позиция тех элементов демократии, которые идут со своими империалистскими правительствами, и, напротив, парализуется борьба интернационалистского авангарда демократии за мир;

6) что в области внутренней политики оно оставляет места представителей центральной власти в губерниях и уездах за ненадежными элементами, которые своим непониманием потребностей революции и частью сознательным противодействием ей тормозят организацию революционных сил, способствуют обострению политических, социальных и национальных противоречий, усиливают опасности хаотической гражданской войны;

7) что, уступая подстрекательствам открытых контрреволюционеров, правительство уже проявляет склонность вступить на путь полицейских репрессий против своих политических противников, о чем, между прочим, свидетельствует опубликованный в печати законопроект в министерстве юстиции о восстановлении ненавистных всей России ст. ст. 129 и 131, направленных против той неограниченной свободы устного и печатного слова, которую уважать оно присягало;

съезд констатирует:

1) что таким образом, участие представителей Совета Р и СД в составе Временного правительства привело лишь к тому, что связало руки революционной демократии и пролетариата в деле давления на буржуазию России и союзных стран, ослабив значение советов, как самостоятельно воздействующей на центральную власть политической силы;

2) что в то же время это участие возлагает на революционные органы демократии и на социалистические партии ответственность за указанное направление политики правительства и тем вносит дезорганизацию и раскол в ряды рабочего класса и революционной армии;

3) что объективное значение участия представителей Совета Р и СД вполне разоблачилось событиями, как сводящееся к попытке популярными именами революционных вождей прикрыть контрреволюционные тенденции в области внешней и внутренней политики;

4) что благодаря всему этому вместо создания сильной революционной власти достигается, напротив, ее еще большее расслабление, плохо прикрываемое выступлением отдельных министров, почему политический кризис еще более обострятся.

Чтобы вывести страну из этого кризиса, Временное правительство должно стать действительным орудием воли пролетариата и революционной демократии к миру, преодолевающим активное и пассивное противодействие контрреволюционных элементов буржуазии российской и европейской и проводящей решительные экономические и финансовые мероприятия, без которых немыслимо предотвращение грозящей России катастрофы.

Съезд требует от Временного правительства:

а) созвать всенародное Учредительное собрание не позже 1 сентября и немедленно упразднить Гос. думу и Гос. совет;

б) предложить союзникам незамедлительный созыв в Петрограде конференции для пересмотра целей и для соглашения о заключении общего перемирия на всех фронтах для приступа к переговорам о мире;

в) радикально очистить персонал местной и центральной власти от контрреволюционных элементов и ввести без промедления системы демократического самоуправления сверху донизу;

г) уважать в полной мере демократические права граждан в стране и на фронте;

д) ускорить проведение в жизнь экономических и финансовых мероприятий, необходимых для предотвращения банкротства страны;

е) добиться от союзных правительств беспрепятственного пропуска в Россию представителей социалистических партий и беспрепятственных сношений с ними.

Объединенная резолюция фракции меньшевиков и социал-революционеров

(Принята съездом)

Выслушав доклад Исполнительного комитета Петроградского совета Р и СД, съезд признает:

1) что при создавшихся в результате первого министерского кризиса условиях передача всей власти только буржуазным элементам нанесла бы удар делу революции;

2) что переход всей власти к советам Р и СД в переживаемый период русской революции значительно ослабил бы ее силы, преждевременно оттолкнув от нее элементы, способные еще ей служить, и грозил бы крушением революции.

Поэтому Всероссийский съезд Советов Р и СД одобряет действия Петроградского Совета Р и СД, нашедшего выход из кризиса 20—21 апреля в создании коалиционного правительства на основе решительной и последовательной демократической платформы в области внешней и внутренней политики.

Заслушав объяснения товарищей министров об общей политике Временного революционного правительства и выражая им полное доверие, Всероссийский съезд признает направление этой политики отвечающим интересам революции.

Съезд призывает Временное правительство решительнее и последовательнее проводить в жизнь принятую им демократическую платформу и в частности:

а) настойчиво стремиться к скорейшему достижению всеобщего мира без аннексий и контрибуций на началах самоопределения народов;

б) проводить дальнейшую демократизацию армии и укреплять ее боеспособность;

в) принимать при непосредственном участии трудовых масс самые энергичные меры борьбы с финансово-экономической и продовольственной разрухой, порожденной войной и обостренной политикой имущих классов;

г) вести систематическую и решительную борьбу с контрреволюционными попытками;

д) привести в скорейшее исполнение в области рабочего и земельного

вопроса мероприятия, согласованные с требованиями организованных трудящихся масс и диктуемые жизненными интересами подорванного войной народного хозяйства;

е) содействовать организации сил революционной демократии путем быстрого и радикального преобразования системы местного управления и самоуправления на демократических началах и скорейшего введения земского и городского самоуправления там, где их нет;

ж) в особенности съезд требует скорейшего созыва Всероссийского учредительного собрания;

Вместе с тем для более успешного и решительного проведения в жизнь указанной платформы, для полного объединения сил демократии и выявления ее воли во всех областях государственной жизни съезд призиает необходимым создать единый полномочный представительный орган всей организованной революционной демократии России, в который должны войти как представители Всероссийского съезда советов Р и СД, так и представители Всероссийского съезда крестьянских депутатов.

Перед этим Всероссийским представительным органом министры-социалисты ответственны за всю внешнюю и внутреннюю политику Временного правительства.

Эта ответственность даст уверенность в том, что, пока министры-социалисты остаются в составе Временного правительства, это правительство действует в согласии с демократией и потому должно пользоваться деятельной поддержкой всех демократических сил страны и всей полнотой власти.

Съезд призывает всю революционную демократию России еще теснее сплотить свои силы вокруг советов РС и КД, энергично поддерживать Временное правительство во всей его деятельности по укреплению и расширению завоеваний революции.

Приложение 35.

РЕЗОЛЮЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ

(Внесена на Всероссийском съезде советов 4 июня Луначарским и поддерживается всеми большевиками)

Съезд, принимая во внимание, что Государственная дума, избранная на основании антинародного закона 3 июня, являлась не представительством народа, а организацией наиболее реакционных элементов цензовой России; что председатель Государственной думы Родзянко, как видно из письма его, опубликованного в газетах от 3 июня 1917 г., продолжает считать ее важным фактором государственной власти; что в призыве его к членам Думы в том же письме «держаться наготове, ибо скоро придет время для их вмешательства в жизнь страны», явно звучит надежда на контрреволюцию и угроза ею; что Государственный совет представляет собою обломок черной реакции в механике новой русской государственной власти; что министр юстиции Переверзев не только не считает ненормальным получение членами Гос. совета, злейшими врагами русской свободы, даже в ее самых бледных дореволюционных проявлениях, огромного жалования из государственной казны русского свободного народа, но и признал за судебно-административными департаментами Г. совета важные судебные функции вплоть до права кассировать в последней инстанции некоторые решения обновленного сената,—находит, что надо положить предел всем заигрываниям с этими пережитками царской России путем н е м е д л е н н о г о и о к о н ч а т е л ь н о г о у п р а з д н е н и я Г о с у д а р с т в е н н о й д у м ы и Г о с у д а р с т в е н н о г о с о в е т а.

Резолюция меньшевиков и с.-р. о Гос. думе и Гос. совете, принятая на заседании съезда советов 9 июня

Принимая во внимание, что в последнее время группа бывших членов Государственной думы, выступая от имени Гос. думы и используя положение, занятое ею в первые дни революции, пытается под империалистическими лозунгами стать центром для собирания сил, действующих против революции и демократии,—Всероссийский съезд, считая необходимым установить, что революция, разрушив основы старого режима, тем самым:

а) упразднила Государственную думу и Государственный совет, как органы законодательной государственной власти,

б) что она же лишила их личный состав знания, дарованного им старым порядком,—

полагает,

1) что в дальнейшем отпуск средств на содержание и функционирование Государственной думы и Государственного совета, как законодательных учреждений, должен быть Временным правительством прекращен и

2) что поэтому все выступления бывших членов Государственной думы и Государственного совета являются выступлениями частной группы граждан свободной России, никакими полномочиями не облеченных.

Приложение 36

РАДИО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО НЕМЕЦКИМ ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ

Изданный 29 апреля (12 мая) русским главнокомандующим приказ по армии односторонне излагает переговоры, состоявшиеся в Двинске между генералом Драгомировым и тремя германскими офицерами.

На основании записи разговора, которая однако к сожалению им не была дана в руки, германским офицерам ставится в вину, что они будто бы пришли к генералу Драгомирову без настоящей к тому причины и что они не могли передать никаких определенных заявлений.

За это их обзывают лжепарламентерами, будто бы посланными выследить русские позиции и настроение русской армии (хотя глаза-то у них были завязаны!).

Такое положение дела упускает из виду, что упомянутые три германских офицера пришли к генералу Драгомирову, следуя приглашению со сторон русских офицеров. Они ожидали, что услышат из уст представителей русской армии предложения о том, каким образом может быть исполнено желание скорейшего окончания кровопролития—желание, со дней русской пасхи неоднократно и многогласно высказанное представителями русской армии на всем фронте.

Когда германскому главнокомандующему на востоке было донесено, что генерал Драгомиров изъявил готовность принять с нашей стороны предложения и условия, но сам никаких предложений не сделал, он в письме генералу Драгомирову предложил, чтобы обеими сторонами были высланы уполномоченные представители, так как строевые офицеры, пришедшие из окопов, не могут быть ответственными переговорщиками.

Германские и австро-венгерские представители были уже намечены: они были уполномочены указать, каким образом военные действия между нами и Россией могли бы быть окончены без отпадения России от своих союзников. Однако представители русской армии сочли более удобным не откликнуться на наше предложение.

Генерал Драгомиров, правда, расписался в получении письма, но ответа не было. Если бы на это важное письмо было обращено нужное внимание, оно могло бы стать первым знаменательным шагом к достижению мира. Но до сих пор ни русская армия, ни русское общество ничего не узнали об этом письме.

Однако они должны знать, что Германия в лице главнокомандующего восточным фронтом изъявила свою готовность итти навстречу неоднократно высказанным желаниям русских солдат-депутатов и окончить кровопролитие. Готовность эта существует и поныне. Доказана она тем, что уже со дней пасхи войска центральных держав на восточном фронте почти вполне приостановили враждебные действия и стреляют лишь там, где их принуждают к тому действия русской армии.

Сообщения русского бюллетеня о германских наступлениях и действиях с применением удушливого газа не соответствуют истине.

Центральные державы сами гласно объявляют, что они готовы заключить мир, честный для обеих сторон, на условиях, частности которых придется предоставить особому соглашению,—мир, который восстановил бы прежние добрососедские отношения и дал бы России экономическую поддержку на благо всем причастным народам.

Вот та великая цель, на которую хотел указать главнокомандующий германским восточным фронтом в своем письме генералу Драгомирову; ту же

цель имело в виду предложение о перемирии, переданное 6 (19) мая штабам главнокомандующих и строевым частям русских VIII и IX армий. Соединенные среднеевропейские державы во всеуслышание повторяют: пусть Россия шлет уполномоченных представителей, если желает знать частности наших условий.

Но пусть Россия откажется от требования публичного объявления этих условий. Пока она сама считает себя связанной тайными договорами, заключенными прежним правительством,—договорами, имеющими целью уничтожение Германии и ее союзников,—пока она сама еще сражается и пока Англия, Франция и Италия предпринимают наступление для достижения своих завоевательных целей.

Все еще эти государства намереваются отнять у Германии ее колонии и Эльзас-Лотарингию, у Австро-Венгрии важнейшую ее гавань Триест с прилегающей Истрийской областью, у Турции Константинополь; о разделе Малой Азии названные государства ведут между собою переговоры. Кроме того одной из своих военных целей названные государства считают уплату огромной контрибуции соединенными среднеевропейскими державами.

Вот те цели, из-за которых Россия, по соображениям своих союзников, должна бороться и проливать кровь. На других фронтах борьба продолжается и изо дня в день требует огромное число жертв. Державы Согласия пустили по свету слух, будто бы центральные державы могут отстоять западный и юго-западный фронты только в том случае, если войска их с восточного фронта будут передвинуты на запад.

Это выдумка. Не раз уже мы успешно оказывали сопротивление одновременно и общему напору на всех фронтах и в то же время защищали и расширяли занятые нами области в Волынии, в Румынии, на Изонцо и на Сомме, следовательно нам незачем употреблять такое средство, как обнажение восточного фронта. Если соединенным среднеевропейским державам придется продолжать войну и дальше нести огромные военные издержки, то конечно и военные цели их неизбежно станут более широкими.

Главнокомандующий восточным фронтом [1].

Приложение 37

ПРОКЛАМАЦИЯ РСДРП БОЛЬШЕВИКОВ, РАСКЛЕЕННАЯ В РАБОЧИХ КВАРТАЛАХ 9 ИЮНЯ

Всероссийская с.-д. рабочая партия

Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Питера

Товарищи!

Тяжелые испытания переживает Россия.

Война, уносящая миллионы жертв, все еще продолжается. Ее намеренно затягивают наживающиеся на войне миллионеры-банкиры.

Промышленная разруха, вызванная войной, ведет к приостановке заводов, к безработице. Ее намеренно обостряют жадные до сказочных барышей локаутчики-капиталисты.

Недостаток хлеба и прочих продуктов становится все ощутительнее. Дороговизна душит население. А цены все растут во имя прихотей мародеров-спекулянтов.

Зловещий призрак голода и разрухи носится над нами...

В то же время надвигаются черные тучи контрреволюции.

Третьеиюньская дума, помогавшая царю душить народ, требует теперь немедленного наступления на фронте,—для чего? Для того, чтобы потопить в крови добытую свободу.

Государственный совет, поставляющий царю министров-вешателей, плетет в тиши предательскую петлю, прикрываясь именем закона,—для чего? Для того, чтобы в удобную пору выйти на свет и накинуть ее на шею народу.

А Временное правительство, поставленное между царской Думой и Советом депутатов, с 10 буржуа в своем составе, явно подпадает под влияние помещиков и капиталистов.

[1] ВИА. Дело № 6/418.

Вместо обеспечения прав солдат—«декларация» Керенского, нарушающая эти права в ряде очень важных пунктов.
Вместо закрепления вольностей, добытых солдатами в дни революции,—новые «приказы», грозящие каторгой.
Вместо закрепления свободы, добытой гражданами России,—аресты без суда и следствия, новые предположения о 129 ст., грозящие каторгой.
Вместо борьбы с контрреволюцией—попустительство разгулу и вакханалии контрреволюционеров.
А разруха все растет,—и никаких мер против нее.
А война все идет,—и никаких действительных мер для ее прекращения.
А голод все надвигается,—и никаких действительных мер против него.
Можно ли удивляться, что контрреволюционеры все наглеют, подбивая правительство на репрессии против солдат, матросов, рабочих, крестьян?
Товарищи! Молча терпеть дальше такие порядки нельзя! Молчать после всего этого преступно!
Протест уже начинается в глубинах рабочих.
Мы—свободные граждане, мы имеем право протестовать, и мы должны воспользоваться этим правом, пока не поздно.
Право мирной демонстрации остается за нами. Выйдем же на мирную демонстрацию и поведаем о своих нуждах и желаниях!
Пусть взовьются сегодня победные знамена на страх врагам свободы и социализма!
Пусть наш клич, клич сынов революции, облетает сегодня всю Россию на радость всем угнетенным и порабощенным!
Рабочие! Присоединитесь к солдатам и поддержите их справедливые требования: разве не помните, как они поддерживали вас в дни революции?
Все на улицу, товарищи!
Солдаты! Протяните руки рабочим и поддержите их справедливые требования: сила революции—в союзе солдат и рабочих. Ни один полк, ни одна рота не должны сидеть сегодня в казарме!
Все на улицу, товарищи!
Стройными рядами шествуйте по улицам столицы.
Спокойно и уверенно, как подобает сильным, заявите о своих желаниях:
Долой царскую **Думу**!
Долой Государственный совет!
Долой десять министров-капиталистов!
Вся власть Всероссийскому совету рабочих, солд. и крестьянских депутатов!
Пересмотреть «декларацию прав солдата»!
Отменить «приказы» против солдат и матросов!
Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов!
Да здравствует контроль и организация промышленности!
Пора кончить войну! Пусть Совет депутатов объявляет справедливые условия мира!
Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с французскими и английскими капиталистами!
Хлеба! Мира! Свободы!

Приложение 38

ПРОКЛАМАЦИЯ СОГЛАШАТЕЛЕЙ ПРОТИВ ДЕМОНСТРАЦИИ

Товарищи солдаты и рабочие!

Партия большевиков зовет вас на улицу.
Без ведома Совета раб. и солд. депутатов, без ведома Всероссийского съезда, без ведома Совета крестьянских депутатов и всех социалистических партий приготовляется этот призыв. Он раздался как раз в тот тревожный момент, когда Всероссийский съезд призвал товарищей рабочих Выборгского района помнить, что всякие демонстрации в эти дни могут повредить делу революции. Товарищи, от имени миллионов рабочих, крестьян и солдат в тылу и на фронте мы говорим вам:
Не делайте того, к чему вас зовут.
В этот тревожный момент вас зовут на улицу для предъявления требования низвержения Временного правительства, поддержку которого Всероссийский съезд только что признал необходимой.

И те, кто вас зовут, не могут не знать, что из вашей мирной демонстрации могут возникнуть кровавые беспорядки. Зная вашу преданность революционному делу, мы говорим вам:

Вас зовут демонстрировать в пользу революции, а нам известно, что вашим выступлением хотят воспользоваться притаившиеся контрреволюционеры.

Мы знаем, что контрреволюционеры жадно ждут минуты, когда междоусобица в рядах революционной демократии даст им возможность раздавить революцию.

Товарищи!

От имени всех Советов рабочих и солд. депутатов, от имени Совета крестьянских деп., действующих армий и социалистических партий мы говорим вам:

Ни одной роты, ни одного полка, ни одной группы рабочих не должно быть на улице.

Ни одной демонстрации сегодня.

Нам предстоит еще великая борьба.

Когда русской свободе будет действительно грозить контрреволюционная опасность, мы позовем вас.

Дезорганизаторские же выступления—гибель революции.

Берегите силы.

Держитесь дружно со всей революционной Россией.

Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов.

Исполнительный комитет Петр. совета раб. и солд. деп.

Исполнительный комитет Всероссийского совета крестьянских депутатов.

Организационный комитет Рос. соц.-дем. раб. партии.

Центральный комитет партии соц.-рев.

Центральный комитет Бунда.

Центральный комитет Трудовой группы.

Украинская фракция Всероссийского съезда.

Фракция объединенных интернационалистов с.-д. большевиков и меньшевиков Всероссийского съезда.

Военная секция при Организационном комитете и Ком. Петрог. Орг. Российской соц.-дем. рабочей партии.

Приложение 39

РЕЗОЛЮЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ О ВОЙНЕ

(Отклонена)

1. Опубликованные 10 мая официальные заявления английского и французского правительства в ответ на обращение русского Временного правительства и состоявшаяся аннексия Албании Италией и насилие англо-французского капитала над Грецией еще и еще раз устанавливают нежелание империалистической буржуазии «союзных стран» стать на точку зрения мира без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение. Из этих фактов ясно вытекает стремление продолжить войну вплоть до осуществления их захватных целей, с одной стороны, и желание в союзе с русской буржуазией превратить русскую армию в пассивное орудие этой политики затягивания мировой бойни, международного грабежа и насилия над народами—с другой.

2. Тем самым потерпела полное крушение политика коалиционного Временного правительства, обещавшая страну привести к миру путем дипломатических переговоров с империалистскими правительствами Англии и Франции и склонение этих правительств к отказу от их захватных стремлений. После чего обещание русского правительства созвать в «ближайшее время», «когда будут к тому благоприятные условия», конференцию союзных держав является попыткой отвлечь внимание народных масс от уже совершающихся на деле аннексий и насилий и успокоить их надеждой на повторение новой безнадежной попытки дипломатических переговоров.

3. Циничными заявлениями союзных империалистов, совершенной аннексией Албании и насилием над Грецией сорван покров с усвоенного коалиционным правительством лозунга «наступления». Отныне проповедь наступления со стороны России неразрывно и явно для всего народа связана с фактической поддержкой империалистских целей войны и ее затягиванием в интересах русской и «союзной» буржуазии.

Политика эта становится тем более губительной, что, ставя на карту миллионы жизней русских граждан и все будущее трудящихся классов России во имя чуждых им целей, она уже привела к возрождению политики насилия в армии (расформирование полков, аресты за речи, предание суду и т. д.), внесла в его среду раздор, усилила контрреволюционные элементы за счет революционных, создала почву для бонапартизма и фактически свелась к борьбе всеми мерами против наиболее революционных и интернационалистических элементов армии.

4. Гибельные для русской революции результаты политики соглашений Временного правительства и поддерживающих его партий—меньшевиков и народников—с империалистскими правительствами и еще более гибельные результаты политики наступления должны быть неминуемо ликвидированы пересмотром проводившейся до сих пор Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов политики.

5. Факт крушения этой политики должен открыть глаза самым широким массам трудящегося населения и заставить их признать полную безвыходность положения, если не будут приняты следующие меры:

I. Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов немедленно обращается к рабочим и солдатам всех воюющих стран с воззванием, в котором он указал: а) что он отвергает захватные цели войны и русской и германской, и англо-французской, и всякой другой буржуазии, считая таковыми целями удержание не только областей, захваченных во время этой войны, но и колоний, а равно всех неполноправных наций, насильственно включенных в состав данного государства или пребывающих в нем без добровольного на то их согласия; б) что он не считает для трудящихся масс России обязательными тайные договоры, заключенные царем с империалистскими правительствами, и приглашает всех принять все возможные меры для раскрытия всех дипломатических тайн и опубликования договоров, считая такое опубликование одним из шагов к освобождению трудящихся масс всех наций от обмана ведущими империалистскую политику правительствами и от их ига; в) что он призывает все угнетенные классы всех стран развитием пролетарской революции против империалистских правительств помочь—каждому в своей стране—борьбе русских рабочих как против покушений германского империализма, так и против стремлений союзного и русского империализма погубить революцию путем затягивания войны.

II. Чтобы иметь возможность осуществить указанные задачи на деле, Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов во имя спасения свободы, во имя спасения сотен миллионов трудящихся, стоящих в целом ряде стран на краю гибели от голода и хозяйственной разрухи, должен взять власть в свои руки с целью скорейшего окончания империалистской войны.

III. Созданное таким образом русское правительство должно немедленно обратиться ко всем воюющим правительствам и отдельно ко всем трудящимся классам этих стран с полным изложением условий мира и предложением немедленного открытия мирных переговоров. Только такой шаг выведет трудящиеся классы России из того запутанного и политически невыносимого положения, в которое они поставлены своей связью с русским и союзными империалистическими правительствами, разоблачить все эти правительства и поставить их в невозможность удержать власть над угнетенными классами и расчистить путь для мировой пролетарской революции.

IV. Всероссийский съезд, взяв в свои руки власть, должен обратиться к армии с воззванием, обрисовать в нем положение, в которое ставят революционную Россию империалистические планы как германской, так и англо-французской буржуазии и потребовать от армии напрячь все свои силы для решительной самоорганизации и установления революционной дисциплины для того, чтобы она представляла могучую силу на тот переходный период, пока правительство и рабочие классы воюющих стран ответят на предложенные условия мира.

V. Всероссийский съезд должен отменить все распоряжения последнего времени, направленные против интернационалистских элементов в армии. Съезд должен принять самые решительные революционные меры для того, чтобы обуздать капиталистов, лишить их тех неслыханно скандальных прибылей, которыми они и по-сейчас пользуются, взять их предприятия под

действительный рабочий контроль, ввести всеобщую трудовую повинность и обеспечить, таким образом, доставку в армию всего необходимого ей количества продуктов потребления.

Резолюция большевиков о мире без аннексий

(Отклонена)

С первых дней революции Совет раб. и солд. депутатов поставил целью внешней политики России скорейшее достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение. Эта платформа с тех пор подвергалась обсуждению как парламентов, так и социалистических партий и групп всего мира. Можно считать установленным, что осуществление задач русской революционной демократии и социалистического пролетариата требует ныне более точного и самого ясного определения содержания формулы «мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение». Только такое не поддающееся перетолкованию определение задач мира со стороны съезда советов Р и С депутатов положит конец всяким двусмысленностям и проведет ясную разграничительную черту между врагами и друзьями революционных сил России.

Съезд поэтому заявляет, что он самым решительным образом высказывается против сепаратного мира с германскими капиталистами, ибо подобный мир подразумевает соглашение с империалистическим правительством Германии и подчинение его грабительским планам, с одной стороны, и, с другой стороны, создал бы непреодолимые трудности в деле сближения и братского союза пролетарских масс России с пролетариатом Англии, Франции и других стран.

Съезд констатирует, что из империалистской войны, созданной борьбой капиталистов всех стран из-за дележа мирового рынка, из-за господства крупнейших милитаристских держав над отсталыми и слабыми нациями и государствами, нельзя выйти простым отказом солдат одной страны от войны, односторонним «втыканием штыков в землю». Интересы трудящихся пролетарских масс всего мира, вполне совпадающие с интересами всех угнетенных и насильственно присоединенных наций, требуют, чтобы империалистская война окончилась прочным и длительным всеобщим демократическим миром. Таким миром не может быть мир, заключенный дипломатами сохранивших свою власть империалистов,—мир, который они попытаются заключить, обменивая одни захваты на другие, предоставляя друг другу свободу эксплоатации осталых стран и колоний, восстанавливая в том или другом виде политику экономической войны и торговых договоров в пользу буржуазии за счет трудящихся масс.

Соответствующим интересам этих масс был бы только мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение.

Подобный мир прежде всего не может обозначать возвращения к довоенным границам государств. Окончание войны на таких условиях означало бы предоставление крупнейшим европейским державам права попрежнему насильственно удерживать в своих границах неполноправные народы (Эльзас-Лотарингию, Познань, Галицию, Хорватию, Боснию, Ирландию и т. д.) и ничуть не предотвратило бы повторение кровавой бойни. Ни один демократ не может поэтому поставить своей целью подобного мира. Съезд Р и СД протестует поэтому против толкования «мира без аннексий» в смысле возвращения к старым границам.

Равным образом съезд отвергает попытки истолковать «право наций на самоопределение», как применяемое только к этим областям, которые оказались во время войны ареной военных действий. Съезд настаивает на том, что право на самоопределение, т. е. право каждой нации самостоятельно и свободно определить свое присоединение к тому или другому государству или решить о своем независимом государстве, должно быть применено не только к русской Польше, Эльзас-Лотарингии, Армении, занятым войсками воюющих государств, но и к Богемии, к Хорватии, Познани, так же как и ко всем колониям, как Египту, Марокко, Алжиру, Триполитании и т. д.

Таким образом «мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение» обозначает лишь такой мир, условием которого является

общий вывод войск из всех занятых областей (из Бельгии, Польши, Сербии, Румынии, Персии и Месопотамии) и предоставление всем нациям, насильственно удерживаемым в составе крупнейших европейских держав, и их колониям права свободно решить вопрос о своем государственном существовании.

Поставив перед собой задачу добиться мира на таких основах, советы Р и СД отдают себе отчет, что подобный мир своей предпосылкой имеет решительную борьбу рабочего класса каждой страны против своего империалистического правительства, классом капиталистов в каждой стране. Вне этого условия мир без аннексий не только недопустим, но и сама формула съезда советов Р и СД превращается в двусмысленную фразу, которой слуги империалистов Англии, Франции, Германии и России обманывают свои народы.

Констатируя таким образом истинный смысл «мира без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение» как задачи социалистического пролетариата России, съезд призывает все революционно-пролетарские элементы всех воюющих стран объединить свои усилия в борьбе против своих империалистических правительств во имя этой задачи. Съезд полагает, что этот призыв получит всю силу лишь в том случае, если России, стоящая впереди других стран в деле осуществления свобод, немедленно и безоговорочно применит эти принципы к входящим в ее состав и угнетавшимся царизмом нациям, как Украина и Финляндия, предоставив последним полную свободу в определении своей воли.

Резолюция меньшевиков-интернационалистов

Об отношении к войне, внесенная фракциями меньшевиков-интернационалистов и большевиков[1] в заседании 12 июня и отвергнутые съездом.

Принимая во внимание:

1) что российская революция для своего успешного развития и закрепления своих завоеваний нуждается прежде всего в прекращении мировой войны, высасывающей все соки из русского народа,

2) что прекращение войны стало в сознании широких народных масс центральной задачей с первых дней революции, формулированной в воззвании «к народам всего мира» Петроградского совета Р и СД,

съезд постановляет:

а) что дипломатическое воздействие Временного правительства на правительства союзных стран, в целях побуждения их к отказу от захватных стремлений, не привело ни к каким положительным результатам, поскольку декларации и акты союзных правительств все более откровенно свидетельствуют об их настойчивом стремлении заставить русскую революцию и русский народ служить и проливать кровь в их империалистических интересах;

б) что воздействие Совета Р и СД на вождей социалистических партий Западной Европы, в целях побудить их начать решительную борьбу за мир против своих империалистических правительств, равным образом до сих пор не увенчалось успехом, поскольку не сдвинуло социалистического большинства Англии, Франции и Германии с позиции национального единения с господствующими классами, продолжающими преследовать в войне захватные цели;

в) что неуспех той и другой попытки всецело объясняется лавированием между политическим расчетом на революционное пробуждение народных масс во всех воюющих странах и компромиссами, боящимися испугать империалистические правительства отчетливой постановкой вопроса о мире и оттолкнуть связанные с этими правительствами социал-националистические партии;

г) что политика зигзагов и шатаний в международной области не только не приближает момент заключения мира, но и затрудняет для армии борьбу с разлагающими ее факторами, как массовое дезертирство и т. п., и содействует нарождению анархии в тылу и на фронте;

д) что попытка поднять боеспособность армии и остановить ее дезорганизацию пропагандой и подготовкой общего наступления, прежде чем подстрекающие к нему союзные правительства согласились пересмотреть цели войны, не только ослабляет давление российской революции на империализм обеих

---

[1] Объединенцев, не входивших в состав нашей партии.

коалиций в деле борьбы за общий мир, но и содействует усилению контрреволюции, делающей из наступлений очередный лозунг борьбы с демократией;

е) что российская революция при этих условиях никогда не вырвется из тисков, в которые она заключена всемирным империализмом, не обретет в себе решимости противостать обоим враждующим империализмам, как третья сила, опирающаяся на революционные элементы во всех воюющих странах и на них одних рассчитывающая в своей политике;

ж) что поэтому обязанность Временного правительства—продолжать добиваться пересмотра союзными правительствами тайных договоров, предъявить им требования о полном отказе от аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение и о заявлении согласия на вступление в переговоры об общем мире и немедленном заключении перемирия на всех фронтах, поскольку противная сторона примет эти условия;

з) что в случае отказа союзных правительств от принятия этой программы российская революция не должна остановиться перед выходом из коалиции, в которую включил Россию царизм, и перед перспективой противостоять одним империалистическим коалициям до тех пор, пока демократия той или другой стороны принудит их заключить общий мир на указанных основаниях;

и) что самый тесный союз российской революционной демократии с социалистическими партиями, ведущими и готовыми вести массовую революционную борьбу со своими правительствами за общий мир без аннексий и контрибуций, должен лежать в основе всей политики ее в вопросах войны;

к) что поэтому очередной задачей революционной демократии является самодеятельность народных масс России в таком направлении, чтобы своими обращениями к народным массам и к Временному правительству они неустанно поддерживали свою волю к миру, противопоставляя ее шовинистической агитации затягивающих войну буржуазных партий России и Западной Европы и тем самым оказывали революционное содействие на скованные военным положением народные массы других воюющих государств.

Резолюция с.-д. меньшевиков и с.-р. о войне

(Принята съездом).

Настоящая война возникла на почве империалистических стремлений господствующих классов всех стран, направленных к захвату новых рынков и подчинению своему экономическому и политическому влиянию мелких и отсталых стран.

Она приводит к полному экономическому истощению всех стран и народов и ставит на край гибели русскую революцию. Поглощая миллионы жизней и миллиарды народных средств, она грозит еще более усилить разруху, оставленную стране старым режимом, толкая ее на голод и отвлекая ее от творческой работы по укреплению завоеванной свободы.

Всероссийский съезд совета С и РД признает, что борьба за скорейшее окончание войны является поэтому важнейшей очередной задачей революционной демократии, диктуемой как интересами революции, так и стремлением трудящихся всех стран прекратить взаимное истребление и вновь восстановить свой братский союз для совместной борьбы за полное освобождение человечества.

Всероссийский съезд признает: 1) что окончание войны путем разгрома одной из групп воюющих сторон послужило бы источником новых войн и еще более усилило бы рознь между народами и довело бы их до полного истощения, голода и гибели; 2) что сепаратный мир усилит одну из борющихся сторон, даст ей возможность одержать решительную победу над другой, усилит захватные стремления господствующих классов, не освободит Россию от тисков мирового империализма и затруднит международное объединение трудящихся, а потому съезд категорически отвергает всякую политику, на деле направленную к осуществлению сепаратного мира или его преддверия—сепаратного перемирия.

Окончательной гибелью для России была бы попытка с ее стороны добиться проведения намеченной ею программы мира путем разрыва с союзниками и объявления войны всей Европе.

Ввиду того, что окончание войны возможно лишь при условии объединенных усилий демократии всех стран, съезд признает необходимым:

а) чтобы революционная демократия России в лице ее полномочного, Всероссийского совета РС и Кр. Д., органа обратилась с призывом к демократиям всех государств, чтобы они присоединились к лозунгу «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов» и в этом направлении воздействовали на свои правительства;

б) чтобы она всеми мерами содействовала скорейшему воссозданию революционного Интернационала и созыву международного социалистического съезда для восстановления международной солидарности трудящихся, выработки окончательных условий мира и мер к проведению их в жизнь;

в) чтобы она обратила внимание демократии всех воюющих стран на то, что их недостаточно энергичное противодействие последним заявлениям их правительств о захватных целях войны ставит в крайне тяжелое положение русскую революцию и затрудняет международное единение трудящихся.

Для осуществления этих задач необходима немедленная посылка делегаций в союзные и нейтральные страны и приглашение в Россию из этих стран делегаций от всех социалистических течений.

Съезд решительно протестует против затруднений, которые ставятся империалистическими правительствами посылке этих делегаций.

Признавая, что Временное революционное правительство в основу своей международной политики положило выдвинутую русской демократией программу мира, съезд считает необходимым, чтобы правительство в кратчайший срок приняло все зависящие от него меры для присоединения союзных России стран к этой программе.

Съезд считает необходимым, чтобы правительство теперь же приняло все меры для ускорения пересмотра договоров с союзными правительствами в направлении решительного отказа от захватной политики. Для успешного проведения намеченной демократией внешней политики необходимо скорейшее обновление личного состава министерства иностранных дел и дипломатического корпуса путем его демократизации.

Съезд заявляет, что до тех пор, пока войне международными усилиями демократии не положен конец, русская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии и способности ее к оборонительным и наступательным действиям, ибо крушение русского фронта было бы поражением русской революции и тяжелым ударом делу всей международной демократии.

В частности съезд полагает, что вопрос о наступлении должен быть решаем исключительно с точки зрения чисто стратегической.

Приложение 40.

ЗАЯВЛЕНИЕ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА СЪЕЗДА СОВЕТОВ СОВМЕСТНО С БЮРО ВСЕХ ФРАКЦИЙ СЪЕЗДА

11 июня, а также Съезду советов 12 июня

9 июня Всероссийский съезд постановил запретить мирную политическую манифестацию петроградских рабочих и солдат, руководство которой наша партия взяла на себя. В качестве причин такого исключительного насилия над волей петроградского пролетариата ответственные вожди съезда указывали на непосредственную опасность использования демонстрации организованными силами контрреволюции. Мы не имели об этих планах тех сведений, какими располагал Исп. Ком. Петр. СР и СД. Но мы сочли для себя обязательным ввиду такой мотивировки запрещения обратиться с нашей стороны к петроградским рабочим и солдатам с призывом отменить свою манифестацию.

Для вас, после посещения вашими делегатами заводов и полков, не может быть сомнений в том, что если демонстрация не состоялась, то не вследствие вашего запрета, а вследствие отмены ее нашей партией.

После этого можно было рассчитывать и ожидать, что вы поставите в порядок дня расследование того самого контрреволюционного заговора, на который вы ссылались в оправдание запрета демонстрации. Но вы на деле бессильны перед притаившимися, по вашим словам, контрреволюционерами, связанными с русскими и «союзными» империалистами, порвать с которыми вы не смеете.

Вместо этого вы поставили в порядок ваших работ суд над нашей партией. От имени назначенной вами комиссии гражданин Дан выдвинул проект

резолюции, осуждающей нашу партию за «тайные», т. е. независимые от официального большинства Совета, действия, запрещающей в дальнейшем уличные манифестации без разрешения Совета, т. е. по сути дела—Временного правительства, и угрожающей ослушникам исключением из рядов Совета.

По этому поводу мы и считаем необходимым заявить, что, входя в Совет и борясь за переход в его руки всей власти, мы ни на минуту не отказывались в пользу принципиального враждебного нам большинства Совета от права самостоятельно и независимо пользоваться всеми свободами для мобилизации рабочих масс под знаменем нашей классовой пролетарской партии. Мы категорически отказываемся налагать на себя такие антидемократические ограничения и впредь. Если бы даже государственная власть целиком перешла в руки Совета,—а мы на этом стоим,—и Совет попытался бы наложить оковы на нашу агитацию, это могло бы заставить нас не пассивно подчиниться, а пойти навстречу тюремным и иным карам во имя идей интернационального социализма, которые нас отделяют от вас.

Но на самом деле вожди съезда пошли гораздо дальше. Гражданин Церетели объявил резолюцию Дана недостаточной и потому несостоятельной. Церетели обвиняет нашу партию не в нарушении дисциплины, а в прямом рабочем и военном заговоре против Временного правительства и поддерживающего его съезда. Это новое, решающее обвинение не только не согласовано с теми доводами, которые официально выдвигались против демонстрации третьего дня, но и находится в резком противоречии с внесенной сегодня резолюцией Дана. Однако сам министр Церетели не смеет сделать из своего обвинения вывод о назначении расследования по поводу мнимого «заговора», который ему понадобился исключительно для того, чтобы выдвинуть программу явно контрреволюционного характера. Необходимо, по словам Церетели, отнять оружие из рук тех, которые угрожают при помощи этого оружия правительству «революционной демократии». Другими словами: фикция военного заговора выдвинута членом Временного правительства для того, чтобы провести обезоружение петроградского пролетариата и раскассирование петроградского гарнизона.

Смысл и значение этих мер говорят сами за себя. Дело идет об обезоружении авангарда революционно—мера, к которой всегда прибегала буржуазная контрреволюция, когда чувствовала свою неспособность справиться с выдвинутыми революцией задачами и с настроением возмущения трудящихся масс. Гражданин Церетели и те, которые его направляют, не могут не знать, что рабочие массы никогда в истории не расставались без боя с оружием, которое они получали из рук революции. Стало быть правящая буржуазия и ее «социалистические» министры сознательно вызывают гражданскую войну на том коренном вопросе, на котором контрреволюция всегда мерялась с рабочим классом.

В полном сознании всех последствий, к которым ведет такого рода провокационная политика, мы разоблачаем перед лицом Всероссийского съезда и стоящих за ним народных, и прежде всего пролетарских, масс это подготовляемое за кулисами наступление Временного правительства против революции. Мы покинули заседание той экстренной комиссии, в которой обсуждаются меры против свободы агитации и подготовляется обезоружение рабочих.

Революция переживает момент высшей опасности. Мы призываем рабочих к стойкости и бдительности.

Центральный комитет РСДРП.

Бюро фракции большевиков на Всероссийском съезде советов.

К этому заявлению присоединилась и вся фракция большевиков.

Приложение 41.

РЕЗОЛЮЦИЯ О СОБЫТИЯХ 9—10 ИЮНЯ, ВНЕСЕННАЯ БЛОКОМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ МЕНЬШЕВИКОВ И ЭСЕРОВ И ПРИНЯТАЯ СЪЕЗДОМ

Обсудив вопрос о событиях 9 и 10 июня и принимая во внимание:

1) что основой успеха и силы российской революции является единство всей революционной демократии—рабочих, солдат и крестьян;

2) что враги революции неоднократно пытались разъединить эти силы путем натравливания рабочих на солдат, солдат и крестьян на рабочих;

3) что с развитием революции становятся на очередь все более коренные

вопросы глубоких экономических преобразований и, в связи с этим, растет сопротивление контрреволюционных слоев имущих классов;

4) что экономическая разруха, финансовый и продовольственный кризис в обстановке мировой войны создают почву для глухого недовольства и брожения в широких народных массах, не отдающих себе отчета в том, что этот кризис не может быть при данных условиях полностью разрешен даже самыми решительными мерами;

5) что этим недовольством, этим непониманием народных масс стараются воспользоваться контрреволюционные силы, слишком слабые, чтобы надеяться на успех при выступлениях под собственным флагом;

6) что при таких условиях в особенности важна полная согласованность действий между отдельными отрядами революционной демократии,—

Всероссийский съезд советов Р и СД решительно осуждает предпринятую 9 и 10 июня попытку устроить в Петрограде демонстрацию втайне от Совета, без принятия сколько-нибудь действительных мер для того, чтобы эта демонстрация не оказалась вооруженной и не привела бы к гибельным для революции кровавым столкновениям.

И постановляет:

1) против ясно выраженной воли советов, как полномочных органов революционной демократии, группы и партии, входящие в состав советов Р и СД, не имеют права предпринимать массовых выступлений;

2) мирные, невооруженные манифестации могут организовываться этими группами и партиями лишь с ведома советов;

3) всякие вооруженные выступления, не исключая и манифестации с участием вооруженных людей, могут устраиваться лишь по постановлению советов как единственных органов, представляющих волю всей революционной демократии.

Всех товарищей рабочих, солдат и крестьян съезд призывает неуклонно подчиниться этому постановлению и не следовать самовольным призывам, идущим в разрез с указанными выше постановлениями, откуда бы эти призывы ни исходили.

Всякое нарушение этого постановления играет в руку контрреволюции и грозит положить начало гражданской войне.

Вместе с тем, для всестороннего выяснения всех обстоятельств, сопровождавших подготовку демонстрации 9 и 10 июня, съезд постановляет образовать комиссию с участием представителей всех входящих в состав совета партий, поручая ей обратить особое внимание на то, в какой степени и в каких формах к этому движению были причастны сомнительные и контрреволюционные элементы, стремившиеся его использовать в своих целях.

Приложение 42

Российская с.-д. рабочая партия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

К демонстрации 18 июня.

Товарищи рабочие, товарищи солдаты! Готовьтесь к воскресной демонстрации. Приложите все усилия к тому, чтобы наши требования громко прозвучали на всю страну.

Нам нужна не просто прогулка. Нам нужен смотр сил. Нам нужна демостраация, которая помогла бы практическому проведению наших требований в жизнь.

Берите дело в собственные руки. Ни на кого не надейтесь. Выносите решения, с какими требованиями пойдут ваши заводы, ваши воинские части на демонстрацию. Заготовляйте сами плакаты. Работайте, время не ждет [1].

Ко всем товарищам рабочим и ко всем фабрично-заводским комитетам гор. Петрограда

Товарищи!

В неимоверно тяжелых условиях приходится в настоящее время жить и бороться рабочему классу.

---

[1]) Далее следует текст прокламации, помещенной в приложении 37 на стр. 404.

Продолжающаяся война губит нашу жизнь. Продовольственный недостаток, пронзводственная разруха, расстройство всей хозяйственной жизни страны, все возрастающая дороговизна, истощение и голодная жизнь.

В то же время втайне организуется контрреволюционная буржуазия. Капиталисты начали свой реакционный поход против рабочих и все расширяют этот поход. Локауты и розничные расчеты, умышленное стеснение и даже порча производства создают невыносимое положение в стране. С каждым днем возрастает опасность краха финансового, экономического и продовольственного.

Дальше молчать нельзя, недопустимо, губительно!

Широким, общим участием в демонстрации борьбы с контрреволюцией рабочий класс заявит свой мощный голос и проявит свою властную волю к немедленному выходу из теперешнего невыносимого положения.

Товарищи!

Выбранный на конференции 600 представителей всех фабрично-заводских комитетов центр, Центральный совет фабрично-заводских комитетов г. Петрограда, обращается с горячим призывом ко всем рабочим:

Все на улицу в день демонстрации 18 июня!

Все фабрично-заводские комитеты должны принять широкое участие в работе по подготовке демонстрации и в самой демонстрации.

Каждый фабрично-заводской комитет пусть со своим знаменем пойдет со своим заводом на демонстрацию.

На своих знаменах мы напишем наши лозунги, насущные требования рабочих, признанные конференцией всех фабрично-заводских комитетов.

Товарищи!

Грозные тучи контрреволюции, политической и экономической, повисли над рабочим классом.

Темные силы куют новые цепи для пролетариата, толкают нас в пропасть нищеты и истощения, голода, безработицы и отчаяния.

Пусть же наша мирная демонстрация 18 июня будет не только праздником, не только воспоминанием о жертвах революции, но и заявлением нашей твердой готовности к самоотверженной борьбе до конца с силами контрреволюции за лучшее будущее рабочего класса, за прямые пути борьбы за социализм.

Товарищи!

Все на демонстрацию, в наши ряды, к признанным всеми нами, рабочими, требованиям:

Да здравствует революция!

Да здравствует рабочий контроль над производством и распределением продуктов!

Долой локаутчиков-капиталистов!

Мы требуем немедленного опубликования справедливых условий мира!

Вся власть в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Да здравствует революционный Интернационал!

Центральный совет фабр.-зав. ком. г. Петрограда.

Центральное бюро профессиональных союзов

Резолюция по вопросу о политических выступлениях

Центральное бюро петроградских профессиональных союзов, заслушав объяснения Исполнительной комиссии и ее предложения о порядке организации политических выступлений, удовлетворяется этими объяснениями.

Считая, что свободное и мирное демонстрирование политических лозунгов является неотъемлемым правом пролетарских масс, Центральное бюро постановляет: вопрос о каждом политическом выступлении предварительно обсуждать в заседании Центрального бюро с представителями политических партий и предлагает на будущее Исполнительной комиссии не предпринимать самостоятельных выступлений без предварительного решения Центрального бюро.

Центральное бюро решило участвовать в демонстрации 18 июня, о чем доводит до сведения профессиональных союзов.

ЗАЯВЛЕНИЕ ФРАКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ И ОБЪЕДИНЕННЫХ С.-Д. СЪЕЗДУ СОВЕТОВ ПО ПОВОДУ НАЧАВШЕГОСЯ НАСТУПЛЕНИЯ, ЗАЧИТАННОЕ ПОЗЕРНОМ НА ЗАСЕДАНИИ СЪЕЗДА 19 ИЮНЯ

В первый же день Всероссийского съезда советов Р и С депутатов мы внесли заявление, в котором указали, что политика, направленная на разжигание империалистической войны, на новое возбуждение шовинистических страстей, политика немедленного наступления выгодна только контрреволюции, что эта политика продиктована русскому Временному правительству англо-французскими, американскими и русскими империалистами, что политика наступления ставит под вопрос все завоевания революции.

Демонстрация 18 июня в СПБ показала с полной очевидностью, что авангард русской революции—петроградский пролетариат и петроградский революционный гарнизон—демонстрировал свою солидарность с высказанной нашей партией точкой зрения.

Сегодня же опубликован помеченный 16 июня приказ Керенского о наступлении.

Мы заявляем, что вся ответственность за эту политику падает на Временное правительство и поддерживающие ее партии меньшевиков и с.-р. Мы подтверждаем свое заявление, внесенное в первый день съезда. Вместе с громадным большинством петроградских рабочих и солдат мы выражаем свое глубокое убеждение в том, что конец войны может быть положен не наступлением на фронте, а единственно лишь революционными усилиями трудящихся масс всех народов.

Приложение 44

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ПОВОДУ РАЗГРОМА НА ДАЧЕ ДУРНОВО, ВНЕСЕННАЯ НА СЪЕЗД СОВЕТОВ 19 ИЮНЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ Ф.-З. КОМИТЕТОВ И ПОДДЕРЖАННАЯ ФРАКЦИЕЙ БОЛЬШЕВИКОВ

Принимая во внимание глубокое волнение рабочих Петрограда, вызванное все более явно надвигающейся контрреволюцией, на фоне которой события на даче Дурново приобретают зловещий характер.

Принимая во внимание, что даваемое правительством освещение событий совершенно не совпадает с показаниями, идущими из рабочих кварталов.

Принимая во внимание, что факт побега 460 заключенных уголовных из разных тюрем как раз в день революционной демонстрации является крайне тревожным и наводит на мысль, что здесь был ход контрреволюции.

Принимая все это во внимание, съезд считает необходимым назначить из своей среды следственную комиссию по этому делу.

Все следствие по поводу происшествий на даче Дурново и в петроградских тюрьмах должно вестись под контролем этой комиссии и созданной сегодня утром рабочей комиссии с представительством партий.

Виновные в разгроме дачи и сопутствовавшей ему смерти и избиениях должны быть привлечены к самой суровой ответственности.

Заявление ЦК РСДРП (большевиков) в ИК Совета Р и СД и в Президиум съезда советов по поводу освобождения арестованных из «Крестов», оглашенное 19 июня

По поводу происшедших во время демонстрации 18 июня освобождения и побега заключенных мы считаем нужным довести до вашего сведения:

1. Согласно постановлению Всероссийской конференции военных организаций нашей партии ее представители утром 18 числа довели до сведения тов. Чхеидзе ее требование освобождения тов. Хаустова. Тов. Чхеидзе ответил, что он примет все меры к освобождению Хаустова сегодня же. Согласно этому ответу и нашему решению соблюдать мирный характер демонстрации наша организация никакого участия в освобождении Хаустова не принимала, и ее члены решительно отвергли предложение анархистов вместе с ними итти к «Крестам».

2. Так как одновременно с Хаустовым был освобожден анархистами ряд других лиц, то мы считаем необходимым констатировать, что лица эти

совершенно неизвестны нашей организации, и решительно отклонить всякие попытки связать их дела с делом Хаустова.

3. Выяснившиеся до сих пор обстоятельства побега половины заключенных Пересыльной тюрьмы, по нашему мнению, дают основание предполагать здесь определенный ход контрреволюции, видимо рассчитывающей этим путем добиться своих провокационных целей.

В связи с этим побегом 400, мы считаем необходимым самое строгое расследование.

Центральный комитет РСДРП.

Приложение 45

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

1. Разрешение национального вопроса России неразрывно связано с закреплением завоеваний российской революции в общегосударственном масштабе. Поэтому усилия всех народов России как во имя общегосударственных, так и во имя их национальных интересов должны быть прежде всего направлены на обеспечение возможности скорейшего беспрепятственного созыва Учредительного собрания. Только Учредительное собрание, создавая основы новой демократической России, создаст условия, гарантирующие незыблемость прав всех национальностей.

2. Вместе с тем, в интересах закрепления завоеваний революции и сплочения трудовой демократии всех национальностей, революционная Россия должна немедленно вступить на путь децентрализации управления, открывающей широкий простор самодеятельности демократии и развитию народных сил всех национальностей.

3. Для обеспечения прав национальностей свободной России революционная демократия будет добиваться в Учредительном собрании широкой политической автономии для областей, отличающихся этнографическими или социально-экономическими особенностями, с обеспечением прав национальных основными законами, путем создания предварительных органов местного и общегосударственного характера.

4. Впредь до окончательного разрешения национального вопроса Учредительным собранием съезд предлагает Временному правительству приступить к немедленному осуществлению следующих мер: а) издание декларации Временного правительства о признании за всеми народами права самоопределения вплоть до отделения, осуществляемого путем соглашения во всенародном Учредительном собрании; б) издание декрета о равноправии языков и сохранении за русским языком права общегосударственного языка и о предоставлении гражданам всех народностей права и возможности пользоваться народным языком при осуществлении гражданских и политических прав в школе, суде, органах самоуправления и при сношении с государственной властью и т. д.; в) образование при Временном правительстве советов по национальным делам, куда входили бы представители всех национальностей России в целях как подготовки материала по национальному вопросу для Всероссийского учредительного собрания, так и выработки способов регулирования самих национальных отношений и форм, представляющих нациям возможность разрешать вопросы своей внутренней жизни.

5. Призывает всю демократию страны к деятельной поддержке национальной программы при разрешении национального вопроса, и, настаивая на более энергичной, чем до сих пор, деятельности Временного правительства для удовлетворения потребностей наций, съезд высказывается против попыток разрешения национальных вопросов до Учредительного собрания явочным порядком путем обособления от России отдельных ее частей и т. д. Все подобные шаги, разобщая силы революции, рождают бесконечные споры внутри каждой национальности и, противополагая одну национальную группу другим группам, ведут к ослаблению размаха революции, подрывая хозяйственные и военные силы России, и тем ослабляют возможность упрочения свободной России и в частности создают угрозу торжеству начал национального самоопределения.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ФИНЛЯНДСКОМУ ВОПРОСУ, ВНЕСЕННЫЙ ФРАКЦИЕЙ БОЛЬШЕВИКОВ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ 20 ИЮНЯ

Торжественные обещания Временного правительства, данные Финляндии в марте 1917 г., в дни великой революции, о признании полной автономии Финляндии, до сих пор остаются мертвой буквой. На деле Временное правительство по отношению к Финляндии продолжает политику угнетения маленьких наций, присущую империализму.

Ссылаясь на суверенитет России, откладывая вопрос о расширении автономных прав Финляндии до Учредительного собрания, Временное правительство оставляет в силе положение вещей, при котором высшей инстанцией, решающей вопросы внутренней жизни Финляндии, является центральная власть в России. Вследствие этого не только тормозится проведение важнейших для финляндского рабочего класса социальных мероприятий, что выгодно только для буржуазии Финляндии, но и остается за русской центральной властью право созывать и распускать сейм, санкционировать те законы, одобренные сеймом, которые по толкованию генерал-губернатора касаются общегосударственных интересов, назначать членов финляндского правительства и высших должностных лиц и т. п. Мало того, Временное правительство, как бы подчеркивая недемократичность взятого им курса, освобождает от суда ген. Зейна и Боровитинова, несмотря на то, что их действия явно нарушали основные конституционные законы края. Но торжество политики русского империализма совершенно не отвечает интересам ни финских, ни русских трудящихся масс. Оно выгодно лишь представителям капитала как русского, так и финского. При сохранении такого положения вещей буржуазия Финляндии в нужных для нее случаях всегда сумела бы найти опору в буржуазном правительстве России против собственных финских рабочих масс.

С другой стороны, и интересы русской революционной демократии властно диктуют поддержание требований финляндского народа на самоопределение, вплоть до права на отделение.

Поддерживая это требование, русская революционная демократия направляет свой удар против империализма отечественного и этим не только закрепляет связь между пролетариатом финляндским и русским в борьбе с общим врагом, но и облегчает революционную борьбу рабочего класса других стран против империализма мирового.

Съезд советов Р и СД, признающий право всех народов на самоопределение, требует немедленного осуществления этого права, вплоть до отделения по отношению к Финляндии.

Съезд вместе с тем клеймит недостойную травлю со стороны русской буржуазной печати финского народа и попытки этой печати усмотреть измену русской революции и предательство русской демократии в стремлениях Финляндии отстоять свою самостоятельность.

Эта травля финнов русской буржуазной печатью тем более бесстыдна, политика Временного правительства тем более недемократична, что финский народ не ставит в настоящее время требования немедленного отделения, оставляя вопросы внешней политики до формального утверждения Учредительного собрания, откладывая вопрос о выводе войск из Финляндии до окончания войны и требуя лишь от съезда советов Р и СД, как от выразителя воли революционной демократии России:

1. Принципиального признания права Финляндии на независимость.

2. Немедленного проведения в жизнь всех предварительных мер, которые вытекают из этого права. А именно: признать за сеймом право принятия окончательной санкции всех законов, включая дело заведывания государственным хозяйством, налоговой и таможенной политикой края. Созыв и роспуск сейма исключительно самим сеймом; назначение самим народом финским членов финского правительства и должностных лиц, от высших до низших. Установление ответственности правительственной власти Финляндии исключительно перед финским народом и перед его представителями.

Финляндия признает тесную экономическую связь, существующую между ней и Россией, и отнюдь не стремится к экономической изоляции от Рос-

сии. Напротив, Финляндия считает, что свободная самостоятельная республика Финляндии, существующая возле свободной России, всегда сможет урегулировать этот вопрос в интересах обоих народов, но подобная регулировка должна совершаться в области экономических отношений Финляндии и России так, как и по отношению к другим странам, путем добровольных договоров, а не под давлением политического господства русской буржуазии.

Съезд Советов Р и СД уверен, что взаимное доверие между рабочими финляндскими и русскими, близкое сотрудничество их в целях борьбы с политикой империализма, за свержение капитализма и за водворение социалистического строя обеспечивается лишь признанием прав на полную политическую самостоятельность Финляндии.

Перед пролетариатом финским и русским стоит общий враг—империализм. Успешная же борьба с империализмом требует прежде всего от рабочей демократии разрыва со своей собственной отечественной буржуазией и следовательно как в России, так и в Финляндии следование по линии отчетливой классовой пролетарской политики.

Съезд советов Р и СД глубоко убежден, что какие бы государственные взаимоотношения ни были установлены между финской и русской буржуазией, пролетариат обеих стран останется солидарен и един.

К социализму русский и финский пролетариат пойдут вместе.

Приложение 47

ОБЩАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ

1. Современная хозяйственная разруха в России порождена не только войной, но и хищническим анархическим хозяйничанием капиталистов и царского правительства.

Временное правительство первого состава не внесло в эту политику никаких существенных изменений. Коалиционное правительство своей декларацией признало необходимым вступить на путь контроля и в необходимых случаях организации производства, но пока еще не приступило к осуществлению своей программы. Производительные силы страны сократились, производительность труда пала, следовательно сократилась и возможность удовлетворения наиболее настоятельных потребностей населения. Только путем планомерного напряжения производительных сил страны можно ослабить падение производства.

2. Недостаток важнейших промышленных продуктов при свободе назначения цен и растущем обесценении денег приводит к тому, что важнейшие потребности населения остаются неудовлетворенными, производство самых необходимых продуктов сокращается и самые средства и орудия производства приходят в негодность.

3. Для ослабления процесса экономического истощения и распада, порождаемого войной, необходимо немедленное осуществление целой системы решительных и последовательно проводимых мер. Должны быть нормированы цены всех важнейших продуктов и введено планомерное распределение продуктов. Должно быть обеспечено снабжение предприятий сырьем, орудиями и рабочими силами и самое производство должно быть поставлено под контроль государственной власти. Все мероприятия должны иметь в виду не только период войны, но предстоящую демобилизацию. Должен быть разработан общий план демобилизации.

4. Для выработки и осуществления планомерной организации народного хозяйства должны быть немедленно созданы государственные органы, центральные и местные.

5. Съезд признает, что хозяйственное положение страны в настоящий момент таково, что даже при самом энергичном осуществлении изложенной программы нельзя ожидать сколько-нибудь значительного улучшения условий существования народных масс в ближайшем будущем. Дело идет не о повышении уровня жизни, а о предотвращении экономической катастрофы, которая угрожает стране и частью уже начинается. Съезд заявляет, что хозяйственное положение страны требует немедленного приступа к выполнению изложенной программы и решительного ее проведения, не останавливающегося перед противодействием какой-нибудь группы населения, руко-

водящейся частными интересами. Обнаруженное недавним съездом промышленников организованное сопротивление государственному вмешательству должно быть сломлено. Попытки саботажа и локаута должны встретить решительный отпор государства. Вместе с тем съезд заявляет, что в настоящий исторический момент первой задачей рабочего класса является борьба с хозяйственной разрухой и что в своей борьбе за улучшение своего положения рабочие организации должны считаться с влиянием своих выступлений на переживаемый страной хозяйственный кризис.

Съезд признает, что осуществление намечаемой им программы есть главнейший способ борьбы с экономической и политической анархией, развивающейся прежде всего на почве экономической разрухи.

Поэтому съезд, во имя спасения страны и революции, предлагает товарищам министрам выполнить эту программу и призывает всю революционную демократию к активной работе по осуществлению этой программы и к поддержке Временного правительства во всех его мероприятиях, направленных к достижению той же цели.

Приложение 48

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Для выработки и осуществления на практике конкретных мероприятий к урегулированию производства, транспорта и распределения продуктов необходимо немедленно создать центральные государственные органы с преобладанием в их составе представителей демократии (советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, профессиональных союзов), а также с участием кооперативов и организаций торгово-промышленного класса. При Временном правительстве должны быть организованы Экономический совет и Экономический комитет.

Задача Экономического совета—разработка целостной системы и мероприятий, направленных к планомерной организации народного хозяйства.

Экономический комитет является руководящим и объединяющим органом для практического осуществления всех этих мероприятий, при условии контроля над его деятельностью представителей революционных и других общественных организаций. В районах и на местах должны быть созданы районные и местные экономические комитеты, работающие под руководством Центрального экономического комитета. Эти комитеты организуются на демократических началах с преобладанием в составе представителей всей революционной демократии.

В состав экономических комитетов входят специальные органы или секции, ведающие снабжением отдельными видами продуктов, распределением предметов потребления среди населения и контролем и руководством различными отраслями промышленности. Все специальные органы и секции должны быть подчинены руководству соответствующих специальных отделов Центрального комитета и в то же время должны координировать свою деятельность с остальными секциями, входящими в состав данного экономического комитета.

В области регулирования транспорта и снабжения промышленности сырьем необходимо немедленно преобразовать существующие органы: во-первых, путем демократизации их включением в их состав представителей революционной демократии; во-вторых, путем согласования деятельности всех отдельных органов (по транспорту, топливу, распределению металлов, хлопка, шерсти, кожи, льна и пр.), включив их в состав экономического комитета как на местах, так и в центре.

В области распределения продуктов промышленности среди населения следует образовать на демократическом начале специальные органы центральные, районные и местные, также входящие в состав экономических комитетов. Задачей этих органов должно быть поставлено: 1) учет размера потребности населения; 2) выработка норм и способов распределения промышленных продуктов среди населения, по возможности по карточной системе; 3) осуществление контроля за распределением продуктов и за соблюдением нормированных цен в тех случаях, когда центральными органами таковые установлены.

Организацию распределения предметов потребления между населением на местах целесообразнее всего возложить на органы демократического самоуправления (волостные, уездные, губернское земство и городские управления), предоставив им входить в соглашения с сельскими и рабочими кооперативами.

В области регулирования производства надлежит приступить немедленно к принудительному государственному синдицированию, а там, где это по техническим и экономическим условиям возможно, к трестированию отраслей и крупной промышленности, вырабатывающих продукты массового потребления (добыча и переработка нефти, добыча угля и произведенного кокса, добыча золота и разного рода руды, соли, флюсов, металлургия, железопередельные заводы, хлопчатобумажная и шерстяно-льняная промышленность, сахарорафинадное производство, писчебумажное, спичечное, табачное, цементное, другие химические производства, вагонные и паровозные заводы, заводы сельскохозяйственных орудий, машиностроительные заводы вообще, крупное мукомольное предприятие, крахмальные, электрические предприятия и т. д.).

При этом Центральный экономический комитет определяет количество и сорта продуктов, вырабатываемых каждым государственным синдикатом, устанавливает продажные цены, размер предпринимательской прибыли и ту долю себестоимости продукта, которая может быть предоставлена рабочим в качестве заработной платы. Распределение заработной платы между отдельными категориями рабочих должно происходить на основе тарифов, выработанных профессиональными союзами. Непосредственное руководство производством в пределах планов и норм, установленных Экономическим комитетом, принадлежит правлению государственного синдиката или треста, куда входят представители промышленников, правительственные комиссары, представители технического персонала, представители рабочих данной отрасли промышленности и представители революционной демократии. В каждом отдельном предприятии контроль за деятельностью управления предприятием осуществляется особым органом из представителей заводских и фабричных комитетов, представителей правительства и органов революционной демократии. В отраслях промышленности, не подчиненных принудительному синдицированию, устанавливается лишь общий контроль за получением сырья и сбытом готовых продуктов. Контроль этот осуществляется местными органами экономических комитетов при организованном содействии представителей рабочих и предпринимателей.

Развал народного хозяйства страны, усиливающийся с каждым днем, дошел уже до такой степени, что никакие промедления в деле урегулирования экономических отношений далее невозможны. Нельзя ждать пока центральная власть выработает детальные планы организации и примет меры к осуществлению их на местах. Прежде всего необходимо немедленно демократизировать все существующие органы снабжения.

Экономическая жизнь страны ни на минуту не может быть остановлена, поэтому все преобразования должны совершаться таким образом, чтобы не нарушалась непрерывность работы существующих органов и непрерывность обеспечения страны промышленными продуктами. Только в тех случаях, когда существующий комитет или предприятие перестанут функционировать, местные революционные органы, при участии агентов правительства, могут временно принимать экстренные меры, беря в свое заведывание остановившиеся учреждения или предприятия.

Задача полного регулирования снабжения и производства может быть разрешена лишь в общероссийском масштабе для всей совокупности продуктов данного вида и для целых отраслей промышленности. Попытки решения этих проблем на местах путем нормирования цен, без обеспечения снабжения и до издания норм оптовых цен, путем массовых закупок для отдельных местностей и районов, путем воспрещения вывоза, путем муниципализации или передачи в распоряжение государства отдельных предприятий—способны внести еще большее расстройство в экономическую жизнь страны. Поэтому необходимо рекомендовать местным экономическим комитетам не предпринимать самостоятельных шагов в деле урегулирования экономической жизни, несогласованных с общим планом и с руководящими директивами и нормами центральных органов.

Местные органы должны немедленно приступить к выяснению наличных запасов производительности местных промышленных предприятий, размера потребности их в разного рода сырых материалах, а также установить какого рода продукты и в каком количестве могут быть производимы в данном районе при демобилизации промышленности. В отношении снабжения местного населения предметами первой необходимости местные органы, впредь до создания центральной организации снабжения, могут только нормировать потребление

введя карточную систему для получения важнейших товаров и учитывая потребность в товарах всего района, обслуживаемого в данном пункте.

Одной из первых задач новых органов регулирования экономической жизни следует поставить производство всероссийской промышленной переписи в самом ускоренном порядке при содействии всех местных сил революционной демократии.

Для успешного выполнения всей намеченной программы мероприятий необходимо привлечь все необходимые силы специалистов, в случае необходимости в порядке мобилизации из числа общественных, промышленных и иных служащих.

Всем вновь создаваемым органам регулирования должны быть немедленно предоставлены средства за счет казны для оплаты труда специалистов и содержания соответствующих учреждений.

Резолюция по продовольственному вопросу

1. Война, истощающая производительные силы страны, и преступная политика царского правительства привели к продовольственному кризису. Этот кризис выражается в абсолютном недостатке одних продуктов (мясо, жиры, сахар) и неорганизованности снабжения армии и населения другими (хлебными).

2. Для устранения продовольственного кризиса государство должно энергично и последовательно проводить регулировку всего продовольственного дела. Необходимо провести в жизнь объявленную хлебную монополию и сохранить незыблемыми установленные твердые цены. Потребление этих продуктов должно быть немедленно и строго нормировано по всей стране в соответствии с имеющимися запасами. Снабжение населения и армии важнейшими продуктами продовольствия должно всецело находиться под руководством и контролем государства.

3. Вместе с тем государство должно принять все необходимые меры для усиления производства. Сельское хозяйство должно быть обеспечено необходимыми рабочими руками. Имеющийся и могущий быть полученным сельскохозяйственный инвентарь должен быть в полной мере использован под контролем местных продовольственных органов. Производства, перерабатывающие продовольственные продукты, должны регулироваться государством и находиться под его прямым руководством и контролем. При этом цены на эти продукты должны быть строго нормированы.

4. Для проведения всех этих мероприятий необходима немедленная реорганизация повсеместно, по всей России, продовольственных комитетов по закону о хлебной монополии, с усилением представительства органов революционной демократии. Должна быть установлена тесная организационная связь между волостными, уездными и губернскими продовольственными комитетами. Революционная демократия в лице советов РС и К депутатов должна активно участвовать в продовольственном деле и всей силой своего авторитета и организованности содействовать быстрому и последовательному проведению необходимых мероприятий (содействие реорганизации и демократизации продовольственных органов, агитация среди населения в пользу усиленного подвоза хлеба, содействие реализации урожая и т. д.).

5. Вместе с тем съезд считает необходимым подчеркнуть, что сколько-нибудь значительное ослабление продовольственного кризиса возможно только при том условии, если государственная власть одновременно с хлебной монополией установит твердые цены на предметы потребления деревни и организует снабжение деревни этими продуктами.

6. Снабжение же деревни необходимыми ей продуктами промышленности по твердым ценам может быть осуществлено только при планомерном регулировании всей хозяйственной жизни страны.

Резолюция по финансовой политике

Принимая во внимание, что стоящие перед страной задачи регулирования хозяйственной жизни требуют определенного плана финансовой политики, соответствующей демократическому режиму и состоянию народного хозяйства:

1. Съезд считает, что Временное правительство должно неотложно провести ряд реформ по преобразованию налогового строя и ряд мероприятий, клонящихся к прекращению дальнейших выпусков бумажных денег.

2. Съезд считает, что опубликованные мероприятия Временного правительства по изменению подоходного налога и налога на военную прибыль являются лишь первым шагом в деле переустройства налоговой системы.

3. Съезд считает, что в ближайшую очередь должен быть проведен в жизнь высокий единовременный поимущественный налог, который должен явиться важнейшим источником покрытия чрезвычайных расходов государства.

4. Съезд считает, что Временное правительство, отбросив путь косвенного обложения предметов массового потребления, должно провести радикальную реформу наследственного обложения, создать налог на прирост ценностей и налоги на предметы роскоши.

5. Съезд полагает, что успех проведенных мероприятий и вообще всех начинаний в области прямого обложения теснейшим образом связан с переустройством всех приемов налоговой оценки органов, взимания налогов и проведения в жизнь широких контрольных мер, не дающих кому-либо возможности уклониться от правильного платежа налогов.

6. Съезд полагает, что для правильного осуществления в жизни финансовых мероприятий должно быть созвано Временным правительством то финансовое совещание, которое собиралось созвать первое Временное правительство, с непременным условием предоставления в нем преобладающего представительства органам революционной демократии.

7. Считаясь с настоятельной необходимостью безостановочного притока средств в Государственное казначейство, съезд одобряет резолюцию Петроградского совета Р и СД о займе свободы и считает, что в данный момент неотложной задачей для всех советов Р и СД, а также и для всех советов крестьянских депутатов является поддержка «займа свободы».

8. Съезд полагает, что настал момент, когда в отношении добровольного займа должны быть применены решительные меры принудительного разрешения.

9. Вместе с тем съезд считает нужным заявить, что если в ближайшее время выяснится, что «заем свободы» все же не достигает поставленной цели, то Временное правительство должно прибегнуть к принудительному займу.

10. Съезд считает, что в целях усиления ресурсов Государственного казначейства должен быть проведен ряд мер к привлечению средств в кассы Государственного банка, который должен быть преобразован.

11. Съезд полагает, что в целях прекращения денежной спекуляции все сделки с иностранной валютой должны быть сосредоточены в руках государства. Частные кредитные учреждения должны быть подчинены строгому контролю, чтобы их политика не шла вразрез с интересами государства, для чего должна быть реорганизована кредитная канцелярия.

12. Съезд полагает, что в данную историческую минуту одни финансовые мероприятия без планомерного регулирования всего народного хозяйства не могут предохранить страну от финансовой катастрофы.

Приложение 49

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕРАХ БОРЬБЫ С РАЗРУХОЙ ПРИНЯТАЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ 3 ИЮНЯ И ВНЕСЕННАЯ НА СЪЕЗДЕ 21 ИЮНЯ

1. Полное расстройство всей хозяйственной жизни в России достигло такой степени, что катастрофа неслыханных размеров, останавливающая целый ряд важнейших производств, подрывающая сельское хозяйство, прерывающая железнодорожное сообщение, лишающая многомиллионное промышленное население города подвоза хлеба,—такая катастрофа стала неминуемой. Мало того, разруха уже началась, охватив ряд отраслей хозяйственной жизни. Успешная борьба с разрухой возможна лишь при крайнем напряжении сил народа и принятии ряда немедленных революционных мер как на местах, так и в центре государственной власти.

2. Ни бюрократическим путем, т. е. созданием учреждений с преобладанием капиталистов и чиновников, ни при условии охраны прибылей капиталистов, ни при сохранении их всевластия в производстве, ни при господстве финансового капитала,—спасения от катастрофы найти нельзя. Это с безусловной ясностью установил опыт целого ряда частичных проявлений кризиса в отдельных отраслях производства.

3. Спасение страны от катастрофы требует, чтобы рабочему и крестьянскому населению было внушено не словами, а делами самое полное и безусловное доверие к тому, что руководящие и полновластные учреждения как на местах, так и в центре государства не остановятся перед переходом в руки народа большей части прибылей, дохода и имущества крупнейших и крупных банковых, финансовых, торговых и промышленных магнатов капиталистического хозяйства. Не проведя этой меры в жизнь на деле, нельзя ни требовать, ни ожидать проведения действительно революционных мер и действительного напряжения энергии рабочей и крестьянской массы населения.

4. Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительного рабочего контроля над производством и распределением продуктов. Для такого контроля необходимо: во-первых, чтобы во всех центральных учреждениях, ведающих этим делом, было обеспечено большинство за рабочими организациями (профессиональными союзами, советами рабочих депутатов, заводскими комитетами) не менее $^2/_3$ всех голосов при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически-научно образованного персонала; во-вторых, чтобы фабричные и заводские комитеты, а равно и профессиональные союзы получили право участвовать в контроле над каждым предприятием с открытием для них всех торговых и банковых книг и с обязательством сообщать им все данные.

5. Рабочий контроль должен быть распространен так же и на таких же правах на все финансовые и банковые операции с выяснением всего финансового положения дела.

6. Рабочий контроль, признанный уже капиталистами в ряде случаев конфликтов, должен быть немедленно развит путем ряда тщательно обдуманных, но без всякой оттяжки осуществляемых мер в полное регулирование производства и распределения продуктов рабочими.

7. Ввиду полного расстройства всей финансовой системы и всего денежного дела, ввиду невозможности оздоровить его пока длится война, в интересах наилучшего снабжения предметами первой необходимости как городского, так и сельского населения, необходима организация в широком областном, а затем и общегосударственном масштабе обмена сельскохозяйственных орудий, одежды, обуви и т. п. продуктов на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Широкое привлечение городских и сельских кооперативов к участию в этом деле совершенно необходимо.

8. Лишь одновременно с осуществлением указанных мер возможно и необходимо введение всеобщей трудовой повинности, которая одна только в состоянии обеспечить наибольшую экономию сил народного труда. Эта мера в свою очередь требует введения рабочей милиции. Только такая рабочая милиция может и должна осуществить не бюрократическую и не в интересах капиталистов, а действительно в интересах спасения народа от катастрофы всеобщую трудовую повинность.

9. Одним из важнейших условий устранения экономической разрухи является скорейшее прекращение нынешней империалистической войны. Но уже и сейчас необходим постепенный переход рабочих сил из производства военных снарядов в производство необходимых для восстановления хозяйства продуктов.

10. Планомерное и успешное проведение всех указанных мер возможно при переходе всей государственной власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Приложение 50

РЕЗОЛЮЦИЯ О СОСТОЯНИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

1. Расстройство промышленности и финансов России имеет в результате после 3 лет войны своим последствием ужасающую дороговизну, непрерывно понижающую жизненный уровень рабочего класса. В то же время применение

в широких мерах женского и детского труда, повышение интенсивности и продолжительности труда ведут к безмерному физическому истощению рабочих.

2. Поэтому оборонительная по существу борьба рабочего класса за минимум жизненных условий выражается в форме наступательной борьбы за повышение заработной платы. Эта борьба должна была вспыхнуть с особой силой после революции, когда исчезли полицейские способы расправы с экономическим движением пролетариата.

3. Понижение реальных заработков рабочих означало повышение предпринимательской прибыли. Русские промышленники, привыкшие за время войны к военным сверхприбылям в чудовищных размерах, все с большим упорством и сопротивлением встречают в последнее время оживление экономической борьбы. На требования рабочих они отвечают скрытым локаутом и итальянской забастовкой, и эти меры еще усиливают ту безработицу, которая и без того сильно растет.

4. Ввиду этого съезд требует в скорейший срок: а) планомерного регулирования промышленности; б) ограничения прибыли и конфискации военной прибыли; в) радикальной борьбы с дороговизной путем фиксации цен и сокращения выпусков бумажных денег; г) энергичных мер для борьбы с тактикой локаутов, вплоть до секвестра предприятий.

5. В то же время обращает внимание всего рабочего класса России на то, что экономическая борьба должна вестись в организованных формах и сообразоваться с экономическим, финансовым и общеполитическим положением страны. Разрозненные и неорганизованные выступления рабочих недопустимы, так как могут помешать планомерной борьбе рабочего класса и усилить расстройство хозяйственной жизни. Профессиональные союзы должны добиваться передачи в их руки руководства всей экономической борьбой рабочих. При назревании экономических конфликтов необходимо стремиться к улажению путем переговоров и соглашений с предпринимателями и прибегать к стачке лишь как к крайнему средству борьбы. Коллективные договоры должны строго соблюдаться. Физическое насилие над администрацией и самосуды недопустимы.

6. Ход работ на фабриках и заводах и состав технического персонала должны быть поддержаны в том виде и на той высоте, которые необходимы для нормального и безостановочного продолжения производства.

7. Учитывая ухудшение экономической конъюнктуры, с одной стороны, и усиление за время войны могущества и организованности крупного капитала — с другой, рабочий класс должен приложить все усилия для широкого строительства своих классовых организаций — и прежде всего профессиональных союзов.

Резолюция о безработице

Безработица настоящего времени вызвана экономическими условиями и носит потому исключительный характер. Она грозит в самое последнее время принять характер народного бедствия благодаря: 1) хозяйственной разрухе, вызванной войной и усиленной сопротивлением дореволюционного правительства внесению какой бы то ни было организованности и планомерности в хозяйственную жизнь страны; 2) стихийной демобилизации промышленности при существующей разрухе, лишенной возможности перейти к другим мирным формам производства; 3) контрреволюционным вожделениям предпринимательских кругов, стремящихся путем локаута оказать сопротивление экономическому и политическому натиску рабочего класса. Поэтому необходимо: 1) планомерное вмешательство государственной власти в организацию производства и распределения продуктов и разработка плана демобилизации промышленности; 2) учет безработных и существующего спроса на труд, создание сети бирж труда, разработка плана общественных работ (государственных и коммунальных; 3) организация материальной поддержки безработных, в виде устройства общественных столовых, выдачи хлеба, а также выдачи денежных пособий и т. п. при посредстве профессиональных союзов и бирж труда; 4) разработка проекта о страховании рабочих от безработицы.

Резолюция о социальном страховании

Подтверждая резолюцию о социальном страховании, принятую на Всероссийском совещании советов рабочих и солдатских депутатов, I Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов настаивает на срочной раз-

работке министерством труда и немедленном проведении в жизнь Временным правительством законопроектов, осуществляющих намеченные в этой резолюции пожелания, и особенно подчеркивает необходимость распространения страхования на все виды наемного труда.

При этом съезд констатирует, что невозможность для больничных касс существовать в рамках старого закона, находящегося в резком противоречии с условиями общественной работы в новой, свободной России, и отсутствие нового закона, который бы дал больничным кассам возможность широко и свободно развить свою деятельность на новой правовой основе, угрожают чрезвычайно затруднить нормальное развитие дела обеспечения рабочих на случай болезни.

В целях демократизации совета и присутствий по делам страхования рабочих, I Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов признает необходимым:

1. Значительное усиление в них выборного элемента и сведения к минимуму числа чиновников.

2. Абсолютное преобладание рабочих при решении всех вопросов, заинтересованность в которых владельцев предприятий ограничена точно установленными в законах рамками.

3. Предоставление рабочим возможности выбирать в совет и присутствия лиц, не состоящих участниками больничных касс.

4. Организацию выборов в совет не от Петрограда, а от всей России, и в присутствия—от всех подведомственных им больничных касс.

5. Передачу руководства делопроизводством совета и присутствий в бюро совета и присутствий, с участием в них представителей рабочих и владельцев предприятий.

Резолюция о задачах отделов труда при сов. раб. и солд. депутатов

1. Революция застала рабочий класс совершенно неорганизованным. Образовавшиеся в начале революции советы рабочих и солдатских депутатов естественно были первыми организациями, которым пришлось выполнить ряд функций профессиональных союзов, заводских комитетов, примирительных камер и пр. Для выполнения этих задач в более крупных советах были выделены особые отделы труда.

2. В настоящее время наряду с советами упрочиваются другие формы рабочей организованности: заводские комитеты и профессиональные союзы. Первоначально смешение всех функций уступает место постепенному распределению функций по мере оформления и размежевания рабочих организаций по роду их деятельности.

3. Советы Р и СД и существующие при них отделы труда должны считать своей главной задачей содействовать планомерному строительству рабочих организаций, особенно профессиональных союзов, заводских комитетов, рабочих кооперативов и больничных касс, а также способствовать объединению и согласованию деятельности этих организаций.

4. Советы рабочих депутатов и отделы труда при них не могут немедленно же после образования заводских комитетов и профессиональных союзов отказываться от выполнения навязываемых им жизнью задач по руководству экономической борьбой, по разбору передаваемых на их рассмотрение конфликтов, по вмешательству в жизнь промышленных предприятий, по урегулированию рынка труда, по обсуждению вопросов рабочего законодательства и по представительству рабочих в многоразличных государственных и общественных учреждениях. Лишь по мере оформления и упрочения профессиональных союзов и заводских комитетов, лишь по мере фактического перехода к ним руководства экономической борьбой, возможен отказ отделов труда от соответственных функций. Для переходного же времени, во избежание вредной конкуренции и конфликтов, до окончательного размежевания необходим самый тесный контакт и согласование деятельности отделов труда, профессиональных союзов и заводских комитетов. Необходимо, чтобы местные представители Центрального бюро и центров заводских комитетов входили в отделы и обратно. Необходимо избегать проведения разных линий в экономической борьбе.

5. Но и после освобождения отделов труда от функций руководства экономическим движением у отделов труда останутся крупные задачи: а) орга-

низация центральных и местных избирательных камер; б) функции рабочих секретариатов до учреждения таковых профсоюзами; в) представительство рабочего класса наряду с профессиональными союзами и по соглашению с ними; г) некоторые функции по надзору за соблюдением законов по охране труда до реорганизации фабричной инспекции; д) участие в проектируемом государственном регулировании промышленности, транспорта и продовольствия; е) разборка вопросов рабочего законодательства, содействие образованию местных органов министерства труда и содействие проведению в жизнь на местах новых законов по охране труда.

6. Отделу труда при Всероссийском центральном исполнительном комитете советов раб. и солд. деп. необходимо приступить к изданию органа «Бюллетени Отдела труда», а также инструкций, примерных уставов и т. п.

Приложение 51

РЕЗОЛЮЦИИ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ, ПРИНЯТЫЕ ВСЕРОССИЙСКИМ СЪЕЗДОМ СОВЕТОВ

I

Всероссийский съезд советов Р и С депутатов считает, что дело народного образования—дело творчества народа, проявление самодеятельности широких народных масс, а потому признает необходимым:

1. Немедленное признание в законодательном порядке существования Государственного комитета по народному образованию, который явился бы по своему составу выразителем воли революционной демократии.

2. Ведению Государственного комитета подлежат: народное образование на всех его ступенях (не исключая и высшей школы, а также школ всех других ведомств) и во всех его формах (дошкольное, школьное и внешкольное).

3. В состав Государственного комитета входят:
15 представителей от Всероссийского съезда советов Р и СД;
15—от Всероссийского съезда крестьянских депутатов;
10—от национальных организаций;
15—от Всероссийского учительского союза;
8—от Совета всероссийского кооперативного съезда;
4—от Всероссийского союза городов;
4—от Всероссийского земского союза;
4—от Всероссийского академического союза;
4—от Всероссийских профессиональных рабочих организаций;
2—от Всероссийского организованного студенчества.

Дальнейшее расширение комитета осуществляется постановлением 2—3 голосов собрания комитета, с тем чтобы руководящая роль в деле народного образования, как во всяком другом деле, оставалась за представителями многомиллионных масс революционной демократии.

4. Съезд предлагает министрам-социалистам спешно провести через Временное правительство положение о Государственном комитете по народному образованию.

5. Вместе с тем, Всероссийский съезд советов Р и С депутатов считает необходимым создание постоянной комиссии по народному образованию при ЦК Всероссийского съезда советов Р и С депутатов.

6. В связи с предстоящим в Петрограде 10—20 августа Государственным совещанием по народному образованию съезд признает необходимым живейшее участие в этом совещании местных советов Р и С депутатов и призывает советы использовать свое право посылки делегатов на это совещание, а также принять самое живейшее участие в организации всех подготовительных местных съездов.

7. Вместе с тем, признавая намечаемый состав Государственного совещания недостаточно обеспечивающим интерес революционной демократии, съезд считает необходимым предоставить в этом совещании большее число мест представителям советов Р и С депутатов и по 2 представителя от армии.

Съезд осуждает политику МНП, как совершенно не соответствующую потребностям народных масс и политическим условиям, созданным революционным переворотом. В частности съезд отмечает, что у дела народного

образования в центре и на местах до сих пор остаются, те же слуги старого порядка в лице инспекторов и директоров народных училищ и фактических руководителей центральных учреждений министерства. Принимая это во внимание, съезд высказался за немедленное и коренное изменение общей политики и состава министерства народного просвещения и его органов.

II. О внешкольном образовании

Русская революция, сбросив гнет политического рабства, только прочным цементом культурного развития широких народных масс может закрепить и расширить свои завоевания.

Поэтому Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов считает неотложной задачей организованной демократии самое широкое участие ее органов в деле внешкольного образования.

Учреждениям и средствам внешкольного образования: народным домам и библиотекам-читальням, краткосрочным курсам, лекциям, чтениям, театру и пр.—должно быть уделено особое внимание, ввиду неотложной необходимости ознакомления народа с новым строем всей русской жизни и подготовки к предстоящим выборам в Учредительное собрание.

Народные дома, библиотеки, читальни, театры, школы для взрослых, курсы, лекции, чтения и т. п. организуются при ближайшем участии самого народа.

Съезд признает необходимым, чтобы при каждом местном совете рабочих и солдатских депутатов действовали культурно-просветительные комиссии.

Кроме того съезд признает, чтобы на местах создавались особые комиссии для согласования культурно-просветительной работы советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, кооперативов, профессиональных рабочих организаций, учительских союзов и органов местного самоуправления, а также других организаций, ведущих внешкольную просветительную работу.

Для аналогичных целей должен быть создан центральный всероссийский орган по внешкольному образованию.

В текущем году должны быть использованы все кредиты на внешкольное образование 1916—1917 гг., а также произведены дополнительные ассигнования в пределах действительной потребности.

Из государственных средств необходимо оказывать самую широкую материальную поддержку органам местного самоуправления—советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, кооперативам, культурно-просветительным и научным обществам и профессиональным организациям.

В целях упрощения дальнейшего развития внешкольного образования теперь же необходимо начать работу по подготовке специалистов по внешкольному образованию. Для этого необходимо создание института по внешкольному образованию, а также организация краткосрочных курсов по отдельным отраслям внешкольного образования.

Надвигающийся книжный кризис, который может очень тяжко отразиться на всех делах народного образования, должен быть предупрежден и ликвидирован деятельным вмешательством государственной власти.

III. Об отозвании из армии работников по народному образованию

В целях более рационального распределения в стране активных культурных сил необходимо, чтобы Государственный комитет по народному образованию совместно с Исполнительным комитетом Всероссийского съезда советов крестьянских депутатов и ЦК Всероссийского съезда советов Р и С депутатов внимательно разобрал вопрос об отозвании из рядов армии работников по народному образованию и настаивал на нем, если это не окажет ущерба боевым и организационным силам армии, что определяется ответственными руководящими организациями армии.

РЕЗОЛЮЦИЯ О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

«Всероссийский съезд советов Р и СД, считая необходимым осуществить решительную демократизацию местного самоуправления, построенного на самодеятельности населения, устанавливает следующие основания законодательной реформы местного управления:

А. 1) функции местного управления, как правило, выполняются органами местного самоуправления, являющимися местными органами государственной власти, причем—

2) органам местного самоуправления на местах не противостоят никакие другие представители государственной власти в ее целом, в виде губернаторов, комиссаров или префектов...

3) съезд считает такой строй местного управления обеспечивающим демократическое единство государства, причем формальную гарантию такого единства съезд усматривает в общегосударственном законодательстве, в издаваемых в развитие закона общегосударственных правительственных распоряжениях (подлежащих контролю парламентских комиссий) и в надзоре судов за законностью. Фактическую гарантию съезд усматривает в единстве демократической основы местных и центральных органов самоуправления и в широко поставленном при центральном органе институте технических инструкторов по делам местного хозяйства и управления, опирающемся на право ознакомления с постановкой дела на местах.

Б. 1) В переходный период, до создания легальных органов местного самоуправления на основе изложенных положений, задача демократии и обязанность революционной власти—всемерно стимулировать организующую самодеятельность местных сил в деле преобразования.

2) Устанавливая непременным условием, что правильное сочетание местных и общероссийских интересов революционного развития при бесспорном приоритете вторых, на переходный период должно быть допущено разнообразие конкретных организационных форм этого сочетания (выборный комиссариат или отказ от института комиссариата и т. д.), форм, устанавливаемых в порядке текущей политики, деловыми соглашениями органов центрального управления с организованной демократией на местах.

3) При этом там, где в процессе революции сложились соединенные демократические органы местного управления (волостные, уездные, губернские и областные комитеты), поддерживаемые в этой роли советами Р, С и К депутатов, съезд признает необходимым признание их и финансирование Временным правительством в качестве компетентных революционных органов местного управления. Объединение их между собой в порядке соподчинения в делах общеуездных, общегубернских и общеволостных.

В. Ознакомившись далее с законодательной политикой министерства внутренних дел в области местного управления и самоуправления, в особенности в области института комиссаров, съезд настаивает на необходимости пересмотра ее на основе изложенных положений и реформирования совещания по местной реформе привлечением к работам совещания представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Приложение 53

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ СЪЕЗДОМ В ЗАСЕДАНИЯХ 23—24 ИЮНЯ

I. По докладу «о правах и обязанностях солдат»

(Докладчик Венгеров)

1. Приказ по армии и флоту № 8 дал прочную основу для демократизации армии. Однако некоторые весьма существенные права и обязанности солдата-гражданина не подтверждены еще правительственным приказом; другие права поставлены с ограничениями, не соответствующими требованиям демо-

кратин. В силу этого необходима срочная переработка и дополнение приказа № 8 в соответствии с настоящими тезисами.

2. В области общегражданских прав в дополнение к приказу № 8 должно быть провозглашено право каждого военнослужащего участвовать во всякого рода собраниях и устраивать собрания. Ограничение свободы слова «внеслужебным временем» должно быть уничтожено.

3. Право начальника применять вооруженную силу против подчиненных, не исполняющих приказаний (п. 14), должно быть исключено из декларации.

4. В отмену п. 18 приказа № 8 должно быть декларировано, что органам солдатского самоуправления предоставляется право отвода и аттестации начальствующих лиц, а также право участия в управлении армией на основаниях, точно указанных в организационном уставе. Устав должен быть издан одновременно с декларацией прав и обязанностей.

5. В приказе № 8 должны быть внесены еще следующие изменения: а) ограничения в праве ношения гражданского платья и увольнения со двора (п. 7 и 13) должны быть введены только в районе действующей армии. Воинским чинам флота должно быть разрешено ношение гражданского платья вне корабля. Воинские чины морских береговых команд подчиняются общим правилам; б) назначение вестовых допустимо исключительно в районе действующей армии и во флоте и притом только лицам, занимающим прежние офицерские должности, и военным врачам. Военным чиновникам и священникам вестовые не назначаются. Соглашение между вестовым и лицом, к которому вестовой назначается, подлежит утверждению соответствующего комитета. Служба вестовых не подлежит особой оплате. Вестовые не освобождаются от участия в бою; в) установленное приказом № 8 правило о добровольном взаимном приветствии подлежит отмене; г) наряду с постановкой под ружье должны быть отменены строгий и усиленный арест.

6. Всякое подчинение одного военнослужащего другому, кроме подчинения прямым начальникам в области служебных отношений, уничтожается; понятия «старший» и «младший» упраздняются. Все чины армии должны носить общее звание «солдата».

7. Все права и обязанности по службе должны определяться исключительно занимаемой должностью, причем занятие той или иной должности не зависит от чина военнослужащих.

8. Все привилегии вольноопределяющихся, унтер-офицеров, фельдфебелей и подпрапорщиков, а также особые привилегии гвардейских частей подлежат отмене. Сверхсрочно служащие должны быть приравнены во всех отношениях к другим солдатам соответствующих званий.

9. Военно-уголовные суды подлежат полному упразднению. Временно же в районе действующей армии, где гражданские суды не могут удовлетворить население и армию, существующие военные суды должны быть сохранены с введением в их состав демократических элементов, а в военно-окружные суды должны быть введены присяжные заседатели. Все военное судопроизводство должно быть согласовано с гражданским уголовным судопроизводством. Устав о воинских наказаниях должен быть пересмотрен на началах, отвечающих правам солдата. Суды и наказания должны быть общие для солдат всех званий; всякие особые виды уголовных наказаний для военнослужащих и особые меры заключения должны быть отменены.

10. В сознании своих прав солдата-гражданина солдаты революционной армии должны особенно строго и неуклонно исполнять все обязанности как общегражданские, так и специально солдатские, вытекающие из самых основ военной службы (боевой, караульной и т. п.).

11. Все солдаты должны безусловно исполнять решения компетентных войсковых организаций и приказания начальников, кроме явно преступных. О каждом случае неисполнения приказания солдат должен немедленно сообщить в организацию. Кроме того всякое распоряжение по исполнении может быть обжаловано в соответствующие суды и комитеты, причем все ныне существующие ограничения в праве подачи жалоб и заявления претензий подлежат отмене. Неисполняющий законных приказаний начальников и постановлений солдатских организаций подлежит ответственности перед дисциплинарным или уголовным судом.

II. По докладу «об организации армии»

(Докладчики Бинасик и Якубович)

1. Общие положения

1. Как для скорейшего окончания войны демократическим миром, так и вообще для завершения революции нужна единая сила—революционная армия.

2. В условиях демократической революции сильной армией может быть только армия, построенная на последовательно проведенных демократических началах, и в свою очередь демократическая организация армии будет служить условием действительного демократизма во всей остальной жизни страны.

3. Отсюда последовательная и самая решительная демократизация армии является условием и залогом силы армии, а вместе с тем и необходимым условием успеха революции.

4. Жизнь армий может быть рассматриваема с трех сторон:

а) армия по своей основной задаче и самой цели существования—боевая сила, вооруженная часть народа, призванная защищать свободу народа от всех посягательств на нее; с этой, внешней, стороны жизнь армии проявляется в определенных боевых действиях, операциях;

б) как совокупность организованных для боевых целей лиц, армия имеет свою особую со стороны хозяйственной и бытовой внутреннюю жизнь, следовательно свои особо профессионально-военные интересы, и

в) как часть всего народа, армия живет жизнью всего народа, имея общие со всем народом политические, культурные и другие интересы.

5. Демократизация армии должна быть последовательно проведена во всех сторонах жизни армии, применительно к особенностям каждой из них.

2. Об организации армии как боевой силы

(Об организации управления армии)

6. Условием боевой силы армии является организация ее в строевом и боевом отношениях на началах строгого подчинения и порядка (дисциплины).

7. Командующие той или иной боевой единицей (командиры) являются единственно ответственными руководителями части в отношении боевой и строевой подготовки и в ее боевых действиях.

8. Выборы командующих лиц не допускаются, все командиры назначаются правительственной (государственной) властью и являются ее представителями в армии.

9. Демократизация в области организации командного состава и в области боевой деятельности армии выражается в том, что:

а) выборным органам солдатского самоуправления предоставляется право влиять на подбор начальствующих лиц, для чего устанавливается особый порядок аттестации лиц командного состава со стороны органов солдатского самоуправления;

б) выборным органам солдатского самоуправления предоставляется право отвода лиц командного состава из данной части после установления фактов, служащих мотивом отвода, и

в) органы солдатского самоуправления имеют право совещательного голоса по вопросам строевого обучения и боевой подготовки части, не принимая участия в разработке оперативных планов; органы солдатского самоуправления устанавливают связь с командирами и их штабами для взаимного осведомления по вопросам оперативной деятельности и для контроля над выполнением операции после ее окончания.

3. Об органах солдатского самоуправления

10. Внутренняя жизнь армии строится на началах широкого самоуправления.

Сообразно с этим:

11. Органам солдатского самоуправления предоставляется:

а) разрешение вопросов внутреннего быта и распорядка части, участие в

ведении хозяйства части через выборных низших хозяйственных чинов и контроль над ведением всего хозяйства части и

б) право голоса в целях содействия боеспособности армии в вопросах строевого обучения, боевой подготовки и оперативной деятельности на началах, указанных в п. 9б.

12. В разрешении вопросов, предоставленных всецело ведению органов солдатского самоуправления, последние действуют вполне самостоятельно; постановления по этим вопросам не нуждаются в утверждении соответствующих лиц командного состава; последние следят только за законностью этих постановлений и в случае их незаконности опротестовывают в определенный срок путем передачи в высшие солдатские организации; опротестованные постановления исполнением приостанавливаются.

13. Законные постановления органов солдатского самоуправления, отданные в приказах по части, являются обязательными для всей части, и неисполнение таких постановлений, как и всех других приказов по части, влечет соответствующее наказание.

14. В целях закрепления независимости солдатских выборных, последние могут быть перемещаемы из роты в роту или переводимы в другую часть только с их согласия, а при отсутствии такового—с согласия солдатской организации.

15. Органами солдатского самоуправления являются:

а) в действующей армии: комитеты ротные, полковые, дивизионные, корпусные, армейские и фронтовые, общие собрания роты и отдельной части и съезды—дивизионные, корпусные, армейские и фронтовые.

Примечание. Необходимо установление возможно близкой и непосредственной связи армейских организаций с полковыми; промежуточные органы (дивизионные, корпусные и фронтовые) должны быть организованы таким образом, чтобы отвлекать возможно меньше работников от работы на местах.

б) в военных округах: комитеты ротные, полковые, общие собрания рот и отдельной части, солдатские секции советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и их съездов, а также выделяемые последними органы (комиссии при военно-окружных штабах).

Примечание. Члены высших органов солдатского самоуправления могут участвовать в заседаниях низшего органа с совещательным голосом.

16. Высшим органом солдатского самоуправления является солдатская секция Всероссийского съезда Советов Р, С и КД и его Исполнительного комитета.

17. Должны быть введены особые правила, определяющие законность и порядок созыва общих собраний роты, эскадрона, батареи и отдельной части; в многолюдных частях, а также в случае невозможности созыва общего собрания, решение вопросов, входящих в компетенцию общих собраний, принимается всеобщим голосованием (референдумом).

18. Для объединения деятельности ротных комитетов и для содействия полковому комитету в общеполковых делах могут устраиваться общие собрания ротных комитетов.

4. О политической организации армии

19. Высшими выразителями и руководителями воли и политического действия армии, как части демократии, являются советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, их комитеты и съезды (областные, фронтовые и др.) во главе с Всероссийским съездом советов Р, С и КД.

Примечание. В действующей армии роль советов РС и КД играет армейский съезд и армейский комитет; связь с рабочими и крестьянскими организациями устанавливается здесь лишь постольку, поскольку это представляется возможным по местным условиям; армейские комитеты политически и организационно связываются непосредственно с Всероссийским исполнительным комитетом советов РС и КД.

20. Ротные комитеты и другие органы солдатского самоуправления, будучи совершенно самостоятельными в пределах своих полномочий, в отношении политическом должны находиться в тесном единении с советами РС и КД; выражая волю своих частей, ротные и другие комитеты в отношении политических действий должны подчиняться решениям Совета РС и КД, являясь органами последнего на местах.

21. Для более тесной связи советов РС и КД с ротными комитетами и другими органами солдатского самоуправления делегаты советов РС и КД и армейские комитеты должны входить в комитеты своих частей без особого избрания.

22. Существование общегородских солдатских организаций (гарнизонных комитетов) там, где имеются советы РС и КД отдельно от последних крайне нежелательно и опасно для единства и успеха революционно-демократического движения. Обслуживание профессионально-военных нужд данного гарнизона солдат должно быть возложено на солдатскую секцию Совета РС и КД.

23. Собираясь для разрешения специально военных вопросов отдельно, солдатская секция советов РС и КД для данного гарнизона является ближайшим высшим органом солдатского самоуправления и разрешает дела, представляемые полковыми и другими комитетами, а также вопросы, общие для всех или нескольких воинских частей данного гарнизона.

Примечание. По местным условиям, при несовпадении областей с военными округами допустимо создание самостоятельных военно-окружных органов солдатского самоуправления на основе представительства от солдатских секций советов РС и КД данного военного округа.

5. О системе выборов в органы солдатского самоуправления и в советы солдатских депутатов

24. Как общее правило, выборы должны быть построены на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, если возможно пропорциональное представительство. Отступления от указанного принципа могут допускаться лишь в крайнем случае.

III. По докладу о поднятии боеспособности армии

1. О пополнении действующей армии

Обсудив вопрос о положении, создавшемся на фронте вследствие недостаточно успешного прибытия маршевых рот в действующую армию в течение последних месяцев, Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов признает, что в интересах поддержания боеспособности армии на должной высоте, облегчения положения находящихся на фронте и сохранения общих интересов единой революционной армии и тыла:

1. В настоящих исключительных условиях приказ военного министра о посылке на пополнение действующей армии запасных полков в полном их составе является соответствующей потребностям армии мерою и должен быть выполнен без промедления всеми запасными частями, к которым он относится.

Примечание. Запасные части Петрограда и Москвы пополняют действующие полки на общих основаниях.

2. Крайне необходима ускоренная подготовка и посылка маршевых рот из запасных полков.

3. Пополнение техническими частями и средствами ввиду особенного недостатка их в действующей армии должно производиться самым энергичным образом. Задержка технических частей и средств в тылу в настоящих условиях является недопустимой и преступной к фронту.

4. Укомплектование действующей армии офицерским составом должно производиться самым энергичным образом, причем все офицеры, производимые из военных училищ и школ, должны направляться непосредственно в части действующей армии, а запасные полки—комплектоваться офицерами, признанными негодными для несения службы на фронте или нуждающимися в продолжительном отдыхе в условиях мирной обстановки.

5. Необходимо в самом спешном порядке принять меры к пополнению действующей армии конским составом.

6. Должна быть установлена более тесная связь между действующими полками и их запасными частями путем посылки друг к другу делегаций.

7. В составе эшелонов и маршевых рот должны следовать их выборные в войсковые организации, и быть образованы эшелонные и ротные маршевые комитеты.

8. Необходимо сокращение срока обучения в пехотных запасных частях до 6 недель и переработка программы обучения согласно боевому опыту настоящей войны.

9. Сократить до пределов крайней необходимости число нестроевых и кадровых чинов в запасных частях. Произвести проверку штатов и личного состава нестроевых частей и команд смешанными комиссиями в составе представителей местных советов солдатских и рабочих депутатов тех частей, куда данная часть направляет пополнения из штаба округа.

10. Признать необходимым пересмотр в целях сокращения как штатов, так и личного состава всех штабов и управлений комиссиями с участием представителей центральных и армейских воинских организаций.

11. Усилить деятельность и увеличить число комиссий по переосвидетельствованию белобилетников, проверке лиц, работающих на оборону, и офицеров, причисленных к разным категориям.

2. О дезертирах и уклоняющихся

Обсудив вопрос о дезертирстве и уклоняющихся, явлениях, недопустимых в революционной армии в столь трудное и ответственное время, переживаемое русской революцией, съезд с удовлетворением констатирует решительные меры, принятые для борьбы с дезертирством, и призывает все общественные, воинские и крестьянские организации оказать всемерное содействие к прекращению этих позорных явлений.

Съезд считает необходимым воспрещение под угрозой строжайшей ответственности по закону принимать на казенную и частную службу дезертиров или давать им какую-либо работу.

Равным образом являются недопустимыми всякие уклонения от воинской повинности, как скрытые формы дезертирства. Поэтому съезд считает необходимым принятие решительных мер к тому, чтобы в кратчайший срок были привлечены на службу все уклоняющиеся. Для этого при немедленной проверке всех лиц призываемых возрастов, работающих на оборону, служащих в казенных и общественных учреждениях и вообще всех состоящих на особом учете; все случаи взяточничества, превышения власти, попустительства и т. п., которые обнаружатся при проверке, подлежат срочному расследованию для привлечения виновных к законной ответственности. Проверка должна производиться при участии местных советов Р и С депутатов

3. О жандармах и полицейских

1. Полицейские и жандармские чины без различия званий должны быть разжалованы в рядовые и направлены на передовые позиции.

2. На фронт чины полиции и жандармерия отправляются с ближайшими маршевыми ротами. В сопроводительных списках на полицейских и жандармских чинов должны быть отметки об их прежней службе в полиции или жандармерии.

3. Как в запасных частях, так и в действующей армии чины полиции и жандармерии не должны занимать никаких командных и нестроевых должностей до получения боевого отличия.

4. О службе в милиции

Служба в милиции не должна освобождать от воинской повинности и не предоставляет права на состояние на особом учете.

При замещении должностей в милиции преимущество должно быть отдаваемо солдатам, уволенным вовсе от военной службы из числа бывших на фронте.

Никто из бывших полицейских чинов не должен быть оставлен на службе по милиции.

5. О возвращении из армии квалифицированных рабочих-солдат

Квалифицированные рабочие и технические специалисты должны состоять на особом учете в армии и возвращаться из нее распоряжением военного

министерства по нарядам министерства труда, за исключением технических частей и лиц, занимающих должности по специальности.

Учет специалистов в частях войск ведется при участии войсковых комитетов, причем в случае надобности для проверки специальных знаний этих лиц, войсковыми комитетами крупных частей образуются особые комиссии, с приглашением в них сведующих лиц.

IV. По докладу о материальном положении семей воинов

(Докладчик Ровный)

Принимая во внимание экономическую неурядицу в стране и острый недостаток продуктов первой необходимости, съезд считает необходимым стремиться к строгой равномерности распределения этих продуктов между всеми гражданами, какое бы они социальное положение ни занимали.

До проведения же в жизнь вышеозначенного положения Всероссийский съезд считает необходимым в отношении семей военно-служащих проведение в спешном порядке нового положения о солдатском пайке.

1. Стоимость пайка исчисляется по средним рыночным ценам на продукты данной местности, полагая на каждое призреваемое лицо ежемесячно следующее количество продуктов: муки ржаной—1 п. 20 ф., овощей—12 ф., крупы—8 ф., сахару—1 ф., жиров—$3^1/_2$ ф., чаю—$^1/_6$ ф., соли—2 ф.

2. Кроме пайка каждое призреваемое лицо, живущее в наемном помещении, получает квартирных в месяц: в деревне—50 коп., в городе с количеством жителей до 150 тыс.—2 руб.

3. Съезд считает необходимым немедленное изменение законов о казенном пайке в смысле более точного и справедливого определения прав на паек восходящих родственников, братьев и сестер, и признание прав на паек отчимов, мачехи, пасынков, падчериц, приемных родителей и приемных детей, равно чтобы был немедленно опубликован закон о предоставлении права на паек семьям гражданского брака.

4. Все дети до 16 лет должны получить полный паек.

5. Семьи лиц действительной службы получают паек на достаточную материальную обеспеченность.

6. Семья считается обеспеченной, если общий доход членов семьи, разделенный на число этих членов, превышает шестикратную стоимость пайка по данной местности. В расчет принимаются все виды доходов, получаемых членами семьи от имущества их личного труда и прочих источников. При определении дохода от личного труда учитывается $^2/_3$ заработка.

7. Паек выдается также семьям офицеров и классных чинов, при этом квартирные и на наем прислуги отнимаются.

8. Содержание офицеров и классных чинов принимается во внимание при установлении пайка их семьям в половинном размере, как нетрудовой доход.

9. Семьи дезертиров лищаются пайка, присвоенного семьям военнослужащих, и получают право на помощь со стороны органов государства на общих основаниях призрения неимущих.

10. Семьи заведомо сдавшихся в плен добровольно после 1 марта равным образом лишаются пайка и получают право на призрение на общих основаниях.

11. Учреждения, заведующие выдачею пайка, как низшие (городские и волостные), так и высшие (уездные и губернские) должны быть организованы на новых началах с привлечением на участие в них с правом решающего голоса выборных от семейств призываемых, равно и представителей от советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

V. Дополнительные положения, принятые съездом

1. К резолюции о дезертирах принята такая поправка:

«Считаясь с твердо установленным взяточничеством при зачислении в комитеты Марии Павловны, Татьяны Николаевны, Александры Федоровны и пр., съезд считает необходимым лиц, произведенным расследованием уличенных в лихоདательстве, лишать права поступления в военные училища всякого наименования, предоставляя им право загладить вину перед народом прохождением почетного, но тяжкого боевого солдатского искуса».

2. К резолюции о полицейских добавлено:

«Офицерские и жандармские чины должны быть лишены офицерского звания и разжалованы в рядовые; особые отметки должны делаться в документах лиц, служивших в охранном отделении».

3. По вопросу о возвращении из отпусков 40-летних:

«Принимая во внимание, что приказ военного министра о возвращении 40—43-летних по своим частям вызывается соображениями защиты родины от врага и основан на принятии во внимание всей военной обстановки и состояния боевой способности нашей армии, Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов считает, что приказ военного министра подлежит немедленному и точному выполнению».

Приложение 51

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ

Принимая во внимание, что вопрос о великом земельном переустройстве в России вышел из стадии предварительного чисто теоретического дебатирования и вступил в стадию непосредственной реализации необходимой для этого конкретной разработки;

что не только окончательное разрешение вопроса в Учредительном собрании, но и все подготовительные работы в местных земельных комитетах неизбежно попадают в руки самого трудового земледельческого населения,

что воля этого трудового населения не двусмысленно выражена местными советами крестьянских депутатов и Всероссийским съездом этих советов;

что предстоящее решение земельного вопроса настоятельно требует возможно большего единения всей рабочей демократии города и деревни, фронта и тыла;

Всероссийский съезд советов Р и С депутатов высказывается за радикальную ломку всего старого аграрного строя и проведение в жизнь, объединенными силами всех рабочих и социалистических организаций страны нового аграрного кодекса, в основу которого должны быть положены следующие начала:

1. Земля с ее недрами, водами и лесами должна быть изъята из товарного обращения.

2. Верховное право распоряжения ею должно принадлежать всему народу, заведывающему ею через демократические органы своего самоуправления, начиная от волостных земств и кончая центральной народной властью

3. Пользование землею должно быть обеспечено за трудовым земледельческим населением при условиях, гарантирующих рост производительных сил и развитие кооперативного и общественного хозяйства.

4. Права пользователей, как индивидуальных, так и коллективных, должны быть гарантированы специальными юридическими нормами и на началах общегражданского равенства.

5. Местные нормы, сроки и условия пользования вырабатываются и периодически пересматриваются ближайшими к народу органами самоуправления под контролем высших. Передача участков одними пользователями другим, равно как и порядок вознаграждения за неиспользованные улучшения и т. п. регулируются специальными выборными органами.

6. Характер переходных мер, необходимых в местностях с наиболее запутанными поземельными отношениями, равно как сроки действия этих переходных мер определяются специальными законоположениями, предварительно разработанными на местах.

Резолюция о волостных земельных комитетах

1. Задачей волостных земельных комитетов является подготовка на местах земельной реформы, сохранение, заведывание и охрана всего земельного фонда, находящегося в пределах надлежащих волостей, для передачи его в пользу трудового народа Учредительным собранием.

Кроме того земельные волостные комитеты выполняют другую, не менее важную, функцию—организацию крестьянства в деле земельных отношений для закрепления завоеваний революции в деревне.

2. Для осуществления указанных задач, а также в целях борьбы с контрреволюцией, выражающейся между тем в объединении земельных собственников, необходимо немедленное проведение в жизнь нижеследующих мероприятий.

3. Волостные земельные комитеты должны учреждаться обязательно в каждой волости. ВЗК учреждается как самостоятельный орган, избранный на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, повсюду, где не проведено еще в жизнь положение о мелкой земской единице.

В тех волостях, где уже успели организоваться и начать правильно функционировать волостные земства, ВЗК учреждается как орган волостного земства, избираемый волостным земским собранием на основах, указанных в положении о волостном земстве.

4. Число членов ВЗК определяется самим населением там, где нет еще волостных земств.

Там, где функционируют уже волостные земства, местному населению предоставляется право по его желанию приглашать в земельные волостные комитеты кроме лиц, указанных в законе, еще и представителей отдельных сел и деревень в количестве, определяемом самим населением.

5. Все расходы по учреждению, а также ведение дел волостных земельных комитетов относятся на счет государства.

6. При земельных комитетах учреждаются примирительные камеры для решения всех спорных вопросов, которые переходят в камеры либо по соглашению сторон, либо по постановлению комитета.

7. На обязанности ВЗК лежит скорейшая и окончательная ликвидация всех пережитков крепостного строя, сохранившихся в деревне, полное уничтожение всех кабальных отношений, как-то: испольщины, отработочной системы, натуральной аренды и т. п.

8. Для подготовки земельной реформы и для рационального заведывания всем земельным фондом волости ВЗК должен собрать все документальные данные о количестве всей земли, находящейся в пределах волости: казенной, кабинетской, церковной, частновладельческой, крестьянской, общинной, хуторской и т. п., а также о подразделении ее на угодья, луга, леса, выгоны, пашни и т. д.

9. ВЗК должен учесть лесную площадь в пределах своей волости и при содействии ближайшего казенного лесничего составить лесорубочный план.

ВЗК должен позаботиться прежде всего об удовлетворении общегосударственных нужд в топливе и лесном материале. С этой целью ВЗК должен получать непосредственно от особого совещания по топливу, либо через посредство губернского или уездного комитета наряды на необходимый лесной материал для военных целей, для железных дорог, фабрик, заводов, городов и т. п.

ВЗК обязан принять все меры для выполнения данных заказов в указанный срок, доставки их в назначенные пункты, для чего имеет право назначать отдельным селам и деревням обязательные наряды на рубку, подвозку и т. д. лесного материала, идущего на удовлетворение государственных и общественных нужд.

10. ВЗК совместно с представителями ближайших казенных лесничеств и лесных бирж устанавливает цены на различные сорта леса (дровяной, строевой, поделочный и т. п.), определяет стоимость подвоза до сбыточных пунктов, цены на заготовку леса и т. п.

11. Плата за лес (частных владельцев) поступает в ВЗК и передается в общегосударственный фонд. Из этой платы покрываются текущие налоговые и залоговые платежи подлежащих владельцев, а также все расходы, сопряженные с эксплоатацией и охраной подлежащих лесов.

12. ВЗК принимает меры к надлежащей охране находящихся в его ведении лесов.

13. ВЗК принимает подобные меры к охране вод в пределах своей волости. ВЗК определяет право отдельных сел и лиц на ловлю рыбы.

14. Арендная плата на ловлю рыбы в естественных водных бассейнах частных владельцев поступает в общегосударственный фонд на тех же началах, что и на частновладельческие леса.

15. ВЗК определяет размеры пастбищ (лесных, волостных и т. п.), необходимых для прокорма скота данной волости; отводит определенные ме-

ста отдельным селам и деревням; определяет размеры и способы вознаграждения за пастьбу.

16. ВЗК выясняет количество и качество лугов в пределах волости при участии представителей заинтересованных сел и деревень; распределяет луга между отдельными хозяевами; отводит луга отдельным селам, назначает цену на десятину покошенного луга; определяет цены на высушенное сено. Ввиду введения государственной монополии на сено, получает по соглашению с уездными и губернскими комитетами наряды на определенное количество сена, которое и распределяет по определенным нормам между деревнями и отдельными хозяевами; следит за аккуратным и добросовестным выполнением данных нарядов в указанный срок.

17. ВЗК определяет площадь пахотной земли, подлежащей обязательной обработке; отводит селам и деревням определенные пахотные участки. Следит за своевременной и правильной их обработкой и обсеменением при участии представителей заинтересованных сел; следит за правильным распределением отведенных участков между отдельными хозяевами.

18. ВЗК устанавливает арендные цены, порядок внесения арендных денег за отведенные участки пашни, луга и выгоны.

19. При несогласии заинтересованных лиц на определение ВЗК арендной цены, порядок внесения арендных денег, а также на размеры и места отведенных участков ВЗК передает спорные вопросы на рассмотрение примирительной камеры, решение которой обязательно для обеих сторон.

20. ВЗК подготовляет будущую реформу на местах; определяет размеры трудовой и продовольственной нормы; устанавливает избыток или недостаток земельного фонда для удовлетворения нужд местного населения; определяет категории хозяйств, нужда которых в земле удовлетворяется в первую очередь, порядок землепользования для малоземельных, безземельных, приписных и т. п.

21. ВЗК принимает меры к сохранению культурных хозяйств; по соглашению с уездными и губернскими земельными комитетами определяет необходимые размеры земельной площади, которая должна быть оставлена за подобными хозяйствами; устанавливает системы и способы ведения подобных хозяйств, которые диктуются государственной и общественной необходимостью (рассадники племенных животных, конские заводы, молочные фермы, свекла, сахарные плантации, хмельники и т. п.).

22. ВЗК определяет цены на рабочие руки, поденные и сдельные, пешему и конному рабочему и т. д.; следит за выполнением условий найма.

23. Волостные земельные комитеты определяют количество рабочих рук, необходимое для обработки и уборки земельных угодий в пределах волости; в случае недостатка местных рабочих сил, выписывает дальних рабочих, солдат, военнопленных и т. п., распределяет их по селам, волостям и т. д.

24. Деятельность волостного и земельного комитета должна быть согласована с деятельностью уездных и губернских комитетов. Все недоразумения, возникающие между отдельными волостями, а также волостными и земельными комитетами разрешаются уездными земельными комитетами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ, ВОШЕДШИЕ В ТЕКСТ

Стр.

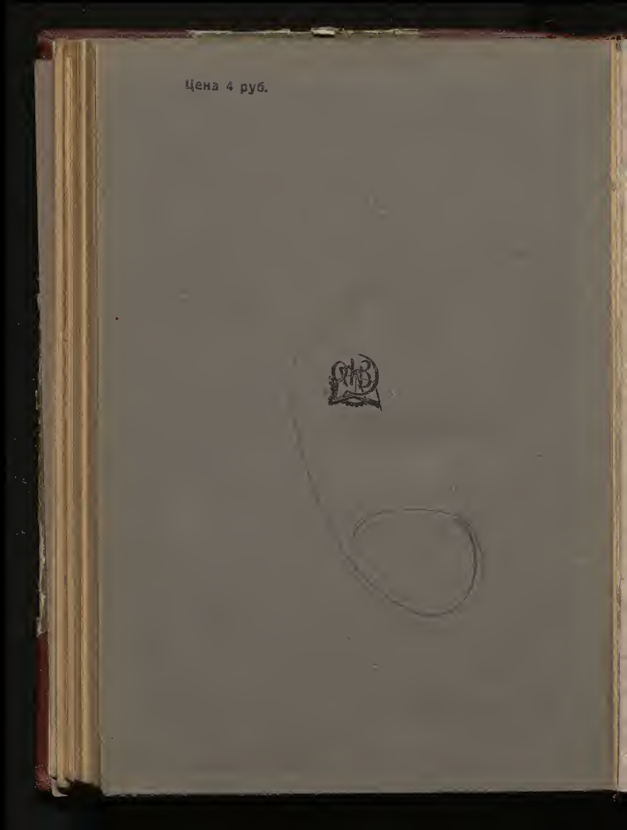
Стр.

Стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы и материалы, не вошедшие в текст.

Стр.



Цена 4 руб.